Н. Г. Брагина

ПАМЯТЬ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

STUDIA PHILOLOGICA

STUDIA PHILOLOGICA

Н. Г. Брагина

ПАМЯТЬ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2007

ББК 81.2Рус-3
Б 87

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 05-04-16015

Брагина Н. Г.

Б 87 Память в языке и культуре. — М.: Языки славянских культур, 2007. — 520 с. — (Studia philologica). *(Вклейки после с. 128, 256.)*

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0170-5

Книга посвящена концепту *память* – одному из ключевых в языке и культуре. *Память* исследуется в ее соотнесенности с философским, мифологическим, религиозным, литературным, социокультурным и политическим типами дискурса. Анализируются отношения концептуального согласования *памяти* и *времени, пространства, любви, жизни, смерти, бессмертия, славы, детства, старости, ума, рассудка, разума, воображения* и т. д. Рассматриваются социальные роли, формирующие коллективную память: *гений, герой, тиран, вождь, красавица* и др. Материалом исследования служат фразеологизмы, устойчивые метафорические словосочетания и клишированные фразы. Употребление слов-концептов иллюстрируют фрагменты из произведений русской литературы XIX—XX вв. и примеры из современной публицистики.

Книга адресована широкому кругу лингвистов, семиотиков, литературоведов, философов, социологов и психологов, а также читателям, интересующимся общегуманитарными проблемами.

ББК 81.2Рус-3

В оформлении переплета использован фрагмент картины А. Григорьева «Помятая во времени» (1999)

ISBN 5-9551-0170-5

© Н. Г. Брагина, 2007
© Языки славянских культур, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 13
Память: исторический экскурс • Память в языке

Часть I. Память

Глава первая. Интерпретации концепта «Память»

§ 1. Лингвистические и лексикографические описания 27
Объем лексикографической информации • Метаязык • Лингвистические описания

§ 2. Фразеологический текст «Память» 37
Культурные концепты: нарративное ожидание. Фразеологический текст «Память» • Художественные vs. Фразеологические тексты. Отношения: индивидуальное — коллективное; литературные герои — общее место • Художественные и фразеологические тексты как объект интерпретаций

Глава вторая. Память как субъект внутреннего мира человека (телесные, интеллектуальные, психические характеристики)

§ 1. Археология образов: языковые образы памяти 47
Искусная память • Естественная память

§ 2. Телесность памяти 55
Память — телесный орган • Здоровье, болезнь памяти; память и возраст • Память и другие органы • *Частичная потеря памяти* • *Здравый ум и твердая память*

§ 3. Память — Ум, Рассудок, Разум. Отношения конъюнкции и дизъюнкции 65
Отношение конъюнкции • Отношение дизъюнкции

§ 4. Память и понимание 69
Память и понимание: лексикографические, философские и когнитивные описания • Память и понимание: языковые манифестации; художественные тексты

§ 5. Аксиология памяти. Хорошая и плохая память 73
Хорошая память • Память и интеллектуальные способности • Спецификация памяти. *Память на...* • Плохая память • *Дырявая память* • *Девичья память* • *Куриная память* • *Беспамятлив, что кукушка* • *Стареющая память* • *Забывчивый профессор*

§ 6. Функционирование памяти 82
Память и профессиональные навыки • Сила памяти. Сверхпамять как зрелище • *На память; по памяти* • Память и повседневность (бытовая память) • *Записки на память, памятные записки, памятки* • *По старой памяти*

§ 7. «Коммуникативные» свойства памяти 90
Память как собеседник: диалог с «другим я», олицетворяющим прошлое

Глава третья. Перцептивные свойства памяти. Память и пространство

§ 1. Внешнее и внутреннее пространство. Соотношение 95
Внешнее пространство. Общая характеристика • Пространственные метафоры: внутренний мир, зрительное восприятие и границы языка • Внутреннее пространство. Общая характеристика • Внешнее и внутреннее пространство: формы взаимодействия

§ 2. Пространственные метафоры памяти: словосочетания, метанарративы, литературный текст 111
Пространственная метафора в словосочетаниях • Пространственная метафора в метанарративах • Пространственная метафора в художественном тексте. Память топографическая карта прошлого

§ 3. Среда памяти: способы формирования 117
Человек/вещи/память формиру(ет)ют среду памяти • Желание и травма — факторы, влияющие на формирование среды памяти

§ 4. Память и зрение 121
Память и зрение как источники достоверной информации • Механизмы запоминания и отождествления

§ 5. Живописное пространство памяти 126
Общая характеристика • Образы прошлого в памяти. Основные свойства • Хронологическая перспектива •

Психологическая перспектива • Хронологическая vs. психологическая перспективы в памяти — прямая vs. обратная перспективы в произведениях искусства • Деятельность памяти: ближний и дальний план. Авторские примеры • Светлое/темное в пространстве памяти

§ 6. Семиотическое пространство памяти 146

Аналогии: воспоминания — фотографии, кинокадры • Образы памяти: контаминация непосредственного впечатления и последующей интерпретации • Социокультурные коннотации личных воспоминаний • Смысловая неоднородность пространства памяти

§ 7. Звуковые, вкусовые и тактильные образы в памяти 154

Память и перцептивное восприятие мира • Звуковые образы в памяти • Запах. Пробуждение памяти • Вкусовые образы в памяти • Тактильные образы в памяти

Глава четвертая. Функции памяти. Память и время

§ 1. Селективная функция памяти 159

Пунктирная линия прошлого в памяти • Пробелы и провалы в памяти • Забывание — припоминание/запоминание как метафора социальных стратегий

§ 2. Выделенные общие места в памяти 166

Типология общих мест • Структура *истории жизни*

§ 3. Границы личной памяти. Воспоминания детства / о детстве; память детства 168

За пределами памяти • Воспоминания детства/о детстве; память детства

§ 4. Память и любовь. «Образ незабвенный» 176

Области концептуального согласования *памяти, любви и верности* • Последняя встреча. Прощание перед разлукой • Персонифицированные образы памяти-любви

§ 5. Интерпретативная функция памяти. Память и воображение 183

Память и воображение. общее и отличное • Интерпретативная функция памяти Образы прошлого • Память и воображение: философский, семиотический и другие типы дискурса • Память и воображение — воспоминание и предвидение — прошлое настоящее и будущее • Персонифицированные образы прошлого и

будущего: старик и ребенок • Память и воображение в их отношении к творчеству

§ 6. Реверсивная функция памяти: возвращение в прошлое . 202
Интеллектуальное и эмоциональное возвращение в прошлое • *В памяти воскресло, ожило* • Память и фотография: воскрешение прошлого

§ 7. Образы трансцендентного 209
Жизнь — время, память — эон • Жизнь — Память — Век — Вечность vs. Смерть — Забвение • След как свидетельство существования и как знак памяти • Жизнь vs. Смерть. Память vs. Забвение. Ритуальные формы сохранения / уничтожения следа • Образ бессмертия и общественная память • Проект сохранения памяти о себе

Глава пятая. Память и социум. Механизмы социокультурной памяти

§ 1. Память и история, традиция, политическое воображение. Общий обзор 227
Отношение памяти и истории • Коллективная память и ее разновидности. Отношение памяти и традиции • Национальная память и политический символизм • Коммеморативные места и культурная память • Политическое воображение и культурная память

§ 2. Образы коллективной памяти 237
Коллективное прошлое: *преданья старины*. Свидетельства: *на моей памяти*. • Семейная память, семейные истории • *Народная память*

§ 3. Фигуры воспоминания: мнемонические образы, места, события, тексты 242
Мнемонические (знаковые) образы • Мнемонические (знаковые) события • Мнемонические (знаковые) места • Мнемонические (знаковые) тексты

§ 4. Механизмы включения личной памяти в коллективную и в общественную память 246
Посвящения • Мемуары

§ 5. Механизмы воспоминания: вещь ⇒ образ 248
Памятная вещь, реликвия • Символическая роль памятных вещей • Механизмы воспоминания

Глава шестая. Социальные стратегии памяти. Память и этические прескрипции

§ 1. Включение в память как увековечивание и исключение из памяти как репрессия. Награда запоминанием и наказание забвением... 257

Идеология величия и практика увековечивания • Формы целенаправленного забвения: вычеркивание из памяти • Элиминирование *памятной вещи* или *объекта коммеморации*

§ 2. Включение в память как репрессия и исключение из памяти как прощение. Наказание запоминанием и награда забвением 267

Запоминание как наказание • Забвение как прощение

§ 3. Память и этические прескрипции. Память и травма 269

Память и совесть. Память о зле, причиненном тобой • Злая память. Память о зле, причиненном тебе • Деструктивные стратегии как способ сохранить память о себе

§ 4. Включение в память как предостережение 272

Запоминание как предостережение • Историческая память и беспамятство. Социокультурные коннотации • Историческая память и социокультурные практики

Часть II. Мифологический след в языке

Глава первая. Хаос 279

Общие замечания • Словарные дефиниции *хаоса* • Языковые образы бесформенности и безликости • Хаос vs. Космос • Языковые образы бесконечности: пред- и постпорядок • Языковые образы пустоты: овеществленная пустота • Образ хаоса как животворного начала • Языковые образы безвластия: анархия — мать порядка

Глава вторая. Чувства 293

Метафора и миф. Что обусловливает образ? • «Власть чувств» • Мотив перемещения чувств во внутреннем пространстве: проникновение в душу, в сердце • Пространство в мифологии • Мотив борьбы человека с чувством • Мотив демона, дракона в мифологии • Мотив смерти • Мотив животного, зверя

Глава третья. Красота 307

Образ красоты: метафорическое представление о космосе, жизни, свете • Олицетворение эстетической оценки. Образы

красавиц • Красота (красавица) — сила и власть • Воля к красоте • Красавица: комплиментарный апеллятив и социальная функция

Часть III. Язык и культурные конвенции

Глава первая. Культурная коннотация и дискурсивные практики

§ 1. Культурный компонент в языке. Общая характеристика 325

Культурный компонент в языке: особенности описания • Устойчивость и общественная культурно-языковая память • Единицы описания • Культурная коннотация • Культурно-языковая идентичность говорящего

§ 2. Язык <=> Культура. Порядок смены коннотаций 336

Метафора зеркала vs. метафора диалога • Циклический порядок смены культурных коннотаций: ценностный, профанный, иронический, исторический периоды • Архаический период (мифологический дискурс) • Религиозный дискурс • Литературный дискурс • Идеологический дискурс

§ 3. Словосочетание *русский язык*: ценностные коннотации 345

Русский язык как ценность. Формирование коннотативного фона • Коннотативный фон церковнославянского языка • Коннотативный фон концепта *русский литературный язык* (XVIII XIX вв) • Коннотативный фон концепта *русский литературный язык* в Советском Союзе

Глава вторая. Социокультурные модели в языке

§ 1. Клише, общее место, китч, стереотип 353

Стереотип • Клише • Общее место • Китч

§ 2. Первичные и вторичные стереотипы дискурса 362

Первичные стереотипы. Имена лиц • *Первичные стереотипы Имена, обозначающие чувства* • *Вторичные (рефлексивные) стереотипы Имена лиц*

§ 3. Имена лиц в общественной культурно-языковой памяти: русско-английские соответствия 368

Понятие эпонима • Деривационные связи • Синтагматические связи • Парадигматические связи • Грамматический фактор • Кросскультурные соответствия

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Наполеон: словарная статья русско-английского контрастивного словаря эпонимов 375

Приложение 2. Скука / Печаль: словарные статьи для словаря «Устойчивые словосочетания: культурные конструкты русского языка» 381

Приложение 3. Душа / Сердце: словарные статьи фразеологического словаря 389

Литературные источники 430

Библиография 433

Именной указатель 453

Указатель лексемных единиц 464

Предметный указатель 502

Предисловие

Память: исторический экскурс

Являясь одним из центральных конструктов в языке и культуре, *память* привлекает внимание ученых разных областей знания. П. Нора, исследователь *исторической памяти*, полагает, что в основе современного интереса к памяти лежит переживаемое чувство ускоряющегося хода времени. Ян Ассман, обсуждая понятие *культурной памяти*, выделяет три фактора: а) появление искусственной памяти, т. е. новых электронных средств внешнего хранения информации, что, по его мнению, означает вступление в эпоху культурной революции; б) связанный с переходом этого рубежа взгляд на собственную культуру как на посткультуру, которая продолжает жить как предмет воспоминания и комментирующей обработки; в) поколение очевидцев тяжелых катастроф и преступлений уходит из жизни, соответственно живое коллективное воспоминание оказывается под угрозой исчезновения, соответственно формы культурной памяти о прошлом становятся насущной проблемой [Ассман 2004, с. 11].

Традиция осмысления памяти (индивидуальной, а позже — исторической, коллективной, культурной) существует несколько тысячелетий. Укажу некоторые формы интерпретации памяти, сменявшие друг друга или существовавшие параллельно в процессе культурно-исторического развития социума.

Уже в античности был сформирован некоторый набор представлений о памяти. Память у древних греков обозначалась словами: *мнэме*, *анамнесис* и *мнемосюне* (*Мнемозина*)[1]. *Мнэме* связана с чувственным восприятием, из которого, согласно Аристотелю, возникает способность памяти. Она представляет собой физиологически заданную способность любого организма хранить вошедшую в него информа-

[1] Подробнее см.: [Кнабе 2004, с. 4—6].

цию. *Анамнесис* — это воспоминание, в котором хранится воспринятая информация, постоянно при этом дополняющаяся и обогащающаяся личным опытом. Платон понимал *анамнесис* как основное значение памяти и связывал его с душой: «Когда душа, утратив память об ощущении или о знании, снова вызовет ее в самой себе, то все это называется воспоминанием» [Платон 1971, т. 1, с. 41]. *Мнемозина* — титанида, принадлежащая первому поколению богов, рожденных *Ураном* и *Геей*, и входящая в пантеон древнейших богов. Она — одна из сестер *Кроноса*, благодаря народной этимологии сближенного с обозначающим *время Хроносом*. В римской мифологии *Кронос* был известен под именем *Сатурна* и воспринимался как символ *неумолимого времени* [Лосев 1990, с. 294—295]. Показательно, что концептуальное согласование *памяти* и *времени*, *памяти* и *прошлого* является одним из центральных в современном языке *Мнемозина* мать девяти муз. Внутренняя форма слова *музы* проявляет семантическую близость *памяти* и *рассудка*, *разума*: *музы*, *мусы* — 'мыслящие'. Античные философы, однако, сближали *память* с *душой*. Аристотель рассматривал *память* как одно из проявлений душевной деятельности у животных[2].

Первую из рожденных *Мнемозиной* муз Гесиод называет *Клио* — муза, 'дарующая славу, прославляющая'. Впоследствии, в эллинистическую эпоху, *Клио* стала восприниматься как муза *истории*. Концептуальное согласование *памяти*, *славы* и *истории*, таким образом, корнями уходит в древнегреческую мифологию.

В античности также возникло искусство запоминания (ars memorativa) — мнемотехника (мнемоника). В сочинении «Об ораторе» Цицерон рассказывает о том, как поэт Симонид Кеосский изобрел *искусную память*. Порядок запоминания нужной информации обеспечивался с помощью «правила мест» и «правила образов»[3].

Приемы мнемотехники существовали, однако, задолго до появления ars memorativa. Они отчасти сформировали поэтику архаического и традиционного фольклора, а также архаической литературы. Архаическую поэтику[4] характеризует формульность и афористичность, по-

---

[2] Трактат *О памяти и припоминании* относится к числу малых естественно-научных произведений Аристотеля *Carna naturalia* Эта группа сочинений методически и тематически примыкает к трактату *О душе* В один ряд, помимо памяти, попадают также *ощущение*, *вождение*, *удовольствие*, *страдание*, *сон*, *бодрствование* и другие [Аристотель 2004; Месяц 2004]

[3] Искусству памяти посвящена большая работа Ф. Йейтс [Йейтс 1997].

[4] См.: [Гринцер 1994, с. 5 15].

зволяющие сохранять и дословно передавать из поколения в поколение племенное предание, племенной договор и др.

В Средние века возникают новые интерпретации *искусной памяти*. Фома Аквинский, Альберт Великий рассматривают ее как этическую категорию, как часть благоразумия. Ранее влиятельнейший из латинских отцов церкви, Блаженный Августин, определял *память* как одну из трех способностей души, полагая, что Память, Воля и Рассудок являются образом Троицы в человеке. Дж. Камилло, Дж. Бруно приписывали памяти магическую функцию.

Благодаря появлению печатного станка и распространению книгопечатания в XVII веке входит в обиход новая форма хранения и передачи информации. Печатный текст начинает успешно конкурировать с мнемотехническими приемами, благодаря которым была создана модель *искусной памяти*. Влияние печатной культуры становится повсеместным к XVIII веку, происходит «текстуализация культуры» [Ong 1982]. В. Онг, подробно исследовавший устную и письменную традицию, замечает, что здравый смысл, когда-то толкуемый как мудрость неписаной традиции, приобрел форму общепринятого знания, хранящегося в книгах. Знание стало индексироваться в алфавитной последовательности, заменившей мнемонические локусы, к которым когда-то риторы подбирали ключи.

С другой стороны, печатный текст облегчал доступ к знаниям. Коллективная память устной традиции уступила место интроспективной личной памяти, формировавшейся в письменной культуре. Поиск идентичности своего «Я» как уникальной личности стал важнейшей темой с конца XVIII столетия[5].

В конце XIX века появляется ряд научных концепций, связанных с исследованием индивидуальной памяти, что дало возможность, как отмечает Я. Хэкинг, публично обсуждать темы, которые раньше были вне научной компетенции. Он называет это «наукой о душе» (the science of the soul[6]), или «наукой о памяти» [Hacking 1996, с. 79]. К разным

---

[5] Подробнее см.: [Хаттон 2003].

[6] Говоря о душе, он имеет в виду определенный набор составляющих, который предполагает: личностное начало человека, его способность делать обдуманный (на основе размышления) выбор, понимание самого себя, такие ценности как честность в отношении других и самого себя, а также разные виды свободы и ответственности Вслед за Фуко, использовавшим термины: *анатомо-политика* (anatomo-politics) в отношении человеческого тела и *био-политика* (bio-politics) в отношении населения, Хэкинг вводит термин *меморо-политика* (memoro-politics) применяемая в отношении души человека. [Hacking 1996, с 72].

областям науки о памяти он относит: исследования в области *неврологии*, рассматривавшей локализацию разных типов памяти [Broca 1861]; *психодинамику* памяти, основы которой сформулировал З. Фрейд, и эксперементальные *исследования воспоминания* (*recall*), начатые в лаборатории Х. Эббингхауса [Ebbinghause 1885; Ribot 1881].

Новые науки оказались востребованными в XX веке и получили активное развитие во время и непосредственно после войн (Первой и Второй мировой войны — в Европе, войны во Вьетнаме — в Америке). Был накоплен опыт лечения забыванием (солдат, имевших травматические воспоминания)[7] и лечения по восстановлению памяти (солдат, переживших контузию).

В XX веке появились фотография, кино, звукозапись, открывшие возможности визуального и акустического хранения фрагментов прошлого. Революция в биологии, развитие компьютерных технологий создали новые формы коммуникации и хранения информации[8]. Появились термины: *компьютерная память*, *генетическая память*, *ген памяти*. Память становится объектом анализа историков, философов, социологов. Французский социолог М. Хальбвакс, последователь Э. Дюркгейма, показал, что память — это не только психофизиологическая, но и социальная функция. Он ввел понятие *коллективной памяти*, которое не сразу было оценено. Возражения его критиков по сути дела носили лингвистический характер. Его оппоненты считали неоправданным расширением рассматривать *память* применительно к социуму. Обсуждалась, таким образом, правомерность метафорического расширения памяти: *индивидуальная память* → *коллективная память*. М. Хальбвакс, однако, не считал *коллективную память* метафорой (подробнее см.: [Ассман 2004]).

Понятие *коллективная память* входит, тем не менее, в обиход гуманитарных дисциплин. После социальных трагедий: Первой и Второй мировых войн, Холокоста, сталинских репрессий, — у *коллективной памяти*, помимо социальных и религиозных, возникают этические коннотации. *Коллективная память* действует как предостережение по-

[7] Было замечено, что те, кто не мог забыть пережитое, спивались и быстро умирали. Они нуждались в лечении, направленном на забывание. Важнейшей задачей в сложившейся ситуации становилась не политика памяти, но политика забывания.

[8] В. Онг [Ong 1982] группирует способы коммуникаций как стадии одной и той же долгое время действующей модели исторического развития: от устной культуры к рукописной, затем к печатной культуре, и, наконец, к медиократической.

томкам. Она концептуально согласуется с коллективным разумом и волей. *Коллективная память* включает в себя воспоминания о жертвах массовых трагедий и о событиях, которые больше никогда не должны повториться в истории и о которых человечество не имеет право забывать, ср.: надпись *никто не забыт, ничто не забыто* на Могиле Неизвестного Солдата; название немецкого фонда «*Память. Ответственность. Будущее*», выплачивающего компенсации бывшим узникам нацистских концлагерей; название правозащитного и благотворительного общества «*Мемориал*», занимающегося увековечиванием памяти жертв репрессий.

В настоящее время *память* как термин или составная часть термина включена в разные исследовательские области. Ее используют социологи, культурные антропологи, историки, семиотики, философы, литературоведы, политологи, биологи, пользователи компьютеров... Расширяется ее сочетаемость: *память социума, коммуникативная память, культурная память, помнящая культура, память слова, память языка, историческая память; память как социальный институт, институциональная функция памяти* и т. д. В одной из коллективных монографий, например, есть такие разделы: *Памятная травма, переделка себя; Медикализация памяти; Культура как мемориальная практика* [Antze, Lambek 1996]. В работе «История как искусство памяти» П. Хаттон отмечает, что эта тема — квинтэссенция междисциплинарных интересов: «Это была тема для всех, однако ни у кого не было на эту тему преимущественного права» [Хаттон 2003, с. 9].

Память осмысляется преимущественно посредством метафор и сравнений, конструируемых не на основе непосредственного чувственного опыта, но как результат устойчивой коллективной рефлексии. Стереотипные представления о памяти закреплены в социуме. Это является ее отличительным свойством, и это отмечает большинство исследователей *памяти*. Л. Кирмаер называет такие стереотипные представления *метапамятью. Метапамять* состоит из набора имплицитных моделей, оказывающих влияние на характер воспоминания и восприятие его как истинного [Kirmayer 1996, p. 175—177]. Л. Кирмаер перечисляет наиболее типичные метафорические «культурные модели памяти». К ним он относит следующие:

- *Воспоминания — это фотографии*, с помощью которых регистрируется опыт прошлого. Они сохраняются неизменными в течение человеческой жизни и, когда мы к ним обращаемся, воспроизводят прошлое. Похожее действие мы совершаем, открывая фотоальбом. Если какое-либо воспоминание трудно отыскать, то это значит, что мы ищем не в том месте. Как и фотографии, воспо-

минания могут блекнуть, что накладывает ограничения на их яркость и подробность.

- *Воспоминания — это дорога в ямах и рытвинах*, которая плохо поддается ремонту.
- *Воспоминания — это отпечатки времени* (time-stamped). Они образуют последовательность, благодаря которой рассказ о прошлом «вставляется» во временную рамку. Эту точку зрения Л. Кирмаер называет «наивной», поскольку проводимые с памятью исследования показывают, что не воспоминания задают структуру времени, но структура рассказа (нарратива) обусловливает временную структуру памяти.
- *Воспоминания слабо связаны со своим источником.* Эта связь может утрачиваться: мы с легкостью забываем, откуда или как мы узнали что-либо (амнезия источника — source amnesia).

Группируя образы в соответствии с нашими знаниями и верой, мы способны представить вымышленные события как реальные. Иными словами, в наших рассказах о прошлом плоды воображения могут замещать воспоминания о реальных событиях.

Доминирующим культурным прототипом памяти, по мнению Л. Кирмаера, является ее декларативность: мы в состоянии описать то, что мы знаем семантическая память (semantic memory) и то, что мы испытали — эпизодическая память (episodic memory). При этом мы моделируем сознание как репрезентацию. Недекларативная, имплицитная память проявляется в жестах, в интонации, в позах (иногда неосознаваемых) — процедурная память (procedural memory). В отличие от декларативной памяти она может быть показана, но не описана прямо [Ibid., p 176—177].

Оперируя понятием *культурная память*, историки культуры акцентируют внимание на том, что благодаря *памяти* жизнь человека приобретает двухмерность и двувременность, сохраняющиеся на всех стадиях культурной эволюции [Ассман 2004, с. 89 90]. Память рассматривается как культурологический концепт, как категория культуры, отвечающая за порождение и поддержание несовременности [Там же, с. 24]. Конструирование *несовременности* и возможность жить сразу в двух временных пластах они относят к универсальным функциям культурной памяти или культуры как памяти.

Философы также рассматривают *память* как условие существования человеческого времени: «Ощущение же времени немыслимо без деятельности памяти», — писал Ф. Гоббс [цит. по: Э. Кассирер, 2002, т. 3, с. 142]. Эта тема средствами художественных образов получает выражение в литературе, ср.:

Притупленное воображение силилось создать какие-то образы, помертвелая память пробовала прорваться в область прошлого, но образы выходили разорванные, бессмысленные, а прошлое не откликалось ни единым воспоминанием, ни горьким, ни светлым, словно между ним и настоящей минутой раз навсегда встала плотная стена. Перед ним было только настоящее в форме наглухо запертой тюрьмы, в которой бесследно потонула и идея пространства, и идея времени (*М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы*).

В данном отрывке описано ощущение человека, чья память не в состоянии проникнуть в прошлое, вызвать воспоминания. В результате у него теряется чувство времени и пространства.

Работы, посвященные анализу памяти в поэтике Ф. И. Тютчева, Ф. М. Достоевского, А. П. Платонова, О. Э. Мандельштама (список можно продолжать), показывают ее значимость для художественного творчества большинства поэтов и писателей. Память без преувеличения можно назвать ключевым конструктом в творчестве крупнейших писателей XX века, таких как М. Пруст, Дж. Джойс, В. Набоков.

Подводя итоги, можно отметить, что концепции памяти множатся, сменяя одна другую, существуя параллельно одна другой. Память как объект осмысления сохраняет при этом свою актуальность в течение нескольких тысячелетий. Механизмы воспроизводства фрагментов прошлого, равно как и механизмы забывания (стирания следа), являются основополагающими в культурно-историческом развитии человечества. Культура и цивилизация работают над совершенствованием форм перцептивного самовоспроизводства, что, в свою очередь, расширяет сферу интерпретаций памяти.

Память в языке

Краткий экскурс в историю показывает, что память детально рассматривалась разными исследователями: философами, теологами, социологами, культурологами, историками, психологами.

На фоне впечатляющего множества работ, посвященных памяти, скромное место занимает анализ собственно языковой *памяти*, ее семантики и способов концептуализации, хотя обсуждение памяти в работах философов, психологов, культурологов часто сопровождается описанием языковых метафор памяти. Вопрос о языковой *памяти*, однако, ни в коей мере нельзя назвать праздным. Без ее анализа наше понимание памяти заведомо будет неполным.

В языке *память* представлена значительным числом фразеологизмов[9]. Метафорические словосочетания, образуемые ею, служат антропоморфизации как природы, так и плодов технического прогресса. Вокруг слова-конструкта *память* формируются поэтически окрашенные высказывания. По моделям: что-л. хранит память о чем-л.; где-л. живет память о чем-л. можно бесконечно долго создавать разные высказывания: *Угли костра хранят память об огне, и, если их слегка раздуть, огонь оживает, как оживают наши воспоминания. Пересохшее русло хранит память о бегущей воде. Руины хранят память о средневековых замках. В ветвях заснеженных деревьев живет память о весеннем ветерке* и т. д. Это означает, что *память* и — шире, ее концептуальное поле, являют собой лингвистически богатый, хотя и весьма прихотливый материал.

Книга посвящена описанию концептуального поля *Память*. Она состоит из трех частей. В части I дан анализ языкового конструкта *память*.

Слово-конструкт *память* относится к идеальному лексикону, к «гипостазированному»[10], или платоновскому языку. В отношении таких слов уместен вопрос: *Что есть Р?* Например, *Что есть вечность / память / красота?* Этот вопрос провоцирует множественность ответов, которые могут иметь формат дефиниций, интерпретаций, рассуждений, описаний, диалогов между философами по образованию и или по велению души и т. д. Циклическое возобновление вопроса: *Что есть Р?* удовлетворяет «потребность в трансцендентном»[11].

---

[9] *Фразеология* и *фразеологизмы* понимаются в работе широко. К фразеологизмам, помимо собственно идиом, относятся: устойчивые словосочетания, пословицы, поговорки, клишированные высказывания.

[10] Термин, употребляемый Ж. Делёзом [Делёз 1998, с. 182]. К платоновскому языку могут быть отнесены такие мировоззренческие слова-конструкты как: *истина*, *судьба*, *справедливость*, *добро*, *красота*, *свобода* и др.

[11] В «Культуре и ценности» Л. Витгенштейн пишет: «Философию вновь и вновь упрекают в том, что она, по сути, не движется вперед, что те же самые философские проблемы, которые занимали еще греков, продолжают занимать и нас Но те, кто это заявляют, не понимают, почему именно так и должно быть. Причина кроется в том, что наш язык остается тем же самым и вновь и вновь склоняет нас к постановке тех же самых вопросов Коль скоро сохраняется глагол “быть”, казалось бы функционирующий подобно глаголам “есть” и “пить”, коль скоро имеются прилагательные “тождественный”, “истинный”, “ложный”, “возможный”, до тех пор, покуда мы говорим о потоке времени и протяженности пространства и

Если этот вопрос специфицировать не как философский, но как лингвистический, то он может звучать следующим образом: *Как P сконструировано в языке?* Ответ на него предполагает концептуальное исследование механизмов языковой устойчивости и воспроизводимости. В книге за исходное принимается утверждение о том, что устойчивые образы и представления, манифестируемые во фразеологических единицах[12], кореферентны устойчивым представлениям, выраженным в текстах (литературный, религиозный, философский и другие типы дискурса), метатекстах (мифы), а также в ритуалах, социальных стратегиях и практиках.

Поиск и анализ системных концептуальных соответствий между фразеологизмами, с одной стороны, и указанными единицами, включая ритуалы, социальные стратегии и практики, позволяет описать отношения между языковым и культурным знаком, понять логику социокультурного конструирования и в конечном итоге ответить на вопрос: *Как P сконструировано в языке?*

В книге рассматривается, как *память* апроприирует время, а именно прошлое; как концептуализируются в языке телесные, пространственные метафоры *памяти*. Дается анализ отношениям концептуального согласования, которые связывают *память* со: *временем, пространством, любовью, жизнью, смертью, бессмертием, славой, детством, старостью, умом, рассудком, разумом, воображением* и т. д. Описываются социальные роли, включенные в коллективную память: *гений, герой, тиран, вождь, красавица* и др.

Проанализированный материал позволяет выделить следующие виды памяти.

• Спонтанная память — связана с работой бессознательного подсознания (*в памяти возникли, всплыли, ожили ...образы*). Работа *спонтанной памяти* может выражаться с помощью

т д и т. п., люди всегда будут сталкиваться с одними и теми же загадочными трудностями и всматриваться во что-то, что, по-видимому, не может быть устранено никакими разъяснениями. Более того, это удовлетворяет потребность в трансцендентном, ибо люди, полагая, будто видят "границы человеческого рассудка", считают само собой разумеющимся, что они способны заглянуть и за них» [Витгенштейн, 1994, с. 425—426].

[12] Фразеологические единицы имеют высокую языковую стабильность, они участвуют в формировании общезначимого смысла, в трансляции из поколения в поколение обыденного знания. Можно, по-видимому, говорить о едином семиотическом пространстве, в пределах которого оформляется составляющий основу обыденного знания общезначимый смысл.

глаголов на *-ся*: *вспоминаться, вспомниться, запоминаться, запомниться, припоминаться, припомниться...*

• Неспонтанная память — связана с работой разума, сознания (*хорошая, плохая, дырявая, цепкая... память*; *тренировать, совершенствовать... память*). Она концептуально согласуется с интеллектуальными способностями, с объемом приобретаемых человеком знаний. Ее формируют «заученные воспоминания» (А. Бергсон). Свойства *неспонтанной памяти* могут быть выражены с помощью дериватов: *памятливый, памятливость, сверхпамять...*

• Ритуальная память связана с идеей инобытия, жизни после смерти, социальной вечности (*сохранить навеки чей-л. образ в памяти, память о ком-л. никогда не умрет, кто-л. будет вечно жить в памяти людей, клясться памятью матери...*). Она соотносится с исторической памятью, с коммеморативными практиками. *Ритуальная память* может выражаться с помощью дериватов: *памятник, помин, поминальный, поминки, поминать, помянуть, поминание, поминовение...*

• Социальная память связана с социальными стратегиями и практиками увековечивания, предостережения, наказания забвением, наказания запоминанием, наградой забвением; с этическими прескрипциями (*память об ужасах войны, вычеркнуть, выбросить что-л. из памяти, оставить по себе хорошую (дурную, недобрую...) память*). Она выражается с помощью дериватов: (*беспамятство, припоминать, припомнить, попомнить, запомнить, достопамятный, злопамятный* .), а также слов *забывать, забыть, забвение*, входящих в состав фразеологизмов и клишированных высказываний (*Я тебе этого никогда не забуду! Все, забыли! предать кого-л. забвению...*).

• Метаязыковая память связана с формами интерпретации конструкта, выраженными как в устойчивых (языковых), так и в окказиональных (используемых в разных типах дискурса) метафорах памяти, которые уподобляют ее: *храму, ландшафту, лабиринту, прошлому, тексту, библиотеке, кодаку..*

Четкого разделения между *спонтанной* и *неспонтанной памятью* не существует, хотя они относятся к двум формам работы сознания. В языке они также не всегда могут разделяться: процессы воспоминания, припоминания, хранения в памяти могут описывать работу обеих видов памяти (*Он пытался, но не смог вспомнить номер телефона.* vs. *Ветерок принес карамельный запах, и старик неожиданно вспомнил детство*).

Спонтанная память может инициировать деятельность *неспонтанной памяти*: *В памяти возник образ учителя математики, и в то же мгновение она вспомнила теорему Пифагора.*

Ритуальная память имеет мифологические и религиозные аллюзии. Она связана с образами трансцендентного. В ряде случаев, например, стратегии увековечивания *социальная* и *ритуальная память* могут не различаться.

В частях II и III язык рассматривается как институт памяти. *Язык* и *память* по целому ряду параметров имеют сходство. Как и *память*, *язык* возвращает нам наши травмы, наши иллюзии (индивидуальные и коллективные). Устойчивые и воспроизводимые единицы языка сопоставимы с коммеморативными местами. Фразеологизмы можно определить как коллективные воспоминания.

Вторая и третья часть книги посвящены *памяти слова*[13], На примере аналитического описания слов-конструктов *хаос*, *чувства*, *красота* во второй части рассматривается мифологический след в языке. В третьей части *культурная коннотация* интерпретируется как языковая функция памяти. Анализ коннотативного фона слов-конструктов «высвечивает» некоторые фрагменты социокультурной памяти. Приложения I III содержат образцы словарных статей, в которых заголовочными единицами выступают: эпоним *Наполеон*, устойчивые словосочетания, идиомы. В культурных комментариях словарных статей дано описание коннотаций, реконструируется образное основание идиом.

В книге в качестве иллюстраций приводятся фрагменты текстов: литературных (художественных, публицистических), общегуманитарных (философских, литературоведческих, семиотических; психологических) и лексикографических. Иллюстраций в книге много, и они, по преимуществу, имеют комментирующий характер.

В заключение я бы хотела поблагодарить моих учителей, коллег, друзей и близких, чьи замечания, советы и помощь повлияли на формирование и оформление текста, воплотившегося в книгу о *памяти*: это В. Айсманн, Д. И. Антонов, Н Д. Арутюнова, В. И. Брагин, З В. Брагина, Н. Д. Бурвикова, В. З. Демьянков, М. Л. Ковшова, В. Г. Костомаров, Г. Е. Крейдлин, Е. С Кубрякова, Г. Лейков, С. И. Лубенская, У. Модерггер, В. В. Молчановский, В. В. Морковкин, Т. М. Николаева, Е. О. Опарина, Ю. Е. Прохоров, Х. Пфандль, И. И. Сандомирская, В. Н. Телия, Н. А. Фатеева, Х. Холлер, И. А. Шаронов, А. Д. Шмелев. Без их ценных советов и поддержки книга не смогла бы обрести настоящую форму, а может быть, и состояться.

[13] Ср *этимологическая память слова* [Апресян 1995, с. 171 172], *культурная память* [Яковлева 1998], «*скрытая память*» [Николаева 2002].

Часть I

ПАМЯТЬ

Глава первая

Интерпретации концепта «Память»

§ 1. Лингвистические и лексикографические описания

Объем лексикографической информации. В концептуальное поле *Память* входят: лексемы слова; набор словосочетаний (прежде всего устойчивых); синонимические ряды, антонимические пары, в которые включена какая-либо лексема слова *память*; слова, связанные с *памятью* отношениями концептуального согласования (ассоциативно-коннотативные ряды); лексические дериваты. Рассмотрим, как перечисленные классы представлены в современных словарях, наметив тем самым контуры концептуального поля.

• *Лексемы.* Словарь Ушакова [Ушаков 1939, т. 3, с. 29] выделяет у слова *память* пять значений и два подзначения, три снабжены пометами: *церк.*, *устар* и *старин.* За ромб вынесено двенадцать фразеологизмов, два имеют несколько значений: *Без памяти* (3); *Вечная память* (2).

Словарь русского языка [МАС 1983, т. 3, с. 16] фиксирует три основных значения, в двух из них выделяются два и три подзначения. Зону фразеологии образует двадцать единиц. У фразеологизма *без памяти* указано два значения.

Ожегов, Шведова [Ожегов, Шведова 1995, с. 481] приводит четыре значения и описывает шесть фразеологизмов, у двух отмечается несколько значений: *Без памяти* (3), *На память* (2).

Толковый комбинаторный словарь (ТКС) [Мельчук, Жолковский 1984, с. 559—571] следующим образом отмечает лексемы слова: 1а, 1б, 2а, 2б, 3, снабжая их толкованиями. За ромб выносится два фразеологизма: *без памяти* и *быть без памяти* [*от*].

Современный толковый словарь русского языка [Кузнецов 2001, с. 483] отмечает пять значений, выделяет два подзначения и приводит двадцать один фразеологизм.

• *Синонимы, антонимы, аналоги.* Слово *память* не включено в словари синонимов и антонимов [Александрова 1968; Евгеньева 1970—1971; Львов 1984]. Словарь синонимов Н. Абрамова [Абрамов 1994, с. 302] приводит шестнадцать фразеологизмов со словом *память*. При этом синонимический ряд со словом *память* в данном словаре отсутствует. ТКС [Мельчук, Жолковский 1984, с. 559—571] приводит для разных значений следующие синонимы: *запоминающее устройство, ЗУ*; *воспоминание*; *сувенир, реликвия*; *сознание, чувство*, а также с пометой *спец.* антоним: *амнезия*[1]. Лексическая основа русского языка [Морковкин 1984, с. 591, 616] включает слово в следующие немногочисленные синонимические ряды: *память — воспоминание*; *сознание: рассудок, память*. В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка [Апресян 2004а, с. 140, 1206] *память* включена в семантический ряд аналогов[2] к словам *воображение* и *ум*. *Воображение: мечтательность, выдумка*; *память, ум, душа*. *Ум: мозг*; *мозги*; *голова*; *башка*; *котелок*; *интуиция*; *инстинкт*; *мудрость*; *сообразительность*; *душа* [орган внутренней жизни]; *сердце* [орган чувств]; *память* [представляемый орган хранения знаний и впечатлений]; *сознание* [представляемый центр координации органов чувств, ума и памяти]; *воля*

• *Словосочетания и фразеологизмы.* Словари сочетаемости фиксируют значительное число словосочетаний со словом *память*. Словарь сочетаемости [Денисов, Морковкин 1978, с. 369—370] приводит около ста словосочетаний, ТКС [Мельчук, Жолковский 1984, с. 559—571] — около двухсот, при этом оба словаря показывают, что ряды возможных заполнителей присловных позиций являются открытыми. В словаре эпитетов [Горбачевич, Хабло 1979, с. 314—315] зафиксировано 132 эпитета.

Фразеологические словари описывают значительное число фразеологизмов со словом *память*: двадцать четыре в словаре под ред. Мо-

---

[1] Здесь и далее номера лексем не указываются либо опускаются.

[2] Ю. Д. Апресян дает следующее определение *аналогу*: лексема, которая относится к той же части речи, что и данная, и имеет похожее значение, но семантически отстоит от данной лексемы дальше, чем ее синонимы. (...) В число аналогов могут включаться когипонимы, а также гиперонимы, гипонимы и лексемы, связанные с данной лексемой менее определенной семантической связью [Апресян 2004а, XXIII—XXIV].

лоткова [Молотков 1986, с. 309—310], четырнадцать в словаре под ред. Федорова [Федоров 1991, т. 2, с. 33—34], пятьдесят шесть в словаре Лубенской [Lubensky 1995]. В словарях крылатых слов описано по пять единиц со словом *память* [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000] и [Душенко 1997].

• *Дериваты.* Согласно словообразовательному словарю Тихонова [Тихонов 1985] *память* включена в словообразовательное гнездо, содержащее двадцать две единицы.

Как это видно из приведенного материала, слово *память* имеет сравнительно небольшое количество лексем, она слабо представлена в синонимических рядах, почти не имеет антонимов. Благодаря устойчивым словосочетаниям (преимущественно метафорическим) *память* обладает большим фразеологическим потенциалом. Она также образует значительное число дериватов.

Современные словари практически не фиксируют ассоциативно-коннотативные ряды, члены которых находятся в отношении концептуального согласования со словами-концептами, в частности, с *Памятью.* Вместе с тем такие ряды представляют значительный интерес.

> На некоторые несовпадения между лексикографическим описанием *памяти* и его употреблением в обыденной речи, его устойчивой метафорической сочетаемостью обратила внимание Е. С. Кубрякова: «Обороты *память чувств сердца слова* и т. п. начинают цепь представлений о ней как об определенном вместилище, хранилище, кладовой и даже складе, и, пожалуй, именно концепт LOC становится главным для конструкций в обыденной речи. Действия, связанные с памятью, описываются такими предикатами, как *хранить в памяти — извлекать из нее, присутствовать в памяти — отсутствовать в ней, удерживать в памяти — не удерживать* (...). Хотя лексикографически этот компонент не отмечен, фактически он маркирует огромное количество случаев употребления слова. Именно это осмысление служит мотивом для сравнения памяти с библиотекой, и Аристотелю принадлежит мысль о том, что обращение к памяти равносильно поиску нужного тома книги» [Кубрякова 1991, с. 87].
>
> Метафора *Память — это библиотека* имеет устойчивый характер и используется часто. Хорхе Луис Борхес приводит следующий пример: «В одной из комедий Бернарда Шоу огонь угрожает Александрийской библиотеке; кто-то восклицает, что сгорит память человечества, и Цезарь говорит: "Пусть горит. Это позорная память"» (*Х. Л. Борхес. О культе книг*).

Тексты, относящиеся к разным типам дискурса, как правило, регулярно проявляют эти отношения, так как *память* является одним из

ключевых концептов, влияющих на формирование мировоззрения и, следовательно, неоднократно интерпретируемых. Над *памятью* (ее свойствами, характеристиками, ролью) в течение многих веков размышляют и оставляют письменные свидетельства своих размышлений философы, теологи, писатели, поэты, психологи, социологи, историки, филологи и т. д. В таких интерпретациях *память* устойчиво и регулярно сближается с некоторым набором слов-концептов.

Существуют также стереотипные представления, влияющие на формирование ассоциативно-коннотативных рядов. Например, высказывание *Память — это прошлое* объединяет *память* и *прошлое*.

Устойчивая метафорическая сочетаемость слова, базовые метафоры также могут включаться в ассоциативно-коннотативный ряд.

«Память слова» часто проявляется на уровне этимологии, поскольку смысловые компоненты, выделяемые при историко-этимологическом анализе, часто совпадают со словами, включенными в ассоциативно-коннотативный ряд слова-концепта, либо служат дополнительной мотивацией для такого включения. Современный лексикон лингвиста пополнился такими полутерминологическими словосочетаниями как: *этимологическая память слова* [Апресян 1995, с. 171 172], *культурная память* [Яковлева 1998], «*скрытая память*» [Николаева 2002].

Словами, находящимися в отношении концептуального согласования с *памятью* и соответственно формирующие ассоциативно-коннотативные ряды, являются: *Пространство*, *Время*, *Прошлое*, *Жизнь*, *Век*, *Вечность*, *Смерть*, *Забвение*, *Бессмертие*, *След*, *Небытие*, *Любовь*, *Разлука*, *Детство*, *Старость*, *Слава*, *Позор*, *Совесть*, *Травма*, *Мысль*, *Ум*, *Рассудок*, *Душа*, *Сознание*, *Творчество* и др. Характер их взаимодействия будет подробно рассмотрен в последующих главах.

Таким образом, смысловые отношения, которые можно отнести к области концептуального согласования слов и которые практически не фиксируются современными словарями, эксплицитно представлены в текстах разных типов дискурса, устойчивой метафорической сочетаемости, стереотипных высказываниях, культурных ритуалах и культурных практиках. Эти связи подтверждаются также историко-этимологическими параллелями.

Этимологический анализ проявляет родство *памяти* со словами, обозначающими интеллектуальную деятельность. П. Флоренский пишет: «Действительно, п а м я т ь — это и есть м ы с л ь по преимуществу, с а м а мысль в ее чистейшем и коренном значении».

Согласно словарю Фасмера [Фасмер 1987, т. 3, с. 195], *память* родственна словам, обозначающим интеллектуальную деятельность: словен. pámet «разум, рассудок» // Родственно др.-лит. mintìs «мысль,

суждение», вост.-лит. minûs «загадка», др.-инд. matíṣ, mátiṣ ж. «мысль, намерение, мнение», авест. maiti — «мысль, мнение», лат. mens, род. п. mentis «ум, мышление, разум», сюда же *мню, мнить*[3].

Подробную этимологию слова *память* приводит П. Флоренский, используя данные этимологических словарей Н. В. Горяева и В. Прелвитца (Walter Prellwitz), а также работу, посвященную этимологии греческого языка Г. Куртиуса (Georg Curtius). Полагая, что корень слова *память* происходит от mn̥mn в индоевропейских языках, он показывает связь слова с производными основы mn-, men-, mon-, которые соотносятся как с *памятью*, так и с *мыслью*, ср.: *мнить, мнение, мнимый, мнительный*. Флоренский далее приводит следующие параллели: старославянские: мьнѣ́ж, мьнѣmи, сѫмьнѣmи (сл). На основании приводимых параллелей показано родство *памяти* с *совестью*: польские pomnieé, niemaé, mienié, sumnienie, sumienie — *совесть*.

Этимологические параллели, приводимые Флоренским, проявляют связь *памяти* с *сомнением, духом, волей, вниманием, мыслью, намерением, отвагой и негодованием, умом, упоминанием, чудовищем* (заставляющим о себе подумать, обращающим на себя внимание), *любовью, человеком* (буквально: мыслителем), *воспоминанием*, с *сильным душевным движением, стремлением, желанием, волей, гневом, яростью*, с *жизненной силой, жизнью, силой*; с глаголами: *помнить, вспоминать, мнить, думать, верить, ценить, напоминать, убеждать, увещевать, сильно стремиться, сильно желать, рваться душою к чему-нибудь*; с прилагательными *вымышленный*, ср.:

> *малорусские*: мниты, помняты; *белорусские*: сумъ сомнение, сумный; *санскритские*: man (только в среднем залоге) думать, верить, ценить; mánjate мнить; mánas дух, воля; matis внимание, мысль, намерение; manjus отвага и негодование; *латышские*: minet вспоминать; maniti мнить; *латинские*: memi (= e)ni помню, reminisci вспоминать, comminisci, commentus (– *немецкому* vermeint вымышленный), men(t)s мысль, ум, воля; Minerva, mentio — упоминание, monere — напоминать, убеждать (= *немецкому* mahnen), monstrum чудовище (заставляющее о себе подумать, обращающее на себя внимание); *немецкие*: meinen мнить, Minne — любовь, Mensh — человек (т. е., собственно, «мыслитель»); *готские*: gaman, man — думаю, munan — мнить, mund, gamunds, muns — мысль; *исландское*: muna, minna — воспоминание; *древневерхне-немецкие*: minnon, manên, manón увещевать, напоминать, meina мнение; *греческие*: *μένος* вообще сильное душевное движение, стремление, желание, воля, гнев, ярость, также: жизнен-

[3] Словарная статья дается в сокращении.

ная сила, жизнь, сила, *μάομαι, μέμονα* сильно стремиться, сильно желать, рваться душою к чему-нибудь [Флоренский 1990, 203][4].

Большинство из указанных параллелей либо непосредственно включены в ассоциативно-коннотативный ряд *памяти*: *совесть*, *любовь*, *жизнь*, *мысль*, *ум*, *воспоминание*, *упоминание*, *помнить*, *вспоминать*, *напоминать*, — либо связаны с ним. Например, с *памятью* концептуально согласуются и входят в ее ассоциативно-коннотативный ряд слова *воображение* (см *вымышленный*) и *предвидение* (см. *видец*, *прозорливость*)[5].

Метаязык. После краткого обзора некоторых содержательных характеристик (свойств) слова-концепта *память*, приводимых словарями, уместно поставить вопрос о том, как эти свойства описываются, т. е. о метаязыке.

Лингвист, лексикограф задает порядок описания языковых характеристик слова. Исходя из поставленных задач, опираясь на теоретические положения, исследовательскую интуицию и используя соответствующий метаязык, он создает лингвистический и или лексикографический продукт, осуществляя при написании текста операции по объединению, разграничению, комбинированию и редуцированию материала. Лингвистические или лексикографические тексты, посвященные одному и тому же слову, могут существенно отличаться друг от друга как по характеру и способам представления материала, так и по содержательным параметрам.

Ниже приведены (в сокращении) фрагменты описания слова *память* из «Словаря сочетаемости слов» под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина [Денисов, Морковкин 1978], «Толково-комбинаторного словаря» И. А. Мельчука и А. К. Жолковского [Мельчук, Жолковский 1984] и из статьи Е. С. Кубряковой [Кубрякова 1991].

Принципы и характер описания слова-концепта *память* отражают ведущие направления современной лингвистики: теорию валентности (первый фрагмент); теорию лексических функций (модель «Смысл => Текст — второй фрагмент), методы когнитивного анализа (третий фрагмент)[6].

---

[4] Текст приводится с сокращениями.

[5] У слов *отвага*, *негодование*, *гнев*, *ярость*, *исступление* и некоторых других ни прямой, ни косвенной связи с рассматриваемым словом-концептом не обнаружено.

[6] Теория валентности повлияла на формирование концепции европейских словарей сочетаемости; модель «Смысл <–> Текст» оказалась продуктивной для создания дву- и многоязычных словарей, для разработок в

(1) Память

Способность сохранять и воспроизводить в сознании впечатления, опыт, а также самый запас впечатлений, который хранится в сознании.

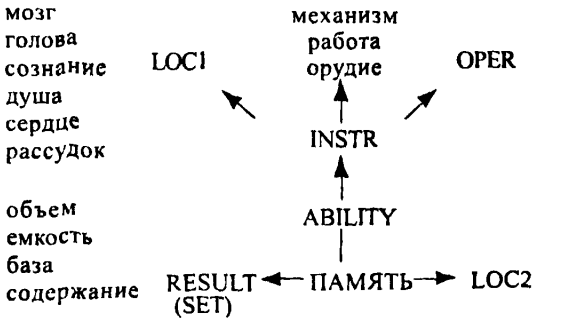
⟨...⟩ феноменальная, слабая, зрительная, слуховая, логическая, эмоциональная ... **память. Память кого.** ~ человека, животного... [какая-л], **память на что:** ~ на лица, на имена, на цифры ... Тренировка, нарушение, потеря ... **памяти.** Упражнять, напрягать, потерять ... **память.** Лишиться ... **памяти** Обладать ... какой-л. **памятью. В память** (врезаться ~ ...). **В памяти** (удержать что-л. ~, сохранить что-л. ~, рыться (разг.) ~, копаться (разг.) ~, перебирать что-л. ~...). **Из** [чьей-л.] **памяти** (вычеркнуть кого-что-л. ~ ...). **На** [чью-л.] **память** (рассчитывать ~ ...). **Память** выручает кого-л. ...; чья-л. **память** поражает кого-л. ... У кого-л. какая-л. **память.**

(2) Память

Память X-а на Z – специальное устройство внутри организма X-а, воплощающее способность X-а запоминать, помнить и вспоминать Z ⟨ ..⟩

Gener	: *способность* [*помнить*]
Figur	: *кладовые* [~ *и*] ⟨...⟩
в пределах такого отрезка времени, когда П. еще хранит воспоминание о Z-е	: *на* [~ *и*] ⟨...⟩ [*Это случилось* ⟨*произошло*⟩ *на моей памяти*; *Еще на его памяти офицеры дрались на дуэлях*]
F Magn–Bon–Ver	: *неплохая* < *хорошая* < *отличная*... < *необыкновенная*, *потрясающая* < *феноменальная*; *надежная*⟨.. ⟩; *цепкая* [сразу запоминает и хорошо помнит, в том числе детали] ⟨...⟩; *фотографическая* [точно сохраняет зрительные образы] ⟨...⟩
A_1 + F	: *памятливый*
AntiF_1	: *плохая*, *слабая* < *никудышная*; *короткая*, разг. *куриная*, разг. *девичья* [помнит не долго]
MagnAntiF	: разг. *дырявая голова 1*, прост. *дырявая башка 1*, *склероз 2*

(3) Память



В первом фрагменте *память* и ее словосочетания описываются в русле идей синтаксической валентности. Активные валентности слова указаны с помощью вопросительных слов с последующим перечислением заполнителей. Пассивные валентности описываются перечислением ее заполнителей. В словарной статье различаются активные / пассивные, правые левые валентности слова; дается характеристика присловных синтаксических позиций.

Во втором фрагменте основу классификации составляют лексические функции, которые выражают либо общий смысл, либо определенную семантико-синтаксическую роль. При этом в словарной статье дается почти исчерпывающий перечень идиоматической сочетаемости слова.

Третий фрагмент назван когнитивной картой слова. В нем уделено внимание описанию образной семантики слова.

Во всех трех фрагментах представлена классификация некоторого множества словосочетаний на основании синтаксических, семантических, когнитивных подходов. Структура синтаксических, семантических и других связей «выведена на поверхность» с помощью метаязыка и специальных знаков, а именно: вопросительных слов, шрифтовых выделений в первом случае; искусственно созданного для обслуживания поставленных целей метаязыка во втором; элементов искусственного метаязыка (Loc, Result, Ability) в сочетании со словами естественного языка, представляющих собой генерализованное описание метафорических образов (библиотека, хранилище, склад, кладовая) — в третьем. Данные примеры служат иллюстрацией того, что любые описания имеют, как правило, относительный характер.

Лингвистические описания. Первые две иллюстрации взяты из словарей, последняя — из лингвистической статьи. На лингвистических описаниях слова-концепта *Память* я бы хотела остановиться подробнее, особо выделив те места, которые можно было бы определить как области концептуального согласования слов с *памятью*. Рассматриваются три работы: Е. С. Кубряковой, М. А. Дмитровской и Е. В. Урысон.

> Е. С. Кубрякова отмечает, что обороты типа *память подвела отказала* свидетельствуют о том, что она понимается как некий **орган**, обороты *быть без памяти, привести в память* указывают на синонимию памяти и сознания. Способность помнить локализу-

---

области компьютерной лексикографии, методы когнитивного анализа, сфокусированные на выяснении механизмов связи и взаимодействия структур знания и ментальных образов, являются ключевыми для теории искусственного интеллекта

Здесь и далее разрядка моя. *Н Б*

ется в голове / мозгу / сознании. Однако сосредоточием воспоминаний, впечатлений может быть также и сердце, душа, слово. При этом память сердца может значительно отличаться по тому, что помнится, от памяти рассудка. Утверждается, что концепт места (LOC) является главным для конструкций в обыденной речи: память может быть представлена как вместилище, хранилище, кладовая. Конструкции: *память хорошо / плохо работает* проявляет ее инструментальную функцию. Конструкции: *память о героях войны, память о событиях 1941 года, память о прошлом* показывают, что она может становиться эквивалентом частицы памяти, ее единицей, вступая в синонимические отношения с *воспоминанием*. Память, представленная в обыденном языке, коррелирует с такими понятиями биологии памяти, как энграмма, след. В работе также отмечается связь *памяти*, души и жизни в русской поэзии [Кубрякова 1991, с. 85 91].

Во многих отношениях сходные утверждения делает Е. В. Урысон, полагая, что толкование *памяти* может соответствовать схеме: 'способность... или невидимый орган'. Воображаемый орган напоминает вместилище, ср. *откладывать в памяти, хранить в памяти*. С обычными органами *память* сближает представление о том, что ее можно напрягать: *усилие памяти, напрягать память*, а также то, что она может функционировать независимо от воли субъекта: *В памяти непрошено возникают образы далекого прошлого*. Память находится где-то в голове, «обслуживает» ум (разум, рассудок, интеллект), а также душу и сердце. Она предстает как хранилище самого ценного, обеспечивает человеку цельность восприятия жизни и собственного «я», ее функционирование воспринимается человеком как загадка. Деятельность памяти часто описывается развернутой метафорой [Урысон 2003, с. 37—41].

В статье М. А. Дмитровской идеи философов, сделавших объектом описания *память*, рассматриваются в отношении к языковым значениям и употреблениям слов, которые относятся к полю памяти. Предметом анализа являются два вида памяти: образная (память-воображение) и логическая (память-рассказ). В работе рассматриваются общие свойства между образной памятью и восприятием: для них значимым является «онтологическое согласование» человека и мира. Образная память связана с событийной стороной предшествующей жизни субъекта. Высказывание: *Это случилось на моей памяти* фиксирует факт совпадения времени сознательной жизни индивида и времени события некоторого высказывания. В высказывании *Эти деревья помнят Пушкина* к временной общности добавляется общность пространственная. В работе рассматривается взаимосвязь восприятия, *памяти* и сознания, в том числе самосознания. Полная утрата контакта с миром внешним (прекращение восприятия) и миром внутренним описывается

> как потеря памяти или сознания: *потерять память/сознание, быть без памяти / без сознания.* Обретение утраченного контакта фиксируется выражениями: *прийти в память / в сознание, быть в памяти сознании.* Память определяет тождество личности человека, единство его «я». Память сопровождается верой, которую можно выразить словами: «Да, это было». Память связана с мышлением. Процесс воспоминания есть собственно процесс мыслительный: глаголы *думать и вспоминать* могут выступать как близкие по смыслу. Эта связь прослеживается также в этимологии. Память формирует личность, делает человека самим собой [Дмитровская 1991, с. 78 85].

Подводя итоги, можно отметить следующее. В словарных описаниях *памяти* присутствует значительное число фразеологизмов, которые снабжаются отдельным толкованием. Сравнительно небольшое количество общих значений *памяти* дополняется («уравновешивается») большим числом фразеологизмов, выносимых за ромб. Общее смысловое пространство слова формируется (преимущественно) при участии метафор. «Доля» фразеологических значений в нем велика.

То, что у слова *память* отсутствуют близкие синонимы и антонимы, позволяет сделать предположение о языковой уникальности слова. (*Душа* и *ум*, например, имеют близкие синонимы: *сердце*; *голова*, *мозг*, *рассудок*.)

В русле лексикографических традиций *память* описана достаточно четко и подробно. Однако при описании таких слов-концептов как *память*, имеющих преимущественно устойчивую метафорическую сочетаемость, по-видимому, необходим иной метаязык. Современные словари практически не фиксируют смысловые связи, относящиеся к области концептуального согласования. Эту задачу может решить словарь иного жанра, а именно, концептуальный словарь и соответствующий метаязык. Это дело будущего. Ступенью к созданию такого словаря мог бы стать словарь базовых метафор, а также учитываться опыт словаря Ю. С. Степанова «Константы русской культуры». С другой стороны, возможен и иной подход, а именно: рассматривать концептуальное поле памяти как объект комментирования. Подробнее об этом будет сказано ниже.

В отличие от лексикографического описания лингвистические работы близки идеям концептуального анализа[8], поскольку в них большое внимание уделено именно образной семантике слова; значение и

[8] Следует отметить, что статьи Е. С. Кубряковой и М. А. Дмитровской были опубликованы в сборнике, имеющем название «Культурные концепты».

употребление слов поля памяти поставлено в связь (рассматривается в соответствии) с философскими идеями (статья М. А. Дмитровской). Большинство утверждений о смысловых компонентах слова делается на основе анализа устойчивых метафорических словосочетаний, включая такие, которые толковые словари определяют как фразеологизмы и выносят за ромб, например, *без памяти.*

Возможность построить логичную и непротиворечивую картину семантики слова *память*, равно как и создать универсальное толкование слова, вызывает большие сомнения, что косвенно подтверждают данные работы. Метафорические словосочетания проявляют сразу несколько базовых метафор слова, и выбор одной из них в качестве доминантной не представляется оправданным. Отношения *памяти* и *времени*, *памяти* и *социума* в указанных работах не рассматривались.

§ 2. Фразеологический текст «Память»

Культурные концепты: нарративное ожидание. Фразеологический текст «Память». Одним из устойчивых признаков культурных концептов является то, что в отношении них уместен регулярно возобновляющийся вопрос: *Что есть?..* (*Что есть память*, *истина*, *красота*, *добро?..*), на который регулярно дается ответ: *Память Истина Красота — это...* Культурные концепты создают вокруг себя лакуны смысловой неопределенности и тем самым провоцируют высказывания о себе. Они не могут быть истолкованы «раз и навсегда», в них заключено нарративное ожидание. Не одно тысячелетие они являются темой разговора, предметом спора, объектом размышления. В чем-то они сходны с классическими пьесами Шекспира, которые в течение нескольких веков входят в репертуар театров мира, и в каждом поколении создается своя (как правило, не единственная) интерпретация / версия *Гамлета*, *Отелло*, *Ромео и Джульетты*, *короля Лира.*

Если на вопрос: *Что есть память?..* попытаться ответить как бы изнутри языка, обходя метаязык, лингвистические и лексикографические модели, то можно предложить экспериментальный текст, составленный из устойчивых словосочетаний. Этот текст — одна из возможных, «собственно языковых» интерпретаций слова-концепта *память.* Заголовком текста, его главной и единственной темой является *Память.* Внутри текста слово *память* в основном заменено местоимением *она.* Словосочетания организованы в предложения. Глаголы *быть*, *бывать* выступают в роли предикатов. Стереотипные высказывания вводятся конструкцией *Мы говорим*, ср.:

ПАМЯТЬ

Она бывает неплохая, необыкновенная, долгая, феноменальная, короткая, надежная, избирательная, неизгладимая, нестареющая, редкая, острая, твердая, цепкая, хваткая, никудышная, девичья, дырявая, слабая, куриная. *Она бывает* зрительная, слуховая, образная, ассоциативная, логическая, музыкальная, фотографическая, эмоциональная, моторная, механическая, историческая, народная. *Бывает* память людей. *Бывает* память сердца. *Она бывает* о далеком, о прошлом, об ушедшем, о минувшем, о далекой жизни, о детстве, о [первой] любви, о юности, о юношестве, о товариществе, о рыцарстве, о молодости, о [погибших] героях, о жертвах чего-л. (войны, блокады, террора), о родителях, о детях, о друзьях. *Она бывает* на имена, на фамилии, на числа, на цифры, на даты. *Она бывает* жива, мертва, бессильна. *Она бывает у кого-л.* никуда, хоть куда. *Ее* тренируют, совершенствуют, развивают, упражняют, освежают, перегружают, обременяют, напрягают, теряют, утрачивают, лишаются, заслуживают. *Ее* отшибает, отбивает у кого-л. *Ее, имеющую отношение к кому-чему-л* , хранят, чтут, увековечивают, [не] омрачают. *Ее* [не] оставляют по себе. *Ей, имеющей отношение к кому-чему-л.*, посвящают что-л., остаются верны, преданы. *У нее* есть голос. *В ней* что-л. откладывается, запечатлевается, застревает, западает, засело, сидит, въелось, оставляет след, оставляет отпечаток, фиксируется, остается, всплывает, встает, живет, оживает, возникает, воспроизводится, воскресает, мелькает, стирается, смягчается, тает, пропадает, уступает кому-чему-л. место, покрывается туманом, смешивается, смазывается, затерялось что-л. *В ней что-л.* есть, живо, свежо, ясно. *В ней* остается кто-что-л., остается след, сохраняется, отпечатывается, есть связь с чем-л., что-л. представлено; хранятся образы, воспоминания, обрывки фраз, имена, след, отпечаток, картина, лицо. *В ней* роются, копаются, ищут что-л., перебирают, восстанавливают, вызывают, фиксируют, отыскивают, освежают, видят что-л. *В ней* хранят, держат, удерживают что-л., делают зарубку. *Бывают* кладовые памяти. *Бывает* сокровищница памяти. *В ней* бывают провалы, пробелы, проблески. *В нее* врезается, приходит что-л. *Из нее* что-л. выпадает, выскакивает, вылетает, стирает что-л., стирается, изглаживается, ускользает, уходит. *Из нее* вычеркивают, выбрасывают, вымарывают, выкидывают что-л. *Из ее глубин* что-л. появляется, всплывает. *Из нее* что-л. выплывает. *По ней* восстанавливают, воспроизводят, воссоздают, идут куда-л., обходят что-л , рисуют что-л., читают, цитируют что-л. *На нее* надеются, полагаются. *С ней* что-л. происходит. *Она* говорит, помогает, хранит, сохраняет, воскрешает, воспроизводит, возвращает куда-л., выручает, развивается, слабеет, сдает, подводит, изменяет, лжет, устроена как-л. *Она* возвращается к кому-л.

Мы говорим:

Быть в [здравом] уме и в твердой памяти, Быть в памяти / без памяти. Дай бог память(и)! Если мне не изменяет память. Это было на моей памяти. Кто-л. живая память. Это память с каких-л. времен (со времен войны, со времен Николая II). Вечная, светлая память кому-л. Кто-л. будет вечно жить в памяти. Память о ком-л. будет вечно храниться / жить в сердцах людей. Память о ком-л. никогда не умрет / не заглохнет. Память о ком-л. навсегда сохранится в сердцах благодарных потомков. Что-л. дорого как память. Спасибо [вам, тебе] за память; Ваша (твоя) память о ком-л. меня очень тронула (порадовала); Это память о ком-л. Это было на моей памяти.

Мы пишем:

[Светлой] памяти кого-л. В память о ком-л. Памяти кого-л. посвящаю.

Что-л. бывает в памяти кого-чего-л. *Что-л. бывает* в память о ком-л. *Можно* что-л. сделать, сказать тост, выпить в память о ком-л. *Кто-л. может быть* (пьян, влюблен, рад, любить) без памяти, без памяти от кого-чего-л. *Можно* что-л. делать (читать, учить, заучивать) на память. *Можно* что-л. делать (дарить, брать, принимать, оставлять) на память. *Что-л. может* остаться на память [от кого-л.]. *Бывают* подарки на память. *Бывает* день, вечер памяти. *Можно* что-л. делать (помогать) по старой памяти. *Что-л.* приходит на память. Есть память компьютера.

Данный текст можно определить как фразеологический текст *Память*[9], выражающий коллективные представления носителей языка. Он напоминает расширенный текст загадки. Однако у него прямо противоположная функция, он не формулирует вопрос[10], но сам является ответом на вопрос: *Что есть память?..*

Длина (объем) текста служит показателем степени разработанности концепта в языке и культуре. Помимо информации о том, как представлена *память* в языке, в устойчивых и регулярных словоупотреблениях, он также содержит некоторые сведения о вербальном и невербальном (ритуальном) поведении носителей языка, например: Можно *что-л. сделать, сказать тост, выпить в память о ком-л.* Бывают *подарки на память.* Мы говорим: *Быть в [здравом] уме и в твердой памяти. Дай бог память(и)! Если мне не изменяет память. Кто-л. — живая память.* Мы пишем: *[Светлой] памяти кого-л.*

---

[9] Аналогично могут быть составлены другие фразеологические тексты, например: *Тоска, Любовь, Детство, Вера, Достоинство* и т. д.

[10] Текст загадки мог бы иметь следующий вид: *Она бывает* долгая, короткая, феноменальная, куриная .. В *ней что-л.* откладывается, застревает, оставляет след... Что это такое?

Текст[11] «алексикографичен»: в нем смешиваются (приводятся в одном ряду) словосочетания, манифестирующие разные значения слова. С точки зрения словарного описания он представляет собой возврат к исходному состоянию, предшествующему лексикографической интерпретации. Можно усомниться: *Зачем нужен лексикографически неупорядоченный материал, если мы располагаем словарными и лингвистическими интерпретациями, сделанными на основе современных методов и профессиональными лингвистами и лексикографами?* Если *лучшее — враг хорошего*, то из этого вовсе не следует, что *худшее является его другом.*

Ответ может быть следующим. Я хотела проиллюстрировать тезис о том, что любое слово в языке представляет собой свернутый текст. Слово, взятое в совокупности словоупотреблений, может быть истолковано, а может быть прокомментировано подобно тому, как комментируются художественные тексты. Комментарий может выступать либо как самостоятельное описание, либо в дополнение к лексикографическому. Это важно, прежде всего, для слов-концептов, имеющих образную семантику и метафорическую сочетаемость. Сконструированный текст позволяет отвлечься от лексикографических интерпретаций и сосредоточить внимание на области концептуального согласования *памяти* с другими словами-концептами.

Художественные vs. Фразеологические тексты. Отношения: индивидуальное — коллективное; литературные герои — общее место. Фразеологический текст имеет ряд специфических черт, отличающих его от художественного текста. Перечислим их.

• В нем отсутствует автор. Появляется, однако, позиция составителя, т. е. человека, произвольно соединяющего с помощью связующих элементов готовые части (фразеологизмы).

• Он состоит из набора анонимных цитат[12], кореферентно связанных с разными типами дискурса. В этом смысле о нем можно говорить как о пространстве интертекста.

• Он представляет собой семантическое поле общих мест, и, выражая общезначимый коллективный смысл, является формой общественного договора.

---

[11] Здесь и далее под текстом я подразумеваю не только данный, произвольно выстроенный текст, но и любой другой, сконструированный в другом порядке, последовательности текст, который целиком (за исключением связочных и дейктических элементов) состоит из фразеологизмов.

[12] Л. Сэпир [Sapir 1921] определил язык как грандиозный анонимный труд ничего не подозревающих поколений.

• Текст: а) не завершен (может дополняться); б) логически не упорядочен (причинно-следственные отношения обнаруживаются лишь внутри отдельных его фрагментов, но не пронизывают весь текст), в) не является целостным.

С другой стороны, существует корреляция между фразеологическими и художественными текстами. Если в художественных текстах «живут» литературные герои, то главным героем фразеологических текстов является общее место. Между литературными героями и общим местом возникают отношения двойной референции, которая проявляет взаимосвязь индивидуального и коллективного. Индивидуальное задает симптоматику и, следовательно, референрует к коллективным представлениям. Затем, обретая вербальную форму и начиная устойчиво и регулярно воспроизводиться, индивидуальное присваивается коллективом и становится частью коллективных представлений. Став коллективным, оно опять референрует к индивидуальному как к своему источнику и истоку.

Художники, по выражению Ж. Делёза, — это клиницисты цивилизации. Литературные тексты, литературные герои задают симптоматику: не комплекс несет нам информацию об Эдипе и Гамлете, а сами Эдип и Гамлет дают нам информацию о комплексе [Делёз 1998, с. 311 312]. В свою очередь, симптом может получить имя героя при образовании устойчивого словосочетания, например, *эдипов комплекс*, *гамлетовский вопрос*. В этом случае уже сами словосочетания содержат информацию об Эдипе и Гамлете, которая (к слову сказать) не всегда осознается носителями языка, хотя и может оказывать влияние на восприятие литературных и реальных героев. Например, существует набор клишированных представлений об исторических личностях: о Наполеоне, Петре Первом, Пушкине, Моцарте, Сальери; о литературных героях: Онегине, Обломове, Наташе Ростовой. Такие представления, в частности, обусловлены существованием вербализованных общих мест — фразеологизмов, крылатых слов, стереотипных высказываний, включающих данные имена. Более того, некоторые имена остаются в социокультурной памяти только благодаря фразеологизмам и в окружении слов, являющихся компонентами последних: *буриданов осел*, *прокрустово ложе*, *перстень поликрата*, *пиррова победа* и т. д.[13]

---

[13] Данные трансформации можно проиллюстрировать также фразой Ж. Делёза: «...индивидуальности был присущ классический дискурс; личности романтический. Но под *обоими* дискурсами, расшатывая и разрушая их, теперь заговорило безликое и грохочущее Основание» [Делёз 1998, с. 189].

Похожие отношения возникают между словом-концептом и образуемыми им фразеологизмами. Слово, его внутренняя форма[14], задает симптоматику, например, какой-либо образ. Образ реализуется в языке с помощью словосочетаний. Если словосочетания не исчезают из языка, а становятся устойчивыми и воспроизводимыми, то образ включается в семантическое пространство слова-концепта. Образ, заданный словом как симптом, реализуется в словосочетаниях, становится частью коллективных представлений и приписывается слову в качестве его семантического компонента. Ряд таксономических признаков подвергается при этом редукции[15]. Например, субъекты внутреннего мира человека: *память*, *сердце*, *душа* — задают симптоматику: *глубина*, которая реализуется в устойчивых словосочетаниях: *в глубине души / сердца / памяти*. Соответственно комментатор фразеологических текстов может отметить, что *душе*, *сердцу* и *памяти* как разным видам внутреннего пространства человека присущ параметр г л у б и н ы. Этот параметр, однако, не может быть приписан *уму*. Хотя об очень умном, мудром человеке говорят, что у него *глубокий ум*, однако, сочетание **в глубине ума* не является правильным.

Комментирование фразеологических текстов предполагает: а) исчисление образов; б) определение мотивации и истоков, образного основания. При этом появляются вопросы, на которые предположительно надо давать ответы. Например, почему *память* задает именно такую симптоматику? То, что ей приписывается *глубина*, а не, например, *ширина* или *высота* — случайность или закономерность? Можно ли найти этому объяснение, обращаясь к разным типам дискурса, например, к мифологическому или литературному, к повседневным практикам, к ритуалам? Можно ли усмотреть сходство симптоматики у других концептов? И некоторые другие. Комментирование фразеологических текстов согласуется с принципами герменевтики, по Хайдеггеру: истолковывающее понимание, или понимающее толкование, как основной модус, которым осуществляется Dasein.

Художественные и фразеологические тексты как объект интерпретаций[16]. Сходство между фразеологическими и художествен-

---

[14] Этимологические корни слова, внутренняя форма часто коррелируют с его образной семантикой Такие соответствия можно назвать а к т у а л ь н о й п а м я т ь ю с л о в а (о памяти слова см статью Е. С Яковлевой [Яковлева 1998]).

[15] Об этом см.: [Арутюнова 1990б, с. 296 297].

[16] О современных теориях интерпретации см. работу В. З. Демьянкова [Демьянков 1999].

ными текстами заключается в том, что и те и другие воспроизводят образы. Образ стоит «...посредине между непосредственной чувственностью и принадлежащей области идеального мыслью» [Гегель 1968—1973, т. 1, с. 44]. Философы обращаются как к художественным, так и к фразеологическим текстам. Художественные тексты помогают выявить симптоматику, фразеологические — определить коллективные представления.

> Многие работы философов XX века построены на интерпретации литературных текстов. Классическая работа Р. Барта «S Z» является комментарием к новелле О. де Бальзака «Сарразин». Ж. Делёз в своей основной работе «Логика смысла» использовал произведения Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес», «Алиса в Зазеркалье», «Охота на Снарка», Тита Лукреция «О природе вещей». Ж. Батай рассматривал произведения Бодлера, Захер Мазоха. Не случайно критики философов-постмодернистов считали, что последние занимаются не философией, а литературоведением, эссеистикой.

Обращение философов к фразеологическим текстам означает обращение к «житейскому», «бытующему», «расхожему» — к порядку нормы, выстроенному в языке. Приведу примеры из статьи (1) В. Соловьева [Соловьев 1989, с. 56] и из книги (2) М. Фуко [Фуко 1996, с. 253].

> (1) В житейских разговорах и в текущей литературе слово *судьба*[17] сопровождается обыкновенно эпитетами более или менее порицательными: *враждебная судьба, слепая, беспощадная, жестокая* и т. д., менее редко, но все-таки с некоторым неодобрением говорится *о насмешках и об иронии судьбы*. Все эти выражения предполагают, что **наша жизнь зависит от какой-то силы, иногда равнодушной или безразличной, а иногда прямо неприязненной и злобной.**
>
> (2) В течение долгого времени *кровь* оставалась важным элементом механизмов власти, ее проявлений и ее ритуалов. Для общества, где преобладают системы супружества, политическая форма монарха, дифференциация на сословные касты, ценность родословных, для общества, где голод, эпидемии и насилия делают смерть неминуемой, для такого общества *кровь* представляет собой одну из важнейших ценностей; цена ее определяется одновременно ее инструментальной ролью (возможность *пролить кровь*), ее функционированием внутри порядка знаков (*иметь определенную кровь, быть той же крови, согласиться рисковать своей кровью*), а также своей непрочностью (*легко проливаться, способна иссякать,*

[17] Здесь и далее шрифтовые выделения мои. *Н. Б*

> *слишком легко смешивается, быстро поддается порче*). Общество крови — я хотел уже было сказать: общество «кровавости» общество, где в почете война, где царит страх перед голодом, где торжествует смерть, самодержец с мечом, палач и казнь, общество, где власть говорит через кровь; **кровь здесь реальность с символической функцией**[18].

В первом примере фразеологизмы иллюстрируют коллективные представления, проявляющие иррациональное отношение к надличностной сущности, потусторонней мистической силе — к *судьбе*. Во втором — с помощью фразеологизмов, которые образуют слово *кровь*, показаны механизмы власти, действующей через ритуал. На основе устойчивой сочетаемости делаются суждения, референциально связанные с «обыденными, расхожими» представлениями и с системой социальных ценностей[19]. В обоих случаях речь идет о некоторых устоявшихся, укоренившихся представлениях. Для этого философы и лингвисты обращаются к общему месту, используют его в качестве иллюстрации, поскольку общее место прошло социальный отбор и социальную цензуру и имеет штамп: «одобрено обществом, годно к употреблению». Общее место — это власть большинства, это чистая реализация нормативности (нормы). Оно, с одной стороны, страхует от непредсказуемого (иногда и от умопомешательства), с другой — ограничивает свободу, подавляя индивидуальное либо выполняя роль инструмента такого подавления. Сказав: «Я люблю отца, как соль», — в семиотически значимой ситуации, Корделия уклонилась от общепринятых форм выражения любви (от фразеологии любви) к царственному отцу — и в наказание была лишена наследства.

Суммируя сказанное, можно отметить следующее. Слова-концепты заключают в себе нарративное ожидание, что предполагает регулярное возобновление вопроса: *Что есть?..* и появление новых (альтернативных) ответов-интерпретаций. Альтернативой лексикографическому описанию может стать комментирование слов-концептов. С этой целью уместно представить совокупность словоупотреблений слова как некий единый текст, названный *фразеологическим*. Такой текст имеет

---

[18] После событий 11 сентября 2000 г. в газетах опубликовали сообщение о том, что Ясир Арафат сдал кровь. (Американцев *призывали* сдавать кровь, для того чтобы оказать помощь многочисленным жертвам терактов.) Очевидно, что поступок Арафата это политический жест, в котором кровь имеет значение «реальности с символической функцией».

[19] О концептах *судьбы и крови* см. также работы лингвистов и культурологов [Арутюнова 1994; Шмелев 2002, с. 309 313].

определенное сходство с художественными текстами, равно как и ряд существенных отличий. Представляя собой набор анонимных цитат, этот текст можно рассматривать как общее место, манифестируемое средствами фразеологии. *Фразеологический текст* может стать объектом комментирования. Комментирование фразеологических текстов предполагает: а) исчисление образов; б) определение мотивации и истоков, образного основания. В основании такого комментирования лежат методы герменевтики.

Глава вторая

Память как субъект внутреннего мира человека (телесные, интеллектуальные, психические характеристики)

§ 1. Археология образов: языковые образы памяти

В некоторой совокупности фразеологизмов, образуемых словами-концептами, могут угадываться фрагменты мифологических, религиозных, философских, политических представлений. Фразеологизмы могут мыслиться как *след, отпечаток* ключевых концептуальных построений прошлого, а собственно фразеология — как область *археологии культуры.* С другой стороны, фразеология может содержать некоторые элементы, продуцирующие концептуальные построения *будущего.*

В работах, посвященных научной метафоре, проводится мысль о способности языка влиять на научные теории. Например, утверждается, что введение в научное употребление метафоры течения, тока в определенной степени повлияло на оформление *волновой теории.* Отчасти продолжая эту мысль, я хотела бы показать, каким образом языковое описание памяти, представленное фразеологическими единицами русского языка, соотносится с концепцией искусной памяти, разработанной в античности, и с концептуальным построением памяти в теории психоанализа. В первом случае фразеологизмы *на-следуют* некоторые представления, связанные с искусной памятью. Во втором случае они ей *пред-шествуют.* Перефразируя афоризм, приводимый в словаре Даля: *Память, относительно прошлого, то же, что заключенье, догадка и воображение относительно будущего,* можно сказать, что *фразеология — это память* относительно прошлого и *догадка* относительно будущего.

Искусная память. Древние греки различали естественную память и искусную память[1] (ars memorativa), развиваемую человеком путем специальных тренировок. Искусная память мыслилась как артефакт, как инструмент. Ее актуальность возрастает по мере развития и утверждения значимости риторики и снижается после появления первых печатных книг. Характер интерпретаций искусной памяти можно определить как ответ на вопрос: *В чьих руках инструмент?*

(1) *Память как инструмент оратора, ритора, судьи.* Создатели и приверженцы риторики в Древней Греции делали акцент на технической функции памяти: мнемоника способствует припоминанию «вещей».

(2) *Память философа, теолога.* Неоплатоники, Блаженный Августин, отцы церкви развивали идею божественной памяти. В платоновском смысле память выступает не как часть риторического искусства, но как целое. Знание истины о душе заключается в припоминании идей: память хранит истины о душе. Память философа свидетельствует ему о божественности и о бессмертии души. Согласно Блаженному Августину, Память, Рассудок, Воля представляют собой образ Троицы в человеке.

(3) *Память христианина.* Христианизация памяти связана с выделением этического аспекта. Получает развитие идея «памятных знаков» (Фома Аквинский, Бонкомпаньо), с помощью которых человек вспоминает пороки и добродетели. «Памятные знаки» выступают как точки повествования о добре и зле, о грехах и добродетелях. Это помогает человеку жить, не совершая множества грехов, и избежать преисподней.

> Бонкомпаньо приводит список памятных знаков: *мудрость, невежество, проницательность, опрометчивость, святость, порочность, доброта, жестокость, добродушие, свирепость, хитрость, простота, гордость, смиренность, смелость, боязливость, дерзость, страх, великодушие, малодушие...*

Согласно Альберту (Albertus Magnus De bono), образ, хранимый в памяти и выбранный для того, чтобы напомнить о добродетели, содержит intentio — стремления приобрести эту добродетель.

(4) *Память как инструмент мага.* Во времена Ренессанса (Камилло, Бруно) памяти приписывается магическая функция. Память рассматривается как инструмент мага, помогающий осуществить связь с

---

[1] Традиции искусства памяти были детально рассмотрены в книге Ф. Йейтс [Йейтс 1997].

космосом и тем самым способствующий постижению мира. Владение риторикой, памятью позволяет обрести магическую силу: оратор, опирающийся в своей речи на память, которая органически встроена в соразмерность мировой гармонии, может вызывать магические силы.

Из краткого обзора видно, что интерпретации памяти различаются.

> Дж. Вико (1668 1744) отмечал, что системы развития памяти, применявшиеся риторами со времен античности, были целенаправленно созданными разновидностями поэтической структуры языка. Эту же структуру первобытные люди использовали спонтанно. Мнемонику, таким образом, можно рассматривать как очищенную поэтической логикой память, которая основывается на доисторических структурах поэтического выражения [Вико 1994, с. 144—146; Хаттон 2003, с. 103].

Однако общим у всех интерпретаций является то, что *память* выступает в них как конструкт, артефакт, которому в разное время приписываются разные функции. *Я* человека является субъектом, как владельцем, хозяином собственной памяти. *Я* человека контролирует, конструирует собственную память, т. е. производит со своей памятью осознанные манипуляции, это воплощается в языке: *я отыскиваю, нахожу в памяти, обращаюсь к памяти.*

Необычайно интересной в этом отношении является «Исповедь» Блаженного Августина. В ней он выстраивает свой разговор о памяти преимущественно на тропах: *равнины и обширные дворцы памяти, обширные кладовые памяти, укромные неописуемые закоулки памяти, огромные палаты памяти, сокровищница памяти; память — это как бы желудок души, а радость и печаль — это пища сладкая и горькая; бродить по своей памяти* и др. В тексте также встречается много развернутых метафор. Например, о памяти, припоминании говорится следующее:

> Там же сложены и все наши мысли, преувеличившие, преуменьшившие и вообще как-то изменившие то, о чем сообщили наши внешние чувства. Туда передано и там спрятано, что забвением еще не поглощено и не погребено. **Находясь там, я требую показать мне то, что я хочу**; одно появляется тотчас же, другое **приходится искать** дольше, словно **откапывая** из каких-то тайников; что-то вырывается целой толпой, и вместо того, что ты ищешь и просишь, выскакивает вперед, словно говоря: «Может, это нас?». **Я мысленно гоню их прочь**, и наконец то, что мне нужно, проясняется и выходит из своих скрытых убежищ. Кое-что возникает легко и проходит в стройном порядке, который и требовался: идущее впереди уступает место следующему сзади и, уступив, скрывается, чтобы выступить

вновь, когда я того пожелаю. Именно так и происходит, когда я рассказываю о чем-либо по памяти (*Б. Августин. Исповедь*).

Здесь проявляется отчуждение *Я* человека от своей памяти: *Находясь там, я требую показать мне то, что я хочу*; ⟨...⟩ *приходится искать* ⟨...⟩ *словно откапывая из каких-то тайников*; ⟨...⟩ *я мысленно гоню их прочь... Я* человека предъявляет к своей памяти требования. При этом вопросы о том, как мыслится *Я* человека в момент обращения к своей памяти и как мыслится сама память, как бы ускользают из фокуса внимания, оставляя непроясненным один вопрос: можно ли (с точки зрения языка) считать память в полной мере присущей человеку в момент, когда он *роется, копается в своей памяти*, т. е. когда память описывается как дистанцированная, отчужденная от человека сущность? Возможно ли утверждение, что память мыслится как находящаяся внутри и одновременно вне человека?

Концептуальное поле памяти в русской фразеологии дает сходную с моделью искусной памяти картину, в котором человек является хозяином собственной памяти:

(1) *Я* человека обращается к памяти как к хранилищу вещей[2]: *человек роется, перебирает что-л, копается в памяти*; *он хранит, держит, удерживает чей-л. образ в памяти.* Для памяти-хранилища наиболее типичной является локализация внизу: *в подвалах памяти, в тайниках памяти*, но невозможно как устойчивое **на чердаке памяти.*

(2) *Я* человека обращается к *памяти* как к тексту: *вычеркивает, выбрасывает из памяти.*

(3) *Я* человека может владеть *памятью* как телесным органом[3]: *тренировать, совершенствовать, развивать, напрягать свою память.*

Данные формы языковой концептуализации памяти кореферентны представлениям о памяти, берущим начало в древности.

Память как «Телесный орган» кореферентна понятию искусной памяти, имеющей практическое применение в ораторском искусстве.

Память как «Хранилище» кореферентна основным положениям искусства мнемотехники, т. е. согласуется с представлением о формах упорядочивания памяти. Искусная память состоит из мест и образов (Constat igitor artificiosa memoria ex locis et imaginibus). Locus — это

---

[2] См. также часть I, гл. 3, § 3 *Среда памяти: способы формирования*, подраздел: *Человек вещи память формиру(ет)ют среду памяти.*

[3] См. также ниже подраздел: *Память — телесный орган.*

место, которое легко удерживается памятью, например, здание. Порядок в памяти задается последовательностью мест.

Понимание памяти как «Текста» также имеет связь с представлениями об искусной памяти, которая осознавалась как внутреннее письмо.

Таким образом, фразеология русского языка наследует или согласуется с теми представлениями о памяти, которые были созданы в античности и длительное время существовали в Европе. Человек мыслится как субъект, владелец, хозяин памяти, осуществляющий над нею контроль, а память — как Текст, Хранилище, Телесный орган.

Естественная память. Существует представление о естественной памяти, работающей в «автономном» от человека режиме, неподконтрольной желаниям, воли человека, создающей тексты о прошлом, которые возникают вне воли и сознания человека. Причины их возникновения лежат в области бессознательного, ср.:

(1) Она в шахматы не играла, никогда шахматными турнирами не интересовалась, но каким-то образом его имя было ей знакомо, **бессознательно въелось в память**, и она не могла вспомнить, когда впервые услышала его (*В. Набоков. Защита Лужина*).

(2) Смутная догадка, вызванная **обрывками случайно запавших в память прошлогодних разговоров**, вот, наверное, откуда и dejavue! мелькнула в Ликином мозгу, и Лика спросила: твою жену звали Ией? (*Е. Козловский Мы встретились в Раю...*).

(3) В городе он пообедал, погулял в саду, потом **как-то само собой пришло ему на память** приглашение Ивана Петровича, и он решил сходить к Туркиным, посмотреть, что это за люди (*А. Чехов. Ионыч*).

Ряд устойчивых словосочетаний, образуемых словом *память*, показывает утрату *Я* человеком функции хозяина, владельца, контролирующего свою память: ***В памяти*** *что-л. откладывается, запечатлевается, оставляет след, оставляет отпечаток, фиксируется, всплывает, живет, оживает, возникает, воскресает, встает, мелькает.* ***В памяти*** *остается след, хранятся образы, воспоминания, обрывки фраз, имена.* ***Из памяти*** *что-л. выпадает, выскакивает, вылетает, стирается, изглаживается.* ***Память*** *помогает, возвращает куда-л., выручает, изменяет.* Глаголы, описывающие деятельность памяти, независимой от воли человека, часто имеют частицу *-ся*: *помниться, вспоминаться, запомниться, запоминаться, припомниться, воспомянуться.* Человек перестает быть субъектом действия.

Память, как и другие субъекты внутреннего мира (*душа, ум*), способна к самостоятельным действиям, она делегирована замещать *Я* человека: *память подсказала* (ср. *я вспомнила*). В языке, во фразео-

логии присутствует идея перемещенной воли[4] (от человека к субъекту внутреннего мира) и безвластия человека в отношении собственных мыслей и чувств[5]: *Не властны мы в самих себе...* При этом с человека косвенно снимается ответственность: действует не он, а нечто, ему принадлежащее и вместе с тем отчужденное от него: не *я плохо помню*, а *память подвела*, ср. также: *Я лгу опять! я снова лгу перед Лицом Твоим, Господь! Это лгу не я, это лжет моя ослабевшая память!* (*В. Ерофеев. Москва — Петушки*).

Более чем через 15 веков после Блаженного Августина другая «ключевая личность» другой эпохи, З. Фрейд, ставит вопрос о *памяти*.

> Если бы кто-нибудь был склонен преувеличивать то, что нам известно теперь о душевной жизни, то достаточно было бы указать на функцию **памяти**, чтобы заставить его быть скромнее. Ни одна психологическая теория не была еще в состоянии дать отчет об основном феномене припоминания и забывания в его совокупности [Фрейд 1990].

Теория З. Фрейда о психологии бессознательного, которая определяет поведение человека, способы думанья, была нова в любых отношениях, но только не в отношении языка, в котором уже существовали конструкции, описывающие бессознательные процессы запоминания и припоминания.

Идея *перемещенной воли* согласуется с тем, как понимается в современной философии отношение между человеком и языком. Если в философии Нового времени *субъект определялся как хозяин языка, способов мышления и высказываемых идей, ему приписывалось господствующее начало*, то ряд современных философов утверждает, что *не человек владеет языком*, но *язык владеет человеком*, т. е. человек перестает быть субъектом действия. Язык навязывает свою волю говорящему. Соответственно язык наделяется характеристиками, которые в философии Нового времени приписывались субъекту:

> (1) «нечто» бессознательное, язык говорит посредством индивида и о нем. Как выражает это Хайдеггер, die Sprache spricht: «Человек действует так, словно бы он создатель и господин языка. Хотя на деле язык остается господином человека» [Heidegger 1971, 146].
>
> (2) ⟨...⟩ «Очевидно, что вещи человеческого мира это вещи мира, структурированного как речь, что язык, символические про-

---

[4] Во многих лингвистических работах используются термины: *контролируемость неконтролируемость*.

[5] См. также о власти чувств над человеком в статье Н. Брагиной [Брагина 1999].

цессы доминируют и правят всем» [Lacan 1985, p. 57] (цит. по: *Дэвид Мэйси*. О субъекте у Лакана // Логос (1999, № 5, с. 67).

(3) Но беспокоит также и то, что само выражение «языковые игры» не определяет ясно, говорящие ли играют на языке, или язык играет на говорящем (как играют на фортепиано) [Лиотар 1999, с. 95].

Нечто похожее мы имеем в концептуальном поле *памяти*, в том ее фрагменте, когда фразеологические единицы показывают, что *память* как бы диктует свою волю человеку. Утрата человеком функции субъекта действия означает переход от деятельности сознания к процессам бессознательного. Язык этот переход фиксирует с достаточной степенью определенности: *я вспомнила прошлое — прошлое вспомнилось; я отыскала в памяти его имя — в памяти всплыло его имя.*

У человека с серьезным расстройством памяти преобладают спонтанные воспоминания над воспоминаниями, вызываемыми усилием воли. О своем пациенте А. Р. Лурия пишет: «Образы прошлого всплывали во всей их яркости, со всеми подробностями, только поэтому он смог написать свой дневник... Но когда он пытался вызвать их намеренно, самостоятельно вспомнить что-нибудь — это не удалось ему» [Лурия 1996, с. 183]. Об этом в своем дневнике пишет и сам больной: «Вот возникает мысль, хорошая мысль, я начинаю брать в руки карандаш — и... мысль уже пропала, исчезла из моей памяти, и она уже не вернется в этот день, а может быть, и на следующий день, а если даже и вернется в какой-нибудь день, то я ее не узнаю, и она уже потеряет для меня смысл, потому, что я уже пишу дальше другие мысли и слова» [Там же, с. 203].

Одним из первых на согласование мыслительной деятельности с бессознательными процессами обратил внимание Ф. Ницше, сказав: «Мысль приходит, когда "она" хочет, а не когда "я" хочу; так что будет искажением сути говорить: субъект "я" есть условие предиката "мыслю". Мыслиться: но что это "ся" есть как раз старое знаменитое *Я*, это, выражаясь мягко, только предположение, только утверждение, прежде всего вовсе не "непосредственная достоверность"» [Ницше 1990, т. 2, с. 253].

Фраза послужила одним из поводов для пересмотра в XX в. понятий *субъекта и субъективности*. В работах Декарта и Канта субъект определялся как хозяин языка, способов мышления и высказываемых идей, ему приписывалось господствующее начало, ср. формулировку Декарта: *Ego cogito, ergo sum*, из которой следует, что человек является хозяином своей мысли. В XX в. это утверждение было подвергнуто критическому анализу: «Декарт и Кант пред-

ставляют собой классическое и героическое воплощение субъекта (у первого субъект определен быть хозяином и господином природы), попыткам как-то отделаться от этой державной фигуры посвящена большая часть работы философского и литературного модернизма. Писатели, подобные Прусту, вычерчивали растворение субъективности в размытых видениях и кристаллизациях воспоминаний, и все же, видимо, сокрушительный удар молотом наносит именно Ницше...» [Мэйси 1999, с. 67] (разрядка моя. *Н. Б*). М. Хайдеггер определяет значение понятия субъекта как метафизическое, которое «не имеет ближайшим образом никакого подчеркнутого отношения к человеку и тем более к Я» [Хайдеггер 1993, с. 49]. У Р. Барта субъективность исчезает, растворяется в коллективном. «Моя субъективность есть не более чем всеобщность стереотипов» [Барт 1994, с 20].

Процессы бессознательного объединяют, таким образом, Мысль, Память и Язык, связывая их отношениями концептуального согласования.

А. Бергсон в работе «Материя и память» различает два вида памяти: спонтанную, «которая воображает», и неспонтанную, «которая повторяет»[6]. В первой проявляется работа бессознательного / подсознания, во второй — разума и сознания. Деятельность спонтанной памяти имманентно присуща человеку, неспонтанная память проявляет себя реже, но, в отличие от первой, результат ее деятельности более заметен, так как полезен: «Воспоминания, приобретаемые усилием воли, повторением, редки, исключительны. Наоборот, регистрация памятью единственных в своем роде фактов и образов происходит каждое мгновение. Но так как *заученные* воспоминания наиболее полезны, их замечают в первую очередь» [Бергсон 1992, с. 209]. Первую А. Бергсон называет памятью в собственном смысле слова, вторая — «скорее *привычка, освещаемая* памятью, чем сама память» [Там же]. Память-воображение и память-привычка в общих чертах соответствуют рассмотренной здесь естественной и искусной памяти.

Таким образом, можно отметить следующее. Между фразеологией (фразеологическим текстом) памяти и концепциями памяти существуют отношения обусловленности. Фразеологизмы обладают способностью как апостериорного, так и априорного воспроизведения элементов концептуальных построений. Античная и средневековая концепции искусной памяти (памяти-привычки, по Бергсону) и базовые метафоры памяти-хранилища/текста/органа, которые обнаруживает анализ

[6] Разрядка моя *Н. Б.*

устойчивых употреблений русского языка, иллюстрирует первую ситуацию. Работа естественной памяти, в которой проявляется деятельность бессознательного (память-воображение, по Бергсону), и устойчивые словосочетания, в которых человек утрачивает функцию субъекта действия, являются иллюстрацией второй ситуации.

§ 2. Телесность памяти

Память — телесный орган. Определение *памяти* как 'органа' конкурирует с толкованием *памяти* как 'способности'. Это стало предметом обсуждения в лингвистических и лексикографических работах, ср. толкование *памяти*, предложенное в ТКС: '*Память X-а на Z* = специальное устройство внутри организма X-а, воплощающее способность X-а запоминать, помнить и вспоминать Z' ⟨...⟩ [Мельчук, Жолковский 1984, с. 559]. То, что память может пониматься как некий орган, отмечала Е. С. Кубрякова [Кубрякова 1991]. В последующих работах было предложено уточнение толкования, приводимого в ТКС: «С нашей точки зрения значение слово *память* не вполне детерминировано, и его организация соответствует предложенной выше схеме: 'способность ... или невидимый орган...'» [Урысон, 2003, с. 39]; «...конкретный концепт ОРГАН гораздо лучше подходит на роль обобщающей категории для слова *память*, чем СПОСОБНОСТЬ» [Падучева, 2000, с. 245].

Толковые словари определяют *орган* так: 'Часть животного или растительного организма, выполняющая определенную функцию' [МАС 1982, т. 2]. В свою очередь *организм* толкуется как: 'Живое целое (существо или растение) с его согласованно действующими органами' [МАС 1982, т. 2]. Можно согласиться с тем, что одной из базовых метафор *памяти* является метафора органа. Это означает, на мой взгляд, что *памяти* приписана телесность, т. е. она обладает некоторым набором характеристик, которые могут быть сопоставлены с некоторыми физическими свойствами организма, при этом по ряду физических параметров телесность памяти имеет ограничения.

> Слово *телесность* относится к прилагательному *телесный*, которое соответственно имеет отношение к *телу*. В одном из своих значений *тело* толкуется как: 'Человеческий организм в его внешних, физических формах'. Другое значение слова *тело* формулируется следующим образом: 'Ограниченное пространство, заполненное какой-н. материей, веществом' [Ушаков 1940, т. 4, с. 472—473]. Используя слово *телесность* применительно к памяти, я хотела бы подчеркнуть два момента. отнесенность памяти к организму чело-

века и материальную (относящуюся к материи) сторону *памяти*. Можно, например, сказать: *материя памяти*, *вещество памяти*, ср. стилистически не нейтральный, но допустимый с точки зрения нормы пример из произведения А. Платонова: Сафронов, сказал Вощев, ослабев терпеньем, лучше я буду думать без работы, все равно весь свет не разроешь до дна. Не выдумаешь, не отвлекаясь сообщил Сафронов, у тебя не будет **памяти вещества**, и ты станешь вроде Козлова **думать сам себя, как животное** (*А. Платонов. Котлован*).

Физический понимается как: 'связанный с деятельностью мышц, мускулов у живых существ' [Ушаков 1940, т. 4, с. 1078].

Как *тело* и/или его *органы*, *память* можно *тренировать*, *укреплять*... В народной культуре *памяти* также приписана телесность: *Память намозолил*, *все перезабыл* [Даль 1984, т. 1, с. 349]. Однако нельзя **делать операцию на памяти*, **оперировать память*.., но можно *делать операцию на сердце*, *на ноге*, *оперировать сердце*, *ногу*...

Что касается определения памяти как невидимого органа, то здесь возникает вопрос, касающийся смысловой связи между концептуальными метафорами *памяти*.

Метафоры *памяти* показывают, что *Я* человека воспринимает свою память в первую очередь зрительно: *всматриваться в свою память*; *образ*, / *картина всплывает в памяти*.., а также с помощью слуха: *вслушиваться в память*, *голос памяти*. Обращаясь к своей памяти, человек обращается к зрительным образам (язык приписывает *памяти* способность хранить также тактильные, осязательные и обонятельные ощущения). В связи с этим возникает определенное сомнение в правомерности толкования *памяти* как невидимого органа.

Визуальность *памяти* достаточно ясно прослеживается в большинстве образуемых ею метафор, которые показывают, что внутреннее зрение — это главный «инструмент» общения *Я* человека со своей памятью. У. Вордсворт писал о том, что глубинные структуры памяти, места, где время встречается с вечностью, могут быть восприняты только внутренним зрением [Хаттон 2003, с. 155].

Сомнение относительно определения *памяти как невидимого органа* хотелось бы подкрепить следующим рассуждением: можно ли, например, говорить о *сне* как о невидимой субстанции на том основании, что человек спит обычно с закрытыми глазами и *видит сны* внутренним зрением, как, собственно, и образы, *всплывающие в памяти*? Проснувшись, однако, он может нарисовать или описать свой сон, равно как и образ реального человека или какого-либо места, возникший в памяти.

Здоровье, болезнь памяти; память и возраст. Как уже отмечалось, *память* можно *тренировать, разрабатывать, развивать, напрягать, укреплять..*, т. е. поступать с ней как с *телом, сердцем, мышцами, руками, ногами.* Представления о том, что память можно улучшить/ухудшить формируют определенные подходы, которые условно можно назвать «спортивным», «биологическим» и «символическим». В рамках этих подходов *память* концептуализируется как телесный орган.

При «спортивном» подходе речь идет об укреплении памяти с помощью специальных упражнений («тренажеров памяти»), ср.:

(1) Главное захотеть чего-то, а потом все зависит только от тренировки. Но если **тренировать свою память, мускулы, психику регулярно**, то... ничего из вашей затеи не получится. Регулярность тренировок важна, но сама по себе она ничего не решает (*В. Суворов. Аквариум*)[7].

(2) «Ах, простая женщина, родня, кажется, кухарки или горничной, служившей у тебя когда-то». Кречмар мучительно **напряг память**. «Я, впрочем, сказала ей, что она обозналась, я умная девочка» (*В. Набоков. Камера обскура*).

«Биологический» подход находит выражение в народной медицине, в популярных изданиях, посвященных здоровью, а также в приметах. Согласно «биологическому» подходу памяти могут быть полезны либо, наоборот, вредны те или иные вещества, ср.:

(1) Расскажет он! послушайте! // Такая память знатная, / Должно быть (кончил староста) / Сорочьи яйца ел[8] (Н. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

(2) Кофе пить **память крепить** (http:/ www.km.ru/magazin view.asp?id=E9F28196F).

(3) После тарелки ячневой каши **память улучшается** на 37°₀, после картофельного пюре на 32°₀ (...) (http://www.km.ru/magazin/view.asp?id=A5332863A).

(4) Жир **притупляет память** (http:/ www.km.ru/magazin/view.asp?id=244C19E616734).

(5) **Пилюли памяти** (http://www.km.ru/magazin view.asp?id=EA4254C115874).

Показательно, что *память и мускулы* являются здесь однородными членами, что, на мой взгляд, подчеркивает телесность *памяти.*

[8] Примета: чтоб иметь хорошую память, нужно есть сорочьи яйца. (Примеч. Н. А. Некрасова.)

(6) Минералы и витамины, **улучшающие память** (http://www.km.ru/magazin/view.asp?id=597A246B62D)[9].

«Символический» взгляд на улучшение ухудшение памяти выражен в приметах, пословицах, поговорках, ср.: *На себе платье зашивать, пуговку пришивать — пришьешь память* [Даль 1955, т. 3, с. 14], *Кто ест и читает, память зачитает* [Даль 1984, т. 1, с. 349]. Если что-то нужно не забыть / вспомнить, говорят: *Завяжи* [*себе*] *узелок на память*; *Засеки* (*Заруби*) *на бирку* (*на нос*); *Намотай себе это на ус! Намотай на ус кольцом!* [Даль 1984, т. 1, с. 349].

Память и другие органы. Тело и его органы служат человеку, являются его помощниками. *На них он надеется, они выручают, спасают, помогают*, но в случае чрезмерной физической нагрузки *они могут не справиться, подвести, отказать, отказаться служить*. Ср.: *надеяться на свои руки / ноги; сердце* [*не*] *справилось* / [*не*] *подвело*; *голова выручила, / помогла.*

> Своих помощников больные люди могут характеризовать, согласуясь с названием того органа, функцию которого те своей деятельностью замещают. Человек с плохим зрением может сказать: *Это мои глаза*, — имея в виду своего помощника, читающего ему, рассказывающего об увиденном, помогающего перейти улицу и т. д. Человек с больными ногами о том, кто ходит для него в магазин за продуктами, на почту, в аптеку и т. д., скажет: *Это — мои ноги. Это — мои руки*, — скажет человек с больными руками о том, кто помогает ему делать ручную работу. Эта «обратная» референция (помощник => название органа), как кажется, служит подтверждением мысли о том, что в отношении к *Я* человеку органы, части тела концептуализируются как его помощники.

Аналогичные словосочетания образует и *память*: *память помогает, спасает, выручает, подводит* и т. д. Ср.:

> Он начал припоминать, но **память как-то тупо ему служила** (*М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы*).

В отличие от других телесных органов *память* может *изменить человеку*. Словосочетания **голова, сердце, руки, ноги... изменили* невозможны.

Словосочетание *память изменяет* сближает *память* с такими субстанциями, как *слух, зрение, силы, воображение*. Взаимоотношение с

---

[9] Ни в одном из приводимых примеров слово *память* не может быть заменено словом *душа*. По-видимому, такой признак как телесность, хотя и приписан слову *душа* (ср.: *болезнь души, душа болит, тепло души* и т. д.), но редуцирован в большей степени, чем у слова *память*.

ними человека может оформляться при помощи слов-концептов «доверия» и «измены». Ср.: *доверять своей памяти / своему слуху / своему зрению / своим силам / своему воображению..; память, слух, зрение, силы, воображение... изменяет кому-л.*[10]

Конструкт доверия, по-видимому, проявляет определенную степень близости человеку той или иной субстанции. В качестве иллюстрации можно рассмотреть глаголы *изменять и подводить/подвести. Подвести* имеет толкование: 'Неожиданно поставить в затруднительное, неприятное положение какими-либо действиями'; *изменить* — 'нарушить верность кому-чему-н., предать' [Ушаков 1935, т. 1, с. 1166; 1939, т. 3, с. 368]. *Подвести*, таким образом, предполагает нарушение каких-либо внешних договоренностей, *изменить* — разрушает доверие, соответственно разрывает внутренние связи. Можно сказать: *Я рассчитывала на подругу, а она меня подвела*; *Я доверяла / верила подруге, а она мне изменила*; и значительно хуже: *'Я рассчитывала на подругу, а она мне изменила*; *'Я доверяла / верила подруге, а она меня подвела*[11].

Язык показывает, что между человеком и его телом (частями и органами тела), с одной стороны, а также между человеком и его основными чувствами, физической энергией, способностями — с другой, существует некое подобие договорных отношений, которые можно охарактеризовать соответственно как внешние и внутренние. Первые относятся, прежде всего, к телу, вторые — к субъектам внутреннего мира.

Внешние отношения актуализируют идею служения, подчинения человеку. Человек командует, руководит своим телом. Нарушение отношений описывают глаголы: *отказать, подвести, перестать слушаться, выйти из повиновения*, а также *шалить, пошаливать*. Мы говорим: *рука, нога перестала слушаться, отказала, подводит, пошаливает*. Это — отношения начальника с подчиненным. Человек связан с телесными органами преимущественно внешними отношениями.

Внутренние отношения заключают в себе идеи доверия и верности. Человек дружит с субъектами внутреннего мира, он им доверяет. Нарушение / разрушение отношений описывается как нарушение верности: *память, воображение, слух, зрение, силы... начали*

---

[10] Следует также отметить, что сочетаемость слов *зрение, слух* и слова *память* частично совпадает: *тренировать, разрабатывать, развивать, напрягать, укреплять... зрение / слух*; *что-л. (черника, рыба, жир...) улучшает, ухудшает, притупляет... зрение / слух.*

[11] Данное предложение не представляется, однако, совершенно невозможным.

ему изменять. Подобные отношения человек также устанавливает с самим собой, ср.: *верить / доверять самому себе, изменять самому себе, предать самого себя. Человек* может также *подвести самого себя*, но плохо сказать: **человек отказал самому себе / перестал слушаться самого себя / вышел из повиновения самому себе*.

С *памятью* человек связан и внешними, и внутренними отношениями: она ему *служит*, может его *подводить*, а также *изменить* ему. Словосочетания *память отказала / перестала слушаться / вышла из повиновения* не кажутся невозможными, однако в реальных текстах они не встретились ни разу. Похожую сочетаемость имеют *зрение* и *слух*.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что синтаксическое поведение *памяти* сближает ее с основными чувствами человека (двумя из пяти, по крайней мере): *зрением и слухом*. И те, и другие оказываются то в позиции подчиненного (подчиняются человеку), то в позиции друга (человек им верит, доверяет). Это позволяет говорить о концептуальном согласовании *памяти, зрения* и *слуха*.

Память мыслится так же, как телесный орган. Однако в ряде параметров ее телесность ограничена, и это отличает ее от других «реальных» органов и частей тела: *сердца, легкого, рук, ног* и т. д.

Относительно взаимосвязи памяти и *Я* человека можно предположить, что память удалена от *Я* человека (внешние отношения) в той мере, в какой ей приписана в языке телесность и выполнение функции органа. С другой стороны, в той мере, в какой телесность памяти редуцирована в языке (внутренние отношения), она сближается с *Я* человека, играя роль его друга, советчика, собеседника, а также (в ряде контекстов) принимая на себя ответственность за его поступки.

> Это предположение согласуется с мыслями, высказанными Ж.-Л. Нанси о противопоставленности Ego и corpus: «*Но corpus никогда не есть собственно я* (*moi*). Он всегда "объект": тело, противопоставленное (ob-jectй) самому *притязанию быть телом-субъектом*, или субъектом-внутри-тела». «Тело всегда противопоставлено извне "мне" или другому. Тела прежде всего и всегда суть другие, а другие, точно так же, прежде всего и всегда суть тела» [1999, с. 54, 55]. Эта дистанцированность между Я-человека и его телом проявляется в языке. Чем менее выражен параметр телесности у субъектов внутреннего мира, тем менее они дистанцированы от *Я* человека; тем больше вероятность их сближения с *Я* человеком, вплоть до замещения его и перераспределения его функций [12].

[12] См. выше тезис о растворении субъективности: часть I, гл. 2, § 1. *Археология образов: языковые образы памяти*, подраздел: *Естественная память*.

Частичная потеря памяти. Как и тело человека *память* небезразлична возрасту. Стереотипным является представление о том, что хорошей памятью наделены молодые, здоровые люди; плохая память — у людей немолодых либо не вполне здоровых (алкоголиков, наркоманов и т. д.). Такая оценка соотносится с образом памяти как телесного органа.

(1) Экспедицию вел Иван, **у мальчишки были хорошая память** и собачье чутье (*А. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина*).

(2) **Раньше, когда мой организм не был отравлен алкоголем, у меня, старик, была хорошая память**... А теперь вот... кончено, брат! (*М. Горький. На дне*).

Можно говорить о болезни тела, равно как и его органов (ср.: *болезнь сердца, горла, дыхательных путей*). Можно лечить болезни и больные органы, ср.: *лечить*: *сердце инфаркт, горло ангину, легкие воспаление легких.* Можно *лечиться от склероза маразма*, нельзя, однако, **лечить память*, ее можно только *укреплять.* Медицинскими симптомами заболеваний, связанных с потерей памяти, являются *частичная потеря памяти, провалы памяти.*

О частях тела говорят: *потерять руку часть руки, ногу часть ноги*, но невозможно сказать: **частичная потеря руки, ноги, легкого... О памяти*, наоборот, можно сказать: *частичная полная потеря памяти*, но не говорят: **потерять часть памяти.*

Частичная потеря памяти означает, что свойство нормальной памяти избирательно запоминать и воспроизводить события прошлого[13] трансформируется в немотивированное забывание, которое является (как правило) результатом какого-н. заболевания либо возникает по причине старости. Воспоминания о некой непрерывной последовательности событий прошлого внезапно прерываются, сменяясь полным отсутствием каких-л. *воспоминаний, образов, фрагментов, обрывков.* Внезапно возникшая в цепочке событий пустота, которая не согласуется ни с нормальной деятельностью памяти, ни с логикой прошлого, называется *провалом в памяти, черной дырой.*

А. Р. Лурия приводит дневниковые записи человека, который потерял память в результате черепного ранения. В них пациент утрату памяти сравнивает с ненормальностью: «Я сделался после ранения в полном смысле слова ненормальным человеком, но только я сделался ненормальным человеком не в смысле сумасшедшего — нет, вовсе нет. Я сделался ненормальным человеком в смысле утраты огромного

[13] Об этом см. часть I, гл. 4, § 1. *Селективная функция памяти.*

количества памяти и длительного невспоминания ее остатков... В моем мозгу все время путаница, неразбериха, недостатки и нехватка мозга...» [1996, с. 113].

Наличие «пустот» отличает *память* от других телесных органов и частей тела, мыслимых как целостные материальные субстанции. Внутри них невозможны необычны полые места: *дырки*, *пропуски*, *пробелы*, *провалы*. Ср. также: о плохой *памяти* говорят, что *она — дырявая*[14].

> Исключение, по-видимому, составляет *зрение*, ср.: «...если осколок прошел через волокна "зрительного сияния", разрушив часть из них, в зрении появляются пустоты, слепые пятна, выпадает целая часть (иногда половина) зрительного поля» [Лурия 1996, с. 127]. Этот комментарий был дан в связи с заболеванием человека, лишенного вследствие контузии памяти и возможности нормального зрительного восприятия. То, что зрительное восприятие непосредственно связано с памятью, факт общеизвестный. О том, как это описывает язык средствами фразеологии, речь пойдет ниже. Здесь хотелось бы обратить внимание на смысловые совпадения между описанием участков пораженного зрения (*пустоты*, *слепые пятна*) и «участков пораженной» памяти: *провалы* / *пробелы в памяти*.

Фразеологизмы *быть без памяти*, *прийти в память* отмечаются словарями как устарелые и синонимичны сочетаниям, которые образует слово *сознание*: *быть без сознания*, *прийти в сознание* / *в себя*. Это неоднократно отмечалось как в словарных дефинициях, так и в лингвистических статьях. Приведу иллюстрирующие примеры:

(1) К вечеру ему стало легче, **больной пришел в память** (*А. Пушкин. Дубровский*).

(2) Она была **без памяти.** Мы изорвали чадру и перевязали рану как можно туже; напрасно Печорин целовал ее холодные губы **ничто не могло привести ее в себя** (*М. Лермонтов. Герой нашего времени*).

(3) **Не в полной памяти** прошел он и в ворота своего дома; по крайней мере он уже прошел на лестницу и тогда только вспомнил о топоре (*Ф. Достоевский Преступление и наказание*).

Частичная потеря памяти может быть вызвана чисто физическими и/или психическими причинами. К первым относится: болезнь; контузия; удар по голове; высокая температура, вызывающая бред; запой; старость и т. д., ср.:

---

[14] О *дырявой памяти* см. в данной гл. ниже: § 5. *Аксиология памяти Хорошая и плохая память.*

(1) Он ничего об этом не помнит, — сказала Анна. — У него **частичная потеря памяти**. Это бывает при сильной контузии (*В. Пелевин. Чапаев и пустота*).

(2) Он по целым дням **лежал без памяти**; но даже и в бреду просил невестку сказать, что его дома нет, если постучится смерть (*И. Бунин. Деревня*).

(3) Меня чуть слезы не прошибли, маточка, когда я прочел, что он **спился, грешный, так, что память потерял, горьким сделался** и спит себе целый день под овчинным тулупом, да горе пуншиком захлебывает, да плачет жалостно, грязной полою глаза утирая, когда вспоминает о заблудшей овечке своей, об дочке Дуняше! (*Ф. Достоевский. Бедные люди*).

(4) Ты героя брось ломать. Что за слух тут такой идет, что у тебя **память отшибло**? (*В. Пелевин. Чапаев и пустота*).

(5) Везли левшу так непокрытого, да как с одного извозчика на другого станут пересаживать, все роняют, а поднимать **станут ухи рвут, чтобы в память пришел** (*Н. Лесков. Левша*).

(6) Он **редко был в памяти**; часто **был в бреду**; говорил бог знает о чем: о своем месте, о своих книгах, обо мне, об отце... (*Ф. Достоевский. Бедные люди*).

Психические причины, вызывающие временную потерю памяти, связаны с аффективным состоянием человека, ср.:

(1) Люди стонали только в первую минуту, когда **без памяти** бежали к месту пожара (*М. Салтыков-Щедрин. История одного города*).

(2) **От этого поцелуя у меня голова закружилась, я память потеряла:** можно ли этому поверить, Вера Павловна, чтобы это могло быть после такой моей жизни? (*Н. Чернышевский. Что делать?*).

(3) Но в таком **волнении**, как вы теперь, **законы запоминания нарушаются**, и **память может изменить** вам (*Н. Чернышевский. Что делать?*).

(4) И точно, глядит, Бакшей еще раз двадцать Чепкуна стеганул и все раз от разу слабее, да вдруг бряк назад и левую Чепкунову руку выпустил, а своею правою все еще двигает, как будто бьет, но **уже без памяти, совсем в обмороке** (*Н. Лесков. Очарованный странник*).

От других телесных органов *память* отличает также способность к регенерации. Утрата человеком любого телесного органа не может быть временной, она необратима и может быть смертельной. Модус существование памяти — возвращение. *Память*, утраченная в результате каких-л. событий, может вернуться к человеку так же, как внезапно возвращается в *образах*, *картинах*, *воспоминаниях* что-то забытое, выпавшее из памяти. *Потеряв память*, будучи *без памяти*, человек через некоторое время *приходит в память* (ср. также *прийти в себя*),

восстанавливает память. Мы говорим: *К нему вернулась память*. Язык аналогичным образом описывает аналогичные процессы, происходящие с основными чувствами, ср.: *частичная / полная потеря зрения, слуха*; *восстановить зрение/слух*; *к кому-л. вернулось зрение/слух*. Это в очередной раз демонстрирует их близость *памяти*.

Здравый ум и твердая память. Заболевания, связанные с резким ухудшением памяти, лишают человека возможности быть полноценным членом социума, например, подписывать документы. Это отличает *память* от других органов, болезнь которых не приводит к потере социального статуса, и сближает ее с *умом*, *рассудком*. *Память* так же, как и *ум*, *рассудок*, имеет социальную функцию. Выражаясь юридическим языком, она отвечает за дееспособность человека.

Тот, кто не имеет памяти (*лишился памяти*), не имеет юридических прав, он признается «недееспособным», т. е. в социальном отношении становится «недочеловеком». Подписывая документ, например, завещание, человек пишет: *Находясь в уме и твердой памяти... Твердая память* здесь синонимична *сознанию*. Предполагается, что человек сознательно совершает указанные действия и несет за них полную ответственность. Ср. также:

(1) Пьющий просто водку **сохраняет и здравый ум, и твердую память** или, наоборот, теряет разом и то, и другое. А в случае со «Слезой комсомолки» просто смешно: выпьешь ее сто грамм, этой слезы, память твердая, а здравого ума как не бывало. Выпьешь еще сто грамм и сам себе удивляешься: откуда взялось столько здравого ума? и куда девалась вся твердая память?.. (*В. Ерофеев. Москва — Петушки*).

(2) Вы думаете, я забыл? Нет, я все помню Думаете, я вам спасибо скажу, что вы меня живым оставили, не утопили? Кол вам, а не спасибо. Теперь вам всем конец, понятно? Я ничего этого не оставлю. Теперь я решаю. Я, Рэдрик Шухарт, **в здравом уме и трезвой памяти** буду решать все и за всех (*А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине*).

(3) Прошло полгода, и Янсену теперь дико было даже вспоминать, неужели вот этой рукой он когда-то **в здравой памяти** держал спину танцующей мадам Ламоль? Неужели какие-то несколько минут, половина выкуренной папиросы, отделяли его от немыслимого счастья (*А. Толстой Гиперболоид инженера Гарина*).

Помимо социального статуса *память* также «отвечает» за идентичность. Человек без памяти утрачивает идентичность.

Габриэль Гарсия Маркес в романе «Сто лет одиночества» описывает состояние утратившего память человека: «В его памяти начинают стираться воспоминания детства, потом названия и назначения предме-

тов, затем он перестает узнавать людей и даже утрачивает сознание своей собственной личности и, лишенный всякой связи с прошлым, погружается в некое подобие идиотизма» (цитируется по: [Лоуэнталь 2004, с. 313]).

В стихотворении И. Бродского «Лагуна» потеря памяти, отчизны[15], сына превращает человека в «совершенное никто»:

> И восходит в свой номер на борт по трапу
> постоялец, несущий в кармане граппу,
> **совершенный никто**, человек в плаще,
> **потерявший память, отчизну, сына**;
> по горбу его плачет в лесу осина,
> если кто-то плачет о нем вообще (*И. Бродский. Лагуна*).

§ 3. Память — Ум, Рассудок, Разум. Отношения конъюнкции и дизъюнкции

Отношение конъюнкции. Концептуальное согласование *памяти* с *разумом*, *мышлением* и *рассудком* имеет давнюю языковую[16] и философскую традицию. Рассматривая связь *памяти* с процессами мышления, П. А. Флоренский отмечает, что теория познания делает *память* основной познавательной функцией *разума*. «Подобное же убеждение выражает и Платон, облекая его образами мифов. «Мать Муз» — т. е. видов духовного творчества — «"П а м я т ь, Μνήμη", говорит он в диалоге своей юности; знание — "п р и п о м и н а н и е, ἀνάμνησις мира трансцендентного", высказывается он в зрелом возрасте» [Флоренский 1990, т. 1, с. 200—201]. Обсудив также понятие трансцендентальной памяти как основы знания у Канта и взгляды А. Бергсона, для которого «память» (...) есть та деятельность, с которой мы вступаем в область духа и которая делает духовное существо самосознательным, т. е. самим собою», Флоренский делает вывод, что «вся теория познания, в конечном счете, есть теория п а м я т и» [Там же, с. 201].

В религиозном дискурсе конструкт *памяти* также связывается с *разумом*, ср.:

---

[15] Отношение *памяти* и *родины отчизны* особая тема, которой я не буду здесь касаться.

[16] На связь *памяти* с *мыслью*, *разумом* и *рассудком* указывают данные этимологии. Подробнее см. часть I, гл. 1, § 1. *Лингвистические и лексикографические описания*, подраздел: *Объем лексикографической информации*.

Память укрепляет разум, возращает в мудрости и ведет к знанию и свидетельству о Боге, добре и зле, т. е. к гносису (ведению) и пророчеству. Поэтому и говорит тот же Иисус, сын Сирахов: «Помни (в смысле ведай, знай) завет Всевышнего и презирай невежество» (Сир 28:8). А в Третьей книге Ездры говорится: «Сердце мое дышало разумом, и в груди моей возрастала мудрость, ибо дух мой подкреплялся памятью; уста мои были открыты и больше не закрывались» (3 Езд 14:40—41) [Кочетков 2004, с. 16].

В современном русском языке *память* часто включается в цепочку однородных членов, характеризующих интеллектуальное состояние человека, его мыслительную деятельность и интеллектуальные возможности: *ум, рассудок, разум, соображение, мысль, смысл*[17]. Под *тренировкой ума* мы часто понимаем *тренировку памяти*. *Утрата разума, рассудка* может сопровождаться *утратой памяти*. Наоборот, собираясь с мыслями, начиная думать, анализировать, человек активизирует *память* — «собирается с памятью».

Память связана с *рассудком, разумом, соображением,* отношениями конъюнкции. Сочинительные конструкции, включающие данные компоненты, встречаются достаточно часто: *память и рассудок, соображение и память, мысли и память*. Ср.:

(1) Кто в часы безумия не щадит бога, тот в часы **памяти и рассудка** не пощадит незаконной власти (*А. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву*).

(2) Уверенность, что все, **даже память, даже простое соображение оставляют** его, начинала нестерпимо его мучить (*Ф. Достоевский. Преступление и наказание*)

(3) «Стало быть, **не оставил же еще совсем разум**, стало быть, **есть же соображение и память**, коли сам спохватился и догадался! подумал он с торжеством, глубоко и радостно вздохнув всею грудью, просто слабосилие лихорадочное, бред на минуту» (*Ф. Достоевский. Преступление и наказание*).

(4) Сейчас расскажу тебе: дай собраться **с мыслями и памятью**. А ты запиши: может быть, кому-нибудь пригодится (*И. Гончаров. Обломов*).

(5) Руслан томился молчаливо, **И смысл и память потеряв** (*А. Пушкин. Руслан и Людмила*)

(6) Просто от этого виденья на ее танец все словно **свой весь ум потеряли; рвутся к ней без ума, без памяти**· у кого слезы на глазах, а кто зубы скалит, но все кричат: «Ничего не жалеем: танцуй!» (*Н. Лесков. Очарованный странник*).

---

[17] Об этих связях см. также ниже: § 5. *Аксиология памяти. Хорошая и плохая память.*

В лингвистических работах отмечалось, что *память* локализуется в *голове*, хотя возможна также локализация в *сердце* [Кубрякова 1991, с. 85—91; Урысон 2003, с. 37—41]. Это соответствует обыденным представлениям, ср: «Мне хотелось написать каким-нибудь врачам, что у меня не работает голова, и ничего в ней не держится — в моей голове, в ее памяти», — пишет в своем дневнике молодой человек, потерявший память в результате контузии [Лурия 1994, с. 173].

Когда говорят: *Совсем вылетело из головы!* — имеют в виду, что некая информация, которой говорящий намеревался с кем-то поделиться, временно исчезла из памяти.

В народной культуре (в пословицах и поговорках) *память* также локализуется в *голове*: *Память в темени, мысль во лбу, а хотение в сердце*; *Хоть лоб взрежь, ничего не помню*; *Так вот на уме и вертится. В голове* (*На памяти*) *захлестнуло* [Даль 1984, т. 1, с. 348]. *Память* также может выступать как контекстный синоним к словам *голова, ум, толк*: *Ломать голову. Надрывать память*; *Считать на умах* (т. е. *на память, не по счетам и не на бумаге*); *Сшибся с памяти. С толков сбился.*

Сильное иррациональное чувство — *любовь*, состояние *влюбленности*, — лишает человека *ума, рассудка, головы* и *памяти*. Мы говорим: *Он от нее потерял голову, она от него без ума, / без памяти, он безрассудно влюбился* и т. д. Чувство *любви* основывается на деятельности сердца. Способность *думать, рассуждать* и (что интересно) *помнить* при этом подавляется. Так описывает *любовь* литература, философия, об этом же свидетельствует язык. Ср. также:

(1) Эти подробности вообще должны казаться приторными, итак я пропущу их, сказав вкратце, что не прошло еще и двух месяцев, а мой **Алексей был уже влюблен без памяти**, и Лиза была не равнодушнее, хотя и молчаливее его (*А. Пушкин. Барышня-крестьянка*).

(2) Гостей множество, все они молоды, прекрасны, храбры, **все без памяти влюблены** в королеву (*И. Тургенев. Первая любовь*).

(3) Нет, ничего он парень. Я, если честно, таких рослых и румяных не люблю. **Девки от них без памяти**, а чего, спрашивается? Не в росте ведь дело... (*А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине*).

Связь памяти с интеллектуальной деятельностью может стать предметом стилистической игры, ср.:

А потом — потом я с усилием **припоминал** и накапливал факты, а, накопив, **сопоставлял**. А, сопоставив, **начинал опять восстанавливать, напряжением памяти и со всепроникающим анализом.** А потом переходил **от созерцания к абстракциям**, другими словами,

вдумчиво опохмелялся и, наконец, узнавал, куда же все-таки девалась эта пятница (*В. Ерофеев. Москва — Петушки*).

Усилия, связанные с припоминанием вчерашнего дня[18], проявляют напряженную работу мысли. При этом сам мыслительный процесс описан не как банальная попытка вспомнить *где был; с кем пил*, а как аналитическая работа философа. Здесь также имеет место аллюзия на марксистско-ленинскую теорию отражения. (Последняя была одной из главных тем курса марксистско-ленинской философии, читавшегося во всех вузах Советского Союза.)

Отношение дизъюнкции. *Память* и *ум* могут не связываться друг с другом, а наоборот, подчеркнуто разделяться: *память притупляется, но ум работает*; *ум работает плохо, а память — хорошо*. Это отражено в поговорке: *Безтолковъ, да памятливъ* [Даль 1955, т. 3, с. 14]. Ср. также:

(1) Тако учащийся, приступив к неизвестному языку, поражается разными звуками. **Гортань** его необыкновенным журчанием исходящего из нее воздуха **утомляется**, и язык, новообразно извиваться принужденный, изнемогает. **Разум тут цепенеет, рассудок без действия ослабевает, воображение теряет свое крылие; единая память бдит и острится и все излучины и отверстия свои наполняет образами неизвестных доселе звуков** (*А. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву*).

(2) Это было после ряда сильных и мучительных припадков моей болезни, а я всегда, если болезнь усиливалась и припадки повторялись несколько раз сряду, **впадал в полное отупение, терял совершенно память, а ум хотя и работал, но логическое течение мысли как бы обрывалось**. Больше двух или трех идей последовательно я не мог связать сряду (*Ф. Достоевский. Идиот*).

(3) Подумай, старик, посоветовал Чиклин. Да **думать-то уж нечем. — Ты жил долго: можешь одной памятью работать**. А я все уж позабыл, хоть сызнова живи (*А. Платонов. Котлован*).

В языке и культуре существует также представление о том, что *память* концептуально согласуется с *душой, сердцем*. В этом случае память оказывается включенной в оппозицию: *ум, разум, рассудок* vs. *душа, сердце, память*, ср.:

---

[18] Стереотипным признаком сильного алкогольного опьянения является наличие *провалов в памяти*. Поэтому наутро после попойки (в русской культуре) принято опохмеляться и пытаться вспомнить вчерашний день, ср.: *напиться до беспамятства*; *Я так напился, что ничего не помню*.

> Единая сущность человека разрывается надвое. Мыслитель-поэт встречается все реже. Преобладает все сильнее **разум** — Нус, Фронема, более свойственный мужчинам, вместо **памяти** — Мнемы, Эстесиса и Тимоса **чувства, сердца и души** (*И. Ефремов. Таис Афинская*).

Отношения противопоставления *памяти разуму, рассудку* будем называть дизъюнкцией. В последнем примере показано, что работа памяти может как бы замещать работу ума.

Отношения дизъюнкции проявляются также в специфике речевого поведения. В обыденной речи люди легко сокрушаются по поводу своей забывчивости, жалуются на свою память: *Да, совсем забыла / вылетело из головы / запамятовала... — Память совсем ни к черту стала! — Может, влюбилась?* Возможна также самоирония: *Что-то с памятью моей стало...* Что касается *ума, рассудка*, то в аналогичных контекстах они употребляются значительно реже. Это было тонко и иронично подмечено Ф. Ларошфуко: *Все жалуются на свою память, но никто не жалуется на свой разум.* Фраза оказалась точной и стала крылатой.

§ 4. Память и понимание

Память и понимание: лексикографические, философские и когнитивные описания. *Память* и *понимание* являются центральными категориями процесса *познания*. С середины XX века *понимание* трактуется как универсальная познавательная способность и в более широком смысле — как способ бытия человека в мире. Рассмотрим, как проявляются отношения памяти и понимания в лексикографических, философских и когнитивных описаниях.

Определения *понимания*, даваемые толковыми словарями, не проясняют отношений между ним и *памятью*[19]. В них либо вообще не содержится информации о том, как, собственно, происходит проникновение в смысл чего-л. *постижение, уяснение, осмысление, осознание, уразумение* и т. д. (словарь Ушакова), либо она дана достаточно

---

[19] Ср.: *Понимание* 1. только ед. Способность, умение проникнуть в смысл чего-н., усвоить, сознать его; состояние сознания, к-рому ясен, открыт, известен смысл чего-н. [Ушаков 1939, т. 3, с. 578]. *Понимать X понимает У* = то, что X обработал или обычно обрабатывает компонентом своей психики W разумом, факты, связанные с У-м, каузировало то, что X (α) имеет или (β) начинает иметь в сознании истинную информацию Z о существенных свойствах У-а [Мельчук, Жолковский 1984].

абстрактно: 'X обработал или обычно обрабатывает компонентом своей психики W разумом, факты, связанные с У-м'.

Философские определения более эксплицитно, чем лексикографические, связывают *процесс понимания* с *памятью*[20]. *Понимание* интерпретируется как *постижение и реконструкция* смыслового содержания, *воспроизведение и порождение* смыслов [ФЭС 1989, с. 403—494]. Х. Г. Гадамер вводит понятие *предварительного понимания*, которое задается *традицией* и в рамках которого только можно жить и мыслить. *Предпонимание* можно исправлять, корректировать, но полностью освободиться от него нельзя. Это необходимая предпосылка всякого понимания.

Еще более полную информацию о том, как происходит понимание, и какую роль играет в этом память, дают исследования когнитивных процессов. Центральным при этом оказывается определение границы между настоящим и прошлым: как и когда настоящее перетекает в прошлое; как соотносятся процессы восприятия и воспоминания.

В работе «Ускользающее сейчас» Ф. Варела предложил шкалу длительности элементарных когнитивных процессов. Ощущение настоящего, длящегося в пределах от полусекунды до 2—3 секунд, не требует воспоминания; шкала 10 секунд соответствует описательно-повествовательным оценкам и соотносится с чувством собственной идентичности. Здесь уже можно различить прошлое — но такое, которое не совсем оторвалось от настоящего, еще удерживается в нем. Э. Гуссерль называл такие связки настоящего с прошлым *ретенциями, удержаниями*[21]. Ж.-Ф. Лиотар пишет *о внепамятном* — прошлом, которое не прошло, а все еще здесь. Это — прошлое «которое не является объектом воспоминания в качестве чего-то, что было забыто и должно быть припомнено ⟨...⟩ Которое не выступает здесь даже в роли пробела, отсутствия, terra incognita, но которое тем не менеее здесь. Эти коннотации противоречивы лишь в философии сознания — феноменологической, эпистемологической, политологической. Они перестают быть таковыми в рамках гипотезы о глубинном подсознательном» [Лиотар 2001, с. 24].

Подобно тому, как прошлое оказывается включенным в настоящее, память оказывается включенной в процесс понимания. Это можно вы-

---

[20] Ср.: *Понимание* — универсальная форма освоения действительности, постижение и реконструкция смыслового содержания явлений исторической, социокультурной, а также природной реальности. *П.* единство процессов воспроизведения и порождения смыслов [ФЭС 1989, с. 403—494].

[21] Подробнее см. статью [Князева, Туробов 2002, с. 150—151].

разить формулами: *Я понимаю, это значит, я помню*; *Я понимаю, потому что я помню.*

Рассматривалась и обратная связь: понимание включено в память: *Я помню, это значит, я понимаю*; *Я помню, потому что я понимаю.* Платон связывает знание с припоминанием: «Постой-ка, Сократ, подхватил Кебет, — твои мысли подтверждают еще один довод (...) а именно что знание на самом деле не что иное, как припоминание: то, что мы теперь припоминаем, мы должны были знать в прошлом, — вот что с необходимостью следует из твоего довода» [Платон 1993, т. 2, с. 26]. Так понимал значение *анамнесиса* Платон и в этом значении *анамнесис* впоследствии вошел в европейскую культуру[22].

С процессом понимания связано и разделение памяти на: *внешнюю* (безотчетное знание наизусть затверженного; память слов, цифр, имен и событий) и *внутреннюю* (разумное понимание научной связи узнанного, усвоение себе навсегда духовных и нравственных истин). О двух видах памяти пишет в словарной статье В. И. Даль [Даль 1955, т. 3, с. 14].

Таким образом, в разных интерпретациях *память* и *понимание* связаны отношениями взаимовключенности: *память включена в понимание, а понимание — в память* и взаимообусловленности: *память обусловливает понимание, а понимание — память.*

Память и понимание: языковые манифестации; художественные тексты

В языке (в устойчивых словосочетаниях) и в художественных текстах отношение *памяти* и *понимания* находит следующее выражение.

1) Понимание обусловливает запоминание (включение в память). Глаголы *понимать* и *помнить* часто связаны сочинительной связью, ср.:

(1) На восьмом году возраста меня отдали в школу, где я многому кое-чему учился; **иное понимал и теперь помню, другого не понимал и теперь вовсе не знаю** (*О. Сомов. Вывеска*).

(2) **Всегда ли мы это понимаем, всегда ли помним**, всегда ли находимся на высоте нашего положения? (*Л. Утесов. «Спасибо, сердце!»*).

(3) Хорошо бы только, чтобы каждый **понимал и помнил**: у всех сходные желания, стремления, надежды, да и, в сущности, одинаковые права на жизнь и счастье (*М. Амусин. Освобождение*).

2) Деятельность памяти (способность вспоминать) и процесс понимания объединены.

---

[22] Об этом см.: [Кнабе 2004].

Так же как по шкале Варелы в течение 10 секунд прошлое и настоящее слиты, так и процессы осознания и воспоминания могут в некоторых ситуациях не разграничиваться. Эти ситуации маркируются световыми метафорами и сравнениями[23]. Внезапное неконтролируемое воспоминание фактически не разграничено с осознанием, ср.: *в памяти вспыхивает, освещается, сверкает молнией...*

> «И дано было ему вести войну со святыми и победить их: и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем». Виктор читал громко, с вызовом поглядывая на меня, словно то, что он читал, было обращено ко мне. И тут я **вспомнил, что сверкнуло в памяти и пропало,** «Легенда о Великом инквизиторе»! Да, да, именно она! (*Э. Володарский. Дневник самоубийцы*).

Световые метафоры могут описывать подъем творческой энергии, сильное эмоциональное интеллектуальное переживание, которое предшествует интерпретации: *в памяти что-л. приобретает яркий свет, сияет...* В этой ситуации *память* и *осознание* также сложно разграничить, ср.:

> Проходя через смерть и кровь, герой остается мальчишкой-гимназистом, **видящим мир в преображенном свете памяти** и превращающим любовь к прекрасной француженке в мировоззрение, философию, смысл жизни (*И. Сухих Клэр, Машенька, ностальгия*).

Следует также отметить, что метафоры, описывающие уменьшение света: *угасать, затухать, гаснуть, темнота, чернота, провал,* — не симметричны световым метафорам. Они описывают именно процесс забывания, а не утрату понимания.

3) Деятельность памяти (способность запоминать) и процесс понимания разъединены.

В ситуации запоминания (включения в память) *понимание и память* могут противопоставляться. Существуют объекты, требующие не столько понимания, сколько механического заучивания: *таблица умножения, инструкции, уставы, формуляры, формулы, иностранные слова, конструкции.* Они предполагают деятельность «внешней» (согласно толкованию В. И. Даля) *памяти.* В отношении их часто употребляются глаголы: *зубрить*[24], *долбить* (*прост.*), *вызубривать* (*разг.*), *зазубривать* (*разг.*) и др. Ср.:

---

[23] О световых метафорах см. также часть I, гл 3, § 5. *Живописное пространство памяти*, подраздел: *Светлое темное в пространстве памяти.*

[24] Ушаков дает такое определение глаголу: *Зубрить* 'Бессмысленно, без отчетливого понимания заучивать наизусть'. *Долбил предлоги и зубрил исправно, какого каждый просит падежа* (*А. К. Толстой* [*Ушаков 1935, т. 1*]).

Лето! **пора зубрежки** // к экзаменам формул, орла и решки...
(*И. Бродский. Эклога 5-я (летняя)*)

Данные глаголы описывают активизацию памяти при отсутствии понимания. Глаголы имеют отрицательные коннотации: *зубрежка* связана с невысокими интеллектуальными способностями и отсутствием таланта. Считается (стереотипно), что человек, который зубрит, не слишком умен и пытается достичь своих целей, т. е. приобрести знания исключительно усидчивостью и упорством, ср.:

Его **скупой рассудок никогда не родил ни одной оригинальной идеи**, однако он компенсировал это тем, что **зубрил академические учебники буквально наизусть**, поражая профессоров точностью следования мыслям, когда-то высказанным этими профессорами, написавшими учебники (*В. Суворов. Освободитель*).

Это также показывает, что стереотипной и нормальной ситуацией запоминания (включения в память) является осмысление, понимание чего-л.

4) Память и понимание противопоставлены: *Понимаю, но не помню / не запоминаю.*

Фраза: *Понимаю, но не помню* ≠ *не запоминаю*, — показывает, что существует пресуппозиция: то, что человек понял, он запоминает. Фраза: *Понимаю, но не помню*, — это жалоба на плохую память. Об аксиологии памяти речь пойдет в следующем параграфе.

§ 5. Аксиология памяти. Хорошая и плохая память

Хорошая память. А. Бергсон различает два вида воспоминаний: те, которые были приобретены усилием воли, повторением, и спонтанные воспоминания, возникающие сами по себе. Спонтанные воспоминания относятся к памяти в собственном смысле слова, заученные — к тому, что, собственно, памятью не является, а может быть названо «привычкой, освещаемой памятью». *Заученные* воспоминания полезны, их замечают в первую очередь, несмотря на то, что они редки [Бергсон, 1992, с. 209]. В языковой аксиологии оценку получает именно полезная *память*: оценочные слова относятся в первую очередь к «памяти-привычке», а не к спонтанной памяти. И. Кант к числу формальных достоинств *памяти* относит способность «быстро *запоминать*, легко *вспоминать* и долго *помнить*» [Кант 1996, т. 6, с. 419].

Хорошую память характеризуют как *отличную, отменную, большую, огромную, громадную, знатную, неимоверную, редкую, фено-*

менальную, острую, цепкую, хваткую, необыкновенную, потрясающую, надежную, блестящую, колоссальную, невероятную, крепкую... и т. д. О человеке с хорошей памятью говорят, что он *памятливый, его отличает памятливость.*

В социуме ценятся люди с *феноменальной, надежной памятью*, т. е. с такой, которая не имеет неожиданных (спонтанных) пропусков. Работающую в режиме запоминания «деятельную» память характеризуют как *острую, твердую, цепкую*[25], *хваткую*. Это относится к *памяти*, которая осуществляет правильную селекцию, т. е. не упускает ничего существенного, включая детали и значимые мелочи.

Память является ценностью. *Хорошая память* может восприниматься как природный дар, которым наделен человек: *у кого-л. хорошая / прекрасная от природы память*, ср. также:

(1) **Одаренная гибчайшей памятью**, которая, как плющ, обвивалась вокруг слышанного ею, она, повторением ей особенно понравившихся сочетаний слов, облагораживала их собственным тайным завоем, и когда случалось, что Федор Константинович почему-либо менял запомнившийся ей оборот, развалины, портики еще долго стояли на золотом горизонте, не желая исчезнуть (*В. Набоков. Дар*).

(2) Было время, когда он [Вернер] очень сильно любил жизнь, наслаждался театром, литературой, общением с людьми; **одаренный прекрасной памятью и твердой волей**, изучил в совершенстве несколько европейских языков, мог свободно выдавать себя за немца, француза или англичанина (*Л. Андреев. Рассказ о семи повешенных*).

(3) **Мнема, мать всех муз, к дарам Афродиты прибавила** Таис еще и **великолепную память. Память, вбиравшая в себя все подробности мира**, неизбежно **породила любознательность**, подобную той, какой обладали **знаменитые философы** Эллады (*И. Ефремов Таис Афинская*).

Память и интеллектуальные способности. *Хорошая / отличная / великолепная память* включена в поле интеллектуальных способностей.

> Толковый словарь определяет *способность* как: 1. 'Природное дарование, склонность к усвоению чего-н., к занятиям чем-н.' *Человек с большими способностями.* 2 'Возможность, умение переживать и действовать в той или иной области психической жизни,

[25] Ср интерпретацию *цепкой памяти*, приводимую в ТКС: 'сразу запоминает и хорошо помнит, в том числе детали' [Апресян, Жолковский, Мельчук 1984, с. 559].

свойственная живому существу (псих.)'. *Душевные способности* (воля, чувство, память и т. п.). [Ушаков 1940, т. 4, с. 448—449]. Первое значение относится к общелитературному языку, второе имеет специальную помету. Отметим в первом значении компоненты: *природное дарование* (*память* мыслится как *природный дар*) и *склонность к усвоению* (*усвоение* — неточный синоним *запоминания*). Толкование 2 связывает психическую жизнь человека и его память отношениями обусловленности. *Память* и *способности*, таким образом, вступают в определенные смысловые отношения. Толкования также показывают, что слово *способность* имеет положительные коннотации. Соответственно *интеллектуальные способности* (см. толкование первого значения слова *способность* характеризуют в человеке склонность к интеллектуальным занятиям, усвоению продуктов интеллектуального труда, а также созданию оригинального интеллектуального продукта.

Память — один из главных показателей высокого интеллектуального развития, интеллектуальной одаренности. *Хорошая память* отличает *знающего, компетентного, образованного, любознательного человека*. Она обязательное условие *эрудиции*. В памяти эрудита хранятся самые разнообразные сведения: *цифры, даты, имена, исторические события, цитаты* и т. д. О таких людях говорят: *Он(а) — ходячая энциклопедия, / кладезь премудрости*. Здесь обращает на себя внимание концептуальное согласование *памяти* с *энциклопедией* и шире — с книгой. Память концептуализируется как кладовая знаний, ср.:

(1) Но если напиться из священного ключа Персефоны, скрытого в роще, тогда **душа, сохраняя память и знание**, покидает безысходное Колесо и становится владыкой мертвых (*И. Ефремов. Таис Афинская*).

(2) Пьер всегда удивлялся способности князя Андрея спокойного обращения со всякого рода людьми, его **необыкновенной памяти, начитанности** (он все читал, все знал, обо всем имел понятие) и больше всего его способности работать и учиться (*Л. Толстой. Война и мир*).

(3) Позже, когда мне пришлось записывать все эти странные происшествия, я **порылся в памяти, в книгах** и теперь я, конечно, понимаю: это было состояние временной смерти, знакомое древним и сколько я знаю совершенно неизвестное у нас (*Е. Замятин. Мы*).

(4) Он не слишком много прочел книг, но во всяком случае гораздо больше, чем Покорский и чем все мы; притом **ум имел систематический, память огромную**, а ведь это-то и действует на молодежь! (*И. Тургенев. Рудин*).

(5) Спору нет, Баграмян пишет много и хорошо, у него **блистательная эрудиция, тонкий анализ и цепкая память**, но он переброску войск Второго стратегического эшелона не планировал и ею не руководил (*В. Суворов. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну?*).

(6) ...Кроме внешности и грации, ты должна иметь **выдающуюся память, читать на трех наречиях** [имеются в виду наречия древнегреческого языка, довольно заметно отличавшиеся друг от друга], **любить и помнить историю, знать основы философских учений**. Тогда ты будешь говорить с поэтами и философами как равная и возвысишься над мужами менее одаренными (*И. Ефремов. Таис Афинская*).

Наоборот, человек с *плохой памятью* не может быть *эрудитом*: сочетания **эрудит с плохой памятью*; **человек энциклопедических знаний с плохой памятью*; **блестящий живой ум и дырявая/плохая память* являются оксюморонными. Обратное, однако, не всегда верно, ср.: *Не будь грамотен, будь памятен! И не грамотен, да памятен* [Даль 1955, т. 3, с. 14; Даль 1984, т. 1, с. 348]. Стереотипное представление о ребенке, например, исключает эрудицию, хотя память у ребенка — хорошая (лучше, чем у взрослого)[26].

Память — хранительница знаний наряду с *памятью — хранительницей жизненного опыта*[27] концептуально согласуются с *высоким интеллектом* и *житейской мудростью*.

Спецификация памяти. ***Память на...*** *Память* человека также может быть специфицирована по непосредственному объекту запоминания. В этом случае она, как правило, употребляется с оценочным прилагательным: *хорошая/плохая память на лица, на имена, на даты, на цифры*. В словаре Даля приводятся такие примеры: *память к языкам, память местности* [Даль 1955, т. 3, с. 14]. Ср.:

У меня, к сожалению, **плохая память на стихи**, но одно я помню: нельзя было выбрать более поучительных и прекрасных образов (*Е. Замятин. Мы*).

---

[26] *Ребенок-эрудит* — это аномалия, выделяющая его из класса «*обычных*» *детей* и сближающая его с классом *вундеркиндов*.

[27] Рассматривая семантические отношения между глаголами *знать и помнить*, А. А. Зализняк выделяет два вида памяти: *экспериментальную* и *информационную*. Первая хранит фрагменты личного опыта, вторая информацию о фактах, полученных из внешних источников. Замена глагола *помнить* на глагол *знать* без привнесения дополнительных смыслов возможна, если *помнить* описывает информационную память, и невозможна, если он относится к экспериментальной памяти [*Zaliznak*].

Плохая память. *Плохую память* характеризуют как: *дырявую, девичью, слабую, слабеющую, стареющую, незавидную, короткую, непрочную, капризную, куриную, дурацкую, отвратительную, скверную...* и т. д. Ср.:

«Ай, песенка!.. **Запомнить** бы!..» // **Тужили** наши странники, // Что **память коротка** (...) (*Н. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо*).

Плохая память, в отличие от *хорошей*, чаще описывается с использованием метафор и стереотипов. Пословицы в отношении человека с *плохой памятью* часто ироничны: *Забыл, что женился, да и пошел спать в сенник*; *И то забыли, что вчерась говорили* [Даль 1984, т. 1, с. 349].

Дырявая память. Можно считать, что *дырявая память* — это как бы испорченная память. (Ср. словарную статью, посвященную слову *дыра*, в которой справедливо отмечается, что *дыра* портит объект [Урысон 1997б, с. 93].) В отличие от нормальной памяти в *дырявой памяти* есть много пробелов, провалов. Человек *с дырявой памятью* не помнит то, что он нормально должен был бы помнить. Его могут шутливо упрекнуть: *Память дырявая!* — если он не в состоянии припомнить, например, что-нибудь из недавнего прошлого, ср. также:

Хуриев подошел к сцене и громко зашептал: Делайте что хотите... А чего мне хотеть? таким же громким шепотом выговорил Цуриков. **Если память дырявая стала...** Делайте что хотите, громче повторил замполит, а службу я не брошу... (*С. Довлатов. Зона*).

Дырявая память может также характеризоваться как неотрефлектированная, импрессионистическая, случайная, алогичная, не воспринимаемая как целостная. В ней могут *всплывать обрывки реплик, разговоров, какие-то ненужные слова. Нужные слова* при этом оказываются ненайденными.

О человеке с *дырявой памятью* говорят, что у него *дырявая голова голова что решето*[28]. Это показывает, что в ряде контекстов *голова* и *память* могут отождествляться.

Девичья память. Если о человеке говорят, что у него *память девичья*, то это означает, что он забывчив и рассеян, что его память не является *цепкой* и не способна долго хранить что-л., удерживать какую-л. информацию.

Во фразеологии стереотипное представление о девичьем предполагает такие смысловые компоненты как 'изменчивый, несерьезный':

---

[28] *Дырявая голова*: 'О человеке забывчивом, с плохой памятью'.

Девичьи думы изменчивы; *Девичья память да девичий стыд — до порога*: *а переступила, так и забыла* [Даль 1955, т. 1, с. 508]. *Девичья память коротка. Девичьи разговоры, мечты, слезы, секреты* принадлежат особому *миру девичества*, к которому в социуме не сложилось серьезного отношения. Шутливый ответ женщины на вопрос: *О чем вы тут разговаривали? — Это я (мы) о своем, о девичьем.* Содержит элементы самоиронии.

Концепт *бабы* на материале русского языке рассматривался в работе В. Н. Телия [Телия 1996, с. 260-269]. Автор приходит к выводу, что *баба* представлена как недочеловек. Эти же коннотации есть и у концепта *девушки*, возможно, даже более сильные, поскольку *девушка* — это как бы еще и «недоженщина», т. е. существо, неполностью реализовавшее свое природное и социальное назначение: выйти замуж и родить детей.

> В словаре «Славянские древности» [Кабакова, 1999, т. 2, с. 36 39] показано, что обряды, ритуалы, кодификация поведения *девушки* — практически полностью были обусловлены и подчинены единственной теме *замужеству Замужество* выступало как инвариант, вокруг которого группировались интерпретации: возраста, физиологических особенностей, а также то, каким именем девушку называли, как она причесывалась и т д. Например, девушку-подростка, т. е. еще не вполне созревшую для замужества, называли *недорослена* (арх.), *середины*, *подевье* (вологод., владимир) и т. д. О девушке, созревшей для замужества, *поровая*, *набольшины* и т. д.; о девушке, вовремя не вышедшей замуж. *вековуха*, *перегодница*, *подстарок* и т д Социальная предназначенность девушки как невесты проявляется и в пословицах: *Все девушки от мала до велика сватов ждут.*

Вероятно, эта «неполноценность», точнее, неполнота реализации (вследствие определенного возрастного положения) является одной из причин того, что *девичий* часто употребляется в шутливых, произносимых иногда с оттенком снисхождения высказываниях[29].

Куриная память. *Куриная память*, как и *девичья*, характеризует короткую память. Однако если *девичья память* актуализирует такие семы как 'забывчивость', 'рассеянность', 'неспособность концентрироваться', то *куриная память* скорее связана с *куриными мозгами* и указывает на интеллектуальную ограниченность.

---

[29] Ср также: «В качестве эталона забывчивости выступает сочетание *девичья память*. Эти сочетания употребляются для характеристики "неполноценности" как женского, так и мужского интеллекта.» [Телия, 1996, с. 267].

Оба фразеологизма соотносятся с женским, а не с мужским началом[30]. Это косвенно проявляет распределение в языке и культуре социальных ролей. Интеллектуальная деятельность не является областью женского, наоборот, глупость и разные формы ее проявления (болтливость, ограниченность, недалекость, бестолковость) достаточно хорошо согласуются с женскими образами в языке и (прежде всего) в народной культуре.

Стереотипное представление о *курице* предполагает такие смысловые компоненты, как 'глупая, бестолковая, болтливая': *Как скажешь курице, а она всей улице*; *Как куры бродят* (комментарий В. И. Даля: 'много; без толку'); *И у курицы сердце есть*. Она является также существом 'безобидным и неагрессивным': *Напьется, так с царями дерется, а проспится, так и курицы боится*; *На своей улочке и курочка храбра*

Значительно число поговорок, в которых *курица* выступает как «недоптица» из-за ее неспособности летать: *Курица не птица, прапор* (*констапель, комисар*) *не офицер*; *Курица не птица, а рак не рыба* (*а прапорщик не офицер* [Даль 1955, т. 2, с. 224]). По этой же модели образованы более поздние: *Курица не птица, а баба не человек*; и образование советского времени: *Курица не птица, Болгария не заграница*.

О талантливом, способном на великие дела человеке говорят: *Птица высокого полета* — в *курице* воплощена идея «неполета». На этом противопоставлении построена, например, басня И. А. Крылова «Орел и Куры», строка из которой стала крылатой и попала в словарь [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000, с. 347]: *Орлам случается и ниже кур спускаться, Но курам никогда до облак не подняться*.

«Куриная» метафора используется для выражения пренебрежения и употребляется по отношению к человеку: а) безвольному и бесхарактерному, б) имеющему жалкий вид, в) делающему что-либо слишком медленно (ср.: *он мокрая курица*). О человеке с плохим зрением говорят: *слепая курица*; о том, кто пишет плохо и неразборчиво, — *как кура лапой*; *о* чем-то крайне нелепом, бессмысленном: *курам на смех*. *Курицын сын, курицына дочь, курицыны дети* употребляются как бранные выражения.

---

[30] Ср.: В пословицах и поговорках курица олицетворяет женщину, а петух мужчину: *Курица в сережках, кочеток в сапожках*; *Курица гогочет, а петух молчит* (*комментарий В. И. Даля: намек на мужчину и женщину*); *Не петь курице петухом, не владеть* (*не быть*) *бабе мужиком*.

Беспамятлив, что кукушка [Даль 1984, т. 1, с. 349]. В современном русском языке это выражение не встречается. Если *курица* концептуализируется как «недоптица», то *кукушка* — это неполноценная мать. *Кукушка* часто имеет отрицательные коннотации. В. И. Даль указывает следующее значение у слова *кукушка*: 'зловещий человек'. Пословицы и поговорки также выстраивают маргинальный, а часто отрицательный образ кукушки: *На кукушкиныхъ яйцахъ не высидишь цыплятъ. О томъ кукушка кукуетъ, что своего гнезда нетъ* [Даль 1955, т. 2, с. 214]. *Какъ кукушка по чужимъ гнездамъ витаетъ. Выменялъ кукушку на ястреба.* Возможно, данная поговорка связана с тем, что у кукушки отсутствует *семейная память*: согласно народным поверьям у нее нет мужа [Гура 1997, с. 682—709], она не знает и не помнит своих детей, не вьет гнезда. В этом случае это выражение сближается с *Иваном, родства не помнящим.* Возможно также его сближение с *девичьей памятью.*

> У кукушки ярко выражена женская символика. Кукушка часто ассоциируется с образом незамужней девушки. В некоторых обрядах, например, «крещения и похорон "кукушки"» принимают участие главным образом девушки [Гура 1997, с. 682, 687].

Девичья, куриная память показывает, что *плохая память* описывается в языке с помощью метафор, кореферентно связанных с женским началом и, по-видимому, с тем компонентом, который обозначен как **недо-**: «недочеловек», «недоптица», т. е. определенное недоразвитие, неполноценность. Это в целом согласуется с общим стереотипом женского как глупого, неинтеллектуального, ср.: *У бабы волос долог, а ум короток.*

Стареющая память. Словари в толкование слова *старость* включают компонент 'постепенное ослабление деятельности организма' [МАС 1984, т. 4], что влечет к возникновению обострению различных болезней. Существуют, однако, типичные болезни старости, связанные с ослаблением памяти: *старческий склероз, маразм.* Ухудшение памяти стереотипно воспринимается как признак старости. На фразу: *Что-то я начинаю все забывать,* — типичным шутливым ответом будет: *Стареешь.*

О стареющей памяти говорят: *слабеет, сдает, подводит, изменяет.* Такие формулы припоминания, как: *Дай бог память(и)! Если мне не изменяет память...* уместны у немолодых или пожилых людей[31].

---

[31] В Толково-комбинаторном словаре фраза *Если мне не изменяет память, Р* снабжается дополнительным комментарием: 'употребляется также

У молодых людей они могут звучать как шутка, стилизация, языковая игра. Ср.:

(1) А ведь я **старею**, дети мои, — сказал он, всхлипнув. Руки мои дрожат, ноги подгибаются подо мною, и **память начинает мне изменять. Забыл** ведь, совсем **забыл**, что среди нас, в этой душной, тесной клетушке томится благородный дон (...) (*А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом*).

(2) **Если память не изменяет мне**, из лиц, близких вам по профессии, я знался только с одной маркитанткой, но и то давно, когда вас не было на свете (*М. Булгаков. Мастер и Маргарита*).

(3) Если **память не изменила тебе**, то ты должен похитить для Гомункулюса небольшую, но добротную душу (*В. Каверин. Пятый странник*).

(4) На какого черта убрали цветы с площадок? Почему электричество, которое, **дай бог памяти**, тухло в течение 20 лет два раза, в теперешнее время аккуратно гаснет раз в месяц? (*М. Булгаков. Собачье сердце*).

Поскольку *хорошая память* является одним из важных компонентов, приписываемых интеллектуальным способностям, ослабление памяти как бы влечет за собой и снижение интеллектуальной деятельности. Вероятно, это — одна из причин того, что в пословицах и поговорках (в народной культуре) старый человек может наделяться глупостью. *Выжить из ума* и *выжить из памяти* означают 'потерять способность здраво мыслить' и 'стать забывчивым' — 'от старости'. Ср. также: *Старый — что стареет, то дуреет*; *Старые дураки глупее молодых*; *Стар да мал — дважды глуп*; *Старый, что малый, а малый, что глупый*; *Молодой стареет — умнеет*; *Старый стареет — глупеет* (*дуреет*); *Старого учить, что мертвого лечить* [Даль 1955, т. 4, с. 316; Даль 1984, т. 1, с. 276]. Здесь также обращает на себя внимание сближение *старого человека* с *ребенком* или с *неопытным молодым человеком*. Таким образом, *стареющая память* так же, как *девичья и куриная память*, хотя и в меньшей степени, кореферентна идее (недо- / пере-)развития.

С. Кьеркегор в книге «Этапы *жизненного пути*» *противопоставляет* друг другу две концепции памяти: память ребенка и воспоминания пожилого человека. Первая — это воображение: острое, спонтанное, неосознаваемое и радостное. Вторая — это рефлексия, более медленная, более размеренная, эмоционально насыщенная и

как формула смягчения категоричности утверждения Р'[Апресян, Мельчук, Жолковский 1984, с. 562].

печальная. Детская память, согласно Кьеркегору, наполнена бесчисленными возможностями текущего воображения, в воспоминаниях старика остается лишь несколько значительных событий. Зрение ребенка отличается близорукостью; очертания предметов затуманиваются из-за избытка сил и интересов. Воспоминания старика скорее дальнозорки и сфокусированы на нескольких молчаливых образах далекого прошлого. Кьеркегор утверждает, что эти стороны памяти, выведенные из противоположных точек восприятия жизни, дополняют друг друга. В середине жизни они сливаются, обогащая понимание и прошлого, и будущего [Хаттон 2003, с. 369].

Забывчивый профессор. Человек, который характеризуется забывчивостью, необязательно имеет плохую память. Одним из стереотипов забывчивого человека является профессор. Мы используем как стереотипные такие сочетания, как: *забывчивый, рассеянный профессор. С чисто профессорской забывчивостью рассеянностью он оставил дома зонтик и портфель с документами.* Однако здесь речь идет не вообще о плохой памяти и / или о невысоких интеллектуальных способностях, а о том, что *избирательная память ученого, профессора* (имеется в виду стереотип *ученого, профессора*) может редуцировать бытовые дела, повседневные заботы. Иными словами, интеллектуал, эрудит, одаренный блестящей памятью, может иметь *плохую бытовую память*[32].

§ 6. Функционирование памяти

Память и профессиональные навыки. Многие профессии требуют *хорошей памяти.* Она является рабочим инструментом, имеет высокую социальную ценность, участвует в создании авторитета. Человек с *хорошей памятью* имеет интеллектуальную власть; он — хозяин положения, его уважают, с его мнением считаются. Рассеянный, забывчивый человек, наоборот, вызывает смех и или сочувствие, к нему относятся, как к чудаку[33]. Он не может быть властной фигурой. *Хорошая память* (как отмечалось выше) концептуально согласуется со знаниями, компетентностью, образованием, ср. также:

---

[32] См. также в следующем параграфе подраздел: *Память и повседневность* (*бытовая память*).

[33] Забывчивость, рассеянность одна из важных черт «смешного человека» в комедиях, клоунадах, шутливых стихах, таких, например, как «Вот какой рассеянный» С. Я. Маршака.

(1) Шесть лет он **выдерживал требовавшую неимоверного напряжения работу, для которой подбирались люди выдающихся способностей, отличавшиеся великолепной памятью и широтой, энциклопедичностью познаний** (*И. Ефремов. Туманность Андромеды*).

(2) **Талантов никаких, поэзии нема, способностей к работе пропасть, память большая, ум не разнообразный и не глубокий, но здравый и живой; сушь и сила, и даже дар слова,** когда речь идет об его, между нами сказать, скучнейшей Болгарии (*И. Тургенев. Накануне*).

(3) **Мозг у тебя вроде как электронная машина... ненастроенная,** но тебя настроить можно. В это я верю. Иначе бы тебя тут не держали. **Память у тебя отменная. Способность к анализу развита** достаточно (*В. Суворов. Аквариум*).

Ряд профессий (*математики, шахматисты, художники, фотографы, риторы* и др.) предполагает обязательное наличие особой, хорошо тренированной *профессиональной памяти.* Некоторые виды памяти соответствуют роду деятельности: *музыкальная, математическая, фотографическая ... память*; *память художника, шахматиста, профессионального разведчика*... Другие названы в соответствии с тем, что составляет основу / способ запоминания: *зрительная, слуховая, логическая, образная, ассоциативная, эмоциональная, механическая ... память.* Ср. также:

(1) Анастасия Павловна, у меня **хорошая зрительная память.** И зрение, кстати сказать, отменное. Не хочу вам лишний раз напоминать, **кто я по профессии...** Я помню, — вставила Настя, **вы были военным летчиком** (*А. Маринина. Реквием*).

(2) — Князь Василий не отвечал, хотя **с свойственной светским людям быстротой соображения и памятью** движением головы показал, что он принял к соображенью это сведенье (*Л. Толстой. Война и мир*).

(3) Я не верю в бога, Ромашов, но иногда я думаю о святых угодниках, подвижниках и страстотерпцах и **возобновляю в памяти каноны и умилительные акафисты.** Я ведь, дорогой мой, **в бурсе учился, и память у меня чудовищная** (*А. Куприн. Поединок*).

Сила памяти. Сверхпамять как зрелище. *Сильная, хорошо тренированная память* (как и сильное, хорошо тренированное тело) привлекает внимание. Она может удивлять, завораживать, приносить успех в обществе. Эрудиты состязаются не только в объеме знаний, но и силе памяти.

Сверхпамять, демонстрирующая верхнюю границу человеческих возможностей, может превратить обладающего ею человека в артиста, действие, во время которого память подвергается разнообразным ис-

пытаниям — в зрелище, присутствующих при этом людей — в публику. Ср.:

(1) Представьте, в пивных рисовал он портреты с желающих, сочинял экспромты на заданные темы, определял характер по линиям руки, **демонстрировал силу своей памяти, повторяя пятьсот любых прочитанных ему без перерыва слов** (*Ю. Олеша. Зависть*).

(2) Тренировка полезна только тогда, когда она подводит человека **к грани его возможностей**, и он эту грань совершенно точно знает: **я могу прыгнуть вверх на 2 метра, я могу отжаться от пола 153 раза, я могу запомнить за один раз две страницы иностранного текста** (*В. Суворов. Аквариум*).

А. Р. Лурия посвятил книгу человеку, который обладал сверхпамятью и впоследствии стал «профессионально» зарабатывать, демонстрируя свои способности во время специальных сеансов. Он назвал его мнемонистом.

Память, внутри концептуального поля *силы*[34], может быть сопоставлена как с телом, так и со способностями: они обладают демонстрационными свойствами, могут становиться зрелищем. Демонстрационные свойства, однако, характеризуют не столько саму *память*, сколько *силу* (физическую / телесную: *сила мышц, рук, ног*; духовно-телесную: *сила воли / духа, острота зрения / слуха*). *Сила* импликативно связана с границей возможностей (человеческих — прежде всего, так как мир антропоцентричен). Состязания между людьми служат выяснению того, кто ближе всех к границе возможного; кем можно измерять предел возможного (в физическом и или духовно-телесном отношении).

На память*; *по памяти. *На память / по памяти*: *говорят, читают стихи, цитируют что-л.*; *на память заучивают что-л. На память по памяти* синонимично в данных конструкциях *наизусть* Можно также *учить, объяснять, рисовать, рассказывать, переписывать что-л. ...по памяти.* Если действие совершается *на память / по памяти*, то это значит, что *память* является источником информации, воспроизводимой человеком без обращения к другим источникам (например, текстам, фотографиям). Воспроизводству *на память / по памяти* часто предшествует заучивание: «воспоминания, приобретаемые усилием

[34] На отношение памяти и силы указывал Плотин, ср : «Значит, и ощущение и память есть некая сила. (...) Но если память есть сила-способность и приспособление к готовому, почему же мы не сразу, а лишь позже приходим к приобретению этого? Потому что силу-способность нужно словно представить и подготовить» [Плотин 2004, с. 172].

воли, повторением» [Бергсон 1992, с. 209]. Заучивание, повторение собственно и формирует память-привычку, которая, по сути своей, телеологична. Можно обозначить несколько причин, которые проявляют основы формирования памяти-привычки.

Заучивание наизусть, запоминание может быть формальным и содержательным. Первое осуществляется ради тренировки памяти, например, запоминание десятизначных цифр. Второе связано с воспитанием и самовоспитанием саморазвитием, оно может не иметь обязательной цели быть произнесенным вслух, на публику, на адресата и т. д. — *учу для себя*, либо быть связанным с социальными стратегиями, коммуникативно-прагматическими целями — *учу для другого.*

В основании формирования памяти-привычки лежат разнообразные мотивы, имеющие отношение к характеру и жанру запоминаемого текста. В них личные предпочтения смешаны с социальными установками. Перечислим некоторые: эстетические (поэзия, песни...); религиозные (молитвы, отрывки из священных книг: Библии, Корана, Торы...); сакральные (заговоры...); социальные (сакрализованные тексты — клятвы, например, клятва Президента, клятва Гиппократа, клятва юных пионеров в СССР, гимны, например, гимн страны, гимн университета); интеллектуальные, риторические, информационные (афоризмы, максимы, пословицы, поговорки, цитаты, даты, имена...); бытовые (адрес, телефон, фамилии, имена и отчества сослуживцев...); профессиональные (актеры — пьесы, стихи; математики — алгоритмы решения задач, теоремы; юристы законы; медики — названия болезней, симптоматика, латинские названия органов тела; переводчики: другие языки и т. д.). Ср.:

(1) ...Цитирую **по памяти** изумительные стихи Бунина (единственного русского поэта, кроме Фета, «видевшего» бабочек) (*В. Набоков. Другие берега*).

(2) В этот день Цветик прославился так, будто это он сам выдумал воздушный шар и полетел на нем в поднебесье. Его стихи все **заучили на память** и распевали на улицах (*Н. Носов. Приключения Незнайки и его друзей*).

(3) Мы любим так иногда внезапно **освежить в памяти какую-нибудь сцену**... гм... гм.. этюды очень важны (*М. Булгаков. Театральный роман*)

(4) И с **свойственною ему непогрешимою, официальною памятью** он повторил вступительные слова манифеста .. (*Л. Толстой. Война и мир*).

(5) Один Вощев стоял слабым и безрадостным, механически наблюдая даль; он по-прежнему не знал, есть ли что особенное в общем существовании, ему никто не мог **прочесть на память всемир-**

ного устава, события же на поверхности земли его не прельщали (*А. Платонов. Котлован*).

Наизусть также заучиваются тексты, которые по тем или иным причинам нельзя доверять бумаге (сверхсекретно, сверхопасно).

> К сверхсекретной можно отнести, например, шифры и пароли у разведчиков. Что касается сверхопасной информации, то в ее роли, например, выступали во времена Сталина стихи опальных поэтов. Н. Я. Мандельштам заучивала стихи своего мужа наизусть, так как записывать и хранить их было опасно. Поэма А. А. Ахматовой «Реквием» также хранилась в памяти нескольких самых близких ее друзей

Хорошая память и *круг чтения* играют важную роль. Тексты, цитируемые *на память*, импликативно часто связываются с ценностными категориями: целенаправленно заучивается наизусть то, что достойно памяти, а не забвения. Факт цитирования обнаруживает факт ранее осуществленной селекции.

Заучивание наизусть и цитирование *на память* может отвечать коммуникативным стратегиям. Социально востребованной личностью является *человек, с которым есть о чем поговорить*, т. е. общительный, эрудированный, интеллектуально развитый.

Стереотипное представление о том, что *Мужчины любят глазами, а женщины — ушами* делает цитирование *по памяти/на память* одним из приемов мужского обольщения женщины (обольщение словом). Стереотип «обязательного цитирования» печально и иронично обыгрывает С. Довлатов:

> Я одинокий человек. . Я люблю вас... Это глупо... У меня нет времени, отпуск заканчивается .. Я постараюсь... **Освежу в памяти классиков** . Ну и так далее .. Я прошу вас.. (*С. Довлатов Зона*).

Цитирование определенных произведений является культурным кодом, по которому распознается «свой» — «чужой».

> В Советском Союзе в 70 80-е гг. было модно и престижно цитировать роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Образ человека, цитирующего Булгакова, предполагал примерно следующий коннотативный ряд: 'интеллигентность', 'оппозиционность', 'нервность', 'чувствительность и тонкость', 'талант'. Если Мастера отождествляли с автором романа, а Маргариту с его женой, Еленой Сергеевной, то человек, цитирующий произведение, как бы входил в круг их близких друзей, также отождествляясь с Мастером или Маргаритой соответственно.

Так же часто цитировали Стругацких, Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Существовала мода на знание редких цитат. Спонтанно возникали игры-проверки, целью которых было выяснить, знает ли человек авторов «не из школьной программы», запрещенных авторов, самиздатовские произведения. С помощью таких игр происходило выяснение: «свой чужой» (круг чтения), а также выстраивалось некое подобие интеллектуальной иерархии.

Если у человека была хорошая память и он узнавал автора / произведение, цитировал наизусть стихи, литературные отрывки, отвечавшие каким-либо социальным установкам (мода, престиж, элитарность, запрещенность), то его авторитет был достаточно высок. Такой авторитет часто находился / оказывался в оппозиции официальной власти, носители которой сравнительно редко имели хорошее образование и навыками свободного цитирования практически не обладали (например, речи читались «по бумажке»). Цитирование по памяти, таким образом, формировало социокультурную идентичность определенной страты.

Основу коллективной культурной идентичности составляли тексты, включенные в *общественную память*: *отрывки прозаических произведений* и *стихи*, из обязательной школьной программы, цитаты из фильмов, например, Л. Гайдая, а также *фразеологизмы*, *пословицы*, *поговорки*, «*крылатые слова*»[35].

Память и повседневность (бытовая память). Бытовая память — это разновидность памяти-привычки. Ее отличают: нормативность; функциональность; связь с «текущим моментом»; с повседневностью. Бытовая память хранит мелочи, детали, относимые к «прозе жизни». Рассмотрим перечисленные свойства.

Нормативность. Бытовая память согласуется с социальной нормой, отклонение от которой делает человека асоциальным: забыл свой адрес, имя и отчество тещи, день рождения своего ребенка и т. д. Человека с плохой бытовой памятью называют *забывчивым*, *рассеянным*, *чудаком*[36]. О нем говорят: *Он все забывает. Ему надо обо всем по несколько раз напоминать.* В ситуации, когда что-то было забыто, человек может сказать: [*Совершенно*] *из памяти выскочило*, *вылетело.* Ср. также: *Вот был на памяти, да выскочил!* [Даль, 1955, т. 3, с. 14]. Ср. также:

> А вы скоро придете? спросил Римский. Через полчаса, ответил Степа и, повесив трубку, сжал горячую голову рука-

[35] О роли фразеологии в формировании коллективной культурной ментальности см.: [Telya, Bragina, Oparina, Sandomirskaya 1998].

[36] См. также часть I, гл. 2, § 5. *Аксиология памяти*, подраздел: *Забывчивый профессор.*

ми. Ах, какая выходила скверная штука! **Что же это с памятью**, граждане? А? (*М. Булгаков Мастер и Маргарита*).

Если у человека хорошая бытовая память (профессионально она бывает хорошей у секретарей), то его характеризуют следующим образом: *Ему / ей не нужно* [*лишний раз*] *напоминать. Он / она никогда ничего не забывает. Он / она все помнит.*

Качество бытовой памяти, как правило, не связано напрямую ни с интеллектуальными способностями, ни с объемом знаний, ни с возрастом. Оно обусловлено тем, насколько человек внутренне собран, внимателен, хорошо концентрируется на бытовых проблемах. У *рассеянного человека* — заведомо плохая бытовая память.

Ориентированность на мелочи, детали. Бытовая память ориентирована преимущественно на последовательность мелких дел, на детали, Ср.:

> У нее день очищается днем, и независимо от **громадной памяти, сохраняющей всякую мелочь**, на всякое распоряжение имеется оправдательный документ (*М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина*).

Функциональность и соотнесенность с текущим моментом, с повседневностью. Бытовая память обеспечивает порядок повседневных действий и поведения человека и, как правило, не предполагает длительного хранения. «Единицы хранения» бытовой памяти регулярно обновляются: исчезают старые, появляются новые. Ср.:

> Уж извините, сударь, совсем **из памяти вон. Все утро помнил**, даже жене говорил: беспременно напомни об белорыбице и вот, словно грех случился! (*М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы*).

Записки на память, памятные записки, памятки. Бытовая память реализуется в текстах особого жанра: в *памятных записках / памятках / записках на память.*

> В XIX веке *память* имела (в числе других) значение: 'Памятная записка, что-либо записанное на память, чтобы не забывать, чтобы не забыть, не запамятовать'. *Возьми-ка вот память, я запишу, неравно забудется.* Еще одно значение слова *память*, приводимое В. Далем с пометой "Стар"., было. 'Письменное отношение, деловое сообщение, предписание, записка'. *Память такому-то от такого-то* [Даль 1955, т. 3, с. 14].
>
> В долговременной памяти хранятся воспоминания, имеющие ценностную коннотацию. Они могут преобразовываться в *мемуа-*

ры, документы, стихи, романы...: К бытовой памяти относятся тексты, такой коннотации, как правило, не имеющие: *памятные записки* (*записки на память*), *записи в ежедневниках*, *списки дел*. Первые сохраняют след прошлого, с их помощью можно реконструировать его фрагмент. Вторые обычно исчезают.

Записки на память отличает проспективность: фиксируя повседневные дела и заботы, они адресованы ближайшему будущему[17]: *записать что-л. для памяти*. Человек делает записи относительно текущих дел, потому что не доверяет своей памяти, либо не хочет перегружать ее, ср. высказывания: *Я не надеюсь на свою память / боюсь забыть, я лучше запишу*. *Памятные записки* выполняют функцию личного секретаря. В них часто используются глаголы в императиве и/или в неопределенной форме, например, *не забыть*: *позвонить*, *отдать*, *поговорить*, *принести*; *напомнить кому-л. о чем-л.*; *встретить кого-л.* и т. д. Ср. также:

> По стенам, около картин, лепилась в виде фестонов паутина, напитанная пылью; зеркала, вместо того, чтоб отражать предметы, могли бы служить скорее скрижалями для записывания на них, по пыли, каких-нибудь **заметок на память** (*И. Гончаров. Обломов*).

В народной культуре символической функцией *памятных записок* наделены *узелки на память*.

По старой памяти. Будучи хранительницей прошлого, память консервативна «по определению». Она хранит традиции, привычки, которые формируются в результате частого повторения чего-л., каких-л. действий. Говоря о привычках (обычно бытовых), сформировавшихся в давнем прошлом и к настоящему времени полузабытых, мы говорим: *по старой памяти / по старой привычке по старинке*. Можно *заглянуть куда-л. / зайти к кому-л. по старой памяти / по старинке*. Привычка создает порядок. Возможно, с этим связана поговорка: *По старой памяти, что по грамоте* [Даль 1955, т. 3, с. 14]. Ср. также:

> (1) Супер, заверила его Настя. Самый писк. Моднее не бывает. **Чаю-то нальете по старой памяти?** Эк, матушка, заворачиваешь, укоризненно покачал головой Константин Михайлович, ежели **по старой памяти, так я помню, что ты кофий пьешь**, а вовсе не чай. Проверять меня вздумала? И не гляди на меня невинными глазками-то, не обманешь (*А. Б. Маринина. Реквием*).

---

[17] О мнемонических системах, которые по большей части фокусируются на будущем, см.: [Лоуэнталь 2004, с. 306].

(2) — А дай-кось я **попробую по старой памяти**, — сказал Коровьев, потер руки, подул на пальцы (*М. Булгаков. Мастер и Маргарита*).

(3) Однако, **по старой памяти**, Гамбринус еще посещался морскими и портовыми молодцами из тех, кого война не повлекла на смерть и страдания (*А. Куприн. Гамбринус*).

(4) Князь к этой к Евгенье Семеновне, после того как ее наградил, никогда не заезжал, а люди наши, **по старой памяти**, **за ее добродетель** помнили и всякий приезд все, бывало, к ней захаживали, потому что ее любили и она до всех до наших была ужасно какая ласковая и князем интересовалась (*Н. Лесков. Очарованный странник*).

(5) Жена советовала ему вступить на службу; он, **по старой отцовской памяти**, да и **по своим понятиям**, не хотел служить, но в угоду Варваре Павловне оставался в Петербурге (*И. Тургенев. Дворянское гнездо*).

§ 7. «Коммуникативные» свойства памяти

Память как собеседник: диалог с «другим я», олицетворяющим прошлое. В предыдущих параграфах речь шла преимущественно об интеллектуальных и телесных свойствах памяти. Поскольку метафора «собеседника», точнее «собеседницы», проявляет психическую сторону памяти, то здесь будут обсуждаться ее психические свойства.

Память может играть роль «другого я» (alter ego), олицетворяющего прошлое (*Я*-прошлое)[38]. *Память* наделена голосом и способностью говорить. Она вступает с человеком в заинтересованный диалог, стремясь повлиять на его взгляды, его позицию: *уверять*, *убеждать*, *говорить что-л.*, *отвечать на вопрос*, ср.:

«Неужто отец тоже вот так беспокоился за меня?» **Память уверенно отвечала**, что **он никогда не чувствовал** в своем отце близкого, любимого человека, а только строгого хозяина, который гораздо более внимательно относился к Алексею.. (*М. Горький Дело Артамоновых*).

«Наступательная» позиция памяти свидетельствует о скрытом противоречии, конфликте между накопленным опытом и восприятием текущего момента, между *Я*-настоящего и *Я*-прошлого. *Я*-настоящего прислушивается к голосу памяти, как правило, без ответных реплик, т. е. молча, ср.: *прошлое заговорило*, *память заговорила*, *голоса из прошлого*, *голоса памяти*.

---

[38] Соответственно диалог со своей душой — это диалог с «другим я», олицетворяющим чувства и эмоции.

В памяти (как в помещении) может раздаваться, слышаться фраза, произносимая кем-то третьим, кем именно — не специфицировано, например:

> «Когда же настанет эта пора?..» «А план! А староста, а квартира?» вдруг **раздалось в памяти его** (*И. Гончаров. Обломов*).

Помимо судьи и свидетеля *память* также может исполнять роль советчика и подсказчика, ср.:

> «Камо гряду от лица твоего и от гнева твоего камо бегу?» старательно выпевал Никита вопль страха, отчаяния, а **память подсказывала ему печальную поговорку**: «Не любя жить — горе, а полюбишь вдвое», и он смущенно чувствовал, что горе Натальи светит ему надеждой на счастье (*Горький М. Дело Артамоновых*).

Память играет роль носителя истинного знания, основанного на опыте прошлого и, следовательно, беспристрастного судьи настоящего. Ее слово весомо и авторитетно: она хранит прошлое, владеет им и озвучивает его. Опыт прошлого гарантирует ей право высказываться, судить настоящее. Память говорит уверенно и четко: *память заговорила, воспоминания заговорили, прошлое заговорило*... Человек *слушает память, прислушивается к памяти.* Если память молчит, то это молчание значимо и информативно. На уровне фразеологии память выступает как носитель истинных знаний.

Несколько иное отношение к памяти складывается в философском и художественном типах дискурса в XX веке. Формируется устойчивое скептическое отношение к истинности памяти и достоверности содержащейся в ней информации[39]. Философы, писатели, семиотики употребляют такие словосочетания как *фиктивное прошлое, фиктивная память, иллюзорные воспоминания.*

Бертран Рассел допускает, что планета могла быть сотворена пять минут назад вместе с населением, обладающим «памятью» своего иллюзорного прошлого [Russel 1921, с. 159].

Сценарий фиктивного прошлого и фиктивной памяти о нем развивает Карл Саббах (Karl Sabbagh New Statesman competition. 11 Aug. 1967), который представляет себе газету, обнаруженную в окаменевших челюстях тиранозавра, жившего 70 миллионов лет назад в меловом периоде. Это доказывает, «что Вселенная действительно была создана где-то в пять минут десятого этим утром, и тот, кто это сделал (кто бы он ни был), допустил оплошность, обронив номер "Таймс"» (цит. по: Д. Лоуэнталю [2004, с. 299]).

---

[39] См. также часть I, гл. 4, § 5. *Интерпретативная функция памяти.*

Аллюзия на допущение Б. Рассела содержится и в повести В. Пелевина, ср.:

Там было о **потоке времени**, который размывает стену **настоящего**, и на ней появляются все новые и новые узоры, часть которых мы называем **прошлым. Память уверяет нас**, что вчерашний день действительно был, но как знать, не **появилась ли вся эта память** с первым утренним лучом? (*В. Пелевин Чапаев и пустота*).

Фиктивное прошлое, наполняющее наши воспоминания, искажения памяти — одна из излюбленных тем Х. Л. Борхеса, ср.:

(1) Уже проник в школы «первоначальный язык» (гипотетический) Тлена, уже **преподавание гармоничной** (и полной волнующих эпизодов) **истории** Тлена **заслонило ту историю, которая властвовала над моим детством**; уже **в памяти людей фиктивное прошлое вытесняет другое, о котором мы ничего с уверенностью не знаем — даже того, что оно лживо** (*Х. Л. Борхес. Тлен, Укбар, Orbis Tertius*).

(2) Крест, аркан и стрела, древние орудия человека, павшие или поднятые теперь до символов; не знаю, чем они так зачаровывают меня, если **нет на земле ничего, что не стерло бы забвение и не исказила память, если ни один из нас не ведает, во что его преобразит грядущее** (*Х. Л Борхес. Превращения*).

Скепсис *Я*-настоящего относительно «высказываний» *Я*-прошлого фиксируют литературные тексты. Сомнению подвергается подлинность самой памяти (*Не игра ли это воображения?*), ее «высказывания» и «уверения». Сочетание *отказывался верить собственной памяти* (пример 2) построено по модели: *Я отказываюсь верить своим глазам своим ушам*. Ср.:

(1) **Память мне говорит** будь тверд, а **судьба говорит** иное. Я устал (*В. Каверин. Пятый странник*)

(2) Просто уму непостижимо. такая роскошная женщина, а на самом деле пустышка, обман, кукла неживая, а не женщина Как, помнится, пуговицы на кофте у матери, янтарные такие, полупрозрачные, золотистые, так и хочется сунуть в рот и сосать в ожидании какой-то необычайной сладости, и он брал их в рот и сосал, и каждый раз страшно разочаровывался, и каждый раз **забывал об** этом **разочаровании**, даже не то чтобы забывал, а просто **отказывался верить собственной памяти**, стоило ему их снова увидеть (*А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине*).

Консервативная по своей сути хранительница прошлого может оказывать сопротивление тем ритмам, формам коммуникации, которые приходят из настоящего актуального, ср.:

> Книга «Conclusive Evidence» писалась долго (1946 1950), с особенно мучительным трудом, ибо **память была настроена на один лад** — музыкально недоговоренный русский, а навязывался ей другой лад, английский и обстоятельный (*В. Набоков. Другие берега. Предисловие к русскому изданию*).

Таким образом, в литературном, философском и других типах дискурса возможны представления о фиктивной, ложной памяти, о памяти, искажающей прошлое. Эти представления являются отходом от языковой нормы и не поддержаны фразеологией. Они могут рассматриваться как сопротивление мировоззренческим установкам языка, согласно которым свидетельские показания памяти истинностны и несомненны...

Психофизические свойства памяти в языке переданы с помощью метафор говорения, которые «расщепляют» *Я* человека на двух участников диалога: *говорящего* и *слушающего*. Первый относится к прошлому, второй к настоящему. Коммуникация осуществляется вербально. Противоречие между настоящим актуальным и прошлым плюсквамперфектным может персонифицироваться и выражаться в языке через отношения *Я* человека и его памяти.

В отношении актуального настоящего *память* выступает в роли судьи, свидетеля (*память свидетельствует*), советчика и подсказчика. Однако более универсальной формой коммуникации *памяти* является коммуникация посредством образов, в основе которой лежит ее способность выстраивать визуальные ряды, воспроизводимые как «по запросу», так и самостоятельно. Это будет рассмотрено в следующей главе.

Глава третья

Перцептивные свойства памяти. Память и пространство

§ 1. Внешнее и внутреннее пространство. Соотношение

Деятельность сознания, а именно: хранение информации/образов (ср.: *помнить(ся)*, *запомнить(ся)*, *запоминать(ся)*); их воспроизведение или спонтанное возникновение (ср.: *вспоминать (ся)*, *вспомнить(ся)*, *припоминать(ся)*, *припомнить(ся)*); их удаление или исчезновение (ср.: *забывать(ся)*, *забыть(ся)*) могут быть описаны с помощью устойчивых метафорических словосочетаний, включающих в себя слово-конструкт *память*. Например, *в памяти что-л. ожило*, *из глубин памяти всплыло воспоминание*, *что-л. стерлось из памяти*, *кто-л. отыскивает в памяти что-л.* и т. д.

Метафоры моделируют *память* как визуальное внутреннее пространство, т. е. как пространство, которое *Я* человека обозревает внутренним зрением, окидывает внутренним взглядом. Это не является каким-либо особым, присущим именно *памяти* свойством. Другие субъекты внутреннего мира: *душа*, *ум*, *сердце* также образуют метафорические сочетания со значением внутреннего пространства. Однако в отношении *памяти* пространственная метафора необычайно развернута. *Память*, в отличие от других субъектов внутреннего мира, описывается значительно более детально, как определенный тип пространства. Кроме того, между *памятью* и разными видами «внешнего» пространства существует множество разнообразных аналогий: *память — это кладовая*, *лабиринт*, *хранилище*, *тайник* и т. д. Имеет смысл, в связи со сказанным выше, определить основные свойства

внешнего пространства, а также его соотношение с внутренним пространством, пространством *памяти*.

Внешнее пространство. Общая характеристика. Как известно, *пространство* и *время* — две основные формы бытия, которые различаются по способу восприятия ими человека. В развернутом определении *пространства* Вл. Соловьев указывает на зрительно-осязательное (для зрячих) и только осязательное (для слепорожденных) представление о протяженности, ср.:

> «Самый факт П., или то, что в нем дается, заключает, несомненно, две стороны; первая состоит в известном образе или представлении протяженности (зрительно-осязательном для зрячих, только осязательном для слепорожденных), причем этот образ, сохраняя свое единство в целом, разлагается по частям в нашем воззрении на определенные измеримые очертания и расстояния внешних предметов как тел геометрических. От этой формальной или геометрической стороны П. ipso facto различается реальная или механическая его сторона, состоящая в вещественной раздельности или разъединенности ("внебытии") всего существующего, в силу которой для реального сближения и теснейшего взаимодействия или соотношения двух отдаленных в П. существ необходимо употребить определенное количество внутренних усилий и внешних движений, прямых и косвенных, единичных и собирательных, в зависимости от данного расстояния и других механических условий» (Вл. Соловьев, Брокг-Ефр. Пространство).
>
> Сходное утверждение делает В. Г. Гак: «для того чтобы постичь пространство, достаточно открыть глаза, повернуть голову, протянуть руки и т. п. Пространство одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком» [Гак 2000, с. 127].

Толковые словари выделяют несколько значений у слова-концепта *пространство*: абстрактное и конкретные.

Абстрактное значение: 1. 'неограниченная протяженность...' [МАС 1986, т. 3 с. 528]; 'состояние материи, характеризующееся наличием протяженности и объема' [Ушаков 1939, т. 3, с. 1012][1]; и конкретные значения: 2. 'место, промежуток между чем-л.', 3. 'большой участок земли'.

Синонимические словари включают *пространство* в разные синонимические ряды: *просвет, расстояние, интервал, площадь, участок* [Александрова 1968, с. 434]; *промежуток, простор между пред ме-*

[1] Сходное со словарем Ушакова определение пространства дано в: [МАС 1983, т. 3, с. 528; Ожегов, Шведова 1995, с 611].

тами, пролет, пробел, расстояние, расстановка, интервал, дистанция... и *место, помещение, простор, площадь, поприще, полоса, поле, поляна, район, промежуток...*[Абрамов 1994, с. 368].

Синонимические отношения между значениями *Пространство 2* и *Место 3*, с общим толкованием 'территория, не имеющая определенных границ, которую обычно можно окинуть взглядом', подробно рассмотрены в словарной статье синонимического словаря под ред. Ю. Д. Апресяна [Урысон, 2000, вып. 2, с. 189—191]. К данной синонимической паре приводятся аналоги: *ширь, простор, край, страна, местность, территория.*

Таким образом, словарные описания показывают, что у слова-концепта есть абстрактное значение: 'протяженность', 'свойство материи'. Оно характеризует *пространство* как мыслительную категорию, с помощью посредством которой человек мыслит бытие. В этом значении оно не имеет синонимов. Интересно, что в сочинительной конструкции *пространство и время* оно занимает первую позицию. Это косвенно свидетельствует о первичности/приоритетности *пространства* по сравнению со *временем*[2].

Абстрактное, категориальное пространство — чисто умозрительный продукт: оно постигается не через эмпирический опыт, а конструируется ментально. Нельзя сказать: **Я вижу, трогаю, чувствую, ощущаю, осязаю... пространство.* Можно, однако, сказать: *как ты мыслишь, определяешь, представляешь, понимаешь... пространство? Какие черты, характеристики, свойства... приписаны пространству?* и т. д.

В отличие от первого значения *Пространство 2* и *3* доступно чувственному восприятию.

> На принципиальные отличия между пространством умозрительным и чувственно воспринимаемым указывал Э. Кассирер: «Евклидово пространство характеризуется тремя основными признаками признаками непрерывности, бесконечности и сплошной однородности. Однако все эти моменты противоречат характеру чувственного восприятия. Восприятие не знает понятия бесконечного, оно скорее изначально привязано к определенным пределам способности восприятия и тем самым к определенной ограниченной пространственной области» [Кассирер 2002, т. 2, с. 99]. Здесь важна мысль о границах восприятия, о том, что безграничное, бесконечное чувственно не воспринимается. Об этом свидетельствует

[2] О приоритете первой позиции в сочинительных конструкциях типа: *мужчина и женщина, отец и сын, мальчики и девочки* и т. д. см. в: [Кибрик, Нариньяни 1987, с. 62].

также различие между значениями, а также сочетаемостью *Пространства 1* и *Пространства 2 3*.

Пространство 2 и 3 ограничено (у него появляются границы) и заполнено вещами, его вещный (предметный) характер акцентируется. В нем присутствует человеческий глаз и размещается сам человек, Это пространство наглядное, наблюдаемое, а также воспринимаемое осязанием. Оно может описываться в языке как: *ровное, пустое, свободное, освещенное, обледенелое, очищенное... пространство.* Можно *нащупать свободное пространство; смотреть в пространство, устремить взор в пространство* и т. д. Границы его могут быть обозначены символически: *пространство между небом и землей, пространство от земли до неба* и конкретно: *пространство между окнами, вокруг дома, возле двери...*[3]. Оно также может описываться как *необъятное, необозримое, неоглядное..*, что характеризует принципиальную возможность его зрительного восприятия. Вещи и границы (даже символические) делают пространство наглядным[4]. Характерно, что именно через свойство вещи, предмета, тела определяет *пространство* В. И. Даль, чей словарь, пожалуй, можно назвать самым антропоморфным по идеологии из всех русских словарей.

Пространство: 'ср. состоянье или свойство всего, что простирается, распространяется, занимает место; самое место это, простор, даль, ширь и глубь, место по трем измерениямъ своим' [Даль т. 3, с. 815].

Пространство 1, согласно типологии *Пространства*, предложенной В. Н. Топоровым [Топоров 1983], может быть понято как ньютоновское, т. е. отвлеченное от человека, непосредственного наблюдателя (но не от рефлексирующего субъекта, в голове которого возникает или который создает образ отвлеченного, умозрительного простран-

[3] Рассматривая соотношение пары: *пространство* vs. *простор*, А. Д. Шмелев также указывает, что *пространство*, в отличие от *простора*, может быть замкнутым [Шмелев 2002, с. 348].

[4] В связи с этим встает вопрос о *пустоте*. Пустота это пространство или предпространство, обретающее пространственные параметры в момент появления вещи? Можно ли наблюдать пустоту? Эти вопросы не затрагивают главной темы работы. Следует, однако, отметить, что образ пространства возникает в момент появления вещи вещей в пустоте (об образах овеществленной пустоты см. также: [Брагина 2003а]. Вещь связывается с соответствующей точкой в пространстве и в конечном счете вещи его конструируют и конфигурируют.

ства!). *Пространство 2, 3* — как лейбницевское, т. е. одушевленное присутствием человека-наблюдателя[5].

Вещное (предметное) пространство оформляется вокруг вещи, которая принимается за «точку отсчета». «Главной вещью», относительно которой соизмеряются все остальные, является сам человек и его тело. Человек, с одной стороны, — наблюдатель и «оценщик» пространства (пространство конструируется и описывается им в соответствии со способностями человеческого глаза), а с другой — его тело является единицей измерения, мерой вещей: «Тело служит человеку первичной сеткой координат» [Кассирер 2002, т. 1, с. 140]. Выражение пространственных отношений подчиняется представлению о конкретном пространственном объекте, следовательно, осмысление и выражение пространственных отношений может рассматриваться как результат осмысления человеком своего тела.

> Как пишет далее Кассирер, в африканских языках манде «перед» обозначается словом «глаз», «позади» словом «спина» или словом, обозначающим заднюю часть тела, «на» передается словом, обозначающим «затылок», «в» словом обозначающим «живот» и т. д. В других языках для выражения «позади» может использоваться слово «*след*», для «*под*» слово «*почва*» или «*земля*», для «*над*» «*воздух*» [Там же, с. 140—141].

В русском языке на «телесность» пространства указывают некоторые фразеологизмы: *в двух шагах отсюда, рукой подать, на расстоянии вытянутой руки, по правую левую руку от меня, видеть не дальше собственного носа* и т. д.; этимология пространственных наречий и предлогов: *позади, сзади, сбоку, набекрень* и т. д.; старинная мера длины: *локоть*; название персонажей русских и переводных сказок; *мальчик-с-пальчик*; *мужичок-с-ноготок, борода с локоток* и т. д. Апроприируя пространство, человек его называет, наделяя собственной телесностью.

Таким образом, «обжитое» (лейбницевское) пространство описывается в языке как имеющее границы и как предметное (в нем существуют вещи). Человеческое тело (наряду с другими вещами) может выступать в качестве единицы его измерения.

Лейбницевское пространство служит прообразом для построения внутреннего пространства человека, и это уже собственно вопрос философии языка и культуры.

---

[5] Эта пространственная типология была использована в лингвистических работах Е. С. Яковлевой [Яковлева 1994] и Е. С. Кубряковой [Кубрякова 2000].

> «Является ли пространство, в котором представляются вещи, простой *данностью* созерцания или же оно есть итог и результат процесса символического *формирования?* Такая постановка проблемы оттесняет нас от проторенных путей психологии и теории познания на целину. На первый взгляд, кажется странным и парадоксальным, что центр тяжести проблемы смещается от *натурфилософии* к *философии культуры.* Вопрос о значении пространства для конституирования мира вещей заостряется и углубляется, становясь другим вопросом о значении пространства для построения и завоевания специфически духовной действительности» [Кассирер, 2002, т. 3, с. 118].

Пространственные метафоры: внутренний мир, зрительное восприятие и границы языка. Вопрос о существовании внутреннего мира относится не к области знания или незнания, но языка и веры. Языка — поскольку благодаря пространственным метафорам человек описывает свой внутренний мир, высказывается о нем, создает религиозные, поэтические, философские, бытовые и другие виды текстов. Он как бы видит[6] свой внутренний мир, его светлые (освещенные) и темные (плохо освещенные) места, наблюдает происходящие изменения. Пространственные метафоры создают эффект присутствия *Я* человека в своем внутреннем мире. Подобно человеческому телу, являющемуся элементом лейбницевского пространства и одновременно единицей его измерения, *Я* человека включено в свой собственный внутренний мир как его часть и одновременно как посредник при упорядочивании невидимого и невыразимого с помощью языка.

Конструируя внутренний мир, пространственные метафоры придают ему вещественность, телесность, наглядность: *в голову пришла интересная идея, в душе поселилась грусть, в памяти затерялось что-л.* и т. д. Такое описание нельзя оценивать как истинное или ложное, хорошее или плохое. Его можно подвергать сомнению, можно с ним не соглашаться, но добровольно или вынужденно оно принимается языковым коллективом как некая априорная данность. Поскольку *проверить* его не представляется возможным, то приходится ему *поверить, принять на веру*, ср. также: «вера есть не что иное, как "уверенность в невидимом" (Евр. XI, I)» (цит. по: [Успенский 1994, т. 1, с.17]).

---

[6] О связи зрительных данных с когнитивными смыслами, о способности человека видеть незримый аспект мира см. статью Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1989, с. 7 30].

Принять метафорический способ описания невидимого, значит, согласиться и/или поверить, что оно построено по образцу, представленному в языковых метафорах, как пространство, имеющее границы.

Лингвистические, литературоведческие, семиотические, философские, психоаналитические и другие метанарративы, посвященные процессам, происходящим во *внутреннем мире человека*, часто содержат расширенную метафору, либо рефлексию в отношении ее, ср.:

> Как только **возникает опыт, возникает и отсылка к** чему-то иному, как то: **следу, тексту, а чтобы след оставил след, требуется опространствливание.** (...) Хайдеггер, как вы знаете, сказал *где-то*, что само наличие у нас того, что мы именуем пространственными метафорами, не случайно. **Язык не может обойтись без пространственных метафор** [Жак Деррида 1993, с. 156].
>
> **Морскому дну подобна и душа,** впитывающая в себя все впечатления жизни и хранящая в себе самые дорогие из них [Топоров 1995а, с. 591].
>
> С безличными силами и судьбой не вступишь в контакт, *они* остаются вечно чужды нам. Но если **в стихиях бушуют страсти, как в твоей собственной душе**, если даже смерть не стихийна, а представляет собой насильственное деяние *злой воли*, если повсюду **в природе тебя окружают существа, известные тебе из опыта твоего собственного общества,** то ты облегченно вздыхаешь, чувствуешь себя как дома среди жути, можешь психически обрабатывать свой безрассудный страх [Фрейд 1992, с. 29].

Можно, однако, не принимать на веру языковые метафоры, а пытаться им противостоять, объявив войну языку. Л. Витгенштейн писал: «Мы сражаемся с языком. Мы пребываем в состоянии войны с ним» [Витгенштейн 1994а, с. 423].

> Сопротивление языковым метафорам оказывали английские философы-рационалисты. *Дж. Локк* утверждал, что образное употребление слов «имеет в виду лишь внушать ложные идеи» [Арутюнова 1990а, с. 11]. «Совершение метафоры» в научных сочинениях приравнивалось к совершению преступления [*Там же*].
>
> В философии постмодернизма обсуждался вопрос о возможности редукции, нейтрализации *топологического языка*: «... мечта о критике или редукции пространственных, опространствливающих метафор — своего рода метафизическая мечта; это не значит, что мы должны принимать *любые* пространственные метафоры, но в нашей власти заменить пространственную метафору иной метафорой, иным типом метафорики» [Жак Деррида 1993, с. 156].

Неготовность философов языка, с одной стороны, принять пространственные метафоры, а с другой стороны, от них отказаться свидетель-

ствует о том, что мы вплотную приближаемся к границе языка. Согласно Л. Витгенштейну, «граница языка обнаруживается в невозможности как-то иначе описать факт, соответствующий некоторому предложению (являющийся его переводом), чем просто повторяя это предложение» [Витгенштейн 1994, с. 421]. Метафоры варьируют один и тот же смысл. Обозначая что-л. с помощью разных метафор, мы фактически его повторяем, используя разные формы концептуализации. Пространственные метафоры, таким образом, показывают границу языка. Вопрос о том, как создать представление о невидимом мире, не обозначив его бесконечно меняющуюся природу с помощью метафор, остается открытым.

Пространственная метафора показывает также характер и границы восприятия, которое по преимуществу является зрительным. Техника языкового моделирования основывается на способности человека постигать абстрактное, отвлеченное через зрительные образы. Чтобы увидеть *невидимое*, надо сконструировать внутреннее пространство по модели внешнего, а орган восприятия внутреннего пространства — по модели глаза. Внутреннее пространство получает название: *внутреннего мира человека*, *духовного мира человека*, а «внутренний глаз» — *внутреннего зрения*, *умозрения*.

Внутреннее пространство отчуждается от человека. *Мысли*, *чувства*, *воспоминания* становятся доступными внутреннему наблюдению, созерцанию, осуществляемому как бы извне. Они описываются как если бы они были дистанцированы от наблюдателя. В процессе говорения (обговаривая свое психическое, интеллектуальное, эмоциональное состояние) человек присваивает его как текст.

Таким образом, в основе говорения о *внутреннем мире* (о психической, интеллектуальной, духовной жизни) лежат две семиотические операции: отчуждение и присвоение. Они делают невидимое и невыразимое как бы видимым, доступным для самоанализа, рефлексии и говорения. Они позволяют создавать *тексты* о себе и другом, описывать психические, эмоциональные, интеллектуальные *состояния*. Кроме того, доступность зрительному восприятию и наблюдению делает возможным контролировать (по крайней мере, частично) самого себя, свой внутренний мир.

Внутреннее пространство. Общая характеристика. Хотя представление о *внутреннем пространстве* сформировано в языке и культуре, толковые словари соответствующее значение не отмечают, вероятно, потому, что нет устойчивых узуальных словосочетаний, которые напрямую связывают *пространство* с субъектами внутреннего мира, например: *пространство души*, *памяти*, *ума*... *жить*, *поселиться в/*

на пространстве памяти; *осваивать пространство души*; *свободное, тесное... пространство между душой и умом* и т. д. Представление о *внутреннем пространстве* поддерживается метафорами, описывающими работу *души*, *памяти*, *ума*... Мы говорим: *в сердце закралась грусть*, *на душу легла тревога*, *знать, что у кого-л. на уме*, *хранить что-л. в памяти*, *что-л. засело в памяти* и т. д.

Словосочетания *внутренний мир человека*, *духовный мир человека* указывают на «опространствливание» языком недоступных зрению психики и интеллекта человека. «*Psyche ist ausgedehnt*: *weiss nichts davon*». «Психика протяженна: но ничего не знает об этом», — написал в одной из своих заметок, опубликованных после смерти, З. Фрейд. Эту фразу прокомментировал Ж.-Л. Нанси: «То есть "психика" — *тело*, и это то, что как раз и ускользает от нее; такие выходки или выходы (надо полагать) и создают ее в качестве "психики", находящейся в измерении не-(возможности/желания)-самопознания» [Нанси 1999, с. 45].

В языковом описании внутренний мир человека (*душа*, *ум*, *память*) предстает как фиксированное множество пространств, обладающих некоторым набором общих свойств. Перечислю их. Они предметны и, как правило, замкнуты (т. е. имеют границы); имеют пространственные параметры (могут описываться с помощью параметрических прилагательных); могут быть проницаемыми или непроницаемыми для внутреннего взора «другого»; их общим свойством является подконтрольность внутреннему взору и говорению.

Предметность. К предметам (умозрительным вещам) внутренних пространств относятся: *мысли*, *чувства*, *воспоминания* и т. д. Они появляются во внутреннем пространстве, занимают фиксированное положение, перемещаются, исчезают.

Внутреннее пространство памяти неоднородно. В его формировании участвуют: *образы*, *картины*, *лица*, *фигуры*, *имена*, *обрывки фраз*, *воспоминания*... а также: *следы*, *отпечатки*. Первые можно определить как предметы, вторые — как «знаки присутствия» воспоминания. Устойчивые словосочетания, как правило, лишь называют «единицы хранения памяти» без последующей конкретизации. В текстах могут детально описываться предметы. «Знаки присутствия» не конкретизируются в описаниях. Их главное назначение — констатация факта. Они часто употребляются в конструкциях: *кто-что-л.* (*человек*, *разговор*, *рассказ*, *встреча*...) *оставил*(*-а*, *-о*, *-и*) [*неизгладимый*] *след* / *отпечаток*... *в памяти*.

Предметы сочетаются с глаголами появления — исчезновения: *возникнуть*, *появиться*, *воскреснуть*, *ожить*, *всплыть*, *встать*...; *ис-*

чезать, стираться, таять, пропадать, ускользать... Так эксплицируется механизм воспоминания — забывания.

«Знаки присутствия» сочетаются с глаголами хранения: *остаться, сохраниться, отложиться...* и с глаголами исчезновения. Они не сочетаются с глаголами появления. Иными словами, *образ, картина хранится, возникает в памяти* и *исчезает из памяти; след, отпечаток — остается, хранится в памяти* и *исчезает из памяти.*

Если следовать идеям А. Бергсона, то и предметы, и «знаки присутствия» представляют собой результат операции уплотнения и деления, которой человек подвергает подвижную непрерывность реального [Бергсон 1992, с. 293].

Память конфигурируется не только как внутреннее, но и как внешнее пространство: реальные вещи могут наделяться знаковой (семиотической функцией) и выполнять роль памятных вещей. Внешним пространством памяти, например, можно считать мемориальный музей. Соответственно можно говорить о двух типах памяти: экстравертивной — связанной с внешним пространством и интровертивной — концептуализирующейся как внутреннее пространство. Интровертивная память воспроизводит (или в ней воспроизводятся) реальные предметы (вещи) в образах, картинах, воспоминаниях: *в памяти воскрес образ любимого, в памяти возникла картина прошлого.* Экстравертивная память как бы наделяет предметы реальности символической функцией: *сувенир, подарок на память, памятная вещь*; *Этот подстаканник — память о моем друге.*

Наличие границ. *Ум, память, душа* мыслятся как пространства внутри человека. Их «естественной» границей является человеческое тело. Кроме того, метафорические словосочетания: *чувство пришло, закралось в душу*; *чувство ушло*; *мысль пришла на ум*; *чей-л. образ запал в память*; *что-л. выпало, выскочило, вылетело... из памяти* и т. п., — формируют представление о пересечении символических границ *души, памяти, ума.*

Пространство *памяти* отличает то, что у нее также существуют временны́е границы. *Память* — хранительница *прошлого.* Время (события, происходящие во времени) задает пространству памяти границы, заполняя его вещами (*картины, образы, воспоминания*).

Философы языка отмечают, что хотя *память* соотносится с категорией времени, метафоры способствуют трансформации временно́го в пространственное, т. е. как бы видимое, доступное зрительному восприятию [Lambek, Antze 1996, с. xi]. Это частный случай общего закона опосредованности времени пространством. Э. Кассирер рас-

сматривал форму времени, которая находит себе выражение в пространственных и предметных определениях:

> Обозначая временны́е определения и отношения, язык поначалу целиком зависим от опосредования *пространства*; из этой переплетенности с пространственным миром проистекает также привязанность к миру *вещей*, мыслимых как наличные «в» пространстве. Поэтому «форма» времени выражена здесь настолько, насколько она способна находить себе опору в пространственных и предметных определениях. Принудительность заимствования последних столь велика, что она ощутима даже за пределами сферы языка при формировании понятий точных наук [Кассирер 2002, т. 3, с. 132].

В МАС *пространство* в одном из своих значений толкуется как 'Промежуток (времени)'. Это значение приводится с пометой *устар.* Оно иллюстрируется следующими примерами: *Стихотворения, напечатанные ныне г. Вердеревским, обнимают пространство времени в одиннадцать лет* (Добролюбов. Стихотворения первой молодости Е. Вердеревского). *Списка моих сочинений у меня нет, и составить его в первое время нет возможности, так как сочинений много, разбросаны они по газетам и журналам на пространстве почти 20 лет* (Чехов. Письмо В. Г. Вальтеру, 1 марта 1899) [МАС 1983, т. 3, с. 528].

Память, таким образом, мыслимая как **внутреннее** пространство, т. е. существующее **внутри** человека, как бы имеет естественные границы, определяемые границами человеческого тела. С другой стороны, *память* также имеет временны́е границы, совпадающие с границами прошлого. Наконец, метафорические образы *памяти* (*память — комната, здание, кладовая...*) также формируют представления о границах, уподобленных границам помещения.

Параметричность. Каждому из видов пространства внутреннего мира соответствует в узусе некоторый набор пространственных **параметров**. *Душа* имеет параметры глубины и ширины: *в глубине души, широкая душа*, она также может быть *высокой и низкой*. *Духу* присущ параметр высоты: *высокий дух*; *уму* — параметр высоты и глубины: *высокий, глубокий ум*; *памяти* — параметр глубины: *выплыть из глубины памяти*.

В художественных текстах метафора глубины может трансформироваться в *бездну*, получая таким образом гиперболизованное значение, ср.:

> И тогда **он нырнул в глубины памяти, на миг приотворившей свои бездны**, и выхватил из круговерти забытое воспоминание, сверкнувшее, как монета под дождем, может быть, потому, что раньше он его никогда не бередил разве что во сне (*Х. Л. Борхес. Создатель*).

С помощью параметрических эпитетов: *высокий, низкий, широкий, глубокий, мелкий* также описываются свойства личности *человека*.

Проницаемость. Обладая внутренним зрением, человек занимается самонаблюдением: *заглянуть в свою душу, в свое сердце, вглядываться в свою память*. Он наделен способностью видеть внутренний мир «другого»: *видеть кого-л. насквозь* (ср.: *Я тебя насквозь вижу!*), *пытаться заглянуть в чью-л. душу* (ср. также *Чужая душа — потемки*). Он может проникать в мысли, читать мысли «другого», ср.: *Она пыталась проникнуть в его мысли, понять, что это за человек. Этот человек читает мысли на расстоянии*. Он может догадаться о мыслях и чувствах «другого» по выражению глаз, по лицу[7]...

Душа и *ум*, таким образом, оказываются проницаемыми, доступными для внутреннего и внешнего зрения «другого». Это отличает их от *памяти*, которая остается закрытой для «чужого глаза»[8]. Нельзя сказать: **заглянуть в чью-л. память*, **проникнуть в чью-л. память*, **догадаться о чьих-л. воспоминаниях*

Проницаемость *души и ума*, вероятно, связана с диалогичностью *мыслей и чувств*; непроницаемость *памяти* с тем, что *воспоминания* монологичны. Можно *обмениваться мыслями, идеями*. Можно *ответить каким-л. чувством на чье-л. чувство* или, наоборот, *оставить его безответным*. Ср. также: *ответное чувство вспыхнуло в ком-л.*; *ответить кому-л. каким-л. чувством* ; *ответить кому-л. любовью на любовь, ненавистью на ненависть* Наконец, можно *разделять с кем-л. какие-л. мысли / чувства* (ср.: *Я полностью разделяю с вами возмущение его поведением*).

Образы памяти, воспринятые внутренним зрением, являются неразделенными знаками прошлого человека. *Воспоминание* не подлежит обмену, ср.: **обмениваться воспоминаниями*[9]; **ответить*

Последние примеры относятся скорее не к *внутреннему вдению*, но собственно к *вдению*, так как *чувства, мысли* могут с помощью телесных знаков (выражения глаз, мимики лица, жестов) «выводиться» во внешнее пространство.

[8] Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что здесь речь идет именно *о* неспособности *внутреннего зрения* одного человека проникнуть в *память* «*другого*». При этом по результатам внешнего наблюдения один человек может оценивать *память* «*другого*», например: *У тебя проблемы с памятью*; *У тебя память в полном порядке* и т. д.

[9] Здесь с *мыслями* и *чувствами* сопоставляются *воспоминания* в значении 'Мысленное воспроизведение чего-н., сохранившегося в памяти', а не в значении: 'Записки или рассказы о прошлом' [Ожегов, Шведова 1995, с 95].

воспоминанием на воспоминание; **Я разделяю с вами эти (ваши) воспоминания.*

Сочувствие, сопереживание — возможно, *самыслие* — допустимо как окказионализм, *совоспоминание* — кажется для русского языка невозможным.

На неприкосновенность памяти и связь воспоминаний с областью личного обращают внимание философы и социологи, ср:

> «Нет ничего более личного, чем воспоминания человека, — отмечает Б. С. Бенджамин (Benjamin), — и охраняя их частный характер, мы тем самым охраняем самые основы собственной личности». Но память по природе своей неприкосновенна, бóльшая часть наших воспоминаний носит частный характер, и «нас не нужно учить, что делать для того, чтобы оградить их от посторонних».
>
> Они остаются таковыми до тех пор, пока мы не решаемся вынести их на публику. Но даже и тогда они не смогут полностью стать общим достоянием. Ведь если кто-то другой знает о моих воспоминаниях — это совсем не то, как если бы он *обладал* ими. «Хотя мы и говорим о том, чтобы разделить свои воспоминания с другими, в действительности мы можем поделиться ими не более, чем поделиться болью» (...)
>
> Как отмечает Бертон, «в памяти нам *непосредственно* открывается, что наш собственный опыт прошлого принадлежит именно нам» (цит. по: [Лоуэнталь 2004, с. 308—309]).

Проницаемость памяти обнаруживается на уровне вербальных знаков. До тех пор, пока образы не обретут вербальную форму, ими нельзя поделиться с кем-л., например, с друзьями. Они являются психическими, а не социальными знаками.

Слово (устное и письменное) трансформирует психические знаки в социальные. *Ответное воспоминание* возможно только как текст, как ответный рассказ «*другого*». Образы, облаченные в слова, становятся материальными — вещественными: ими можно делиться (*поделиться своими воспоминаниями*), передавать по наследству как имущество (*семейные истории — предания — легенды*), их можно продать, если они зафиксированы на бумаге (*письменный текст*) либо на аудио-, видеокассетах, сидиромах.

Если люди когда-то жили вместе и или похожей жизнью, то можно сказать: *У нас с вами общие воспоминания. Общие воспоминания* формируют коммеморативные практики. Социальная стратегия увековечивания связана именно с практикой коммеморации.

По воспоминаниям разных людей может быть составлено целостное представление о прошлом, написан рассказ. *Воспоминания* раз-

ных людей могут дополнять друг друга и противоречить друг другу. Все это относится к воспоминанию-тексту, но не к воспоминанию как мыслительной и психической деятельности. Пушкинское: *Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать*, — имеет отношение и к образам памяти, к их способности, трансформируясь в слово, становиться социальными знаками со всеми атрибутами социального[10].

Можно предположить существование некой закономерности: неразделенное знание стремится стать разделенным, т. е. не исчезнуть, а материализоваться и обрести социальный статус. Посредником выступает язык, который трансформирует увиденные внутренним зрением образы в материальные знаки с символической функцией знаков прошлого. Вопрос о том, как осуществляется это посредничество и в какой мере образы, увиденные внутренним зрением, тождественны воспоминаниям, организованным как текст, оказывается в компетенции философов, а не лингвистов. Язык умалчивает относительно того, как, ценою каких усилий происходит «оязыковление» образа, эта тема отражена в литературе, но не во фразеологии.

> Рассматривая работу А. Бергсона «Материя и память», Ж. Делёз замечает: «Бергсон анализирует язык тем же способом, что и память. То, как мы понимаем сказанное нам, тождественно тому, как мы обнаруживаем воспоминание. Мы вовсе не перекомпоновываем смысл на основе услышанных звуков и ассоциированных образов, но *сразу помещаемся* в стихию смысла, а потом в какую-нибудь область этой стихии. Подлинный скачок в Бытие. И лишь затем смысл актуализируется в психологически воспринимаемых звуках, как и в образах, психологически ассоциируемых со звуками» [2000, с. 135].

Этот скачок в Бытие — подбор слов к образам памяти — требует определенного усилия, которое превращается в мучительное испытание для людей с расстройством памяти:

> «Я явно помню... это... ну вот ранили... ну вот и все...». Как мучительно пробовать рассказать о том, что еще свежо в памяти, как безуспешны попытки найти нужные слова!» [Лурия 1996, с. 119].

Воспоминания, таким образом, могут быть *общими*, но не *разделенными*, в отличие от *мыслей* и *чувств*. Возможно, это также связано с тем, что они по-разному актуальны: *мысли* и *чувства* проспек-

[10] Воспоминания могут материализоваться также с помощью других языков: изобразительного, музыкального. Благодаря этому возникают произведения искусства: картины, скульптуры, концерты и т. д.

тивны, *воспоминания* всегда ретроспективны. Обмен мыслями может стать началом новой теории, ответное чувство — началом взаимной любви, ненависти и т. д. *Личная память* констатирует прошлое, а не создает сюжеты будущего. В этом смысле личная память актуальна только для самого человека, особенно если исходить из утверждения: *У каждого своя жизнь, свой собственный опыт и свое прошлое.*

Подконтрольность внутреннему взору и говорению. *Пространство внутреннего мира* подконтрольно внутреннему взору и говорению. *Мысли, чувства, воспоминания* могут возникать неконтролируемо, ср.: *испытывать безотчетный страх; в сердце закралась любовь; в голове возникла интересная мысль; в памяти ожил страшный образ старухи* и др. Человек оговаривает движения души; образы, всплывающие в памяти; рождающиеся мысли; закрадывающиеся чувства и т. д. Он как бы видит внутренним зрением и описывает психические процессы, которые происходят помимо его воли. Имея возможность наблюдать «внутренним зрением» за бесконтрольным и безотчетным[11], а также оговаривать его с помощью визуальных метафор, человек освобождается от абсолютной власти бессознательных процессов. «Внутреннее зрение», «умозрение» — это путь к личной свободе. Самоанализ, а также анализ внутреннего мира *другого* выступает как развернутая пространственная метафора[12].

Внешнее и внутреннее пространство: формы взаимодействия. Внутреннее и внешнее языковые пространства не изолированы друг от друга, они регулярно взаимодействуют, обмениваются смысловыми кодами. Процессы, происходящие во внутреннем пространстве: *радость бурлит, тоска гложет*, — обретают телесное выражение и выводятся во внешнее пространство с помощью телесных знаков (мимика, жесты): *глаза сияют от радости; потемнеть от тоски*, а также с помощью ритуализованного поведения: *прыгать, хлопать в ладоши от радости; запить, загулять с тоски.* Возможна и обратная ситуация. М. Пруст писал о «глазах, в которых плоть становится душой». Этот обмен знаковыми кодами можно определить как семиотические игры внутреннего и внешнего пространств, «одушевленных» присутствием человека.

---

[11] Последние, будучи названными, оказываются подконтрольными и подотчетными языку, утрачивая тем самым часть своих свойств.

[12] Ж. Лакан, как кажется, справедливо отмечает, что подлинный смысл концепции психоанализа получают лишь тогда, когда они ориентированы в поле языка и подчинены функции речи [Лакан 1995, с. 17].

Отношение внешнее — внутреннее пространство, выражаемое языковыми средствами, сопоставимо с отношением рельефа контррельефа, идея которого возникла в связи с исследованием строения кадра фильма и необычайно занимала С. Эйзенштейна [Иванов, 1999, с. 215 216]. Эта идея согласуется также с рассуждением о *выпуклой* внешней и *вогнутой* внутренней *линии*. Выпуклая линия принадлежит внешнему пространству, и она же, являясь одновременно вогнутой, очерчивает внутреннее пространство.

Тело и *дух* человека имеют отношение к двум видам пространства: *Я* телесное — к внешнему, *Я* духовное, *Я* созерцающее — к внутреннему. Если человек говорит: *Я долго бродил по лабиринтам города*, — то речь идет о *Я* телесном (преимущественно) и о внешнем пространстве. Если он говорит: *Я долго бродил по лабиринтам памяти*, — то речь идет о *Я* духовном, *Я* созерцающем и о внутреннем пространстве.

Но поскольку внутреннее пространство является частью «меня самого», то «*Я* духовное» как бы раздваивается. Фраза: *Я брожу по лабиринтам памяти*, — может интерпретироваться следующим образом: 'В данный момент я мысленно представляю себя бродящим по воображаемому лабиринту, который принадлежит мне и является частью меня самого'. Фраза: *Я роюсь в своей памяти*, — может иметь аналогичное толкование: 'В данный момент я мысленно представляю, что я роюсь в том, что может напоминать склад вещей картотеку и что принадлежит мне, являясь частью меня самого'. *Я* человека в подобных высказываниях выступает как *Я*-созерцающее и *Я*-пространство.

Можно утверждать, что метафоры, описывающие внутреннее пространство человека и происходящие в нем психические процессы, формируют представление о множественном субъекте.

То, что представление об Alter Ego заложено в языковых метафорах и может выполнять разные функции, играть разные роли, факт достаточно хорошо известный в лингвистике. В работах, посвященных когнитивным свойствам метафоры, на это неоднократно обращалось внимание[13]. Другое *Я* концептуализируется как *советчик*, *контрагент*, *обвинитель*, *молчаливый свидетель* и т. д. Мне бы хотелось обратить внимание на пространственные характеристики другого *Я*.

Из приведенных выше примеров видно, что *Я* говорящего в разных контекстах выступает как *Я*-телесное и *Я*-духовное. Это вполне очевидно. Более интересным и сложным является то, что в одном и том же

[13] Первой в русской лингвистике на это обратила внимание Н. Д. Арутюнова, описав в «Предложении и его смысле» концепт *совести* [Арутюнова 1976].

метафорическом контексте *Я*-духовное может совмещать в себе персонифицированное пространство — *Я*-пространство и находящегося, перемещающегося внутри этого пространства наблюдателя — *Я*-созерцающее[14]. В языковом описании субъект не подвергается метафорическому расщеплению и сохраняет тождественность самому себе. Рассмотренные фразы, равно как и другие, например, *Я отыскиваю в своей памяти следы прошлого*; *Я заглядываю в темные уголки своей памяти*, являются нормативными и не могут оцениваться как шизофренический текст.

Обращаясь к своей памяти, человек оказывается в различных временны́х «локусах»: телесно он продолжает жить в настоящем, а ментально и эмоционально — в прошлом. При этом тождественность самому себе также остается неизменной.

§ 2. Пространственные метафоры памяти: словосочетания, метанарративы, литературный текст

Метафоры памяти-пространства пронизывают практически всю литературу. Многие из них являются базовыми. Е. С. Кубрякова [1991] приводит такие: *хранилище*, *вместилище*, *склад*, *кладовая*, *библиотека*. К ним можно было бы добавить: *текст*, *лабиринт* и некоторые другие.

Ниже будут приведены языковые примеры (фразеологический текст «память-пространство»), метанарративы (фрагменты текстов философов, социологов, психологов, обсуждающих метафоры памяти) и литературные цитаты из произведений В. Набокова, писателя, в творчестве которого *па.мять* занимает одно из главных мест. Примеры иллюстрируют разнообразие образов *памяти*, выстроенных с помощью пространственных метафор.

Пространственная метафора в словосочетаниях.

Память-пространство

В ней что-л. откладывается, запечатлевается, застревает, засело, сидит, въелось, оставляет след, оставляет отпечаток, фиксируется, остается [надолго, навсегда...], всплывает, встает, живет, оживает, воз-

[14] Это напоминает фильм А. Тарковского «Солярис». Солярис это одушевленное, фиксирующее события, наблюдающее и реагирующее на изменения пространство. Солярис можно назвать персонифицированной, отчужденной от человека (являющейся самостоятельным телом) памятью.

никает, воспроизводится, воскресает, мелькает, стирается, смягчается, тает, пропадает, уступает кому-чему-л. место, покрывается туманом, смешивается, смазывается, затерялось что-л. *В ней что-л.* есть, живо, свежо, ясно. *В ней* остается кто-что-л., остается след, есть связь с чем-л., что-л. представлено, хранятся образы, воспоминания, обрывки фраз, имена. *В ней* роются, копаются, ищут что-л., перебирают, восстанавливают, вызывают, фиксируют, отыскивают, освежают, видят что-л. *В ней* хранят [бережно...], держат, удерживают что-л., делают зарубку. *В ней бывают* провалы, пробелы, проблески. *В нее* врезается, приходит что-л. *Из нее* что-л. выпадает, выскакивает, вылетает, стирает что-л., стирается, изглаживается, ускользает, уходит. *Из нее* вычеркивают, выбрасывают, вымарывают, выкидывают что-л. *Из ее глубин что-л.* появляется, всплывает. *Из нее что-л.* выплывает. *Что-л.* приходит на память.

Память концептуализируется как пространство, которое фиксирует (*в ней что-л. откладывается, запечатлевается, оставляет след отпечаток, фиксируется...*) и хранит (*в ней хранятся образы, воспоминания, обрывки фраз...*). Хранение может быть вечным (*навсегда осталось в памяти...*); длительным — вещи памяти слабо подвержены разрушению/исчезновению (*в ней что-л. застревает, засело, сидит, въелось...*); и не очень длительным — вещи памяти находятся в процессе разрушения / исчезновения (*в ней что-л. смягчается, тает, смешивается...*). Кроме этого, в памяти существуют пустые/полые места, которые ранее были заняты либо должны были быть заняты вещами (*в ней бывают провалы, пробелы...*).

По своим фиксирующим свойствам память может быть уподоблена поверхности предмета, на которой остается след, сохраняется отпечаток, например, *бумага* (*на которой написан текст*), *воск* (*на котором что-то отпечаталось*), *песок* (*на котором остались следы чего-л.*), *твердое тело* (*камень, дерево, на котором что-л. вырезано, сделаны зарубки*) и т. д. Иными словами, память выступает как фиксирующая поверхность. Человек может стремиться запечатлеть на ней что-л. (*в ней делают зарубку*) либо, наоборот, уничтожить след (*из нее вычеркивают, вымарывают что-л.*).

Свойство *памяти* хранить уподобляет ее замкнутому трехмерному пространству, заполненному вещами. *Память* может быть сопоставлена с *комнатой, кладовой, картотекой* и т. д. В пространстве *памяти* человек бережно хранит какую-л. вещь (*в ней бережно хранят что-л.*). Попадая в него, человек занимается активными поисками вещей (*в ней роются, копаются, ищут что-л...*), перебирает их (*в ней перебирают что-л.*) либо выбрасывает (*из нее выбрасывают, выкидывают что-л.*).

Пространство, в котором что-л. фиксируется или хранится, мыслится как статичное и застывшее, что абсолютно несвойственно *памяти. Память* — это динамичное, деятельное пространство. Работа памяти — это работа сознания. В ней постоянно происходят изменения: что-то исчезает, вновь появляется[15].

Память также репродуцирует образы (*в ней что-л. всплывает, встает, живет, оживает, возникает, воспроизводится, воскресает, из ее глубин что-л. появляется, всплывает...*). Это, в частности, отражает происходящие в *памяти* динамические процессы. Репродуцирующее пространство *памяти* может быть уподоблено: а) водному пространству: *морю, океану, глубокому озеру* и т. д.; б) рекреационному, т. е. «восстанавливающему» и реинкарнационному[16], т. е. «оживляющему» пространству[17].

Концептуализация *памяти* в качестве фиксирующей поверхности, трехмерного пространства, репродуцирующего пространства лежит в основании различных метафорических переосмыслений.

Пространственная метафора в метанарративах. В исследованиях по разным дисциплинам *память* описывается с помощью развернутых метафор. Аналитическое описание памяти часто предваряется перечислением наиболее традиционных закрепленных за ней метафор. Например, издатели книги «Время прошедшее» («Tense past») во вступлении пишут:

> Каким образом можем мы понять самое память? По сути дела невозможно вообразить память без помощи метафоры что это, как она работает, где расположена. Память это *хранилище, компьютер, картотека, энциклопедия* или это *пейзаж, храм, город*? Если память определить как *разновидность текста, рассказа*, то соответствует ли модель нашей памяти прозе Пруста или Джойса, Вирджинии Вульф или Кристы Вольф? [Lambek, Antze 1996, с. xi].

Далее Лэмбек и Энтзе указывают на то, что в когнитивной психологии метафорическое представление *памяти* проходит эволюционный путь от образа хранилища к образу, связанному с современными технологиями. Память сопоставлена *контейнеру, процессору, хранящему информацию*. Но независимо от характера сравнения, подчеркивают авторы, *память* всегда предметна и опредмечена.

---

[15] Подробно динамичные свойства пространства памяти будут рассмотрены ниже.

[16] О памяти как пространстве инобытия подробно будет говориться ниже.

[17] Здесь возникает сложность в подборе метафор естественного языка.

З. Фрейд часто использовал применительно к памяти археологические метафоры: память расположена как бы *под настоящим* или *спрятана за экраном*. В психоанализе *память* также концептуализируется как *сила, противостоящая контрсиле подавления*. Психоаналитики отмечают сходство *памяти с мечтой*: и та, и другая представляют собой сгущенные (сжатые) символы[18].

Французский философ и социолог Пьер Нора, определяя историческую память, также использует развернутую метафору памяти-пространства. Он пишет о том, что *память* превращается в «*местоположение*», в *посещаемый памятник*, постепенно переставая быть *контекстом, обитаемой местностью. Развалины памяти* становятся предметом *реконструкции*, а все мы превращаемся в *отчужденных туристов, посещающих свое прошлое.*

В некоторых современных работах эти утверждения критикуются. Лэмбек и Энтзе считают их «евроцентричными» и «романтическими», поскольку внутри других социальных групп, например, эмигрантских, может преобладать желание забыть свое прошлое, освободиться от груза воспоминаний. Образ памяти, находящейся в кризисе, в этом случае может быть уподоблен, пользуясь термином З. Фрейда (screen memory), *экрану*, на котором более значимо не то, что он показывает, а то, что пытается, даже ненамеренно, скрыть [Lambek, Antze 1996, с. xiv—xv].

Пространственная метафора, как это видно, является обязательной структурой / моделью при описании *памяти* в разных языках и культурах. Что касается характера концептуализации, то он зависит от различных факторов. Перечислим их.

• Отношение к эволюционным процессам. Современные технологии обусловливают появление новых (актуальных) форм концептуализации. Например, в современных контекстах базовые метафоры *памяти*: 'фиксирующая поверхность' и 'трехмерное пространство' выражены с помощью слов *экран* и *процессор*.

• Зависимость от социальной среды. В социуме существуют группы людей, заинтересованных и не заинтересованных помнить свое прошлое. Для первых *память* это *исторический памятник, музей* или *среда обитания* (в зависимости от характера и степени отчуждения от своего прошлого). Для вторых, желающих забыть прошлое, *начать новую жизнь с нуля* (например, для большинства эмигрантов), состоит преимущественно из *купюр* и *пробелов*.

---

[18] Здесь есть небольшое отступление от пространственной метафоры *памяти* в сторону общих процессов метафоризации *памяти*.

• Научная дисциплина. Разные науки предполагают разные формы концептуализации одного и того же понятия. В русле психоанализа *память* концептуализируется как *экран*, в русле истории и социологии — как *исторический памятник, посещаемый туристами* и т. д.

• Индивидуальный вкус. Здесь мы переходим к авторским метафорам, которые, с одной стороны, следуют логике языка и сохраняют связь с устойчивыми словоупотреблениями, хорошо согласуясь с интуицией носителя языка; с другой — создают новые образы, расширяя и обогащая поле концептуальных метафор.

Пространственная метафора в художественном тексте. Память — топографическая карта прошлого. Литература XX века (проза М. Пруста, Дж. Джойса, В. Набокова) сфокусировала внимание на концепте *память*, в том числе и на ее пространственных характеристиках. В художественных текстах пространственная метафора развернута и представляет собой мини-текст.

Память-конструкт определяет поэтику В. Набокова. Если сказать, что тексты В. Набокова структурированы как *память* и воспроизводят образ *памяти-творчества*, то, наверное, это не будет сильным искажением смысла его произведений. Кроме того, метафора *памяти* необычайно разнообразна и частотна в его произведениях. Пространственную метафору *памяти* в художественных текстах В. Набокова можно обобщенно определить следующим образом: *Память — это топографическая карта прошлого.* Приведу примеры.

Память помещение, комната, здание

(1) Из всего этого, из всей этой грубой мешанины, так и липнущей, так и прущей из всех **углов памяти**, принижающей всякое воспоминание, загораживающей путь свободной мысли, непременно следовало осторожно, по кусочкам, выскрести и целиком впустить в книгу Валентинова (*Защита Лужина*).

(2) С чисто же эмоциональной стороны, в смысле веселости красок, столь сродной детям, старый Куммингс пребывает у меня в **красном углу памяти** (*Другие берега*).

Милорд Бомстон, теперь профессор Бомстон, с рассеянным видом повел меня завтракать в ресторан, который я хорошо знал и который должен был бы обдать меня воспоминаниями, но переменилась вся обстановка, даже потолок перекрасили, и **окно в памяти не отворилось** (*Другие берега*).

(3) Инспектриса велела, чтобы никаких смешков не было, когда приедет сейчас человек из комиссариата народного просвещения, что бы он ни говорил, как бы он себя ни вел. И он приехал, и **поселился в ее памяти**, как человек чрезвычайно забавный, пришедший из другого, нелепого мира (*Защита Лужина*).

Память — театральная сцена

Из-за того, что в начале составителю мешала необходимость держаться односложных слов, представление об этих лицах получилось у меня и сбивчивое, и сухое, но затем воображение пришло на помощь, и я увидел их. Туполицые, плоскоступые, замкнутые оболтусы, болезненно гордящиеся своими немногими орудиями (Ben bas an axe), они вялой подводной походкой **медленно шагают вдоль самого заднего задника сценической моей памяти**; и вот, перед дальнозоркими моими глазами вырастают буквы грамматики, как безумная азбука на таблице у оптика (*Другие берега*).

Память — чувствующая поверхность

— я знал без узнавания, я знал без удивления, я знал, как знаешь себя, я знал то, что знать невозможно, жизнь: постоянный трепет, утайка знания, притворство, страх, болезненное усилие всех нервов — не сдать, не прозвенеть... и до сих пор у меня еще **болит то место памяти**, где запечаталось самое начало этого усилия, т. е. первый раз, когда я понял, что вещи, казавшиеся мне естественными, на самом деле запретны, невозможны, что всякий помысел о них преступен (*Приглашение на казнь*).

Память-страна

Ландо катится, машисто бегут лошади, свежо шее, и немного подташнивает; и, надуваясь ветром высоко над улицей, на канатах, поперек Морской у Арки, три полосы полупрозрачных полотнищ — бледно-красная, бледно-голубая и просто линялая — усилиями солнца и беглых теней лишаются случайной связи с каким-то неприсутственным днем, но зато теперь, **в столице памяти**, несомненно празднуют они пестроту того весеннего дня, стук копыт по торцам, начало кори, распушенное невским ветром крыло птицы, с одним красным глазком, на шляпе у Mademoiselle (*Другие берега*).

Память-карта; схема маршрута

(1) Ее родители оба скончались от рака, вскоре после ее свадьбы, а до этого умерло молодыми семеро из девяти их детей, и **память обо всей этой обильной далекой жизни**, мешаясь с веселыми велосипедами и крокетными дужками ее девичества, **украшала мифологическими виньетками** Выру, Батово и Рождествено на **детальной**, но несколько **несбыточной карте** (*Другие берега*).

(2) Были и прямые тропинки и вьющиеся, и все это переплеталось, как в лабиринте. Еще в первые годы изгнания моя мать и я могли без труда **обойти весь парк**, и старую и новую его часть, **по памяти**, но теперь замечаю, что **Мнемозина** начинает **плутать** и растерянно останавливается **в тумане**, где там и сям, как на **старинных картах**, виднеются **дымчатые, таинственные пробелы: терра инкогнита** (*Другие берега*).

В набоковской прозе *память* также часто выступает как хранительница *образа* внешнего пространства: земли, ландшафта, маршрута путешествий, помещения. Образы прошлого часто выстраиваются в памяти как среда обитания героя, ср.:

(1) Мне бы хотелось вспомнить все те скверы, где мы с ним сидели. **Вызывая в памяти** тот или другой **образ**, я часто могу определить **географическое положение садика** по двум-трем чертам (*Другие берега*).

(2) **В памяти я могу распутать** по крайней мере пять таких **путешествий в Париж**, с Ривьерой или Биаррицем в конце. Выбираю относящееся к 1909 году (*Другие берега*).

(3) Материнские **отметины и зарубки** были мне столь же дороги, как и ей, так что теперь **в моей памяти представлена и комната, которая в прошлом отведена была ее матери под химическую лабораторию**, и отмеченный тогда молодой, теперь почти шестидесятилетней липою **подъем в деревню Грязно**, перед поворотом на Даймищенский большак, подъем, столь крутой, что приходилось велосипедистам спешиваться, где, поднимаясь рядом с ней, сделал ей предложение мой отец, и **старая теннисная площадка**, чуть ли не каренинских времен, свидетельница благопристойных перекидок, а к моему детству заросшая плевелами и поганками (*Другие берега*).

(4) По истечении почти сорока лет я без труда **восстанавливаю и общее ощущение, и подробности его** ⟨дома. *Н. Б.*⟩ **в памяти**: **шашечницу мраморного пола** в прохладной и звучной зале, **небесный сверху свет, белые галерейки, саркофаг в одном углу гостиной, орган в другом**, яркий запах тепличных цветов повсюду, **лиловые занавески в кабинете, рукообразный предметик** из слоновой кости для чесания спины и уже относящуюся к другой главе в этой книге **незабвенную колоннаду заднего фасада**, под романтической сенью которой сосредоточились в 1915 году счастливейшие часы моей счастливой юности (*Другие берега*).

§ 3. Среда памяти: способы формирования

Человек / вещи / память формиру(ет)ют среду памяти. Деятельность сознания: обращение человека к своей памяти, а также спонтанное появление воспоминаний, — описывают глаголы: *помнить(ся)*, *запоминать(ся)*, *запомнить(ся)*, *вспоминать(ся)*, *вспомнить(ся)*, *припоминать*, *припомнить*, *забывать(ся)*, *забыть(ся)*, *запамятовать*[19].

[19] Ср. также замечание о глаголе *вспомнить*: «Событие, обозначаемое глаголом *вспомнить*, может произойти как спонтанно (неконтролируемым

Эти же значения передаются с помощью метафор, моделирующих деятельное пространство памяти. Как было показано выше, пространство памяти фиксирует, хранит и репродуцирует.

Поскольку пространство памяти «обитаемо» (в нем может находиться Я-духовное) и заполнено «вещами» (*воспоминаниями*, *картинами*, *образами*, *обрывками фраз*...), то возникает вопрос: КАК формируется среда памяти; КТО создает модифицирует «интерьер» внутреннего пространства, расставляет вещи по местам и / или назначает вещам их место, перемещает их и т. д.? На этот вопрос в языке существует три ответа: человек формирует среду памяти; вещи формируют среду памяти; память формирует собственную среду. Рассмотрим каждый из них.

1. Человек формирует среду памяти и/или активно на нее воздействует. Предикаты описывают:

(1) локализацию и хранение вещей: *человек хранит*, *сохраняет*, *удерживает*, *фиксирует*, *держит... что-л. в памяти*; *зарубил себе в памяти = Я помню / стремлюсь запомнить*, *запоминать*;

(2) поиск вещей в памяти: *человек роется*, *копается*, *ищет что-л.*, *перебирает что-л.*, *отыскивает что-л.*, *находит что-л. ... в памяти = Я вспоминаю*, *вспомнил припоминаю*, *припомнил / пытаюсь вспомнить / пытаюсь припомнить*;

(3) воспроизводство и реставрацию вещей: *человек вызывает*, *воспроизводит*, *освежает... что-л. в памяти = Я вспоминаю*, *вспомнил припоминаю*, *припомнил*;

(4) удаление вещей из памяти: *человек вычеркивает*, *выбрасывает*, *вымарывает*, *выкидывает... что-л. из памяти*; *стирает*, *смывает память о ком-л. = Я забываю*, *забыл / стремлюсь забыть*.

2. Вещи формируют среду памяти. (Расположение вещей в памяти является объектом наблюдения «*Я* созерцающего».) Предикаты описывают:

(1) локализацию и хранение вещей: *в памяти что-л.* (*воспоминание*, *образ*, *картина*...) *откладывается*, *запечатлевается*, *застревает*, *засело*, *сидит*, *въелось*, *оставляет след*, *оставляет отпечаток*, *фиксируется*, *хранится*, *остается*, *живет*...; *в память что-л.* (*образ*, *фраза*...) *врезалось*, *запало*, *заронилось ... = Я запоминаю / запомнил*; *Я помню что-л.*, *запоминается*, *запомнилось*, *что-л. помнится*;

(2) появление возникновение вещей: *в памяти что-л. всплывает*, *встает*, *возникает*, *воспроизводится*...; *из глубин памяти что-л.*

образом), так и в результате специальной ментальной деятельности» [Булыгина, Шмелев 1989, с. 36].

появляется, всплывает...= Я вспоминаю, вспомнил/припоминаю, припомнил; что-л. вспоминается, вспомнилось / припоминается, припомнилось;

(3) трансформацию вещей, изменение контура, освещения: ***в памяти что-л. стирается, смягчается, тает, покрывается туманом, смешивается, смазывается, освещается ярким светом, сияет... = Я вспоминаю, вспомнил/припоминаю, припомнил/забываю, забыл/помню неотчетливо; что-л. вспоминается, вспомнилось/припоминается, припомнилось / забывается, забылось;***

(4) исчезновение ***в памяти что-л. пропадает, уступает кому-чему-л. место, теряется...; из памяти что-л. выпадает, выскакивает, вылетает, стирается, изглаживается, ускользает, уходит...= Я забываю, забыл запамятовал (= образовался пробел); что-л. забывается, забылось.***

3. Память формирует свою среду. Предикаты описывают:

(1) локализацию и хранение вещей: *память хранит что-л., сохраняет что-л., вбирает в себя что-л. = Я помню запоминаю, запомнил;*

(2) воспроизводство вещей: *память воскрешает что-л , воспроизводит что-л., возвращает куда-л., оживляет что-л. = Я вспоминаю, вспомнил припоминаю, припомнил.*

В ситуации 1 человек создает среду своей памяти. Его деятельность в отношении внутреннего пространства сопоставима с деятельностью «человека расстановки», организующего внутреннюю среду, ср.:

> «Человек расстановки» это уже не собственник и даже не просто пользователь жилища, но активный устроитель его среды. Пространство дано ему как распределительная структура, и через контроль над пространством он держит в своих руках все варианты взаимоотношений между вещами, а тем самым и все множество их возможных ролей. (Он, следовательно, сам должен быть «функционален», однороден своему пространству только тогда он может принимать сообщения от своей обстановки) [Бодрийяр 2001, с. 31].

Отбор и «расстановка» воспоминаний образуют проекцию прошлого. Человек выступает владельцем своей памяти. Так он овладевает прошлым, инвестируя в него свои желания.

Прошлое, в отличие от будущего, легко апроприируется. Память компенсирует человеку утраченное, возвращая желанные воспоминания. *Память — это мною созданное диахроническое зеркало моего «Я».* С его помощью человек ведет поиски воображаемого «Я», например, обращается к какому-либо из выделенных эпизодов (*детству, первой любви*).

Выстраивая образы, воспоминания в некотором порядке, он сам становится частью этого порядка.

В ситуациях 2, 3 среда памяти создается. Человек продолжает быть частью выстроенного порядка воспоминаний. Однако происходит смена ролей: порядок устанавливается не самим человеком, а как бы для него. Он утрачивает функции хозяина памяти / воспоминаний, становясь *зрителем, наблюдателем, адресатом воспоминаний*. Не коллекция образов прошлого принадлежит ему, но, скорее, он принадлежит коллекции образов своего прошлого.

Желание и травма — факторы, влияющие на формирование среды памяти. *Воспоминание* имеет примерно поровну положительных и отрицательных эпитетов: *восторженное, доброе, нежное, прекрасное, приятное, светлое, сладкое, сладостное, теплое, чистое, чудесное... воспоминание*; *горькое, грустное, жуткое, мрачное, мучительное, нехорошее, позорное, страшное, тягостное, тяжелое, ужасное... воспоминание* [Горбачевич, Хабло 1979, с. 70]. На формирование среды памяти наибольшее влияние оказывают два фактора: *желание и травма*. *Желание* и *травма* в некотором смысле слова находятся в квазиантонимичных отношениях. По своей воле человек обращается к *желанным* воспоминаниям. Воспоминания, основанные на *травме*, чаще возникают неконтролируемо и помимо воли. Как правило, они отвечают ситуации 2 или 3, в которых человек играет роль пассивного наблюдателя, а не активного деятеля.

Область желанного М. Кундера в романе «Невыносимая легкость бытия» (пер. Н. Шульгиной) называет поэтической памятью, ср.:

> Похоже, будто в мозгу существует совершенно особая область, которую можно было бы назвать ***поэтической памятью*** и которая отмечает то, что **очаровало** нас, **тронуло**, что **сделало** нашу **жизнь прекрасной**. С тех пор как он узнал Терезу, уже ни одна женщина не имела права запечатлеть в этой части мозга даже самый мимолетный след. Тереза деспотически завладела его **поэтической памятью** и замела в ней следы иных женщин (*М. Кундера. Невыносимая легкость бытия*).

Память-травма обсуждается в рамках разных дисциплин[20]. Человек хорошо запоминает то, что его травмировало. Например, наказание детей может основываться на прескрипции: *Чтобы хорошенько запомнил*. В свою очередь, сама прескрипция исходит из того, что хорошо запоминается то, что травмирует. Это обыгрывает Х. Л. Борхес: в его

[20] Подробнее о *Памяти-травме* см. часть I, гл. 5. *Память и социум*.

рассказе отец бьет маленького мальчика не в наказание, а чтобы он лучше запомнил удивительное видение, ср.:

> На одной из страниц своей «Жизни» Бенвенуто Челлини рассказывает, что пятилетним мальчиком видел, как в огне резвилось существо, похожее на ящерицу. Он рассказал об этом отцу. Тот ответил, что это саламандра, **и отколотил его, чтобы удивительное видение, столь редко доступное людям, запечатлелось в его памяти** (*Х. Л. Борхес. Саламандра*).

Если в основании *травмы* лежит вина человека, *память* сближается с *совестью*. В этой ситуации происходит процесс разделения субъекта на две составляющие: активную (ego) и пассивную (alter ego). *Память/совесть* принимают на себя функции alter ego человека. Этот процесс можно также назвать процессом перемещенной воли: за все, что происходит как бы вне воли человека, он не несет ответственности.

> Что всего более облегчает мне мою задачу, начал Афанасий Иванович, это непременная обязанность **рассказать** никак не иначе, как **самый дурной поступок всей моей жизни**. В таком случае, разумеется, не может быть колебаний: **совесть и память сердца** тотчас же **подскажут**, что именно надо рассказывать (*Ф. М. Достоевский. Идиот*).

Сосуществование *памяти-желания и памяти-травмы* может приводить к конфликтам, в результате которых пространство памяти модифицируется, например, происходит замещение образов *памяти-желания* на образы *памяти-травмы*, ср.:

> Он пытался вмешаться в этот хаос, силился **вызвать** из прошлого какой-нибудь сладкий мираж, ощущение нежности или бодрости, он **выдавливал из глубин** памяти свежее смеющееся личико Гуты, еще девчонки, желанной и неприкосновенной, и **оно появлялось** было, но сразу же **затекало ржавчиной, искажалось и превращалось в угрюмую, заросшую грубой бурой шерстью мордочку Мартышки** (*А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине*).

§ 4. Память и зрение

Память и зрение как источники достоверной информации. Смысловые отношения между *памятью* и *зрением* многообразны и многомерны. Пространство памяти описывается с помощью метафор зрительного восприятия, которые моделируют представление о внутреннем зрении.

Память концептуально согласуется[21] со *зрительным восприятием* (*зрением*), а также связана с ним причинно-следственными отношениями, которые можно выразить формулой: *То, что мы видим — мы помним, то, что мы помним, мы как бы видим.*

Рассмотрим сначала первую часть данного утверждения: *То, что мы видим — мы помним.* Процесс забывания начинает происходить в момент, когда объект перестает быть видимым, уходит из поля зрения. Связь между зрительным восприятием и памятью описана в примере, взятом из "Мертвых душ" Н. В. Гоголя: по мере того, как бричка Чичикова отъезжала от города, город переставал быть видимым, становясь далеким прошлым и забываясь, ср.:

> Сначала он не чувствовал ничего и поглядывал только назад, желая увериться, точно ли выехал из города; но когда увидел, что **город уже давно скрылся, ни кузниц, ни мельниц, ни всего того, что находится вокруг городов, не было видно** и даже белые верхушки каменных церквей давно ушли в землю, он занялся только одной дорогою, посматривал только направо и налево, и город N. **как будто не бывал в его памяти, как будто проезжал он его давно, в детстве** (*Н. Гоголь Мертвые души*).

Память и *зрение* относятся к достоверным источникам информации. Для того, чтобы свидетельствовать, человеку достаточно видеть[22] и запомнить увиденное, т. е. быть *оче-видцем событий.*

Роль *видеоданных* как источника знаний и основания для мнений и суждений человека о мире [Арутюнова 1989, с. 21, 22], а также *зрения*, с которым ассоциируется объективная информация [Урысон 1997, вып. 1, с. 138], достаточно подробно обсуждалась в лингвистических работах. К сказанному можно добавить несколько штрихов.

По отношению к другим способам восприятия *зрение* имеет неоспоримые преимущества. Человек доверяет прежде всего своим глазам. *Видеть своими собственными глазами* — значит, присутствовать при происходящем. Если нужно в чем-л. убедиться, говорят: *Я хочу увидеть все это собственными глазами; пока не увижу, — не поверю.* То, что человек увидел *своими глазами*, обычно имеет статус бесспор-

---

[21] О концептуальном согласовании *памяти* и *зрения* см. часть I, гл. 2, § 2. *Телесность памяти.*

[22] О предпочтительном по сравнению с другими синонимами (*замечать, видеть, лицезреть, зреть*) употреблением глагола *видеть* в ситуации, когда человек или группа людей были свидетелями какого-л события, см.: [Апресян 2004б, с 93].

ного и неопровержимого[23]. В поговорке: *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать*, — глагол *увидеть* означает 'стать очевидцем', а глагол *услышать* — 'узнать от других'.

Мы апеллируем к зрению, делая утверждения, которые, с нашей точки зрения, не нуждаются в доказательствах, дополнительных объяснениях: *Это очевидно*; *все ясно*; *наглядный пример* и т. д.

Фраза: *Глазам своим не верю!* — обозначает изумление. Это косвенно подтверждает привычку *увиденное* оценивать как *достоверное*. Ситуацию можно описать следующим образом: 'случилось то, что невозможно было и предположить, о чем невозможно было и подумать'. В данном контексте *изумление* — это реакция на противоречие между *увиденным собственными глазами*, а следовательно, бесспорным и неопровержимым, и априорными представлениями. Говорящий увидел то, что исключал как возможное или вероятное, о чем даже не мог и подумать[24]. То, что он увидел, стало для него полной неожиданностью.

Как и *зрению*, *памяти* приписана объективность. Несмотря на то, что *память* может сближаться с *воображением*, корректировать прошлое, создавать образы желанного прошлого[25] и т. д., она мыслится как достоверный источник. *Память подводит*[26] означает лишь то, что человек что-то забыл и не может вспомнить. Человек может предъявлять претензии к качеству запоминания, а не к достоверности того, что зафиксировала *память*.

Верно — неверно, *правильно — неправильно* не сочетается ни с глаголом *помнить*, ни с глаголом *видеть*. Можно сказать: *Я плохо видела помнила этот эпизод*. Нельзя сказать: **Ты правильно неправильно* (*верно неверно*) *видишь/помнишь этот эпизод*, однако возможно: *Ты правильно неправильно* (*верно/неверно*) *понимаешь этот эпизод*.

Механизмы запоминания и отождествления. Каузальная связь *памяти* и *зрения*: то, что мы видим — мы помним, то, что мы помним, мы как бы видим, — проявляется также в механизмах запоминания. Стремление запомнить (*надолго сохранить чей-либо образ в памяти*) сопровождается особенно интенсивным, пристальным взглядом, направленным на объект запоминания, ср.:

---

[23] Здесь речь идет о восприятии того, что оценивается как *реальность*, а не как *сон*, *мираж*, *галлюцинация*, *бред* и т. п.

[24] Подробно о видах удивления см. также: [Шаронов 2002].

[25] Подробно о соотношении *памяти* и *воображения* см. часть I, гл. 4, § 5. *Интерпретативная функция памяти*.

[26] О сочетании *память подводит* см. также часть I, гл. 2, § 2. *Телесность памяти*.

Она глядела на него со страхом, с мольбой, с любовью, глядела пристально, чтобы **покрепче задержать в памяти его черты** (*А. Чехов. Дама с собачкой*).

Интенсивность *запоминающего* взгляда позволяет «перенести» *в память* и прочно зафиксировать там образ запоминаемого объекта, не нарушая при этом его целостности. Образ *памяти* как бы тождествен реальному объекту. *Памяти* приписывается не только объективность, но и реалистичность. Она сохраняет / охраняет реальность прошлого.

На реалистичности и объективности *памяти* основываются механизмы отождествления, благодаря которым восприятие объекта в актуальном настоящем (образы актуального настоящего) сопоставляется с образами прошлого. Сравнение аналогично сличению лица человека / пейзажа интерьера и т. д. с фотографией[27]. Типичной ситуацией, при которой происходит такое отождествление, является возвращение человека куда-л. встреча с кем-л. после долгой разлуки. Образ, хранимый памятью, как бы неизменен и служит точкой отсчета, которая позволяет определить изменения реального объекта во времени. Например, если зрительный образ человека в актуальном времени не совпадает с образом, зафиксированным памятью, то говорят, что *человек изменился в лучшую худшую сторону* (*похорошел*, *постарел*, *вырос*, *изменил прическу* и т. д.). Ср.:

(1) Вид у него был совершенно затрапезный и до такой степени не походил на тот **образ**, который **сохранила моя память**, что несколько секунд я колебался, думая, что это ошибка (*В. Пелевин. Чапаев и пустота*).

(2) Казалось, все до одной **изменились черты ее**. Напрасно **силился он в них отыскать** хотя одну из тех, которые **носились в его памяти**, ни одной! (*Н. Гоголь Тарас Бульба*).

Память сохраняет целостность объекта и тождественность его самому себе. Это может относиться как к личности самого Я, так и к другому человеку либо к другому объекту. В первом случае речь идет о непрерывности сознания Я и об ответственности памяти за идентичность, ср.:

Так как только память знакомит нас с непрерывностью и длительностью указанной... последовательности восприятий, то в силу одного этого ее следует рассматривать как источник личного тож-

[2] Об отношении *памяти* и *фотографии* см. часть I, гл. 4, § 6. *Реверсивная функция памяти: возвращение в прошлое.*

> дества. Не будь у нас памяти, мы совсем не имели бы представления о... той цепи причин и действий, из которых состоит наше *я*, или наша личность [Юм 1965, т. 1, с. 377].

Благодаря памяти идентифицируется также другое лицо, другой объект. Например, взрослому можно сказать: *Я помню тебя еще совсем ребенком*. Это означает: 'с точки зрения говорящего, образ ребенка, сохраненный памятью, и образ взрослого, воспринимаемый в актуальном настоящем, относятся к одному и тому же лицу'.

На отождествлении строится механизм **узнавания**. Например, фраза: *Хотя прошло тридцать лет, она узнала всех своих одноклассников*, — означает, что образы лиц, хранимых памятью, были адекватно отождествлены с образами лиц, воспринятых в актуальном настоящем.

Хранимый памятью образ умершего как бы продлевает его «жизнь после смерти». Мы говорим: *Я вижу его ее перед собой как живого/живую. Память* выступает как реинкарнационное пространство, как пространство инобытия. Тем самым в языковых употреблениях проявляется символическая природа *памяти*, формирующей область трансцендентных смыслов[28]. Ср.:

> Вершинин. (...) Ваш отец **сохранился у меня в памяти**, вот закрою глаза и **вижу, как живого** (*А. Чехов. Три сестры*).

Отождествление образов прошлого с образами настоящего формирует представление о **непрерывности времени**. Память обусловливает возникновение *чувства времени*[29], или, как писал Э. Кассирер, «интуиции времени»[30] [Кассирер, 2002, т. 3, с. 150].

Соотношение *Память* ⇔ *Зрение* реализуется также в художественных текстах. В произведениях В. Набокова *память* представлена целой серией зрительных метафор. Она уподоблена: оптическому прибору (пример 1) и зрителю, использующему оптический прибор (пример 2); человеку с хорошим / плохим особым, «творческим» зрением (примеры 3—5), ср.:

> (1) Эти переживания и осложнения, эти женские тени и измены, и опять стихи, и нелады с легкими, и санатория в снегах, все это

---

[28] Подробно об этом см. часть I, гл. 4, § 7. *Образы трансцендентного*.

[29] Аристотель в своем трактате о памяти пишет об *ощущении времени*, ср. «...помнят только те животные, у которых есть ощущение времени, причем помнят тем же, чем и ощущают» [Аристотель 2004, с. 161 162].

[30] Ср. «Подлинная интуиция времени не достигается одним лишь воспоминанием, но является одновременно познанием и действием» [Кассирер 2002, т. 3, с. 150].

сейчас, при **восстановлении прошлого**, мне не только ни к чему, но еще создает какое-то **смещение фокуса**, и как ни **тереблю винтов наставленной памяти**, многое уже **не могу различить** и не знаю, например, как и где мы с Тамарой расстались (*Другие берега*).

(2) После этих по-разному занятных людей, каждый из которых **окрашивал воспоминание в свой определенный цвет** (голубой географ, защитного цвета комиссар, черное пальто писателя и человек, весь в белом, подбрасывающий ракеткой еловую шишку), была расплывчатость и мелькание, жизнь в Берлине, случайные балы, монархические собрания, много одинаковых людей и все это было еще так близко, что **память не могла найти фокуса и разобраться в том, что ценно, а что сор, да и разбираться было теперь некогда**, слишком много места занял угрюмый, небывалый, таинственный человек, самый привлекательный из всех, ей известных (*Защита Лужина*).

(3) **Зоркой оказалась и память** о той молодой, кривой тоске по красоте. В пятьдесят лет, в письме из Сибири, он **вспоминает** девушку-ангела, замеченную однажды в юности на выставке Промышленности и Земледелия (*Дар*).

(4) «Лужина я одного знал, — медленно произнес господин, щурясь (ибо **память человека близорука**). — Я знал одного. Вы не учились случайно в Балашевском училище» (*Защита Лужина*).

(5) Вот сложилась полупрозрачная, в графитовых жилках, боярышница, присевшая на **расцветший от одного взгляда памяти придорожный репейник**, и с него же снялась... (*Другие берега*).

Суммируя сказанное, следует еще раз подчеркнуть, что процессы запоминания/забывания, механизмы отождествления образов прошлого и актуального настоящего связывают *память* и *зрение* причинно-следственными отношениями: *То, что мы видим, мы помним*. Обратное соотношение: *То, что мы помним, мы как бы видим*, описывается с помощью визуальных метафор. Они показывают, каким образом языковыми средствами моделируется пространство памяти «изнутри».

§ 5. Живописное пространство памяти

Общая характеристика. Язык моделирует память как визуальное внутреннее пространство, в котором *возникают образы, картины...* Мы говорим: *память рисует какой-л. эпизод прошлого*. Ср. также:

> Он сначала пристально занялся ее наружностью, все **рисовал в памяти ее портрет** (*И. Гончаров. Обломов*).

То, что деятельность *образной* и *эмоциональной памяти* может описываться с помощью «живописных» метафор: *рисовать, картины*, —

не кажется случайным. Пространство памяти концептуализируется в языке как произведение живописи/изобразительного искусства. Косвенно на это указывает смысловая близость предикатов *вспомнить и вообразить*; а также то, что *память воспроизводит прошлое в образах*; и то, что *образ* словообразовательно близок *воображению* и *изображению*. Однако с большей определенностью концептуальную соположенность *памяти* и *живописных произведений* проявляют следующие характеристики:

- *память* имеет перспективу;
- возникающие *в памяти* образы могут создавать композицию, в которой выражено соотношение ближнего и дальнего плана;
- метафоры *памяти* передают градацию светлого и темного (в живописи это имеет название *светотень*);
- пространство *памяти*, ее образы имеют цвет.

Каждый из перечисленных компонентов вербализуется серией языковых метафор, описывающих деятельность сознания, связанную с *воспоминанием*, *припоминанием* и *забыванием*[31].

Образы прошлого в памяти. Основные свойства. В языковом пространстве *памяти* деятельность сознания передается через динамику модификацию образов. Э. Кассирер определяет образ как продукт памяти, который «управляется привычкой и прошлым опытом» [Кассирер 2002, т. 3, с. 140]. Характеризуя свойства образа, Н. Д. Арутюнова отмечает его тяготение к предметности, «он ближе к миру, чем к смыслу», а также тенденцию быть воспринятым: «образ не может быть объектом понимания» [Арутюнова 1998, с. 315]. Продолжая эту мысль, можно сказать, что *образная память* (в отличие от *логической памяти*) «отвечает» за восприятие прошлого более, чем за его понимание.

В пространстве памяти образы перемещаются, занимают фиксированную позицию, фокусируются, затем постепенно удаляются, замещаются другими образами и т. д. Процессы воспоминания/припоминания — забывания описываются: а) как чередование ближнего и дальне-

---

[31] В современных когнитивных подходах используется понятие *кадр* и говорится о кинематографической природе памяти Существует понятие нейрофизиологического кадра, который можно представить как кинокадр: он дискретен, внутри него ничего не происходит, все происходит в смене кадров [Алюшин, Князева 2004; Князева, Туробов 2002]. Языковые метафоры памяти возникли и стали устойчивыми раньше, чем появился кинематограф, поэтому в отношении языка уместнее говорить о картинах, сменяющих друг друга в памяти. Понятно, что картина и кадр концептуально близки друг другу.

го планов: образы приближаются — удаляются; б) как чередование света и темноты: образы освещаются (вспыхивают) — погружаются в темноту. Образы прошлого также подвергаются деформации. Все эти процессы переданы с помощью языковых метафор. Существенными являются следующие свойства образа: *Яркий/поблекший*; *четкий/размытый*; *цельный/фрагментарный*; *подробный (детальный)/обобщенный (лишенный деталей, типизированный)*. Эти характеристики указывают на степень временной отдаленности вспоминаемого предмета или события, либо на степень значимости события для человека.

Если интенсивность цвета, четкость форм, цельность и детальность означает, что предмет, событие относится к недавнему прошлому и или имеет особое значение, является выделенным эпизодом жизни человека: *яркое воспоминание*; *яркий образ*; *это событие врезалось в мою память*; *кто-л. что-л. так и стоит перед глазами*; *все, до последней черточки сохранилось в моей памяти*, то отсутствие яркости, поблекший цвет, нечеткий, размытый контур, фрагментарность, отсутствие деталей характеризуют образы далекого прошлого или образы, утратившие актуальность. Угасание образа, процесс забывания описывают словосочетания: *что-л. стерлось, смазалось, размылось, поблекло, покрылось туманом, растаяло в памяти*; ср. также: *бледное, неясное, туманное, тусклое, воспоминание*

Так же как старые вещи несут в себе признаки старения и распада, так же образы *памяти*, «старея» или теряя актуальность, постепенно трансформируются: из *образа, картины они становятся следом* (т. е. теряют «вещность», конкретность, фактурность), а затем, окончательно стершись, образуют *пробел*, т. е. значимую пустоту, информирующую о том, что нечто, раньше имевшее место, перестало иметь место быть, т. е. просто забылось.

Отдаленные воспоминания перестают быть доступными внутреннему зрению, как бы отдаляясь в пространстве. Это вынуждает человека «вглядываться» в свое прошлое.

Интересно, что картина, создаваемая посредством языковых метафор и развернутых метафор (устойчивые словосочетания; фрагменты текстов) находит также подтверждение в работах психологов.

> Наблюдая своего пациента Ш., объем памяти которого был фактически безграничен, А. Р. Лурия приводит следующие примеры эйдотехники Ш.: а) увеличение размеров образов, их выгодное освещение, правильная расстановка; б) сокращение образов, абстракция от деталей и обобщение. Уникальную способность Ш. долго помнить что-л. А. Р. Лурия связывает с яркостью образа, ср.: «Отли-

чия от обычной образной памяти заключались лишь в том, что образы Ш. были исключительно яркими и прочными и он мог "отворачиваться" от них, а затем "поворачиваться" к ним, видеть их снова! ⟨...⟩ Удивительная яркость и прочность образов, способность сохранять их долгие годы и снова вызывать их по своему усмотрению давала Ш. возможность запоминать практически неограниченное число слов и сохранять их на неопределенное время» [Лурия 1994, с. 22].

Процесс забывания также описывается как ослабление яркости образа. Достаточно было Ш. «поставить» данный образ в такое положение, чтобы его было трудно «разглядеть», — например, «поместить» его в плохо освещенное место или сделать так, чтобы образ сливался с фоном и становился трудно различимым, как при «считывании» расставленных им образов этот образ пропускался, и Ш. «проходил» мимо этого образа, не «заметив» его [Там же, с. 23 24].

Можно, таким образом, утверждать, что языковые метафоры, описывающие процессы, происходящие в памяти, и данные психологов совпадают почти буквально.

С помощью перечисленных свойств образа: яркость блеклость; четкость размытость; цельность/ фрагментарность; детальность обобщенность в пространстве памяти выстраивается перспектива. Она может быть двух видов: назовем их хронологической и психологической.

Хронологическая перспектива. Если в памяти яркие, четкие, цельные, детальные образы соответствуют более близкому по времени воспоминанию, а блеклые, нечеткие, фрагментарные, обобщенные образы — более далекому воспоминанию, то конструируется хронологическая перспектива. Прошлое выстраивается в памяти в хронологической последовательности: образы далекого прошлого неярки (плохо освещены), фрагментарны (лишены цельности), обобщены (лишены деталей и подробностей), они имеют нечеткие, размытые контуры. Наоборот, образы недавнего прошлого — цельные, они насыщены деталями и подробностями, они описываются как четкие и ясные.

Об отдаленном прошлом мы говорим: *смутные воспоминания*; *в памяти уцелело / сохранилось немногое*; *о прошлой жизни память не сохранила почти ничего*; *из памяти изгладилось что-л.* (*детали, подробности, почти все*), а также: *неясное, бледное воспоминание*; *обрывочные, отрывочные воспоминания* и т. д. Эти же подтверждения мы находим в авторских примерах:

(1) Да, прошло **несколько лет**, и затянулись правдиво описанные в этой книге происшествия и **угасли в памяти** (*М. Булгаков. Мастер и Маргарита*).

(2) **К далекому прошлому мысль его уж не обращается; оно исчезло из памяти**, словно его и не было (*М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина*).

Часто хронологическая перспектива иллюстрирует процесс и последовательность забывания, происходящего под воздействием времени.

Если сравнивать хронологическую перспективу с прямой (линейной) перспективой в живописи, то можно увидеть ряд соответствий. Временная удаленность в пространстве памяти имеет аналогию с пространственной удаленностью. Уменьшение четкости, яркости, детальности образа, разрушение его цельности в процессе отдаления воспоминания от актуального настоящего напоминает пропорциональное уменьшение предмета по мере удаления от переднего плана. Образ удаляющегося объекта во внешнем пространстве может иметь описание, сходное с процессом забывания, угасания образа в памяти, ср.:

Вон он, человек, вдали идет; может, ноги у него от спешной ходьбы подсекаются, а издали кажется, что он все на одном месте топчется, словно освободиться не может от **одолевающего пространства полей**. Не вглубь уходит эта малая, едва заметная точка, а только **чуть тускнеет. Тускнеет, тускнеет и вдруг неожиданно пропадет, точно пространство само собой ее засосет** (*М. Салтыков-Щедрин Коняга*).

Как кажется, похожим образом можно описать процесс забывания эпизода далекого прошлого. Первыми исчезают из памяти детали и подробности. Постепенно контур события становится все более расплывчатым, теряет очертания, перестает быть целостным и превращается в фрагмент прошлого, утрачивая связь с другими событиями. Иногда его называют: *обрывком, клочком*... Ср.:

(1) **Подробности** наших отношений **изгладились из моей памяти**, да если б я их и помнил, кого это может интересовать? (*И. Тургенев. Первая любовь*).

(2) Два года назад .. в Киеве... повторил Андрий, стараясь **перебрать все, что уцелело в его памяти** от прежней бурсацкой жизни (*Н. Гоголь. Тарас Бульба*).

(3) Иногда она, по-видимому, припоминала; но **память прошлого возвращалась без связи, в форме обрывков**. Внимание ни на чем не могло сосредоточиться и беспрерывно перебегало **от одного далекого воспоминания** к другому (*М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы*).

(4) **Клочья, уцелевшие в памяти** от трансфизических странствий, переплетаются с повседневностью в единый непрерывный кошмар (*Даниил Андреев Роза мира*).

В рассказе Х. Л. Борхеса перенасыщенность памяти деталями создает впечатление фальши, памяти как бы предписано не быть слишком подробной, ср.:

> Год спустя я просмотрел эти страницы. Все, казалось бы, правда, однако в первой главе и в некоторых абзацах других глав мне **почудилась фальшь**. Возможно, виною тому злоупотребление подробностями; такое, я заметил, случается с поэтами, и ложь отравляет все, ибо **подробностями могут изобиловать дела, но не память...** (*Х. Л. Борхес. Бессмертный*).

Линейная перспектива внешнего пространства может быть уподоблена хронологической перспективе внутреннего пространства памяти. Связь двух перспектив обнаруживается в следующем примере:

> Единственное, что он знал достоверно, это то, что **спокон века** играет в шахматы, — и в темноте памяти, как в двух зеркалах, отражающих свечу, была только **суживающаяся, светлая перспектива: Лужин за шахматной доской, и опять Лужин за шахматной доской, и опять Лужин за шахматной доской, только поменьше, и потом еще меньше, и так далее, бесконечное число раз** (*В. Набоков. Защита Лужина*).

В. Набоков выстраивает в пространстве памяти линейную перспективу. Временная отдаленность описана как уменьшение того же самого образа (поскольку других образов память как бы не сохранила).

Психологическая перспектива. Если в памяти яркие, четкие, цельные, детальные образы соответствуют эпизодам прошлого, сохранившим актуальность, продолжающим эмоционально и интеллектуально воздействовать на человека и, наоборот, блеклые, нечеткие, фрагментарные, обобщенные образы соответствуют неактуальному, имеющему слабое эмоциональное и интеллектуальное воздействие на человека, то конструируется психологическая перспектива.

Психологическая перспектива памяти предполагает такой порядок расположения образов, а также степень их четкости, яркости, цельности и детальности, который зависит не от временной удаленности события, ставшего «прототипом» образа, но от силы и продолжительности его психологического воздействия на живущего в актуальном настоящем человека и (частично) от осознанных неосознанных предпочтений, например, нежелание человека помнить что-л. неприятное, этически небезупречное и т. д. и, наоборот, желание сохранить в памяти приятные, радостные знаковые события.

События, короткие по времени протекания могут запоминаться с большей отчетливостью, чем длительные события. Это также имеет

отношение к психологической перспективе памяти. О такой временной асимметричности реального события и воспоминания о нем пишет *В. Беньямин*, ср.:

> Кто угодно заметит, что продолжительность временного отрезка, в который у нас формируются впечатления, не имеет значения для их судьбы и памяти. Никто не мешает нам более-менее отчетливо запомнить комнаты, где мы пробыли сутки, и совершенно забыть иные, где провели месяцы [Беньямин 2005, с. 206].

Хронологическая перспектива о б ъ е к т и в н а, психологическая — с у б ъ е к т и в н а и во многом зависит от точки зрения человека. Хронологическая перспектива соответствует естественному положению дел. Фраза: *Прошло уже столько лет, что в памяти остались лишь какие-то смутные воспоминания* — описывает естественный процесс забывания. Психологическая перспектива — это, как правило, некоторое отклонение от нормы[32], поэтому высказывания типа: *Столько лет прошло, а память сохранила все, до мельчайших деталей!* — содержат элемент неожиданного.

Фразы: *В памяти ярко запечатлелись события десятилетней давности, а то, что было на прошлой недели — стерлось*; *Я хорошо помню свое детство, а то, что было вчера, как-то не запомнилось* — корректны и в отношении языка, и в отношении логики. Они не описывают симптомы расстройства памяти. О чем-то далеком можно сказать: *Я помню нашу встречу, как если бы это было вчера.* Об отдаленном прошлом в этом случае говорят: *память удерживает, сохраняет*; *в памяти живо.*

Психологическая перспектива часто обозначается посредством клише, которые маркируют выделенность какого-либо эпизода прошлого: *как если бы это было вчера... все так живо... никогда не забуду, как... пока жив(а) буду, буду помнить, как... век не забуду, как... память сохранила все до мельчайших подробностей/деталей/черточек* и т. д. Это также подтверждается литературными примерами, ср.:

---

[32] Образы, формирующие психологическую перспективу, не являются неожиданностью в том случае, если речь идет о так называемых выделенных местах в памяти, т. е. о том, что принято помнить, независимо от давности. Например, *воспоминания детства* относятся к далекому прошлому, но они являются «выделенным местом», в социуме принято их помнить. В этом случае неожиданностью станет скорее их отсутствие. Подробнее см. часть I, гл. 4, § 2. *Выделенные общие места в памяти.*

(1) Как же прошедшее ясно и резко отлилось в моей памяти! **Ни одной черты, ни одного оттенка не стерло время!** (*М. Лермонтов. Герой нашего времени*).

(2) **Развязки** нехитрых романов девичьей обыкновенно бывали **очень строгие и даже бесчеловечные** (виновную выдавали замуж в дальную деревню, непременно за мужика-вдовца, с большим семейством; виновного — разжаловывали в скотники или отдавали в солдаты); но **воспоминания** об этих развязках как-то **стерлись** (**память культурных людей относительно прошлого их поведения вообще снисходительна**), а самый **процесс сослеживания** «амурной интриги» так и мелькал до сих пор перед глазами, **словно живой** (*М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы*).

(3) Это было простодушнейшее существо, с виду несколько строптивое, но внутренне преисполненное доброты и жаления. Качества эти были настолько преобладающими в ней, что из всей детской обстановки **ни один образ не уцелел в моей памяти так полно и живо**, как ее (*М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина*).

(4) Описанные в настоящей и трех предыдущих главах личности **наиболее прочно удержались в моей памяти** (*М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина*).

Внутреннее пространство памяти в этом случае не строится по модели внешнего (как при хронологической перспективе). Оно представляет собой особое пространство смысловых отношений, в которой события градуируются не по времени, а по значимости и/или актуальности для текущего момента.

Фраза: *Сколько лет прошло, а в памяти все так ярко/свежо, как если бы это было вчера*, — обнаруживает столкновение хронологической и психологической перспектив. Первая часть этой фразы: *Сколько лет прошло*, — предполагает логический вывод: 'все должно стереться из памяти', т. е. соотносится с хронологической перспективой. Вторая часть: *в памяти все так ярко/свежо, как если бы это было вчера*, — указывает, что в пространстве памяти выстроилась психологическая, а не хронологическая перспектива. Противительный союз *а* проявляет противоречие между второй частью фразы и выводом, ожидаемым из первой части. ср. также:

> Все это **доныне сохранилось в моей памяти**, так же как и **горшки с бальзамином**, и **кровать с пестрой занавескою**, и прочие **предметы**, меня в то время **окружавшие. Вижу, как теперь, самого хозяина**, человека лет пятидесяти, свежего и бодрого, и его длинный зеленый сертук с тремя медалями на полинялых лентах (*А. Пушкин. Станционный смотритель*).

К сказанному следует добавить, что деятельность сознания может описываться как импульсивная (неконтролируемая) смена обеих пер-

спектив: *в памяти могут чередой выстраиваться события недавнего прошлого* (хронологическая перспектива) или неожиданно *из глубины памяти всплывать далекие воспоминания*, а затем *постепенно стираться и угасать, уступать место другим образам* (психологическая перспектива). Это важное свойство языкового пространства памяти: оно необычайно изменчиво и подвижно, в его изменении можно усматривать регулярные выстраивания новых смысловых связей и параллелей. Это — одна из причин близости *памяти воображению*.

Надо также отметить, что пространственная изменчивость как бы дополняет или «уравновешивает» неизменность хранимого памятью прошлого. Источником нового, перемен очевидным образом оказывается не прошлое, которое в памяти задано определенным временным циклом[33], а изменчивое пространство, в котором образы создают различные смысловые комбинации. Меняющееся языковое пространство описывает основной механизм *памяти*: *забывание — воспоминание/припоминание*.

Хронологическая vs. психологическая перспективы в памяти — прямая vs. обратная перспективы в произведениях искусства. Хронологическая перспектива имеет определенную аналогию с прямой перспективой, открытой художниками Ренессанса. У психологической перспективы также есть аналогия со способами моделирования внешнего пространства, предлагаемые искусством. Психологическая перспектива сопоставима с обратной перспективой, характерной для византийских и русских икон, ср.:

> «В византийских и древнерусских иконах семантически более важные фигуры в меньшей степени подвергаются перспективной деформации. При этом деформация фона происходит наиболее полным образом и почти автоматически» [Успенский 1995, с. 275].

Некоторый аналог психологической перспективе памяти можно также усмотреть в искусстве примитива и в детских рисунках.

Хронологическая и психологическая перспективы памяти проецируются также на создание художественных, исторических текстов. Хронологическая перспектива, задающая временную последовательность событий, согласуется с повествовательными жанрами. Она обусловливает композицию текстов: исторических, мемуарных, дневниковых; свидетельских показаний. Хронологическая перспектива акцентирует временную парадигму, причинно-следственные отношения и т. д.

---

[33] О памяти-времени подробно см. часть I, гл. 4. *Функции памяти. Память и время*.

Психологическая перспектива, «выстраивающая» события прошлого по шкале значимости и актуальности, согласуется с поэтическими жанрами. В повествовательных жанрах она выполняет селективную функцию, т. е. влияет на отбор и выделенность значимых эпизодов текста. Если хронологическая перспектива линейно выстраивает события прошлого, то психологическая перспектива подвергает их семантической деформации[14].

Таким образом, существуют смысловые и структурные соответствия между памятью и изобразительным искусством, литературой. Релевантность времени (хронологическая перспектива) сближает память, результаты ее деятельности, с литературным произведением, особое выделение пространства (психологическая перспектива) — с живописными полотнами.

> Б. А. Успенский отмечает разную релевантность пространства и времени для изобразительного искусства и литературы. Он пишет: «Если изобразительное искусство по своему существу предполагает достаточно большую конкретность в передаче собственно пространственных характеристик изображаемого мира, но в то же время допускает полную неопределенность в отношении характеристик времени, то литература, напротив, связана в первую очередь не с пространством, а со временем: произведение литературы, как правило, довольно конкретно в отношении времени, но может допустить полную неопределенность при передаче пространства» [Успенский 1995, с. 103]. Далее он замечает, что если в произведении искусства и выражено время, например, в виде определенной последовательности сцен, в которой участвуют одни и те же фигуры, то в этом случае все же имеет место свобода в выборе времени: картину можно читать в любом порядке [Там же, с. 104].

Память представляет собой пространственно-временно́й континуум: картины, образы, фрагменты, — могут конфигурироваться в порядке, свойственном литературному тексту, либо произведению живописи, либо как контаминация первого со вторым.

Деятельность памяти: ближний и дальний план. Авторские примеры. Деятельность сознания выражена как чередованием двух перспектив (хронологической и психологической), так и перемещением образов, картин, воспоминаний с переднего плана на задний и наоборот. Воспоминание оформлено в текстах как некая завершенная (на данный момент актуального настоящего) композиция. Соответственно

---

[14] Подробно о смысловой деформации см. ниже: § 6. *Семиотическое пространство памяти.*

релевантным является соотношение ближнего и дальнего планов; образа и фона. Припоминание/воспоминание описывается как приближение, забывание — как удаление. «Система восприятия человеком пространства может строиться на противопоставлении фона и фигуры или на дифференциации места предмета направлению его движения» [Кубрякова 2000, с. 88]. Данное утверждение можно, как кажется, отнести к восприятию человеком своего прошлого.

Возникающий в ближнем пространстве памяти образ дается крупным планом. Его отличает четкость линий, яркость цвета. Постепенное исчезновение образа маркируется ослаблением четкости линий, яркости цвета, уходом от крупного плана. Это означает пространственное удаление. Образ, превращающийся в фон, характеризуется нечеткостью, размытостью линий. Возможно также совмещение, наложение друг на друга разных образов. Наконец, образ полностью исчезает. Если это — не временное, а окончательное исчезновение, то в памяти образуется пробел.

Пульсирующая память осуществляет процесс воспоминания — забывания. Она строится на контрастах возникновения / присутствия — частичного присутствия — исчезновения / отсутствия образов, картин. Происходит чередование образа — фона — пробела. В памяти выстраивается хронологическая или психологическая перспектива.

Если мы говорим: *этот человек так и стоит у меня перед глазами*, — мы, очевидно, имеем в виду ближний план в пространстве памяти в отличие от: *я смутно помню этого человека*, который характеризует дальний план памяти. Если мы говорим: *из глубины памяти выплыл образ этого человека, в памяти возникает, воскресает, оживает, всплывает, встает... образ...* — то мы метафорически описываем процесс воспоминания как перемещение образа с дальнего на ближний план и, наоборот, если мы говорим, что *образ этого человека постепенно угасает, затухает, смягчается... в памяти; стирается, исчезает... из памяти*, то мы описываем процесс забывания как перемещение образа с ближнего на дальний план и т. д. Собственно позиция наблюдателя (т. е. человека, обратившего свой внутренний взор к памяти) при этом остается как бы неизменной: динамика свойственна образу, а не наблюдателю. Как кажется, метафорическое описание процессов, происходящих в памяти, согласуется с общими процессами восприятия.

> А. Р. Лурия приводит рассказ журналиста Ш, о воспоминаниях раннего детства: «Я видел мать так, как если бы вы смотрели через камеру фотографического аппарата... Сначала вы ничего не различаете только круглое облачко пятно... потом (50) появляется

лицо... потом черты лица приобретают резкость. Мать берет меня... (...) Мать я вижу ярко и ясно — это облачко, потом приятное, потом лицо, потом движение... Отца я узнавал по голосу...» [Лурия 1994, с. 49—50].

Здесь описано восприятие младенцем своей матери, которая, приближаясь, берет его на руки. (Напомню, что Ш. имел уникальную память.) Нечеткий и неясный образ обретает четкость, яркость, цельность и детальность. Все эти свойства характеризуют образы, «всплывающие» в памяти, т. е. описывающие процесс воспоминания/припоминания.

Отношение ближнего и дальнего плана получает свое развитие в литературных примерах. В текстах описывается сам образ, а также процесс его перемещения в памяти. Образ наделен свойствами модифицироваться, передвигаться, т. е. смещаться с переднего фона на задний и наоборот. В каждый конкретный момент возникает определенная композиция, которая может уподобляться картине, затем композиция меняется. Описания представляют собой развернутые метафоры[35]. Анализ примеров позволил выделить следующие типичные ситуации.

1. Возникновение целостного образа / образов на ближнем плане. Ср.:

(1) Правда, было не очень ясно, зачем **в памяти остался** только **памятник** Грибоедову, видный под каким-то странным ракурсом, словно он смотрел на него из-под лавки (*В. Пелевин. Чапаев и пустота*).

(2) Бюст Аристотеля был единственным, что **сохраняла моя память**, когда я пришел в себя. Впрочем, я не уверен, что выражение «**пришел в себя**» вполне подходит (*В. Пелевин. Чапаев и пустота*).

(3) Заодно **воскресает образ моей детской кровати**, с подъемными сетками из пушистого шнура по бокам, чтобы автор не выпал; и, в свою очередь, **этот образ направляет память к другому утреннему приключению**. Как бывало я упивался восхитительно крепким, гранатово-красным, хрустальным яйцом, уцелевшим от какой-то **незапамятной** Пасхи! (*В. Набоков. Другие берега*).

В примере (1) вводится также ракурс и дается позиция наблюдателя. Здесь моделируется идея рисунка или фотографии: памятник, нарисованный снятый под определенным ракурсом.

2. Возникновение деталей образа на ближнем плане. Ср.:

---

[35] На то, что деятельность памяти часто описывается развернутой метафорой, обратила внимание Е. В. Урысон [Урысон 2003, с. 41].

(1) Ярко **возникают у меня в памяти лепные морщины его раскрасневшегося лба** и прекрасно подделанное **выражение удовольствия на лице** у моего отца при появлении мясного блюда жаренного в сметане зайца, которого он не терпел (*В. Набоков. Другие берега*).

(2) **Эти листья смешиваются у меня в памяти с кожей ее башмаков и перчаток**, и была, помнится, какая-то **подробность в ней — ленточка**, что ли, **на ее шотландской шапочке**, или **узор на чулках**, похожая на радужные спирали внутри тех маленьких стеклянных шаров, коими иностранные дети играют в агатики (*В. Набоков. Другие берега*).

(3) Он вспомнил уже потом, чрез несколько дней, что в эти лихорадочные часы почти все время **представлялись ему ее глаза, ее взгляд, слышались ее слова** — странные какие-то слова, хоть и **немного потом осталось у него в памяти** после этих лихорадочных и тоскливых часов (*Ф. Достоевский. Идиот*).

(4) Ему не было восьми лет, когда мать его скончалась; он видел ее не каждый день и полюбил ее страстно: **память о ней, об ее тихом и бледном лице, об ее унылых взглядах и робких ласках навеки запечатлелась в его сердце...** (*И. Тургенев. Дворянское гнездо*)

В примере (1) крупным планом дается деталь образа: морщины на лбу. В примере (2) крупным планом даются мелкие детали, воссоздающие не столько образ, сколько атмосферу присутствия. В примерах (2, 3, 4) детали, приводимые крупным планом, создают некое целостное, эмоционально окрашенное представление. Воспоминания имеют сходство с кадром из фильма.

3. Возникновение образа на ближнем плане и появление фона на дальнем плане. Ср.:

Ни Гай Кесарь Калигула, ни Мессалина уже **не заинтересовали** Маргариту, как не заинтересовал ни один из королей, герцогов, кавалеров, самоубийц, отравительниц, висельников и сводниц, тюремщиков и шулеров, палачей, доносчиков, изменников, безумцев, сыщиков, растлителей Все их имена спутались в голове, **лица слепились в одну громадную лепешку**, и только **одно сидело мучительно в памяти лицо**, окаймленное действительно огненной бородой, **лицо Малюты Скуратова** (*М. Булгаков Мастер и Маргарита*)

В примере показана психологическая перспектива: лица, которые не заинтересовали Маргариту, исполняют роль статистов, сливаясь в бесформенную общую маску. Они становятся фоном для лица, которое произвело впечатление, запомнилось и которое появляется на ближнем плане. Фоном здесь выступает некое коллективное лицо — *громадная лепешка*, представляющая собой лица грешников, слепившиеся в одно

целое. Попутно следует также отметить, что воспоминания Маргариты, относящиеся к балу сатаны, композиционно совпадают с древнерусской иконой и миниатюрой, в которых "ад мог изображаться в виде лица на заднем плане" [Успенский 1995, с. 204]. В этом примере фон представлен как окаймленное пространство, т. е. как бы имеющее круглую рамку. Описываемое пространство строится в виде нескольких микропространств: фона и лица.

4. Трансформация образа. Перемещение на дальний план. Ср.:

> Напившись горячего молока, Иван опять прилег и сам подивился тому, как изменились его мысли. Как-то **смягчился в памяти проклятый бесовский кот, не пугала более отрезанная голова, и, покинув мысль о ней**, стал размышлять Иван о том, что, по сути дела, в клинике очень неплохо ⟨...⟩ (*М. Булгаков. Мастер и Маргарита*).

Пространство памяти, как и в предыдущем примере, строится по модели психологической перспективы. Воспоминания, в основании которых лежит травма, постепенно смягчаются, соответственно перемещаются с ближнего на дальний план, теряя свою актуальность. Постепенно включается и начинает действовать механизм забывания.

5. Трансформация образа. Замещение одного образа другим. Ср.:

> Географ **остался у нее в памяти** именно на синем фоне, окруженный синим воздухом, и быстро приближался, по привычке своей торопливо и шумно влетая в класс, и вдруг **таял, пропадал, уступая место другому лицу, показавшемуся ей тоже непохожим** на все прочие (*В. Набоков. Защита Лужина*).

Меняющееся семиотическое пространство памяти выстраивает свои смысловые отношения, ассоциативные связи. Между образами возникает семантический параллелизм. Замена одного образа другим указывает на их семантическое тождество в пространстве памяти. В данном примере оно выражается синонимией образов. Возможна также взаимозамена антонимичных образов, например, если конкурируют память-травма и память-желание[36].

6. Выделение общего фона. Образ на ближнем плане отсутствует. Ср.:

> (1) Какие-то темные силы, ворочающиеся в его сознании, мгновенно сминали волевой барьер и гасили то **немногое хорошее**, что

[36] См. часть I, гл. 3, § 3. *Среда памяти: способы формирования.*

еще **хранила его память**, и уже казалось, что ничего хорошего не было вовсе, а только **рыла, рыла, рыла...** (*А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине*).

(2) Пикники, спектакли, бурные игры, наш таинственный вырский парк, прелестное бабушкино Батово, великолепные витгенштейновские имения — Дружноселье за Сиверской и Каменка в Подольской губернии — все это **осталось идиллически гравюрным фоном в памяти, находящей теперь схожий рисунок только в совсем старой русской литературе** (*В. Набоков. Другие берега*).

Недифференцированное отношение к прошлому: ровно неприязненное (1) или ровно счастливое (2) задано некоторым перечислением, которое создает общий фон, но не индивидуальный образ. Общее эмоциональное отношение к прошлому, в котором ничего не выделяется специально, передается отсутствием ближнего плана. Все смысловые вещи оказываются равно удаленными от позиции того, кто предается воспоминаниям.

7. Образование пробела[37]. Ср.:

1) Я переходил в другой мир, бывал у Рудольфи и стал встречать писателей, из которых некоторые имели уже крупную известность. Но все это теперь как-то **смылось в моей памяти**, не оставив ничего, кроме **скуки**, в ней, все это я **позабыл** (*М. Булгаков. Театральный роман*).

(2) Если бы этот человек убил себя в Москве или где-нибудь под Москвой и пришлось бы вести следствие, то там это было бы интересно, важно и, пожалуй, даже было бы страшно спать по соседству с трупом; тут же, за тысячу верст от Москвы, все это как будто иначе освещено, все это **не жизнь, не люди, а что-то существующее только «по форме»**, как говорит Лошадин, **все это не оставит в памяти ни малейшего следа и забудется**, едва только он, Лыжин, выедет из Сырни (*А. Чехов. По делам службы*).

События даются в перечислении как некий общий недифференцированный фон, который не содержит образов и исчезает из памяти, оставляя пробел. Выделенной оказывается эмоциональная оценка прошлого.

Все перечисленные ситуации показывают, что на ближнем плане располагаются образы прошлого, то, что человек хорошо помнит либо вспоминает. На дальнем плане находятся образы, связанные с теми событиями, которые в силу разных причин (удаленность во времени, потеря актуальности) человек постепенно забывает. Они превращаются в недифференцированный фон или в пробел.

---

[37] См. также часть I, гл. 4, § 1. *Селективная функция памяти.*

Деятельность памяти описывается как перемещение образов с ближнего плана на дальний и наоборот: с дальнего на ближний.

Светлое / темное в пространстве памяти. В памяти, как и в картине, существуют градации светлого и темного. В картине светотень (градация светлого и темного) позволяет воспринимать изображаемый объект объемным, окруженным световоздушной средой. Несколько иные функции выполняют метафоры света/темноты, описывающие пространство памяти.

Память мыслится как неосвещенное пространство, ср.: *отыскивать что-л. в темноте памяти.* В темноту/полумрак погружено прошлое, ср.: *из темноты прошлого, из полумрака прошлого,* — а также то, что (временно) забыто[38], ср.:

> Я закрыл глаза и некоторое время пытался **увидеть в своей памяти** хоть что-то из того, о чем говорила Анна. Но **в той черноте, куда я глядел,** не было ничего, кроме вспыхивающих за веками полос и пятен. **Ничего не помню,** — сказал я и еще раз ощупал голову. — Совершенно (*В. Пелевин. Чапаев и пустота*).

Сочетания *в памяти что-л. потухает, гаснет...* описывают процесс забывания как погружение в темноту: образы становятся слабо различимыми. То, что человек плохо помнит, рождает: *тусклое, смутное... воспоминание.*

Как бы покрываясь темнотой, прошлое не содержит нарративного ожидания: из *темноты памяти* тексты не создаются. Ср.:

> (1) В холодной комнате, на руках у беллетриста, умирает **Мнемозина**. Я не раз замечал, что стоит мне подарить вымышленному герою живую мелочь из своего детства, и она уже начинает **тускнеть и стираться в моей памяти** (*В. Набоков. Другие берега*).
>
> (2) Так говорила Маргарита, идя с мастером по направлению к вечному их дому, и мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал позади ручей, **и память мастера, беспокойная,** исколотая иглами **память стала потухать**. Кто-то отпускал на свободу мастера, как сам он только что отпустил им созданного героя (*М. Булгаков. Мастер и Маргарита*).

Таким образом, темнота памяти проявляет разъединенность неактуального прошлого и актуального настоящего. Она маркирует границы между прошлым и настоящим, актуальным/неактуальным. Световые метафоры, наоборот, соединяют прошлое с актуальным на-

---

[38] О темноте в памяти см. также часть I, гл. 4, § 1. *Селективная функция памяти.*

стоящим. Возможны следующие ситуации, при которых используются метафоры света.

1. Память описывается как хранилище прошлого, в котором ярким светом выделены наиболее памятные эпизоды, то, что практически не подвержено процессу забывания. В текстах используются метафоры: *блестит, сияет, освещает,* — обозначающие яркий, ровный (не внезапный) свет, ср.:

(1) И как бы на горизонте этой гордыни, **сияют у меня в памяти все те необыкновенные, баснословные места** — северные трясины, южные степи, горы в четырнадцать тысяч футов вышины ⟨...⟩ (*В. Набоков. Другие берега*).

(2) После **из памяти ее исчезали подробности**, но никогда **не сглаживался** в восприимчивом уме рисунок, **не пропадали краски и не потухал огонь, которым он освещал творимый ей космос** (*И. Гончаров. Обломов*).

(3) Самое жуткое, что **осталось в памяти ослепляющим пятном**, это — женщина, Паула Менотти (*М. Горький. Дело Артамоновых*).

(4) Пойдите к дочке моей (он назвал **переулок**, уже давно **блиставший в памяти** Кавалерова), пойдите и посмотрите на нее. Вы поймете, что если такое создание изменило нам, то остается одно: месть (*Ю. Олеша. Зависть*).

(5) Но она все-таки сумела за это время создать жизнь — пусть недолгую — но такую, которую **помнят с благодарностью** все, кто знал наш дом тогда и бывал в нем — жизнь, которая для меня и **по сей день сияет в памяти солнечным детством** (*С. Аллилуева. Двадцать писем другу*).

Выделение светом каких-л. эпизодов характеризует не только личную, но и коллективную (историческую) память. При этом может происходить контаминация с *бессмертием* и *посмертной славой*, которую также отличают световые метафоры[39], ср.:

Героев? Нет! Но **их дела // Из мрака и веков блистают**; **Нетленна память, похвала** // И из развалин вылетают, / Как холмы, гробы их цветут; / Напишется Потемкин труд (*Г. Державин. Водопад*).

Выделение светом может относиться не к целому эпизоду, но к некоторым его деталям, тогда речь идет о *проблесках в памяти*, в которой многое забыто, но «выхватываются» лишь отдельные эпизоды, ср.:

О самом побеге мне почти нечего рассказать. **В памяти только отдельные проблески**: Колетт, с подветренной стороны хлопающей

[39] См. также часть I, гл. 4, § 7. *Образы трансцендентного.*

палатки, послушно надевает парусиновые туфли, пока я запихиваю в коричневый бумажный мешок складную рампетку для ловли андалузских бабочек (*В. Набоков. Другие берега*).

Здесь говорится о краткости (не о моментальной вспышке сознания), импрессионистичности выделенного светом фрагмента, что напоминает разрозненные наброски деталей картины при отсутствии самой картины. Целостное впечатление от некоторого отрезка прошлого отсутствует и соответственно об этом эпизоде прошлого не может быть создан некий связный текст.

Скорость воспоминания, при которой эпизоды прошлого прокручиваются как кадры фильма, могут создавать эффект мелькания выделенных световых мест[40], ср.:

Эта встреча родила в нем тихое, доброе чувство, **вызвав воспоминания о детстве**, и они **мелькали теперь в памяти** его, — мелькали, **как маленькие скромные огоньки**, пугливо **светя ему из дали прошлого** (*М. Горький. Фома Гордеев*).

2. Освещенная/залитая ярким светом память описывается как эманация духа. Она связана с подъемом творческой энергии, с сильным эмоциональным переживанием. Это отчасти согласуется с пониманием духа как могучего субстрата памяти: «дух сразу обнимает все и мгновенно воспроизводит все в его целостности» [Войно-Ясенецкий 1993, с. 128]. Освещение ровное (не мгновенная вспышка) и необычайно яркое (ярче, чем в реальности) является условием мыслительной деятельности, творчества, эмоционального переживания[41]. Это действие не является внезапным и может описывать достаточно длительный процесс, поэтому выбираются такие слова: *заливать, затоплять ярким светом*. Ср.:

(1) **Ощущение** предельной беззаботности, благоденствия, густого летнего тепла **затопляет память** и образует такую **сверкающую действительность**, что по сравнению с нею **паркерово перо** в моей руке, и самая рука с глянцем на уже веснушчатой коже, кажутся мне довольно **аляповатым обманом** (*В. Набоков. Другие берега*).

(2) Все, что я видел, о чем читал или слышал, — **все оживляется** во мне, **все приобретает необычайно яркий свет и глубокий, бездонный смысл. Тогда память моя — точно музей редких откровений.** Понимаете — я Ротшильд! Беру первое, что мне попадается, и раз-

---

[40] См. также часть I, гл. 4, § 2. *Выделенные общие места в памяти.*

[41] См. также *память-творчество* в: часть I, гл. 4 § 2. *Выделенные общие места в памяти.*

мышляю о нем, долго, проникновенно, с наслаждением. О лицах, о встречах, о характерах, о книгах, о женщинах — ах, особенно о женщинах и о женской любви!.. (*А. Куприн. Поединок*).

3. Внезапное неконтролируемое воспоминание описывается с помощью метафор и сравнений, обозначающих внезапное возникновение яркого света: *вспышка, молния, сверкнуть, разом осветиться, вспыхнуть*. Оно сближается с иррациональным пониманием, которое описывается также с помощью световых метафор: *озарить, осенить* [Иомдин 2004, с. 722—726]. Образ как бы освещается и выхватывается из темноты, в которую погружено прошлое. Прошлое становится отчетливо видным, а следовательно, доступным анализу и рефлексии. Между каким-л. событием прошлого и актуальным настоящим восстанавливаются причинно-следственные отношения. Воспоминание здесь по сути дела не отделено от понимания: события прошлого объясняют настоящее. Неожиданно вспомнил — означает: 'понял, осознал'. Воспоминание-осознание протекает на очень высокой скорости, сопоставимой с яркой вспышкой, ср.:

(1) Рога чем-то тревожили Таис, и вдруг **яркое воспоминание осветило ее память** (*И. Ефремов. Таис Афинская*).

(2) В эту минуту, **как молния, сверкнуло у ней в памяти прошедшее**. «Суд настал!» (*И. Гончаров. Обломов*).

(3) «Ах письмо! вдруг **вспыхнуло в памяти** Ромашова» (*А. Куприн. Поединок*).

4. Внезапное неконтролируемое воспоминание, описываемое с помощью световых метафор, может оставаться в границах чистого восприятия и не быть связанным с иррациональным пониманием. При этом оно обязательно связано с восприятием актуального настоящего, которое стимулирует внезапное воспоминание. Эта связь имеет не причинно-следственный (как в рассмотренной выше ситуации 3), но ассоциативный характер.

Неконтролируемые воспоминания В. Беньямин описывает как внезапную вспышку, возникшую из неведомого источника. В этот момент человек, находясь как бы «вне себя», оказывается в центре образа, ср.:

> В центре же этих редких образов всегда стоим мы сами. И в этом нет ничего загадочного, ибо такие моменты внезапного озарения являются одновременно моментами, когда мы находимся вне себя, и пока наше бодрствующее, привычное, повседневное «я» пассивно или активно вовлечено в происходящее, наше глубинное «я» залегает в другом месте, тронутое шоком, как горка магниевого

порошка — пламенем спички. Этому-то принесению в жертву нашего глубочайшего, пребывающего в шоке «я» и обязана наша память своим наиболее неизгладимым образом [Беньямин 2005, с. 206].

Прошлое, «освещенное» в памяти, содержит нарративное ожидание, являясь непременным условием создания текстов о самом себе, о каких-либо деталях, неожиданно оказавшихся важными в актуальном настоящем, ср.:

(1) Так что, когда Аглая вдруг подтвердила теперь, что она с ним вдвоем застрелила голубя, **память его разом осветилась, и он вспомнил обо всем об этом сам до последней подробности**, как нередко вспоминается в летах преклонных что-нибудь из далекого прошлого (*Ф. Достоевский. Идиот*).

(2) Если сейчас я случайно нахожу какую-нибудь старую записку, театральную программу, пригласительный билет, то происходит нечто подобное тому, когда кто-то вдруг дунет в остывающий костер и из него **вырвется яркое пламя и вмиг осветит в памяти минувшие мгновения жизни** (*В. Розов. Удивление перед жизнью*).

(3) И **с первозданной яркостью вспыхивают в моей памяти** интонации и жесты некогда любимых мною людей (*Э. Герштейн. Лишняя любовь*).

(4) ...он услышал позади себя приглушенный короткий звук... **вдруг вспыхнуло в памяти детство**, липы в июньском цвету и гулкие удары молотка, которым стучал ольховский мужик, спустившийся зачем-то в колодец... (*С. Бабаян. Ротмистр Неженцев*).

(5) Откуда-то с берега донесло звуки пастушьего рожка... И **сразу же целый рой воспоминаний, красок, образов, голосов вспыхнул в памяти** (*В. Немирович-Данченко. Соловки*).

Метафоры памяти достаточно тонко дифференцируют работу сознания. Это можно видеть на различении *темноты памяти* и *черноты провала в памяти*. Между *темнотой памяти* и *чернотой провала в памяти* существует принципиальная разница, которая заключается в том, что *провал*, как и *пустоту*, невозможно осветить, в то время как (затемненное) пространство памяти, освещаемое вспышками света, воссоздает образы и картины прошлого.

Цветовая и световая окраска маркирует также х о р о ш и е (радостные) — п л о х и е (грустные, тяжелые) *воспоминания* (это свойственно также *мыслям*, *чувствам* и др.).

Яркое—неяркое, *многоцветное—одноцветное* импликативно связаны с представлением о быстроте/легкости запоминания. *Яркое*, *многоцветное* быстрее фиксируется зрением (ср. *Бросаться в глаза*; *броский=яркий цвет*) и быстрее запоминается. Ср.:

Вероятно, это лежит уже в самой природе человека, что сразу овладевают его вниманием и быстро запечатлеваются в памяти только яркие и пестрые картины. Здесь же все было серо и одноцветно. Нужно частое повторение подобных серых картин, чтобы подействовать на человека путем, так сказать, духовной ассимиляции. Когда серое небо, серая даль, серая окрестность настолько приглядятся человеку, что он почувствует себя со всех сторон охваченным ими, только тогда они всецело завладеют его мыслью и найдут прочный доступ к его сердцу. Яркие картины потонут в изгибах памяти, серые сделаются вечно присущими, исполненными живого интереса, достолюбезными (*М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина*).

Данный пример не только служит иллюстрацией к сказанному выше, но также демонстрирует «технику», точнее, психологию запоминания. Иными словами (слегка перефразируя формулу), можно сказать: то, что мы видим в ярком цвете, мы запоминаем быстрее, то что мы лучше помним, мы как бы видим в ярком цвете.

§ 6. Семиотическое пространство памяти

Аналогии: воспоминания — фотографии, кинокадры[42]. Говоря о живописном пространстве памяти, я опиралась на устойчивые словосочетания: *картины в памяти, рисовать что-л. в памяти, в памяти вырисовалось что-л.* и т. д. Однако то, как в художественных текстах описываются процессы, происходящие в памяти, позволяет говорить об экстраполяции способов описания воспоминания / припоминания на другие (сравнительно новые) виды искусства: фотографию, фильм. Картины прошлого в пространстве памяти могут описываться в статике и в динамике. Это придает им сходство с картиной фотографией — в первом случае и с кадрами фильма (немого или звукового) — во втором. Рассмотрим примеры:

1. Статичные картины:

(1) Откуда-то **из глубин моей памяти** появилась кафельная зала с укрепленными на полу ваннами и этот Володин, голый и мокрый, по-жабьи сидящий на полу возле одной из них (*В. Пелевин Чапаев и пустота*).

(2) **В памяти его стояли черные спокойные деревья, и темная гора, и кровавая полоса зари над ее вершиной, и белая фигура женщины, лежавшей в темной пахучей траве** (*А. Куприн. Поединок*).

---

[42] См. также часть I, гл. 4, § 6. *Реверсивная функция памяти: возвращение в прошлое.*

(3) Теперь, хлопотливым взглядом обследуя местность, он без труда освобождал от пленок ночной мглы знакомые лужайки или, напротив, стирал с них лишнюю лунную пыль, дабы сделать их **точно такими, какими были они в памяти. Реставрируя замазанную копотью ночи картину**, он видел, как по-старому распределяются рощи, тропинки, ручьи... (*В. Набоков. Приглашение на казнь*).

В примере (1) память воспроизводит жанровую сцену, в примерах (2, 3) — пейзаж.

2. Динамичные картины:

(1) **В памяти мелькали странные фигуры** бешено пьяных людей, **слова песен, обрывки командующей речи брата, блестели чьи-то мимоходом замеченные глаза**, но в голове все-таки было пусто и сумрачно ... (*М. Горький. Дело Артамоновых*).

(2) Маму я помню плохо. **Осталось в памяти** только одно **воспоминание** как пьяный папа в форме пытается вытянуть из кобуры пистолет, а она, простоволосая и вся в слезах, хватает его за руки и кричит: Матвей, опомнись! (*В. Пелевин. Омон Ра*).

(3) Но что **осталось в памяти от этого дня**? Только то, что часов пять ждали возле элеватора, что тучей летела белая пыль по ветру, что губернатор, длинный и чистый покойник в белых штанах с золотыми лампасами, и вышитом золотом мундире и треуголке, шел к депутации необыкновенно медленно... что было очень страшно, когда он заговорил, принимая хлеб-соль, что всех поразили необыкновенной худобой и белизной его руки, их кожа, тончайшая и блестящая, как снятая со змеи шкурка, блестящие, размытые перстни и кольца на сухих тонких пальцах с прозрачными длинными ногтями... (*И. Бунин. Деревня*).

Каждый из примеров мог бы быть заснят на пленку и стать фотографией (статичные картины) или фрагментом фильма (динамичные картины). В них описана работа памяти таким образом, что фиксируются значимые локусы, а также действия героев. Память воспроизводит звуки, обрывки речей, мелодию и т. д.

Образы памяти: контаминация непосредственного впечатления и последующей интерпретации. Память, как это показывают литературные примеры, может сохранять картины и образы, которые создаются контаминацией непосредственного впечатления и его опосредованной интерпретацией. Ср.:

(1) Да, еще **удержалась в моей памяти картина, вычитанная** где-то, когда-то (у Мельгунова я не нашел), что ночью астраханские жители бросились массами в степи, в сторону Казахстана (*В. Солоухин. При свете дня*).

(2) Так и **остался Севастополь** у него **в памяти, — весенний, пыльный, охваченный какой-то неживой сонной тревогой** (*В. Набоков. Машенька*).

(3) С детства, не решаясь даже самому себе признаться, не любил Тихон Ильич лампадок, их неверного церковного света: **на всю жизнь осталась в памяти** та ноябрьская ночь, когда в крохотной, кособокой хибарке в Черной Слободе тоже горела лампадка, — так смирно и ласково-грустно, — темнели тени от цепей ее, было мертвенно-тихо, на лавке, под святыми, неподвижно лежал отец, закрыв глаза, подняв острый нос и сложив на груди восковые руки, а возле него, за окошечком, завешенным красной тряпкой, с буйно-тоскливыми песнями, с воплями и не в лад орущими гармонями, проходили годные... (*И. Бунин. Деревня*).

В примере (1) в памяти сохраняется картина, запечатленная не в результате непосредственного чувственного восприятия, а благодаря чтению текста, т. е. созданная воображением, а затем перемещенная в память. В примере (2) память хранит образ, возникший в результате синтеза двух типов восприятия: непосредственного зрительного впечатления (*весенний, пыльный*) и последующего, возникшего не на чувственном, но на ментальном уровне, отрефлексированного и метафорически обработанного (*охваченный какой-то неживой сонной тревогой*). Аналогично создается образ в примере (3). Сочетания: *ноябрьская ночь*; *в крохотной, кособокой хибарке*; *горела лампадка*; *темнели тени от цепей ее* ... и т. д. моделируют образ, в основании которого лежит непосредственное восприятие. Сочетания: *смирно и ласково-грустно темнели тени*; *было мертвенно-тихо*, — проявляют характеристики образа, созданного на основе рефлексии.

Социокультурные коннотации личных воспоминаний. Пространство личной памяти включает в себя элементы социального пространства[43]. Социализация личной памяти происходит, в частности, в процессе присвоения коллективных клише. Ср.:

Мария подняла на него глаза и улыбнулась своей знаменитой глуповато-загадочной улыбкой. Шварценеггер положил ей руку на плечо. Мария чуть просела под ее тяжестью, и тут же **из памяти выплыла неожиданная картина Ленин, несущий бревно на субботнике** (*В. Пелевин. Чапаев и пустота*).

Память воспроизводит социальные символы даже вне социальной ситуации. Сохранение / оживление в памяти социального символа или

[43] Подробно о социальной памяти и ее отношении к личной памяти см. часть I, гл. 5. *Память и социум*.

идеологического клише (в данном случае Ленин, несущий бревно на субботнике — репродукция этой картины часто воспроизводилась в учебниках истории, в разделе, посвященном первому коммунистическому субботнику, а также в книгах рассказов о Ленине) означает оживление общественной социокультурной памяти, инкорпорированной в область личной памяти. Образы личной памяти в этом случае получают социокультурную коннотацию.

> Надо сказать, что воспроизводство в памяти социальных символов, статуй: бюст Аристотеля, памятник Грибоедову (см. примеры, приводимые выше), по-видимому, выполняют в произведениях В. Пелевина особую стилистическую функцию. Память, воссоздающая памятники, формирует тавтологический круг. Если продолжить этот иронический ряд, можно себе представить, например, американца, у которого в ситуации частной беседы неожиданно всплыл в памяти образ статуи Свободы / памятника А. Линкольну, или француза, память которого воспроизвела образ Эйфелевой башни / памятник генералу Ш. де Голлю и т. д. Воспроизведение статуй в памяти кореферентно также идее ожившей статуи Медного всадника.

То, что социальные символы достаточно глубоко инкорпорированы в личную память человека, находит подтверждение не только в литературных, но и в документальных текстах. В дневниковых записях взрослого человека, полностью утратившего память вследствие ранения в голову и пытающегося восстановить прошлое, имеются самые первые воспоминания. До того как он вспомнил лицо своей матери, он сумел опознать по фотографии, т. е. припомнить, лицо В. И. Ленина. Пытаясь восстановить свою память с помощью систематических занятий, он записывает результаты тренировок. В ряду объектов, которые он «помнил всегда», на первом месте стоит имя Ленина. Эти записи показывают, что воспоминания, имеющие социальную коннотацию, могут восстанавливаться у взрослого человека раньше / быстрее личных воспоминаний.

> Я вдруг привстал и взглянул на газету, увидел в газете портрет Ильича, сразу узнал его, обрадовался знакомому лицу! Но вот печатных букв, даже самых крупных букв «Правда», я никак не мог узнать и прочесть. Странно что-то [Лурия 1996, с. 154].
>
> К концу второго месяца ранения я уже всегда помнил Ленина, солнце и месяц, тучу и дождь, свою фамилию, имя, отчество. Я даже иногда начинал припоминать то, что у меня есть где-то мать с двумя сестрами, что был и брат перед войной, который в начале войны (он служил в армии в Литве) пропал без вести [Там же, с. 112].

На возможность неразличения личной и коллективной памяти указывают философы и социологи, ср.:

> Те события, о которых знаем мы и только мы, менее определенны, их сложнее припомнить. Соединяя разрозненные воспоминания в целостное повествование, мы вносим исправления в личностные компоненты таким образом, чтобы они соответствовали коллективной памяти об этих событиях. При этом постепенно утрачивается возможность различения коллективных и личных компонентов [Лоуэнталь 2004, с. 311].

Смысловая неоднородность пространства памяти. Все рассмотренные выше примеры, связанные с характером языковой концептуализации пространства памяти, проявляют метаязыковые свойства последней. Становится очевидным, что память — это не только универсальное хранилище эпизодов прошлого, не только постоянно меняющееся (пульсирующее) пространство, но также и смысловое, точнее, семиотическое пространство, создающее бесконечное число смысловых комбинаций.

Пространство памяти неоднородно. В нем выделенные места, имеющие семантическую насыщенность, чередуются с семантически «разреженными» — пробелами[44].

> А. Бергсон отмечает «градацию степеней напряжения» в памяти, ср.: «Память, таким образом, имеет градацию степеней напряжения или оживления, которые, несомненно, трудно определить, но которые нельзя безнаказанно смешивать между собой тому, кто изображает душевную жизнь. ⟨...⟩ Всегда есть несколько преобладающих воспоминаний, ярких точек, вокруг которых остальные образуют смутную туманность. Эти яркие точки умножаются по мере расширения нашей памяти» [Бергсон 1992, с. 267 268].
>
> То, что А. Бергсон называет «яркими точками», пациент А. Лурия, восстанавливающий свою полностью утраченную память, называет «сгустками». «С течением времени и после многократных повторений в моей памяти (речи и мышлении) нарастают различные сгустки "памятки", от которых я начинаю вспоминать течение жизни, слова (мысли) и значения» [Лурия 1996, с. 112].

Живописное пространство также неоднородно. В нем, согласно П. А. Флоренскому, существуют места, в большей степени, чем другие, насыщенные содержанием. В результате живописное пространство искривляется.

---

[44] Подробнее см. часть I, гл. 4, § 1. *Селективная функция памяти.*

> «Потому ли, что художник насыщает известные области пространства содержанием, доступным восприимчивости, на которое рассчитано данное произведение, — оно искривляется и делается особенно сильно или особенно слабо емким, т. е. организуется; или потому, что оно уже организовано, обладает особливыми емкостями, стало быть, искривлено и допускает неравномерность нагрузки потребным содержанием, — то и другое формально есть *один* факт. Можно образно пояснить: художник насыщает некоторым содержанием известную область, силою нагнетает туда содержание, заставляя пространство поддаться и вместить больше, чем оно обычно вмещает без этого усилия» [Флоренский 1993, с. 59].

Если предположить, что «насыщение смыслом» способно подвергать пространство деформации, то можно полагать, что пространство *памяти*, которое по ряду параметров сходно с живописным, регулярно **искривляется** (**деформируется**). Соотношение ближнего и дальнего планов, образа и фона, меняющиеся в памяти и описывающие процессы припоминания / вспоминания / забывания, могут служить примером регулярных искривлений пространства памяти и, следовательно, модификаций прошлого, которые могут мыслиться как искажения, ср.:

> Необходимость повторно использовать содержание памяти, а также забывать в такой же мере, как и запоминать, вынуждает нас отбирать, очищать, искажать и трансформировать прошлое в соответствии с запоминаемыми событиями и потребностями настоящего [Лоуэнталь 2004, с. 307].

Как уже отмечалось выше, в языковом описании и в авторских примерах, память и возникающие в ней воспоминания обнаруживают сходство не только с картинами / фотографиями, но и с кинокадрами.

Трансформацию визуального пространства в смысловое рассматривал Ю. Н. Тынянов в работах, посвященных искусству кино. Как и в работе П. А. Флоренского, в них также уделено внимание созданию смыслового пространства (но уже кинемато- и фотографического). Ю. Н. Тынянов определил условия, при которых «видимая вещь» становится «смысловой вещью», «вещью искусства», осуществляя тем самым «смысловую перепланировку мира». К ним он относит: смещение зрительной перспективы (ракурса), которая приводит к смещению отношения людей и вещей; смену освещений, которая обусловливает смысловую перепланировку среды; замену вещи деталью, означающей, что вещь заменяется рядом вещей с одним смысловым знаком; рамочную композицию, являющуюся причиной деформации реального пространства.

«...Смещение зрительной перспективы является в то же время смещением *соотношения* между вещами и людьми, вообще смысловой перепланировкой мира. Смена различных освещений (*или* выдержанность одного светового стиля) точно так же перепланирует *среду*, как ракурс — *отношение* людей и вещей. ...Движение в кино существует не само по себе, а как некоторый смысловой знак» [Тынянов 1977, с. 332].

«Эта замена вещи деталью переключает внимание: под одним ориентирующим знаком даны разные объекты (целое и деталь), а это переключение как бы расчленяет видимую вещь, делает ее рядом вещей с одним смысловым знаком, *смысловой вещью* кино» [Там же, с. 331].

Рассматривая замкнутую организацию пространства на фотографии (рамочную композицию), он пишет: «Выделение материала на фото ведет к *единству* каждого фото, к особой *тесноте соотношения* всех предметов или элементов внутри одного фото. В результате этого внутреннего единства соотношения между предметами или внутри предмета — между его элементами — перераспределяются. Предметы деформируются» [Там же, с. 335].

Компоненты, которые здесь перечислены (смещение зрительной перспективы, смена освещений, замена вещи деталью), характеризуют также описание памяти (см. выше § 5). Что касается рамочной композиции, то воспоминания, хранимые в памяти, часто уподобляются картинам, фотографиям, открыткам, ср.:

Странно, каким восковым становится **воспоминание**, как подозрительно хорошеет херувим по мере того, как темнеет оклад, странное, странное происходит с **памятью**. Я выехал семь лет тому назад; чужая сторона утратила дух заграничности, как своя перестала быть географической привычкой. ... **Воспоминание** либо тает, либо **приобретает мертвый лоск**, так что взамен **дивных привидений** нам остается **веер цветных открыток** (*В. Набоков. Дар*).

Возникающая в памяти картина *как бы* имеет рамку, которая создает дополнительную выделенность и сюжетную законченность выстроенному как пластическое явление эпизоду прошлого. Прошлое, представленное такими картинами, являет собой набор особо выделенных законченных сюжетов, смысловые отношения внутри которых, а также между которыми находятся в состоянии динамики, т. е. подвержены регулярным изменениям.

Память, как и искусство, занимается «смысловой перепланировкой мира». Она структурирована как язык.

Пространство памяти, описываемое в литературных произведениях, имеет сходство с пространством, создаваемым искусством кино, жи-

вописи, фотографии. Единицы хранения памяти приобретают статус семиотических вещей. Их связи друг с другом имеют сходство с отношениями синонимии, антонимии, гиперо-гипонимии, возникающими между языковыми единицами.

Пространство памяти характеризуют синтагматические и парадигматические (например, ассоциативные) связи, благодаря которым между фрагментами прошлого и образами, воспринятыми в актуальном настоящем, выстраиваются новые смысловые отношения. Пульсирующая изменчивость пространства памяти — это игра смыслами, различные комбинации которых обусловливают создание нового смысла. Память — не только хранительница прошлого, но и создательница новых смыслов, ср. также:

> Основная функция памяти *не* в том, чтобы хранить прошлое, но в том, чтобы адаптировать его таким образом, чтобы оно обогащало настоящее и воздействовало на него. Задачи памяти выходят далеко за пределы простого воспроизведения прежних переживаний. Память помогает нам их понять. Воспоминания — это не «готовые к употреблению» копии прошлого, но эклектичная, избирательная их реконструкция, основывающаяся на последующих действиях и восприятиях и на постоянно меняющихся кодах, при помощи которых мы различаем, символизируем и классифицируем окружающий мир [Лоуэнталь 2004, с. 331—332].

Б. Гаспаров [Гаспаров 1996, с. 198] говорит о языке как о мнемонической среде, что представляется вполне оправданным. Справедливо, как кажется, и обратное: память (в языковом описании) структурирована по модели языка.

В рассказе Х. Л. Борхеса герой представляет себе мир без памяти и без времени и сравнивает его с языком без существительных, ср.:

> Может, мы с Аргусом принадлежим к разным мирам и восприятия у нас одинаковые, но Аргус ассоциирует все иначе и с другими предметами; и может, для него даже не существует предметов, а вместо них головокружительная и непрерывная игра кратких впечатлений. Я подумал, что это *должен* быть **мир без памяти, без времени, и представил себе язык без существительных, из одних глагольных форм и несклоняемых эпитетов** (*Х. Л. Борхес. Бессмертный*).

В заключение следует отметить, что набор средств, с помощью которых осуществляется языковая концептуализация, языковое конструирование разных областей человеческой деятельности, ограничен. Благодаря этому возникают аналогии, которые не кажутся случайными. Сходные концептуальные или когнитивные схемы воспроизводятся применительно к разным областям человеческой деятельности. Так, обра-

зы, картины, возникающие в памяти и описывающие процесс воспоминания, забывания, могут быть сопоставлены с произведениями изобразительного и кинематографического искусства. Работа человеческого сознания, например, уподоблена живописному полотну, изображение на котором постоянно меняется, как кадры фильма. Конечным продуктом живописи, кинематографа является эстетический продукт, память также не чужда эстетики, однако продукт ее деятельности правильнее было бы назвать не эстетическим, а смысловым.

§ 7. Звуковые, вкусовые и тактильные образы в памяти

Память и перцептивное восприятие мира. Распределение соматических чувств вокруг памяти проявляет характер перцептивного восприятия человеком окружающего мира, а также степень отрефлексированности и ментальной обработки образов, воспринятых разными органами чувств. Анализ примеров и словоупотреблений показывает следующее: наряду со зрительными память также хранит слуховые образы. Мы говорим: *эта мелодия / его голос / этот смех до сих пор звучит в моей памяти.* Обоняние, осязание, вкус обычно не создают образов, но служат для напоминания, активизации (оживления) памяти, хотя можно сказать: *память хранит вкус бисквита, запах духов, мягкость и шелковистость детских волос...*

Тактильные, вкусовые, обонятельные впечатления часто сопровождают зрительное и слуховое восприятие. Благодаря этому в литературных текстах создается синтетический образ-воспоминание, в котором соединяются разные формы восприятия, например:

> В его **памяти воскресла** только **благоухающая комната** его матери, **варьяции Герца, княжеская галерея, голубые глаза, каштановые волосы под пудрой** и все это покрывал какой-то **нежный голос Ольги**: он **в уме слышал ее пение**... (*И. Гончаров. Обломов*).

В данном примере образ, возникающий в памяти, соединяет восприятие с помощью зрения, слуха и обоняния.

Звуковые образы в памяти. В отличие от зрения слух в значительно меньшей степени настроен на память. Можно, однако, сказать: *вслушиваться в память, голоса памяти* (по аналогии с *вглядываться, всматриваться в память*). Похожие конструкции не используются в отношении вкуса, обоняния, осязания. Невозможно сказать: **внюхиваться в память, *притрагиваться к памяти, *пробовать память...*

Память способна говорить с *Я* человека[45], а также хранить и воспроизводить звуки прошлого: услышанную мелодию, фрагменты разговоров, песен. Ср.:

(1) Думая об этом темном человеке, Никита Артамонов ускорил шаг, **а в памяти его назойливо зазвучало**: «Христос воскресе, воскресе, // Кибитка потерял колесо» (*М. Горький. Дело Артамоновых*).

(2) Друг человеческий был пастырем и водителем компании кутивших промышленников, и всюду, куда бы он ни являлся со своим пьяным стадом, грохотала музыка, звучали песни, то заунывные, до слез надрывавшие душу, то — удалые, с бешеной пляской; **от музыки оставались в памяти слуха** только **глухо бухающие удары в большой барабан и тонкий свист** какой-то отчаянной дудочки (*М. Горький. Дело Артамоновых*).

(3) ...Он или издавал законы, или маршировал по кабинету, наблюдая за игрой сапожного носка, или **возобновлял в своей памяти военные сигналы** (*М. Салтыков-Щедрин. История одного города*).

(4) Иногда я с удовольствием слушаю сиплую шарманку, какой-нибудь **мотив, который заронился мне в память**, в другой раз уйду на половине оперы... (*И. Гончаров. Обломов*).

В литературных текстах часто встречается синтетический образ, основанный на зрительном и звуковом восприятии. Ср.:

(1) Какие-то **лица мелькали в его памяти, звуки и слова звучали в ней**... (*М. Горький. Фома Гордеев*).

(2) Нервы мои еще не оправились, и каждый раз, **вызывая в памяти лицо и голос** Олеси, я чувствовал такое нежное умиление, что мне хотелось плакать (*В. Куприн. Олеся*).

Запах. Пробуждение памяти. Запах оставляет след и маркирует присутствие. По запаху определяют след (например, собаки). По запаху можно обнаружить локализацию вещи в пространстве: костер в лесу, близость деревни, близость куста сирени и т. д. Запахи — это язык животных и растений.

Запах пробуждает память, он помогает отождествить вещь прошлого с вещью настоящей, он активизирует ассоциации, которые связаны с данной вещью в прошлом, например, *запах родного дома*. Иными словами, по отношению к памяти обоняние служит напоминанием. Ср.:

(1) **Этот запах, смешанный со свежестью осеннего парка**, Ганин теперь старался опять уловить, но, как известно, **память воскрешает**

---

[45] См. часть I, гл. 2, § 7. *«Коммуникативные» свойства памяти.*

все, кроме запахов, и зато ничто так полно не воскрешает прошлого, **как запах**, когда-то связанный с ним (*В. Набоков. Машенька*).

(2) Оставшись один, **вдыхая забытые запахи чернил, мела, никогда не оседающей пыли, запаха «До первой крови»**, изнурительных допросов у доски, запаха тюрьмы, бесправия, возведенного в принцип, он все надеялся **вызвать в памяти** какие-то **сладкие воспоминания о детстве и юношестве, о рыцарстве, о товариществе, о первой чистой любви**, но ничего из этого не получалось, хотя он очень старался, готовый умилиться при первой возможности (*А. и Б. Стругацкие. Гадкие лебеди*).

Описание памяти, воспроизводящей запахи, не встречается ни во фразеологии, ни в большом количестве литературных примеров. Вместе с тем отдельные примеры показывают, что в развернутых метафорах это возможно. Ср.:

(1) И сейчас же Нунан почувствовал запах. Он знал, что это **игра воображения**, запах бывал только первые дни, а потом исчезал напрочь, но Ричард Нунан **чувствовал его как бы памятью — душный, тяжелый запах разрытой земли** (*А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине*).

(2) Корни, **корни чего-то зеленого в памяти, корни пахучих растений, корни воспоминаний**, способны проходить большие расстояния, преодолевая некоторые препятствия, проникая сквозь Другие, пользуясь каждой трещиной (*В. Набоков. Другие берега*).

(3) По истечении почти сорока лет я без труда **восстанавливаю и общее ощущение и подробности его** ⟨дома. — *Н. Б*⟩ **в памяти**: шашечницу мраморного пола в прохладной и звучной зале, небесный сверху свет, белые галерейки, саркофаг в одном углу гостиной, орган в другом, **яркий запах тепличных цветов повсюду**... (*В. Набоков. Другие берега*).

В иллюстрациях речь идет об *игре воображения*, о *как бы памяти* (пример 1) или предлагается описание синтетического метафорического образа, в котором запах *пахучих растений* соединен со зрительным восприятием *корней чего-то зеленого*, которое в тексте сопоставлено с *корнями воспоминаний* (пример 2). Пример 3 показывает, что наряду с предметами, воспринимаемыми визуально, память может также восстанавливать запахи.

В рассказе Х. Л. Борхеса показано зарождение памяти у мраморной статуи, которая может воспринимать только запахи и которая «устроена внутри и снаружи как человеческое тело и обиталище души, но никогда не ощущавшая и не мыслившая». Х. Л. Борхес разворачивает цепочки причинно-следственных отношений, последовательно описывая зарождение у статуи способности мыслить, чувствовать, само-

идентифицироваться. Способность воспринимать запах служит основанием для возникновения памяти, впечатление настоящего и впечатление прошлого порождают способность сравнивать, выстраивать аналогии и фиксировать различия. Статуя проходит через разные состояния. В итоге у нее формируется понятие «я», которое связано с зарождением чувства времени, основанного на различении запаха настоящего и запаха прошлого: *сознание того, что сейчас пахнет гвоздикой, а прежде пахло жасмином, породит понятие* «я». Ср.:

> Запах жасмина становится началом биографии статуи; сперва для нее во Вселенной будет существовать *лишь этот* запах, точнее, запах этот будет для нее Вселенной, которая мгновение спустя станет запахом розы, а затем гвоздики. Пусть в сознании статуи будет один-единственный запах — вот вам и внимание: **пусть запах этот длится, когда причина, вызвавшая его, уже исчезла, вот вам память**; пусть внимание статуи **сопоставит впечатление настоящего и впечатление прошлого**, вот — **сравнение**; пусть статуя почувствует аналогии и различия, это будет суждение; пусть сравнение и суждение повторятся снова, вот вам размышление; пусть приятное воспоминание будет живее, чем впечатление неприятное, вот воображение. Когда уже родились способности понимания, за ними возникают способности воли: любовь и ненависть (влечение и отвращение), надежда и страх. Сознание того, что пройдены многие состояния, даст статуе абстрактное понятие числа; **сознание того, что сейчас пахнет гвоздикой, а прежде пахло жасмином, породит понятие «я»** (*Х. Л. Борхес. Два философских существа*).

Вкусовые образы в памяти. Как и запах, вкус скорее служит пробуждению памяти, ср.:

> У кого-то, в более счастливые времена, **механизм памяти включался от вкуса пирожного «мадлен»** (*И. Сухих. Пытка памятью // Звезда. № 6. 2002*).

Примеры, иллюстрирующие хранение в памяти вкусовых ощущений, существуют, но они немногочисленны. Ср.:

> (1) А было время: к топору зовите Русь! // Не так-то просто. Но уж если дозываются // **ничем из памяти не выбить крови вкус**, // такие вещи никогда не забываются (*Е. Козловский. Мы встретились в Раю...*).
>
> (3) Наше бистро создано для горожан, **в чьей памяти остались сладкие образы, вкусы** и звуки Средиземноморья, сказал директор ресторана Юрий Врацких (*Город // «Петербургский Час пик», 2003.09.17*).

(4) **Память услужливо подсказала мне вкус гидролизного спирта,** который я в восемнадцать лет из жадности выпил в фотолаборатории (*В. Казаков. Алкогольные хроники // Столица, 1997.09.02*).

Тактильные образы в памяти. Во внешнем мире осязание у человека может замещать зрение и служить для определения локализации вещи в пространстве. В темноте человек двигается на ощупь. Осязание заменяет зрение у слепых. Согласно примерам память не воспроизводит отдельно тактильные ощущения, а только в соединении со зрительными и другими впечатлениями. Ср.:

(1) Быстро **промелькнула в памяти** Ромашова **черная весенняя ночь, грязь, мокрый, скользкий плетень, к которому он прижался, и равнодушный голос Степана** из темноты: «Ходит, ходит каждый день...» (*А. И. Куприн. Поединок*).

(2) Как ни странно, **в памяти отыскалась** и таковая [встреча]: давным-давно, в их первый послессыльный приезд в столицу, они все вчетвером: отец, мать, сестренка и Арсений — гуляли по Горького **теплым летним вечером,** направляясь вниз, к Кремлю, чтобы посмотреть на Красную площадь в вечернем освещении... (*Е. Козловский. Мы встретились в Раю...*).

В первом примере в памяти возникает не только зрительный и слуховой образы (*весенняя ночь, голос человека*), но и тактильный (*скользкий плетень*); во втором — *теплый вечер*, возникший в памяти, также связан с тактильными ощущениями.

В заключение следует отметить, что соматические чувства (в разной степени) служат отождествлению вещей настоящего вещам прошлого. Чувство времени в человеке, разграничивающее настоящее и прошлое, основано на перцептивном восприятии реальности, вследствие этого (в частности) оно предметно. В языковом описании и в литературных примерах память (частично) воспроизводит не только сам образ, но и способ, характер восприятия реальности прошлого, благодаря которому он был получен.

Глава четвертая

Функции памяти. Память и время

Память мыслится в языке и культуре как самоорганизующаяся и самонастраивающаяся система функционирования фрагментов личного социального прошлого. В четвертой главе будут рассмотрены функции личной памяти: селективная — способность отбирать фрагменты значимого прошлого в качестве «единиц хранения» и редуцировать фрагменты незначимого прошлого; интерпретативная — способность, взаимодействуя с воображением, корректировать прошлое; реверсивная — способность возобновлять один и тот же управляемый цикл по воспроизведению прошлого.

Отдельно будет рассмотрена языковая концептуализация пространства памяти как пространства инобытия, которое кореферентно связано с религиозными представлениями о вечности и бессмертии.

§ 1. Селективная функция памяти

Пунктирная линия прошлого в памяти. Прошлое предстает в языковой памяти не общим потоком времени, но особым образом селектированными эпизодами. Оно может мыслиться как линейное время, причем линия эта пунктирная. Память включает в себя фрагменты прошлого «разной длины»: *обрывки*, *отрывки*, *картины*, *эпизоды*, а также *следы*, *отпечатки*[1]. Между ними обозначена пустота, или пропуски: *провалы*, *пробелы в памяти*[2].

---

[1] Об *образах*, *картинах*, *следах и отпечатках в памяти* см. также часть I, гл. 3, § 1. *Внешнее и внутреннее пространство. Соотношение*, подраздел: *Внутреннее пространство. Общая характеристика.*

[2] О *провалах и пробелах в памяти* см. также часть I, гл. 2, § 2. *Телесность памяти* и часть I, гл. 3, § 5. *Живописное пространство памяти*, подраздел: *Светлое темное в пространстве памяти.*

В тексте о прошлом смысловые пропуски обозначаются фразами: *Прошло пять минут / три дня / два года* и т. д. Они обеспечивают непрерывность повествования. Они создают и поддерживают представление о времени как о линейно выстроенной последовательности событий. Никто, однако, не спрашивает: *Что же конкретно произошло за эти пять минут / три дня / два года?* — поскольку *это несущественно, неважно, забыто...*

Языковые употребления согласуются с утверждениями психологов о том, что сознание выбирает, изолирует отдельные важные для человека черты явлений. С помощью метафор Л. С. Выготский так описывает избирательность сознания:

> Наш опыт заключен между двумя порогами, мы видим лишь маленький отрезок мира; наши чувства дают нам мир **в выдержках, извлечениях, важных для нас**. Внутри порогов они опять отмечают не все многообразие применений, а переводят их опять через новые пороги. **Сознание как бы прыжками следует за природой, с пропусками, пробелами**. Психика **выбирает устойчивые точки действительности**, среди всеобщего движения есть **островки безопасности** в гераклитовом потоке. Она есть **орган отбора, решето**. Она, процеживающая мир и изменяющая его так, чтобы можно было действовать [Выготский 1982, с. 345—348].

Отношения: память — забвение, «устойчивые точки действительности» — «пропуски, пробелы», — выражены также в древнегреческой мифологии. Согласно Павсанию, вблизи пещеры Трофиния было два источника: *Лета* — забвение и *Мнемозина* — память. Те, кто приходили вопросить знаменитый оракул, сначала пили воду из обоих источников: чтобы забыть о заботах и волнениях и чтобы запомнить услышанное и увиденное в пещере.

Между психологическими, мифологическими и художественными текстами также наблюдается определенный параллелизм. Сходство между текстами М. Булгакова и В. Набокова, с одной стороны, и Л. Выготского — с другой, достаточно очевидно, ср.:

> (1) В июне месяце стало еще жарче, чем в мае. Мне запомнилось это, а остальное удивительным образом **смазалось в памяти. Обрывки кое-какие, впрочем, сохранились** (*М. Булгаков. Театральный роман*).
>
> (2) Удивительно устроена человеческая память. Ведь вот, кажется, и недавно все это было, а между тем восстановить события стройно и последовательно нет никакой возможности. **Выпали звенья из цепи!** Кой-что вспоминаешь, прямо так и загорится перед глазами, а прочее **раскрошилось, рассыпалось, и только одна труха и какой-то**

дождик в памяти. Да, впрочем, труха и есть. Дождик? Дождик? (*М. Булгаков. Театральный роман*).

(3) И хотя роман его с Машенькой продолжался в те далекие годы не три дня, не неделю, а гораздо больше, он не чувствовал несоответствия между действительным временем и тем другим временем, в котором он жил, так как **память его не учитывала каждого мгновенья, а перескакивала через пустые, непамятные места, озаряя только то, что** было связано с Машенькой, и потому выходило так, что не было несоответствия между ходом прошлой жизни и ходом настоящей (*В. Набоков. Машенька*).

Чередование в памяти устойчивых точек действительности с пропусками объективированы, таким образом, языком, мифологией, психологией, художественными текстами.

Пропуски в памяти возникают в результате забывания, которое происходит:

— вследствие нормальной избирательной деятельности сознания;

— под воздействием времени («эррозия времени»), «спрессовывающем» в памяти отдаленное прошлое, оставляющем в нем лишь наиболее значимые фрагменты;

— как следствие измененной деятельности сознания (опьянение, болезнь, общее старение, болезни старости).

Процесс забывания описывается с помощью метафор: ***из памяти*** *что-л. выпадает, выскакивает, вылетает, стирается, изглаживается, ускользает, уходит*; ***в памяти*** *что-л. стирается, смягчается, тает, пропадает, уступает кому-чему-л. место, покрывается туманом, смешивается, смазывается, затеривается.*

Фраза: *Дальше не помню...* означает, что человек помнит о том, что дальше было нечто, но не помнит, что именно. Это знание информативно: «Если мы помним, что забыли что-то, значит, мы не забыли об этом полностью», — писал Августин (цит. по: [Томпсон 2000, с. 185]). В этом заключен парадокс, который в художественных текстах становится приемом стилистической игры, ср.:

(1) Теперь, как бы ни силился, **я не могу извлечь из прошлого ничего, но забыл я все**, должно быть, **по собственной воле** так, наверное, тяжко было бегство назад, что **в один прекрасный день, не менее прочно забытый, я поклялся выбросить его из памяти раз и навсегда** (*Х. Л. Борхес. Бессмертный*).

(2) Сосредоточенно пытаясь **понять, о чем это он не помнит**, он на секунду перестал чувствовать бочку и как-то отделился от нее (*В. Пелевин. Жизнь и приключения сарая Номер XII*).

Следовательно, единицами информации, хранимыми памятью, являются не только *воспоминания*, *образы*, *картины прошлого*, но также

провалы, пробелы. Если первые несут информацию о неком событии, имевшем место в прошлом, то вторые информируют о том, что некое событие забыто / подверглось амнезии. Кроме того, важным свойством памяти является ее способность восстанавливать часть забытого. Это расширяет возможности использования ее в качестве метафоры.

Семиотике забывания — припоминания посвящена работа Ю. М. Лотмана [Лотман 1992]. Процесс культурного забывания — припоминания он проиллюстрировал на примерах актуализации / деактуализации форм архаического искусства в европейской культуре и пушкинских текстов в русской культуре, ср.:

> «Синусоидный характер (например, падение актуальности Пушкина для русского читателя в 1840—1860-е гг., рост ее в 1880—1900-е, падение в 1910—1920-е и рост в 1930-е и последующие годы, смена "сбрасывания с корабля современности" и "возведения на пьедестал") наиболее простой вид культурного "забывания" и "припоминания". (...) Актуальные тексты высвечиваются памятью, а неактуальные не исчезают, а как бы погасают, переходя в потенцию» [Лотман 1992, с. 201].

Пробелы и провалы в памяти. *Пробелы в памяти* (забывание) образуются в результате избирательной деятельности сознания и под воздействием времени. *Провалы в памяти, потеря памяти* (амнезия, забытье) возникают как следствие измененной деятельности сознания[3] (*склероз, маразм*, а также *эпилепсия* и др.). Они связаны с частичной потерей памяти: *память отшибает, отбивает у кого-л.*; *память теряют, утрачивают*; *памяти лишаются*.

> Смысловое различие между *пробелом* и *провалом в памяти* иллюстрируют замечание Д. Э. Томпсон о различии между *забыванием* и *амнезией*: «Амнезия это состояние, тогда как забывание душевная работа, конечным результатом которой является частичное или полное стирание воспоминаний» [Томпсон 2000, с. 159].

Пробелы и *провалы в памяти* человек не может (или не вполне может) контролировать в отличие от *вычеркивания из памяти* (забвение), которое осуществляется как символический акт наказания[4].

---

[3] См также часть I, гл. 2, § 2. *Телесность памяти.*

[4] См часть I, гл. 6, § 1. *Включение в память как увековечивание и исключение из памяти как репрессия. Награда запоминанием и наказание забвением.*

Пробелы референциально связаны с метафорой «памяти-поверхности» (двухмерное пространство), *провалы* — с метафорой «памяти-глубины» (трехмерное пространство)[5].

По своим основным (непереносным) значениям *пробел* относится к 'тексту', 'повествованию' и импликативно к 'последовательности'. Пробелы существуют внутри некоторого линейно организованного ряда: *пробелы между главами, разделами, буквами, словами, строчками.*

> *Пробел* 1. 'Промежуток, незаполненное место между отдельными текстами, частями текста (например: главами, разделами и т. д.) || *Типогр.* Промежуток между буквами, знаками, словами, строками'. 2. 'Пропуск, опущение части, детали при изложении или повествовании' [МАС 1983, т. 3].

Сочетание *пробелы в памяти* референциально связаны с метафорой *памяти как текста*. Ср.:

> (1) Но как раз **на этих словах пробел закрылся, и в Инниной памяти появились еще какие-то строчки**, вроде вот этих: и заплачу на Бронной, не слишком Большой, // но непреодолимой, // о себе и тебе, и, конечно, о той // тишине над долиной... (*А. Кабаков. Последний герой*).
>
> (2) Еще в первые годы изгнания моя мать и я могли без труда обойти весь парк, и старую и новую его часть, по памяти, но теперь замечаю, что **Мнемозина начинает плутать и растерянно останавливается в тумане**, где там и сям, как на старинных картах, **виднеются дымчатые, таинственные пробелы: терра инкогнита** (*В. Набоков. Другие берега*).

Пробелы в определенной степени сохраняют представление о протяженности событий. Но в памяти также может происходить сжатие времени, когда пустоты элиминируются и нарушается причинно-следственная связь. Набоков обозначает это как *узел в памяти*, ср.:

> Он помнил опять-таки, что, после появления фотографии, он отказался ходить в школу, и **невозможно было распутать в памяти** узел, в который связались вечеринка и фотография, невозможно было сказать, что случилось раньше, что позже (*В. Набоков. Защита Лужина*).

Провал в памяти актуализирует метафору глубины, употребляющейся при описании внутреннего мира человека. *Глубина души, сердца, памяти* (*из глубины памяти возникло...*) означает некий предель-

[5] См. также часть I, гл. 3, § 2. *Пространственные метафоры памяти: словосочетания, метанарративы, литературный текст.*

но возможный уровень. *Провал в памяти* тоже указывает на некоторую предельную точку забывания: что-л. забыто окончательно, безвозвратно и бесследно — *кануло в Лету*. Интересно, что деривативно связанный с *провалом* глагол *провалиться* имеет (наряду с другими) значение 'исчезнуть бесследно': *как сквозь землю провалился*. *Провалы в памяти* синонимичны *беспамятству*. В том случае, когда воспоминание предполагает возникновение зрительного впечатления, они могут окрашиваться в черный цвет. Ср.:

(1) «что же это такое?!» — подумал несчастный Степа, и голова у него закружилась. Начинаются **зловещие провалы в памяти**?! (*М. Булгаков. Мастер и Маргарита*).

(2) Вот с этого все началось. То есть **началось беспамятство: три часа провала**. Что я пил? О чем говорил? В какой пропорции разбавлял? **Может, этого провала и не было бы, если бы я пил, не разбавляя.** Но как бы то ни было, я очнулся часа через три, и вот в каком положении я очнулся: я сижу за столом, разбавляю и пью (*В. Ерофеев. Москва — Петушки*).

(3) Завтра утром, подумал я, надо будет пустить себе пулю в лоб. Последним, что я увидел, перед тем как окончательно **провалиться в черную яму беспамятства**, была покрытая снегом решетка бульвара — когда автомобиль разворачивался, она оказалась совсем близко к окну (*В. Пелевин. Чапаев и пустота*).

(4) Она уже спала, счастливая, а он все вспоминал, вспоминал... Но, наконец, засыпал и он, **уже перед самым провалом, беспамятством** радуясь: а все же всплыл, поднялся. Это она, уже во сне думал он, пока любишь — плывешь... И он плыл, как не плавал никогда в прежней жизни, и спал крепко, как прежде не спал (*А. Кабаков. Последний герой*).

Забывание — припоминание/запоминание как метафора социальных стратегий. Селективные свойства памяти (пропуск несущественной информации и запоминание существенной) апроприируются социальными стратегиями. Они проявляются в целесообразном отборе того, что следует помнить и о чем — забыть.

Морально-этические и религиозные нормы создают прескрипцию: следует помнить о добре, отвечать добром на добро и забывать о зле[6]. Она выражена в понятии *благодарная память*.

Существует иная стратегия: помнить то, что выгодно помнить, что ведет к успеху, и забывать то, что помнить невыгодно. Она может осуждаться и становиться объектом иронии, ср.: *Кто кому надобен, тот*

[6] Об этом см. также часть I, гл. 6, § 3. *Память и этические прескрипции. Память и травма*

тому и памятен [Даль, 1955, т. 3, с. 14]. *Слабъ памятью: что у кого возьметъ — забудетъ; а что кому дастъ, помнитъ* [Даль, 1955, т. 2, с. 14]. Ср. также:

> [Восмибратов] (...) Извольте получить-с. (Вынимает деньги и считает.) Тысяча... тысяча триста, пятьсот, семьсот... (задумывается и как будто вспоминает) восемьсот. Пожалуйте-с! (Подает Гурмыжской). [Гурмыжская] Как же тысяча восемьсот? Да ведь мне нужно... [Восмибратов] Виноват-с, простите великодушно! **Вот память-то!** (Вынимает деньги и подает.) Еще двести рублей! Теперь так точно. Кажется, так? (*А. Островский. Лес*).

О том, кто быстро забывает добро, говорят: *У него / нее короткая память*[7], ср.:

> (1) Именно таким Особым совещанием, «образованным согласно статье 34 Положения о государственной охране» при министерстве внутренних дел, был в свое время осужден на ссылку некий Иосиф Джугашвили, как потом оказалось, **человек с короткой памятью на все доброе и с великолепной, истинно творческой на все злое и страшное** (*Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей*).
>
> (2) И в то же время ношу в себе горечь, вызванную **короткой памятью некоторых моих сподвижников, лишенных чувства благодарности** (*А. Яковлев. Омут памяти*).

Принципы вежливости предполагают демонстрацию *хорошей памяти* относительно эпизодов прошлого, приятных адресату, и проявление забывчивости (*плохая память, отсутствие памяти*) относительно неприятных. В определенном социальном контексте чья-л. *хорошая память* потенциально становится угрозой тем, кто хотел бы предать забвению прошлое. Ср.:

> [Помощник] **Советую вам забыть**, что мы виделись сегодня утром. **Я не забуду**, что вы в свое время нашли меня, устроили меня во дворец, **помогли мне выйти в люди**. Но вы, господа, раз и навсегда **забудьте, кем я был, и помните, кем я стал**. [Цезарь Борджиа]. Кто же вы теперь? [Помощник] Я теперь чиновник особо важных дел канцелярии его превосходительства первого министра (*Е. Шварц. Тень*).

Селективная функция памяти, таким образом, является одной из центральных не только в психологическом, но и в культурно-языковом

---

[7] *Короткая память* может не иметь социальных коннотаций, ср.: А ты забываешь, у тебя **короткая память**, иначе бы не начинал снова и снова... (*Ф. Светов. Мое открытие музея*).

отношении: она расширяет метафорический потенциал слова-концепта память, апроприируется социальными стратегиями и культурными практиками.

§ 2. Выделенные общие места в памяти

Типология общих мест. *Память* не только трансформирует время, но также моделирует апроприацию человеком личного и коллективного прошлого. Время обозначается *в памяти* через выделенные события и сюжеты — культурные индексы — в личной жизни (*личная память*) и в жизни социума (*общественная память*). Культурные индексы вербализуются в рассказах о прошлом, в воспоминаниях и мемуарах[8]. Они проявляют нарративную функцию памяти и «реально воспроизводят некоторые мыслительные шаблоны» [Kirmayer 1996, с. 175].

В отношении конкретного (индивидуального) воспоминания иногда используют термин «мнемонические места» (см.: [Хаттон 2003]). *Мнемоническим местом*, например, можно назвать то, что У. Вордсворт называл «пятном времени». «Пятно времени» обозначало хранимые памятью образы, которые служили этапами для проникновения в историю его собственной жизни. «Каждый человек — это память о самом себе», — писал У. Вордсворт.

Эту мысль можно продолжить: «Каждый человек — это память не только о самом себе». В работах Выготского показано, что у взрослого человека восприятие может рассматриваться как перевод на язык эталонов, формируемых и хранящихся в памяти. В раннем возрасте не сформирован ни язык эталонов, ни правила перевода на него [Иванов 1999, с. 753]. Таким образом, личная память человека, переведенная на язык эталонов, выстраивается примерно по общей схеме.

Структурирующая прошлое система культурных индексов — это своего рода личная анкета индивида. В нее включены: воспоминания о детстве, о первой любви, об учебе и учителях, о счастливых знаковых событиях (свадьба, рождение ребенка), о личных травмах (разлука, развод, несчастья и т. д.), о коллективных травмах (война, катастрофа, стихийное бедствие) и др. Выделенные общие места в памяти вербализуются в стереотипных словосочетаниях: *память о далеком, о прошлом, об ушедшем, о минувшем, о далекой жизни, о*

[8] О памяти, вербализованной в жанре дневников и мемуаров, см. статьи М. Михеева [Михеев 2004; 2005].

детстве, о [первой] любви, о юности, о юношестве, о товариществе, о молодости, о войне... Противоречие между уникальностью жизни человека и стереотипным набором воспоминаний показывает А. Битов, ср.:

> Это была некая совершенно новая «Автобиография», как бы единственно честная и искренняя, единственно подлинная, вовсе не о том, что **считается обществом свершениями и событиями жизни; не отчет об исполнении некоего, каждому выданного на жизнь социального наряд-заказа; не воспоминания о детстве, школе, университете, женитьбе и тех исторических событиях, которым был свидетелем; не о том, что ты жил с людьми** (...) Ведь отличается же чем-то «Автобиография» от биографии, биография от мемуаров... **Ведь не просто же вариантом, хотя бы и единственным, отличается твоя жизнь от прочих, а неповторимостью твоей, тем, что именно ты — один жил на этой земле.** И только это может иметь общее значение (*А. Битов. Мужик*).

В памяти сохраняются также необычные, вызвавшие эмоциональную реакцию (испуг, удивление, радость и т. д.) эпизоды, ср.:

> (1) Затем могу указать еще на братьев Урванцовых, ближайших наших соседей, которые **остались у меня в памяти, потому что во всех отношениях представляли очень курьезную аномалию** (*М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина*).
>
> (2) Так он говорил долго, и его **слова врезались у меня в памяти, потому что в первый раз я слышал такие вещи от двадцатипятилетнего человека**, и, бог даст, в последний (*М. Лермонтов. Герой нашего времени*).
>
> (3) И тут заметили, что дьякон растерянно пробирается сквозь толпу, а о. Василий стоит на амвоне и смотрит. И те, кто увидели его в это мгновение, **навсегда запечатлели в памяти своей его необыкновенный образ** (*Л. Андреев. Жизнь Василия Фивейского*).
>
> (4) Се же **пречюдьно бысть и дивьно и памяти достоино!** (*Сказание о Борисе и Глебе*).

К выделенным общим местам относятся также ирреальные сущности: *несбывшиеся мечты, надежды, желания, нереализованные возможности.* Они формируют память о несбывшемся и инициируют создание текстов сожаления о невозможном. Такие тексты часто заканчивают клише: *не случилось, не произошло, Не судьба!* Ср. также:

> Отжившему, разбитому жизнию не для чего посещать Венецию: она будет **горька, как память о несбывшихся мечтах первоначальных дней** (*И. Тургенев. Накануне*).

Структура *истории жизни.* Выделенные общие места легко разворачиваются в *историю жизни. История жизни* рассказывается поразному, в частности, она может иметь зачины, содержащие обращение к памяти: *Помню, как однажды / в детстве...*; *Был у меня один памятный случай...* и т. д.

Структура истории жизни дает некоторое представление о структуре памяти. Например, в ней есть периодизация личного прошлого, которое может быть кореферентно:

• общественной памяти, коллективному прошлому, ср. фразы: *Это случилось... до войны / после революции / перед XX съездом партии / накануне перестройки* и т. д.;

• семейной памяти, семейному прошлому, ср.: *это было еще при жизни отца,/ незадолго до смерти бабушки*; *это случилось до / после рождения ребенка.*

• личной памяти, личному прошлому, ср. фразы: *Это случилось...в раннем детстве, / когда мне было 10 лет, / после окончания университета*; возможно также использование личного имени, если оно «о чем-то говорит» адресату: *Это было во времена моей дружбы с Федором.*

Периодизация, основанная на референтной соотнесенности события с человеком или именем, персонифицирует личное прошлое[9].

В общественной памяти коллективное прошлое также структурируется с помощью имен знаковых лиц: *Эпоха Пушкина, Шекспира, век Августа, во времена Сталина... при Петре I...*

Личное прошлое человека, таким образом, хранимое памятью и вербализованное в воспоминаниях (устных и письменных), имеет типовую структуру. Память сохраняет воспоминания о знаковых событиях (личная анкета индивида); необычных эпизодах; несбывшихся надеждах, желаниях и т. д. Часто оговариваемыми фрагментами прошлого являются *детство* и *любовь*. О *памяти детства* и *памяти о любви* речь пойдет ниже.

§ 3. Границы личной памяти. Воспоминания детства / о детстве; память детства

За пределами памяти. Личная память концептуализируется не только как место хранения прошлого, она также задает п р е д е л ы его хра-

[9] Рассматривая переход от других понятий к понятию времени, В. Г. Гак, в частности, указывал на такое соотношение: **человек → время**, например, *при Петре I* [Гак 1997, с. 126].

нения, устанавливает его границы, за которыми располагаются области несохраненного (*за-бытого*[10]) и *небытие*.

Эти границы могут быть «расширены» благодаря памяти других, т. е. надличностной памяти[11]. Прошлое человека хранит его личная память, и после смерти продолжает хранить надличностная память. Последняя мыслится как пространство инобытия, в котором человек обретает символическое продолжение своей жизни после смерти, ср. клишированные фразы: *Он(а) будет вечно жить в нашей памяти*; *Пока мы помним ее, она живет*[12].

Начало и конец человеческой жизни в отношении надличностной памяти несимметричны. В языке нет форм, которые обнаруживали бы следы присутствия человека в надличностной памяти до его рождения. Мать или кто-нибудь из близких родственников могут сказать: *Я предчувствовала твое появление задолго до того, как ты родился*. Но невозможно: **Я помнила тебя задолго до того, как ты родился*. Надличностная память о человеке может мыслиться как имеющая начало (*рождение человека*), но не имеющая конца (*память потомков о человеке*; *вечно помнить человека*). Личная память человека — как имеющая начало (*первые детские воспоминания*) и конец (*потеря памяти*; *смерть*).

> О границах личной памяти свидетельствуют и факты *предсмертной реминисценции*: за короткие мгновения до возможной смерти у человека в голове помимо его воли с огромной скоростью может прокрутиться в обратном порядке вся история его жизни. Причем иногда с мельчайшими, совершенно забытыми деталями и с вынесением оценок как будто внешним наблюдателем: правильно он поступил когда-то или неправильно. Некоторые из этих случаев были описаны в книге В. Ф. Войно-Ясенецкого, священника и одновременно выдающегося хирурга [Алюшин, Князева 2004, с. 137 138]. Факт существования предсмертной реминисценции в настоящее время научно не доказан и не опровергнут.

Вопрос о начальной границе личного прошлого, в которое человек может/способен вернуться, благодаря своей памяти, был предметом обсуждения философов. Он был сформулирован уже в античности. Согласно платоновскому учению об анамнезисе, которое существенно

---

[10] В работе [Зализняк 2006, с. 276] глагол *забыть* получает следующую интерпретацию: 'бытием (т. е. процессом жизни) уничтожить [образ в сознании]'.

[11] Надличностная память это *коллективная и общественная память*.

[12] Подробно см.часть I, гл. 4, § 7. *Образы трансцендентного*.

повлияло на развитие европейской мысли, человеческая душа способна помнить идеи, которые она созерцала до своего рождения в теле.

Связь с учением об анамнезисе можно усмотреть и в положениях, сформулированных Дж. Вико в работе «Основания новой науки об общей природе наций». Эта работа, по мнению П. Хаттона [Хаттон 2003, с. 101—114], оказала влияние на отношение к памяти в современной культуре. Вико считал, что философ должен использовать свою память в обратном направлении. Обращение к памяти может рассматриваться как техника обнаружения забытых истоков разума, понятых как утраченные поэтические способности. Память становится средством самопознания, «зеркалом глубочайших бездн сознания». В современных литературоведческих работах встречается понятие *мнемонической инверсии*, которое связывается с поэтикой модернизма. «Мандельштам осуществляет модернистский акт мнемонической инверсии par excellence: вместо того, чтобы стремиться к свету дня, он, подобно Орфею, устремляет взгляд в темноту ночи и покушается на такое воспоминание, которое абсолютно в своей жажде приникнуть к самим истокам памяти — истокам, следом коих она сама же и является» [Павлов 2005, с. 120—121].

Эти идеи разрабатываются в художественных текстах. Путь к самопознанию мыслится как движение в «обратное ничто», к моменту зарождения памяти. Время человеческой жизни, сохраненное в памяти, может представляться неким замкнутым циклом, кругом, в котором рождение и смерть оказываются соединенными и тождественными в их отношении к ничто, небытию (см. пример 1). Это сходно с семантикой слов *начало* и *конец*, тождественность значений которых проявляет этимология[13]. С временной близостью к «предбытию», «предсуществованию» человека связана и мифология детства, согласно которой дети обладают особым, утраченным взрослыми знанием: они помнят то, что забыли взрослые (см. пример 3). Ср.:

> (1) *Я* часто **склоняюсь пытливой мыслью к этому подлиннику**, а *именно* — **в обратное ничто**; так, туманное **состояние младенца** мне всегда кажется медленным выздоровлением после страшной болезни, **удалением от изначального небытия**, — становящимся приближением к нему, когда **я напрягаю память до последней крайности**, чтобы **вкусить этой тьмы** и воспользоваться ее уроками ко вступлению во тьму будущую; но ставя жизнь свою вверх ногами, так что рождение мое делается смертью, я не вижу **на краю этого обратного умирания** ничего такого, что соответствовало бы беспре-

[13] О глубинном тождестве *начала* и *конца* см. также [Мечковская 2002].

дельному ужасу, который, говорят, испытывает даже столетний старик перед положительной кончиной ⟨...⟩ (*В. Набоков. Дар*).

(2) Где я был до той поры, в которой туманилось мое **тихое младенчество**? **Нигде**, отвечаю я себе. Но, в таком случае, я, значит, не существовал до этой поры? нет, не существовал. Но тут вмешивается сердце: Нет, я не верю этому, как не верю и никогда не поверю в смерть, в уничтожение. Лучше скажи: не знаю. И незнание твое тоже тайна. **Моя память так бессильна, что я почти ничего не помню не только о своем младенчестве, но даже о детстве, отрочестве, а ведь существовал же я!** И не только существовал, думал, чувствовал, и так полно, так жадно, как никогда потом. **Где же все это? Это тоже тайна** (*И. Бунин. У истока дней*).

(3) И хоть эти **дети** тоже были заражены бациллой обрушившегося на Россию безумия ⟨...⟩ **все же в их чистых глазах еще сияла память о чем-то уже давно забытом мной**; быть может, это было **неосознанное воспоминание о великом источнике всего существующего**, от которого они, углубляясь в позорную пустыню жизни, **не успели еще отойти слишком далеко** (*В. Пелевин. Чапаев и пустота*).

Во фразеологии платоновские идеи, «движение в обратное ничто» не нашли воплощения, однако *воспоминания детства о детстве, память детства* фразеологизированы. С их помощью описывается движение человека вспять к своим истокам.

Воспоминания детства/о детстве; память детства. *Воспоминания детства о детстве, память детства* составляют непременный, особо выделенный атрибут личной памяти человека. Считается, что воспоминания о детстве должны быть у любого человека. Фраза: *Детства своего я совсем не помню*, — не означает, что человек не помнит себя ребенком, а лишь то, что воспоминания о детстве крайне отрывочны и неопределенны и / или не относятся к раннему детству. *Воспоминания о детстве* представлены в языке и культуре как ценность. Ср.:

(1) Возможно, что он (даже и неосознанно) оберегает **друзей детства** и саму **память о детстве** такое бывает, есть даже особая разновидность психического смещения (он не сказал заболевания) (*В. Маканин. Антилидер*).

(2) [Несчастливцев.] Не твое дело. Пятнадцать лет, братец, не был, а ведь я чуть не родился здесь. **Детские лета, невинные игры, голубятни**, знаешь ли, **все это в памяти** (*А. Островский. Лес*).

(3) Но сон не шел, он и считал чуть ли не до тысячи, и думал о чем-то приятном, **всплывали в памяти его и двор, и детство его**, голубятника Кольки Коллеги ⟨...⟩ (*В. Высоцкий. Роман о девочках*).

Воспоминания детства / о детстве, память детства: 1) являются первыми воспоминаниями; 2) включая в себя компонент *дет-*

ство, имеют положительные коннотации; 3) относятся к далекому прошлому.

Каждая из указанных характеристик имеет следствия, которые в совокупности создают стереотипные представления относительно *воспоминаний о детстве*. Рассмотрим их подробнее.

1. *Воспоминания о детстве* — это первые воспоминания, культурно выделенные и особо обговоренные. Собственно, само прилагательное *первый* содержит «тимиологическую» оценку и имеет ценностные коннотации[14].

Детство — абсолютное начало времени и памяти. У маленьких детей нет прошлого. С *воспоминаний детства / о детстве* для человека начинается личное время и личная память. Ценность *памяти о детстве* состоит в том, что в ней сохраняются *первые впечатления*, проявляющие зарождение самосознания, памяти и прошлого в человеке. Это начало апроприации времени и встраивания себя в парадигму своего личного времени. Возврат в памяти к детству мыслится как возврат к своему истоку (пример 1). В текстах художественной литературы *память детства* иногда включает и *младенчество* (примеры 2, 3). Ср.:

(1) Вот включаю этот ток и, судя **по густоте солнечного света**, тотчас **заливающего мою память**, по лапчатому его очерку, явно зависящему от переслоений и колебаний лопастных дубовых листьев, промеж которых он падает на песок, полагаю, что **мое открытие себя произошло в деревне**, летом, когда, задав кое-какие вопросы, я сопоставил в уме точные ответы, полученные на них от отца и матери, — между которыми я вдруг появляюсь на пестрой парковой тропе. Все это соответствует теории **онтогенического повторения пройденного**. Филогенически же, в первом человеке **осознание себя не могло не совпасть с зарождением чувства времени** (*В. Набоков. Другие берега*).

(2) И чем дальше, тем **подлинней и раньше его воспоминания, ближе к началу — к детству, младенчеству**, маме... (*А. Битов. Азарт или Неизбежность ненаписанного*).

(3) Если я помню действительно случившиеся события, то это можно **назвать воспоминаниями не только детства, но даже младенчества** (*С. Аксаков. Детские годы Багрова внука, служащие продолжением семейной хроники*).

Воспоминания детства / о детстве имеют истинностную оценку. Они относятся к области сокровенного и подлинного; оказы-

[14] Подробно о семантике прилагательного *первый* см. в работе Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1998, с. 695 736].

вают влияние на человека, имеют власть над ним; могут рассматриваться как форма идентичности (особенно в литературе первой волны русской эмиграции и мемуарной литературе их потомков). Ср.:

(1) Найду, к чему привязать самые **сокровенные воспоминания о детстве**, составлявшем продолжение жизни отцов и дедов, детстве, **органически спаянном с прежней Россией**, откуда **почерпнуты ощущения мира и исконные привязанности** (*О. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца*).

(2) Оно с болью выжимало из нее мелочное тщеславие, суету, грязь, но **оставляло воспоминания детства, любовь к родине** (*Л. Юзефович. Костюм Арлекина*).

(3) Они обращаются **к материнскому, к отцовскому началу**, к тому, что живет в каждом человеке, — **к истокам детства, к памяти детства**, к его звукам, запахам, к его радостям; они стараются навеки запечатлеть деревенское утро и вечер, зиму и лето, лес и поле, коня и корову — все, что ушло, что уходит, что скоро уйдет навсегда, — и **в этой памяти хотят замкнуться, спастись от наступающих**. А можно ли спасти? Это ли способ спасти? (*Д. Самойлов, проза поэта*).

Воспоминания детства / о детстве имеют отношение к непосредственному «природному» не отрефлексированному социально чувству. Они искренни, спонтанны, непредвзяты[15]: Они не имеют «культурных» следов в силу несформированности последних в памяти. О них принято думать как о ярких, неизгладимых, четко врезанных в память. Иногда они описываются как незавершенные и импрессионистичные, ср.:

Воспоминание детства... слезы счастья... горечь разлуки... любовь к свободе... жалость к больному щенку... мнительность... материнская нежность... мысли о смерти... печаль... дружба... любовь к слабым... внезапная надежда... счастливая догадка... грусть... беспричинное веселье... внезапное смятение... (*В. Гроссман. Жизнь и судьба*).

Комментируя фрагмент из платоновского диалога «Тимей», в котором о рассказе, услышанном в детстве, говорится, что он «неизгладимо запечатлелся в памяти, словно выжженная по воску картина», Ж. Деррида задает вопрос о том, что представляет собой этот девствен-

[15] З. Фрейд, однако, замечает, что «наши детские воспоминания показывают ранние годы жизни не такими, какими они в действительности были, а такими, какими они предстали перед нами в последующие годы жизни, когда формировались воспоминания» (цит. по: [Лоуэнталь 2004, с. 329]).

ный воск, замечая при этом: «Детство прочнее, чем переходный возраст, запечатлевалось бы в этот воск. (...) А неизгладимым был бы только первоначальный отпечаток, раз и навсегда врезавшийся в девственный воск» [Деррида 1998, с. 171].

В мемуарной литературе принято начинать с *воспоминаний о детстве*, которые, как правило, являются не только частью личной, но и семейной памяти, ср.:

(1) Из дома родительского вынес я лишь **драгоценные воспоминания, ибо нет драгоценнее воспоминаний у человека, как от первого детства его в доме родительском**, и это почти всегда так, если даже в семействе хоть только чуть-чуть любовь да союз (*Ф. Достоевский. Братья Карамазовы*).

(2) **Мемуары принято начинать с воспоминаний о детстве** (*Н. Воронеть. Без прикрас. Воспоминания*).

2. *Воспоминания о детстве*, включая в себя компонент *детство*, имеют положительные коннотации.

В социуме детство рассматривается как особый возраст, и ребенку придан особый статус, причем отношение к детству, а следовательно, и социокультурные коннотации различались в разные периоды времени.

> Р. Барт в «Мифологиях» описывает разные концепции детства, сменявшие друг друга во времени: «Во времена Паскаля его [детство. *Н Б*] рассматривали как потерянное время задача была в том, чтобы как можно скорее из него вырасти. Начиная с романтической эпохи (т. е. с торжества буржуазии) нужно, наоборот, как можно дольше в нем оставаться. Любой поступок взрослого, который можно объяснить детскостью (пусть даже запоздалой), становится причастным к этому вневременному состоянию и предстает обаятельным, так как совершен авансом» [Барт 1997, с. 196].

Детство воплотило в себя миф о первоначале, о Золотом веке. Началу часто приписываются свойства неомраченности и поэтичности. Ср. словосочетания и клишированные высказывания: *счастливое, беззаботное, безмятежное, безоблачное... детство*; *Детство — это счастливая пора*; *Детство — это самая счастливая пора в жизни человека*. Соответственно *воспоминания детства* — это счастливые воспоминания. Это показывает, в частности, сочетаемость с прилагательными: *яркие, сладкие, трогательное, поэтическое, дорогие, незабываемые, нежные, прекрасное, счастливое, приятные... воспоминан(ия)ие детства*. Ср. также:

(1) **Все воспоминания детства с их безмятежными, озаренными мягким светом картинами, все лучшие часы и даже мгновения**

моего прошлого, как нарочно, восставали передо мной самыми симпатичными, ласкающими своими сторонами (*М. Салтыков-Щедрин. Святочный рассказ*).

(2) Загадочно-болезненное блаженство не изошло за полвека, если и ныне возвращаюсь к этим первичным чувствам. Они принадлежат гармонии моего совершеннейшего, счастливейшего детства, — и в силу этой гармонии, они с волшебной легкостью, сами по себе, без поэтического участия, откладываются в памяти сразу перебеленными черновиками. Привередничать и корячиться Мнемозина начинает только тогда, когда доходишь до глав юности (*В. Набоков. Другие берега*).

Восприятие детства как счастливого времени, вероятно, связано с тем, что у детей нет памяти, т. е. нет прошлого; нет отрицательного опыта. В числе причин человеческого несчастья Ницше называл неспособность к забвению. *Детство* — это время, когда неспособность к забвению еще не появилась; ребенку, как правило, мало что забывать.

3. *Воспоминания о детстве* относятся к далекому прошлому.

Воспоминания о детстве имеют не только важный компонент 'первые воспоминания', они также концептуализируются как воспоминания об отдаленном прошлом. Сочетание может расширяться: *воспоминания о далеком, давно ушедшем детстве*. Свидетелей далекого прошлого становится с годами все меньше и меньше и в силу этого воспоминания кажутся менее и менее реалистичными, ср.:

> «Поскольку они принадлежат мне и только мне, и я не могу разделить их с другими, воспоминания кажутся мне нереальными», — «так чувствует себя Уоллес Стегнер (Stegner), вернувшись в дом своего детства в прерии и обнаружив, что "не осталось никого, с кем я ходил в школу, ни одного человека, с кем я мог бы разделить свои воспоминания» детства. «Я лелеял эти воспоминания годами, как будто так все на самом деле и было, я превратил их в рассказы и романы. А теперь они кажутся недостоверными и обманчивыми... так мало у меня доказательств того, что я сам пережил то, что помню... Иногда мне кажется, что я помню не то, что было на самом деле, а то, что сам написал» (цит. по: [Лоуэнталь 2004, с. 310—311]).

Стереотипно *воспоминания о детстве* описываются как яркие, неизгладимые. Однако, как это видно из приведенного отрывка, существует также определенное противостояние мифу о неизгладимости и абсолютной достоверности воспоминаний детства. Выражается сомнение: всегда ли человек оказывается в состоянии сам отличить первичные воспоминания (воспоминания о событиях) от вторичных (памяти

об этих воспоминаниях, «голое воспоминание» Вордсворта от «послемышления» (цит. по: [Лоуэнталь 2004, с. 310]). Ср. также:

> **Воспоминания моего детства** — не страшного, нормального, даже благополучного детства — это **на две трети чужие воспоминания о моем детстве и о времени моего детства, присвоенные моей памятью и моим воображением** (*А. Дмитриев. Закрытая книга*).

Таким образом, следующие компоненты: 'первое', 'относящееся к детству', 'далекое', — формируют коннотативный фон *воспоминаний детства / о детстве, памяти детства.*

§ 4. Память и любовь. «Образ незабвенный»

Области концептуального согласования *памяти, любви и верности.* К выделенным местам памяти относится *любовь*. Любимый обладает обязательным свойством незабвенности: память любящего хранит *образ незабвенный, незабвенные черты*. Фраза: *Я тебя никогда не забуду*, сказанная любящим, например, при расставании, синонимична фразе: *Я тебя буду всегда любить*. *Любовь* концептуализируется в языке и культуре как абсолютное начало, существующее само по себе: вне зависимости от желания человека и помимо его воли. Ее невозможно *забыть/предать забвению, выбросить из сердца*... Концептуальные связи между *памятью* и *любовью* показывают, что *любовь* относится к выделенным местам *памяти*.

Власть *памяти* над человеком рождает чувство несвободы. Образ *любовного плена* имеет достаточно ясную мотивацию: он связан с *памятью*, с невозможностью *забыть*. Освобождение от любви соответственно ассоциируется с забвением, ср.:

> (1) «Тогда, прошу тебя, отпусти меня, дай мне наконец **свободу жить, дышать воздухом**». Маргарита Николаевна отвечала за него: «Ты свободна... Разве я держу тебя?», потом возражала ему: «Нет, что это за ответ! Нет, **ты уйди из моей памяти, тогда я стану свободна**» (*М. Булгаков. Мастер и Маргарита*).
>
> (2) [Трактирщик.] Спокойной ночи. Только не найти его тебе, нигде не найти тебе покоя. Запрись в монастырь **одиночество напомнит о ней**. Открой трактир при дороге — **каждый стук двери напомнит тебе о ней** (*Е. Шварц. Обыкновенное чудо*).
>
> (3) — Я так страдаю! — продолжала она, не слушая его. **Я все время думала только о вас, я жила мыслями о вас. И мне хотелось** завыть, **забыть**, но зачем, зачем вы приехали? (*А. Чехов. Дама с собачкой*).

Невозможность забыть связана с регулярным припоминанием любимого, воспоминанием о нем. Фразы: *здесь все напоминает мне о тебе, я часто думаю о тебе, дня не проходит, чтобы я не вспомнила тебя...* — описывают процесс, который Р. Барт назвал «частым пробуждением от забытья», ср.:

> Что же это значит — «думать о ком-то»? Это значит забывать его (без забвения жизнь просто невозможна) и часто пробуждаться от этого забытья. Очень многое по ассоциации возвращает тебя в мой дискурс. Не что иное, как эту метонимию, и значит «думать о тебе». Ведь сама по себе мысль эта пуста: я тебя не мыслю — я просто-напросто заставляю тебя возвращаться (ровно постольку, поскольку тебя забываю) [Барт 1999, с. 261—262].

Это согласуется с мыслью М. Пруста: «Поскольку Привычка все ослабляет, лучше всего напоминает нам о человеке именно то, что было забыто». Любовь/влюбленность, выражаемая в частом припоминании любимого человека, описаны в художественных текстах, ср.:

(1) Почему-то часто **в течение лета вы приходили мне на память** и сегодня, когда я собиралась в театр, мне казалось, что я вас увижу (*А. Чехов. О любви*).

(2) **«Люблю, люблю, люблю», — раздалось вдруг опять в памяти, и сердце начинало согреваться**, но вдруг опять похолодело. И это троекратное «люблю» Ольги — что это? Обман ее глаз, лукавый топот еще праздного сердца; не любовь, а только предчувствие любви! (*И. Гончаров. Обломов*).

Соответственно любовь ассоциируется с хранением в памяти «образа незабвенного», а конец любви предполагает забывание/забвение: чувства уходят вместе с памятью о любимом, ср.:

Голова действительно кружилась у Санина — и над всем этим вихрем разнообразных ощущений, впечатлений, недосказанных мыслей **постоянно носился образ Джеммы**, тот **образ**, который **так неизгладимо врезался в его память** в ту теплую, электрически-потрясенную ночь, в том темном окне, под лучами роившихся звезд! (*И. Тургенев. Вешние воды*).

Память-любовь создает эффект постоянного присутствия любимого человека. Разъединенность в пространстве и во времени оказывается преодоленной, ср.:

(1) Но я тут же почувствовал, что, **сколько бы я ни жил, забыть это движение, взгляд, улыбку** Зинаиды было для меня навсегда невозможно, что **образ ее**, этот новый, внезапно представший передо

мною образ, **навсегда запечатлелся в моей памяти** (*И. Тургенев. Первая любовь*).

(2) Во мраке сквера, едва задетого веером уличного света, красавица, которая вот уже лет восемь все отказывалась воплотиться снова (**настолько жива была память о первой любви**), сидела на пепельной скамейке, но когда он прошел вблизи, то увидел, что это сидит тень ствола (*В. Набоков. Дар*).

Хранитель может иметь несколько семантизаций: 'тот, кто помнит', 'тот, кто любит и остается верен', 'тот, кто коллекционирует'. Все три семантические интерпретации импликативно связаны друг с другом. Здесь хранитель рассматривается, прежде всего, как 'тот, кто любит и остается верен', а следовательно, 'помнит'. *Хранение воспоминаний и образа любимого человека* импликативно связано с *верностью любви*; ср. *хранить в памяти образ кого-л.*, *хранить любовь к кому-л.*, *хранить верность кому-л. Неверность*, *измена кому-л.* концептуально согласуются с *забвением* (долга, обещаний, клятв).

Концептуальное согласование *памяти*, *любви* и *верности* проявляется в ситуации хранения памяти об умершем возлюбленном / умершей возлюбленной. Можно *оставаться верным / верной памяти кого-л.*, *сохранять верность памяти кого-л.*, ср.:

(1) Я не знаю, что со мною будет, но **я и после смерти Д. останусь верна его памяти, делу всей его жизни** (*И. Тургенев. Накануне*).

(2) И девицы, и вдовы, молодые и старые, строили ему куры, но он не захотел жениться во второй раз отчасти потому, что **сохранял верную привязанность к памяти жены**, а еще больше потому, что не хотел давать мачеху Кате, которую очень любил (*Н. Чернышевский. Что делать?*).

(3) И **память юного поэта** // **Поглотит медленная Лета**, // **Забудет мир меня; но ты** // Придешь ли, **дева красоты**, // Слезу пролить над ранней урной (*А. Пушкин. Евгений Онегин*).

Память и образы, ею созданные или в нее включенные, конкурируют с жизнью: можно *жить памятью о ком-чем-л.*, *ревновать кого-л. к памяти кого-л.*, ср.:

Это бывало только тогда, когда, как теперь, возвращался муж, когда выздоравливал ребенок или когда она с графиней Марьей вспоминала о князе Андрее (с мужем она, предполагая, что он **ревнует ее к памяти князя Андрея**, никогда не говорила о нем), и очень редко, когда что-нибудь случайно вовлекало ее в пение, которое она совершенно оставила после замужества (*Л. Толстой. Война и мир*).

Хранение воспоминаний часто получает выражение в хранении вещей, поскольку вещи близкого/любимого человека семиотичны: они

регулярно напоминают, «пробуждают от забытья». Хранение памятных вещей лежит в основе дискурсивных практик памяти-любви[16]. Существует некоторый набор стереотипов памятных вещей, который сложился под влиянием романтического дискурса: *медальоны с портретом любимого / любимой, медальоны с прядью волос; засушенные цветы (в память о встрече, о романтическом свидании); фотографии, подаренные на память* и т. д. Ср.

(1) На самом деле **она спрятала один небесный одуванчик в укромном месте** да еще и посылала украдкой взоры вслед улетевшему, превратившемуся уже в точку самолету, вдохновляла его мотор. **Какая женщина не оставит у себя памяти о таком волнующем эпизоде в ее жизни?** (*В. Аксенов. Затоваренная бочкотара*).

(2) Так пропадите же вы пропадом **с вашей обгоревшей тетрадкой и сушеной розой**! Сидите здесь на скамейке одна и умоляйте его, чтобы он **отпустил вас на свободу, дал дышать воздухом, ушел бы из памяти!** (*М. Булгаков. Мастер и Маргарита*).

(3) И польстился корыстью Бородатый: нагнулся, чтобы снять с него дорогие доспехи, вынул уже турецкий нож в оправе из самоцветных каменьев, отвязал от пояса черенок с червонцами, снял с груди сумку с тонким бельем, дорогим серебром и **девическою кудрею, сохранно сберегавшеюся на память** (*Н. Гоголь. Тарас Бульба*).

Вещи, напоминающие о любимом, как правило, включаются *в ближнее пространство*: медальон с изображением, с прядью волос носили на груди; фотографии носят в бумажнике, ставят на рабочем столе и т. д. Вещи, которые постоянно находятся рядом, символически аннулируют разлучающее пространство. *Образ незабвенный* хранится в памяти и овеществляется посредством предметов, которые наделены знаковой функцией. В этом смысле можно говорить об овеществлении памяти как одном из важных проявлений механизма запоминания.

Выше было сказано о стереотипе памятных вещей, однако любая вещь может стать памятной и знаковой. Особенно это касается ситуации хранения верности и любви к умершему/умершей, выражаемой в хранении любых напоминающих о нем / о ней вещей, ср.:

Владимир уже **не существовал: он умер в Москве**, накануне вступления французов. **Память его казалась священною для Маши**; по крайней мере она **берегла все, что могло его напомнить: книги, им некогда прочитанные, его рисунки, ноты и стихи, им переписан-**

[16] См. также часть I, гл. 5, § 5. *Механизмы воспоминания: вещь ⇒ образ*, подраздел: *Символическая роль памятных вещей.*

ные для нее. Соседи, узнав обо всем, дивились ее постоянству и с любопытством ожидали героя, долженствовавшего наконец восторжествовать над **печальной верностию** этой девственной Артемизы (*А. Пушкин. Метель*).

Последняя встреча. Прощание перед разлукой. В языке и культуре особо выделена последняя[17] прощальная встреча/свидание накануне разлуки/расставания. Она содержит нарративное ожидание: о ней принято рассказывать, ей предписано быть особенной. Она характеризует отмеченную социокультурную ситуацию намеренного запоминания. При расставании/прощании говорят: *Так хочется удержать все это в памяти!* Человек *бросает прощальный взгляд*, и запечатленный образ переходит в память. Фразы: *таким он и остался в памяти*; *таким он и запомнился*; *такой и сохранила ее память*, — служат вводом к описанию образа, картины прошлого. Они обозначают последнее (прощальное) впечатление, сохраненное памятью. По смыслу оно близко «прощальному снимку», «снимку на память». Ср.:

(1) **Ася осталась в моей памяти той самой девочкой**, какою я знавал ее в лучшую пору моей жизни, **какою я ее видел в последний раз**, наклоненной на спинку низкого деревянного стула (*И. Тургенев. Ася*).

(2) Теперь же **воздух ветхости и прощальной памяти** стоял над потухшей пекарней и постаревшими яблоневыми садами (*А. Платонов. Котлован*).

Ритуал прощания-запоминания включает также дарение, обмен подарками[18]. Даря, мы говорим: *это тебе на память*; пишем: *на добрую память*. *Подарки на память*[19], являясь овеществленной памятью, выполняют символическую функцию. То, что быстро исчезает (конфеты, цветы) и не оставляет по себе памяти, по мнению многих, не считается настоящим подарком. Особенно это относится к подаркам на память, которые предназначены для длительного хранения. *Подарки на память* могут наделяться магической функцией оберега, ср.:

(1) ...Там волшебница, **прощаясь, мне вручила талисман** (*А. Пушкин. Талисман*).

(2) ...Лилейная рука тебя мне поднесла **в знак памяти** в минуту расставанья (*М. Лермонтов. Кинжал*).

---

[17] О семантике *последний* см.: [Арутюнова 1998, с. 711 721; Спиридонова 2002].

[18] См. также часть I, гл. 5, § 5. *Механизмы воспоминания*: *вещь => образ.*

[19] Ср.: *сувенир* souvenir буквально 'воспоминание, память'.

(3) [Нина.] **Мы расстаемся и... пожалуй, более уже не увидимся. Я прошу вас принять от меня на память вот этот маленький медальон. Я приказала вырезать ваши инициалы... а с этой стороны название вашей книжки: «Дни и ночи».** [Тригорин.] Как грациозно! (Целует медальон.) Прелестный подарок! [Нина.] Иногда **вспоминайте обо мне.** [Тригорин.] **Я буду вспоминать** (*А. Чехов. Чайка*).

Окончание любви связано с забыванием/забвением. Оно может происходить «естественным путем» под влиянием времени и каких-либо обстоятельств, ср.:

(1) Она бы потосковала еще о своей неудавшейся любви, **оплакала бы прошедшее, похоронила бы в душе память о нем,** потом... потом, может быть, нашла бы «приличную партию», каких много, и была бы хорошей, умной, заботливой женой и матерью, а прошлое сочла бы девической мечтой и не прожила, а протерпела бы жизнь (*И. Гончаров. Обломов*).

(2) Он прильнул губами к нежной руке и вдохнул давно знакомый запах ее кожи. Господи, как он ее любил когда-то! И куда, интересно, все девается? **Чувства уходят, память уходит, даже желания пропадают.** А ведь как мучился, страдал, ночей не спал (*А. Маринина. Реквием*).

Окончание любви может происходить внезапно и неожиданно для одного или обоих участников ситуации. В этом случае происходит разрыв отношений, который влечет за собой намеренное забывание: *Ты отдала свою судьбу другому // И я **забыл прекрасное лицо**...* (*А. Блок. О доблести, о подвигах, о славе...*).

Механизм забывания, вычеркивания из памяти, который сопровождает разрыв, как правило, связан с репрессией в отношении памятных вещей. *Памятные вещи* перемещают с ближнего в дальнее пространство; их выбрасывают, уничтожают: *чтобы ничего не напоминало...* Вещи возвращают их первоначальному владельцу. Например, фотографии бывш(его)ей возлюбленн(ого)ой убирают подальше, возвращают дарителю или уничтожают: *Я возвращаю Ваш портрет / Я о прощенье не молю...*; *Твое лицо в его простой оправе // Своей рукой убрал я со стола* (*А. Блок. О доблести, о подвигах, о славе...*).

Механизмы памяти-забывания шутливо обыгрывает А. П. Чехов в пьесе «Медведь». Героиня пьесы, желая подчеркнуть верность умершему мужу, просит слугу дать любимой лошади мужа лишнюю осьмушку овса. Внезапно влюбившись, она отменяет свое распоряжение и приказывает в этот день вообще не давать лошади овса.

Персонифицированные образы памяти-любви. В художественных текстах женщина, которая ждет и хранит верность герою, покинув-

шему дом, обретает черты персонифицированной памяти. Женская память-любовь и память-верность сохраняет в целостности образ героя и образ далекого прошлого (плюсквамперфекта). Это позволяет ему, вернувшись после долгих странствий, сохранить тождественность самому себе. Благодаря женской памяти-любви он возвращается к своим истокам, к началу своего пути. К персонифицированной женской памяти можно отнести таких героинь как *Пенелопа* и *Сольвейг*.

Любовь, проявляющая себя исключительно как *хранение памяти о любимом*, описана в лирической песне Новеллы Матвеевой «Девушка из таверны». Это — *платоническая любовь*, чистой реализацией которой является *хранение памяти*, ср.:

> Любви моей ты боялся зря, // Не так я страшно люблю. // Мне **было довольно видеть тебя**, / **Встречать улыбку** твою. / А если ты уходил к другой, / Или просто был неизвестно где, / Мне **было довольно** того, что твой / **Плащ висит на гвозде.** / Когда же, наш беспокойный гость, / **Ты умчался**, новой судьбы ища, / Мне **было довольно** того, что **гвоздь // Остался после плаща.** // Теченье лет, шелестенье дней, / И снег, и ветер, и дождь... / А в доме событья страшней: **Из стенки вынули гвоздь.** / И снег, и ветер, и шум дождя, / Теченье дней, шелестенье лет... / Мне **было довольно**, что **от гвоздя // Остался маленький след.** / Когда же и **след от гвоздя исчез** // Под кистью старого маляра, Мне было довольно того, что **след // Гвоздя был виден вчера.**

Здесь дано последовательное стирание образа: человек — его вещь — вещь, связанная с его вещью — след от вещи, связанной с его вещью — воспоминание о следе от вещи, связанной с его вещью.

Эту цепочку также можно рассматривать как последовательность референциальных отсылок, через которые память возвращает образ любимого. С течением времени цепочка удлиняется на одно звено, но ее целостность обеспечивает возможность возврата образа любимого. Это обусловливает сам факт существования любви: пока хранится в памяти такая цепочка (без разрывов и выпавших звеньев), любовь имеет продолжение. Сохранение образа исчезнувшего следа (след, который «был виден вчера») — опорная точка памяти-любви.

В качестве небольшого комментария отмечу, что описанное здесь стирание образа сходно с процессами, происходящими в языке. Стершиеся метафоры — это след образа, который «был виден вчера» и это — достаточное условие для его оживления.

Мужская память-любовь стереотипно проявляется в увековечивании образов возлюбленных в литературе и искусстве. Существует общее суждение: 'то, к чему прикоснется рука гения, принадлежит

вечности и, следовательно, памяти'. Увековеченное имя возлюбленной гения становится культурно-языковым стереотипом: *Наталия Гончарова, Анна Керн, Беатриче, Лаура, Анабел Лее, Августа, Лесбия* (возлюбленные поэтов); *Белла, Саския* (возлюбленные художников).

Возлюбленная гения имеет культурные коннотации. Ей приписана (в литературном типе дискурса) роль *музы, вдохновительницы, друга, помощницы, адресата творчества.*

В заключение отмечу следующее. Любовь концептуализируется как невозможность забыть любимого человека, она связана с регулярным припоминанием любимого, воспоминанием о нем. Хранение в памяти образа любимого/любимой согласуется с хранением верности и любви к нему / к ней; окончание любви — с забыванием/забвением. С этим также связаны ритуалы дарения *на память* и хранения памятных вещей. *Любовь, образ незабвенный* является особо выделенным местом памяти.

§ 5. Интерпретативная функция памяти. Память и воображение

Память и воображение: общее и отличное. *Память* и *воображение*, не являясь синонимами, обнаруживают семантическую близость. Их толкования имеют сходные компоненты, ср.:

> *Память* 'Способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления'. *Воображение* 'Способность воображать, мысленное воспроизведение чего-н., фантазия' [Ушаков 1935; 1939, т. 1, 3]. *Память* 'Способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления'. *Воображение* 'Мысленное воспроизведение кого-, чего-л. в уме' [МАС 1981, т. 1].

И *память*, и *воображение* отвечают за 'мысленное воспроизведение чего-л.' С их помощью осуществляются мыслительные операции. Оперируя образами (*во-ображение*; *образы памяти*), они оказываются сближенными по характеру деятельности.

Память и *воображение* имеют общие предикаты: *память/воображение восстанавливает что-л., работает, воспроизводит что-л.*[20];

---

[20] Новый объяснительный словарь синонимов отмечает, что глагол *воображать* сочетается с глаголами, обозначающими усилие или попытку: *пытаться вообразить*, а также с наречиями, описывающими количество усилий, затраченных на формирование образа: *легко/трудно вообразить*

кто-л. развивает, напрягает... память/воображение; вызывать кого-что-л., видеть кого-что-л. в памяти/в воображении; в чьем-л. воображении / в чьей-л. памяти появилось, возникло что-л.; что-л. тревожит память/воображение...

Память и *воображение* часто употребляются в пределах одной фразы; связываются сочинительной связью с помощью соединительного и разделительного союзов *и, или*. *Воображение* может концептуализироваться: как деятельная часть *памяти*; как место появления *воспоминаний*; деятельность *воображения* может обусловливаться *воспоминаниями*.

Обозначая место появления (актуализации) *воспоминаний*, *память* и *воображение* могут взаимозаменяться. Рассмотрим примеры.

1) Являясь семантически смежными, *память* и *воображение* часто употребляются в пределах одной фразы, ср.:

(1) Подобно последним лучам заходящего солнца, **прошлое скользит по моей памяти, освещает ее и оживляет в воображении многое из забытого** (*Ф. Булгарин. Воспоминания*).

(2) **В памяти** у нее была недлинная темноватая галерея, череда всех лиц, чем-либо **задевших ее воображение** (*В. Набоков. Защита Лужина*).

(3) **С фантастичностью его памяти** могла **соперничать только фантастичность его воображения** (*Ф. Искандер. Поэт*).

(4) Попробуйте **вспомнить память, вообразить воображение, подумать саму мысль** (*А. Битов. Жизнь без нас*).

(5) Когда **воображение гаснет, память тупеет**, охота пропадает (*Ф. Вигель. Записки*).

(6) Ведь жизнь образов в его произведении обусловлена сознанием писателя, его **памятью, воображением, опытом**, всем строем его души (*К. Паустовский. Золотая роза*).

(7) А если **закипит** еще у него **воображение, восстанут забытые воспоминания, неисполненные мечты**, если в совести зашевелятся упреки за прожитую так, а не иначе, жизнь — он спит непокойно (...) (*И. Гончаров. Обломов*).

2) Являясь понятиями рядоположенными, они часто соединяются сочинительным союзом *и*, ср.:

(1) Люди из прошлого, объекты **памяти и воображения** (*М. Палей. Long Distance, или Славянский акцент*).

[Апресян 2004в, с. 138]. Это свойственно и глаголам памяти: *пытаться вспомнить, припомнить, запомнить; легко/трудно вспомнить, припомнить, запомнить.*

(2) Он говорил о творчестве как о величайшем бунте, о природе ума, **о памяти и воображении**, смерти и бессмертии, об Абсолюте, о красоте бесформенного, неосязаемого, непостижимого ⟨...⟩ (*М. Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию*).

(3) И сам предмет рассказа предстает перед читателем высвеченным с разных сторон яркими софитами **авторской памяти и воображения** (*И. Ефимов. Сергей Довлатов как зеркало Александра Гениса*).

(4) Этот визуальный мир воспроизводился **из памяти и воображения** юноши, которые рождались от восприятия тифлисского культурного мира (*Р. Ангаладян. Параджанов: коллаж тени и цвета в диапазоне одного человеческого сердца*).

(5) **Память и воображение**, таким образом, могут оказаться в той же нерасторжимой, взаимоисключающей связи, как жизнь и смерть (*А. Битов. Жизнь без нас*).

Она с простотою и добродушием Гомера, с тою же животрепещущею верностью подробностей и рельефностью картин влагала в **детскую память и воображение** Илиаду русской жизни ⟨...⟩ (*И. Гончаров. Обломов*).

3) На рядоположенность *памяти* и *воображения* указывает то, что в некоторых контекстах они связаны отношениями взаимозаменяемости и употребляются с союзом *или*, ср.:

(1) Таня **напрягла память, или воображение, или еще какой-то орган, отвечающий за ночную жизнь сознания**, и вспомнила: да, и во сне есть музыка, только ее невозможно упомнить (*Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света*).

(2) Пишут или **из памяти, или из воображения**; но что такое **воображение, как не память, вскипяченная, улетученная пламенем сердца**? (*А. Бестужев-Марлинский. Он был убит*).

(3) — Но позвольте, — сказал я, с недоумением смотря направо, — тут должен быть еще второй пруд, потом третий. — Нет, дорогой князь, на этот раз **память или воображение вам изменяют**. Другого пруда нет (*А. Апухтин. Между жизнью и смертью*).

4) *Воображение* может восприниматься как деятельная часть *памяти*, участвующая в появлении *воспоминания*. Процессы *припоминания, воспоминания* описываются в этом случае как результат работы *воображения*: *воображение восстанавливает, выхватывает воспоминания* [*из памяти*]; *воображение основано на памяти. Память* при этом употребляется в метафорическом значении ‘хранилища’, ср.:

(1) **Вспоминая все, что произошло вчера, до малейших подробностей**, он прислушивался с удивлением к тону ее «нового» голоса,

который **восстановило в его памяти воображение** (*В. Короленко. Слепой музыкант*).

(2) Какие-то смутные **воспоминания бродили в его памяти**; минуты из далекого детства, которые **воображение выхватывало из забвения прошлого**, оживали в виде веяний, прикосновений и звуков (*В. Короленко. Слепой музыкант*).

(3) Он пробовал больше заниматься, но ему наука не шла в голову, книга не читалась, или пока глаза его читали, **воображение вызывало светлые воспоминания былого**, и часто слезы лились градом на листы какого-нибудь ученого трактата (*А. Герцен. Кто виноват?*)

(4) **Воображение основано на памяти**, а память — на явлениях действительности (*К. Паустовский. Золотая роза*).

(5) Без всякого **насилия воображения, воспоминания приходили сами собой**, наплывали одно за другим (*Д. Григорович. Недолгое счастье*).

(6) **Отыскивая в памяти эту минуту** перелом в Зоином настроении, Роллинг **напрягал воображение**, привыкшее к совсем другой работе (*А. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина*).

5) Возможна и обратная связь: *воспоминания* инициируют деятельность *воображения*, ср.:

(1) И тут же он подумал, что ничего похожего в реальности не может быть, что все это и доверчиво-беспомощное выражение ее лица, и излучение робкой вины лишь результат **воображения, всколыхнутого воспоминаниями** его военной молодости: ведь внешне она изменилась так, что он не узнал ее... (*Ю. Бондарев. Берег*).

А в этом хламе было много очень любопытных документов, из которых два особенно резко **запечатлелись в ее памяти**, сильнее других затронув **детское воображение** (*Е. Дашкова. Записки*).

6) В ряде контекстов (бóльшая часть которых относится к XIX веку) *воображение* интерпретируется как место появления *воспоминаний*. Это сближает его с *памятью*, ср.:

(1) Я дремал, и **в моем воображении возникали** какие-то легкие, светлые и прозрачные **воспоминания**... (*Л. Толстой. Детство*).

(2) По мере удаления от предметов, связанных с **тяжелыми воспоминаниями, наполнявшими до сей поры мое воображение, воспоминания эти теряют свою силу и быстро заменяются отрадным чувством сознания жизни**, полной силы, свежести и надежды (*Л. Толстой. Отрочество*).

(3) Так, **воспоминания о прошлом**, картины не менее страшного настоящего постепенно **сменялись в его воображении** своеобразными «воспоминаниями о будущем» человечества (*М. Сидур. Послание из Атлантиды*).

(4) Но на этот раз это перечисление не бытовых деталей, **а поэтических воспоминаний** и ассоциаций, которые **возникают в воображении** писателя при скрипе дверей простого деревенского дома (*Ф. Раскольников. Статьи о русской литературе*).

Рассмотренные примеры показывают, что отношения между *памятью* и *воображением* несколько более близки, чем это до сих пор отмечалось словарями[21].

Между *памятью* и *воображением*, однако, есть существенные отличия. *Память* с равной степенью легкости концептуализируется и как деятельное (*в памяти возникают, всплывают... воспоминания*), и как статичное пространство (*память хранит... воспоминания*). *Воображение* описывается по преимуществу как деятельное пространство. На это указывает также большинство его эпитетов: *горячее, дерзкое, пылкое, живое, разгоряченное, распаленное, экзальтированное, страстное, пламенное, нетерпеливое ...воображение.* Метафора хранения не свойственна *воображению.*

Деятельность *воображения* реализуется (преимущественно) в создании, деятельность *памяти* — в воссоздании образа. *Воображение*, как правило, «работает "с нуля"». Напротив, *память* как бы имеет заранее свои «заготовки»: *следы, отпечатки, образы, картины...*

И *память*, и *воображение* концептуально согласуются с *творчеством.* Однако, поскольку в современном восприятии *творчество* связано, в первую очередь, с созданием нового, а не с воспроизведением канона, то отношения между *воображением* и *творчеством* более эксплицитно выражены в сочетаемости, чем отношения между *памятью* и *творчеством*, ср.: *творческое, поэтическое, художественное, неиссякаемое, неистощимое, вдохновенное, романтическое... воображение.*

Границы *памяти* совпадают с границами прошлого. У *воображения* как бы нет границ, с ним сложно совладать, его трудно контролировать, и это согласуется с концепцией свободы творчества, ср.: *не-*

---

[21] Новый объяснительный словарь синонимов указывает на семантическое сближение *воображения и памяти*, поскольку *воображение* способно воссоздавать то, что субъект воспринимал в прошлом. Вызывает, однако, возражение следующее утверждение: «...образы, создаваемые воображением, в отличие от образов, всплывающих в памяти, не ощущаются субъектом как воспоминания, т. е. как то, что целиком осталось в прошлом» [Урысон 2004а, с. 140]. Примеры показывают, что возникающие в воображении картины могут быть названы воспоминаниями и относиться к прошлому.

обузданное, безудержное, буйное, бурное... воображение; простор для воображения; обуздать воображение. Это отмечает Е. О. Опарина в комментарии к словарной статье *Воображение*, ср.:

> В способе концептуализации качественно-количественных и предикативных параметров воображения прослеживается метафора дикого животного, с трудом поддающегося управлению со стороны человека. Возможно, это восходит к мифу о крылатом коне Пегасе (ср. *необузданное, резвое воображение, держать свое воображение в узде, полет воображения*), связанному с концептом *вдохновения*. Воображение, как и вдохновение, неотъемлемая составляющая творческого процесса (ср. *творческое, научное, поэтическое воображение*) [Брагина, Ефимова, Опарина, Сандомирская (рукопись)].

Устойчивые словосочетания проявляют отношение *памяти* к действительности. Они актуализируют связь *памяти* с реально происходившими событиями, с тем, что имело место, ср.: *в памяти откладывается, запечатлевается, фиксируется, остается что-л.*; *по памяти восстанавливают, воспроизводят, воссоздают, рисуют что-л., читают, цитируют что-л.* и др. *Память* (в отличие от *воображения*) свидетельствует. Она соотносится с категориями истинности, подлинности и эвиденциальности, *воображение* — с ирреализом. С этим, по-видимому, связано отсутствие у *памяти* игрового начала. Хотя ментальная деятельность может иметь игровой характер[22], ср.: *игра мысли, игра ума, игра воображения*; *воображение разыгралось*, — словосочетание *игра памяти* допустимо только как окказиональное, используемое в стилистических целях. Чаще в текстах встречаются словосочетания *капризы, причуды памяти.* Они также окказиональны, ср.:

> В другой раз ему довелось пережить состояние полета над землей под легкими полупрозрачными крыльями, и это уже невозможно было объяснить **причудами памяти или игрой воображения:** он никогда не летал на дельтаплане и не мог знать деталей его устройства (*Н. Подольский, Книга Легиона*).

Словосочетания *память изменяет, подводит* описывают болезнь памяти[23] (*слабеющая память*), *амнезию*, т. е. возникновение большо-

---

[22] Не вполне оправдано, на мой взгляд, вынесение за ромб сочетания *игра воображения* в толковых словарях [Ушаков 1935, т. 1; МАС 1981, т. 1; Ожегов, Шведова 1995].

[23] См. часть I, гл. 2, § 2. *Телесность памяти*, подраздел: *Память телесный орган.*

го числа *пробелов* и *провалов в памяти*. *Плохая память* деформирует прошлое. При этом сохраняется пресуппозиция, что *хорошая память* его не искажает, или эти искажения не принимаются в расчет.

Концептуально согласуясь с *разумом*, *знаниями*[24], *опытом*, *память* выступает как авторитетный и достоверный источник информации.

> О *памяти* как о более авторитетном, чем *воображение*, источнике, пишет Д. Томпсон: «Главное различие между воображаемыми и вспоминаемыми событиями или состояниями состоит в том, что последние как знаки чего-то, реально произошедшего или существовавшего, воспринимаются как образы реальности, фактов или истин и таким образом указывают на убеждения или знания. Поэтому память имеет гораздо более авторитетный гносеологический статус, чем воображение» [Томпсон 2000, с. 31].

Таким образом, *память* и *воображение* семантически и концептуально сближены. Это проявляется в словарных дефинициях. И *память*, и *воображение* оперируют образами. Они имеют общие предикаты, часто встречаются в пределах одной фразы, связываются сочинительной связью. В ряде контекстов *воображение* может замещать *память*.

Отличия у *памяти* и *воображения* также существенны. *Память* концептуализируется и как статичное, и как динамичное пространство, *воображение* — как динамичное по преимуществу. *Память* имеет границы, у *воображения* они как бы отсутствуют. *Воображение* (обычно) создает, *память* — воссоздает образ. *Память* выполняет свидетельскую функцию, она соотносится с категориями истинности, подлинности, эвиденциальности, *воображение* — с ирреализом. *Память* выступает как достоверный и авторитетный источник информации, в отличие от *воображения* она концептуально согласуется со *знаниями*, *разумом*, *опытом*.

Интерпретативная функция памяти. Образы прошлого. Рассмотренные выше отношения между *памятью* и *воображением* провоцируют некоторые вопросы: если *память* соотносится с категориями истинности, подлинности, эвиденциальности, то как она может взаимодействовать с *воображением*? И наоборот: если *воображение* относится к ирреализу, то как оно может концептуально и семантически быть сближено с *памятью*, замещать ее в ряде контекстов?

По-видимому, следует здесь иметь в виду, что в воссоздании *прошлого*, а также в процессе *творчества*[25] участвует не только

---

[24] См. часть I, гл. 2 § 3. *Память — Ум, Рассудок, Разум. Отношения конъюнкции и дизъюнкции*; § 5. *Аксиология памяти. Хорошая и плохая память.*

[25] О памяти-творчестве см. ниже.

память, но и *воображение*, иногда дополняя, иногда замещая друг друга, ср.:

(1) Действовал он расчетливо и умело, словно не в первый раз, на самом же деле нехитрая процедура **всплыла в памяти**, где-то подслушанная, где-то **достроенная воображением** (*П. Агешковский. Жизнеописание Хорька*).

(2) Он сам **выстроил ее в своем воображении с немыслимой достоверностью, и память угодливо подбросила ему реальные подробности** в виде коричневой вельветовой курточки с огромной застежкой-молнией на груди и густой россыпи розовых прыщей, сконцентрировавшейся на переносице белого и чистого лица юноши, которого и видел-то он всего один или два раза (*Л. Улицкая. Чужие дети*).

Можно говорить об интерпретативной функции памяти. Язык в его устойчивых и воспроизводимых формах (устойчивые словосочетания, клише) приписывает *памяти* свидетельскую функцию, а *воспоминаниям* — соотнесенность с реальностью *прошлого*. Вместе с тем иллюстрации, расширяющие контекстное употребление слова, показывают, что, воссоздавая *прошлое*, *память* тяготеет к ирреализу.

На характер интерпретации *прошлого* могут оказывать влияние: желания человека; актуальное настоящее; мир кажимости (*сон*, *бред*, *фантазия*). В первом случае воссоздается *желаемое прошлое*, во втором — *провидческое*, в третьем — *прошлое кажимости*. Рассмотрим примеры.

1) Желаемое прошлое: объединяет воспоминание с мечтой, воображение с памятью. Инвестиция желаний в *прошлое* осуществляется путем его коррегирования, корректировки, смещения акцентов, нюансов. Часто это служит улучшению (иногда безотчетному) образа самого себя[26]. Ср.:

(1) Он долго ходил по комнате, и **вспоминал**, и улыбался, и потом **воспоминания переходили в мечты, и прошедшее в воображении мешалось с тем, что будет.** Анна Сергеевна не снилась ему, а шла за ним всюду, как тень, и следила за ним. **Закрывши глаза, он видел ее, как живую, и она казалась красивее, моложе, нежнее, чем была; и сам он казался себе лучше, чем был тогда, в Ялте** (*А. Чехов Дама с собачкой*).

(2) А перед Челкашом быстро неслись **картины прошлого, далекого прошлого**, отделенного от настоящего целой стеной из

[26] Ср. описание *воображать* в словаре синонимов: «**воображают** часто то, что приятно субъекту, тешит его самолюбие и т. д.» [Апресян 2004в, с. 136].

одиннадцати лет босяцкой жизни. (...) **Память, этот бич несчастных, оживляет даже камни прошлого и даже в яд, выпитый некогда, подливает капли меда...** (*М. Горький. Челкаш*).

(3) Но с летами **ужасы изглаживались из памяти, и в воображении жили,** и пережили молодость **только картины тропических лесов, синего моря, золотого, радужного неба** (*И. Гончаров. Фрегат «Паллада»*).

(4) На самом деле никаких запретных, заколдованных комнат в доме не существует: **воображение, память и сновидения** легко проникают сквозь запертые двери, обнаруживая за ними **то, чего хочется на самом деле, а не то, что там на самом деле** (*Ю. Буйда. Щина*).

2) Провидческое прошлое: интерпретируется «из актуального настоящего» с учетом последующих событий. *Память* соединяет *прошлое* с *актуальным настоящим* причинно-следственными отношениями. *Прошлое* мыслится как исток, начало того, что нашло выражение в актуальном настоящем: события настоящего побуждают искать в *прошлом* причину их возникновения, их зарождение. Обращаясь к *прошлому*, человек вольно или невольно корректирует образ самого себя — приписывает себе особую наблюдательность, интуицию, «вспоминает» о своем предчувствии, предугадывании ситуации и т. п. Иными словами, он приписывает себе дар предвидения. Это выражается во фразах: *Я так и знал(а)! Я так и думал(а)*; *Я это предчувствовал(а)/предвидел(а)*; *Я сразу понял(а)/почувствовал(а)* [*неладное*]. Ср. также:

(1) Чета Чернышевских, как и родители Рудольфа, как и Олина мать (...) не только не чуяла, какое нарастает событие, но с уверенностью ответила бы, (...) что все хорошо, все совершенно счастливы. Зато потом, когда все уже случилось, **обокраденная память прилагала все усилия, чтобы в былом ровном потоке** одинаково окрашенных **дней найти следы и улики будущего, — и представьте себе, находила,** так что госпожа Г. (...) вполне верила в свои слова, когда рассказывала, что давно предчувствовала беду (...) (*В. Набоков. Дар*).

(2) Затем, тонким, назидательным голосом, он принялся читать всем знакомую добролюбовскую статью, но вдруг оборвал и (...) стал чрезвычайно подробно объяснять, что Добролюбовым он де не руководил; **при этом не переставая играл часовой цепочкой, — это влепилось в память всех мемуаристов** и тогда же послужило темой журнальным зубоскалам; но, **как подумаешь, он быть может потому часы теребил, что свободного времени у него и впрямь оставалось немного** (всего четыре месяца!) (*В. Набоков, Дар*).

Смешивание образов прошлого с настоящим подробно обсуждается философами[27].

3) Прошлое кажимости: реальность прошлого смешивается с фантазиями, сном, бредом. Это происходит в ситуациях, когда граница между тем, что было и что показалось, в силу разных причин оказалась нечеткой, или нечетко осознается, или вообще отсутствует, ср.:

(1) Самого возвращения он не помнил, любопытней всего, что, быть может, предыдущее произошло на самом деле иначе, чем **многое у него в памяти было потом добавлено, взято из его бреда** (...) (*В. Набоков. Защита Лужина*).

(2) Ганин теперь **напрасно напрягал память**: первую, самую первую встречу он представить себе не мог. Дело в том, что он ожидал ее с такою жадностью, так много думал о ней в те блаженные дни после тифа, что сотворил ее единственный образ задолго до того, как действительно ее увидел, потому теперь, через много лет, ему и казалось, что **та встреча, которая мерещилась ему, и та встреча, которая наяву произошла, сливаются, переходят одна в другую незаметно, оттого что она, живая, была только плавным продленьем образа, предвещавшего ее** (*В. Набоков. Машенька*).

(3) Не знаю, **так ли было в действительности**, или уже **разыгралось не на шутку мое воображение — память предлагает вот какую картину**: посредине зала стоит длинный стол, на нем в ряд — горят костры (*М. Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию*).

Контекстные употребления, таким образом, показывают не только концептуальное сближение *памяти* и *воображения*, но и синкретизм этих концептов, способность *воображения* в определенных ситуациях частично замещать *память*. Это ведет к смещению области реального в область воображаемого, порождая в человеке неуверенность в реальности событий. Замещения подобного рода являются одним из основных источников возникновения чувства неопределенности.

Совмещение реального и воображаемого свойственно поэтам-символистам, ср.: *Никогда не забуду (он был или не был, // Этот вечер)*: *пожаром зари // Сожжено и раздвинуто бледное небо, // и на желтой заре — фонари* (*А. Блок. В ресторане*).

Память и воображение: философский, семиотический и другие типы дискурса. Философы, начиная с античности, а также семиотики и психологи сближают *память* и *воображение*. Оснований для этого может быть несколько: общая область локализации у *памяти* и

[27] См. об этом ниже.

воображения; участие *воображения* в актуализации образа прошлого (*воспоминания*); имманентно присущая *памяти* способность корригировать[28] реальность прошлого. Рассмотрим подробнее перечисленные основания.

Согласно Аристотелю, *память* и *воображение* локализуются в душе, в определенной ее части. Средневековые авторы относили *память* и *воображение* к области восприятия.

> Итак, какой части души принадлежит память, ясно: той, которой и воображение. И предметами памяти в собственном смысле являются те, которые можно вообразить, а уже по совпадению — те, которые не связаны с воображением [Аристотель 2004, с. 162].
>
> Во времена Средневековья воображение, память, здравый смысл, способность оценки или размышления мыслились как представляющие собой четыре внутренние потенции, относимых к области восприятия [Эко 2003, с. 161 162].

Память и *воображение* по существу заменяют друг друга в устной культуре. Это объясняется тем, что и *память*, и *воображение* в равной мере способны формировать образы, в которых прошлое, настоящее и будущее являются неразрывно связанными: «В устной традиции память считается архетипической формой, которую принимает воображение» [Хаттон 2003, с. 63].

Об образе, диалектично соединяющем прошлое с моментом «сейчас», пишет В. Беньямин, ср.:

> Не то, чтобы прошлое высвечивало настоящее, а настоящее высвечивало прошлое; [но сам] образ есть то, в чем происходит молниеносное соединение бывшего с [моментом] «сейчас» и вместе они образуют созвездие. Иными словами, образ есть застывшая диалектика. Ибо, в то время как соотношение настоящего и прошлого сугубо временно́е, природа соотношения бывшего и «сейчас» диалектическая — не временна́я, но образная... (цит. по: [Павлов 2005, с. 14]).

А. Бергсон связывал «пробуждение» образов прошлого с деятельностью *воображения*:

> ***Чтобы пробудить прошлое* в образной форме**[29], необходимо абстрагироваться от настоящей деятельности, нужно уметь ценить

[28] Глагол *корригировать*, употребленный в отношении *памяти*, позволяет соотнести ее деятельность с деятельностью *воображения*. *Воспоминание* при этом оказывается на границе между реальностью и ирреальностью (*воображаемой реальностью*).

[29] Здесь и далее шрифтовые выделения мои. — *Н. Б.*

> бесполезное и ***научиться мечтать***. Вероятно, только человек способен на усилие такого рода. Но уже тогда прошлое, к которому мы этим путем поднимаемся, постоянно от нас ускользает, словно ***возвращающаяся назад память*** вступает в противоречие с **другой, более естественной памятью, влекущей нас к действию и жизни** своим непрестанным движением вперед (цит. по: [Кассирер 2002, т. 3, с. 148]).

Отмечая причинно-следственную связь между *воспоминанием* и образом, А. Бергсон разграничивает область действия *памяти* и область действия *воображения*:

> *Воображать* это не то же самое, что *вспоминать*. Конечно, воспоминание, по мере того как оно актуализируется, стремится ожить в образе, но обратное неверно: просто образ, образ как таковой не соотнесет меня с прошлым, если только я не отправлюсь в прошлое на его поиски, прослеживая тем самым то непрерывное поступательное движение, которое привело его из темноты к свету [Бергсон 1992, с. 245].

Ю. М. Лотман полагает, что коррегирование реальности неотделимо от самого понятия *памяти*, ср.:

> Если взглянуть на это явление с точки зрения культурно-психологической мотивации подобного поведения (ложь, фантазии), то его можно истолковать как дублирование события и **перевод его на язык памяти не с тем, однако, чтобы зафиксировать в ней реальность, а с целью коррегирования этой реальности в более приемлемом в каком-то отношении виде**. Подобная тенденция **неотделима от самого понятия памяти** и, как правило, от того, что неправильно называется субъективным отбором фактов [Лотман 1994, с. 428].

Это утверждение согласуется с идеями М. Хальбвакса, ученика Дюркгейма, введшего в научный обиход понятие *коллективной памяти*. Прошлое, согласно М. Хальбваксу, возникает не само по себе, но является результатом культурного конструирования и изображения. Прошлое всегда обусловлено специфическими мотивами, ожиданиями, надеждами, целями и сформировано референциальными рамками современности (см.: [Ассман 2004, с. 95]).

Таким образом, можно сказать, что среду памяти создает *человек вспоминающий*. *Человек вспоминающий* — это «человек расстановки»[30] Ж. Бодрийяра, который выстраивает отношение событий и собственную роль, отчасти следуя фактам, отчасти по своей воле и желанию.

---

[30] О понятии «человека расстановки» см. часть I, гл. 3, § 3. *Среда памяти: способы формирования*.

Коррегирование прошлого хорошо иллюстрируется на примере автобиографий: «Между прошлым и настоящим, между тем, кто мы есть, и тем, кем мы себя представляем, память оперативно в качестве связующего звена включает рассказ» [Lambek, Antze 1996, с. xvii]. Автобиографии называют «возрожденным искусством памяти» [Хаттон 2003, с. 149]. Литературный критик и социолог С. Оуэн полагает, что трансформации в мемуарах происходят благодаря письму: «Читая мемуары, можно легко забыть, что мы читаем не саму память, но ее трансформацию, которая возникла благодаря письму» [Owen 1986, с. 114]. В литературном энциклопедическом словаре об автобиографии сказано следующее:

> Пишущий литературную автобиографию прибегает к вымыслу, он «дописывает» и «переписывает» свою жизнь, делая ее логичнее, целенаправленнее. Автобиография — это всегда акт преодоления уходящего времени, попытка вернуться в собственное детство, юность, воскресить наиболее значительные и памятные отрезки жизни — как бы прожить жизнь сначала; автобиографии поэтому пишутся, как правило, в зрелые годы, когда бóльшая часть жизненного пути уже позади [ЛитЭС 1987, с. 12].

Таким образом, все сходятся на том, что в мемуарной литературе и автобиографии прошлое не только воссоздается, но и создается. В него включено вспоминаемое и воображаемое.

Психологи, рассматривая отношение *памяти* и *воображения*, также отмечают, что подлинность воспоминаний не всегда может быть очевидной. Например, у человека могут возникать воспоминания, которые основаны не на реальных, а на сконструированных с помощью воображения событиях. Воображаемое воспоминание выступает как репрезентант прошлого. Образы памяти приведены в соответствие с тем, что мы знаем и во что верим. Это явление получило название «амнезия источника» [Kirmayer 1996, с. 174—175]. Существует также понятие «ложной памяти». *Ложная память* возникает вследствие желания людей стать частью истории: они отчетливо помнят ключевые исторические события, себя, свою роль и свое участие в них, однако эти воспоминания часто недостоверны [Лоуэнталь 2004, с. 312].

Краткий обзор оформившихся в разное время и в разных типах научного дискурса суждений о памяти показывает, что *память и воображение* мыслятся как близкие концепты. Их сближение проводится по разным основаниям. В художественных текстах употребление слова *память* также показывает ее концептуальную и семантическую близость с *воображением*. В устойчивых словосочетаниях, образуемых *памятью*, однако, это сближение обнаруживается в меньшей степени.

Вероятно, это связано с тем, что характерные для *памяти* метафоры «хранилище» и «текст», проявляющиеся в ее устойчивой сочетаемости, не свойственны *воображению*.

Память и воображение — воспоминание и предвидение — прошлое настоящее и будущее. *Память* и *воображение* проецируются на шкалу времени. *Предвидение* связано с *воображением*, *воспоминание* — с обращением к *памяти*. В первом случае человек конструирует *будущее*, во втором — *прошлое*. Отношение между *прошлым* и *настоящим*, *прошлым* и *будущим*, *памятью* и *воображением*, *воспоминанием* и *предвидением* оговаривается в разных типах дискурса.

В. И. Даль делает утверждение о смысловой симметрии между *памятью* и *воображением*: *Память относительно прошлого, то же, что заключенье, догадка и воображенье относительно будущего* [Даль 1955, т. 3, с. 14].

Рассматривая формы постижения человеком времени, Аристотель пишет:

> О настоящем же в момент настоящего нельзя помнить (...), но настоящее постигается ощущением, будущее предвидением, а прошедшее памятью. Значит, любая память вместе со временем [Аристотель 2004, с. 161 162].

Анри Бергсон подробно рассматривает в своей работе «Материя и память» отношения между восприятием настоящего и воспоминанием, полагая, что образы прошлого постоянно примешиваются к нашему настоящему и могут даже вытеснять его.

> Восприятие внешнего мира становится лишь поводом к воспоминанию. Восприятие настоящего и воспоминание «взаимопроницаемы»: восприятия пропитаны воспоминаниями, но воспоминание, в свою очередь, становится актуальным «только заимствуя тело какого-нибудь восприятия, в которое оно воплощается» [Бергсон 1992, с. 198]. Надо признать, таким образом, что то психологическое состояние, которое я признаю «моим настоящим» это вместе с тем сразу и восприятие непосредственного прошлого, и своего рода детерминация непосредственного будущего [Там же, с. 246].

Доказательство существования прошлого в настоящем Б. Рассел выводит из анализа высказывания:

> ...для того, чтобы знать, что мы имеем в виду под словами «то, что я вспоминаю, было», нужно, чтобы слово «то» относилось к какому-то настоящему состоянию сознания, и, вместе с тем, если только слово «было» действительно выражает то, что было, это слово «то» должно относиться к чему-то, имевшему место в прошлом.

> Таким образом, выходит, что слово «то» должно относиться к чему-то такому, что одновременно является и настоящим, и прошедшим [Рассел 1997, с. 232]. Благодаря памяти расширяется время являющегося настоящего: в сознании могут присутствовать события, которые происходили в продолжительные периоды времени. Таким образом, память расширяет время, в котором живет человек [Там же, с. 229].

Э. Кассирер отмечает, что подлинную сущность и основную функцию человеческого «разума» составляет способность «предвидеть и глядеть назад». В одном и том же акте эта способность и «дискурсивна», и «интуитивна» [Кассирер 2002, с. 145—146].

П. Хаттон [Хаттон 2003], следуя идеям А. Бергсона, различавшего два вида памяти: спонтанную и репетиционную, — говорит о том, что воспоминание раскрывает различия между прошлым и будущим. Он пишет о двусмысленности в понимании и интерпретации памяти, которая обусловлена противоречием между повторением и воспоминанием. «В повторении мы подражаем прошлому и заново переживаем творение принадлежащих ему вещей. Именно это пробуждает наш интерес к прошлому и крепче связывает нас с ним. Воспоминание раскрывает различия между прошлым и будущим. Оно создает фундамент для истории идей, или, как сказали бы сегодня, истории ментальностей» [Хаттон 2003, с. 130—131].

В работах, посвященных коллективной памяти, существует также представление о том, что она действует в обоих направлениях: как назад, так и вперед. «Память не только воссоздает прошлое, она также организует переживание настоящего и будущего, так что не имеет смысла противопоставлять "принципу памяти" "принцип надежды": они взаимообусловлены и немыслимы один без другого» [Ассман 2004, с. 43].

Воспоминание и *предвидение* сближены в литературном типе дискурса. Они рассматриваются как главные слагаемые творческого дара, особенно поэтического творчества. У. Вордсворт в автобиографической поэме «Прелюдия» писал, что в *памяти* смешивается *воспоминание* и *предчувствие* (*предвидение*). Однако *предчувствие* слишком часто завершается разочарованием, тогда как ретроспекция дает более твердую власть над реальностью. Признавая дар *предвидения* у поэта, он верил в мудрость его *памяти* еще больше [Хаттон 2003, с. 159]. «Я хотел бы увековечить дух прошлого, чтобы воскресить его в будущем», — пишет Вордсворт. «Дар воскрешать прошлое так же изумителен и драгоценен, как и дар предвидеть будущее», — указывал Анатоль Франс. В поэтической форме И. Бродский пишет о соединении в *памяти прошлого* с *будущим*: *Помни, что* ***прошлому не уложить-***

ся // Без остатка в памяти, что ему // Необходимо будущее. // твердо помни: // Только вода, и она одна, //Всегда и везде остается верной (*И. Бродский. Сан-Пьетро*).

Таким образом, восприятие человеком времени, обращение к прошлому и будущему обнаруживают определенную симметрию между воспоминанием и предвидением, их взаимодействие и взаимообусловленность.

Персонифицированные образы прошлого и будущего: старик и ребенок. Культурно-языковой образ старого человека имеет следующие импликации: богатый эмоциональный, интеллектуальный, жизненный опыт; телесная память (*морщины, рубцы, следы от ран, от болезни* и т. д.); личное локализовано в прошлом. У старого человека истекает время жизни, он представляет собой образ персонифицированного прошлого. Старость инициирует ретроспективные тексты (*воспоминания, мемуары*). Старый человек свидетельствует (*живая память, живая история*), символизирует прошлое (*живой символ эпохи*). Образ старого человека связан с подведением итогов. Его принято спрашивать о прошлом: *Расскажите, как это было?* Его «грамматика» — это глаголы прошедшего времени.

Наоборот, образ ребенка — это образ персонифицированного будущего. Эмоциональный, интеллектуальный, жизненный опыт ребенка невелик; телесная память (*морщины, рубцы...*) практически отсутствует. У ребенка есть запас времени, длиною в жизнь. Он выступает как потенциальная возможность реализовать то, что не было реализовано предыдущим поколением. В русской культуре нереализованные мечты и желания, несбывшиеся надежды родителей часто инвестируются у детей (*Пусть хоть детям будет хорошо. У меня не получилось, может быть, у него получится...*). Детство и молодость инициируют проспективные тексты. Культурно-языковой образ ребенка импликативно связан с надеждой. О ребенке принято загадывать: *Кем он станет? Каким он будет? Как сложится его жизнь? Что его ждет впереди?* Родители, близкие говорят о детях: *Хочу, чтобы он стал / был кем / каким. Хочу, чтобы у него жизнь сложилась*; *Хочу, чтобы его жизнь сложилась не так, как у меня, / чтобы он был счастливее / чтобы он был лучше / чтобы у него не было проблем.* Ср. также клишированные высказывания: *Дети — это наше будущее*; *Дети — это наша надежда. Дети должны быть лучше своих родителей. Дети не должны повторять ошибок / судьбу своих родителей.* У ребенка область личного локализуется в будущем. Его «грамматика» — это глаголы будущего времени.

Проспективные тексты относятся также и к молодым людям. Молодому человеку говорят: *у тебя все еще* [*вся жизнь*] *впереди* (обычно в ситуации утешения в связи с какой-либо неудачей, неуспехом); *До свадьбы заживет* (обычно в ситуации утешения в связи с какой-либо, как правило, не очень серьезной физической травмой: раной, ушибом, царапиной).

Память и воображение в их отношении к творчеству. Как отмечалось выше, *память* и *воображение* дополняют, а иногда замещают друг друга при описании процесса творчества.

Согласно греческой мифологии, *знание* и *искусство* своим происхождением обязаны божественной памяти. *Мнемозина*, богиня *памяти*, была матерью девяти муз. Для поэта Гесиода, *Мнемозина*, была также матерью изобретательности, кроме того, термин «мимесис» одновременно подразумевал подражание и творчество. *Мнемозина* воспринималась также как богиня *воображения*.

В разные эпохи *творчество* понималось как деятельность памяти (средневековье) и как деятельность воображения (романтическая и модернистская культура).

> Как отмечает М. Каррузерс: «Различие состоит в том, что если сейчас о гении говорится, что он обладает творческим воображением, проявляющимся в утонченных рассуждениях и оригинальных идеях, то в более ранние эпохи говорилось, что гений обладает богатой памятью, которая проявляется в утонченных рассуждениях и оригинальных идеях» (цит. по: [Гаспаров 1996, с. 108]).

Средневековые авторы также рассматривали взаимодействие *памяти* и *воображения* в творческом процессе. Ср.:

> «Следовательно, художник творит посредством воображения, благодаря которому перед его взором предстает — как нечто реально существующее — образ, лишь напоминающий подсказанные памятью формы или комбинирующий их между собой (Sentencia libri de anima)» [Эко 2003, с. 162].

О творческом начале *памяти* и ее отношении к *воображению* писал П. Флоренский:

> «Память есть символо-творчество. Помещаемые в прошедшее, эти символы, в плоскости эмпирии, именуются воспоминаниями; относимые к настоящему, они называются воображением, а располагаемые в будущем считаются предвидением и предведением» [Флоренский 1990, т. I, с. 202].

Современное понимание памяти, особенно у литературных критиков, расходится. Что такое память: традиция, мертвым грузом сковыва-

ющая индивидуальность, или это — необходимый и неизменный посредник? [Hartman 1999, с. 263]. В некоторых литературоведческих и семиотических работах подчеркивается креативная роль памяти, отмечается ее комбинаторный потенциал, ее интертекстуальная природа, позволяющая создавать новые смыслы, ср.:

> «Хранящийся в памяти опыт прошлого может легко соединяться с событиями сегодняшнего дня, давая таким образом простор для неожиданных ассоциаций и потрясающих сопоставлений. Эти **процессы памяти** взрывают ровную поверхность последовательных событий, создавая новые ассоциации, коннотации и связи и делая текст полисемантическим и многомерным» [Томпсон 2000, с. 34].
>
> «Нет нужды доказывать современному читателю, что "**поэтика узнаваний**" так же способна создавать новые эффекты, как и поэтика инноваций ⟨...⟩ Наши мнемонические языковые ресурсы представляют собой не неподвижную упорядоченность складского помещения, но непрерывный "цикадный" гул притягивающих друг друга, перетекающих один в другой, резонирующих друг с другом смысловых образов» [Гаспаров 1996, с. 108, 109].

В художественных произведениях оговаривается «неиссякаемая» энергия и сила *памяти*. Рассматриваемая как источник и исток творчества[31], она играет особую роль в произведениях В. Набокова. *Память-творчество* может маркироваться световыми эпитетами[32]. Ср.:

> (1) В холодной комнате, на руках у беллетриста, **умирает Мнемозина**. Я не раз замечал, что стоит мне **подарить вымышленному герою живую мелочь из своего детства**, и она уже начинает **тускнеть и стираться в моей памяти**. Благополучно **перенесенные в рассказ целые дома рассыпаются в душе совершенно беззвучно**, как при взрыве в немом кинематографе (*В. Набоков Другие берега*).
>
> (2) **Заклинать и оживлять былое** я научился Бог весть в какие ранние годы еще тогда, когда, в сущности, никакого былого и не было. Эта **страстная энергия памяти** не лишена, мне кажется, патологической подоплеки уж **чересчур ярко воспроизводятся в наполненном солнцем мозгу** разноцветные стекла веранды, и гонг, зовущий к завтраку ⟨...⟩ (*В. Набоков. Другие берега*).
>
> (3) ⟨...⟩ он, читая, вновь пользовался всеми **материалами, уже однажды собранными памятью для извлечения из них данных сти-**

---

[31] Имя главной героини романа «Дар», возлюбленной поэта *Зины*, может рассматриваться как сокращенное не только от *Зинаиды*, но и от *Мнемозины*.

[32] См. часть I, гл. 3, § 5. *Живописное пространство памяти*, подраздел: *Светлое темное в пространстве памяти*.

хов, и все, все восстанавливал, как возвратившийся путешественник видит в глазах у сироты не только улыбку ее матери, которую в юности знал, но еще аллею с желтым просветом в конце, и карий лист на скамейке, и все, все (*В. Набоков. Дар*).

(4) Он иначе пишет, мой безымянный, мой безвестный ценитель, — и только для него **я переложил в стихи память о двух дорогих, старинных, кажется, игрушках** (...) (*В. Набоков. Дар*).

(5) **Неиссякаемы были сокровища памяти и фантазии** у этой старухи; она часто, сквозь дрему, казалась мальчику то похожей на Бабу-ягу сказки, добрую и милую Бабу-ягу, то на красавицу Василису Премудрую (*М. Горький. Фома Гордеев*).

(6) (...) а Гайдар идет от дела к вымыслу, если, конечно, считать вымыслом **точные снимки переживаний детской души, перенесенные из памяти в физиологический раствор художественного текста** (*В. Пелевин. Жизнь насекомых*).

(7) Гость озера обид — сих маленьких морей. // Единый гость и цели и движенья. **Гость памяти моей, поэзии моей,** // Великий гость побед и униженья (*И. Бродский. Гость*).

Память, *воображение*, *мысль*, *творчество* определяются как важнейшие компоненты, формирующие в человеке представление об осмысленности его бытия (пример 1). *Воображение* и *память* выступают как условия восприятия красоты (пример 2), ср.:

(1) Положим, вас посадили в тюрьму на веки вечные, и всю жизнь вы будете видеть из щелки только два старых изъеденных кирпича... нет, даже, положим, что в вашей тюрьме нет ни одной искорки света, ни единого звука ничего! И все-таки разве это можно сравнить с чудовищным ужасом смерти? У вас остается **мысль, воображение, память, творчество** — ведь и **с этим можно жить**. И у вас даже могут быть минуты восторга от радости жизни (*А. Куприн. Поединок*).

(2) И эти первые девяносто процентов невозможно разложить ни на какие составные части, потому что красота неопределима и неделима, что бы там ни врал Шопенгауэр. А что касается остальных десяти, то это просто совокупность нервных сигналов, которые не стоили бы ничего, не приходи им на помощь **воображение и память** Анна, прошу вас, откройте на секунду глаза... вот так... да, именно **воображение и память** (*В. Пелевин. Чапаев и пустота*).

Таким образом, области концептуального согласования *памяти* и *воображения* наиболее четко проявляются в процессе творчества.

§ 6. Реверсивная функция памяти: возвращение в прошлое

Интеллектуальное и эмоциональное возвращение в прошлое. Ситуация воспоминания предполагает мысленное (эмоциональное и/или интеллектуальное) возвращение в прошлое. Оно может быть контролируемым или неконтролируемым: *в памяти что-л. встает, оживает, воспроизводится, воскресает*; *по памяти восстанавливают, воспроизводят, воссоздают*; *память воскрешает, воспроизводит, возвращает куда-л.*; *память возвращает, оживляет, воскрешает прошлое.*

К прошлому апеллируют как к некой реальности, очевидной истине. Оно рождает чувство завершенности.

Свершенность прошлого ограничивает воспоминания.

> В. Беньямин отмечал, что человека, умершего в возрасте 35 лет, «в каждый момент его жизни помнят именно как человека, который умер в 35 лет». Нам никак не удастся отделить знание о его ранней кончине от наших воспоминаний о предшествующих годах (цит. по: [Лоуэнталь 2004, с. 331]).

Две основные составляющие внутреннего мира человека: сердце и ум — формируют «наивную» типологию памяти: *память сердца и память рассудка*, ср.: *О, память сердца! ты сильней // Рассудка памяти печальной.* (К. Н. Батюшков) *Понять* или *вновь почувствовать* два повода обращения к собственной памяти. Воспроизводя атмосферу, в которой родилось чувство (*любовь, грусть, радость*), человек испытывает сходные переживания. Обращаясь к памяти для воссоздания эпизодов прошлого, он осмысляет, анализирует, интерпретирует, извлекает информацию, т. е. совершает интеллектуальные операции.

Р. Барт противопоставляет «патетически-точечные», воспроизводящие чувство воспоминания, философски-дискурсивным, дающим возможность понять и описать прошлое, ср.:

> Мои воспоминания патетически-точечны, а не философски-дискурсивны; я вспоминаю, чтобы быть несчастным счастливым не для того, чтобы понять. Я не пишу, не затворяюсь, дабы написать огромный роман о вновь обретенном времени [Барт 1999, с. 106].

В этом состоит целостность памяти: она позволяет и эмоционально, и интеллектуально переживать прошлое. Благодаря этому свойству памяти прошлое становится неким аналогом, точнее, альтернативой настоящему: *жить прошлым / воспоминаниями, уйти в прошлое.* Похожую функцию имеет воображение, позволяя будущему конкурировать с настоящим. Язык показывает, что человек может (эмоционально

и интеллектуально) проживать свою жизнь, элиминируя настоящее почти полностью, живя либо прошлым (воспоминаниями), либо альтернативным миром: *жить в мире грез, жить в нереальном (воображаемом, своем) мире, жить будущим, жить идеалами будущего.* Память выступает как путь к бегству от действительности. Это — бегство назад.

Ситуацию воспроизведения прошлого в памяти (воспоминание, припоминание) язык описывает как обратное движение: *вернуться в памяти к чему-л., в памяти воскресло...* Человек, припоминая, как бы движется в своей памяти из настоящего в прошлое. Это движение имеет определенное сходство с упоминавшейся выше моделью Традиционного пути, в которой люди идут по следам своих пред-шественников: они обращены лицом в прошлое. Они след-уют и на-след-уют их формы жизни. Человек идет в освещенное прошлое, а не в затемненное будущее [Арутюнова 1997а, с. 54].

В ситуации воспоминания (возвращения в прошлое, хранимое памятью) в роли пред-шественника и по-следователя выступает один и тот же человек, но в разном «возрастном измерении»: пред-шественник заведомо моложе по-следователя. Возвращение в памяти можно представить как движение по собственным ранее оставленным следам. Осуществляя мыслительную операцию, заключающуюся в обратном движении в пространстве памяти из настоящего в прошлое, человек как бы оказывается включенным в модель *отрицательного времени* [Флоренский 1985, с. 29].

Обратный ход мысли: от настоящего к прошлому — характеризует историческое сознание [Успенский, т. 1, с. 11]. И здесь можно говорить также об *исторической памяти*: исторической личной памяти (история жизни) и исторической коллективной памяти (история общества).

Человек мыслит личную память исторически: часто как историю своей жизни. Фразы: *Будет что вспомнить* [*на старости лет*]; *Будет о чем рассказать* — могут быть истолкованы следующим образом: 'об эпизодах своей жизни, которые говорящий считает знаковыми, оценивает их как необычайно важные, интересные, приносящие радость; возвращение в памяти к таким эпизодам, а также рассказ о них будут приносить ему удовольствие и моральное удовлетворение'. Эти фразы имплицируют идею не напрасно прожитой жизни. Ср. также:

> Живи так, чтобы на старости было чем молодые годы вспомянуть... вот **я вспомнила себя** и хоть поплакала, **а разгорелось сердцето от одной от памяти**, как прежде жила... И **опять помолодела я, как живой воды попила**! (*М. Горький. Фома Гордеев*).

То, что хранится в памяти, несет на себе печать истинности, а следовательно, и ценности. Запоминанию, хранению подлежит то, чему при-

писывается ценность. Это рождает желание удержать время, удержать прошлое. *Этот день надолго останется в моей памяти! / я запомню навсегда* — область личной памяти. *Этот день мы запомним навсегда!* (например, о первом полете в космос) — область общественной памяти. Ср. также:

> Сегодня **день нашей победы**. Смотрите, как сияет солнце! Слушайте, как поют птицы! Слушайте, как пахнут цветы. **Запомните этот день, запомните этот час!** (*Ю. Олеша. Три толстяка*).

В определенном смысле формирование человека происходит параллельно формированию его прошлого и его памяти. Словосочетание *человек без прошлого* воспринимается как окказиональное, в отличие от устойчивого *человек без будущего*, ср. также *У него нет будущего.* Прошлого нет у маленьких детей, и это — одна из причин, по которой ребенок мыслится как недочеловек.

Прошлое можно представить как аннулированное: *вычеркнуть*, *перечеркнуть*, *забыть*. Аннулировав прошлое, можно *начать новую жизнь*, *начать все с нуля*, *с чистого листа*, *перевернуть новую страницу*, *заново родиться*, [*пережить*] *второе рождение*. Однако любая из этих ситуаций в пресуппозиции предполагает наличие прошлого у человека. Фраза: *У меня нет прошлого* возможна в значениях ‘я хочу забыть свое прошлое; я забыл свое прошлое’, ср. также ахматовское: *Надо память до конца убить.*

В памяти воскресло, ожило. Ситуация воспоминания часто описывается как воскрешение в памяти фрагментов прошлого: *в памяти воскресло*, *ожило*. С глаголами *воскреснуть*, *ожить* хорошо сочетаются *память*, а также *душа / сердце*, *но не голова / ум*, ср.: *что-л. воскресло / ожило в памяти*, *в душе*, *в сердце и плохо*: * *что-л. воскресло / ожило в голове*, *в уме*. Наоборот, *вновь появиться*, *вновь возникнуть*, не имеющие ни религиозных, ни магических аллюзий[33], образуют правильные словосочетания как *с памятью*, *душой*, *сердцем*, так и *с головой*, *умом*: *что-л. вновь возникло / вновь появилось в памяти*, *в душе*, *в сердце*, *в уме*, *в голове*. Создается впечатление, что в языковом узусе связь *памяти* с религиозным типом дискурса была метафорически (поэтически) переосмыслена,

---

[33] Анализируя глаголы *воскреснуть!* и *ожить!*, В. Ю. Апресян отмечает, что причины события для **воскреснуть** — это сверхъестественные причины мистического характера, для **ожить** — в качестве причин возможны чудеса, колдовство, магия или какие-то естественные, не нарушающие законов природы причины [Апресян 2000, вып. 2, с. 243—246].

однако след этих представлений сохранился и оказывает влияние на сочетаемость слова[34].

Глаголы *воскрешать, оживать* имеют отношение к циклическому, обратимому, воспроизводимому времени[35]. Это согласуется с реверсивной функцией *памяти. В памяти воскресло, ожило что-л.* синонимично выражению *память возвращает кого-что-л. к чему-л.* Действие может описываться как контролируемое: *он воскресил в памяти образ любимой* или неконтролируемое: *в его памяти воскрес образ любимой.* Ср.:

(1) Доносились ли в вечерней тишине в его кабинет голоса детей, приготовлявших уроки, слышал ли он романс или орган в ресторане, или завывала в камине метель, **как вдруг воскресало в памяти** все: и то, что было на молу, и раннее утро с туманом на горах, и пароход из Феодосии, и поцелуи (*А. Чехов. Дама с собачкой*).

(2) Но **ее образ, ее присутствие, тень ее воспоминанья** требовали того, чтобы наконец он и ее бы **воскресил,** и он нарочно отодвигал ее образ, так как желал к нему подойти постепенно, шаг за шагом, точно так же как тогда, девять лет тому назад. Боясь **спутаться, затеряться в светлом лабиринте памяти,** он прежний путь свой воссоздавал осторожно, бережно, возвращаясь иногда к забытой мелочи, но не забегая вперед (*В. Набоков. Машенька*).

(3) Этот запах, смешанный со свежестью осеннего парка, Ганин теперь старался опять уловить, но, как известно, **память воскрешает все, кроме запахов,** и зато ничто так полно не **воскрешает прошлого, как запах,** когда-то связанный с ним (*В. Набоков. Машенька*).

(4) Вновь и вновь **в памяти его вставал дряхлый дворец** на окраине Рима, отставшие от стен обои, выскакивающие при каждом шаге плитки паркета, запах распада, неотвратимой беды... Он тряхнул головой, поймав на себе беспокойный взгляд Памелы (*В. Аксенов. Остров Крым*).

Возвращение в свое прошлое и переживание его как настоящего есть факт вторичного присваивания человеком прожитого им времени. Присваивание прожитого лежит в основе повторных переживаний и движет воспоминаниями.

> Существует понятие психического времени, в котором прошлое, становясь настоящим, не перестает оставаться прошлым. Это

[34] Подробно вопрос, связанный с «культурной памятью» слова, был рассмотрен на материале эволюции ряда церковнославянизмов в работе [Яковлева 1998].

[35] О циклическом времени см.: [Успенский 1994, т. 1; Степанов 1997, с. 171 188; Яковлева 1994, с. 97 101].

парадоксальное свойство человеческой памяти. Отнесенность событий прошлого и событий будущего к прошлому и будущему времени при их актуальной представленности в психике в наличный момент совершающегося времени — есть опознавательное свойство памяти именно как психического феномена.

Предаваясь воспоминаниям, человек вступает в диалог со своим прошлым, оценивает его, выражает ему свое доверие или недоверие. Отношения человека со своим прошлым может строиться по разным моделям, например: *Думал(а) ли я тогда / Мог(ла) ли я тогда знать, что...*(см. пример 1); *Когда я вспоминаю свое прошлое, мне кажется, что это был(а) не я.../ что это было не со мной...* ...(см. пример 2). Ср.:

(1) **Оживи мою короткую память...** Когда я видел двух американочек на торговой улочке Стамбула, **разве я думал, что** одна из них станет моей женой? (*В. Аксенов. Остров Крым*).

(2) Припоминая бурные дни жизни на ярмарке, Петр Артамонов ощущал жуткое недоумение, почти страх; **не верилось, что все, что воскрешала память, он видел наяву** и сам кипел в огромном, каменном котле, полном грохота, рева музыки, песен, криков, пьяного восторга и сокрушающего душу тоскливого воя безумных людей (*М. Горький. Дело Артамоновых*).

Воспоминания о прошлом, особенно если они связаны с утратой, могут подавлять или вдохновлять, ср.:

Сорокапятилетняя, некрасивая, сонная женщина, потеряв два года тому назад единственного сына, вдруг проснулась: траур окрылил ее, и слезы омолодили, так по крайней мере говорили знавшие ее прежде. **Память о сыне, обернувшаяся у ее мужа недугом, в ней разгорелась какой-то живительной страстью** (*В. Набоков. Дар*).

Память и фотография: воскрешение прошлого. Образы прошлого можно вызывать в своей памяти, а можно рассматривать альбом с фотографиями, смотреть видеоматериалы, слушать аудиозаписи[36]. В памяти можно неоднократно возвращаться к какому-либо моменту, так же можно возвращаться, вглядываясь в фотографию или вновь прокручивая с помощью дистанционного пульта заинтересовавшие фрагменты фильма, записанного на видеопленку.

На общие черты между памятью и фотографией указывают и их устойчивые языковые сопоставления: *сфотографировал* используется в

[36] Наука пока не создала форму хранения и воспроизводства запахов прошлого. Возможно, это ей еще предстоит сделать.

значении 'запомнил'; *Моя память как кодак,* — писал А. Белый[37]. (Ср. также название фотовыставки: «*Оптимизм памяти. Ленинград 70-х*»). Наряду с *образной памятью* существует также *фотографическая память*. В статье Н. Д. Арутюновой *образ* сопоставлен *кадру*: «Объект восприятия и его образ существуют в режиме альтернирования: когда объект удален из поля зрения, может появиться его образ — кадр, выхваченный образной памятью из прошлого опыта» [Арутюнова 1998, с. 320]. Память хранит незримые *образы*, доступные лишь внутреннему зрению — фотография, фильм предъявляют *образы* зримые.

Часть предикатов, употребляемых со словом-концептом память, может также образовывать словосочетания с *фотографией* и *фильмом*: *восстанавливать, воспроизводить, воссоздавать по памяти / по фильму / по фотографии*; *память / фотография / фильм возвращает прошлое*; *память / фотография / фильм возвращает кого-л. в прошлое*. Однако фильм и фотография отчуждены от человека и выведены во внешний мир. Поэтому предикаты, описывающие психические процессы, происходящие в памяти, т.е. внутренний мир человека, со словами *фотография, фильм* не образуют корректных словосочетаний: **на фотографии / в фильме что-л. всплывает, встает*; **что-л. появилось из глубин фотографии.*

В литературных, философских произведениях сопоставление памяти с фотографией носит устойчивый характер (см. примеры 1—3). Существуют также аналогии между воскрешением воспоминания и воспроизведением фрагмента прошлого на фотографии, между обращением к памяти и просмотром старого фильма и т. д. (см. примеры 4, 5). Ср.:

(1) **В памяти у него, в стеклянной памяти**, глянцевито переливался как бы **цветной фотографический снимок**: загиб белой дороги, черно-зеленая скала слева, справа — синеватый парапет, впереди вылетевшие навстречу велосипедисты — две пыльные обезьяны в красно-желтых фуфайках (*В. Набоков. Камера обскура*).

(2) ...А Гайдар идет от дела к вымыслу, если, конечно, считать вымыслом **точные снимки переживаний** детской души, **перенесенные из памяти** в физиологический раствор художественного текста (*В. Пелевин. Жизнь насекомых*).

(3) ...И неудачное, но, как обычно, масштабное предприятие отца **запечатлелось на дагерротипах детской памяти** экстравагантным купанием, солнечными брызгами ароматной, приятно пощипывающей кожу жидкости (*Е. Козловский. Мы встретились в Раю...*).

(4) **У фотографии** есть нечто общее **с воскресением** [Барт 1997, с. 124].

---

[37] Цит. по статье М. Ю. Михеева: [Михеев 2004; 2005].

(5) ...Я не могу без некоторой меланхолии смотреть и **пересматривать** фильмы с участием актеров, которые, как мне известно, **умерли: эта меланхолия сродни фотографии**. (Аналогичное чувство я испытываю, когда слушаю голоса умерших певцов.) [Барт 1997, с. 119].

В романе М. Кундеры «Бессмертие» героиня пытается уничтожить все фотографии и негативы, сделанные случайным фотографом, не желая чтобы у ситуации, запечатленной на фотографии, был шанс символически воспроизвестись в будущем: «*...В ней [Аньес] осталась горечь, что одна секунда ее жизни, вместо того чтобы превратиться в ничто, как это происходит со всеми остальными секундами жизни, будет выхвачена из бега времени и, если однажды какой-нибудь идиотской случайности заблагорассудится, оживет, как плохо погребенный покойник*».

В данном отрывке показан механизм, придающий памяти, а также тем объектам, которые частично выполняют функции, аналогичные функциям памяти (тексту, фотографии), ценностное значение. Ни личность, ни социум не нейтральны в отношении памяти, способной регулярно воспроизводить фрагменты прошлого. Ценностное отношение к прошлому и к памяти проявляется также и в отношении к сохраняемому фотографией образу. Стремление как можно лучше выглядеть на фотографии поддерживается действиями перед камерой: человек может пытаться придать своему лицу особое выражение, принять какую-либо позу, сделать какой-либо жест. Он готовится к съемке. Его не должны застать врасплох.

Образ, запечатленный на фотографии, можно сопоставить со следом, оставляемым в памяти других. Неудавшиеся или напоминающие о неприятных моментах фотографии часто уничтожают. Неудачи, свои дурные поступки стараются предать забвению (не вспоминать). В социуме выстроена этическая прескрипция: *оставлять по себе добрую память; сделать что-л., чтобы добром поминали.* Она присутствует в пословицах и поговорках: *Не поминай лихом, а добром — как хочешь! Не тем будь помянут* (говоря о ком недоброе). *Добро помни, а зло забывай! Дружбу помни, а злобу забывай!* [Даль 1984, т. 1, с. 349].

Прескрипция *оставлять по себе добрую память* находит выражение как в стратегии поведения: не делать зла, чтобы не оставить по себе плохую память, так и в коррекции (post factum) своего прошлого, в редукции отрицательного «материала». Ср.:

(1) Я осталась бы у тебя и сейчас, но мне не хочется это делать таким образом. Я не хочу, чтобы у него навсегда **осталось в памяти**,

что я убежала от него ночью. Он не сделал мне никогда никакого зла (*М. Булгаков. Мастер и Маргарита*).

(2) Я расстаюсь с вами, вероятно, навсегда; **и оставить вам о себе память еще хуже той, которую я заслуживаю, было бы слишком горько** (*И. Тургенев. Рудин*).

(3) Твой дедушка как раз и хотел, чтобы твои родители **навсегда остались в твоей памяти самыми лучшими, самыми добрыми и прекрасными. Поэтому он и скрыл какую-то правду** (*А. Маринина. Реквием*).

Регулярное возвращение в свое прошлое (контролируемое или неконтролируемое), которое в языке представлено сочетаниями: *в памяти что-л. встает, оживает*; *память воскрешает, воспроизводит*; *оживить свое прошлое в памяти* и т. д., — есть необходимое действие, совершаемое человеком на протяжении всей его жизни. Это действие может мыслиться как движение по оставленным ранее следам. Создавая условия, точнее, являясь условием такого возвращения, память оберегает человека от необратимости его существования. Несколько перефразируя Ж. Бодрийяра [Бодрийяр 2001, с. 107—108], можно сказать, что благодаря памяти происходит возвратное движение фрагментов прошлого, как вечное возобновление одного и того же цикла, где человеку гарантируется возможность в любой момент, начиная с любого элемента, вернуться назад. Она позволяет человеку циклически-контролируемо переживать процесс своего существования, символически преодолевать неподвластное в своей необратимой событийности реальное существование.

§ 7. Образы трансцендентного

Жизнь — время, память — эон. Языковые конструкции, образуемые словом-концептом время, формируют представления о том, что оно *движется и течет*: *Время течет, время истекло, какое-л.* (*плавное, медленное, быстрое*) *течение времени, быстротечное время.* То, что время имеет свойство течь, иллюстрируют также "крылатые слова", восходящие к афоризму Гераклита: *Нельзя дважды войти в одну и ту же реку*; *Все течет, все изменяется.* К этому же смысловому полю можно отнести и метафорические словосочетания: *река жизни, течение жизни*; равно как и то, что происходящие во времени *процессы, изменения* язык описывает с помощью глагола *протекать*[38].

[38] Вопросы, связанные с тем, как представлено время, точнее «текучесть времени», рассматриваются в разных работах, в том числе и сравни-

Становясь прошлым, время утрачивает метафору движения. Фразы: **Прошлое протекало незаметно*, **Прошлое идет/шло* — не кажутся возможными. Прошлое мыслится неподвижным, застывшим, неизменным, не имеющим обратного хода. В нем все свершилось и ничего нового произойти не может. Мы говорим: *Прошлого не вернешь*; *безвозвратное прошлое* (*про-шлое*, т. е. то, что прошло), — имея в виду его окончательность, завершенность и неповторимость. На статичность прошлого указывают и поговорки: *Что было, то было, то быльем поросло*; *Быль — трава*; *небыль — вода*; *Быль как смола*; *небыль, как вода* [Даль 1955, т. 1, с. 148]. Язык с помощью метафор разделяет момент времени на *настоящее*, *прошедшее*, *будущее*. В отличие от *настоящего* и *будущего прошлое* всегда окончательно.

Если человек забывает прошлое, оно исчезает: Прошлое кануло в Лету; Прошлое ушло в небытие. *И наоборот, оно не исчезает, если его помнят*: остаются верными своему прошлому; бережно хранят свое прошлое. *Местом хранения прошлого является* память. *В некоторых контекстах* прошлое *и* память *могут выступать как метонимическая пара*: утратить память = утратить прошлое. *Ср.*:

> Я тоже думаю, что России суждено стать первым за существование мира царством социализма. Когда это случится, оно надолго оглушит нас, и, очнувшись, мы уже больше не **вернем утраченной памяти. Мы забудем часть прошлого** и не будем искать небывалому объяснения (*Б. Пастернак. Доктор Живаго*).

Прошлое толкуется в словарях с использованием слова *время* в качестве родового: 'Прошедшее, минувшее в р е м я[39], прошлая жизнь, события прошедшего времени' [Ушаков 1939, т. 3]; 'Прошедшее, минувшее в р е м я, жизнь, минувшие события' [МАС 1983, т. 3]; 'Прошедшее в р е м я, минувшие события' [Ожегов, Шведова 1995]. С этими толкованиями согласуется также интуиция носителей языка. Однако необходимо отметить, что по признакам: 'неподвижность' (утрата метафор движения) и 'неизменность' — *прошлое* оказывается противопоставленным *времени* и сближенным с *вечностью*. Эта противопостав-

---

тельно недавних. Согласно Ю. С. Степанову, представление о движущемся и текущем времени характерно для современного сознания в отличие от архаического [Степанов 1997, с. 129]. В. А. Плунгян, отмечая, что русскому языковому сознанию не чуждо представления о времени как о текущей воде, приводит следующие примеры: Много воды утекло с тех пор в значении 'прошло много времени'; с течением времени, составной предлог в течение, вводящий названия отрезков времени [Плунгян 1997, с. 161].

[39] Здесь и дальше разрядка моя. *Н. Б.*

ленность (*прошлое vs. время*) проявляется также во фразах: *Время не властно над прошлым*; *Прошлое не подвластно времени*. Они указывают на вневременной характер прошлого и (косвенно) на его смысловую близость к вечности[40], которая уже античными философами рассматривалась как вневременная категория:

> Противопоставление времени (хроноса) вечности (эону[41]) возникло во времена античности, а затем получило дальнейшее осмысление в христианстве[42].
>
> Начиная с Платона, *эон* становится классическим термином для обозначения «вечности» в ее противопоставлении *времени* (*хроносу*). В «Тимее» неподвижный *эон* это квазивременной модус бытия *эйдосов*, вечно пребывающий в одном. О нем нельзя сказать «был» или «будет», а только «есть»[43] [Лебедев 1989, с. 769].
>
> Рассуждая об эоне, В. Н. Лосский приводит точку зрения святого Максима Исповедника, согласно которому эоническая вечность имеет, подобно времени, начало (откуда и название — эон: потому что он берет свое начало «в веке»), но она не изменяется и подчинена вневременному бытию. Как замечает далее В. Н. Лосский, эоническая вечность стабильна и неизменна; она сообщает миру взаимосвязанность и умопостигаемость его частей. Время переживается чувственно, эон через умопостижение. Эон — это неподвижное время; время движущийся эон (цит. по: [Степанов 1997, с. 82]).

Таким образом, существует смысловая связь между *прошлым*, *прошедшим*, воспринимаемым в его неизменности, стабильности, окончательности (ср. также фразы: *Что было, то было*; *что сделано, то сделано*), *памятью*, сохраняющей *прошлое*, и представлениями об *эонической вечности*[44]. Память как бы разграничивает настоящее и прошлое, текущее и застывшее, подвижное и неподвижное. Настоя-

---

[40] В советском словаре слово *вечность* в данном значении толкуется следующим образом: 'В антинаучной религиозно-идеалистической философии: вневременность, независимость от времени, неизменность во времени' [МАС 1981, т. 1, с. 159].

[41] В греческом языке *эон* (*αἰών*) означает 'век', 'жизнь', 'вечность' [Вейсман 1991, с. 37].

[42] Об этом см. в словаре "Константы. Словарь русской культуры" [Степанов 1997, с. 80 82].

[43] О *прошлом* абстрактно можно сказать *было*, но о *прошлом* можно также сказать *есть*, если оно *хранится*, *воспроизводится в памяти*, если его связь с настоящим, благодаря воспоминаниям, как бы не прерывается.

[44] Ср. также замечание Ю. М. Лотмана о том, что *память* в качестве сохраняющего механизма не только «панхронна, но и противостоит времени» (цит. по: [Томпсон 2000, с. 18]).

щее в памяти становится прошлым; чувственное, данное в непосредственных ощущениях, — опосредованным. *Хронос* трансформируется в *эон*. Включение *в память* фрагментов *происходящего / произошедшего* напоминает перетекание рубежа, за которым время останавливается и застывает. *Река времени*, ассоциируемая со сплошным, непрерывным потоком, трансформируется в набор застывших фрагментов прошлого, погруженных в глубину *стоячих вод*. Процесс воспоминания / припоминания описывается как *всплытие* этих фрагментов (*образ, воспоминание, картина*) *из глубины / глубин памяти*. Ср.:

(1) Никаких систематизированных знаний в ее голове, конечно, не было, ибо проблемой Настя никогда специально не интересовалась, но **из глубин памяти** то и дело **всплывали** биопатогенные зоны и полосы, которые «есть проявление единой субстанции, пронизывающей всю Вселенную». Ей даже, хоть и не без труда, удалось вспомнить название книги, в которой об этом написано: «Космос и здоровье» (*А. Маринина. Реквием*).

(2) Не потому ли все чаще **всплывают в памяти** и про себя твердятся слова русского поэта, изгнанника, тоже жертвы все тех же черных, дьявольских сил: Поздно, поздно, никто не ответит, И душа никому не простит (*В. Солоухин. При свете дня*).

(3) А потом до него дошло, что это за предмет, и даже **название** его неожиданно **всплыло в памяти**. Это был скальпель (*А. и Б. Стругацкие. Улитка на склоне*).

(4) Сердце его билось. **Все минувшее, все, что было заглушено** нынешними казацкими биваками, суровой бранною жизнью, — **все всплыло разом на поверхность, потопивши, в свою очередь, настоящее.** Опять **вынырнула перед ним, как из темной морской пучины, гордая женщина.** Вновь **сверкнули в его памяти** прекрасные руки, очи, смеющиеся уста, густые темно-ореховые волосы, курчаво распавшиеся по грудям, и все упругие, в согласном сочетанье созданные члены девического стана. Нет, они не погасли, не исчезли в груди его... (*Н. Гоголь. Тарас Бульба*).

Горизонтальное движение времени[45], ассоциируемое с течением реки, сменяется в памяти на вертикальное перемещение фрагментов

[45] Глагол *двигаться* ассоциируется прежде всего с горизонтальным движением как наиболее стереотипным, ср. *рыба движется, самолет движется, человек движется*. Вертикальное движение обозначается, как правило, специальными глаголами: *рыба всплывает погружается, самолет взлетает / садится, человек ныряет/выныривает*, или глагол *двигаться* требует сопроводителя, указывающего на вертикальное движение: *двигаться вверх, вниз*. Течение *времени* также ассоциируется с горизонтальным движением — *течение реки*, а не, например, *водопада*.

прошлого: из глубины — на поверхность[46]. Так язык описывает ситуацию воспоминания / припоминания[47].

Жизнь — Память — Век — Вечность vs. Смерть — Забвение. Пара *время* (*хронос*) — *вечность* (*эон*) концептуально согласуются с парой *жизнь — память*. *Жизнь* человека протекает во времени, *память* — по ряду признаков близка *эонической вечности*. *Жизнь* человека проживается в текущем времени, в памяти оно трансформируется в неподвижное прошлое. *Прошлое* отдалено от человека, но *память* обусловливает возможность ментального, эмоционального возврата в него. Это позволяет анализировать, оценивать, а также повторно переживать события своего прошлого, — как бы *еще раз прожить* отрезок своей *жизни*.

Смысловое сближение *жизни* и *памяти* происходит в ситуации, когда о человеке говорят как о представителе своего времени, свидетеле, очевидце событий. Для свидетельствования необходимы, как минимум, два условия: *жить* и *помнить*. О человеке, который жил в *далекое время* и помнит какие-либо знаковые (исторические) события, говорят: *Он — живая память* (*о войне, о революции...*) или *Он — живая история*[48]. Ср. также:

> И поехал я, Петя, из Питера осваивать Дальний Север. Жизнь моя была полна приключений с тех пор, **как я себя помню, а с каких пор я себя помню, я и сам не знаю.** Иногда мне кажется, **что тот, кого я помню, это был не я** (*В. Аксенов. Апельсины из Марокко*).

В рассказе очевидца фразы: *Это было на моей памяти* (*Такого на моей памяти не было*) и *Это было на моем веку* (*Такого на моем веку не было*) выступают как синонимы. С их помощью говорящий утверждает (отрицает), что то, о чем идет речь, случилось / произошло, когда он уже жил (т. е. после рождения) и мог помнить (т. е. не в младенчестве)[49]. В данных контекстах семантически *память* сближается со сло-

---

[46] Процесс включения в память фрагментов прошлого может ассоциироваться с перетеканием воды из одного сообщающегося сосуда в другой в водяных часах, которые стали прообразом более поздних песочных часов. Процесс припоминания может ассоциироваться с обратным движением: снизу вверх. Время как бы возвращается.

[47] В литературных текстах, однако, *память* может описываться с помощью метафоры движущейся воды, ассоциируемой, скорее всего, с рекой: *По волне моей памяти // Я поплыву* (*Н. Гильен, пер. И. Тыняновой*).

[48] См. также раздел: *Историческая память ???*.

[49] Ср. также интерпретацию М. А. Дмитровской: «в предложении *Это случилось на моей памяти* фиксируется факт совпадения времени созна-

вом *век*. И это сближение не представляется случайным: *жизнь*, *память*, *вечность*, *век* образуют единую смысловую цепочку.

В русском языке *век* и *вечность* — однокоренные слова [Тихонов 1985, т. 1, с. 147]. Данные этимологии показывают существование семантической близости между старославянским словом *вэкъ* и словами *жизнь*, *время*, *вечность*.

> Этимология слова век связана с «силой, жизнью» (родственно литовскому viekas) [Фасмер 1986, т. 1, с. 286]. Древнерусское (с XI века) вэкъ означал «жизнь», «тысячелетие», «время», «вечность»; старославянский векъ — «жизнь», «время», «вечность». Общеславянское *vekъ сначала значило «проявление силы», «сила», потом «жизненная сила», «жизнеспособность» > «здоровье» > «долгая жизнь», «продолжительность жизни человека» > «столетие», «неопределенно продолжительное время», «эпоха» [Черных 1994, т. 1, с. 138 139][50].

Глагол *у-век-овечить* — 'Сохранить навечно в памяти поколений' [Кузнецов 2001, с. 855], семантически связан с *вечностью* и *памятью*, словообразовательно — с *веком*. *Жить в веках* означает 'надолго, навсегда остаться в памяти потомков' [МАС 1981, т. 1, с. 146]. Как это видно из толкования, здесь речь идет об *общественной памяти*, в которой жизнь человека как бы обретает символическое продолжение.

Значения фразеологизма *жить в веках* и глагола *увековечить* показывают, что функция *общественной памяти* может мыслиться в противопоставлении функции *смерти*. Рассмотрим далее оппозиции: *жизнь* vs. *смерть* и *общественная память* vs. *общественное забвение*.

Смерть и общественное забвение концептуально представлены в языке и культуре как два вида небытия[51]. *Жизнь и общественная па-*

тельной жизни индивида и времени некоторого события» [Дмитровская 1991, с. 79].

[50] Подробно этимология слова *век* на материале индоевропейских языков рассмотрена в статье К. Г. Красухина [Красухин 1997, с. 66 69], в которой показано, что смысловые компоненты 'жизнь, сила, жизненная сила', а также 'вечность, вечный' являются основными для большинства этимологически родственных слов.

[51] Древние греки отождествляли забытое прошлое со смертью: за исключением немногих избранных, мертвые лишены памяти [Лоуэнталь 2004, с. 312 313]. В древнегреческой мифологии забвение могли обозначать, *Аид*, *Стикс* и, наконец, *Лета*. Все эти слова связаны с загробным миром, с царством мертвых. Как отмечает Г. Кнабе, исходный смысл греческого *заб-*

мять — два вида бытия. Если *жизнь* — это бытие, а *смерть* — это небытие, то *общественная память* концептуализируется как ино-бытие, а *общественное забвение* — ино-небытие[52]. (Этимология *забвения*, *забытья* связана с *быть*, *бытие*: то, что за бытием.)

Прежде чем комментировать это противопоставление, необходимо обратиться к слову-концепту *след*.

След как свидетельство существования и как знак памяти. *След* можно рассматривать как знак, свидетельствующий о существовании, присутствии. По следам *обнаруживают*, *узнают*, *догадываются*, *открывают что-л.*, *раскрывают что-л.* Например, научным открытиям может предшествовать поиск следа. Для того, чтобы положительно ответить на вопрос: *Есть ли жизнь на Марсе*? — необходимо отыскать там *следы жизни*.

Канонической для описания слова-концепта след может служить ситуация преступления. *Преступник* стремится уничтожить следы, т. е. все, что свидетельствует о преступлении как *о факте* и о его причастности к этому факту. *Свидетель* является хранителем следов преступления, выступая как персонифицированная *память о событии*. *След-ователь* стремится отыскать следы, чтобы доказать *факт* преступления, раскрыть преступление *по факту*. *Сохраненный след* делает чье-л. присутствие, существование *фактом*, наоборот, несохраненный (уничтоженный) след как бы аннулирует чье-л. присутствие или переводит его в область недоказанного.

След — это также символический знак памяти. По следам в памяти *восстанавливают*, *вспоминают*, *воспроизводят*. Обретая свое развитие в метафизических и религиозных контекстах, сохраненный след соединяется с идеями вечности и бессмертия, а несохраненный (уничтоженный) — забвения и небытия.

Жизнь vs. Смерть. Память vs. Забвение. Ритуальные формы сохранения / уничтожения следа. Полная *смерть* и полное *забвение* мыслятся в социуме как бес-следное исчезновение. Репрессивные действия в отношении человека, направленные на его физическое или символическое уничтожение, подразумевают также ритуальное уничтожение следа. В этом контексте можно рассматривать полное уничтожение останков умершего. Фразеологизмы *стереть с лица земли*, *развеять*

вения (lêthê) сохранился в точной парафразе, принадлежащей Гегелю: *Furie des Versch windens* фурия исчезновения, небытия [Кнабе 2004, с. 7].

[52] Идея *инобытия / иконебытия* имеет как метафизические, так и социальные корни. Она референциально связана с религиозными и социальными представлениями о *бессмертии*.

пепел по ветру первоначально были связаны с религиозным дискурсом: первые христиане верили в то, что подобные действия лишают человека возможности воскреснуть. Таким образом, это рассматривалось как жесточайшее наказание, с помощью которого достигалась полнота смерти человека (т. е. без последующего воскрешения).

Символическое уничтожение следа производится также посредством операции с памятью, т. е. вычеркивания образа человека (живущего или умершего): *вычеркнуть, выбросить, выкинуть из памяти.* Желаемая цель такого действия — забвение. Фраза: *Я вычеркнула его из своей памяти* — синонимична фразам: *Он больше для меня не существует*; *Он умер для меня.* Фраза: *Чтобы следа твоего здесь больше не было!*, произносимая в ситуации резкого разрыва отношений (иногда сопровождается жестом руки, указывающей на дверь), импликативно связана с символическим актом вычеркивания из памяти: ничего не должно напоминать говорящему о том, что адресат речи существует / существовал в его / ее прошлом. Показательно также, что в «сильных» проклятьях: *Сгинь, нечистая сила! Пропади все пропадом!* — используются предикаты, в толкования которых включен компонент 'исчезнуть бесследно'.

Социум также предает забвению, т. е. вычеркивает имя из коллективной памяти в качестве репрессивной меры. Это передается фразеологизмами: *вычеркнуть чье-л. имя из памяти*; *предать кого-что-л. / чье-л. имя забвению.* В области культурных практик это находит воплощение в переименовании городов, улиц, площадей; в уничтожении портретов бывших лидеров, подвергшихся репрессии (действо, популярное при недемократических режимах, во время революций), в демонтаже памятников[53] и т. д.

В подобных социальных актах угадываются религиозные аллюзии. «Правильно прожитая жизнь» предполагает, что человек должен *оставить по себе / после себя след.* Символическое уничтожение следа как бы приводит к уничтожению пройденного человеком пути, лишая его возможности стать *пред-шественником* и иметь — тех, кто пойдет по его следам. Вероятно, здесь играет роль библейская метафора Традиционного пути, в котором ценится первенство и первородство [Арутюнова 1997а, с. 56]. В этом случае уничтожение следа обозначает про-должателей начатого им дела или по-следователей, духовных

[53] Подробнее об этом см. часть I, гл. 6, § 1. *Включение в память как увековечивание и исключение из памяти как репрессия. Награда запоминанием и наказание забвением.*

на-следников также и уничтожение пути как такового, который никому не дано повторить[54].

И в религиозных, и в социокультурных практиках *смерти* и *забвению* противостоит идея сохранения следа, что связано с представлением о символическом продлении жизни или неполной (неокончательной) смерти: *Нет, весь я не умру...* Сохраненный след гарантирует и от полной смерти, и от полного забвения.

Сохранение следа умершего обеспечивается ритуалами (как религиозными, так и светскими, гражданскими): *создание могилы, установка памятника, увековечивание имени*[55], *хранение фотографий и личных вещей, их музеефикация* и т. д. *Память* также выполняет ритуальную функцию: *она хранит отпечатки, следы, образы*, уберегая от полного забвения.

Хранение следов, образов в памяти связаны с представлениями о вечности и бессмертии. Включение в память соотносится с включением в вечность[56].

Согласно П. Флоренскому вечная память соотносится с представлениями о *божественной памяти*, ср.: «... *"вечная память моя" значит "вечная память" Бога обо мне, и меня — о Боге, — короче, вечная память Церкви, в которой зараз сходятся Бог и человек. И эта вечная память — победа над смертью*: *"Над смертью вечно*

---

[54] В ряду литературных персонажей, определяемых как *человек без...*, присутствует: *человек без носа* майор Ковалев, герой повести Н. В. Гоголя «Нос»; *человек без тела* (*человек-невидимка*) — персонаж одноименного романа Г. Уэллса; *человек без свойств* — главный герой одноименного романа Р. Музиля, *человек без тени* — герой пьесы Е. Л. Шварца «Тень». Этот ряд можно было бы продолжить *человеком без следа* — не оставляющим следов человек-забвение, человек-исчезновение, человек без прошлого.

[55] Подробнее см. часть I, гл. 6, § 1. *Включение в память как увековечивание и исключение из памяти как репрессия. Награда запоминанием и наказание забвением.*

[56] У народа суахили усопшего, который остается в памяти своих близких, называют «живым мертвецом». Окончательно он умрет лишь тогда, когда уйдет из жизни последний из знавших его. Единственный оставшийся в живых потомок древнего рода несет на себе тяжкое бремя. Её (потомок — женщина. — *Н.Б.*) называют Последний лист. «Поколения остаются живы лишь в "мерцающей памяти человека, чьи дни также подходят к концу"», — так описывает эту ситуацию геронтолог. «Ее сознание — это последняя общая тропа, последнее прибежище всего, что прежде обитало в одной из ветвей человеческого существования». Последний лист — это «все, на что прошлое еще может надеяться — и ей это известно» (цит. по: [Лоуэнталь 2004, с. 310]).

торжествует, // в ком память вечная живет..."» [Флоренский 1914, т. 1, I, с. 195] Ср. также:

> И рече Михаил к Богородицы: «Аще ся кто затворит во тме сей, **несть памяти о нем от Бога**» (*Хождение Богородицы по мукам*).

Вокруг концептуального поля *памяти* выстроена риторика траурных речей, некрологов. В них *смерти индивида* противостоит *коллективная память*. Об умершем говорят: *он будет жить в нашей памяти; мы сохраним его образ навеки в нашей памяти; память о нем* [*никогда*] *не умрет* (*не заглохнет*); *память о нем будет вечно храниться* (*жить*) *в сердцах людей; пока мы его помним, пока он остается в нашей памяти, он жив.*

Являясь ключевым концептом траурной риторики, похоронного обряда, *память* метонимически связана со *смертью*.

Слова *помнить* и *смерть* соединяются в популярном, особенно во времена Средневековья, изречении, переведенном на русский язык: *Помни о смерти!*[57] *Память об умерших* может рассматриваться в связи с этим как форма *памяти о смерти*.

И в гражданских, и в религиозных похоронных обрядах реализуются дискурсивные практики *памяти*. В православном обряде[58] при отпевании усопших поют *Вечную память*; по покойнику устраивают *поминки*; пишут *поминальные записки*, в которых указывают имена мертвых; *поминают* умерших в *поминальные дни*[59]. В социокультурных (светских, гражданских) обрядах память об умерших / погибших чтят минутой молчания, вставанием. Ср.:

> (1) Шли и шли и пели «**Вечную память**», и когда останавливались, казалось, что ее по залаженному продолжают петь ноги, лошади, дуновения ветра (*Б. Пастернак. Доктор Живаго*).
>
> (2) «Вы жертвою пали» включительно, все это пошло от таких лермонтовских строк, как: «Прощай, наш товарищ, недолго ты жил, певец с голубыми очами, лишь крест деревянный себе заслужил да **вечную память меж нами**» (*В. Набоков. Дар*).

---

[57] «Вокруг проблемы смерти и того, что должно наступить после нее, вращалась вся христианская мысль средневековья, сводившаяся к предупреждению: "Memento mori" ("Помни о смерти!")» [Токарчик 1992, с. 123].

[58] Как отмечает А. Токарчик, в сравнении с другими конфессиями, в православии роль обрядов и ритуалов, посвященных умершим, очень значительна [Токарчик 1992, с. 153].

[59] Смысл обряда поминовения и их связь с вечной памятью рассматривалась П. А. Флоренским в «Столпе и утверждении истины» [Флоренский 1914, т. 1, с. 194—195].

(3) Болел он одиноко и кратко, и смерть его была неспокойна. Правление союза эмигрантских писателей **почтило его память вставанием** (*В. Набоков. Машенька*).

(4) Перед церемонией награждения была **минута молчания в память погибшего** графа Новосильцева, «достойнейшего» гражданина и истинной гордости «российского спорта», как назвал его «врепремьер». Употребив эту несколько дерзкую формулировку, Кублицкий-Пиоттух бросил взгляд на «советских товарищей» (*В. Аксенов. Остров Крым*).

Существует устойчивое представление об исполнении долга живущих перед умершими, это — долг памяти, ср.: *отдать дань памяти, благодарная память потомков*. Важнейшим проявлением долга памяти (помимо церковного поминовения — долга верующих перед умершими верующими) является посещение могил и уход за ними, возложение цветов.

Память об умерших близких, в первую очередь о матери и об отце, имеет особый сакральный смысл[60], который находит выражение в вербальных действиях, например, в перформативном акте *клятвы памятью матери или отца*. В его основе лежит представление о том, что у большинства людей образ святого, священного, сакрального отождествлен с образом матери (в первую очередь, возможно, это связано с представлением о большей уникальности матери и ее роли в жизни детей, ср. поговорку: *Отцов много, а мать одна*), а также с образом отца. Это представление устойчиво проявляется в языке и культуре. *Так матерью* часто называют все наиболее значимое, имеющее для человека сакральный смысл, например: *мать сыра земля*; *родина-мать*; *Волга — всем рекам мать*; *Москва — всем городам мать*. Образ *отца* связан с представлениями об *отчем доме* (ср. также этимологию слова *Отечество*), о правилах, заповедях жизни, наследуемых от отцов, ср.: *жить по заповедям отцов, отцы наши не делали этого и нам не велели*. *Память об отце*, *о* матери часто сопровождается эпитетами: *святой, священный, самое дорогое*, ср.:

(1) **Вечная жизнь суждена только матери. И когда матери нет в живых, она оставляет по себе воспоминание, которое никто еще не решился осквернить. Память о матери питает в нас сострадание,** как океан, безмерный океан питает реки, рассекающие Вселенную... (*И. Бабель. Рабби*).

---

[60] См. также часть I, гл. 5, § 2. *Образы коллективной памяти*, подраздел: *Семейная память, семейные истории*.

(2) Посмотри, пожалуйста, на мою кожу. **Клянусь тебе всем святым, всем дорогим на свете, памятью мамы-покойницы — я достаточно наказан** (*М. Булгаков. Белая гвардия*).

(3) Слушай! — сказал он, слегка поправив Федькину челюсть, **так как ты память любезнейшей моей родительницы обесславил, то ты же впредь каждый день должен сию драгоценную мне память в стихах прославлять и стихи те ко мне приносить!** (*М. Салтыков-Щедрин. История одного города*).

(4) **Он поклялся на коленях пред образом и поклялся памятью отца**, как потребовала сама госпожа Красоткина, причем «мужественный» Коля сам расплакался, как шестилетний мальчик, от «чувств», и мать и сын во весь тот день бросались друг другу в объятия и плакали сотрясаясь (*Ф. Достоевский. Братья Карамазовы*).

(5) Но Николай в отказе от наследства видел выражение укора **священной для него памяти отца** и потому не хотел слышать об отказе и принял наследство с обязательством уплаты долгов (*Л. Толстой. Война и мир*).

Хранение *памяти о муже, о жене, о любимом, о любимой* соединено с идеями *любви* и *верности*[61].

Долг живущих перед умершими — не говорить о них ничего плохого, ср.: *О мертвых или хорошо или ничего*; *Мертвые сраму не имут*. Долг близких перед умершими предполагает также вообще не говорить ничего, что могло бы как-либо задеть память умерших, а также не совершать никаких действий, этически несовместимых с памятью о близком человеке. Ср.:

(1) Признавать возможность будущего казалось им **оскорблением его памяти.** Еще осторожнее они обходили в своих разговорах все то, что могло иметь отношение к умершему (*Л. Толстой. Война и мир*).

(2) ...То она говорила себе, что только она с своей порочностью могла думать это про них: не могли они не помнить, что в ее положении, когда еще она не сняла плерезы, такое сватовство было бы **оскорбительно и ей, и памяти ее отца** (*Л. Толстой. Война и мир*).

(3) И, между прочим, как раз во время этих пьянок Белкин и видел там господина Зотова. Что ж, можно понять желание человека **не омрачать память погибшего друга** (*А. Маринина. Реквием*).

Проявление неуважения к памяти мертвых, омрачение, оскорбление, надругательство над памятью является *страшным грехом* для религиозного человека. В светских практиках это также подлежит резкому

---

[61] См. также часть I, гл. 4, § 4. *Память и любовь.* «*Образ незабвенный*», подраздел: *Области концептуального согласования памяти, любви и верности.*

осуждению. Некоторые действия (например, осквернение могил) влекут за собой уголовную ответственность. Оскорбление памяти (в зависимости от степени содеянного) может квалифицироваться как нецивилизованное поведение, варварство, вандализм. Ср. также:

> Лера искоса посмотрела на Игоря, ожидая, что он включится в разговор и скажет что-нибудь такое, что заставит Зотова перестать **измываться над памятью ее папы и мамы**. Почему он ее не защищает? Почему не поможет ей в трудную минуту? (*А. Маринина. Реквием*).

Образ бессмертия и общественная память. И в языке, и в культуре образ человеческого бессмертия представлен как вечное хранение в общественной (коллективной) памяти имени, образа умершего. Иными словами, образ человеческого бессмертия отсылает к памяти других. Общественная (коллективная) память есть условие существования человеческого бессмертия. Ср.:

> (1) Итак, что будет с вашим сознанием? Вашим. Вашим. А что вы такое? В этом вся загвоздка. Разберемся. Чем вы **себя помните**, какую часть сознавали из своего состава? Свои почки, печень, сосуды? Нет, сколько ни **припомните**, вы всегда заставали себя в наружном, деятельном проявлении, в делах ваших рук, в семье, в других. А теперь повнимательнее. **Человек в других людях и есть душа человека**. Вот что вы есть, вот чем дышало, питалось, упивалось всю жизнь ваше сознание. **Вашей душою, вашим бессмертием, вашей жизнью в других**. И что же? **В других вы были, в других и останетесь**. И какая вам разница, что потом это будет называться **памятью**. Это будете вы, вошедшая в состав будущего[62] (*Б. Пастернак. Доктор Живаго*).
>
> (2) Зато были две книги — обе, подаренные ему тетей, — которые он полюбил на всю жизнь, **держал в памяти, словно под увеличительным стеклом**, и так страстно пережил, что через двадцать лет, снова их перечитав, он увидел в них только суховатый пересказ, сокращенное издание, как будто они отстали от того неповторимого, **бессмертного образа**, который они в нем оставили (*В. Набоков. Защита Лужина*).

Развернутая метафора героических деяний, которые остаются в памяти потомков и тем самым побеждают время, дана в рассказе Х. Л. Борхеса, ср.:

> Вытащить Цербера на дневной свет таков был последний подвиг Геракла. (...) «Пес с тремя головами **означает прошлое, настоящее и**

[62] О памяти и ее роли в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» см. в работе Н. А. Фатеевой [Фатеева 2003].

будущее время, которое встречает и, как пес, **пожирает все на свете**. Геркулес одержал над ним верх, это показывает, что **героические Деяния всегда побеждают Время, ибо остаются в памяти потомства**» (*Х. Л. Борхес. Цербер*).

Идея социального бессмертия связана со славой. В толковых словарях человеческое бессмертие толкуется через память и / или славу: **Безсмертие** 'Всегдашняя или продолжительная п а м я т ь о человѣкѣ на землѣ, по заслугамъ или дѣлам его' [Даль 1955, т. 1, с. 73]; **Бессмертие** 'Длительная с л а в а в последующих поколениях'. *Стяжать себе б.* [Ушаков 1935, т. 1, с. 134]; **Бессмертие** *Высок.* 'Неувядаемая посмертная с л а в а' [*Милонов:*] *Скоро мое имя покроется бессмертием, а с ним и ваше никогда не умрет для потомства.* (*А. Островский. Лес.*) [МАС 1981, т. 1, с. 85]. *Память о Суворове живетъ в народе* [Даль 1955, т. 2, с. 14].

В романе М. Кундеры «Бессмертие» (пер. Н. М. Шульгиной) социальное бессмертие получает стратификацию. Оно разделяется на малое и великое бессмертие. Очевидно, что с концептом славы связано великое бессмертие в «типологии» М. Кундеры.

Бессмертие, о котором говорит Гете[63], конечно, не имеет ничего общего с религиозным представлением о **бессмертии души**. Речь об ином, совершенно **земном бессмертии** тех, кто **остается в памяти потомков**. ⟨...⟩ Перед лицом бессмертия люди, конечно, не равны. Нужно различать так называемое **малое бессмертие**, п а м я т ь о человеке в мыслях тех, кто знал его ⟨...⟩ и **великое бессмертие**, означающее п а м я т ь о человеке в мыслях тех, с кем он лично не был знаком. Есть жизненные пути, которые ставят человека лицом к лицу с таким великим бессмертием, пусть ненадежным, даже неправдоподобным, но тем не менее возможным: это жизненные пути художников и государственных деятелей (*М. Кундера. Бессмертие*).

Бессмертие в социуме может выступать как *награда памятью*, как *плата* за принесенную в жертву («*на благо общества*») жизнь: *Родина заплатит бессмертьем тем, кто отдаст ей жизнь на поле боя.* (*Л. М. Леонов. Поступь гнева.*)

---

[63] В предыдущем отрывке речь идет о книге Гете «Из моей жизни», в которой описывается театральный занавес, который произвел сильное впечатление на девятнадцатилетнего поэта. На занавесе был изображен Храм Славы, к ступеням которого шел Шекспир: «без предшественников и преемников, нимало не заботясь об образцах, своим путем двигался к бессмертию» [примечание мое. — *Н. Б.*].

По этой модели создаются герои. Жертвенная смерть предполагает посмертную славу, ср.:

> ...Мы все горячо оплакали кончину нашего бесценного брата [Гарибальди], — но, и проливая слезы, **мы гордились им — и вечно будем им гордиться и свято чтить его память!** Его высокая, бескорыстная душа была достойна мученического венца! (*И. Тургенев. Вешние воды*).

Интересен в этом отношении пример, из которого видно, что самая большая жертва, которую может принести герой — это не его жизнь (такая жертва собственно и создает героя), а отказ от посмертной славы, от памяти. Будущий герой жертвует не только своей жизнью, но и посмертной славой, соглашаясь на безымянную жертву, ср.:

> — Ты готова на жертву? — Да. — **На безымянную жертву? Ты погибнешь и никто... никто не будет даже знать, чью память почтить!..** Мне **не нужно ни благодарности, ни сожаления.** Мне **не нужно имени** (*И. Тургенев. Порог*).

Одной из форм увековечивания является создание текста в память о погибшем герое. Рассуждая о родстве письма и смерти, М. Фуко пишет: «Сказание и эпопея у греков предназначались для того, чтобы увековечить **бессмертие героя.** И если герой соглашался умереть молодым, то это для того, чтобы его жизнь, освященная таким образом и прославленная смертью, перешла в бессмертие; сказание было выкупом за эту принятую смерть» [Фуко 1996, с. 14].

Таким образом, есть вероятность «заслужить» бессмертие, избрав определенный жизненный путь (художника или государственного деятеля) либо пожертвовав своей жизнью в бою, в борьбе ради общего дела, коим является, например, защита Отечества. Это предполагает, что социальное бессмертие в определенной мере зависит от человека: от его «выбора», его «согласия платить» — и может планироваться как возможная цель.

Проект сохранения памяти о себе. Проектирование *памяти о себе* является одной из социальных стратегий и выражается такими клише, как: *он(а) работает на будущее, на вечность, пишет «нетленку»*; шутливой фразой: *Еще ничего не сделано для вечности.* В основе этого проекта лежит желание *сохранить свой образ, след*, обозначив свое присутствие, в общественной (коллективной) памяти. Проектирование своего будущего из настоящего, которое потомки будут воспринимать как прошлое, является формой конструирования *alter ego* в восприятии других. При этом те, кто будет помнить, хранить прошлое, а также обращаться к нему, т. е. *потомки*, играют важную роль в этом проекте

памяти о себе. Именно через них осуществляется эстетическая, ментальная связь с будущим, заключающая в себе элементы сакрального. Следует отметить, что слово, особенно поэтическое, часто сакрализуется, ср.:

(1) Не столп, воздвигнутый над тлением твоим, **сохранит память твою в дальнейшее потомство.** Не камень со иссечением имени твоего принесет **славу твою в будущие столетия. Слово твое, живущее присно и вовеки в творениях твоих, слово российского племени,** тобою в языке нашем обновленное, **прилетит в устах народных за необозримый горизонт столетий.** ...Доколе слово российское ударять будет слух, **ты жив будешь и не умрешь.** Если умолкнет оно, то **и слава твоя угаснет** (*А. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву*).

(2) О друзья мои, сыны моего сердца! Родив вас, многие имел я должности в отношении к вам, но вы мне ничем не должны; я ищу вашей дружбы и любви; если вы мне ее дадите, блажен отыду к началу жизни и не возмущуся при кончине, оставляя вас навеки, ибо поживу на памяти вашей (*А. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву*).

(3) **Быть может, в Лете не потонет** // Строфа, слагаемая мной; // Быть может (лестная надежда!), // Укажет будущий невежда // На мой прославленный портрет // И молвит: **то-то был поэт! / Прими ж мои благодаренья,** // Поклонник мирных аонид, // **О ты, чья память сохранит** // **Мои летучие творенья,** // Чья благосклонная рука // Потреплет лавры старика! (*А. Пушкин. Евгений Онегин*).

Как это видно из примеров, свою включенность в общественную (коллективную) память потомков человек может осознавать при жизни. Это «осознание» закрепилось в «крылатых» словах: *Exegi monumentum. Я памятник себе воздвиг нерукотворный... «Итак, мой бывший начальник по министерству внутренних дел В. И. Даль приказал долго жить! Он оставил за собой след: "Толковый словарь" и мог сказать "Exegi monumentum"»* (*И. С. Тургенев. Письмо П. В. Анненкову.* Цит. по: [Бабкин, Шендецов, т. 1, с. 450]). Однако обычно идеология *величия человека, роли личности в истории* предполагает ретроспективную оценку заслуг личности перед обществом и посмертное[64] включение образа *великого человека* в коллективную память.

---

[64] Величие человека, признаваемое социумом при его жизни, также возможно и присутствует в языковых конструкциях, ср. *живой классик, он создал себе памятник при жизни, прижизненная слава.* Однако стереотипной является ретроспективная оценка величия и заслуг человека: *посмертная слава, неувядаемая слава.* Празднование столетних, двухсотлет-

Проект памяти о себе может иметь более локальный характер («малое бессмертие», в терминологии М. Кундеры). *Подарки на память* дарят близким, друзьям, знакомым, любимым, *чтобы помнили, чтобы не забывали.*

Анализ фразеологии показывает, что языковой образ памяти коннотативно связан с идеей вечной жизни, верой в бессмертие человеческой души. *Память живущих* выступает как символическое пространство, в котором продолжается жизнь *умерших.* Она концептуализируется как пограничная область между бытием и небытием, как место символической встречи живых и мертвых. Устойчивое представление о том, что живущие, вспоминая умерших (воскрешая их образы в своей памяти), тем самым продлевают их символическое существование, закрепилось во фразеологизмах, используемых как верующими, так и атеистами. Эта область памяти представляется наиболее архаичной и наиболее ритуализованной. Составляя часть ритуала (некрологи, надгробные речи, тосты на поминках), она слабо подвержена влиянию времени и слабо реагирует на социальные изменения.

них юбилеев, установка памятников к таким юбилеям реализуют идею *посмертной славы*, придают ей вещественное выражение.

Глава пятая

Память и социум. Механизмы социокультурной памяти

§ 1. Память и история, традиция, политическое воображение. Общий обзор

Отношение памяти и истории Смысловое сближение памяти и истории имеет давнюю традицию. Сложилось общее представление об историке как «воспоминателе» ('remembrancer'), хранителе памяти о публичных событиях. Такие события обретают письменную форму во славу великих деятелей, а также как пример для подражания, адресованный последующим поколениям [Burke 1989].

Цицерон называл историю «жизнью памяти» (*vita memoriae*). Многие историки, такие как Геродот, Лорд Кларендон, видели свою задачу в сохранении живой памяти о великих подвигах и великих делах. Историю сравнивали с защитным сооружением, поставленным против потока времени, уносящего все в пучину забвения [Ibid. 97]. Характерно, что осмысление отношения *память — история* происходит с помощью метафор. Также следует отметить, что отношение памяти и истории тесно связано с выстраиванием этических норм.

Активно разрабатывающаяся в XX веке теория памяти меняет отношение к исторической памяти: от памяти, предназначение которой — воскрешать прошлое, к памяти как системе знаков. Это можно проследить на примере различных интерпретаций значимого события, предложенных французскими историками разных поколений[1].

Ж. Мишле (1798—1874) рассматривал образы лидеров революции, а также публичные праздники, посвященные революции как попытку

---

[1] Подробнее см.: [Хаттон 2003].

воскресить живую память о революции. Ж. Мишле знал многих из поколения своих родителей, кто был свидетелем революционных событий. Для него память была не просто воспоминанием, но актом повторения. Для А. Оляра (1849—1928), родившегося на полвека позже, публичные праздники, описываемые Ж. Мишле, становятся коммеморативными[2] знаками стратегических политических решений. Задачу историка он видит не столько в вызывании духа вождей революции, сколько в почитании памяти об их деяниях и свершениях. М. Фуко [Фуко 1994] подчеркивал, что важнейшим элементом культурной практики является производство образов, через которые убедительно передаются идеи и которые служат историку показателем соотношения сил в обществе. Для П. Нора, французского ученого, издателя альманаха «Пространства памяти» (1984—1992), воспринявшего идеи М. Фуко (работы которого он когда-то редактировал), память о революции — это риторика коммеморации, различные формулы которой могут быть спустя века беспристрастно описаны.

Современные историки, таким образом, отмечают, что отношение *памяти* и *истории* в течение нескольких веков претерпело серьезные изменения. Характерно, что такой ученый, как П. Нора, в значительной мере инициировавший исследования, посвященные памяти, с тревогой отмечает экстраполяцию *памяти* на области, традиционно относимые к *истории*: «У нас нет больше общей почвы с прошлым. Мы можем обрести его лишь через реконструкцию — с помощью документов, архивов, памятников. Эта операция превращает "память" — тоже конструируемую — в модное имя для того, что прежде называли просто "историей". В этой глубокой и опасной инверсии смысла тоже проявляется дух времени. Слово "память" получило такой общий и экстенсивный смысл, что имеет тенденцию вообще попросту вытеснить слово "история" и поставить занятия историей на службу памяти» (*П. Нора. Всемирное торжество памяти*)[3].

Коллективная память и ее разновидности. Отношение памяти и традиции. Интерес к исследованию памяти во многом обусловлен тем, что в XX веке она начинает рассматриваться как функция социальной власти. М. Хальбвакс, введший термин *коллективная память*, определил ее как сложную сеть общественных нравов, ценностей и

---

[2] Коммеморация связана с практиками увековечивания памяти: поминания, отмечания годовщин каких-л. событий, сооружения памятников и т. д.

[3] Статья впервые опубликована в журнале «Transit» (2002. № 22). Цитируется по: http://www.nz-online.ru/index.phtml / Пер. *М. Сокольской.*

идеалов, отмечающую границы нашего воображения в соответствии с позициями тех групп, к которым мы относимся. Он связывал *коллективную память* с работой механизмов социальной власти, полагая, что образы человеческого сознания, которые Фрейд считал индивидуальными, относятся к коллективным образам социального дискурса, представленным в повседневной жизни. Способ, которым вызывается прошлое, зависит от власти группы, создающей свою собственную память. Интеграция индивидуальных воспоминаний в структуры *коллективной памяти* осуществляется благодаря традиции, сохраняющей и модифицирующей социальные рамки во времени. Та или иная группа колонизирует время, размещая значимые даты внутри хронологии достопамятных событий так же, как она колонизирует пространство посредством коммеморативной архитектуры, перестраивающей ее топографию. Для М. Хальбвакса *коллективная память* была «живым хранилищем» [Хаттон 2003, с. 199—203; 312].

Взаимосвязь механизмов *коллективной памяти* и традиции исследовал также французский историк Филипп Ариес. Обратившись к стереотипам мышления, передаваемым от одного поколения к другому через большие промежутки времени, он утверждал, что они поддерживают традицию [Там же, с. 231].

В работе «Человек перед лицом смерти» Ф. Ариес отмечает усиление значения коммеморативных практик как в личной, так и публичной сферах жизни в начале XIX века. Благодаря его исследованиям в исторической науке стало формироваться новое направление: история политики коммеморации.

Тема соотношения памяти и традиции активно обсуждается в современной литературе. Эдвард Шилс, например, утверждает, что существует «чувство прошлого», которое является важным и которое подчинено общей «чувствительности к событиям прошлого» (sensibility to past things"). [Shils 1981]. Об этом также пишет Д. Лоуэнталь: «Мы можем подобраться к прошлому через память истории или реликты» [Лоуэнталь 2004, с. 22].

Коллективная память, рассмотренная в трудах М. Хальбвакса [Halbwaches 1950] и позже в работах П. Нора [Nora 1984—1992], согласуется с пониманием *публичной памяти* — социального продукта, возникшего в результате селекции, интерпретации и определенного искажения (погрешности) относительно фактов прошлого.

Дж. Хартман [Hartman 1996] различает *коллективную память* и *публичную память*. Потребность в создании *коллективной памяти* (как полагал М. Хальбвакс) возникает в момент опасности полного исчезновения вещи прошлого. *Коллективная память* конструируется по

прошествии значительного времени. Возникновение *коллективной памяти* он связывает с возрастанием чувства национального самосознания, проявившегося в эпоху романтизма в XIX веке, когда идеи национальных традиций получили исключительное развитие. *Публичная память* появляется как реакция «на злобу дня», почти сразу по прошествии каких-либо событий: «...на сегодняшний день мы чувствуем необходимость увековечивать все, даже случайное событие; и массмедиа не просто делает это возможным, но способствует этому» [Hartman 1996, с. 106]. Дж. Хартман также выделяет *официальную память* — продукт государственного манипулирования, форму и результат политизации памяти. В современных условиях он находит важным разделить *публичную, коллективную* и *официальную* виды *памяти*.

П. Бёрк также оперирует понятиями *официальной* и *неофициальной памяти* о прошлом (official and unofficial memories of the past) [Burke 1989, p. 107].

Глубинные структуры *национальной памяти* исследует Пьер Нора. Он рассматривает память как риторику коммеморации. *Национальная память* проявляется в интересе социума к памятникам, монументам славы, проявившимся в XIX веке и количественно увеличившимся в XX веке [Nipperdey 1981].

Национальная память и политический символизм. Рассматривая структуры *национальной памяти*, М. Агюльон в книге «Сражающаяся Марианна» [Agulhon 1979] исследует проблему, названную им историей политического символизма. Он анализирует осуществлявшиеся на протяжении столетия (1789—1879) попытки сформировать символ, персонифицирующий Французскую Республику. К такому символу предъявляются следующие требования: он должен быть запоминающимся; с ним граждане страны должны легко связывать свою идентичность; он должен соотноситься с национальным стереотипом или с тем, что можно определить как национальный стереотип. М. Агюльон обращает внимание на то, что женский образ республики, воплотившийся в образ *Марианны*, был «исключительно французской» особенностью. В отличие от французов, память американцев о своей республике связана с образами отцов-основателей, для англичан символом нации является *Джон Булль*[4]. Политическим символом Советской России стал образ *Ленина — учителя* и *вождя мирового пролетариата*, «*самого человечного человека*», а также идейных от-

[4] John Bull (Джон Булль) — типичный англичанин (по имени простоватого фермера в памфлете Дж. Аобенота ([Рум., Колесников, Пасечник и др. 1978, с. 228]).

цов-основателей: *К. Маркса* и *Ф. Энгельса*. Политический символизм, таким образом, преимущественно культурно специфичен и напрямую связан с национальными стереотипами.

Культурно-специфичной является также общая разработка «героического прошлого» нации. Дж. Фентресс и К. Викман отмечают, что после Французской революции 1871 г., когда Третьей республикой была принята Марсельеза и начали отмечать день взятия Бастилии, программа обучения истории была тщательно переписана. Революционные лидеры не были восприняты как герои, и прошлое оказалось свободным от героев революции. Этот факт отличал Францию от имперской Германии того же периода с ее генеалогией лидеров от *Арминия* до *Вильгельма I*. В США историческое прошлое воссоздавалось *ex novo* преимущественно писателями начала XIX века. Для героизации наиболее подходили такие личности как *Вашингтон*, *Джефферсон*, *Линкольн*. Увековечиванию подлежала, прежде всего, память о борцах с колониальным режимом. *Вашингтон*, таким образом, оказался в одном ряду с *Боливаром*, *Гарибальди*, *Ататюком*, *Ганди* и др. [Fentress, Wickham 1992, p. 131].

Процесс мифологизации личности, как это видно из примеров, предполагает соотнесение индивидуальных свойств личности с той или иной социальной ролью, в результате которой мы получаем «мнемоническую личность», объект коммеморативных практик. Однако, как справедливо отмечает П. Бёрк, не каждого праведника или праведницу признают (официально или неофициально) святыми. Лишь некоторые правители остались в общественной памяти героями: *Генрих IV* во Франции, *Вильгельм III* в Англии и *Фридрих Великий* (Frederick the Great) в Германии[5]. Превращение холодного и бесцветного *Вильгельма III* в кумира протестантов, '*Короля Билли*' (King Billy) не может быть объяснено исключительно свойствами личности [Burke 1989, с. 104]. Между конкретной личностью и современным стереотипом героя должно быть нечто такое, что заставляет работать воображение людей. В результате этого возникают устные рассказы[6]. При их создании и циркуляции включаются механизмы искажения (distortion), происходит, «выравнивание» и «обтачивание»[7] ('levelling' and 'sharpening') образа. Бандиты превращаются в *Робин Гудов*, отнимающих добро у богатых и

---

[5] Фридрих II (1712—1786), король Пруссии.

[6] Со второй половины XX века историками стала осознаваться роль и значение «устной истории» (см.: [Vansina 1985]).

[7] *Выравнивание* и *обтачивание* образа — термины социальной психологии.

раздающих его беднякам; *Вильгельм III* начинает восприниматься как второй *Вильгельм Завоеватель* и т. д.

В разных культурах степень востребованности прошлого различается. Например, в традиционной китайской культуре к прошлому относятся бережно, в традиционной индийской культуре — равнодушно. Похожие процессы происходят в Европе: у поляков и у ирландцев достаточно долгая социальная память. На юге Ирландии люди продолжают негодовать по поводу действий Англии во времена Кромвеля. В Польше жива память о наполеоновских временах, приведших к национальному противостоянию. Англичане, наоборот, страдают от «социальной амнезии», которая противоположна «социальной памяти». Причину востребованности прошлого П. Бёрк усматривает в стремлении к самоидентификации, которая приводит к поиску национальных корней. Польша и Ирландия были разделены, поэтому поиск национальных корней, национальной символики для них имеет первостепенную важность [Ibid., с. 105—107]. *Национальная память* в этих странах играет определяющую роль.

История политического символизма в России показывает, что в отношении некоторых фигур происходят процессы интрепретации и реинтерпретации. После перестройки реинтерпретации подверглись не только царь Николай II, политические деятели, такие как П. А. Столыпин, С. Ю. Витте, но и писатели, философы, поэты, художники, оказавшиеся в эмиграции, т. е. целый слой русской культуры. О России можно сказать, что относительно одних и тех же символов периоды социальной памяти чередуются с периодами социальной амнезии, часто создаваемой искусственно.

Коммеморативные места и культурная память. В теории памяти важную роль играет понятие *коммеморативных мест*, составляющих особую область *коллективной* (*публичной*) *памяти*. Термин принадлежит П. Нора, который провел аналогию с *мнемоническими местами* (*правило мест*), составлявшими основу техники запоминания — *искусной памяти*. Была выстроена, таким образом, аналогия между античной теорией искусной памяти и современной историей[8].

Эта тема продолжает свое развитие в трудах, посвященных *культурной памяти*. Как отмечает Я. Ассман, немецкий египтолог, *искусство запоминания* работает с воображаемым пространством, *помнящая культура* — с расстановкой знаков в естественном пространстве. При этом пространства не столько размечаются знаками («памятниками»), сколько сами поднимаются в ранг знака, т. е. *семиотизируются*.

---

[8] См. также работу [Le Goff 1993].

Он называет их топографическими «текстами» культурной памяти, «мнемотопами», местами памяти. Рим, например, уже в античности представлял собой «священный ландшафт» [Ассман 2004, с. 63]. Мнемотопы не только припоминаются, но и воссоздаются. М. Хальбвакс это положение иллюстрировал на примере святых мест христианства в Палестине. Святые места увековечивают не факты, подтвержденные свидетелями той эпохи, а положения веры, закрепленные в них задним числом (цит. по: [Ассман 2004, с. 42]. Внутри *помнящей культуры* формулируется вопрос: *Чего нам нельзя забыть*? Этот вопрос является непременным атрибутом любой социальной группы [Там же, с. 30—31].

Я. Ассман различает также понятия *культурной* («das kulturelle Gedächtnis») [Assmann, Hölscher 1988]) и *коммуникативной памяти*. *Коммуникативная память* охватывает воспоминания, связанные с недавним прошлым, например, память поколения. Она существует в модусе *биографического воспоминания*, опирающегося на социальное взаимодействие. *Культурная память* направлена на фиксированные моменты в прошлом. Она существует в модусе *обосновывающего воспоминания*, связанного с истоком или происхождением. *Обосновывающее воспоминание* опирается не на социальное взаимодействие, оно учреждается существующими в обществе социальными институтами, которые, в свою очередь, определяют набор фиксированных моментов прошлого. *Обосновывающие воспоминания* показывают явления настоящего в свете истории, которая делает их осмысленными, необходимыми и неизменными. Прошлое сворачивается в символические фигуры. Например, истории патриархов, исход — это *фигуры воспоминаний*, воскрешаемые с помощью праздников. К *фигурам воспоминания* также относятся мифы.

В отличие от *обосновывающих, контрапрезентные* воспоминания связаны с ощущением недостатков настоящего по сравнению с прошлым. Прошлое при этом приобретает черты героической эпохи [Там же, с. 83—84]. (Ср. пример контрапрезентного воспоминания в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Бородино»: *Ведь были люди в наше время // Не то, что нынешнее племя // Богатыри — не вы.*) *Контрапрезентные воспоминания* могут оказываться в опале, так как они релятивируют настоящее.

Поскольку *культурная память* может иметь форму ритуального знания, то, в отличие от *коммуникативной памяти*, ее носителями являются избранные: шаманы, барды, грио, жрецы, художники, писатели, ученые и т. д. *Культурная память*, согласно Я. Ассману, обладает свойством прочности, *коммуникативная память* — текучести [Ассман 2004, с. 52—62].

Я. Ассман различает также *успокоительные* и *возбуждающие* элементы в историческом и культурном сознании и памяти. *Успокоительные элементы* «отвечают» за память о повторяющемся, регулярном, а не об уникальном и необычном. Наоборот, *возбуждающие элементы* фокусируют память на уникальном, особенном, передовом, новом [Там же, с. 74].

Политическое воображение и культурная память. В современных социологических и культурологических теориях *память* концептуально согласуется с *воображением*[9]. На развитие этой темы оказали влияние работы Э. Сейда [Said 1978] и Б. Андерсона [Anderson 1991]. В них на примере *Ориентализма* — системы воображаемых представлений о Востоке, стереотипа «восточности» (Э. Сейд) и *национализма* (Б. Андерсон) были проанализированы способы создания конструктов со статусом незыблемой и непогрешимой реальности, рассматривалась роль и способ действия их в социуме.

Э. Сейд исследует *Ориентализм* как продукт динамического обмена между авторским индивидуальным письмом и большими политическими концернами, включающими великие империи, такие как: Британия, Франция и Америка, — в чьих интеллектуальных и образных полях создавалась эта продукция [Said 1978, p. 14—15]. На «подмостках» *Ориентализма* возникает огромное количество отдельных сцен, вызывающих к жизни баснословно богатый мир: *Сфинкс*, *Клеопатра*, *Троя*, *Содом* и *Гоморра*, *Астрата*, *Исида* и *Осирис*, *Магомет* и десятки других. С *Ориентализмом* ассоциативно связаны имена, наполовину выдуманные, наполовину реальные: *монстры*, *дьяволы*, *герои*, а также *страхи*, *удовольствия*, *желания* [Ibid., p. 63]. Его поле имеет кумулятивную и корпоративную идентичность.

Ориентализм, согласно Э. Сейду, является интеллектуальным, эстетическим, научным и культурным продуктом. В создании этого конструкта принимали участие доктрины, определявшие культурное развитие своего времени. Существует лингвистический Восток, Восток по Фрейду, Восток по Дарвину, Восток по Шпенглеру, расистский Восток, однако не существует чистого Востока, вне каких-либо конвенций [Ibid., p. 23—24].

Способ анализа *национализма*, предложенный Б. Андерсоном в работе «Воображаемые сообщества» («Imagined Communities»), имеет определенное сходство со способом интерпретации *Ориентализма* в работах Э. Сейда. Б. Андерсон рассматривает *национализм* как особо-

[9] См. также часть I гл. 4, § 5. *Интерпретативная функция памяти. Память и воображение.*

го рода культурный артефакт [Anderson 1991, p. 4]. Слово «воображаемый», выведенное в заглавие книги, является для автора ключевым. В современных философских, социологических, культурологических исследованиях тема «воображаемых сообществ» и политического воображения становится ведущей. По-видимому, по ассоциации с этим названием американский критик Стенли Фиш предложил термин «интерпретативные сообщества» для анализа конфликтов, возникающих вокруг различных интерпретаций разных текстов, а П. Бёрк — «сообщества памяти» (memory communities).

В рамках исследования *культурной памяти* Я. Ассман рассматривает три взаимосвязанные темы: *воспоминание* — как обращение к прошлому; *идентичность*[10] — как политическое воображение; *культурная преемственность* — как складывание традиции [Ассман 2004, с. 15]. Анализ политического воображения, таким образом, выступает как компонент анализа *культурной памяти*. Вырабатывая культуру памяти о прошлом, различные общества продуцируют собственные воображаемые образы совершенно по-разному. Центральной темой работы становится вопрос о том, как общества помнят себя и как общества через воспоминание «воображают себя» [Там же, с. 17].

Таким образом, проблема соотношения *памяти* и *воображения*, введенная в социальный контекст, становится также вопросом о способах, методах и мотивах конструирования памяти.

В этой связи правомерно сомнение Дж. Хартмана относительно того, можно ли *общественную память* вообще называть *памятью*, поскольку между *живыми воспоминаниями*, характеризующими *личную память*, и политическими конструкциями, формирующими *общественную память*, существуют ощутимые различия. Эти различия обнаруживаются в разных типах отношений, связывающих *личную* и *коллективную память* с прошлым.

Коллективная память, в отличие от *личной*, не имеет физиологической основы. «Ее замещает в этом случае культура — комплекс обеспечивающего идентичность знания, объективированного в символических формах, таких как мифы, песни, танцы, пословицы, законы, священные тексты, скульптуры, орнаменты, живопись, дороги, и даже — как в случае австралийцев — целые местности» [Ассман 2004, с. 95].

---

[10] Идентичность основана на памяти и воспоминании о прошлом. Как отдельный человек только благодаря наличию у него памяти может выработать и сохранить в смене дней и лет личную идентичность, так и группа может сохранять групповую идентичность только с помощью памяти [Ассман 2004, с. 95].

Усиливающееся отчуждение *общественной памяти* от *личной* и от *живого воспоминания* становится очевидным. Функции *памяти*, по мнению Дж. Хартмана, берет на себя *воображение*, способное реконструировать некое подобие существования тех вещей, которых в реальности нет. Иллюстрируя включенность *воображения* в *память*, он говорит о вымышленных историях и именах, которые благодаря силе искусства становятся частью жизни обычных людей. Возникает тенденция к «дереализации» (derealization), т. е. к общему ослаблению чувства реальности [Hartman 1999, p. 264].

Дж. Хартман также ставит вопрос о доверии современного человека к *общественной памяти*, которая является отчужденным от реальности плодом конструирования и воображения.

Предотвращение попыток конструировать и реконструировать прошлое он считает этически важным, отмечая усиливающуюся тенденцию к «историзации» всего («to historicize» everything), которая характеризует современность. Это способствует забыванию в большей степени, чем воспоминанию. Кризис доверия, нехватка конфиденциальности спровоцирована страхом перед возможным слиянием с помощью силы медиа двух миров: мира видимостей (the world of appearances) и мира пропаганды. [Hartman 1999, p. 267].

Д. Лоуэнталь, назвавший свою книгу «Прошлое – чужая страна», полагает что «прошлое *остраняется*, становясь все более чужим, чем когда-либо прежде» [Лоуэнталь 2004, с. 6]. Люди не готовы понять и смириться с этим. Они считают прошлое «прирученной» областью: «...общественность продолжает объяснять прошлое в терминах современности. Учебники превозносят историческую эмпатию. Это приводит к стиранию культурной дистанции между прошлым и современностью и вменяет людям прежних эпох мотивы и цели нынешнего дня» [Там же, с. 7]. Как отмечал В. Беньямин, даже мертвые не застрахованы от победителей, которые, не церемонясь, переписывают историю. Похожих взглядов придерживается Г. Кнабе, говоря о «второй памяти», или квазипамяти, которая «лишь в угоду сегодняшним соображениям готова напоминать образы, некогда населявшие преемственную память истории» [Кнабе 2004, с. 13].

В заключение следует отметить, что введение памяти в социальный контекст способствовало появлению нового метафорического значения слова, а также расширению понятийного пространства данного концепта за счет образованных от греческих и латинских корней слов: *мнемонические (места)*, *коммеморация*. Была сформирована понятийная область, возникли новые исследовательские направления, ведшие-

ся не столько в традициях позитивизма или неопозитивизма, сколько в духе феноменологии и герменевтики.

Исследование разных видов коллективной памяти в их отношении к воображению, политическому символизму, формам и способам мифологизации имеет некоторую аналогию с лингвистическим анализом внутренней формы языковых единиц, их этимологии, процессов метафоризации, реконструкции образного основания фразеологизмов. Иными словами, методология и метаязык историков и философов памяти могут быть переведены на язык лингвистики.

Исследуемая посредством анализа архивных документов, устных рассказов *коллективная память* воплощается также и в языке, а именно: во фразеологизмах (устойчивых и воспроизводимых единицах); в эпонимах; в формах и способах употребления слова-концепта *память* в текстах разных типов дискурса. Об этом речь пойдет ниже.

В дальнейшем я буду различать *личную* и *коллективную память*, а также *коллективную* и *общественную память*. *Коллективная память* употребляется здесь в двух значениях: 1. 'такая, которая не является личной'; 2. 'такая, которая относится к разным социальным группам (семья, школьные товарищи, сослуживцы и др.). *Общественная память* соотносится с *народной памятью* и связана в первую очередь с коммеморативными практиками.

§ 2. Образы коллективной памяти

В устойчивых языковых употреблениях *личная*, *коллективная* и *общественная память* и *история* дифференцируются: *история жизни*; *семейная история*; *история народа*. Говоря: *Таким он и остался в моей памяти / в памяти дочери*, — мы апеллируем к личной памяти; *Таким он и остался в памяти родных и близких / сослуживцев / тех, кто его знал*, — к коллективной. Если говорят: *Народная память сохранит его образ. Он будет жить в веках в памяти народа / благодарных потомков*, — то при этом используются клише общественной памяти.

Память (*личная* и *коллективная*) устойчиво уподобляется *архиву*, а *архив* — *памяти*, ср.:

(1) Бедный Обломов то повторял зады, то бросался в книжные лавки за новыми увражами и иногда целую ночь не спал, рылся, читал, чтоб утром, будто нечаянно, отвечать на вчерашний вопрос знанием, **вынутым из архива памяти** (*И. Гончаров. Обломов*).

(2) М. Музаев: «**Архив** — это не склад старых бумаг, это — **документальная память народа**»... это часть духовного наследия народа и **опора народной памяти** (Статья добавлена 24.08.2002).

Прошлое (*личное* и *коллективное*) можно классифицировать как очень давнее, давнее и недавнее. Соответственно различается память об очень давнем, давнем и недавнем.

Коллективное прошлое: ***преданья старины.*** **Свидетельства:** ***на моей памяти.*** *Память* об очень давнем концептуализируется как *память о былом.* Она согласуется с *преданьями старины* (*доброе, старое время / старые добрые времена*; *дней минувших анекдоты*). Как правило, это — передаваемые из поколения в поколение коллективные знания. Обращаясь к ним, человек обращается к коллективному прошлому, свидетелем которого он не был.

К *старине* могут также относиться события недавнего прошлого в том случае, если в обществе произошли кардинальные изменения, в результате которых актуальное настоящее стало восприниматься как *новое время* (пример 1).

В воспоминаниях о *старине* описываются быт, уклад, привычки, традиции, а также знаковые события истории и семейные предания, ср.:

(1) Главным образом я предпринял мой труд для того, чтоб восстановить характеристические черты так называемого **доброго старого времени**, **память** о котором, благодаря резкой черте, проведенной упразднением крепостного права, все больше и больше **сглаживается** (*М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина*).

(2) Старые господа умерли, фамильные портреты остались дома и, чай, валяются где-нибудь на чердаке; **предания о старинном быте и важности фамилии всё глохнут или живут только в памяти немногих**, оставшихся в деревне же **стариков** (*И. Гончаров. Обломов*).

(3) Я еще застал людей, у которых **в живой памяти были события 1812 года** и которые рассказами своими глубоко волновали мое молодое чувство (*М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина*).

Старые времена — это прошлое плюсквамперфектное. Оно характеризуется как *незапамятные времена* и противопоставляется *новым временам*, т. е. актуальному настоящему. Оно состоит из *былей и небылиц*: *миф и история* в нем синкретичны. Ср.:

(1) Я, бывало, // **Хранила в памяти не мало // Старинных былей, небылиц // Про злых духов и про девиц**; // А нынче **все мне темно**, Таня: // **Что знала, то забыла**. Да... (*А. Пушкин. Евгений Онегин*).

(2) Мы нынче смотрим свысока на эти игрушки **старых детей старого времени**; но игрушки игрушкам рознь, а если на игрушке есть отпечаток мысли и художества, то следует **хранить ее в музее**, как хранят мельчайшие утвари и безделки, выгребаемые из-под помпейских развалин (*П. Вяземский. Старая записная книжка*).

(3) Поверьте мне, это сливки русской нации — верх интеллигентности, благородства, таланта. Конечно, они были когда-то реакцио-

нерами и дрались против великих вождей Троцкого и Ленина, но ведь когда это было, месье Кузенко? В **незапамятные времена**! (*В. Аксенов. Остров Крым*).

Об отдаленном прошлом говорят: *Когда это было, при царе Горохе; Было и прошло и быльём поросло*[11]; *Была, сказывают, и правда на свете, да не́ нашу память. И старикам не в память* [Даль 1955, т. 3, с. 14]. Связь с актуальным настоящим мыслится как почти утраченная.

Об очень старом человеке, олицетворяющем собой *старину*, говорят: *Он помнит еще царя Гороха* (*царя Мамая и всю кротость его*) [Даль, т. 1, 1984, с. 349]. Обращаясь к *старым временам*, человек обращается к прошлому, свидетелем которого он не был, о котором он знает благодаря устным рассказам и/или письменным текстам.

В отличие от обращения к *старым временам*, обращаясь к своей памяти, человек говорит, что некое событие произошло, когда он был в сознательном возрасте, т. е. был способен это событие запомнить. Готовность / неготовность засвидетельствовать какой-либо факт прошлого может оформляться с помощью фраз: *Помню/не помню, как это было*... Эти же функции выполняет фразеологизм *на моей памяти*, ср.:

(1) **На моей памяти таких случаев не было, но все-таки это очень** красиво когда вокруг огороженного квадрата ждут люди с обнаженным оружием, и солнце сверкает на стали (*В. Пелевин. Чапаев и пустота*).

(2) — Такая-то зима, **на моих памятях, только раз и была**: как француз на Москве кутил да мутил (*М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина*).

(3) **Склад средней дворянской жизни еще и на моей памяти, — очень недавно, — имел много общего со складом богатой мужицкой жизни** по своей домовитости и сельскому старосветскому благополучию (*И. Бунин. Антоновские яблоки*).

Семейная память, семейные истории. Память о своей родословной, о *семейных корнях*, а также воспоминания (часто детские[12]) о семейном укладе, традициях образуют *семейную память*, в кото-

---

[11] Толковый словарь определяет *былье* как устаревший синоним к слову *трава*. Название повести В. Катаева «Трава забвения» можно рассматривать, таким образом, как парафраз поговорки *Было и прошло и быльем поросло*. Анализ выражения *быльем поросло*, см. также [Zaliznіak (in print)].

[12] См. также о *детских воспоминаниях* часть I, гл. 4, § 2. *Выделенные общие места в памяти*.

рой хранятся события очень давнего, давнего и недавнего прошлого, ср.:

(1) Восемнадцати лет покинув Петербург, я (вот пример галлицизма) был *слишком молод* в России, чтобы проявить какое-либо любопытство к моей родословной; теперь я жалею об этом из соображений технических: при отчетливости личной памяти неотчетливость семейной отражается на равновесии слов (*В. Набоков. Другие берега*).

(2) Да и не мудрено: ведь я прихожусь им четвероюродным дедушкой, а в этой степени родства самая память об узах невольно исчезает (*М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина*).

(3) Прадед Мордке светится точкой на окраине памяти, а потом — тьма (*Д. Маркиш. Стать Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля*).

Домашний архив (мемуары, дневники, письма членов семьи) создается *для детей и внуков, для друзей и близких*, а не для публикации. Пересказ семейного предания начинается словами: *Эту историю я слышал от своего деда...*; *Эту историю рассказывал моему отцу мой прадед*; *Мама говорила, что...*; *От бабушки я узнала, что...* и т. д. Как отмечает Ф. Ариес, сознание ребенка стало архивом, в который родители помещали свои семейные традиции, даже когда поощряли надежды своих детей на более многообещающее будущее [Хаттон 2003, с. 253]. Историю семьи формируют воспоминания ее членов; возникает жанр *семейного рассказа, предания, летописи, хроники*. Переплетение семейных рассказов с рассказами об исторических событиях создает жанр семейно-исторического повествования. В нем соединены: *личная, семейная и общественная память*. Ср.:

Я знала все наши семейные истории о детстве и молодости дедушек и бабушек, биографии и приключения друзей, моих родителей в России и в изгнании, о столичных театрах и деревенской жизни, о путешествиях по Волге и в Крым, о фронтах Первой мировой войны, о первых неделях бунта, вследствие которого на глазах повествователей их родина рухнула. За каждым взрослым стояла его неповторимая история, а все истории вместе становились русской и мировой историей в лицах и деяниях. Через такие устные мемуары я узнала Россию, как будто в ней ранее жила ⟨...⟩

Но главной нашей оригинальностью была опасная и заразительная болезнь: все та же память. Да, мы привезли с собой память о России, уже преобразованную опытом нескольких поколений русской эмиграции, память о годах эмиграции и о странах, принявших нас и в которых расцвела наша культура. И об этом всем начали рассказывать (*Н. Сахарова. «Воспоминание — основной враг несвободы и диктатуры». Опыт преображения памяти*).

Семейная память, память о своих корнях этически отмечена. В языке и культуре утрата человеком *семейной памяти* (*беспамятство, забвение*) оценивается отрицательно. Фразеологизм *Иван, не помнящий родства,* — имеет отрицательные коннотации: фразеологические словари снабжают его пометой *неодобр.* [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000, с. 191].

В пословице: *И отца-мать забудешь, а есть не позабудешь* [Даль 1984, т. 1, с. 349] утверждается, что быть сытым для человека — самое главное. Союз *и*, имеющий здесь усилительное значение, указывает на то, что забывание *отца* и *матери* — это некий предел забывчивости.

Вычеркивание из памяти образа семьи, забывание *семейных уз* может ассоциироваться с забыванием своего долга и своих обязательств. Таким способом отмечается граница между старым и новым в процессе перехода человека к новой жизни, манифестируемой как: другая религия, новые идеалы, любовь, ср.:

(1) Тогда он понял, что, если не хочет мучиться, должен **оподлиться безусловно**, безоговорочно и **вымарать образ семьи из памяти**, и **всецело отдаться** чудовищной, безобразной, почти болезненной **страсти**, которую возбуждала в нем веселая красота Магды (*В. Набоков. Камера обскура*).

(2) Ты для него **забыла честь, родных и Бога** (*А. Пушкин. Полтава*).

Забывание долга перед отчизной во имя любви отражено в стихах А. Блока, ср.:

В глаза Хозе метнула взгляд! // Насмешкой засветились очи, // Блеснул зубов жемчужный ряд, // И я забыл все дни, все ночи, // И сердце захлестнула кровь, // **Смывая память об отчизне**... (*А. Блок. Бушует снежная весна...*).

Народная память. Социокультурный конструкт *народная память* (относимый к *коллективной памяти*) связан с историческим прошлым народа. *Народная память* хранит: знаковые события, включая события-травмы (примеры 1, 2), знаковые имена (пример 3), тексты и др., ср.:

(1) Ежели про Березину так много писали и пишут, то со стороны французов это произошло только потому, что на Березинском прорванном мосту бедствия, претерпеваемые французской армией прежде равномерно, здесь вдруг сгруппировались в один момент и в одно **трагическое зрелище**, которое у всех **осталось в памяти** (*Л. Толстой. Война и мир*).

(2) **Двенадцатый год — это народная эпопея, память** о которой **перейдет в века и не умрет, покуда будет жить русский народ** (*М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина*).

(3) Что знают сейчас об этом человеке? Насколько мы можем судить, **в народной памяти** его **образ** приобрел чисто мифологические черты, и в русском фольклоре **Чапаев** является чем-то вроде знаменитого Ходжи Насреддина (*В. Пелевин. Чапаев и пустота*).

(4) Было семь чудес на свете. **Народная память** донесла до нас только три: **храм Дианы Эфесской** [5], **сады Семирамиды** [6] **и медного колосса** [7] **в Родосе**. Об остальных **воспоминание погружено на дно Атлантического океана** (*А. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина*).

Апелляция к *народной памяти* формирует риторику коммеморации. Знаковые фигуры, события, тексты, хранимые *народной памятью*, как правило, подвергаются мифологизации. Попадая в коллективную память, они становятся элементами идейной системы данного общества, данной группы. М. Хальбвакс назвал их «образами воспоминания», которые являются одновременно образцами, примерами и своего рода поучениями. Я. Ассман называет их «фигурами воспоминания» Специфика фигур воспоминания определяется тремя признаками: отнесенности к конкретному времени и пространству, отнесенностью к конкретной группе и воссозданием как специфическим для них способом *действия* [Ассман 2004, с. 39].

§ 3. Фигуры воспоминания: мнемонические образы, места, события, тексты

Мнемонические (знаковые) образы. В социуме существует некоторый репертуар ролей, обслуживающий механизм социокультурной и политической символизации исторических личностей, а также художественных, мифологических персонажей. Большинство этих ролей выработано с помощью «идеального» языка. Эти роли используются для описания и говорения о «вершинных» (позитивных и негативных) возможностях человека и являются образцами положительного и отрицательного «super ego».

Фигуры воспоминания, *знаки эпохи*, *символы эпохи* формируются благодаря соединению имени личности, ее индивидуальных свойств с социальной ролью. Символы эпохи кореферентно связаны с актуальным временем: актуальным настоящим и актуальным прошлым (недавним, давним, очень давним[13]). Набор ролей-масок интернациона-

[13] Здесь *недавнее*, *давнее* и *очень давнее прошлое* имеет определение *актуальное*, поскольку *былое*, *преданья старины* являются часто источником символизаций, тем самым включаясь в актуальное настоящее.

лен, он обнаруживает себя в разных языках и культурах[14]: *гений* (*поэт, музыкант, ученый*), *герой*, *предатель*, *герой-любовник*, *тиран*, *великий полководец*, *красавица*, *красавец*, *вождь* и некоторые другие. Некоторые социальные роли могут иметь: 1) дополнительную спецификацию; 2) дополнительные коннотации; 3) соединять в себе несколько коннотаций и др. Рассмотрим некоторые случаи.

(1) Социальные роли могут **специфицироваться**: 'скептик, страдающий философ' (*Гамлет*), 'печальный благородный рыцарь' (*Дон Кихот*), 'герой-космонавт' (*Юрий Гагарин*).

(2) Социальные роли могут иметь **дополнительные коннотации**. Например, 'герои Второй мировой войны' (*Александр Матросов*, *Зоя Космодемьянская*) имеют коннотацию 'советских патриотов'. Наряду с *молодогвардейцами*, *панфиловцами* и др. они служили образцами, эталонами патриотического воспитания в Советском Союзе, воплощением «лучших черт *советского человека*»: 'несгибаемости духа', 'силы воли', 'любви к своей Родине', 'готовности отдать за Родину свою жизнь'. Показательно, что образ русского героя-воина имел аналогичный набор коннотаций. Исключение составляет «советские» смысловые компоненты: *готовность умереть за светлые идеалы коммунизма*, *за торжество идеалов коммунизма*, *за Сталина*, которые заместили *готовность умереть за царя-батюшку*. Новым явилось также появление и закрепление образа героини и героя-ребенка (см. также: [Сандомирская 2001]).

В целом для образов героев и особенно героев, описываемых в советской литературе, характерным является сочетание героического с возвышенным. Им посвящены отдельные исследования, см., например: [Геллер 1994, с. 81—114].

(3) Некоторые социальные роли **деперсонализованы**: 'безымянный герой' (*Неизвестный Солдат*), 'безымянные жертвы' (*жертвы войны*, *жертвы блокады*, *жертвы сталинских репрессий*, *жертвы Холокоста*, *жертвы фашизма*).

(4) Некоторые социальные роли **соединяют в себе несколько коннотаций**: 'национальный герой' и 'неудачный проводник' (*Сусанин*), '[революционный] герой' и 'герой анекдотов, анекдотическая личность' (*Чапаев*). Вторая коннотация появилась в результате устойчивого иронического употребления, ср. примеры (1 и 3) с примерами (2 и 4):

---

[14] Подробнее об этом см. часть III, гл. 2, § 3. *Имена лиц в общественной культурно-языковой памяти: русско-английские соответствия*.

(1) Храм, который вдали на картине виднеется, сейчас стал музеем **подвига Ивана Сусанина** (*Нет больше сил терпеть безнадегу // Витрина читающей России, 2002. 10. 25*).

(2) — **Иваном Сусаниным** теперь буду я, — провозгласила Инна и сразу **узнала дорогу**, по которой однажды шла с Женей в гости к Алининому музыканту (*О. Новикова. Женский роман*).

(3) И не удивительно, — тут же ответствовал Лев Обнаг. — **Василий Чапаев — это исторический герой** и в то же время **источник хорошего настроения** (*В. Аксенов. Негатив положительного героя*).

(4) — Во, мужики, я свежий анекдот знаю! — вспомнил сибиряк Керсов, — Геологи рассказывали — ух, смешной!.. Короче, сидит **Чапаев на рельсах**. Подходит к нему Петька и говорит: «Василь Иваныч, подвинься — я сяду!» Не слыхали, да? (*Н. Рубан. Тельняшка для киборга // Боевое искусство планеты*).

Сложные коннотации часто возникают в результате реинтерпретации образа в других типах дискурса. Например, образ Чапаева — героя Гражданской войны был создан Д. Фурмановым. Фильм братьев Васильевых «Чапаев» способствовал созданию устойчивого стереотипа героя. Смена коннотаций происходит после того, как Чапаев становится героем народного фольклора – анекдотов[14а]. Наконец происходит еще одна (авторская) реинтерпретация образа в популярном романе В. Пелевина «Чапаев и пустота».

Общественная память включает в себя образы, заимствованные из разных типов дискурса:

- Литературного: герой (*Ахилл*, *Гектор*), гениальный поэт (*Гомер*, *Орфей*), Печальный Влюбленный (*Пьеро*), лишние люди (*Онегин*, *Печорин*), маленькая хорошенькая девочка (*Дюймовочка*).
- Исторического: великий полководец (*Наполеон*, *Александр Великий*), великий философ (*Сократ*).
- Религиозного: предатель (*Иуда*), мудрец (*Соломон*).
- Мифопоэтического: красавец, влюбленный в самого себя (*Нарцисс*), красавец (*Адонис*, *Аполлон*), силач (*Геркулес*).
- Народно-поэтического: уродливая злая старуха (*Баба-Яга*), богатырь (*Илья Муромец*).
- Кинодискурса: добродушный интеллигентный чудак (*Крокодил Гена*).

Знаковые фигуры включаются в разные типы тестов (прямое цитирование, интерпретация, аллюзия), в словари (энциклопедические), а также в кроссворды и сканворды, которые являются «тренажерами»

[14а] См. также: [Шмелева, Шмелев 2002, с. 83—84].

общественной памяти, например: 8 по горизонтали: *автор романа «Война и мир»* 6 по вертикали: *автор оперы «Евгений Онегин»*.

Мнемонические (знаковые) события. Существуют некоторый перечень знаковых событий, являющихся частью официальной ичтории: *революции, война, научные открытия, принятие общественностью важного этапа, заключение мира.* Они включены в общественную память, являются объектами коммеморации, маркируются спомощью памятных дат. В повседневных практиках перечнем памятных дат снабжаются открытые, настольные календари. *Памятные даты о важных для истории государства событиях являются государственными праздниками - красный день календаря).*

Дни коммеморации существуют в разных странах и связаны с формированием национальной памяти: памятное Воскресенье в Великобритании (Remembrance Sunday), день памяти в США (Memorial Day). 14 Июля во Франции (Le 14 Juillet), 12 Июля в Северной Ирландии, День Победы 9 Мая в России. В эти дни происходит ритуальное действие коллективной репрезентации

Смена идеологии может влиять на интерпретацию знаковых событии и на выделение памятных дат и общественных праздников. Например, после перестройки день *«Великой Октябрьской Революции» «красный день календаря»* (7—8 ноября) перестал быть праздн ком, но сохранился как нерабочий день.

Мнемонические (знаковые) места. Знаковые места[15] связаны

- с биографией знаковой личности (место рождения, место, де проходили детские годы, место, где долго жил, где произошло важное событие в жизни и др) — *пушкинские, лермонтовские, ленинские места, Ясная Поляна, Михайловское, Переделкино, Мелихово, Шахматово...* и т. д.;
- с произведениями известных авторов — *грибоедовская, булгаковская .. Москва; Петербург Пушкина, Достоевского*
- со знаковыми событиями — *исторические места, места боевой славы; поле Куликово, Бородинское поле...*;
- с сакральными текстами — *места паломничества, священные места.*

Мнемонические (знаковые) тексты. Ряд текстов вводится в общественную память, т. е. подлежат запоминанию. Тексты можно разделить на:

---

[15] Знаковые места, как правило, становятся объектом туризма и практики коммеморации.

• сакральные (*молитвы, текст Священного Писания*);
• ритуальные (*военная присяга, гимн, клятва Гиппократа*);
• культурные (стихи, отрывки, цитаты из произведений классиков);
• масскультурные (цитаты из клипов, рекламы, популярных фильмов и песен)[16].

Мнемонические тексты формируют ассоциативное поле, в котором члены социума обретают культурную идентичность. Фигуры воспоминания: мнемонические образы, места, события, тексты являются объектами интерпретации в лексикографических произведениях: культурологических и лингвокультурных словарях, в словарях разных типов, снабженных культурным комментарием.

§ 4. Механизмы включения личной памяти в коллективную и в общественную память

Определяющую роль письменных свидетельств в формировании общественной памяти отмечают все без исключения историки памяти. Между *личной, коллективной и общественной памятью* посредством *текстов* происходит «обмен информацией». Личная память вводится в коллективную и общественную память с помощью посвящений и мемуаров.

Посвящения. Благодаря посвящениям имена людей, относящихся к личной памяти пишущего, включаются в общественную память. Посвящения оформляются с помощью достаточно ограниченного набора клише:

• «*Светлой памяти моей матери / моего отца / учителя / друга...*» — личная коммеморация, сохранение памяти об умерших;
• «*Моей матери / моему отцу / учителю / другу...*» — напоминание о живущих.

Посвящение создает символическое пространство, в котором сохранность (известность, слава) текста обусловливает хранение в общественной памяти имени автора, что, в свою очередь, предполагает сохранение в общественной памяти имени адресата посвящения. Так возникает символическая каузальная связь: слава (бессмертие) текста ⇒ слава (бессмертие) его автора ⇒ сохранение в коллективной памяти имени адресата посвящения, который тем самым обретает социальное бессмертие. Например, в общественную память включаются: имена великих поэтов, их произведения, имена их возлюбленных, ко-

[16] См. также часть 1, гл. 2, § 6. *Функционирование памяти.*

торым эти произведения посвящались: *Лаура, Беатриче, Анна Керн, Наталия Гончарова, Любовь Менделеева*[17]. Ср. также:

> Нет, в мои намерения, следуя обету, который дал себе после смерти матери Валери, входило «написать о ней небольшой сборник для одного себя» (возможно, я однажды так и сделаю, чтобы **память о ней, приняв печатную форму, длилась по меньшей мере столько же времени, сколько продлится моя известность**) [Барт, 1997, с. 95].

Мемуары. Благодаря мемуарам о знаковых людях и знаковых событиях личная память мемуариста включается в общественную память.

> Тема идентичности говорящего/пишущего и его самоидентификации в процессе обращения к своей памяти здесь не рассматривается. Замечу, однако, что она широко обсуждается в философской, психоаналитической и социологической литературе, рассматривается в рамках анализа *историй жизни* (*life stories*) [Bloch 1993; Tonkin 1992, Yong 1995; 1996]. Лэмбек и Энтце [Lambek, Antze 1996, с. xvii] пишут о необходимости в процессе анализа рассказа (нарратива) различать: автора, рассказчика, героя рассказа, читателя, комментатора (того, кто проясняет текст — elicitor) и цензора. Эти роли обусловливают разные степени идентичности. Авторы полагают, что истории о прошлом также различаются в соответствии с этими ролями. Энтце в своей статье [Antze 1996, с. 3—25] замечает, что *раздвоение личности* (буквально: *многочисленная личность/индивидуальность — multiple personality*), являясь культурной идиомой, создает более широкий диапазон выразительных возможностей. Согласно его наблюдениям, основанным на анализе историй его информантов, язык «раздвоения» (буквально: язык многочисленности — *language of multiplicity*) может подчас соединять нравственную двусмысленность, совокупность воображаемых обязательств по отношению к прошлому и ощущение собственной укорененности в этических обязанностях.

Мемуары о знаковых людях пишут (обычно) жены, любовницы, сестры, братья, дети, личные секретари и некоторые другие группы лиц.

В воспоминаниях о знаковых событиях мемуарист выступает очевидцем, свидетелем, участником. В официальную память бывшего СССР были включены мемуары участников Октябрьской революции, целинников, первых пионеров, первых комсомольцев, участников первых партийных съездов. В перестроечное и постперестроечное время были опубликованы и включены в официальную память мемуары политзаключенных. Востребованность воспоминаний участников Великой Отечественной войны была неизменной.

---

[17] См. также часть I, гл. 4, § 4. *Память и любовь. «Образ незабвенный».*

«Обмен информацией» может осуществляться и в обратную сторону, а именно: включение общественной памяти в личную. Например, воспоминание о каком-либо событии в личной жизни индивида может объединяться с историческими аллюзиями и реминисценциями, ср.:

На мосту вышел я из кибитки моей, дабы насладиться зрелищем течения Волхова. **Не можно было, чтобы не пришел мне на память поступок царя Ивана Васильевича по взятии Новагорода.** Уязвленный сопротивлением сея республики, сей гордый, зверский, но умный властитель хотел ее разорить до основания (*А. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву*).

В приведенном ниже примере автор вспоминает эпизод из своей жизни (во время своего путешествия он вышел из кибитки, чтобы полюбоваться течением Волхова), который повлек историческую аллюзию (взятие Новгорода Иваном Грозным).

§ 5. Механизмы воспоминания: вещь ⇒ образ

Памятная вещь, реликвия. Результатом обращения к памяти / работы памяти является *воспоминание* и *припоминание*.

Если рассматривать *воспоминание и припоминание* исключительно в их процессуальном значении, то анализ примеров показывает, что *припоминание* часто предполагает ментальное действие, обладающее длительностью и осуществляемое с некоторым усилием, напряжением воли, ср.:

(1) Думаю, что версия о подготовке к вооруженному восстанию и к террористическим актам появилась с подсказки следователя **в воспаленных от припоминания мозгах** (*А. Жигулин. Черные камни*).

(2) В этих случаях испытуемые прибегают к различным приемам, которые должны **облегчить припоминание** необходимых слов (*Б. Зейгранник. Патопсихология*).

Воспоминание, напротив, может происходить мгновенно, спонтанно, не доставляя особого труда «воспоминателю», ср.:

(1) **Вдруг какой-то искрой в уме** медведя **прошло воспоминание** о смягчении мук в аду, об этом, как он считал, неизменном подарке высших сил обитателям ада (*Ю. Мамлеев. Конец света Крутые встречи*).

(2) **Вдруг**, как раз в ту минуту, когда он готов уже обвинить ее в тяжком преступлении, **в голове его, как молния, пробегает воспоминание** (*М. Полтавский. Р. Левенфельдт у графа Толстого*).

Это согласуется с семантикой глагола *вспомнить*, как «глагола мгновенного осуществления», описанного в. В. Туровским в 1991 г., а также А. А. Зализнюк [Zalizniak (in print)]. Ср.:

> Уже было замечено, что различие, которое делает Бергсон между **«нарочитым припоминанием... и ничем не принужденным, подлинным воспоминанием**, доставляет парадигму для разбора повторяющихся мотивов в "Даре"» (*Г. Барабтарло. Разрешенный диссонанс*).

Воспоминание[18] реализуется в системе референциальных отсылок: место ⇒ образ, запах ⇒ образ, звук ⇒ образ и других. Оно возникает также, если *кто-л./что-л. напоминает кому-л. кого-л./что-л.* В данном параграфе речь пойдет об одном из базовых для функционирования памяти отношений, а именно: вещь ⇒ образ[19].

> Под *вещью*, следуя словарной дефиниции, понимается «всякое материальное явление, отдельный предмет, изделие и т. д.» [Ожегов, Шведова 1995]. Таким образом, в данном контексте подчеркивается материальная сторона памяти, а также то, что образ в памяти (внутренний мир) коррелирует с вещью (внешний мир), а иногда и создается / конструируется вещью, например, если это — текст. Следует при этом отметить текстовую природу любой памятной вещи, которая, с одной стороны, инициирует воспоминание, а с другой стороны, сама есть форма овеществления *памяти* (*личной* или *коллективной*).

Человек видит вещь, которая «отсылает» к образу, *хранящемуся* в памяти. Указывая на нее, мы говорим: *Это память о нем / о ней.* Происходит трансформация вещи в *памятную вещь. Памятная вещь*, регулярно вызывающая воспоминания о ком/чем-л., служащая объектом личной, коллективной (семейной), общественной коммеморации, обретает дополнительные ценностные коннотации, создавая предпосылки для увековечивания какого-л. человека, события и др. Наделение *памятной вещи* особыми (иногда сакральными) ценностными коннотациями превращает ее *в реликвию.*

---

[18] В дальнейшем, за исключением особо оговариваемых случаев, я буду пользоваться словом *воспоминание*, подразумевая процессы собственно воспоминания и припоминания.

[19] См. также часть I, гл. 3, § 1. *Внешнее и внутреннее пространство. Соотношение* (понятие *экстравертивной памяти*) и гл. 4, § 4. *Память и любовь. «Образ незабвенный»*, подраздел: *Последняя встреча. Прощание перед разлукой.*

Толковые словари определяют *реликвию* следующим образом: 'вещь, хранимая как память о прошлом и являющаяся предметом поклонения, почтительного отношения' [Ожегов, Шведова 1995].

Анализ контекстных употреблений слова *реликвия* проявляет следующие смысловые компоненты: а) 'высокая ценность', 'сакральность': *драгоценная, дорогая, дорогая сердцу, бесценная; священная, святая реликвия; почитаемые православные реликвии; христианские реликвии; реликвии и сокровища; реликвии и святыни; дорожить реликвиями*; б) 'связь с личной, коллективной, общественной памятью': *Петина, семейная, фамильная, национальная реликвия*; в) 'связь с прошлым, периодом прошлого, событиями прошлого': *историческая, античная реликвия; воинские реликвии; реликвии прошлого, времен войны, диккенсовских времен*; г) 'связь со знаковой личностью': *реликвии Пушкина, драгоценные цветаевские реликвии.*

Реликвия, имеющая отношение к человеку или событию, символически их замещает, сохраняя тем самым «связь времен» и локализуя в актуальном настоящем фрагменты прошлого.

Как отмечает Я. Ассман, «Только значимое прошлое вспоминается и только вспомненное прошлое становится значимым» [Ассман 2004, с. 81]. Памятные вещи, включенные в общественную память (*национальное/народное достояние*), музеефицируются. Они также становятся объектами *коллекционирования*. Ими занимаются *коллекционеры*, их продают на *аукционах*, они включаются *в частные коллекции* и *в коллекции мемориального музея.*

Ценностную ориентацию памяти проявляет, в частности, разница между реальной ценой вещи и той, которую за нее платят благодаря атрибуции (например, очки Дж. Леннона).

К числу внешних измерений *памяти* (*миметической, коммуникативной, культурной*), согласно Я. Ассману, принадлежит также *предметная память*, так как предметный мир, в котором живет человек, имеет показатель времени, указывающий не только на настоящее, но и на различные пласты прошлого [Ассман 2004, с. 20].

Символическая роль памятных вещей. *Памятные вещи, вещи на память* конструируют в сознании образ *другого* (*близкого, любимого, родного* и т. д.)[20]. *Памятные вещи* выполняют символическую роль. Они являются **репрезентантами** *другого*, делегированными замещать его отсутствие. Этой функцией их наделяет тот, кто хранит *память о другом.*

[20] См. часть I, гл. 4, § 4. *Память и любовь.* «*Образ незабвенный*», подраздел: *Области концептуального согласования памяти, любви и верности.*

Память о другом возникает: а) в результате целенаправленных ритуальных действий *другого*, отдающего вещь: *подарить, оставить, написать что-л. на память кому-л.;* б) в результате целенаправленных действий «хранителя», берущего вещь (иногда без ведома и согласия *другого*) и наделяющего ее символической функцией: [*украдкой*] *взять что-л. на память о ком-л.;* в) в результате того, что «хранитель» приписывает символический смысл сохранившейся у него и ранее принадлежавшей *другому* вещи: *что-л. осталось на память кому-л. о ком-чем-л. Что-л. осталось, что-л. сохранилось как память* [*о ком-л.*]. *Что-л. — память о ком-л.*

Памятными вещами могут быть любые предметы, например, бытовые предметы, которыми *другой* регулярно пользовался и, следовательно, легко с ними ассоциируется — см. примеры (1, 2, 3); любой предмет, не обязательно принадлежавший *другому*, который напоминает «хранителю» о *другом* — см. пример (4); ценные вещи (часы, оружие, драгоценности), представляющие собой *памятный подарок* — см. пример (5); живое существо (любимое домашнее животное) — см. пример (6); написанный текст (письма, открытки, запись в альбоме) — см. пример (7)[20а].

(1) Это была **нитка дешевых красных бус, известных в Полесье** под названием «кораллов», — единственная вещь, которая **осталась мне на память об Олесе и об ее нежной, великодушной любви** (*А. Куприн. Олеся*).

(2) Старик, делавший лапти, ушел со двора — одни **опорки как память о скрывшемся навсегда** валялись на его месте (*А. Платонов. Котлован*).

(3) Лара подумала: «Он проявил столько заботливости, сохранив эту **память, эти бедные Патулечкины вещи**, а я, такая свинья, даже не спросила, кто он и откуда» (*Б. Пастернак. Доктор Живаго*).

(4) Или уж ей так понравилась маленькая беленькая роза, бывшая в руках Илюши, или то, что она **из его рук захотела взять цветок на память**, но она вся так и заметалась, протягивая за цветком руки (*Ф. Достоевский. Братья Карамазовы*).

(5) — Так **возьмите же это от меня на память**, — сказал Воланд и вынул из-под подушки небольшую золотую подкову, усыпанную алмазами (*М. Булгаков. Мастер и Маргарита*).

(6) — Мадам Иванова, **вы же смотрите за собачкой**. Может, я и не вернусь, так **будет вам память о Сашке**. Белинька, собачка моя! (*А. Куприн. Гамбринус*).

[20а] В примере (7) написанный текст **напоминает** не о *другом*, но о *смерти*, реальность которой его автор ощутил в трагический момент своей жизни.

(7) А я, малодушный, я, неверующий, — я думал уже о своевольной смерти. Мне стыдно сейчас читать последние, написанные вчера, строки. Но все равно: пусть, пусть они останутся, как память о том невероятном, что могло быть — и чего уже не будет... да, не будет! (*Е. Замятин. Мы*).

Механизмы воспоминания. Определяя формы и способы освоения опыта прошлого, А. Бергсон утверждает, что ассоциации по сходству и по смежности являются единственными, имеющими жизненную полезность. При этом сам характер выбора данного сходства или данной смежности не является случайным: он зависит «от той беспрестанно меняющейся степени *напряжения* памяти», которая, в свою очередь, зависит от того, преобладает ли в памяти «склонность к включению в наличное действие, или к отвлечению от него» [Бергсон 1992, с. 312].

Механизмы *воспоминания* по модели *вещь* ⇒ *образ* включают в себя такие ментальные операции как: замещение; отождествление (по смежности); ассоциация. В этих случаях говорят: *я смотрю на что-л. и вспоминаю кого-л. / думаю о ком-л.*; *я слушаю что-л. и вспоминаю кого-л.* Рассмотрим их подробнее.

(1) Воспоминание на основе **замещения**.

Процесс воспоминания активизируется в тех случаях, когда вещь воспроизводит внешность / голос: *фотография*, *документальный фильм*, *портрет* (при условии, что он выполнен в реалистической манере и с очевидностью передает сходство), *пленка / пластинка с записанным на ней голосом*, *кинофильм*. Можно также (изображение символически замещает человека): *разговаривать с фотографией*, *с портретом*; *думать о ком-л., глядя на портрет / фотографию*; *всегда носить с собой фотографию кого-л.*, *медальон с портретом кого-л.*

Копии, *репродукции*, *подражания* однозначно отсылают к оригиналу и в определенных ситуациях, напоминая о нем, его замещают.

Изображения знаковых фигур (лиц), помещенные в знаковые официальные места (локусы)[21], реализуют функцию напоминания и воспитания (лица, которые следует помнить, которые нельзя забывать). Тем самым они служат формированию общественной памяти.

(2) Воспоминание на основе **метонимии** (тождество по смежности).

---

[21] Портреты политических лидеров — в официальных местах, известных ученых — в школьных классах и университетах, классиков литературы — на кафедрах литературы, в школьных классах и т. д.

Можно выделить несколько ситуаций, инициирующих воспоминание на основе тождества по смежности.

• Вещь, принадлежащая / принадлежавшая кому-л. напоминает о ее владельце / владелице (*личные вещи; ручка, стакан, скрипка...*). Эту же функцию имеет *след от гвоздя* из песни Н. Матвеевой[22].

• Вещь, подаренная кем-л., напоминает о дарителе: *подарок на память*

• Вещь, сделанная / созданная кем-л., напоминает о ее создателе (*письма, рисунки, чертежи...*)

• Вещь, созданная кем-л., оставшаяся в общественной памяти, напоминает о ее авторе, создателе (*произведение искусства, научный труд, литературное произведение...*)

• Общественная ценность, объект поклонения, разрушенная кем-л.[23], напоминает о ее разрушителе (эффект *Герострата*).

(3) Воспоминание на основе **синекдохи** (тождество по смежности: часть — целое).

Часть вещи, ее деталь напоминает о:

• человеке: *прядь волос* (романтический дискурс), *запах духов* (которым когда-то душилась любимая женщина) и т. д.,

• целостной вещи и об исторической эпохе: *обломки старины, обрывки, клочки, руины.*

(4) Воспоминание на основе **ассоциации**.

Вещь, включенная в знаковую (например, романтическую) ситуацию, напоминает о человеке: *засушенный цветок* (цветок, сорванный во время прогулки и засушенный) *как память о возлюбленном* (романтический дискурс).

Эстетика ассоциаций (припоминаний) необычайно развита в поэзии. Ср., например: *рябина* — ассоциация с прошлым и с родиной у М. Цветаевой: *Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст, // И всё — равно, и всё — едино. // Но если по дороге куст // Встает, — особенно рябина...* (*Тоска по родине! Давно...*). И ветка бузины — напоминание о самой М. Цветаевой в стихотворении А. Ахматовой: *Темная свежая ветвь бузины... // Это письмо от Марины* (*Комаровские наброски*).

---

[22] См. часть I, гл. 4, § 4. *Память и любовь.* «*Образ незабвенный*», подраздел: *Персонифицированные образы памяти-любви.*

[23] См. также часть I, гл. 6, § 2. *Включение в память как репрессия и исключение из памяти как прощение. Наказание запоминанием и награда забвением*, подраздел: *Запоминание как наказание*; часть I, гл. 6, § 3. *Память и эпические прескрипции. Память и травма*, подраздел: *Деструктивные стратегии как способ сохранить память о себе.*

В ассоциативный ряд, пробуждающий воспоминания, часто попадают вещи, соположенные друг другу, те, которые память уже соединила между собой, ср.:

> Сквозное, трепещущее, как надкрылья насекомого, имя Лилиенталя с детских лет звучит для меня чудесно... Летательное, точно растянутое на легкие бамбуковые планки, **имя это связано в моей памяти с началом авиации** (*Ю. Олеша. Зависть*).

Интерпретация модели *вещь* ⇒ *образ* с помощью механизмов: замещения, метонимии, синекдохи, ассоциации, — создают дискурс памяти о человеке. По своему характеру он, как правило, мифологичен.

Если же говорить о механизмах воспоминания вообще, то к упомянутым формам можно добавить также отождествление (по сходству); сравнение, опосредованная интерпретация. Рассмотрим их.

(1) Воспоминание на основе метафоры (тождество по сходству).

Воспоминание на основе сходства возможно, когда *другой*[24] напоминает кого-л. чем-л.: (внешностью, движениями, голосом, мимикой, судьбой и т. д.); *другое*[25] напоминает что-л. чем-л. (цветом, формой, размером и т. д.). Ср.:

> (1) Долго Семенова являлась перед нами с диким, но пламенным Яковлевым, который, **когда не был пьян, напоминал нам пьяного Тальма** (*А. Пушкин. Мои замечания о русском театре*).
>
> (2) Он запомнился мне веселым и озорным, много шутил, был очень искренним и **непосредственностью напоминал мальчишку** (*В. Кичин. «Меня не надо думать. Меня надо чувствовать». Вацлав Нижинский глазами его дочери, внучки и автора нового фильма по его дневникам*).
>
> (3) **Лаконичностью меблировки этот пенал напоминал штрафной изолятор** (*О. Алямов. Фальшак // Столица*).
>
> (4) Я схватил уже **увядающие цветы — верное напоминание ее увядающей жизни**, и бросился опрометью домой (*В. Соллогуб. Неоконченные повести*).

(2) Воспоминание на основе **опосредованной интерпретации**.

В пространство памяти включено не только *непосредственное* (полученное эмпирическим путем), но и *опосредованное знание*, *опосре-*

---

[24] Речь здесь не идет о близких родственниках.

[25] Речь здесь не идет о повторении, копировании.

дованный опыт, передаваемый, например, через тексты (вербальные и невербальные). Воспоминание в этом случае апеллирует к тексту/текстам. Цепочка интерпретации удлиняется: *другой*, так как он воспринят не непосредственно, но через текст, изображение и т. д. напоминает кого-л. чем-л., ср.:

(1) **Одушевленностью, нацеленностью на разыскание научной Истины, темпераментом**, с которым он отстаивал свои взгляды, **Шанин напоминал мне библейских пророков** (*Б. Кушнер. Учитель*).

(2) С годами он стал **чем-то напоминать булгаковского профессора Преображенского** (*С. Лесков. Умер лауреат Нобелевской премии Александр Прохоров*).

(3) Воспоминание на основе **сравнения**.

Воспоминания возникают, когда впечатление настоящего имеет определенную аналогию с впечатлением прошлого, что и служит основой для сопоставления, ср.:

Всякий раз, когда мое самолюбие отчего-либо будет страдать, то знаю, что тотчас же, **по ассоциации идей, вспомнится мне какой-нибудь из вечеров**, проведенных вблизи вашего письменного стола. Какие тягостные видения! (*Ю. Олеша. Зависть*).

Диалогический обмен между внутренним пространством памяти и внешним, вещным пространством осуществляется, как это видно, посредством ментальных процедур, часть которых может быть сопоставлена с механизмами образования тропов.

Глава шестая

Социальные стратегии памяти. Память и этические прескрипции

Социальные стратегии проявляют роль *памяти* как ключевого социокультурного конструкта[1]. Включение в память / исключение из памяти (личной, коллективной, общественной), которые осуществляются с помощью перформативных высказываний, символически представляют акты:

- награды (славой, социальным бессмертием, прощением);
- наказания («несмываемым» позором, преданием социальной смерти, отказом простить как формой возмездия);
- предостережения (от того, что было и больше никогда не должно повториться)

Собственно, сами действия, ситуации и т. д., которые личность или социум как бы включает в память (чтобы помнить) / исключает из памяти (чтобы забыть), содержательно оцениваются либо позитивно, либо негативно. Например, включение в память как увековечивание имеет ценностный позитивный смысл, исключение из памяти как предание социальной смерти — ценностный негативный смысл, наоборот, включение в память как акт непрощения и форма возмездия имеет ценностный негативный смысл, а исключение из памяти как прощение — ценностный позитивный смысл. Механизмы включения в память исключения из памяти, таким образом, амбивалентны. Аксиологически они связаны с категориями этики.

Вербальные действия включения в память и исключения из памяти телеологичны, осознанны и контролируемы. Они относятся к иллокутивному акту *намерение*, в котором объединены, согласно классифи-

---

[1] В § 1 3 речь будет идти об общественной памяти по преимуществу

кации Дж. Р. Сёрля, обещания, клятвы, угрозы и ручательства [Сёрль 1986, с. 174]. Следуя этой классификации, можно также добавить, что включение в память / исключение из памяти, рассматриваемые с позиции теории речевых актов, имеют в качестве своей иллокутивной цели стремление сделать так, чтобы мир соответствовал словам. Они обслуживают социальные стратегии, целью которых является:

• увековечивание/предание забвению: *Он навсегда останется в нашей памяти! Мы вычеркнем из памяти это имя!*

• обещание не прощать/прощение; угроза: *Я этого тебе никогда не забуду! Давай все забудем! Ты меня надолго запомнишь!*

• предостережение: *Это не должно повториться, и мы этого никогда не забудем!*

Высказывания по преимуществу являются клишированными. Их можно рассматривать как риторические фигуры, наделенные символической функцией. В их основании лежит мифологическая составляющая. Как правило, они включены в ритуал, являются его базовыми компонентами. В большинстве случаев высказывания произносятся пафосно. На письме это выражается с помощью восклицательных знаков. В совокупности они образуют риторику (фразеологию) памяти. Риторика памяти связана с категорией возвышенного.

§ 1. Включение в память как увековечивание и исключение из памяти как репрессия. Награда запоминанием и наказание забвением

Идеология величия и практика увековечивания. Идеология величия, ср.: *великий, гениальный... человек*[2]; *гениальная, героическая, историческая, выдающаяся, масштабная, крупная... личность*; *великие, грандиозные... цели, идеалы*; *гений, герой...* — предполагает ретроспективную оценку заслуг великого человека и, как непременный результат его деятельности, включение (обычно посмертное) его образа в общественную память.

Практика коллективной коммеморации осуществляется по модели: объект (вещь) ⇒ образ. Объект наделяется именем знаковой личности: *Чтобы, умирая, воплотиться в пароходы, строчки и другие долгие дела.* (*В. Маяковский. Товарищу Нетте: Пароходу и чело-*

[2] *Великий* определяется как 'Необыкновенно одаренный, гениальный, имеющий громадное культурно-историческое значение' [Ушаков 1935, т. 1].

веку.) В основе практики увековечивания, таким образом, лежит соединение вещи с именем.

В отличие от *памятной вещи*, включенной в личную, коллективную, а также общественную память (*личные вещи* А. С. Пушкина, например), *«увековечивающая» вещь* имеет отношение к общественной памяти в первую очередь. В дальнейшем я буду называть *«увековечивающую» вещь объектом коммеморации*. Для *объекта коммеморации* существенными являются: а) размеры; б) публичность; в) новизна. *Объектами коммеморации* становятся: населенные пункты, улицы, площади, публичные здания, открытия (новые звезды, новые элементы периодической системы Менделеева и т. д.).

Дискурс памяти о человеке, признанном великим, получает множественное овеществление: *название / называние чего-л.* (часто несколько разных объектов) *в честь кого-л.*, *именем кого-л.*, *в память о ком-л.* Он институциализируется с помощью *комиссии по увековечиванию памяти кого-л.* Его непосредственные создатели — творческие люди (профессиональные имиджмейкеры): писатели, художники, скульпторы, режиссеры, архитекторы и т. д., ср.:

> Около тебя всегда будут умные, значительные люди, поэты, художники, ибо их привлекает твоя сущность. И это будет еще лучше, чем рассказывал бы я. **Останется в памяти людей, войдет в песни поэтов, в писания историков, в легендах разойдется по Ойкумене и** достигнет тех, кому следует знать (*И. Ефремов. Таис Афинская*).

Главным механизмом создания официального дискурса памяти о человеке является политическая символизация. Рассмотрим ее формы на одном из самых характерных примеров XX века — формах увековечивания образа В. И. Ленина в Советском Союзе, получившем название: *лениниана*.

> Ленин интерпретируется в разных типах дискурса советского времени как фигура *Революционного Вождя*, *Мудрого Учителя*. Овеществление памяти приобретает в высшей степени разнообразные формы, обнаруживая при этом высокую степень сакрализации:
>
> • многочисленные *книги*, *песни*, *фильмы*, *устные рассказы*, *посвященные* Ленину;
>
> • *народный фольклор* («народные сказители») о Ленине;
>
> • *портреты*, *фотографии*, *бюсты*, *скульптуры* Ленина, *памятники* Ленину;
>
> • *пластинки с записью голоса* Ленина;
>
> • *изображение* Ленина *на знаменах*, *плакатах*, *открытках*, *марках*, *блокнотах*, *значках* (в том числе на октябрятской звездочке и комсомольском значке), *на деньгах* разного достоинства;

• *названия городов* (Ленинград, Ленинакан, Ленинабад), *поселков, улиц, проспектов, площадей, учебных заведений, фабрик, колхозов,* первого *ледокола именем* Ленина, а также другими его именами (город Ульяновск, станция Заветы Ильича, колхоз Путь Ильича);

• *название высоких гор* (*Пик Ленина*);

• *музеи* Ленина, *выставки, посвященные* Ленину, *экскурсии по ленинским местам*;

• *награды* и *поощрения*: *орден* Ленина, ленинская *стипендия*, ленинская *премия*;

• *имена*, образованные от имени Ленина или от его инициалов: Владлен, Вилен;

• название пионеров (следовательно, практически всех детей Советского Союза в возрасте от 10 до 14 лет) *юными ленинцами*;

• *словарь* языка Ленина (составлявшийся до перестройки, но неизданный);

• обязательное изучение работ Ленина (курсы Истории КПСС, марксистско-ленинской философии, научного коммунизма);

• *цитаты* из работ Ленина, включенные в «Словарь Крылатых слов и выражений» и в другие словари, *цитирование* (полуобязательное, в некоторых случаях — обязательное) работ Ленина в разного рода научных публикациях.

Появилась также *ленинская коннотация*: а) любимые авторы и любимые авторские произведения; б) авторы, о которых В. И. Ленин высказывался; в) вещи, объекты, с которыми связано какое-либо знаковое событие, биографическая подробность:

• *Бетховен* — любимый композитор Ленина, «*Лунная соната*» — любимое произведение Ленина (как правило, исполнялось по радио и по телевидению в день рождения и в день смерти Ленина);

• *Лев Толстой* — «*матерый человечище*» — цитата из статей Ленина о Льве Толстом, а также на вещи;

• *зеленая лампа* — лампа, под которой В. И. Ленин работал в ссылке в селе Шушенское. Была привезена ему Н. К. Крупской.

Мавзолей Ленина (вариант гробницы) и *тело* Ленина делает его овеществленной памятью, принадлежащей не только прошлому, но символически принадлежащей также настоящему.

Как отмечает Ю. И. Левин [Левин 1988, с. 79—80], отношения Ленина и коммунизма весьма близки к тем, что выражены в догмате Боговоплощения: в Ленине осуществлено единство «человеческого», земного и «коммунистического» (божественного). Ленин — связующее звено между нынешним состоянием и точкой Омега: к коммунизму идут «по ленинскому пути» и «под знаменем Ленина», «по-ленински» (жить и работать) — это то же самое, что «по-коммунистически». Коммунистическая партия (и ее ЦК) называется также «ленинской» (...) «Имя и дело Ленина» — знак, символизирующий нынешнее состояние как приобщенное к точке Омега, объединяющий процесс строительства коммунизма и сам коммунизм

(«Дело Ленина живет и побеждает», «Имя и дело Ленина будут жить вечно»).

Таким образом, смысл фраз, писавшихся на плакатах: *Ленин и теперь живее всех живых*; *Дело Ленина будет жить в веках и побеждать*, был символически представлен в дискурсе овеществленной памяти о Ленине.

Практика увековечивания связана с решением различных задач и, соответственно, может по-разному интерпретироваться: а) форма общественного признания личности, ср. *роль личности в истории*; б) способ моделирования социального бессмертия; в) практика создания образцов для подражания и почитания; г) способ политической символизации. В любом случае речь идет об одной из форм моделирования прошлого, обслуживающей концепции: а) действующего государства; б) национальной идентичности. Сам процесс увековечивания связан с мифологизацией, создающей публичный образ знаковой личности и легитимирующей ее в качестве образца.

Вербально увековечивание выражается с помощью клишированных конструкций, произносимых с пафосом и патетикой: *Мы навсегда сохраним его имя в своих сердцах! Мы никогда не забудем этого человека! Память о нем будет вечно жива в сердцах простых людей! Память о нем никогда не умрет!*[3] и др.

Формы целенаправленного забвения: вычеркивание из памяти. Практике *увековечивания* противостоит практика *забвения, вычеркивания из памяти*, символизирующая лишение кого-л. *бессмертия, вечности, славы*[4]. Как отмечает П. Бёрк, для того, чтобы понять, как работает социальная память, имеет смысл исследовать социальную организацию забывания, правила исключения, подавления, репрессии, а также вопрос о том, кто[5] должен забыть, что должно быть забыто, почему и кто этого хочет [Burke 1996, с. 108].

Акт «вычеркивания» свойственен именно *памяти*, поскольку *память* концептуализируется как текст. Ср.: *выбросить что-л.*, *выкинуть что-л. ...из памяти, из головы, из сердца* (допустимо), но нельзя: **вычеркнуть что-л. из головы, из сердца*.

---

[3] Фразы могут быть обращены не только к коллективной и общественной памяти, но и к личной памяти: *Я навеки сохраню память об этом человеке. Пока я буду жива, я буду его помнить.*

[4] См. также часть I, гл. 4, § 7. *Образы трансцендентного*. «Вычеркивание» из памяти имеет отношение к общественной, коллективной и личной памяти.

[5] Здесь и далее разрядка моя. *Н. Б.*

По своему характеру *вычеркивание из памяти* репрессивно[6] и символически выражает *предание смерти*, ср.: *Этот человек умер для меня = Я перестал(а) думать о нем, помнить его.* Глагол *предать* (*предать забвению*)[7] имплицитно связан: а) с наказанием, ср.: *предать: суду, анафеме, казни, осмеянию, смерти, поруганию*; б) с ритуалом похорон, ср.: *предать тело земле. Предание забвению*, таким образом, как целенаправленное действие, семантически сближено и с наказанием, и с ритуалом похорон, ср. также:

(1) **Пусть кроткое забвение поглотит память о Ромуальде, предавшем нас без сожаления** и расстрелянном мимоходом (*И. Бабель. Костел в Новограде*).

(2) Покашливая, улыбаясь, Житейкин направил Барского к двери, толкая его под локоть, а Баймакова, опустясь на сундук, заплакала, жалуясь: — **Память о человеке хотят стереть**... (*М. Горький. Дело Артамоновых*).

Вычеркивание из памяти является сильным инструментом власти и может быть представлено символическим действием — лишением бессмертия.

В Древнем Риме принимались специальные правительственные постановления о проклятии памяти (damnatio memoriae) государственных деятелей и принцепсов, объявленных сенатом врагами государства, на основе которых уничтожались их изображения, а имя выскабливалось из надписей. В 96 году н. э. после убийства императора Домициана, «сенаторы, — пишет Светоний, — велели втащить лестницы и сорвать у себя на глазах императорские щиты и изображения, чтобы разбить их оземь, и даже постановили стереть надписи с его именем и уничтожить всякую память о нем» [Кнабе 2004, с. 8].

У христиан отлучение от церкви сопровождалось вычеркиванием имен отлученных из диптихов. Наказание *забвением* достаточно четко прослеживается и в религиозных текстах, прежде всего в Ветхом Завете. Богословы, однако, различают *забвение* и *беспамятство*: *забвение* может быть как *греховным*, так и *праведным*, *беспа-*

[6] Толковый словарь дает такие определения: *вычеркнуть из памяти кого* 'сознательно забыть кого-н., постараться не вспоминать о ком-н.'; *вычеркнуть из (своей) жизни кого*, 'мысленно признать для себя несуществующим' [Ушаков 1935, т. 1].

[7] *Предать* в данном значении имеет следующие толкования: 'Подвергнуть какому-л. действию, привести в какое-л. состояние' [МАС 1983, т. 3, с. 362]; 'Подвергнуть действию чего-н., отдать (высок.)' [Ожегов, Шведова 1995, с. 569].

> *мятство* всегда *греховно*: «Но иногда забвение воспринимается как нечто, данное свыше в ответ на беззаконие. Так, в книге Иова мы читаем: "Пусть забудет его утроба матери; пусть лакомится им червь; пусть не остается о нем память; как дерево, пусть сломится беззаконник" (Иов 24:20). А во Второзаконии, например, говорится: "Изгладь память Амалика из поднебесной; не забудь" (Втор 25:19). Здесь уже никак нельзя отождествить забвение с беспамятством, они скорее противостоят друг другу: во имя памяти о Боге и Его слове требуется предать забвению беззаконника, нарушителя Божьей заповеди. Иногда забвению его предает даже Сам Господь: "Мертвые не оживут... — говорит пророк Исаия, — потому что Ты посетил и истребил их, и уничтожил всякую память о них" (Ис 26:14)» [Кочетков 2004, с. 17].

Исторический пример из новейшего времени иллюстрирует ситуацию, когда приговор к смертной казни сопровождается приведением в исполнение приговора о символической смерти — вычеркивание из списка «Бессмертных», ср.:

> И когда, стыдясь этих своих цинически недостойных чувств, деголлевские судьи судили маршала Петэна, **приговорив его к смертной казни**, замененной ссылкой на остров Л'Иль Дье, это была трусливая неблагодарность, в которой было постыдно французам признаться. **Французская Академия поспешила вычеркнуть имя маршала Петэна из списка «Бессмертных»** (*Р. Гуль. Я унес Россию. Апология эмиграции*).

В речевых стратегиях «вычеркивание из памяти» оформляется как совет: *Забудь! Вычеркни / выброси его* (*ее*) *из памяти!* Рассказ о резком разрыве отношений может сопровождаться фразой: *Я вычеркнула / выбросила его из памяти* (= *он перестал для меня существовать*).

Глаголы *вычеркнуть*, *выбросить* выражают целеполагание, волевой акт и обозначают активное действие. *Вычеркнуть*, *выбросить... из памяти...* имплицитно связаны со значениями 'удалить ненужное, лишнее, недостойное'. Конструкции *кто-л. не достоин упоминания*, *что-л. не достойно упоминания*, например, также апеллируют к *памяти*.

Практика *забвения*, таким образом, осуществляется как:

- символическое наказание смертью — вычеркивание из памяти. Описывается с помощью слов и словосочетаний *вычеркнуть*, *выбросить кого-что-л. / чье-л. имя... из памяти*; *стереть память о ком-чем-л.*; *забыть кого-что-л. / чье-л. имя*; *предать кого-что-л. / чье-л. имя забвению*, а также *вычеркнуть из каких-л. списков*, *из каких-л. рядов*.
- элиминирование *памятной вещи* и *объекта коммеморации*.

Элиминирование *памятной вещи* или *объекта коммеморации.* Между *памятной вещью* или *объектом коммеморации* и образом, хранимым в личной, коллективной, общественной памяти, возникает двойная референция: *вещи* и *объекты* вызывают воспоминание/припоминание и служат напоминанием. Чтобы подавить, вытеснить, заместить образ в памяти, *памятная вещь* или *объект коммеморации* элиминируется (изымается, удаляется) из внешнего пространства. Эту стратегию отражает поговорка: *С глаз долой — из сердца — вон*; а также часто воспроизводимая в данной ситуации (узнаваемая) фраза: *Чтобы больше ничего не напоминало о нем / о ней.* Способы элиминирования памятных вещей и объектов коммеморации различаются. Они обслуживают практику забвения и соответствующим образом ее градуируют: от полного (окончательного) забвения, моделируемого бесследным исчезновением вещи, до частичного забвения в ситуации, когда вещь удаляется, перестает быть видимой, но при этом сохраняется. Перечислю основные способы.

(1) Уничтожение *памятной вещи* или *объекта коммеморации.* Осуществляются действия (предание огню, разрушение, соскабливание портретов и др.), в результате которых *памятная вещь* или *объект коммеморации* бесследно исчезают и не подлежат восстановлению.

Уже Тацит писал: «Вместе с языком мы утратили бы и самое память, если бы забвение было также в нашей власти, как молчание». «Диктатура, — комментирует это место Г. и Г. Кансик, — разрушает язык, память и историю» (цит. по: [Ассман 2004, с. 91].

Уничтожение памяти о прошлом активно проводилось в сталинской России (строительство *нового мира на обломках старого*), в нацистской Германии. При тоталитарных режимах уничтожалась не только вещь, подлежащая вычеркиванию из общественной памяти, но репрессии мог подвергаться и хранитель памяти о знаковой вещи.

В повседневных практиках часто после резкого разрыва отношений уничтожают фотографии. Например, одна женщина после развода своей дочери вырезала из всех семейных совместных фотографий изображение зятя[8]. Пустота (купюра) приняла очертания бывшего зятя.

(2) Удаление из внешнего (обозримого и — реже слышимого) пространства *памятной вещи* или *объекта коммеморации.* Целенаправленное уничтожение при этом не проводится. Вещи выбрасывают, их передаривают и т. д. *Вещь* или *объект* при этом могут быть восстановлены.

---

[8] Это — подлинная история, рассказанная мне ею самой.

К данному типу действий можно отнести также записывание портретов официальных лидеров: по старому изображению пишется портрет новой знаковой фигуры. Вслед за сменой власти происходит смена портретов.

Как удаление из внешнего пространства можно рассматривать также цензурные *фигуры умолчания*: а) запрет на *упоминание* и *цитирование* определенных авторов; б) *купюры* в учебниках истории, в биографиях известных людей и т. д. К *фигурам умолчания* можно отнести и отсутствие среди русских царей изображения Ивана Грозного на *Памятнике Тысячелетию России*, установленном в Великом Новгороде. По просьбе новгородцев изображение Ивана Грозного не воспроизведено на памятнике. Это было сделано как наказание, в память о его походе на город, унесший жизни большого числа горожан.

В современном варианте удаление из внешнего пространства достигается командой «delete», с помощью которой, например, вычеркивается имя из размещенного на сайте списка сотрудников учреждения.

В повседневной практике смена возлюбленного/возлюбленной[9] может быть обозначена с помощью замен фотографии (на рабочем столе, в кабинете и т. д.).

(3) Удаленное хранение *памятной вещи* или *объекта коммеморации. Вещь* или *объект* изымаются из ближнего и помещаются в дальнее, обычно закрытое пространство, в котором они невидимы и, следовательно, не вызывают воспоминаний, не напоминают. Они хранится как *свидетельства личной, коллективной, общественной истории.*

Подвергшиеся репрессивному удалению вещи сдаются в секретный архив, доступ к которому строго ограничен (общественная память). Вещи, относящиеся к личной или коллективной (семейной) памяти, складываются куда-нибудь (в сундук, на чердак, на антресоли). Там они *пылятся, желтеют, выцветают* и т. д., утрачивая связь с актуальным настоящим.

Удаленное хранение согласуется с психоаналитическими понятиями *вытеснения* и *предсознательного*. Предсознательные представления, согласно З. Фрейду, соединены со словесными представлениями, которые являются остатками воспоминаний и которые, как все остатки воспоминаний, могут быть снова осознаны. Жан-Франсуа Лиотар похожим образом интерпретирует молчание, полагая, что вопрос транс-

---

[9] См. также часть I, гл. 4, § 4. *Память и любовь. «Образ незабвенный»*, подраздел: *Последняя встреча. Прощание перед разлукой.*

формации молчания во фразы связан с вопросом первоначального вытеснения [Лиотар 1999, с. 100].

Вещи, подвергшиеся удаленному хранению, сохраняют свойство оживлять воспоминания, порождая тексты о прошлом. Метафорические словосочетания: *копаться, рыться, перебирать что-л. ... в памяти*, — поддерживают ассоциативную связь между воспоминаниями, которым предается человек и перебиранием вещей (в сундуке, на чердаке, на антресолях), карточек в картотеке и т. д.

(4) Переименование *памятной вещи* или *объекта коммеморации. Вещь* или *объект* оказываются как бы спрятанными под другим именем. Переименование означает стирание памяти о прошлом. Например, *Санкт-Петербург* в патриотических целях был переименован во время Первой мировой войны (1914 г.) в *Петроград* — стирание памяти о немецком корне в названии города. После смерти В. И. Ленина (1924 г.) — в *Ленинград* — стирание памяти о *святом Петре* и о *Петре I*, увековечивание памяти о *В. И. Ленине*. В русле общих процессов демократизации городу было возвращено историческое имя (1991) — стирание памяти о *В. И. Ленине*, актуализация в общественной памяти имен *святого Петра* и *Петра I*.

Замена имени на номер, практиковавшаяся в тюрьмах и концлагерях, также является актом переименования. С одной стороны, это обезличивает, с другой — стирает память о прошлом, о прежней жизни.

Политику забвения, осуществляемую посредством элиминирования из общественной памяти объектов коммеморации, можно рассмотреть на примере политики, проводимой в отношении церквей и церковных строений в бывшем СССР: часть была полностью разрушена; другая — перестала функционировать, была заброшена и медленно разрушалась; третья — перестав функционировать, сохранила свой первоначальный вид, например, у большинства церквей в Пскове был замурован вход, но с целью сохранения исторического облика города их подновляли и не давали разрушаться. Некоторые церкви были частично перестроены и отданы под музеи, больницы, санатории, клубы и другие общественные учреждения. В первом случае речь идет об уничтожении, во втором — об удалении из внешнего пространства (прекращение функций, частичное разрушение), в третьем — об удаленном хранении (прекращение функций), в четвертом — об удаленном хранении и переименовании.

В современной философской литературе политика забвения обсуждается достаточно активно. Ж.-Ф. Лиотар рассматривает политику забвения на примере создания мемориалов: «...мемория о мемориале весьма и весьма избирательна, она требует забвения от того, что может заставить усомниться в сообществе и его законности» [Лиотар 2001, с. 17].

В целом практика увековечивания и предания забвению является одним из важнейших и древнейших механизмов политической власти.

§ 2. Включение в память как репрессия и исключение из памяти как прощение. Наказание запоминанием и награда забвением

Запоминание как наказание. Способность памяти (личной, коллективной, общественной) хранить воспоминания и о добре, и о зле, делает ее амбивалентным концептом. *Добрая, дурная... слава / память* концептуально согласуются с *репутацией* и в сознании людей могут конкурировать, ср.:

> В заключение скажем, что **добрая слава Иоаннова пережила его худую славу в народной памяти:** стенания умолкли, жертвы истлели, и старые предания затмились новейшими; но **имя Иоанново блистало на Судебнике и напоминало приобретение трех царств могольских: доказательства дел ужасных лежали в книгохранилищах, а народ в течение веков видел Казань, Астрахань, Сибирь как живые монументы царя...** (*Н. Эйдельман. Последний летописец*).

Память о добре связана со *славой, о зле* — с *позором*. Во втором случае запоминание выступает как наказание.

Если вина человека, оставившего *по себе недобрую память*, оказалась значительной и не может быть забыта, наказание запоминанием связывается с вечным позором (*несмываемый позор, покрыть себя несмываемым позором*), ср.:

> Дантес **вошел в память человечества как убийца Пушкина** (*А. Иванова. Пушкин станет нам еще ближе. Дантес — еще дальше. Стали известны новые сенсационные документы дуэли*).

В культурно-исторической памяти сохраняются имена «деструктивистов»: тиранов, злодеев, убийц, садистов и т. д. Их жизнь, действия, поступки и в первую очередь последствия их разрушающей деятельности образуют альтернативную историю. Это — тема Х. Л. Борхеса, написавшего «Всеобщую историю бесчестья».

В этом же контексте, а также в контексте суда людского прочитывается фраза из песни А. Галича, посвященная памяти Б. Пастернака: *Мы поименно вспомним тех, кто поднял руку...*[10]

---

[10] Речь идет о печально известном собрании писателей, на котором было принято решение поддержать постановление президиума о лишении

Тот, кто сохраняет память о зле, выступает как общественный обвинитель (судит и не прощает), ср.:

> И то, что **статьи** скоро забудутся, собственно, уже забылись, пошли на подтирку (смешно, отметил Арсений противоречие: дерьмо на подтирку!), — вовсе не аргумент! Как документы обвинения на Божьем Суде, они **останутся в библиотеках, а главное, в моей собственной памяти.** И в памяти тех, кто платил мне за них (*Е. Козловский. Мы встретились в Раю...*).

В речевых клише обещание помнить означает обещание не прощать обиду (*Я этого тебе не забуду = Я этого тебе не прощу. Помнить = не прощать*). Они связаны с обещанием мстить и содержат угрозу: *Я это запомню! Я тебе это попомню! Не забуду тебе этого!* С другой стороны, угрозу также содержит обещание напоминать о себе, оставаться в памяти другого: *Ты меня надолго / навсегда запомнишь! Ты меня еще* [*не раз*] *вспомнишь!*

Эти же высказывания о третьем лице предупреждают, предостерегают: *Она тебе этого никогда не забудет! Когда-нибудь отпомянет он тебе это* [Абрамов 1994, с. 70].

Констатация факта: *Я никогда ничего не забываю. Я все помню.* Характеризует скорее долгую память о зле, чем о добре.

Забвение как прощение. В основании идеи прощения лежит позитивная установка: «*Надо помнить все только хорошее, и забывать все плохое*». В ней отражен мифологический мотив борьбы со злом: *предание зла забвению.* Ср. также: *Кто старое помянет, тому глаз вон.*

Сознательное *забвение плохого* (*непамятование зла*) содержит христианское *прощение*: «В молитве, обращенной к Богу, человек молит его о *прощении*, т. е. о непамятовании сотворенного человеком зла» [Верещагин 2004, с. 57], ср. также: *Памятуй добро, а зло забывай* [Даль 1955, т. 3, с. 14].

В повседневных речевых практиках фраза: *Он зла не помнит*, — означает, что он простил или вообще легко прощает (как постоянное свойство). *Просить прощения* — значит, *просить забыть* (*простить* =

Б. Пастернака звания советского писателя и об исключении его из числа членов Союза писателей СССР. Собрание состоялось 27 октября 1958 г. *Поднял руку* имеет значение: 'проголосовал «за»', и 'поднял руку на поэта' (возможна аллюзия на стихотворение М. Лермонтова «Смерть поэта»: «Не мог щадить он нашей славы: // Не мог понять в сей миг кровавый, // На что́ он руку поднимал!..»). Здесь соединены две функции: *Запоминание-Наказание* и *Запоминание-Предостережение* (см. ниже).

забыть, не прощать = не забывать). Просьба о прощении, как правило, оформляется с помощью глагола *забыть*.

Перформативные высказывания, употребляемые в ситуации прощения, как правило, описывают совместные действия или приглашение к ним: *Хорошо, давай все забудем! Забудем об этом! Все. Хватит. Забыли!*

Императивные высказывания содержат совет, они апеллируют преимущественно к личной памяти собеседника: *Забудь! Выброси это из памяти! Постарайся это забыть!* Ср.:

(1) Я вас прошу, дарлинг, полминуты молчания, я должен вам что-то сказать. Я понимаю, вы пошли тогда со мной из-за отчаяния, или из-за злобы, или еще из каких-то неприятных чувств. Я вас прошу... знайте всегда, что старый Бак вычеркнул это из памяти, ничего не было. Что? Благородно, вы говорите? Пожалуйста, можете иронически улыбаться, но я старомодный человек, пусть это будет благородно (*В. Аксенов. Остров Крым*).

(2) Плохой у меня характер: стоит только ко мне по- человечески обратиться, и я все зло забываю (*В. Аксенов. Апельсины из Марокко*).

§ 3. Память и этические прескрипции. Память и травма

Память и совесть. Память о зле, причиненном тобой. Концептуально *память* согласуется с *совестью* (*муки совести, раскаяние в грехах, дурных поступках*) и со *стыдом*. Память о действиях, оцененных впоследствии как неправедные, неправильные, злые, грешные, унизительные, стыдные, — может мучить, ср.:

Нечаянный хлад разлиялся в моих жилах. Я оцепенел. Казалося мне, я слышал мое осуждение. Воспомянул дни распутныя моея юности. Привел на память все случаи, когда востревоженная чувствами душа гонялася за их услаждением, ветреных поступков жизни моей есть один, впечатление которого даже слишком тяжело залегло в моей памяти (*Ф. Достоевский. Идиот*).

От мучительной памяти пытаются избавиться, ищут *забытья: уйти, сбежать от своей памяти; невозможно уйти от своей памяти.*

В религиозной литературе *память о грехах* рассматривается как путь к очищению, покаянию и исповеди. Соответственно забвение приводит к «коснению во грехе» [Зубов 2004, с. 42—43].

Вопрос о выборе между правдой и ложью, сохраняемой в общественной памяти, обсуждает кинорежиссер К. Занусси:

Если в памяти остается правда, это очень помогает совести, если остается ложь, тогда совесть ею искажается. Это видно во всех обществах, которые прошли через трудную ситуацию XX века [Занусси 2004, с. 92].

Злая память. Память о зле, причиненном тебе. Память на зло (*об обидах, оскорблениях, позоре, унижениях*) составляет основу *мести*. Со *злой памятью* также связывается отсутствие покоя, болезненное состояние души, страдания, ср.:

Вышибить надо память из людей. **От нее зло растет.** Надо так: одни *пожили* — *померли*, и все зло ихнее, вся глупость с ними издохла. Родились другие; злого ничего не помнят, а добро помнят. Я вот тоже **от памяти страдаю.** Стар, покоя хочу. А — **где покой**? В **беспамятстве покой-то**... (*М. Горький. Дело Артамоновых*).

В психотерапевтической практике *память о зле, причиненном тебе*, часто рассматривается как *память-травма*, анализируются рассказы людей с диагнозом посттравматического расстройства на почве стресса, разрабатываются механизмы забывания травматических воспоминаний. В отдельную группу можно выделить исследования, посвященные анализу рассказов людей, выживших в Холокосте [Vidal-Naquet 1992] (см. также обзор литературы в статье Кирмаера [Kirmayer 1996]) и жертв, переживших сексуальное насилие в детском возрасте [Haaken 1994; Hacking 1991; Ivy 1993; Glynis 1996].

Анализ рассказов жертв Холокоста позволил выделить некоторое количество базовых метафор и выстроить типологию травматической памяти: глубокая память (deep memory), мучительная память (anguished memory), униженная память (humiliated memory), испорченная память (tainted memory), негероическая память (unheroic memory) (см. обзор литературы в [Kirmayer 1996]).

Эти рассказы, как справедливо замечает Л. Кирмаер, могут быть поняты как культурные конструкции личной и исторической памяти. Особый интерес представляют собой роль языка, а также поведенческие стратегии, обнаруживающие работу травмированной памяти. Л. Кирмаер, например, находит важные различия в механизмах забывания — припоминания между двумя группами людей с травмированной памятью. Люди, испытавшие (сексуальное) насилие в детском возрасте, с большим трудом вспоминают события, приведшие к травме, что касается жертв Холокоста, подвергшихся насилию и унижению во взрослом возрасте, то у них в памяти навсегда отпечатались травматические воспоминания. Говоря о стереотипном представлении, сформировавшемся в науке по отношению к этим двум группам, Л. Кирмаер пишет, что проблема первых — не в ограниченности их памяти, но в ограниченных возможностях обыденного языка и его экспрессивных средств, посредством

которых жертвы насилия не чувствуют себя в состоянии описать ужас постигшей их катастрофы. Что же касается жертв детского насилия, то они описываются в науке как не подозревающие о своем травматическом детском опыте. Их травматическое прошлое дает о себе знать не посредством языка, но с помощью знаков, симптомов.

Память-травма исследуется также в русле идей культурной антропологии, в философских, социологических, исторических исследованиях. Травматический опыт войн [Fussell 1975], Холокоста и массового нарушения прав человека относят к составной части общественной памяти. Обсуждение этих тем ставят вопросы о соотношении между знанием и моралью, этической деятельностью в современном социуме [Hartman 1996; Bauman 1989, Fine 1988].

В языке концепт *злой памяти* представлен шире, чем концепт *доброй памяти*. Он имеет достаточно большое количество дериватов: *злопамятствовать, памятозлобствовать, памятозлобивый, памятозлобный, злопамятный, злопамятность, злопамятство, злопамятливый* [Тихонов 1985, т. 1]. В отличие от него концепт *доброй памяти* практически не имеет дериватов. Слова *незлопамятный, незлопамятность* [там же] сформированы по модели: отрицательный префикс + *злопамятный*; *злопамятность*.

В литературных текстах часто содержится утверждение, что зло человек лучше помнит, чем добро, ср.:

(1) Добро, оно неприметнее, радость недолго, может, **и помнится, а зло не забывается**, ух сколько, все жжет и жжет, выедает внутри все самое живое (*А. Иванов. Вечный зов*).

(2) Лихое долго **помнится, а хорошее забывается.** *Пословица* [Львов 1984].

(3) Разумеется, смирилась наружно, **запечатлевая в своей памяти всякую нанесенную обиду** и смутно на что-то надеясь (*М. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина*).

(4) А в ночной тишине, в сонном молчании всего живого, вспоминались жуткие рассказы Никиты о женщинах, плененных татарами, жития святых отшельниц и великомучениц, вспоминались и сказки о счастливой, веселой жизни, но чаще всего **память подсказывала обидное** (*М. Горький. Дело Артамоновых*).

(5) Вдруг у меня болезненно сжалось горло. Впервые я был частью моей особенной, небывалой страны. Я целиком состоял из **жестокости, голода, памяти, злобы**... (*С. Довлатов. Зона*).

О травмированном теле (*ранах, рубцах, шрамах*) также говорят, используя метафору памяти: *Это память о войне, драке, аварии*...ср., также:

...не услышал Бородатый, как налетел на него сзади красноносый хорунжий, уже раз сбитый им с седла и получивший **добрую зазубрину на память** (*Н. Гоголь. Тарас Бульба*).

Деструктивные стратегии как способ сохранить память о себе. В истории культуры *память* также рассматривалась как *ценность сама по себе*, вне зависимости от критериев этики. Это обусловило стратегию сохранения памяти о себе, обретения известности со знаком минус посредством сознательно осуществляемых деструктивных действий, ср.:

(1) — Убейте его. **Почетно оставить о себе память как о наемном убийце века.** Прищемите вашего врага на пороге двух эпох. Он кичится, он уже там, он уже гений, купидон, вьющийся со свитком у ворот нового мира, он уже, задрав нос, не видит вас, — тресните его на прощанье (*Ю. Олеша. Зависть*).

(2) **Разодрав красоткины кудри**, я думал, что **опозорю ее**, развею ее розовость, ее блеск, и думал, что исправлю допущенную всеми ошибку. Но ничего не вышло. **Позор упал на меня.** Я был изгнан. Однако, мой милый, **обо мне помнили весь вечер**; однако **бал я испортил им**; однако **обо мне говорили везде**, где появлялась красотка... (*Ю. Олеша. Зависть*).

На стремлении привлечь к себе внимание, *оставив по себе дурную память*, также основывается стратегия бытового поведения, часто неосознанно, например, у детей, ср.:

Перед отъездом Илья так озорничал, как будто намеренно **хотел оставить о себе дурную память: нагрубил матери** до того, что она расплакалась, **выпустил из клеток всех птиц** Якова, а дрозда, обещанного ему, подарил Никонову (*М. Горький. Дело Артамоновых*).

§ 4. Включение в память как предостережение

Запоминание как предостережение. Дискурс памяти как предостережения оформляется высказываниями, имеющими перформативный характер: *Помни! Надо помнить! Нельзя забывать! Это не должно повториться! Мы никогда этого не забудем!* Высказывания обращены преимущественно к коллективной и общественной памяти, реже — к личной памяти, ср.: *Я не должна этого забыть! Со мной этого никогда не повторится, потому что я всегда буду помнить этот урок.* Как правило, в этом случае речь идет *об ошибках молодости, о жизненных уроках / уроках жизни*, о *науке* (*Впредь это будет мне наука!*), о *памятке* (*устар.*) (*Это мне памятка вперед*).

В основании убежденности в действенности памяти как предостережения лежат позитивные установки, связанные с представлением о способности человечества «учиться на ошибках» — *извлекать уроки из истории*, делать правильные выводы; *вера в человеческий разум, в здравый смысл*; *убежденность, что разум торжествует / восторжествует*; *что [в обществе] существуют здоровые силы, которые не допустят повторения...* Существует мнение, что память об ошибке предотвращает повторное ее совершение: *На ошибках учатся*; *Дважды не наступают на грабли*; *Дважды не спотыкаются об один и тот же камень*.

Еще в большей степени эти установки относятся к *роковым ошибкам*, к *ошибкам истории*, в результате которых *страдают и гибнут ни в чем не повинные люди*, разрушаются вещи, являющиеся общественной ценностью. Поэтому *память об ужасах войны, блокады, голода, репрессий, нацизма, массового уничтожения, геноцида*; *память о варварском уничтожении чего-л.*, *истреблении чего-л.* как бы предостерегает от их повтора. *Коллективная память* здесь связана с *социальной ответственностью*, *забывание* — с *безответственностью* (см. также: [Верещагин 2004, с. 59]).

Историческая память как бы восстанавливает «баланс» *исторической справедливости*, нарушаемый *войнами, репрессиями, геноцидом*. В этом контексте *историческая память* также рассматривается как шанс человечества на построение исторического будущего, более справедливого и гуманного, чем историческое прошлое, ср.:

> Нам представляется, что в России сейчас идет борьба двух могучих течений. Победит Сталин — и возникнет страшное общество тоталитаризма, бездумные отары, **забывшие о Сталине, не сознающие своего сталинского ничтожества**, несущие гибель во все просторы земли. Проиграет Сталин и Россия может превратиться в великое творческое содружество людей, ведущих разговор с Богом, **не забывающих ни своих, ни чужих страданий и навсегда сохранивших память о власти ничтожеств, о крови и лжи, о сталинщине**. *Каждое событие, происходящее сейчас в России, должно рассматривать с точки зрения борения двух этих течений (В. Аксенов. Остров Крым).*

Логика интерпретации *памяти* соответственно предполагает, что *забвение, историческое беспамятство* создает опасность повторения диктатуры. *Беспамятство* соотносится *с беспринципностью*, с отсутствием *гражданской позиции*.

Историческая память и беспамятство. Социокультурные коннотации. Толковые словари фиксируют два основных значения у сло-

ва *беспамятство*, связанные с физическим и психическим состоянием человека: 'обморочное состояние' и 'состояние аффекта' [Ожегов, Шведова 1995, с. 42; Кузнецов 2001, с. 40].

В современном употреблении это слово часто распространяется на социум: *историческое беспамятство*, *социальная амнезия*, — и употребляется для характеристики состояния общества, утратившего историческую, культурную, экономическую память.

В этом значении оно имеет отрицательные коннотации и определяется как *грех*, *болезнь общества* и даже как *предательство*[11].

(1) Но сегодня **беспамятство беспрецедентное**. ... Откуда в нас **такое беспамятство**? 2001.novayagazeta.*ru/nomer/2001/76n/n76n-s06.shtml*

(2) **Беспамятство — тяжкий грех**. *russa.narod.ru/almanakh/antiquity/ — 44k*

(3) **И болезнь у нас одна — беспамятство**. *www.semeyskie.narod.ru/sovr_srub.html—101k —*

(3) К чему ведет **историческое беспамятство**?... *www.nasledie.ru/oboz/N10-12_96 10—*

(4) **нет страшней неволи, чем беспамятство**, чем забвение... *magazines.russ.ru/znamia/ 1999 5/lazarev.html — 60k —*

(5) **Беспамятство** сродни **предательству**. 26.02.2003 (*С. Кашурко. «Правда». www.kprf.ru articles /7210.shtml — 101k —*)

(6) Но произошло самое страшное: **отчуждение людей от земли**, от результатов труда, от заинтересованности в результатах труда, произошло **отчуждение их от государства**. Люди **утратили экономическую память**. Теперь еще одна грань нашей действительности, грань кровавая и непредсказуемая по своим последствиям (*В. Солоухин. При свете дня*).

Здесь можно усмотреть традиционное отношение к памяти как к ценностной и истинностной категории. В социальном контексте манипулирование историческими фактами, их намеренное искажение, фигуры умолчания, вычеркивание имен и т. д. соотносятся с манипулированием общественной исторической памятью. *Социальное беспамятство* воспринимается также как *путь к несвободе*, *а историческая память* — как «страховка» от диктатуры и несвободы, ср.:

(...) **воспоминание** основной **враг несвободы и диктатуры**, его надо обязательно **уничтожить** или **исказить** (впрочем, это одно и то же: **манипулирование памятью** требует, чтобы человеческое

---

[11] С *предательством* соотносит *беспамятство* автор, напечатавший свою статью на сайте КПРФ. Пример (6).

пространство было **очищено от истории**, начиная с **личной и семейной истории** (*Н. Сахарова. «Воспоминание — основной враг несвободы и диктатуры». Опыт преображения памяти. www.internetstarthere.com/cgi/navigate. Cgi*)

Историческая память и социокультурные практики. В память о *массовых жертвах*[12] (войны, репрессий, геноцида, бомбежки) создаются памятники и мемориалы (памятники жертвам сталинских репрессий, памятники жертвам войны, мемориал, посвященный жертвам Холокоста. Памятники воинам: мемориальные комплексы, Вечный Огонь), образуются общества памяти (общество «Мемориал»). Они имеют две цели, в которых проявляются две функции памяти: *увековечить* и *предупредить*.

> Между этими двумя функциями памяти может возникать противоречие, становящееся предметом дискуссий и обсуждений.. Например, служит ли фильм о Гитлере, показанный по австрийскому телевидению, его увековечиванию (скрытой пропагандой нацизма) или же предостережением от возможных рецедивов повтора?
>
> Похожий вопрос обсуждался после того, как в построенном после войны католическом храме г. Граца (Австрия) прихожане заметили в витраже, помещенном в алтарной части и изображающим рай, чистилище и ад, в той части, которая изображала ад, профили, напоминающие Гитлера и Муссолини.

В повседневных речевых практиках требования запомнить имеют импликацию *предупреждения* и часто употребляются для того, чтобы предостеречь кого-л. от нежелательных, с точки зрения говорящего, действий, ср.: *Хорошенько запомни! Запомни крепко-накрепко!* а также фразеологизмы: *Заруби себе на носу! Намотай себе на ус!*

---

[12] В XX веке уничтожение людей приобрело *массовые* размеры и эпитет *массовый* при слове *жертвы* (*массовые жертвы*) стал частотным.

Часть II

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЛЕД В ЯЗЫКЕ

Глава первая

Хаос

Общие замечания. Миф понимается большинством его исследователей как особый способ моделирования действительности, как универсалия сознания[1]. Мифологические формы мышления обнаруживаются и в традиционной, и в современной культуре и языке[2]. М. Элиаде пишет «Можно с уверенностью предположить, что понимание мифа однажды будет отнесено к наиболее полезным открытиям двадцатого столетия» [Элиаде 1996, с. 39].

Идея включенности мифа в жизнь современного общества не кажется исключительно новой. Мифологические мотивы достаточно хорошо просматриваются в художественной литературе, в идеологических концепциях, в стратегиях поведения, в ритуалах. Как отмечает М. Элиаде, секуляризованные мифы и мифологические образы, размытые и скрытые, обнаруживаются везде (Элиаде 1996, с. 34), современный мир все еще сохраняет следы мистического поведения (там же, с. 23). Такие аналогии, как бесклассовое общество Маркса и миф о Золотом веке, который лежит в начале и в конце Истории (там же, с. 25), празднование Нового года и мистический архетип периодического повторения сотворения (там же, с. 28) — не выглядят неуместными, равно как и сама попытка рассмотреть, как архаические элементы, трансформируясь, обретают форму в настоящем. Такой подход позволяет понять движение и перемещение специфических идей в общественной жизни — поскольку миф представляет собой специфическую форму знания — при этом акценты ставятся не на абсолютной новизне, но на припоминании старого: «...вчерашний день еще не родился. Его еще

---

[1] Об основных типах понимания мифа см.: Мамардашвили, А. М. Пятигорский [Мамардашвили, Пятигорский 1997, 32].

[2] Об этом писали лингвисты, семиотики, философы, мифологи [Барт 1995; Кассирер 1925; Потебня 1905; Топоров 1995а; Фрейд 1992; Элиаде 1994].

не было по-настоящему» [Мандельштам 1966, с. 266]. «Новое не в том, что сказано, а в событии его возвращения» [Фуко 1996, с. 62].

Язык играет одну из ключевых ролей в создании и воссоздании мифов. Он не только сохраняет в себе как некие мифопоэтические реликты слова-концепты: *хаос*, *Тартар*, *Медуза Горгона*, *Прометей*, но также присваивает их. Вступая с ними во взаимодействие, он цитирует, редуцирует, трансформирует их, облекает в новые образы.

Вопрос о включенности мифа в язык, о глубине его залегания в современном языке/языках, с одной стороны, интересен и актуален, а с другой, как это ни удивительно, мало изучен.

Словарные дефиниции *хаоса*. Слово-конструкт *хаос*, у которого первое значение референциально связано с космогоническими мифами, а производные реализуются в современных употреблениях, удобен (если это слово уместно по отношению к *хаосу*) для анализа и описания процесса утраты (стирания) или, наоборот, сохранения (восстановления) мифологического компонента.

Толковые словари современного русского языка выделяют несколько значений у слова *хаос*. Первое отсылает к древнегреческой мифологии — к мифологическому хаосу, в остальных варьируется идея отрицательного порядка, т. е. беспорядка: в мыслях и чувствах; в вещах, в пространстве: *хаос красок*, *хаос звуков*, *в голове хаос и сумбур*, *хаос в делах*, *хаос вещей*, *в доме хаос и бардак*[3].

Если следовать логике дефиниций толковых словарей, то можно предположить, что в языке есть два омонима: *Хаос I* (*1* значение) и *Хаос II* (*2—4 значения*).

Хаос I — ключевое понятие космогонических мифов, античного мифопоэтического мышления. Он противопоставлен *Космосу*. В отличие от *Хаоса I Хаос II* не имеет мифологических аллюзий. *Хаос II* вступает в антонимические отношения со словом *порядок*, образованные им словосочетания выражают современное употребление.

В значении 'беспорядок в помещении' у слова *хаос* ударение переходит с первой гласной на вторую — *хаОс*. Таким образом, между *ХАос I* и *ХАос*, *ХаОс II* обнаруживается семантический и фонетический

---

[3] **ХАОС и *ХАОС*** — 1. (хАос) В древнейших мифологических представлениях: беспорядочная материя, неорганизованная стихия, из к-рой образовалось впоследствии все существующее. *Первозданный х.* 2. (хАос) Отсутствие порядка, полная путаница. *Х. в делах. Х. в голове.* 3. (хАос) Нагромождение, скопление чего-н. *Х. камней. Х. льдов.* 4. (хаОс) Беспорядок (в помещении, в жилье). *В комнатах х. Как можно жить в таком хаосе?* [Ожегов, Шведова 1995].

разрыв, который, как можно думать, показывает стирание мифологического следа в производных значениях слова *хаос*. Действительно ли это так? Сохраняются ли следы мифологического хаоса в современном употреблении или же они окончательно стерлись?[4]

Языковые образы бесформенности и безликости. Заканчивая статью, посвященную античному хаосу, А. Ф. Лосев пишет: «*...Он (хаос) — принцип и источник всякого становления, вечно творящее живое лоно для всех жизненных оформлений. Античный хаос всемогущ и безлик, он все оформляет. Но сам бесформен. Он — мировое чудовище, сущность которого — пустота и ничто. Но это такое ничто, которое стало мировым чудовищем, это — бесконечность и нуль одновременно*» [Лосев 1991, с. 581].

Такие атрибуты *хаоса*, как: 'бесформенность и безликость', 'мировое чудовище', 'пустота и ничто', 'бесконечность', 'вечно творящее живое лоно', хотелось бы рассмотреть как культурно-языковые сюжеты, реализуемые или элиминируемые в современном употреблении[5]. Следует при этом оговориться, что каждый из этих атрибутов потенциально динамичен и содержит в себе возможность трансформироваться в иное или противоположное.

---

[4] Очевидно, что толковые словари, дающие синхронное описание языковых единиц, не ставят своей задачей указание возможных, в том числе и мифологических аллюзий. Однако, если одной из целей словаря станет интерпретация культурного следа в языке, то вопрос о мифологической составляющей и способах ее лексикографического представления окажется одним из центральных. Эта задача сейчас решается на материале словарного описания фразеологических единиц, осуществляемого под руководством В. Н. Телия.

[5] Вопрос, который хотелось бы здесь лишь обозначить — это каким образом в языке и культуре, в том числе в культуре повседневности, *переживается* идея *Ничто*, *Абсолютного Начала* и *Пустоты*? *Хаос* и *Ничто* — имеют частично совпадающие смысловые элементы. *Ничто* соотнесено с пустотой, *хаос* ('разверстое пространство', ' пустое протяжение') — также. *Ничто* — одно из обозначений начала, противоположного бытию (Горгий); *хаос* — абсолютное начало. В отношении чувственного мира *ничто* у Платона и Аристотеля — материя; *хаос* — первоматерия. Первое упоминание *хаоса* — в поэме Гесиода (XI—XII в. до н. э.) «Теогония». *Ничто* как самостоятельная категория впервые появляется в учении Демокрита (ок. 460 до н. э.), *Хаос* возник в поэтическом дискурсе, *ничто* — в философском. «*Людям известно, конечно, многое об отношении философии к поэзии. Мы, однако, ничего не знаем о диалоге поэта и мыслителя, которые "на ближайших вершинах живут, разделенные бездной"*» [Хайдеггер 1993, с. 41].

Онтологически *хаос* асемантичен и алингвистичен. Звуковое и смысловое оформление того, что мыслится как бесформенное, есть начало его упорядочивания. Нечто, осознаваемое как невидимое, лишенное физических свойств, бесформенное получает имя *хаос*: 'зев', 'зевание', 'зияние', 'разверстое пространство', 'пустое протяжение'. Бесформенность, обретающая свойства, перестает быть *самой собой*. Она *оформляется* через *оговаривание* («Мы живем в оговоренном мире»), становится элементом *порядка языка*.

Хаос семантизируется в античной мифологии с помощью катафатических определений. Он уподоблен стихии: воде, влаге, разлитому воздуху, смеси стихий; пространству между небом и землей; мировому яйцу, породившему из себя весь мир; нерасчлененной и грубой глыбе; двуликому Янусу; страшной бездне; Аиду. *Хаос* определяется также как первопотенция; вместилище вещей; некоего рода вечность; беспорядочное состояние материи.

Хаос описывается посредством апофатических определений: «*Не существовало еще небо и не существовала земля. Не было еще ни почвы, ни змей в этом месте...*» Согласно им *хаос* — это отсутствие и одновременно возможность бытия: *не существовало еще*... это нереализованные, но потенциально возможные бинарные оппозиции: *свет — тьма, земля — небо... Хаос* толкуется через то, что в нем еще не возникло. Он выступает как чистая потенциальность — «предпорядок», определяемый как бы изнутри своей реализованной потенциальности[6].

Процессы оязыковления (введения в *порядок* языка) и семантизации — наделение именем, осмысление через образы, интерпретации через отрицание, — это процессы рождения вторичного, языкового *хаоса* в недрах *порядка*. Это отделение того, что поименовано *хаосом*, осмыслено и истолковано[7] от «неназванного» и в силу своей внеположенности языку не могущего быть осмысленным и истолкованным.

---

[6] Примеры апофатического истолкования *хаоса* иллюстрируют также идею обратного движения времени [Флоренский 1922], отрицательного времени [Рейхенбах 1962].

[7] Согласно М. Фасмеру, слово *хаос* было, вероятно, заимствовано русским языком из немецкого [Фасмер 1987, т. 4, с. 222]. *Хаос* также относится к ключевым концептам поэтики Ф. И. Тютчева, поэта, тесно связанного с немецкой культурой. Если иметь в виду, что один из основных стереотипов «немецкого», сложившихся в разных культурах, включая русскую, это — *немецкий порядок*, то появляется еще один образ *хаоса*, возникающего в недрах порядка, но уже в рамках межъязыкового и кросскультурного диалога. Это можно отнести к разряду курьезных иллюстраций мысли о вторичном рождении *хаоса* в лоне (из лона?) порядка.

Если в мифологии *космос*, *порядок* рождаются из *хаоса*, то в языке *хаос* рождается из *порядка*.

Языковой *хаос* встроен в оппозицию к *космосу*, *порядку* и приспособлен выполнять функции его антипода. Языковой *хаос* — это сконструированные внутри языкового *порядка* 'ничто и пустота', побежденная 'бесформенность и безликость'. Победа космоса над хаосом, описываемая в космогонических мифах, имеет семантическую природу. Языковые *хаос* и *ничто* являют собой упорядоченные *хаос* и *ничто*[8].

Это очень близко к утверждению Ю. М. Лотмана о том, что «в самой основе идеи культуры лежит существование другого, противостоящего ей мира. (..) Культура постоянно ведет "игру" с внекультурным пространством, то помещая туда свои страхи, то делая его вместилищем своих идеалов и постоянно созерцая себя в этом перевернутом зеркале» [Лотман 1992, с. 10].

Таким образом, ведя речь о *хаосе*, мы имеем в виду культурно-языковой конструкт. Онтологический вопрос здесь, по всей видимости, невозможен. К языковому концепту, или конструкту, могут предъявляться вопросы герменевтического характера: *Как сконструировано и как может быть истолковано?*

Хаос vs. Космос. В разных типах дискурса сформированы представления о постоянной опасной, угрожающей близости *хаоса* к *космосу*. Это тютчевское: *О, бурь заснувших не буди — // Под ними хаос шевелится!..* высказывание З. Фрейда о тонком слое цивилизации, под которым скрывается грохочущее основание. Это образы фильмов ужасов, в которых лицо человека способно обретать черты монстра. Это согласующееся с законами термодинамики понятие увеличивающейся энтропии, означающего, что из порядка всегда рождается хаос. Наконец, ту же идею можно усмотреть в газетных заголовках типа: *Угрожает ли России хаос? Способны ли региональные власти противостоять угрозе хаоса? Грозит ли Удмуртии правовой хаос? Только вместе мы сможем справиться с угрозой хаоса и войны, которую несут в наше общество экстремисты, утерявшие все понятия человечности и добра...* [http://www.a-z.ru/nkoinfo/period/vestnic_blag/5-6/20.htm — 5K].

В современном языке *беспорядок*, *хаос* и *ад* находятся в синонимических отношениях: *беспорядок*, *ад*, *содом*, *разгром*, *столпотво-*

---

[8] «Что если вопрос о существе Ничто даже еще не поставлен удовлетворительным образом?», — писал М. Хайдеггер [Хайдеггер 1993]. Вероятно, этот вопрос связан с невозможностью выйти за пределы языка при обсуждении существа Ничто.

рение (вавилонское), светопредставление, кавардак, шабаш, хаос [Абрамов 1994].

Отождествление *хаоса* с *аидом* характерно для древнеримской литературы. Как отмечает А. Ф. Лосев, *«римляне прибавили какой-то ужасающий аффект и трагический пафос перед этой всепоглощающей бездной»* [Лосев 1991, с. 581]. У Сенеки *хаос* — общемировая бездна, в которой все разрушается и тонет. Этот след и этот трагический пафос также сохраняется в современном языке:

(1) Да, — задумчиво сказал Кавабата, — а ведь, в сущности, этот рисунок страшен. От животных нас отличают только те правила и ритуалы, о которых мы договорились друг с другом. Нарушить их — хуже, чем умереть, потому что только они отделяют нас от **бездны хаоса**, начинающейся прямо у наших ног, — если, конечно, снять повязку с глаз (*В. Пелевин. Чапаев и пустота*).

(2) Кровавый **хаос** в стране. Ночная армия Ваги, выходящая на поверхность, десять тысяч головорезов, отлученных всеми церквами, насильников, убийц, растлителей; орды меднокожих варваров, спускающиеся с гор и истребляющие все живое, от младенцев до стариков; громадные толпы слепых от ужаса крестьян и горожан, бегущих в леса, в горы, в пустыни; и твои сторонники — веселые люди, смелые люди! (*А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом*).

(3) Франция погружается в **пучину** транспортного **хаоса** (http://www.autotransinfo.ru/ tr_news.asp).

Мифологические представления о *космосе*, объятом *хаосом*, первозданным океаном, бездной находят продолжение: *И мы плывем, пылающею бездной // Со всех сторон окружены* (Тютчев).

В формах интерпретации некоторых фактов новейшей истории также угадываются структурные элементы мифологического противостояния *космоса* силам *хаоса*. Террористические акты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне комментировались в массмедиа как *нарушение мирового порядка*. Международный терроризм оказался носителем свойств *хаоса*, а «все цивилизованное человечество» — свойств мирового *порядка*. Данная метафора может рассматриваться и в более широком контексте. Силы *хаоса* локализуются во внекультурном пространстве: за пределами цивилизации, на территории «стран-изгоев». Они прячутся и тайно, не объявляя своего имени, наносят удары. Борьба с международным терроризмом обретает черты мифологического противостояния *космоса хаосу*. К сказанному можно добавить, что и сам Центр международной торговли рождает ассоциации с мировым древом. Торговля — это одна из главных составляющих экономического развития любой страны. Центр международной торговли располагался в двух самых высоких небоскребах, занимавших центральное

положение на Манхеттене. В нем работали люди разных национальностей, из разных стран мира. Он был своего рода символом респектабельности и могущества самой богатой страны мира. Ср. Мировое древо «*является доминантой, определяющей формальную и содержательную организацию вселенного пространства*» [Топоров 1991, с. 399].

Языковые образы бесконечности: пред- и постпорядок. В современном употреблении слово *хаос* может иметь импликацию «еще не порядок» — *предпорядок*. Оно используется для обозначения доупорядоченной ситуации: еще не выстроенного порядка, не найденной гармонии. Это относится к мыслям, которые еще не обрели логической завершенности, чувствам, не согласованным гармонически.

Хаос также описывает состояние мира или души, которые постоянно находятся во власти деструктивных сил, и в которых гармония, в принципе, недостижима. Так выражается пессимистический взгляд на устройство мира. В этом случае *хаос* обозначает реальность, настоящее, а *порядок* — область желания (мечты, иллюзии), вероятное будущее.

(1) В голове какой-то **хаос**, никак не выстраивается логика рассуждений.

(2) Но, по-моему, не время таким рискованным экспериментам среди нашего **хаоса** и развала, перед лицом напирающего врага. Надо дать стране прийти в себя и отдышаться от одного переворота, прежде чем отваживаться на другой. Надо дождаться какого-нибудь, хотя бы относительного успокоения и порядка (*Б. Пастернак. Доктор Живаго*).

(3) Нью-Йорк был для Маруси происшествием, концертом, зрелищем. Городом он стал лишь месяц или два спустя. Постепенно из **хаоса** начали выступать фигуры, краски, звуки (*С. Довлатов. Иностранка*).

(4) Как известно, мир несовершенен. Устоями общества являются корыстолюбие, страх и продажность. Конфликт мечты с действительностью не утихает тысячелетиями. Вместо желаемой гармонии на земле царят **хаос** и беспорядок. Более того, нечто подобное мы обнаружили в собственной душе. Мы жаждем совершенства, а вокруг торжествует пошлость (*С. Довлатов. Зона*).

В других употреблениях слово *хаос* может иметь импликацию «уже не порядок» — *постпорядок*. *Хаос* обозначает состояние, ситуацию, возникающие в результате действия деструктивных, дестабилизирующих сил, разрушающих порядок, гармонию.

(1) Нашей ближайшей задачей становится теперь упразднение случайностей, производящих **хаос**, нарушающих единый ритм и вызывающих снижение темпов (*А. и Б. Стругацкие. Улитка на склоне*).

(2) Гостиница производила впечатление желтого дома, покинутого сбежавшей администрацией. Пустота, **хаос**, власть случайности на лестницах и в коридорах (*Б. Пастернак. Доктор Живаго*).

(3) Архангельск на пороге **хаоса**: энергетики отключают светофоры. Тем не менее если в ближайшие дни деньги не будут перечислены на счет «Архэнерго», на основных магистралях Архангельска воцарится **хаос** (http://www.ntv.ru/russia/15Sep2000).

(4) «Снежные бури, разразившиеся в минувшие выходные, вызвали **хаос** в экономической жизни Европы», — сообщает информационная служба Би-би-си (http://www.lenta.ru/world/ 1999/11/22).

Таким образом, в современном употреблении *хаос* может иметь импликации либо *еще*, либо *уже не порядок*, соединяя в себе смысловые компоненты 'пред- и постпорядка', что кореферентно идее неструктурированного времени, единства начала и конца, бесконечности, воплощением которой в античной философии является *хаос*. Порядок зарождается из хаоса, но хаос рождается из порядка.

Совмещение идеи начала и конца просматривается в одном из мифопоэтических образов *хаоса* — двуликом Янусе, — обладающем способностью видеть все вперед и назад, могущем развернуть мир во всей его красоте или, наоборот, придать его уничтожению. Янус все закрывает и раскрывает, являясь как бы мировой дверью.

Языковые образы пустоты: овеществленная пустота. «Мифологическому» *хаосу*, мыслимому как пустота ('зев', 'зевание', 'зияние', 'пустое протяжение'), а также воздух, влага и т. д., противопоставлен *хаос*, обозначающий помещение со множеством неупорядоченных вещей. Например, риторический вопрос: *Как можно жить в таком хаосе?* — может быть понят как утверждение, что жить в неубранном помещении, в котором вещи разбросаны в беспорядке, невозможно, но не как утверждение, что невозможно жить в пустоте. Идея пустоты трансформировалась в идею беспорядочной заполненности пространства вещами — «овеществленной пустоты»[9]. В сопоставлении с античными представлениями о *хаосе* это значение можно рассматривать как результат культурно-языковой энантиосемии. Вероятно, оно возникло как антоним к одному из значений слова *порядок* 'Правильное, налаженное состояние, расположение чего-н.' *Держать вещи в порядке* [Ожегов, Шведова 1995].

---

[9] Необходимо при этом отметить, что античному пониманию *хаоса* присуща определенная «вещность», «вещественность»: Аристотель определял *хаос* как физическое место, где находятся те или другие физические тела; Овидий мыслил *хаос* как 'нерасчлененную и грубую глыбу'.

(1) Книги, рукописи, начатые листы, окурки и пепел завалили весь стол. Страшно было подсесть, — не только работать в таком хаосе (*А. Н. Толстой. Для чего снег идет*).

(2) В холле царил хаос. Все было перевернуто, разбросано, заслякощено. Книги валялись вперемешку с пыльным бельем и свернутыми холстами. Под ногами хрустело стекло, валялись сморщенные тюбики из-под красок, телевизор смотрел пустым прямоугольником экрана, а стол был заставлен грязной посудой с тухлыми объедками. В общем, только что не было навалено в углах, а может быть и было навалено — в темноте не разберешь. Запах в доме стоял такой, что Виктор не вытерпел и распахнул окно (*А. и Б. Стругацкие. Гадкие лебеди*).

(3) Комната также имела очень странный вид, и что-нибудь понять в хаосе ее было очень трудно. На ковре лежали рукописи, они же были и на диване. Валялась какая-то книжка горбом в кресле. А на круглом столе был накрыт обед, и среди закусок стояло несколько бутылок (*М. Булгаков. Мастер и Маргарита*).

На тенденцию к «овеществлению» *хаоса* указывает также активно идущий процесс именования вещей: *водопад Каменный Хаос, торт Хаос, магазин Белый Хаос, сайт Хаос, радио Хаос*, современный стиль в одежде: *Самой экстравагантной за последние десятилетия обещает стать мода нынешнего года. Об этом свидетельствуют показы новых коллекций в Нью-Йорке, Лондоне, Париже и Милане. Ведущие специалисты сходятся во мнении, что центральной темой одежды станет ...хаос. Символом этого стало ношение нижнего белья поверх брюк* (радио «Маяк», 23.03.2001). Слово также используется модными направлениями современного искусства: журнал «*Архитектура и хаос*»[10], альбом Б. Гребенщикова *Сестра Хаос*; *Том-Хаос* — псевдоним В. Занурова, солиста группы «Отпетые мошенники» и т. д.

У слова-концепта *хаос* возникла утилитарная функция. Это — частный случай общего процесса экстраполяции «материального» в область «идеального»[11]. Вещь, становясь товаром и объектом рекламы, присваивает символический язык, созданный литературным, историческим, философским, мифологическим типами дискурса. Символический язык используется как товарный знак вещи, участвует в создании ее имиджа и ее стоимости. Ценностный смысл слова-концепта вклю-

---

[10] Создатель этого проекта А. Иванов определяет общее направление журнала следующим образом: «Архитектура — это то, чем мы занимаемся, хаос — это все, что нас окружает» (http://www.archaos.ru).

[11] Мощному овеществлению подверглось, например, слово *мир*: *Мир кожи, мир ковров, мир хрусталя, мир обуви* и т. д.

чается в стоимость товара. С другой стороны, вещь-товар оказывается введенной в дискурсивные практики мифологии, философии, литературы, что не выглядит удачным, особенно в тех случаях, когда объединение вещи с именем происходит не как факт осознанного именования, а чисто механически. Подобные ситуации имеют лингвистический диагноз: культурная глухота[12].

Образ хаоса как животворного начала. В мифологии *хаос* амбивалентен: он — и ядовитый отход миротворения, и энергетический источник мироздания. В языке и культуре *хаос* сохраняет смысловую амбивалентность. Она обнаруживается, например, в базовой метафоре чувств.

Несвободная метафорическая сочетаемость имен чувств проявляет связь чувств со стихиями, преимущественно со стихией воды: чувства текучи [Арутюнова 1999, с. 385—402], ср.: *волна, всплеск, стихия чувств*; *чувства нахлынули*. Это свидетельствует в пользу того, что *хаос* является базовой метафорой чувств. Фразеологизмы *до дна души, в глубине души* также содержат «водную» аллюзию. (Согласно [СРЯ XI—XVII, вып. 4], *глубина* имеет значение: 'пропасть, бездна, пучина' и употребляется в первую очередь как 'глубина морская', но также и 'речная, озерная'. Фразеологизм *глубинъ пръдати* означал 'потопить'. Здесь также обращает на себя внимание смысловое пересечение с *хаосом* — 'зев', 'зевание' 'разверстое пространство', а также 'бездна'.) Характер воздействия чувств на душу человека, точнее, то, как это вербализуется в несвободной метафорической сочетаемости, имеет сходство с мифологическим мотивом деструктивного воздействия сил *хаоса* на *космос*[13]. Образ борьбы человека с отрицательными чувствами как с деструктивным, стихийным началом детально разработан в языке: нападение чувства на человека: *печаль напала на кого-л, тоска навалилась на кого-л.*; противостояние человека чувству: *бороться с тоской, превозмогать скуку*; победа чувства над человеком: *скука одолела, тоска извела*; победа человека над чувством: *пересилить, избыть тоску, одолеть грусть*.

---

[12] Признаком культурной глухоты является незнание или нечувствительность к культурному следу слова-концепта. Культурный след не осознается, слово как бы погружается в культурно-бессознательное. Примером культурной глухоты являет собой меню крымских ресторанов: *Джульетта* — тушеное мясо в горшочках, *Ассоль* — отбивная. Название строительного кооператива *Вавилонская башня* может восприниматься только иронически, о чем его создатели, очевидно, не догадывались.

[13] Подробнее см.: [Брагина 1999а].

Наряду с идеей опасного *хаоса*, угрожающего мировому порядку, также реализуется идея животворного начала *хаоса*. Можно, например, предположить, что строка О. Мандельштама: *Она еще не родилась, // Она и музыка и слово, // И потому всего живого // Ненарушаемая связь* — реминисценция к животворному началу *хаоса*.

Эстетически отмеченный *хаос* присутствует в романтическом дискурсе, проявляется как художественный прием в живописи, выражается в описании случайных комбинаций звуков, красок, чувств, т. е. всего того, что изначально не предполагает упорядоченности.

(1) Обрывки туч сталкивались в красивый хаос красок и форм (*М. Горький*).

(2) Хаос чудных, неясных звуков вихрем носился перед вами (*Н. Гоголь*).

(3) Свое настоящее мнение о его поэзии я скрывал от Александры Яковлевны, а те принужденные звуки нечленораздельного одобрения, которые я из приличия издавал, понимались ею как хаос восхищения (*В. Набоков. Дар*).

(4) Группе REM нравится хаос на выборах президента США. ...В дискуссии о неясном исходе президентских выборов в США солист Майк Стайп уже успел заявить, что ему «этот хаос нравится»... (http://www.delfi.ru/news/entertainment/music/article).

Культурологи рассматривают хаос в качестве обязательного члена оппозиции: хаос — культура. Культуры нуждаются для самовыражения в фикциях хаоса [Balandier 1988]. Ср.:

Все новое: новые формации, новая ценная информация — может родиться только благодаря хаосу, без хаоса ничего нового в системе появиться не может (http://www.humans. ru/humans/19028 — 28K).

Некоторые природные явления также хорошо согласуются с идеей *хаоса*. Например, для того чтобы наглядно объяснить теорию математического *хаоса*, ученые часто используют образ облаков. Ставшая в последние годы очень популярной, эта теория может служить еще одной иллюстрацией упорядочивания *хаоса*. В современном употреблении *хаос* часто утрачивает отрицательные коннотации, чему в определенной степени способствует теория математического *хаоса*.

Языковые образы безвластия: анархия — мать порядка. Смысловые отношения: *хаос — космос*, *порядок* и *анархия — власть* присутствуют и в мифологии, и в языке. «Миф не спрашивает, как из хаоса возник упорядоченный мир, а отвечает на вопрос: кто есть суверенный бог; кто воцарился (anassein, basileyein) над миром? В этом смысле функцией мифа является ⟨...⟩ установление различия между хронологическим началом основания мира и тем, кто «руководит» его

настоящим упорядочением», — пишет Жан-Пьер Вернан [Вернан 1988, с. 138—139].

Генезис мира предполагает в первую очередь рождение власти. Это — одно из возможных объяснений квазисинонимических отношений, возникающих между парами: *порядок — власть* (*Порядок* устанавливает тот, кто имеет *власть*) и *хаос — анархия*[14]. *Хаос и анархия* часто встречаются в одном контексте.

(1) Она постоянно требует и жаждет богов, вождей, порядка, и каждый раз, когда она получает богов, вождей и порядок, она делается недовольной, потому что на самом деле ни черта ей не надо, ни богов, ни порядка, а надо ей **хаоса**, **анархии**, хлеба и зрелищ (*А. и Б. Стругацкие. Гадкие лебеди*).

(2) Действительно ли шахтерские бунты, обострение обстановки в Дагестане, небывалый финансовый кризис подводят нас к **хаосу** и **анархии**? (http://www.aif.ru/920/art005.html — 15К).

Как социально-политическую аллюзию на космогонические мифы, описывающие рождение *космоса* из *хаоса*, можно рассматривать появившийся накануне революции лозунг: *Анархия — мать порядка*[15]. В идеологии анархистов присутствуют идеи, содержащиеся в «мифологическом» *хаосе*, например, *хаос* как 'вечно творящее живое лоно'. Ср. высказывание М. Бакунина: «позвольте нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть и неисчерпаемый и вечно творящий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе и творческая страсть» (статья «Die Reaction in Deutschland»). Поэтому смысловое сближение *хаоса* с *анархизмом*, *анархистами* не выглядит случайным: *1 Мая анархисты намерены вызвать хаос на улицах Лондона* (Сегодня. Политика и власть).

В концептуальных построениях образа современной власти *хаос* также играет важную роль. *Хаос* и *порядок* противопоставлены, они находятся в антонимических отношениях. Вместе с тем в политическом дискурсе *порядок* кореферентно связан со временем правления И. Сталина, ср.: клишированное высказывание сторонников сталинского

---

[14] *Анархия*, так же как и *хаос*, восходит к греческому языку, обозначая «безначалие», «безвластие», «беспорядок» [Черных 1994, с. 43]. Беспорядок может относиться как ко времени (которое еще не началось), так и к социальной иерархии (которая еще не возникла).

[15] Лозунг возник, вероятно, из высказывания П. Ж. Прудона: «*республика есть позитивная анархия* (...) *Это взаимная свобода* (...); *свобода не дочь, а мать порядка*» («*Решение социального вопроса*», *1848*). [Душенко 1997, с. 431].

режима: *При Сталине был порядок.* Для противников режима этот *порядок* означает господство тоталитарной идеологии, полное, безраздельное и беспредельное торжество власти, устроившей для своих граждан кровавый *хаос.*

Возможно, концепция власти В. В. Путина была выстроена с учетом этих коннотаций и определялась не как *наведение порядка в стране,* но как *избавление страны от хаоса.*

> (1) Россия после выборов. Модель развития: хаос или стабильность. Путь Путина. (палка о двух концах. — *Н. Б.*) ... Правый конец палки СПС в результате приведет к уничтожению самого понятия государства Российского и как следствие к тотальному хаосу ... Конец палки КПРФ создаст господство тоталитарной системы, что приведет к экономическому, политическому и духовному кризису, фактически к тому же хаосу (http://www.ipi.ru/Docs/ 3.htm/).
>
> (2) Опрос 22—25 сентября 2000: рейтинг Путина, диктатура или хаос, свобода слова. Что страшнее — диктатура или хаос.

В заключение хотелось бы отметить, что тот очевидный разрыв между культурными смыслами и формой семантизации слов в толковых словарях может быть отчасти снят благодаря культурному комментарию, включающему в себя интерпретацию того культурного следа, который существует в современном употреблении слов, называемых культурными концептами, или культурными конструктами.

Глава вторая

Чувства

Метафора и миф. Что обусловливает образ? Справедливость обращения к мифу при анализе метафорических словосочетаний, образованных именами чувств, подтверждают также идеи, развиваемые в психоанализе [Фрейд 1992; Юнг 1991; 1994]. Тема фразеологии и психоанализа обсуждалась на конгрессе EUROPHRAS'97 в докладе В. Айсманна (Eismann).

З. Фрейд [Фрейд 1992, с. 29] пишет о том, что борьба со страхами осуществляется через очеловечивание сил природы, способ ее «одомашнивания». Он отмечает, что с безличными силами и с судьбой человек не может вступить в контакт, они остаются вечно чуждыми ему. «Но если в стихиях бушуют страсти, как в твоей собственной душе, то можно психически обрабатывать свой безрассудный страх». Внешний и внутренний мир человека находятся в отношении взаимовлияния и моделируются друг относительно друга по принципу аналогии. В языке такие аналогии выражаются с помощью метафор. Это — форма текстовой реализации внутреннего и внешнего мира, способ их упорядочивания.

Кажется справедливым утверждение Ж. Лакана (1995) о том, что методы психоанализа имеют текстовую природу, что они ориентированы в поле языка и подчинены функции речи. Он также отмечает, что теория инстинктов Фрейда, ее содержание имеет откровенно мифическую природу. Это утверждение служит, на мой взгляд, дополнительным аргументом в пользу обращения к идее мифа в языке, постулировавшейся в работах Кассирера [Cassirer 1925], Греймаса [Greimas 1987].

Существенен также другой момент. Устойчивые метафорические словосочетания возникают как результат определенного развития слова, как результат языкового и культурного *выбора* из множества возможных словосочетаний, мыслимых как свободные. Мы говорим *огонь любви*, но не *воздух любви*, *ветер любви*; *подорвать веру*, *разрушить*

веру, но не *развеять веру*, *излить веру* — сочетания, в принципе, возможные, но мыслимые как свободные.

Возникает вопрос: почему? что обусловливает *выбор того пути*, по которому идет языковая концептуализация, закрепленная в узусе, т. е. имеющая нормативный характер? Я здесь делаю акцент именно на выборе пути, а не на собственно языковой концептуализации.

Ставшие уже хрестоматийными наблюдения Н. Д. Арутюновой (1976) над семантикой несвободной сочетаемости имен чувств, работа В. А. Успенского (1979), исследования, посвященные метафорам в когнитивном аспекте [Lakoff, Johnson 1980; Kovecses 1995] и др., не рассматривают и не отвечают на «Почему-вопрос». Например, почему эмоции уподобляются текучему телу (наблюдение Н. Д. Арутюновой), а воля — твердости? Почему «Любовь — это путешествие» (Lakoff), а, например, не дорога. Совершенно очевидно, что наблюдение над несвободной сочетаемостью дает полное основание для такой аналогии. Но при этом возникает вопрос: можно ли говорить о произвольности языкового выбора данной аналогии или же существуют причины, обусловившие такой выбор?

Попытка ответить на «Почему-вопрос» переводит разговор из области онтологии в область гносеологии. Его возможно вести, как кажется, только если выйти за пределы чисто семантического описания и рассматривать языковые единицы как результат взаимодействия (диалога) языка и культуры. В этом случае акцент ставится на выявлении связи устойчивых словосочетаний с разными типами дискурса: философским, религиозным, идеологическим, социально-идеологическим, литературным, народно-поэтическим и мифологическим. Такой анализ проводился на материале фразеологии [Bragina 1996; Bragina 1998a,b; Sandomirskaya, Oparina 1996; Телия 1993; Teliya, Bragina, Oparina, Sandomirskaya 1994; Телия 1995; 1996; Teliya, Bragina, Oparina, Sandomirskaya 1998]. В указанных работах фразеологические единицы рассматриваются как результат взаимодействия языка и культуры, делаются попытки определить и описать культурные коннотации в языке. Акцент на культурном компоненте в устойчивых словосочетаниях позволяет рассматривать культурные концепты, например, имена чувств, несколько с иной стороны, чем это делают А. Вежбицкая [Wierzbicka 1992] и представители Московской семантической школы [Апресян 1995; Урысон 1997а]. В поле исследования попадают в первую очередь не внутри- или внешнелингвистические, но внелингвистические явления, к которым, как отмечает Н. И. Толстой [Толстой 1997, с. 226], относятся все факторы материальной и духовной культуры, влияющие на структуру языка.

Здесь уместно поставить вопрос: как и какие единицы языка содержат элементы мифологического мышления в форме архетипических образов. Материалом для анализа послужили прежде всего русские, а также немецкие и, в меньшей степени, английские устойчивые словосочетания, образуемые именами чувств. Следует при этом оговориться, что миф анализируется не в качестве прямого источника метафорических сочетаний. Моя задача — указать на аналогию мифологических сюжетов и сюжетов, которые раскрываются в метафорических словосочетаниях. Метафорические словосочетания рассматриваются на фоне мифологических представлений. Такой подход близок к идеям, высказанным в работах Н. И. и С. М. Толстых [Толстой 1997, с. 271—279; Толстая 1994; 1998], в которых фразеологизмы исследовались в символико-мифологической перспективе.

«Власть чувств». В статье В. Н. Ярхо (1963) поставлен вопрос применительно к гомеровским героям: способен ли гомеровский человек осознать собственную ответственность, поскольку часто эпический герой действует под непосредственным воздействием божества, то побуждающего его советом, то дарующем ему отвагу и мужество. Не означает ли это, что гомеровские герои — не более, чем марионетки, которых дергают за ниточки боги? Боги, например, вдувают (*ἐμπνεῦσι*), влагают (*ἐμβάλλει*) в героев отвагу, мужество, они также могут «вложить в сердце дикое ослепление», вызвать безумие и т. д. В связи с этим, В. Н. Ярхо замечает, что такие представления восходят к вере в добрых и злых духов, характерной для религии племен, находящихся на более ранней стадии развития человечества. «Божественный аппарат» Гомера есть специфическая, естественно возникшая форма видения мира [Ярхо 1963, с. 48].

Подобные вопросы возникают и при анализе языковых метафор, описывающих переживание человеком эмоций, чувств. Как представлен в языке «человек чувствующий»? Согласно устойчивым словосочетаниям чувства *приходят в человека, нападают на него, поселяются в его душе*, человек может *бороться со своими чувствами, брать их под контроль*, но также *чувство может победить, овладеть человеком, влиять, воздействовать на него*, на его поведение и состояние, на его реакции и мимику. Под влиянием отрицательных чувств человек может сойти с ума, может совершать поступки деструктивного характера, например, убить себя или другого.

Язык показывает, что чувства, прежде всего отрицательные, выступают как некая самостоятельная агрессивная сила, вступающая в определенные отношения с человеком и часто противостоящая ему (см. также: [Апресян, 1993]). Человек, не совладавший со своим чувством,

находится под его влиянием и способен совершать неконтролируемые действия, имеющие разные, в том числе и резко отрицательные, последствия. Человек в его языковом описании оказывается в положении гомеровского героя, значительная доля ответственности за некоторые из его поступков лежит на чувстве, которое им овладело или с которым он не смог совладать / справиться. Он выступает как объект, подвергшийся воздействию агрессивных сил, приходящих извне. Мы говорим: *поддаться чувству, не совладать со своими чувствами, быть одержим(ым)ой страстью, сделать что-л. в ослеплении, не помнить себя от страха, быть вне себя от ярости* и т. д., подразумевая тем самым безотчетность, неконтролируемость своих действий или состояний, подчеркивая, что в этот момент мы не принадлежим самим себе (тогда кому?). Человек не несет ответственности за свои сны (в них он может выступать в роли палача, жертвы — кого угодно), за свои обмороки, а также, отчасти, за свои чувства.

Аргумент «находился во власти чувств» принимается во внимание социумом, служит оправданием в глазах общества. Фразы типа *Он не помнил себя от ярости*; *В гневе она наговорила много лишнего*; *В бешенстве он ударил ее* могут использоваться в ситуации извинения, так как имплицитно содержат в себе оправдание. Это находит выражение и в юриспруденции. Так, если убийца в момент совершения преступления находился в состоянии аффекта (например, убийство на почве ревности), то это обстоятельство смягчает его вину. Считается, что сознание человека «во власти чувств» частично отключается, он не помнит себя, плохо осознает себя.

Ж.-П. Сартр, отмечая неподвластность человеку и неконтролируемость чувства, описывает переживание его как магический акт, ср.:

> Эмоции появляются в потрясенном теле, которое принимает некоторое поведение. Потрясение может пережить поведение, но поведение конституирует форму и значение потрясения. (...) Сознание, которое взволнованно, довольно похоже на сознание, погружающееся в сон. (...) Мы видели, что в эмоции сознание деградирует и внезапно преобразует мир причинных связей, в котором мы живем, в магический мир. (...) Существует такая экзистенциальная структура мира, которая является магической. ... Уже теперь мы можем отметить, что категория магического управляет интерпсихическими отношениями людей в обществе, а точнее, нашим восприятием других [Сартр 1993, с. 141].

Таким образом, чувства представляют собой силу, власть которой вынуждена признавать как отдельная личность, так и общество в целом, с которой человек вступает в борьбу (здесь и далее я имею в виду

прежде всего силу отрицательных чувств). Эта борьба не всегда оканчивается победой человека, существует также вероятность его подчинения этой силе. Что это за сила?

Можно предположить, что система древних верований в добрых и злых духов была трансформирована в язык и в форме устойчивых метафорических словосочетаний, относящихся к узусу, стала составной частью культурного поля памяти, транслируемого из поколения в поколение. Таким образом это знание было сохранено языком до наших дней.

Безусловно, это утверждение справедливо не по отношению к языку вообще, который содержит в себе множество разных культурных слоев, от самых ранних до поздних, но по отношению к определенным его «зонам», наиболее ярко проявляющим архетипические образы. Таковой можно считать эмоциональную жизнь человека, представленную в языке устойчивыми метафорическими словосочетаниями. Иными словами, метафоры отрицательных чувств в трансформированном виде наследуют архетипические черты древних богов, злых духов, несущих деструктивное начало и связанных с хаосом, со смертью, с подземным миром. Следует сразу оговориться, что я не рассматриваю миф как прямой источник возникновения метафорических словосочетаний, хотя такая возможность тоже не исключается. Я готова при этом допустить, что те или иные словосочетания могли возникнуть значительно позже. Меня интересуют в первую очередь те неслучайные, на мой взгляд, совпадения с мифологическими сюжетами, которые нашли воплощение в метафорах (независимо от источника и времени их появления) и которые иллюстрируют утверждение о включенности мифа в язык.

Мотив перемещения чувств во внутреннем пространстве: проникновение в душу, в сердце. Попытаемся рассмотреть устойчивые словосочетания, образуемые именами отрицательных чувств: *грусть*, *тоска*, *скука*, *печаль*, *гнев*, *ярость*, *горе*, *уныние* с точки зрения тех мотивов, которые они содержат, и сопоставить их с мифологическими мотивами. Чувства способны перемещаться. Они приходят и уходят, они передаются от человека к человеку[1]. Их приход может быть нейтральным, т. е. лишенным отрицательных коннотаций: *какое-л. чувство пришло*, *вошло в душу* (*в сердце*), *поселилось в душе* (*в сердце*), нем. ein Gefühl kommt an, senkt sich ins Herz, dringt ein; или агрессивным, актуализирующим достаточно часто проявляющийся в языке смысл

[1] См. также: *Приложение 3*, в котором дано лексико-графическое описание обозначающих эмоциональное состояние фразеологизмов с опорным компонентом *душа / сердце*.

враждебности чувства человеку, неизбежности борьбы с ним: *какое-л. чувство закралось в кого-л., подкралось к сердцу, проникло в душу, затаилось в душе*, нем. ein Gefühl beschleicht mich, regt sich in mir (обманный путь); *какое-л. чувство (тоска, горе) поразило кого-л., преследует кого-л.*, нем. ein Gefühl schlägt in j-n. wie ein Blitz ein, ein Gefühl verfolgt mich (агрессивный путь). Существуют также другие способы проникновения чувства в душу (например, мотив вселения), в которых агрессивность чувства несколько смягчена: *в сердце поселилась скука; скука подступает к сердцу; тоска ложится на сердце; в душе царит грусть, печаль*, нем. Trauer überkommt mein Herz, legt sich auf mein Herz.

Язык показывает, что место (локус) обитания чувств, а также конечная точка их перемещения — человек, его душа. Чувства также способны перемещаться от человека к человеку: *радость передалась кому-л.*, нем. seine Freude hat sich auf mich übertragen. Человек может выступать как каузатор чувства в другом человеке (активный): *кто-л. нагнал / навеял на кого-л. печаль, тоску*; (пассивный) *заразиться унынием от кого-л.* нем. er hat mich mit seiner Trauer angesteckt. Последний пример указывает на достаточно характерную для чувств аналогию с болезнью.

Таким образом, чувство может входить в человека, в его душу, в его сердце, выходить из него: какое-л. чувство ушло, исчезло, испарилось, улетучилось, нем. ein Gefühl vergeht, verraucht, ist verflogen, löst sich auf, vergeht или *перемещаться от одного человека к другому*. Чувство способно приходить откуда-то и уходить куда-то, но конкретно место его обитания вне человека никак не оговаривается в языке. Мы можем говорить: *Чувство пришло, чувство ушло куда-то*, нем. ein Gefühl kommt an, vergeht, но куда именно, не конкретизируется.

Пространство в мифологии. В мифологии выделяются священные, сакральные пространства и аморфные, хаотические пространства, населенные злыми духами, привидениями.

Душа является священным пространством, она центр мира, центр микрокосма. Это положение достаточно четко обозначают мифологи: «Душа противопоставляется стихии как внутреннее внешнему, что указывает на функцию души как центра мира, делающего мир укрепленным в самом себе» [Евзлин 1993, с. 65]. Центр мира — это точка встречи трех космических областей — Неба, Земли и Преисподней [Евзлин 1993, с. 295].

Комментарий. Таким образом, то, что чувства локализуются в душе, в сердце, а также то, что место обитания чувств вне человека не оговаривается, имеет объяснение в мифологии. По своему характеру чувства неструктурны, они близки хаосу [Teliya, Bragina, Oparina,

Sandomirskaya 1998; 2001]. Сам способ проникновения чувств в человека указывает на их враждебность. Можно предположить, что пространство их обитания вне человека — это именно хаотические пространства, подземный мир, откуда они приходят, нападают на человека.

В мотиве вселения чувства в душу человека можно усмотреть параллель с поведением демонов в мифологии. Существуют мифы о двоедушии: обычной человеческой и вселившейся в тело человека демонической душе.

Интересно, что существовал ритуал очищения от отрицательных чувств, таких как гнев, ярость. Произносились специальные заклинания, в которых чувства отдалялись от домов, от окон, от внутренних дворов, от ворот, от входа, от царской дороги, чтобы они не приближались к цветущим полям, рощам. Заклинание заканчивается словами: «Пусть они отправляются по дороге бога Солнца в преисподнюю!» [Евзлин 1993, с. 107]. Таким образом, отрицательные чувства отправляли в подземный мир.

Далее будет видно, что отрицательные чувства имеют выраженное хтоническое начало, связанное со смертью и с подземным миром.

Приход чувства в душу есть прообраз (проекция) обладания центром мира (микрокосмом), поэтому не случайно, что один из сильных мотивов в языке есть мотив борьбы человека с чувством.

Мотив борьбы человека с чувством. Процесс борьбы человека с чувством, по данным языка, можно структурировать[2]. Он имеет несколько стадий:

- нападение чувства на человека: *грусть / тоска / печаль нападает на кого, наваливается на кого, охватывает кого*; нем. *Gefühle erfalen mich, Wut packt mich*;
- противостояние человека его чувству: *бороться со скукой, превозмогать скуку*; нем. *gegen die Langeweile ankämpfen*;
- победа человека над чувством: *пересилить, избыть тоску, одолеть грусть / тоску / скуку, разогнать, рассеять, развеять грусть / тоску / печаль*; нем. *seine Trauer überwinden, sich die Langeweile vertreiben*;
- победа чувства над человеком: *скука одолела, тоска извела*. нем. *Zorn überwältigt mich.*

---

[2] Ср. также ролевое описание структуры предложения на примере концепта «страх» в русском и немецком языках: (1) индивид, испытывающий страх, является подлежащим, (2) подлежащим является слово *страх* или его синоним, (3) *страх* выступает в роли коагенса [Демьянков, Воронин, Сергеева, Сергеев 2002, с. 35].

При этом образ борьбы поддерживается как живыми метафорами *нападает, душит, давит*, так и мертвыми метафорами *охватывает, овладевает*.

Язык рисует образ агрессивного врага с ярко выраженным деструктивным началом:

***Гнев** овладевает кем, охватывает кого, нападает на кого, душит кого, бушует в сердце / в душе, обуял кого*; нем. *Zorn überwältigt mich, übermannt mich, ergreift mich, Zorn schnürte j-m die Kehle zu, Zorn wütete in seiner Brust, Zorn überkommt mich.*

***Ярость** нападает на кого, душит кого*; нем. *Wut packt mich, erfaßt mich, überkommt mich, übermannt mich.*

***Горе** давит, сушит кого, старит кого, сгибает кого*; нем. *Kummer überwältigt mich, drückt, bedrückt mich, Kummer lastet auf mir, vor Kummer gealtert sein, vor Kummer gebeugt sein.*

***Тоска** душит, давит, сосет, наваливается, нападает, гнетет, жмет / сжимает сердце, стесняет грудь, стесняет сердце, сосет сердце, хватает за душу, мучит, изводит, преследует*; нем. *Gram drückt mir das Herz ab, Gram bricht mir das Herz, die Sehnsucht zehrt an mir, Trauer hockt auf der Brust, Trauer legt sich über meine Seele, von Sehnsucht ergriffen sein, gepackt werden, vor Sehnsucht sterben, vor Sehnsucht vergehen, von Sehnsucht gequält sein.*

***Печаль** охватывает кого, ложится на сердце кому, стесняет грудь кому, поражает кого*; нем. *Traurigkeit überfällt mich, hockt auf der Brust, Trauer überkommt mich.*

***Грусть** охватывает кого, овладевает кем, одолевает кого, нападает на кого, находит на кого, накатывает на кого, ложится на сердце кому*; нем. *Traurigkeit ergreift mich, erfaßt mich, beschleicht mich, befällt mich.*

***Уныние** охватывает кого, одолевает кого, находит на кого, нападает на кого, придавливает кого*; нем. *Mutlosigkeit erfaßt mich, beschleicht mich, befällt mich, bedrückt mich.*

***Скука** овладевает кем, одолевает кого, охватывает кого, находит на кого, нападает на кого, подступает к сердцу*; нем. *Langeweile beschleicht mich, erfaßt mich, ergreift mich, überkommt mich, lähmt mich.*

Те последствия, к которым приводит воздействие отрицательных чувств на человека, также показывают их деструктивное, хтоническое начало, их связь с подземным миром. Переживания чувств могут описываться как с помощью метафорических словосочетаний, так и с помощью стереотипов дискурса (неметафорических сочетаний), причем реакция на воздействие отрицательных чувств у человека совпадает с реакцией на воздействие темных сил, которым, согласно мифологи-

ческим представлениям, может подвергнуться человек. Это: изменение внешности (лицо, фигура), задержка дыхания, потеря дара речи, плач (вой — мотив зверя), боль в сердце, потеря подвижности:

побелеть, потемнеть, задыхаться, трястись от ярости; нем. *vor Wut schnauben, beben, zittern, schäumen, keuchen, heulen, ersticken, bleich sein, blind sein, toll sein, vor Wut weiß, blaß sein, rot anlaufen; wutentbrannt, wutschnaubend, wutverzerrt*;

осунуться, почернеть, поседеть, постареть, сгорбиться, съежиться, окаменеть, онеметь от горя; нем. *vor Kummer gebeugt sein, vor Kummer erstarrt sein*;

постареть, потемнеть с тоски, выть с тоски/от тоски, никнуть от тоски, грудь болит, сердце ноет, дыхание перехватывает от тоски; томиться от тоски/от грусти/от скуки;

потемнеть, постареть, никнуть от печали; нем. *das Herz ist mir schwer vor Sehnsucht, das Herz tut mir weh vor Sehnsucht, die Brust schmerzt mich vor Sehnsucht.*

Показателен также ряд, который описывает человека, переживающего отрицательное чувство — его состояние, поведение, поступки. Он полностью подтверждает деструктивное начало таких чувств. Это: разрушение себя вплоть до самоуничтожения, разрушение другого, вплоть до его уничтожения, сильный психологический дискомфорт, вплоть до потери рассудка:

загулять с горя; *заболеть, обезуметь, сойти с ума, впасть в безумие, впасть в меланхолию, запить, наложить на себя руки, отравиться, застрелиться, повеситься, утопиться от горя/с горя*; нем. *sich gehen lassen, vor Kummer verrückt werden, den Kummer ersäufen, vor Kummer Hand an sich nehmen, sich vor Kummer vergiften, aufhängen, erschießen, aus Kummer ins Wasser gehen, krank werden vor lauter Kummer, in Melancholie verfallen, versinken,vor Kummer vergehen*;

уничтожить, ударить, поднять руку на кого, убить кого в ярости/в гневе; нем. *jdn. im Zorn erschlagen, jdn. aus Zorn schlagen, vor Wut auf jdn. einschlagen, die Hand gegen jdn. erheben, jdn. umbringen*;

страдать, томиться от тоски; *запить, загулять с тоски*;

С сильным переживанием чувства связан также мотив потери зрения, слуха, ср.:

сделать что-л. в ослеплении, горе оглушило кого-л., нем. *vor Wut wie von Sinnen sein, besinnungslos vor Wut sein, blind vor Wut sein.*

Мотив демона, дракона в мифологии. Согласно мифологам [Элиаде 1994] нападение на «наш мир» — это отмщение мифического дракона, восстающего против Космоса и стремящегося его обратить в небытие. Дракон — это образ морского чудовища, первого змея, символ

космических вод, мира Теней, Ночи и Смерти. Одним словом, нечто аморфное и мнимое, то, что еще не получило «форму». Враги приравниваются к могущественным силам Хаоса. Всякое разрушение поселения равноценно возвращению в Хаос, всякая победа над захватчиком воспроизводит победу Бога над Драконом (т. е. над Хаосом). Согласно Юнгу, демон, дракон выступают как вариант архетипа Тени — опасного аспекта непризнанной, темной половины человека [там же, с. 143].

Комментарий. Параллель с мифическим драконом можно усмотреть в том, что несвободная сочетаемость имен чувств показывает, что они связаны с водной стихией (чувства текучи — Н. Д. Арутюнова), они аморфны и не имеют структуры. В [Teliya, Bragina, Oparina, Sandomirskaya 1998; 2001] на материале устойчивых словосочетаний были установлены параллели: чувства — природа, чувства — элементы Хаоса. Агрессия чувств в отношении человека, его души может служить аналогом нападения на центр мира.

В разных мифологиях душа выступает как канал связи с Богом. Славяне считали, что тот, у кого нет души, лишен общения с Богом. Так, считалось, что у собак и иноверцев нет души [Успенский 1994, с. 94]. Традиционно торг человека с дьяволом идет за душу.

Таким образом, возможно предположить, что в основании устойчивых словосочетаний, описывающих процесс борьбы человека с чувствами, лежит мифологический мотив нападения дракона, попытка вернуть мир в Хаос.

Мотив смерти. Метафора с м е р т и (как правило, в роли интенсификатора) достаточно часто присутствует при описании чувств: *тоска смертная*; *скука смертная*; *смертельная, убийственная скука*; *мухи мрут / дохнут от скуки*; *умирать от страха / от ужаса / от любви, умирать с тоски* и т. д.; нем. *sterbenslangweilig, mörderische Langeweile, sterben, umkommen vor Angst, vor Liebe vergehen.*

Согласно В. В. Иванову [Иванов 1980, с. 104], человек тоскующий и изнуряющий себя, представляется едящим свою душу, растворяющим или расточающим ее. Ср. *тоска ест поедом, тоска заела, гложет*. Как отмечает О. М. Фрейденберг [Фрейденберг 1997, с. 131], вечный голод, прожорливость — свойство смерти (ср. *ненасытная смерть*).

В устойчивых словосочетаниях, образуемых именами чувств, мотив смерти выражается такими ипостасями, как:

а) х о л о д: *кровь стынет в жилах от ужаса, похолодеть, заледенеть от страха*; нем. *das Blut stockte in den Adern*, см. также наблюдения Н. Д. Арутюновой о связи стыда и холода [Арутюнова 1997б].

б) потеря рассудка: *обезуметь, сойти с ума, впасть в безумие от горя/с горя*; нем. *vor Wut wie von Sinnen sein, besinnungslos vor Wut sein.* Как отмечает В. В. Иванов [Иванов 1980, с. 99], душа покидает человека, когда он теряет сознание или умирает. Потеря рассудка есть болезнь души (ср. *душевнобольной* о человеке, потерявшем рассудок).

Согласно О. М. Фрейденберг, безумие как метафора смерти может быть засвидетельствовано для периода, предшествующего земледелию. На празднике сатурналий шут был божеством смерти, он замещал царя в фазе смерти и рабстве, а потому реально умерщвлялся.

Безумию также могут сопутствовать гнев и ярость[3]. *Гнев* и *ярость* имеют ярко выраженный хтонический характер. Согласно древнегреческим мифам, Эринии и Гиганты рождаются из крови оскопленного Урана. Они являются воплощенной яростью оскопленного, «пронзенного» бога.

Ярость является главной чертой обитателей подземной страны Евзлин [Евзлин 1993, с. 130]. Она воспринималась архаическим сознанием как проявление божественной силы, но в ее отрицательном разрушительном аспекте. Так, например, хтонические чудовища, с которыми борются олимпийские боги — яростны. Они — порождение гнева бога.

Если богами овладевают гнев или ярость, то они несут смерть всему живому: растениям — засуху, людям и животным — смерть.

О деструктивном начале отрицательных чувств говорилось выше. Наиболее тяжелые из них могут приводить к смерти (уже в неметафорическом смысле слова — *умереть, повеситься от горя, от тоски*), и в этом также проявляется мотив смерти. Менее тяжелые чувства следуют по тому же пути, но мотив смерти проявляется уже в метафорическом значении (*умереть*, [*можно*] *повеситься от скуки*);

в) неподвижность: *застыть, оцепенеть, остолбенеть, окаменеть от страха / от ужаса*; *окаменеть от горя* и т. д.; нем. vor Angst erstarren, regungslos sein, wie geldhmt sein. (Ср. также приводимые Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1976, с. 99] примеры устойчивых словосочетаний со словом *сердце*: *сердце окаменело, одеревенело, окостенело, затвердело, стало жестким.*)

Окаменение можно рассматривать как следствие потери внутреннего пространства [Евзлин 1993, с. 304]. Потеря внутреннего пространства может быть связана с потерей души, которая, в свою очередь, связывается со смертью (например, окаменение) или с превращением

---

[3] Ср., например: «...гнев-безумие Геракла, которое насылается с тем, чтобы лишить его накопленной с трудом (при помощи подвигов) добродетели» [Евзлин 1993, с. 278].

человека в существо, не имеющее души, которому закрыт доступ к Богу, т. е. в демона (в бога зла) или в животное, как правило, в его агрессивном обличьи, т. е. в зверя.

Комментарий. Хтоническое начало отрицательных чувств, близость их к царству мертвых, к подземному царству обнаруживается и в мотиве перемещения — пространство обитания чувств вне человека не оговаривается языком (возможно, значимое умолчание), и в мотиве борьбы с человеком — победа чувства над человеком ведет к разрушению, и в состоянии, которое испытывает человек, подвергшийся воздействию отрицательных сил. Это позволяет предположить, что язык в устойчивых словосочетаниях, образованных именами чувств, хранит представление о демонах, концентрирующих представления об отрицательно заряженной энергии мира.

Мотив животного, зверя. В устойчивых словосочетаниях достаточно часто проявляется в качестве интенсификатора метафора зверя: *звериное, зверское, животное чувство*; *звериная, зверская злость / озлобление, звериная, зверская тоска / скука, звериная страсть* Ср. также нем. *sich fühlen wie ein Tier*, а также *grimmige Wut, wilde Wut, Sauwut*, англ. *wild rage, animal passion.*

В словосочетании *тоска гложет* помимо параллели с голодом (см. выше) просматривается также параллель с животным (ср. *собака гложет кость*). Ср. также нем. *nagender Kummer*; *Kummer frißt mich* (*auf*), *Kummer nagt an mir, Gram nagt an mir, Gram frißt an mir, Gram nagt an meinem Herzen*, англ. *hatred gnaws away at someone's spirit.*

Ср. также наблюдение Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1976, с. 95—96] о совести как о когтистом острозубом существе (маленьком зверьке), находящемся во вражде с желаниями и чувствами человека, сделанном на основе сочетаемости слова *совесть* с глаголами *грызть, кусать, царапать, впиваться когтями в душу, скрести, вонзать зубы.*

О человеке в состоянии сильного гнева, бешенства говорится, что он *как бешеный зверь, как бешеное животное.* Такие чувства как *ярость, гнев, бешенство* нельзя будить (здесь, возможно, есть соотношение с мифом о спящем боге, которого нельзя будить), ср.: *не будите во мне зверя*, также нем. das Tier im Menschen wecken; den Zorn wecken.

С идеей потери внутреннего пространства, которая ведет к превращению человека в зверя, по-видимому, связаны и словосочетания *выйти из себя*, а также: *быть вне себя от горя / от гнева / от ярости / от бешенства*; *не помнить себя от гнева / от горя / от ярости / от бешенства*; ср. также нем. *außer sich vor Zorn sein*, англ. to be beside oneself with — показательно, что здесь синонимами выступают *озвереть, дойти до полного озверения*, англ. *to make a beast of oneself.*

М. Элиаде отмечает: «В мифологии превращение человека в зверя (в волка) совершается тогда, когда происходит выход из самого себя (разрядка моя. — *Н. Б.*) и из своего времени и человек становится современником мифического события» (цит. по: [Евзлин 1993, с. 261]). В индоевропейских братствах существовал ритуал превращения молодого воина в зверя, что составляло сущность военной инициации. Молодой воин надевал звериную шкуру, и происходила радикальная трансформация его образа, он становился похожим на бешеных зверей в приступе агрессивной и устрашающей ярости. Затем воин отбрасывал звериную шкуру, что означало символическое убийство зверя и возрождение человека, теряющего свою начальную «звериную» сущность [Евзлин 1993, с. 285].

Как кажется, подобный мотив сохраняется в словосочетаниях *убить в себе зверя*[4], *задушить в себе зверя* — в значении 'смирить в себе чувства', ср. также нем. *das Tier* (*den inneren Schweinehund*) *in sich selbst tqten*, англ. *to control the beast in oneself, to control one's animal instincts.*

Мотив зверя в языке близок идеям тотемизма и культу поклонения животным. Согласно Юнгу, животное относится к области бессознательного, бессознательных инстинктов. Отождествление себя с животными обозначает объединение с областью бессознательного.

[4] Стремление к гуманизации общества в настоящее время вылилось, в частности, в защиту животных, в борьбу против их уничтожения, например, в борьбу против шуб из натурального меха. Интересно, что на фоне мифологического контекста эта борьба приобретает дополнительную мотивировку как борьба с нечеловеческим началом: человек в звериной шкуре теряет человечность, чтобы до конца стать человеком, нужно совершить ритуальный жест: отбросить звериную шкуру, тем самым «убив в себе зверя».

Глава третья

Красота

...Идеалистический язык состоит из гипостазированных значений. Но всякий раз, когда нас спросят о таких, например, означаемых: «Что такое Красота, Справедливость, Человек?» — мы ответим, обозначая тело, указывая на объект, который можно имитировать, или даже съесть, или, в крайнем случае, можно ответить ударом посоха (посох — инструмент всякого возможного обозначения).

(*Ж. Делёз, Логика смысла*)

Я хотела бы обсудить положение о разветвленной системе интерпретаций-ответов на вопрос: *Что есть красота?* Как кажется, абсолютна сама позиция эстетической оценки, порождающая нарративы о красоте. Содержание релятивно: интерпретации множатся, «ветвятся», проходя через слои разных поколений и разных культур. На вопрос: «*А если так, то что есть красота? // И почему ее обожествляют люди?*» предпочтительным кажется ответ: «*Сосуд она, в котором пустота*»[1]. *Пустота* при этом понимается как вечная готовность к заполнению, как открытая валентность, как созданная культурой и существующая в ней необходимость эстетической оценки, сопутствующая идее порядка, космоса, гармонии.

Позиция эстетической оценки близка описанию *хоры*, предлагаемой Ж. Деррида: «Под вашим взором проявляется заключенная сама в себя идея. Бесчувственная и бесстрастная, недоступная риторике, хора

---

[1] Здесь цитируется стихотворение Н. А. Заболоцкого «Некрасивая девочка».

обескураживает, она "есть" то самое, что делает напрасными попытки уверить, хотя кто-то хотел бы от души поверить или желает заставить верить, например, в фигуры, тропы или соблазны дискурса. ⟨...⟩ Она есть как бы то, что только должно быть. — Необходимость, но не обязательство» [Деррида 1998, с. 11—12].

Иными словами, можно полагать, что внутри языка и культуры существует место (вызов, приглашение), и высказывания о красоте и безобразии являются ответными реакциями, создаваемыми средствами же языка на такой вызов. Можно также утверждать, что существует вечная «женская» готовность языка и культуры отвечать на вопрос: *Что есть красота?* — каждый раз обновляя, модифицируя, трансформируя содержание ответов.

«Красота страшна», — Вам скажут —
Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан — в волосах.

«Красота проста», — Вам скажут —
Пестрой шалью неумело
Вы укроете ребенка,
Красный розан — на полу. ⟨...⟩
(*А. Блок, Анне Ахматовой*).

Красота амбивалентна, что свойственно многим культурным концептам. Ответы могут выражать не только разные, но и различающиеся позиции, например:

(1) — До какой-то границы я с вами. Но Лев Николаевич говорит, **что чем больше человек отдается красоте, тем больше отдаляется от добра.** — А вы думаете, что наоборот? **Мир спасет красота, мистерии и тому подобное**, Розанов и Достоевский? (*Б. Пастернак. Доктор Живаго*).

(2) Обман и, может быть, величайший из женских секретов... ⟨...⟩ заключается в том, что **красота кажется этикеткой**, за которой спрятано нечто неизмеримо большее, нечто невыразимо более желанное, чем она сама, и она на него только **указывает**, тогда как на самом деле за ней **ничего особого нет... Золотая этикетка на пустой бутылке**... (*В. Пелевин. Чапаев и пустота*).

Вместе с тем можно предположить, что существует определенная логика в развитии концепта и в смене утверждений, касающихся красоты. Однако предварительно следует ответить на некоторые вопросы. Какие описания / утверждения попеременно заполняют всегда пустующее, всегда востребованное и посылающее свой импульс-запрос мес-

то? Как можно оценить содержание ответов, формирующих в социуме представление о красоте?

Образ красоты: метафорическое представление о космосе, жизни, свете. Генезис эстетической оценки, по-видимому, происходил на этапе формирования космогонических представлений. Греческое слово *космос* включает в себя такие смысловые компоненты как: «наряд», «украшение», «краса». Их полный перечень имеет следующий вид: **космос** — «порядок», «упорядоченность»; «строение», устройство»; «государственный строй», «правовое устройство», «надлежащая мера»; «мировой порядок», «мироздание», «мир»; «наряд»; «украшение», «краса» [Топоров 1992, с. 9]. Это показывает согласованность *мирового порядка* и *красоты*. Ср. также следующие высказывания: древнегреческий *Космос* актуализирует идею **эстетически отмеченного порядка**, украшенности [Топоров 1992, с. 9]; образ красоты [в мифологии Древней Греции. — *Н. Б.*] являл собой метафорическое представление о космосе [Фрейденберг 1997, с. 220].

Миф о творении также соотносится с представлениями о *красоте*. Это соотношение обсуждается в литературных текстах, ср.:

> Первый мах в творении всесилен был; вся чудесность мира, вся его красота суть только следствия (*А. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву*).

Устойчивые (стереотипные) словосочетания в современном русском языке *красота и совершенство мира, природы, Вселенной...*; *красота земная, небесная...* также связывают красоту с космическим порядком.

Таким образом, в разных типах дискурса *красота* семантически объединена с *гармонией*, *порядком* и противопоставлена *хаосу*, коррелирующему с *деструкцией*, *дисгармонией*, *беспорядком*[2].

В мифологии *красота связана с жизнью*, *уродство — со смертью*, ср.:

> ...уродство — примета хтоническая, и все его варианты имеют одну и ту же семантику, отходя в комедию, фарс и «реальные» жанры, рядом с преобладанием красоты в жанрах высоких [Фрейденберг 1997, с. 220].
>
> Обычным носителем такой хтонически-безобразной наружности является 'горбун' [Там же, с. 352].

[2] Это противопоставление не абсолютно, поскольку в некоторых типах дискурса, например в романтическом, *хаос* может концептуально согласовываться с *красотой*, выступая как эстетически отмеченное животворное начало, ср.: *красивый хаос красок*, *хаос чудных звуков*...

Реактуализация этих представлений, а именно: соотнесенности *красоты* и *жизни*, — прослеживается в литературных текстах. Ср.:

(1) Взгляните на эти деревья, на это небо — отовсюду **веет красотою и жизнью; а где красота и жизнь, там и поэзия** (*И. Тургенев. Рудин*).

(2) Словно водили всю жизнь за руку, как маленькую, и вдруг выпустили, учись ходить сама. И никого кругом, ни близких, ни авторитетов. Тогда хочется **довериться самому главному, силе жизни, или красоте, или правде**, чтобы они, а не опрокинутые человеческие установления **управляли** тобой, **полно и без сожаления**, полнее, чем бывало в мирной привычной жизни, закатившейся и упраздненной (*Б. Пастернак. Доктор Живаго*).

Здесь в ряд однородных членов включены: *красота*, *жизнь*, *поэзия* (пример 1); *сила жизни*, *красота*, *правда* как ценности, как первооснова, противопоставленная «опрокинутым человеческим установлениям». В ситуации утраты «*учителей жизни*» (близкие, авторитеты) *красота* мыслится как желаемый «*правитель*», создающий высший порядок жизни (пример 2). Связь *красоты* и *жизни* подчеркивается также противопоставлением *смерти* и *красоты*. Ср.:

В ответ на опустошение, произведенное смертью в этом медленно шагавшем сзади обществе, ему с непреодолимостью, с какою вода, крутя воронки, устремляется в глубину, **хотелось** мечтать и думать, трудиться над формами, **производить красоту**. Сейчас, как никогда, ему было ясно, что искусство всегда, не переставая, занято двумя вещами. **Оно неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь**. Большое, истинное искусство, то, которое называется Откровением Иоанна, и то, которое его дописывает (*Б. Пастернак. Доктор Живаго*).

В параллельных конструкциях: «*производство красоты*» — это ответ на «*опустошение, произведенное смертью*», — можно усмотреть мифологическое противоборство сил космоса, гармонии, порядка с силами хаоса, дисгармонии, беспорядка.

Референциальная связь «природной» красоты человека с жизнью воспроизводится в языковых клише. О женщине могут сказать: *прекрасна / красива как сама жизнь, страшна как смерть*. Эта связь присутствует в литературных текстах. Часто отношение *красота — жизнь* является импликацией устойчивого соотношения *смерти* и *безобразного* (ср. *безобразная смерть*). Возможно создание образа «от противного»: красота, которая не изменяется со смертью, кажется страшной, ср.:

В самом деле, резкая красота усопшей казалась страшною. Может быть, даже она не поразила бы таким паническим ужасом, если бы была несколько безобразнее. Но **в ее чертах ничего не было тусклого, мутного, умершего. Оно было живо,** и философу казалось, как будто бы она глядит на него закрытыми глазами (*Н. Гоголь. Вий*).

В приведенных примерах *красота* согласована с *порядком жизни* и противопоставлена *безобра́зной и безо́бразной смерти*.

Смысловые отношения между *красотой и космосом* обнаруживаются также в характерной для разных культур, в том числе и традиционных, связи между *красотой и светом, небесными светилами* и в первую очередь главным светилом — *солнцем*.

В фольклорном дискурсе славян *красота* символически соотнесена с *красным, белым* и *золотым*[3] цветами. Все эти цвета также символизируют солнце. Это показано в работе А. А. Потебни [Потебня 1989], который проанализировал славянские народные песни, ср.:

> **Свет.** Слово *хорошъ* не без основания считают притяжательным от *хрьсь*, солнце**. *Красный, красивый* тоже сродни с солнечным светом в слове *крес*, солоноворот, *кресник*, купало, солнечный праздник, в ярослав. *красить*, светить. (...) «Красное солнце» — прежде всего светлое, потом прекрасное. (...) Светила в слав. песнях служат символом красоты. Постоянный эпитет *зари* (*ясная*) соответствует постоянному эпитету девицы (*красная*), и действие красоты на других изображается светом...
>
> Лицо человеческое представляется светлым, т. е. прекрасным, как солнце: «Сину лице (из-под покрывала), као жарко (то есть яркое) сунцеу» [306—309].
>
> **Белый.** Хотя значение красоты могло образоваться здесь и без посредства белого цвета, прямо от света — огня, но тем не менее белизна — символ красоты, и на этом основании лебедь — символ женщины и преимущественно девицы, «терять девью красоту» — отставать от *белых* лебедей (девиц) и приставать к *серым* гусям, то есть замужним женщинам [309—310].

---

[3] Особо хочется подчеркнуть фольклорный характер цветовой символизации, благодаря которому эти цвета закрепились в языке как постоянные эпитеты, относящиеся к красоте человека (чаще к женской красоте): *белое лицо, белы-рученьки, белы-ноженьки, тело белое*, а также *красна девица*. В пушкинской «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» царица обращается к зеркальцу с вопросом, кто самый красивый на свете. Она спрашивает, кто *всех румяней и белее*: «*Свет мой, зеркальце! скажи, // Да всю правду доложи: // Я ль на свете всех милее, // Всех румяней и белее?*».

> **Красный.** По отношению же к свету весна зовется красною. (...) Как символ отношения девства-красоты к свету — красная лента, красная фата («Как моя-то *дёвья красота*, Что на кустике на ракитовом; Привилась-то *дёвья красота* Ко кусточку *алой ленточкой*» [311]).
>
> **Золото.** По собственному значению и *золото* относится к свету. Оно одного происхождения с *зеленый* и носит постоянный эпитет *красного*, а потому есть символ красоты: «дівка, краща злота», «у меня врода краща од золота» [313][4].

Основываясь на фольклорной образности, можно выстроить параллель: *красота — солнце, солнечный свет*. Здесь также обнаруживается импликативная цепочка: *красота — свет — жизнь*.

Олицетворение эстетической оценки. Образы красавиц. Образы красивых женщин, *красавиц*[5], выступают как олицетворенная эстетическая оценка и соответственно референциально связаны с «космическим началом» *красоты*, ср.:

> ... я сказал себе: я ее люблю потому, что на свете нет ничего похожего на нее, **нет ничего лучше, нет ни зверя, ни растения, ни звезды, ни человека прекраснее Вас и нежнее.** В Вас как будто бы **воплотилась вся красота земли**... (*А. Куприн. Гранатовый браслет*).

Эстетическая оценка олицетворена в образе космической красавицы («космической Афродиты»). Ее можно рассматривать как персонифицированный образ *Вселенной*. В красоте *богов, богинь* угадывается образ Вселенной, черты эстетически отмеченного космоса ср., например, пушкинское описание царевны Лебеди: *За морем царевна есть, // Что не можно глаз отвесть: // Днем свет божий затмевает, // Ночью землю освещает, // Месяц под косой блестит, // А во лбу звезда горит*. Образ царевны Лебеди ближе к богине, чем к царице и сближается с образом Вселенной.

Эстетическая оценка воплощена в образах смертных женщин, наследующих власть: *цариц / царевен, принцесс, героинь*. В традицион-

---

[4] Данные утверждения, на мой взгляд, не противоречат амбивалентности *красного, белого* и *золотого* в мифопоэтических представлениях славян. Например, *белый цвет* включен в корреляцию *'белый' 'черный'*. Он может входить в эквивалентный ряд с парами *'живой' 'мертвый'*: представление о «царстве тьмы» как о загробном мире противопоставлялось «белому свету». С другой стороны, *белый* постоянный эпитет *смерти*. *Смерть* представляли в образе женщины в *белых одеждах*. У многих славянских народов существовал *белый траур* [Толстой 1995].

[5] Персонификация эстетической оценки в образах мужской красоты (*красавец, Адонис*...) в данной статье рассматриваться не будет. Об образах мужской и женской красоты см. статью Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 2002].

ных культурах *царицы / царевны, принцессы*, как правило, *красавицы*. И наоборот, «природная» *красавица* часто сравнивается с *царицей / богиней*.

Наконец, эстетическая оценка реализуется в образах «природных» *красавиц*, получивших социальный статус. Если *богине* присуща красота a priori, *царице* — по праву наследования (как наместнице богини на земле), то смертная женщина (не царица) обретает социальный статус красавицы путем прохождения через ритуал. Об эзотеричности ритуальной красоты, в отличие от «природной», писал Ж. Бодрийяр, ср.:

> Вообще в человеке никогда не прельщает природная красота, но только ритуальная. Потому что обрядная красота эзотерична и посвятительна, в то время как природная лишь выразительна [Бодрийяр 2000, с. 164].

Статус *красавицы* предполагает легитимацию, осуществляемую через общественное признание. «Природная» *красавица* должна быть замечена. Право *считаться, называться красавицей* утверждает социум. Социум — это *коллективный глаз*, выносящий вердикт, а также *коллективный язык* и *коллективное ухо*, создающие красоте легитимность. (В некотором смысле слова *красавица* — это *королева*, избранная демократическим путем.) *Слухи / молва / слава о ее красоте разнеслись...* — фразы, описывающие процесс обретения «природной» *красавицей* социального статуса. *Она слывет красавицей, она — известная, знаменитая, светская... красавица* — фразы, утверждающие / подтверждающие статус красавицы. В процитированных выше пушкинских строках: «*Свет мой, зеркальце! скажи...*», — зеркало совмещает две функции. Оно отражает «природную» *красавицу* и оценивает (точнее, утверждает) ее социальный статус: *первой красавицы*.

Образ *абсолютной красавицы* часто создается посредством указания на уникальность красоты. Об абсолютной красавице говорят: *первая красавица, единственная такая во всем мире, свет не видывал такой красавицы...* Эта позиция содержит нарративное ожидание: *Абсолютная красавица*, как правило, становится героиней текстов (легенд, преданий, сказок, романов, а также рекламы, газетных заметок, слухов, сплетен и т. д.), ср.:

(1) Есть, господине, у индейского царя дочь, **красная царевна: нет такие красавицы и во всей подсолнечной земли**; а мы обе нас сестры и в ногу ей несудны (*Повесть о Еруслане Лазаревиче*).

(2) **На святой Руси, нашей матушке, // Не найти, не сыскать такой красавицы**: // Ходит плавно будто лебедушка; // Смотрит сладко как голубушка... (*М. Лермонтов. Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова*).

(3) И то сказать: **в Полтаве нет // Красавицы, Марии равной.** // Она свежа, как вешний цвет, // Взлелеянный в тени дубравной (*А. Пушкин. Полтава*).

(4) Санин не тотчас последовал за девушкой и как бы уперся на месте: он **в жизни не видывал подобной красавицы** (*И. С. Тургенев. Вешние воды*).

(5) В него **влюблялись мировые красавицы**, вроде **миллионной модели Марго Фицджеральд**, и он снисходительно принимал их любовь, но не успевали **журналы осветить медовые денечки**, как тут же им **приходилось описывать разрывы**... (*В. Аксенов. Остров Крым*).

Уникальность красоты часто описывается с помощью прилагательных, содержащих отрицание: *неслыханная*, *невиданная*, *неописуемая*, *несказанная*... *красота*.

Легитимация красавицы связана с настоящим, она не может быть отложена и должна проходить «здесь и сейчас», а не «там и тогда». Другие фигуры власти — *гений* или *герой*[6] — могут быть признаны post factum — «по делам их». *Непризнанный гений* — клише, в котором воплощено стереотипное представление о *гении* как человеке, обгоняющем свое время, чьи труды часто оцениваются не современниками, но последующими поколениями. Словосочетание *непризнанный герой* — возможно, хотя *герой* в большей степени, чем *гений*, реализуется в *текущем моменте*. В отличие от них *красавица* не имеет «временного запаса»: общественное признание должно приходить в момент расцвета (свершения) красоты. Сочетание *непризнанная красавица* окказионально. *Красавица* — это заложница *текущего момента*: «сейчас или никогда», поскольку *красота* недолговечна, связана с юностью и молодостью, ср.: *быть в расцвете*, *быть в цвету*. С возрастом *красота вянет*, *блекнет*, *выцветает*, *увядает*... *Юная красавица* превращается в *стареющую*, *бывшую красавицу*, в женщину *со следами былой красоты на лице*.

Посвящения, *мадригалы*, *комплименты* служат для публичного подтверждения статуса красавицы. Вне такой оценки *красавица* оказывается как бы без зеркала и без прав. Феномен *гадкого утенка*, *не осознающего себя лебедем*[7].

---

[6] Подробнее о *гении* и *герое* как фигурах власти чуть ниже.

[7] Этот сюжет разработан в рассказе А. Куприна «Синяя звезда». В нем говорится о красавице-принцессе, которая родилась и выросла в стране уродов. Все считали ее самой некрасивой девушкой в королевстве. Она тоже так думала до тех пор, пока не встретила такого же некрасивого принца, который женился на ней и увез ее в свою страну. В его стране принцесса

Красавица, как и другие фигуры власти, может быть включена в ритуал увековечивания: живопись, скульптура, стихи, посвящения. Техника и технология XX века, прежде всего фотография и кино, значительно расширили границы социокультурной памяти. Это касается и памяти о *красавицах*, поскольку возникли новые формы их увековечивания. Статус *красавицы* перестал находиться в прямой зависимости от *текущего момента*, появилась возможность «отложенного» признания, признания post factum — по фотографии, по кадрам из фильма.

Развитие визуальных средств в XX веке способствовало появлению красавицы нового типа — *виртуальной красавицы*, являющейся продуктом массовой культуры.

Красота (красавица) — сила и власть. Персонификация эстетической оценки ведет к социализации и к более четкому обозначению семантических отношений: *красота* (*красавица*) — *сила* и *власть*. Концептуальная близость *красоты* и *власти* проявляется в семантической структуре *космоса*, в которой компоненты «государственный строй», «правовое устройство» образуют общий ряд с «украшением», «нарядом», «красой».

И *красота*, и *власть* концептуально связаны со *светом*. Постоянные световые эпитеты характеризуют *царей*, *цариц*: *светлый*(*-ая*), *светлейший*(*-ая*), *пресветлый*(*-ая*), *сиятельный*(*-ая*), — и *красавиц*: *блестящая*, *ослепительная*, *лучезарная*. (В санскрите основа *raj* означает 'сиять' и 'властвовать'.)

Красота человека (чаще это говорится о женской красоте) воздействует на зрение. Она *ослепляет*, на нее *не смеют поднять глаза*, она может *повергать в трепет*, *в робость*, ср.:

(1) Эта **ослепляющая красота была даже невыносима**, красота бледного лица, чуть впалых щек и горевших глаз; странная красота! (*Ф. Достоевский. Идиот*).

(2) ...**вы чрезвычайная красавица**, Аглая Ивановна. Вы так хороши, что **на вас боишься смотреть** (*Ф. Достоевский. Идиот*).

(3) ...но как только он ее **видел вновь**, вся эта подсознательная работа по уничтожению ее образа, **власти которого он всё больше**

оказалась первой красавицей и была провозглашена самой красивой женщиной королевства. В этом сюжете помимо мотива красавицы, которая таковой себя не осознает и как бы не существует вне социального признания, можно увидеть встречающуюся в фольклорных, мифологических, литературных текстах трансформацию безобразного в прекрасное. Ср., например: *гадкий утенок* → *прекрасный лебедь*, *лягушка* → *царевна*. При этом, в отличие от данных примеров, в рассказе А. Куприна изменяется не внешность героини, а ее окружение и социальный контекст.

боялся, шла насмарку, и опять вспыхивала красота, — ее близость, **страшная доступность взгляду,** восстановленная связь всех подробностей (*В. Набоков. Дар*).

(4) Санин приподнялся и увидал над собою такое чудное, испуганное, возбужденное лицо, такие огромные, страшные, великолепные глаза — **такую красавицу увидал он, что сердце в нем замерло**... (*И. Тургенев. Вешние воды*).

(5) **Она умопомрачительно хороша.** А может быть, и у него это не **любовь, а благодарная растерянность перед ее красотою** и великодушием? (*Б. Пастернак. Доктор Живаго*).

Несмотря на свое «ослепляющее» воздействие, *красота притягивает взоры. На красавиц заглядываются, засматриваются, глядят во все глаза.* На красоту *невозможно наглядеться: красота ненаглядная.*

Помимо устойчивого уподобления *красоты свету*, как правило яркому, существует также устойчивый, традиционный мотив соперничества красоты со светом, когда красота столь ярка, ослепительна, что свет меркнет перед ней. Красавица способна *затмевать.*

> Но они всегда оставались повелительницами затмения, соблазнительной игры исчезновений и проблесков, и тем самым всегда имели возможность затмить власть своих «повелителей» [Бодрийяр 2000, с. 160].

Образ абсолютной красавицы рисует Пушкин: *Беспечной прелестью мила, // Она сидела у стола // С блестящей Ниной Воронскою, // Сей Клеопатрою Невы; // И верно согласились б вы, // Что Нина мраморной красою // Затмить соседку не могла, // Хоть ослепительна была* (*Евгений Онегин. XVI*).

Образ абсолютной красавицы, Нины Воронской, выстроенный с помощью световых и «царственных» эпитетов: *блестящая, Клеопатра, мраморная краса, ослепительна* — противопоставлен *иной силе* и *иной красоте*, которую невозможно затмить, красоте Татьяны. Нечто похожее (конечно, с некоторыми оговорками) можно усмотреть и в другой паре *Элен Безухова — Наташа Ростова.*

На концептуальную близость *красоты* и *власти* указывают также метафоры и сравнения. Красивую женщину называют или сравнивают с *богиней, ангелом, мадонной, царицей, королевой, царевной, принцессой.* Образу *красавицы* приписывается *величие: величавая красавица.*

Красавица, концептуально связанная с *гармонией* и *порядком*, наделяется способностью влиять на мироустройство, совершенствовать человека, ср.:

(1) **Такая красота — сила**, — горячо сказала Аделаида, — **с такою красотой можно мир перевернуть!** (*Ф. Достоевский. Идиот*).

(2) Но она — самая лучшая... И я так верил — скажет она мне однажды такие слова... особенные... глаза, брат, у нее больно хороши! Господи!.. Смотреть в них стыдно... Ведь я не то что с любовью к ней, — я к ней со всей душой... Я думал, что, **коли она такая красавица, значит около нее я и стану человеком!** (*М. Горький. Фома Гордеев*).

Красавицу[8], возбуждающую любовь окружающих, влекущую и манящую, провоцирующую своим существованием появление текстов, можно считать одной из центральных фигур женской власти в «мужском» ряду, образуемом словами-концептами: *герой*, *гений*, *вождь*, *злодей*. Она является идеальным (идеализированным) объектом *любви*, *поклонения*, *воспевания*. Как и другие фигуры власти, *красавица* имеет отношение к *славе*[9], *к коллективной социокультурной памяти*; у нее есть много *поклонников*; в массовом сознании она может становиться *кумиром* женщин (хотят быть похожими) и мужчин (хотят обладать).

Образ красавицы амбивалентен[10]. *Красавица* может пленять и быть плененной. Она связана с небом (*божественная*, *ангельская*, *неземная красота*), с преисподней (*дьявольская*, *демоническая красота*)[11], с роком (*роковая красавица*).

Выступая как активное начало, *красавица* реализует функцию власти над мужчинами по моделям: *красавицы — царицы / королевы* (социальный аспект власти) и *красавицы-колдуньи* (магический аспект)[12].

---

[8] Здесь речь идет не о власти красоты в ее онтологическом статусе, но о наборе языковых клише, общих мест, стереотипных представлений, формирующих в языковом сознании культурный конструкт *красавица*.

[9] Интересно, что на смысловую близость красоты к славе указывают этимологические словари, отмечающие возможное родство *красоты* с древнеисландским *hrosa* «*хвалиться*», новоисландским *hros* «*слава*», древнеисландским *hrodr* «слава», готским *hropeigs* «победоносный», древневерхненемецким *hruom* «слава» [Фасмер 1986, т. 2, с. 367].

[10] Об исторически сложившейся амбивалентности слова-концепта *красота* в индоевропейских языках см.: [Мечковская 2003, с. 43—46].

[11] Противопоставление сублимированной ('небесной', 'чистой') красоты и красоты 'земной' подробно рассмотрено в: [Арутюнова 2002].

[12] Граница между *красавицей-царицей* и *красавицей-колдуньей* весьма условна. *Красавица* может *покорять величием* (*царица*) и *очаровывать* (*колдунья*). Также в мифопоэтических текстах существует образ *царицы-волшебницы*.

Красавица-царица / королева пленяет, берет в плен, покоряет, влюбляет в себя, подчиняет, диктует свою волю... перед ней преклоняются; ей поклоняются; ее воспевают. Она имеет могущество, силу, величие: *величавая, гордая, непобедимая... красавица. Красавица* может быть (ее могут называть) *жестокой, жестокосердной, бессердечной, равнодушной, холодной*, а также *капризной* и *заносчивой.*

Власть красавицы велика. *Красавица* способна *пленить гения* (*Пушкин — Гончарова*), *героя* (*Антоний — Клеопатра*), *мудреца* (*Соломон — Суламифь*), *вселенского злодея* (*Демон — Тамара*). Ср. также:

(1) **Еже мечь и сабля вражия не возмогла, то женская красота сотворити успела** из града Вефулии (*Комедия о Юдифи*).

(2) Она любит свою волю больше меня, а я ее люблю больше своей воли, **и решил я Радде поклониться в ноги, так она велела, чтоб все видели, как ее красота покорила удалого Лойку Зобара,** который до нее играл с девушками, как кречет с утками (*М. Горький. Макар Чудра*).

(3) Вам бы тогда и разойтись; но **его одолела ваша красота...** (*И. Гончаров. Обломов*).

(4) Впрочем, он **никогда не отдавался в плен красавицам,** никогда **не был их рабом,** даже очень **прилежным поклонником,** уже и потому, что к сближению с женщинами ведут большие хлопоты (*И. Гончаров. Обломов*).

(5) Павел спрятал блокнот и ручку и поднял ее многочисленные сумки, тихо изумляясь тому, как эта девочка сумела повернуть дело. **Как будто не она в нем заинтересована, а он в ней, и она всего лишь милостиво делает ему одолжение, уделяя толику своего драгоценного времени.** Наверное, этим талантом обладают все **красавицы** (*В. Пелевин. Чапаев и пустота*).

Красавицы совершают сделки: ночь любви в обмен на жизнь (*Клеопатра, царица Тамара*).

Образ красавицы-царицы глубоко мифичен, т. е. подвержен мифологизации. Реальные (не вымышленные) *царицы / королевы-красавицы* — часто продуцируют мифы и легенды, особенно если их жизнь окончилась преждевременно (*во цвете лет, в расцвете сил*[13]) и трагически: *Клеопатра, царица Тамара, Мария Стюарт, принцесса Диана*, а также *Жаклин Кеннеди.*

Красавица-колдунья / волшебница / чаровница очаровывает, околдовывает, заставляет забыться, за-влекает, при-влекает, вводит в соблазн, вводит в грех. Ср. также синонимы *красивый*: *очаровательный, привлекательный, прелестный, обворожительный.* Воздействие

[13] *Расцвет* также входит в концептуальное поле красоты.

красоты сродни воздействию чар, волшебства, магии: *невозможно глаз отвести* (*отвесть*) / *оторвать*; *заглядеться*, *засмотреться на красавицу*. Ср. также:

(1) **В тот же день вы видите эту женщину; вы околдованы ее красотой, фантастическою, демоническою красотой (я ведь согласен, что она красавица)** (*Ф. Достоевский. Идиот*).

(2) *Барыня.* Что прячешься! Нечего прятаться! Видно, боишься: умирать-то не хочется! Пожить хочется! Как не хотеться! Видишь, **какая красавица**! Ха, ха, ха! Красота! А ты молись Богу, чтоб **отнял красоту-то! Красота-то ведь погибель наша! Себя погубишь, людей соблазнишь, вот тогда и радуйся красоте-то своей. Много, много народу в грех введешь!** (*А. Островский. Гроза*).

Пассивное начало *красавицы* проявляется в том, что, будучи персонифицированным образом мужского влечения, *желания*, она выступает как объект желаемого обладания, как чистая бессубъектность и причинность. Она не действует, но подвергается воздействию, точнее, притягивает к себе действие. Она создает вокруг себя поле соблазна и поле действия. Она выступает как сюжетообразующее начало, как нарративное ожидание.

Мифопоэтические тексты дают нам образы: *спящей красавицы* — ее надо *разбудить*; *царевны Несмеяны* — ее надо *рассмешить*; *красавицы Елены* — ее надо украсть (*Парису*), а потом ее надо отвоевать и вернуть назад (*Менелаю*). На этом строятся сюжеты. *Красавиц добиваются*, *домогаются*, *крадут*, *во имя их идут на подвиги*, *из-за них ведут войну*. *Красавица* становится объектом экономического обмена: *купли — продажи*. В роли покупателя выступают разные персонажи: от простых смертных (пример 1), героев (пример 2) до повелителя тьмы (пример 3), ср.:

(1) **Катя бережно торгуется**, // Всё боится передать. / **Парень с девицей целуется**, / **Просит цену набавлять** (*Н. Некрасов. Коробейники*).

(2) **К ногам красавицы надменной // Принес я меч окровавленный, // Кораллы, злато и жемчуг; //** Пред нею, страстью упоенный, / Безмолвным роем окруженный / Ее завистливых подруг, // **Стоял я пленником послушным;** / Но дева скрылась от меня, / Примолвя с видом равнодушным: // «Герой, я не люблю тебя!» (*А. Пушкин. Руслан и Людмила*).

(3) Я опущусь на дно морское, // Я полечу за облака, **Я дам тебе все, все земное — // Люби меня!..** (*М. Лермонтов. Демон*).

Особо следует отметить мотив *жертвенной красоты*. *Красавиц приносят в жертву*: дракону — в волшебных сказках, в мифологии;

мужскому союзу разбойников в песне *про Стеньку Разина* и т. д. На связь красоты с жертвой указывают также этимологи, ср.:

> Другие (и это более убедительно) связывают с лит. krosnis «печь»; латыш. krasnis — также при ст-сл. > др.-рус. книжн. **крада** — «огонь», «жертвенник» [Срезневский, т. I, с. 1310—1311]. Знач. «красота» могло возникнуть не просто из знач. «пламя», не по цвету огня, а, по-видимому, в связи с тем, что **крада** первоначально значило «жертвенный огонь» [Черных 1994, т. 1, с. 440].

Воля к красоте. *Красавица* включена в разные дискурсивные практики. При этом общим остается восприятие красоты как ценности. Ценностные характеристики *советской женщины* исчерпывающе обозначены в шутливой фразе: *Студентка, комсомолка, спортсменка и, наконец, просто красавица!* — которая стала крылатой после фильма Л. Гайдая «Кавказская пленница».

В народно-поэтическом дискурсе *красота* и *счастье* сопоставляются как ценности разного порядка: *Не родись красивой, а родись счастливой.* Это, однако, ни в коей мере не противоречит тому, что *красавица* является одной из центральных фигур в текстах традиционной культуры.

И традиционная, и элитарная, и масскультура, создающие разные образы / облики / лики красоты, имеют общий модус: они воспроизводят ценностный конструкт красоты. В масскультуре, благодаря визуальным средствам, происходит тиражирование образов *красавиц*. Это формирует и оформляет, с одной стороны, *желание стать красавицей*, с другой стороны, рост массового потребительского спроса на красоту и ее коммерциализацию.

Одним из проявлений *воли к власти* является *воля к красоте*, основанная на *желании стать красавицей* и согласующаяся с концептами *популярности, успеха, престижности*, а также *богатства*. Конкурсы красоты, модные журналы с фотографиями топ-моделей — проекты коммерческие, равно как и тиражирование элитарной красоты, например: репродукции Моны Лизы на майках, сумках, пепельницах, подставках для чашек и т. д.[14] Это создает особый вид китча. *Красавица как с картинки / как из модного журнала* означает, что говорящий высоко оценивает красоту женщины, ср.:

> И тут подходит к нам девица, такая, братцы, **красавица, такая стиляга, прямо с картинки** (*В. Аксенов. Апельсины из Марокко*).

---

[14] Интересно, что эту продукцию можно купить не в уличных ларьках, а в магазинах, открытых при больших, серьезных музеях.

Высокая оценка красоты в меньшей степени начинает выражаться через описание ее уникальности (*единственная такая во всем мире*) и в большей — через уподобление (*похожа на кинозвезду, на топ-модель, на Мериллин Монро...* и т. д.).

«Клишегенное общество» в ситуации активного развития масскультуры создает свои эстетические знаки и формулирует свои эстетические принципы.

Красавица: комплиментарный апеллятив и социальная функция. В ряде словоупотреблений *красавица* утрачивает функцию фигуры власти.

Синонимический ряд: *красотка, краля, милка, куколка, картинка, загляденье* — референциально связан с образом профанной красавицы, не являющейся фигурой власти.

Образ красавицы конструируется и воспроизводится в порнографии как объект сексуального обладания. В «порнографическом» контексте *красавица* оказывается в позиции низложенной королевы, утрачивая большей частью властные функции, ср.:

> Откуда-то появились два маленьких фарфоровых стаканчика **с неприличными рисунками — на них красавицы с неестественно высокими бровями замысловато отдавались серьезного вида мужчинам в** маленьких синих шапочках (*В. Печевин. Чапаев и пустота*).

В сочетании с названием профессий или с названием социального статуса слово приобретает дополнительную характеризующую функцию: *красавица вожатая, красавица архитектор, красавица любовница, красавица секретарь, красавица домработница.* Такое употребление часто встречается в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», например:

> (1) **Красавица секретарь** взвизгнула и, ломая руки, вскричала: Вы видите? Видите?! Нету его! Нету! Верните его, верните!
>
> (2) Маргарита Николаевна надевала в передней пальто, чтобы идти гулять. **Красавица Наташа, ее домработница,** осведомилась о том, что сделать на второе.
>
> (3) Плясали: Драгунский, Чердакчи, маленький Денискин с гигантской Штурман Жоржем, плясала **красавица архитектор** Семейкина-Галл, крепко схваченная неизвестным в белых рогожковых брюках.
>
> (4) Мессир, ответил Азазелло, — разрешите мне сказать. У нас двое посторонних: **красавица, которая хнычет** и умоляет, чтобы ее оставили при госпоже, и кроме того, с ней, прошу прощения, ее боров. **Странно ведут себя красавицы,** заметил Воланд.

Красавица имеет функцию апеллятива — комплиментарного обращения обычно к девушке, молодой женщине. Апеллятив часто упот-

ребляется в фольклорных текстах. В живой речи при обращении к незнакомым женщинам его используют для оформления просьбы, благодарности. Он свойствен речи цыган (*Дай ручку, погадаю, красавица!*); нищих (*Дай тебе Бог здоровья, красавица!*), мелких уличных или вагонных торговцев (*Купи вазочку, красавица!*). При этом может происходить частичная десемантизация слова (в случаях, когда апеллятив употребляется без учета внешних данных адресата). Обращение «*красавица*» употребляется также шутливо и иронично, ср.:

(1) Две **тетки, обвязанные-перевязанные, орудовали возле весов.** Одна отвешивала, а другая принимала деньги. Несколько здоровенных лбов наблюдали за порядком. **Красавицы!** заорал я. Товару всем хватит? (*В. Аксенов. Апельсины из Марокко*).

(2) — Так почему же вы его, бабушка, боитесь? наивно удивилась Ирина Валентиновна. Да как же его не бояться, матушка моя, **голубушка-красавица,** ахнула старушка. А ну как щекотать начнет да как запляшет, да зенками огневыми как заиграет! (*В. Аксенов. Затоваренная бочкотара*).

(3) — **Душенька, милочка, красавица,** — засипел Коровьев, переваливаясь через прилавок и подмигивая продавщице, — не при валюте мы сегодня... Ну что ты поделаешь! (*М. Булгаков. Мастер и Маргарита*).

Как и большинство концептов идеалистического языка, конструкт *красота* остается вечно дискуссионным. Его культурная семантика, так же как и семантика концептов Истины и Добра, заключает в себе вопрос: *Что есть?..* И ответы на него от поколения к поколению будут модифицироваться и множиться, образуя причудливое поле языковой игры.

Часть III

ЯЗЫК И КУЛЬТУРНЫЕ КОНВЕНЦИИ

Глава первая

Культурная коннотация и дискурсивные практики

§ 1. Культурный компонент в языке. Общая характеристика

> И все же нет ничего важнее процесса образования вымышленных понятий, обучающих нас лишь пониманию наших понятий.
>
> (*Л. Витгенштейн. Культура и ценность*)

Культурный компонент в языке: особенности описания[1]. Исследование культурной семантики слов-концептов предполагает изучение форм взаимодействия языка и культуры, а также того, как возникшие в результате этого взаимодействия культурные конструкты влияют на (формируют) коллективную культурную идентичность и в какие отношения вступают с субъектом речи / письма.

Некоторые высказываемые в лингвистических работах положения показывают, что описание культурного компонента в языке — область достаточно сложно вычленяемая и не вполне определившаяся. Например, культурная и национальная специфика в языке могут не различать-

---

[1] В данном разделе рассматриваются положения, которые продолжают тему, заявленную в работах, посвященных анализу культурного компонента фразеологизмов [*Телия* 1996; Teliya, Bragina, Oparina, Sandomirskaya 1998; Bragina 1996; 1998a;b; Oparina 1998; Oparina, Sandomirskaya 1996; Sandomirskaya 1998].

ся [Wierzbicka 1992]; жестко следуя соссюровской оппозиции синхрония — диахрония, исследователи рассматривают преимущественно живые метафоры, полагая, что мертвые метафоры находятся вне поля синхронного анализа. Это справедливо при семантическом анализе метафоры, но вызывает определенные сомнения при анализе культурной семантики, культурного компонента. Утверждается также, что культурное в языке имеет смысл описывать только в том случае, если оно служит целям семантического описания [Добровольский 1996]. Анализ культурной специфики часто предполагает в первую очередь этимологический анализ [Степанов 1997].

В связи с этим хотелось бы отметить некоторые наиболее важные положения, которые могут быть приняты за основу при описании культурного компонента.

• Культурный компонент прослеживается на материале разных языков. Например, в разных, не только в близкородственных языках воплощены базовые метафоры: «верх — хорошо, низ — плохо» [Lakoff, Johnson 1980], «свет — хорошо, тьма — плохо»; стереотипы: *первая любовь*, *материнская забота*. Это позволяет считать, что культурные коннотации могут в разных языках совпадать, что возможно существование культурно-языковых универсалий, следовательно, культурное и национальное в языке должно различаться. На необходимость различения «культурно-обусловленного» и «национально специфического» на материале фразеологизмов обратил внимание В. Г. Гак [Гак 1999].

• Разделение на живые и стершиеся метафоры выглядит искусственным. Культурные модели обладают высокой воспроизводимостью, они обнаруживают свое присутствие также и в стершихся метафорах, которые, сохраняя внутреннюю форму, сохраняют также культурную модель и способность к периодическому «оживанию». Например, то, что *чувство* выступает как агрессивный контрагент человека, подтверждается и стершимися метафорами *тоска охватила*, и живыми *тоска напала*, *тоска душит*. Персонификация чувств (развертывание языковой метафоры) имеет также богатую литературную, живописную, кинематографическую традицию (аллегории в литературе Барокко, *Меланхолия* А. Дюрера, фильмы ужасов).

• Для описания культурного компонента панхронический подход [Телия 1996] представляется более конструктивным, нежели последовательное и подчас излишне жесткое разграничение синхронного и диахронного в языке. Описание культурного компонента ретроспективно и исторично. В определенном смысле слова оно аналогично припоминанию. При таком подходе к языку доминируют идеи культурной трансляции (культурные знания, установки транслируются из поколения в

поколение), коллективной культурной воспроизводимости (культурные знания, установки воспроизводятся субъектом речи / языка, иногда помимо его воли) и трансформации (культурные знания, установки могут заимствоваться другим типом дискурса и подвергаться модификации). Например, представление о *братстве* как об объединяющем начале было сформировано еще в дохристианском обществе, затем оно получило развитие и выражение в христианском учении, в религиозном дискурсе — ср. *братская любовь*, *Все люди братья*, *братья во Христе*... Позже оно подверглось трансформации в политическом дискурсе, ср. лозунг Великой французской революции *Liberté*, *Egalité*, *Fraternité*, — который впоследствии был использован во время русской революции: *Свобода*, *Равенство*, *Братство*. В советское время *братство*, *братский*, *брат* стало основой многочисленных политических клише: *братство народов* (о народах, населявших СССР); *братские страны* (только о социалистических странах); *Старший брат* (о России) и т. д.

• Культурный компонент в языке требует отдельного описания, которое может осуществляться параллельно семантическому. Формой его интерпретации может стать культурный комментарий. Задачей культурного комментария в широком смысле слова является интерпретация отношений: Язык у Дискурс[2].

• Анализ культурного компонента не совпадает с этимологическим, хотя данные этимологии обязательно учитываются.

• Его задачей является не установление происхождения языковой единицы, но попытка определить условия формирования концепта на материале образуемых им словосочетаний и комментирование их как цитат, сформированных под влиянием литературного, религиозного, политического и других типов дискурса.

Устойчивость и общественная культурно-языковая память. Устойчивость — это категория языка, которая связана с воспроизводимостью (устойчивые словосочетания не комбинируются в процессе порождения текста, а воспроизводятся в «готовом виде») и с общественной памятью (устойчивые словосочетания транслируются из поколения в поколение).

Наличие правил / механизмов коллективного запоминания, а также коллективного воспроизведения (припоминания) предполагает существование определенных закономерностей в выборе тех образов и стереотипов, которые закрепляются в значительной части устойчивых сло-

---

[2] Дискурс понимается как совокупность тематически, культурно или как-либо еще взаимосвязанных текстов [Баранов и др. 1996].

восочетаний. В связи с этим возникает вопрос, является ли выбор «устойчивых образов», «устойчивых стереотипов» произвольным или нет. Это — вопрос о мотивационной базе культурного компонента. Что обусловливает *выбор того пути*, по которому идет языковая концептуализация, закрепленная в узусе, т. е. имеющая нормативный характер?

Сопоставительные работы подтверждают предположение о том, что такой выбор не произволен или не всегда произволен. Одинаковые / похожие базовые метафоры, формирующие корпус устойчивых словосочетаний, идиом, высказываний обнаруживаются в большинстве европейских языков. Такая повторяемость образов выглядит неслучайной. Остается, однако, неясным, почему в качестве устойчивого закрепляется в языке тот, а не иной образ. Например, сочетания *огонь любви*, *пламя любви* интуитивно определяются как устойчивые, *воздух любви*, *ветер любви* — свободные; *материнская забота* (ср. *Он был лишен материнской заботы*) — устойчивое, *отцовская забота* (ср. *Он был лишен отцовской заботы*) — свободное, *наполеоновские планы* — устойчивое, *суворовские планы* — свободное и т. д.

Есть основания считать, что механизмы устойчивости оказываются включенными в культурные механизмы. Языковая устойчивость мотивирована разными типами дискурса: мифологическим, литературным, философским, политическим и т. д. Они составляют ее мотивационный фон. Язык воспроизводит те образы, стереотипы, которые связаны с разными типами дискурса отношениями: а) заимствования; б) обусловленности; в) аналогии. Например, мифологический дискурс мотивирует образное основание некоторых устойчивых метафорических словосочетаний, литературный, социально-идеологический — обусловливает существование стереотипов дискурса и т. д.

Вопрос о мотивированности устойчивых образов, стереотипов — это вопрос не только о механизмах метафоризации и механизмах устойчивости, но и о структуре коллективного бессознательного. Это вопрос о том, в какой мере те образы, которые сохраняются в языке и механически воспроизводятся говорящим, идентифицируют его, оказывают влияние на его идентичность, в какой мере текст, который говорящий воспроизводит независимо от своей воли, владеет им. Это — вопрос о структуре общественной культурной памяти и о власти языка над говорящим.

Фразеологизмы формируют поле общественной культурно-языковой памяти. В процессе порождения текста говорящий/пишущий перемещает фразеологизмы из поля памяти в пространство создаваемого текста.

На вопрос о том, как устроена естественная память человека, ответить достаточно сложно, но можно рассмотреть правила формирования искусной памяти, полагая, что модель создания искусной памяти в определенной степени выражает те закономерности, на основе которых формируется также и естественная память[3].

> Модель искусной памяти [Йейтс 1997], развиваемой человеком путем специальных тренировок, базировалась на общих положениях порядка (память должна быть упорядочена) и акцента на внутреннее зрение: зрительные образы конструируют, формируют искусную память. Память моделировалась как пространство, в котором помещаются образы. Основными понятиями ars memorativa были правила «мест», правила «образов», рассуждения о «памяти для вещей» и «памяти для слов». Порядок в памяти задается последовательностью мест. Для этого выбирается какое-либо известное место, например, храм. Содержание запоминаемого задается образами. Imagines — это формы, знаки, подобия (formae, notae, simulacra) того, что нужно запомнить. Различалось два вида образов и соответственно два вида памяти: для «вещей» (res) — memoria rerum и для «слов» (verba) — memoria verborum. «Вещи» — это предметное содержание речи (план содержания), а «слова» — это язык, в который это предметное содержание облечено (план выражения).
>
> Для того чтобы образы были действенными (imagines agentes), они должны быть необычны и способствовать пробуждению воспоминания. В древних рукописях (Dialexeis, датированный примерно 400 г. до Рождества Христова) действенными образами являются имена богов, героев, известных людей. Например, мужество, доблесть предлагается соотнести с Марсом и Ахиллесом, металлургию — с Вулканом, малодушие, трусость — с Эпеем. Так искусная память «населяется» мифологическими персонажами, историческими лицами, приобретая тем самым черты историчности и мифологизированности. В Средние века «правила образов» также допускали применение элементов мифа ради «их волнующей силы» (Альберт Великий). Они, будучи эмоционально насыщенными, служат основой для припоминания.

Аналогию с «правилами образов» можно усмотреть и у фразеологизмов, например, *доброта, терпение* соотнесены с ангелом: *ангельская доброта, ангельское терпение*; *гордость* — с дьяволом, с сатаной: *дьявольская, сатанинская гордость*; *чувства* со стихиями (огонь, вода): *пламя страсти, волны нежности*; *зависть* соотнесена с Саль-

---

[3] См. также часть I, гл. 2, § 1. *Археология образов: языковые образы памяти.*

ери — *сальерическая зависть, гений* (в русской культуре) — с Пушкиным — *пушкинский гений* и т. д., следовательно, механизм запоминания через соотнесение с «действенными образами» представлен и во фразеологии, причем просматривается также связь с мифологией, с историческими персонажами, с религиозными темами.

Очевидно, что культурная информация, вербализованная и закрепленная в языке, может стираться, например, говоря *платонические чувства, платоническая любовь*, субъект речи / письма может не соотносить их с личностью и с учением Платона, еще более далекими и непроявленными представляются связи с мифологическим дискурсом. Культурная информация существует в латентном непроявленном состоянии. И собственно сам анализ культурного компонента равноценен припоминанию сюжетов, лиц, давших основание для словосочетаний, или же выявлению фона, контекста, способствовавших образованию устойчивых словосочетаний.

Единицы описания. Класс устойчивых словосочетаний и класс единиц, интуитивно оцениваемых как культурно значимые, связаны отношениями пересечения. Это значит, что не все устойчивые словосочетания являются культурно маркированными, а не все культурно маркированные единицы относятся к устойчивым словосочетаниям. Возможны следующие варианты: а) устойчивые культурно маркированные словосочетания: *парус надежды, театр жизни, окаменеть от ужаса, улыбка Моны Лизы / Джоконды, лететь на крыльях любви*: б) свободные культурно маркированные (например, относящиеся к идиостилю писателя / поэта): *парус ненастья* (*Он тучами был, как делами, завален. / В ненастья натянутый парус / Чертежной щетиною ста готовален / Врезалася царская ярость.* (Б. Пастернак. Петербург), *театр Господа Бога* (*Все мы, святые и воры / Из алтаря и острога, / все мы — смешные актеры / В театре Господа Бога* (Н. Гумилев. Театр); в) устойчивые культурно немаркированные: *принимать ванну, оказать помощь кому, задавать вопрос, быстрый взгляд*; г) свободные культурно немаркированные: *интересная беседа, надежда на успех, петь песню.*

При описании культурного компонента объектом рассмотрения является преимущественно часть словосочетаний группы (а) устойчивые культурно маркированные словосочетания, которые относятся к области нематериальной культуры: *светлая печаль, блеск ума, в тайниках памяти.* Словосочетания, описывающие сферу материальной культуры, включая обряды и ритуалы: *наряжать елку, красить яйца, обменяться кольцами, закрыть зеркало,* обычно рассматриваются в русле лингвострановедения [Верещагин, Костомаров 1980]. Таким

образом, значительную часть культурного лексикона составляют словосочетания, образованные именами абстрактной семантики, обозначающими мир человека: его чувства, мысли, межличностные отношения и т. д. (в центре культурного пространства стоит человек, «Он обречен жить в культуре так же, как он живет в биосфере», — писал Ю. М. Лотман [Лотман 1992, с. 9]). Языковой образ человека, сфера его эмоционального и рационального поведения, его жизнь, смерть, судьба воссозданы культурой[4].

Имена культурных конструктов могут образовывать следующие типы словосочетаний: а) метафорические — *чувства нахлынули*; *раб страстей*; *мысль пришла в голову*; *быть вне себя от ярости*; *убить время*; б) плеонастические — *горе горькое*, *скука скучная*; в) оксюморонные — *живая смерть*, *свободный раб*; г) стереотипные — стереотипы дискурса *первая любовь*, *судьба художника*, *простое женское счастье*.

Культурные конструкты, как, собственно говоря, и сам конструкт *культура*, имеют большое число разных интерпретаций. Их отличительным свойством является то, что они регулярно подвергаются интерпретации и реинтерпретации. Они представляют собой нарративное ожидание и имплицитно связаны с вопросом: *Что есть?..* Например, *Что есть истина / красота / любовь счастье / судьба / жизнь?..* Ответы часто содержат уподобление: *Жизнь — это любовь. Красота — это страшная сила* и т. д. Иными словами, можно с полным основанием говорить о метафорической (по преимуществу) природе данных концептов. Ответы варьируются внутри разных типов дискурса, разных эпох и разных поколений. Вопросы с изначально заданной множественностью ответов-интерпретаций по сути своей являются «вечными» вопросами.

Культурная коннотация. Культурная коннотация[5] может быть определена как установка на дискурс: политический, социально-идеологический, философский, литературный, религиозный, мифологический, народно-поэтический (см. также: [Телия 1993]). Этим культурная коннотация принципиально отличается от семы.

> Ряд исследователей используют близкий термин: *установки культуры*, рассматривая его в качестве единицы культуры, «опосредующей» включение культурного компонента в язык [Телия 1999; Опа-

[4] В *Приложении 2* приведены модели словарных статей *скука* и *печать*. Культурный компонент указанных единиц описан в комментарии (см.).

[5] О термине коннотация см. также: [Телия 1986; Маслова 1989; Апресян 1995, с. 156—177]

> рина 2004], хотя и не всегда опознаваемой в конкретных языковых знаках. «Именно совокупность установок организует культуру на каком-либо ее "срезе" в единое целое. <...> хотя установки культуры обретают те или иные знаковые формы, они не обязательно актуализируются в определенных типах знаков, не опознаются по способу связи их смысла со знаковой формой, как, например, языковые символы, указывающие не только на референт имени, но и на общую идею, смысл образа или эталоны, фиксирующие в языке меру проявления свойств / признаков вещей» [Опарина 2004, с. 53].

В широком смысле слова культурная коннотация — это языковая функция памяти. Она обусловливает узнавание (общий культурный код настоящего) и припоминание (общий культурный код прошлого) слов, словосочетаний в их отношении к определенному типу дискурса. Она также может выступать как условие устойчивости словосочетаний. Словосочетания: *первая любовь*, *братские чувства*, *материнская забота*, *женская гордость*, в отличие от возможных сочетаний: *вторая любовь*, *сестринские чувства*, *отцовская забота*, *детская гордость*, являются устойчивыми. Их устойчивость обусловлена не семантическими, грамматическими или лексическими ограничениями на сочетаемость, а в первую очередь культурной связанностью [Bragina 1996].

> Рассматривая «круг непосредственных ассоциаций» слова *первый*, Н. Д. Арутюнова отмечает такие свойства, которые можно было бы отнести к культурному фону, культурным коннотациям с бóльшим правом, чем собственно к семантике слова, ср. «Первое маркирует вехи на жизненном пути: *первые шаги*, *первый класс*, *первый звонок*, *первый урок*, *первый экзамен*, *первая встреча*, *первый взгляд*, *первая любовь*, *первый поцелуй*, *первое чувство*, *первое разочарование* и т. п. Обычно именно таков круг непосредственных ассоциаций, вызываемых словом *первый*» [Арутюнова 1998, с. 712]. Показательно, что в толковых словарях, описывающих семантику слова *первый*, такой смысловой компонент как 'маркирует вехи на жизненном пути' отсутствует.

Культурная коннотация также выполняет функцию хранения. Выражение может быть десемантизировано, но при этом сохранять свою целостность и неделимость за счет культурной коннотации. Например, плеоназмы: *горе-горькое*, *скука-скучная*, *путем-дорогою*, как кажется, продолжают существовать в языке за счет культурной коннотации, устанавливающей связь с народно-поэтическим дискурсом. Как известно, существование плеоназмов «корнями» уходит в практику заговоров, в которых предмет или лицо заклиналось всеми могущими к нему относиться обозначениями.

Многие идеологические клише: *советский человек*, *социалистический порядок* фактически десемантизированы, но коннотативны, они устанавливают связь с идеологическим дискурсом тоталитарного периода.

> Смена идеологических систем оказала также влияние и на само название официального языка тоталитарного общества, ср.: *язык советской эпохи*, *советизмы* — *«новояз»* (политизированный советский язык), *тоталитарный язык* [Купина 1995] — *язык Совдепии* [Мокиенко, Никитина 1998]. М. Гловиньски, одним из первых предпринявший изучение этого языка, пишет: «Как назвать этот язык? Языком пропаганды — исходя из цели, которой он служит? Партийным или официальным — с точки зрения его отнесенности к соответствующим организациям? Коммунистическим — исходя из идеологических взглядов?» [Głowinski 1991]. Очевидно, что в предлагаемых названиях актуализировались оценочные компоненты и культурные коннотации (см. также: [Земская 1996, с. 9—31]).

Культурные коннотации в большинстве своем есть область **имплицитных конвенциональных знаний**. Г. Грайс [Грайс 1985, с. 221], рассматривая конвенциональные импликатуры, приводит такой пример: если говорящий произносит: *Он англичанин, и поэтому он храбр*, то тем самым говорящий имплицирует, что храбрость следует из факта принадлежности к английской нации.

Пример Г. Грайса примечателен тем, что, если продолжить анализ, то в основании высказывания, точнее, в глубинном основании конвенциональной импликатуры можно усмотреть культурную модель. Ход рассуждения может быть примерно следующим. Национальной эмблемой Великобритании и, шире, символом Великобритании и нации в целом является «Британский лев». Льву, «царю зверей», в разных культурах приписана смелость, ср.: *храбрый как лев*, *смелый как лев* (англ. *As brave as a lion*). Фраза: *Он англичанин, и поэтому он храбр* может референциально соотноситься не только со стереотипным представлением о храбрости англичан, но и со стереотипным представлением о храбрости льва, являющегося символом нации. Следовательно, фраза *Он англичанин, и поэтому он храбр* и ее конвенциональная импликатура могут иметь в своем основании культурную модель.

Культурные коннотации, относимые к области «конвенционального имплицитного», позволяют не только прояснить позицию говорящего (культурное узнавание) и снять «культурную глухоту» в ситуации межкультурного общения (культурная переводимость), но также продвинуться в описании коллективной культурной идентичности.

> Описание коллективной культурной идентичности решается также при описании русской языковой картины мира и наивной картины мира, ср.: «Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. (...) Сверхзадачей системной лексикографии является отражение воплощенной в данном языке наивной картины мира — наивной геометрии, физики, этики, психологии и т. д.» [Апресян 1995, с. 350 351]. «Однако анализ русской лексики позволяет выявить целый ряд мотивов, устойчиво повторяющихся в значении многих русских лексических единиц и фразеологизмов, которые представляются специфичными именно для русского ви́дения мира и русской культуры» [Шмелев 2002, с. 300].

Язык можно уподобить интегрированному городу-музею, в котором, по определению музея, «синтезируются принципы специализации музея и коммуникации его с различными группами» [Воронин 1994, с. 75]. В городе живут (*жители города*), либо приезжают познакомиться с ним (*туристы*). Жители города могут быть: знатоками его истории и культуры; архитекторами, скульпторами, влияющими на его облик; просто жителями, для которых культурные памятники — часть их личного пространства, не опознаваемое как нечто особенное и специфичное. Каждая из перечисленных групп выстраивает свои отношения с культурными памятниками — экспонатами города-музея.

Туристы, приезжающие в город, относятся к культурным памятникам, прежде всего, именно как к культурным памятникам, но ничего / почти ничего о них не знают — это *иностранцы*.

Экскурсоводы, археологи, музейные работники, знатоки относятся к культурным памятникам прежде всего как к культурным памятникам и знают о них все или почти все — *лингвисты*, *филологи*, *лексикографы*, *историки языка*, *этимологи*.

Создатели культурных памятников относятся к ним как к продукту / результату своей деятельности или деятельности своих коллег — *поэты*, *писатели*, *журналисты*, *философы*, создающие новые смыслы, новые клише и т. д.

Остальные жители города-музея относятся к культурному памятнику исключительно функционально — *носители языка* (в своем большинстве).

Соответственно описание языка может быть адресовано: специалистам, носителям языка, иностранцам.

Культурный компонент достаточно явно начинает осознаваться при сопоставлении разных языков, а также в процессе преподавания языка

иностранцам. Не случайно проблема изучения культурной семантики слов и фразеологизмов была поставлена в 70—80-е гг. XX века в связи с преподаванием русского языка иностранцам. Она получила название лингвострановедческой теории слова [Верещагин, Костомаров 1980] и продолжает активно развиваться [Прохоров 1997; Верещагин, Костомаров 2000; Костомаров, Бурвикова 2001].

Культурно-языковая идентичность говорящего. Культурный код, которым пользуется говорящий, и позиция говорящего могут противоречить друг другу. Противоречие возникает, например, если атеист использует в речи сочетания, связанные с христианским дискурсом.

> В. Н. Топоров ставит вопрос о том, существует ли понятие святости для носителя безрелигиозного сознания, и отвечает на него утвердительно, поскольку есть реальность языка: «Существуют реальности разного рода, не позволяющие отмахнуться от проблемы даже самому "внешнему" наблюдателю, реальность языка, когда говорят: "Он святой человек" или "это святое дело"...» [Топоров 1995, с. 9].

Приведу еще пример — начало книги О. Ивинской [Ивинская 1992] «Годы с Борисом Пастернаком». Это книга личных воспоминаний, однако образ автора текста, использующего советские клише, и образ преданно любящей женщины находятся в определенном противоречии, ср.:

> Как известно, 1988 год стал переломным в литературной судьбе Бориса Пастернака на его родине: в журнале «Новый мир» был наконец опубликован главный труд его жизни, как он сам считал, роман «Доктор Живаго», оконченный в 1956—1957 годах. Более тридцати лет понадобилось роману, чтобы пройти поистине крестный путь к своему главному читателю, одолеть такие преграды, как однозначное отрицание идеологической олигархии, бюрократически-чиновничья ненависть, шельмование и травля со стороны «собратьев по перу», не погнушавшихся никакими средствами, чтобы унизить и оскорбить и автора, и его создание.

Сочетание: *год стал переломным* — часто употреблялось в идеологическом, политическом дискурсе (о переломных моментах говорилось, когда речь шла о революции или о войне), *литературная судьба*, *главный труд жизни* (литературный дискурс — сочетания типичны для высокого чиновничьего стиля) и далее по тексту: *шельмование и травля со стороны «собратьев по перу»*, *не погнушаться никакими средствами* — стереотипы политического и идеологического дискурса советского времени.

Данный отрывок может идентифицироваться как относящийся к идеологическому дискурсу советского времени. Возникает два разных восприятия одной и той же личности. Качество текста предполага-

ет, что его автор — литературный чиновник. Биография О. Ивинской, сидевшей в сталинских лагерях, поздней любви Б. Пастернака, прототипа Лары в романе «Доктор Живаго», предполагает иной образ.

Моя субъективность — не более чем всеобщность стереотипов — писал Р. Барт [Барт 1994]. Всеобщность, однако, не предполагает полной согласованности. Стереотипы могут находиться также в котрадикторных отношениях.

§ 2. Язык <=> Культура. Порядок смены коннотаций

Метафора зеркала vs. метафора диалога. Если описание семантики осуществляется в рамках монологической парадигмы, то при описании культурной коннотации естествен выход за ее пределы, т. е. за рамки чисто лингвистического описания.

> О «монологичности» лингвистики писал М. М. Бахтин: «В языке, как предмете лингвистики, нет и не может быть никаких диалогических отношений: они невозможны ни между элементами языка в системе языка (например, между словами в словаре, между морфемами и т. п., ни между элементами "текста" при строго лингвистическом к нему подходе. Не может их быть ни между единицами одного уровня, ни между единицами разных уровней. Не может их быть, конечно, и между синтаксическими единицами, например, между предложениями, при строго лингвистическом к ним подходе» [Бахтин 1972, с. 311].

Далее он пишет о том, что диалогические отношения не сводимы и к отношениям логическим и предметно-смысловым и что они должны изучаться металингвистикой, выходящей за пределы лингвистики и имеющей самостоятельный предмет и задачи. Таким образом, формулируется идея о закономерной неполноте знаний о слове, исследуемом строго лингвистическими методами, и о необходимости новой дисциплины, которая изучала бы слово с иных позиций и находилась бы в дополнительных отношениях с лингвистикой.

Бахтинское понимание единиц диалога как «неких смысловых позиций», как «своего рода языковых мировоззрений» может быть отнесено к культурной коннотации, которая содержит именно элементы мировоззрения, а культурно коннотированный язык (например, церковнославянский) может восприниматься как тождественный определенному типу мировоззрения (см.: [Успенский 1994, т. 1, с. 333—367]).

Рассматривая функцию культурной коннотации как установку на дискурс, мы тем самым приписываем ей определенную позицию, на которую возможна, а иногда и ожидаема диалогическая реакция.

Как кажется, определенную роль в «монологичности» лингвистического описания играют его метаязык, базовые метафоры. Одной из таких метафор, на мой взгляд, является метафора *зеркала*. Описание функций языка часто идет через уподобление его зеркалу.

> Лингвистический энциклопедический словарь [Линг ЭС 1990, с. 604] следующим образом определяет язык: «Язык является основной общественно значимой (опосредованной мышлением) формой отражения окружающей человека действительности и самого себя...». Словосочетания: *язык отражает, в языке отражаются, языковые отражения, отражения в языке* и т. д. очень частотны в лингвистической литературе.

Метафора *зеркала* является одной из важнейших в гуманитарных дисциплинах[6]. Имплицируемые ею коннотации обусловлены ситуацией: а) кто отражается (Бог, действительность); б) что есть зеркало (природа, мысль, сознание, загадка, картина, наука, вера, культура, язык); в) какие отношения возникают между отражением и отражаемым (сходство / несходство, правдивое отражение vs. ложное отражение).

Однако по ряду причин метафора зеркала применительно к языку не кажется удачной, поскольку отражение статично, оно только фиксирует образ. В метафоре зеркала не выражена идея взаимодействия, взаимообмена. Она также противоречит представлению о развитии: само зеркало, а также возникающие в нем отражения не развиваются. Отражения могут множиться, но не развиваться. Ставя вопрос о том, как соотносятся язык и культура, следует признать, что это отношения не столько отражательные, сколько диалогические (см. также: [Телия 1996, с. 225; Bragina 1998в]).

Язык и культура — две семиотические системы, существующие в едином смысловом пространстве, и взаимодействующие друг с другом в режиме диалога.

> Ю. М. Лотман охарактеризовал ситуацию диалога следующим образом:
>
> (1) Наличие двух сходных и одновременно различных партнеров коммуникации.
>
> (2) Взаимность и обоюдность в обмене информацией. Это подразумевает, что время передачи должно сменяться временем приема информации. Циклическая смена периодов высокой активности и периодов максимального ее снижения.

---

[6] Анализ «зеркальной» метафоры был дан в статье Б. Л. Борухова [Борухов 1991].

> (3) Транслируемый текст и полученный на него ответ должны образовывать в некотором смысле единый текст, имеющий тенденцию быть текстом на другом языке [Лотман 1992, с. 18—19].

Попытаемся рассмотреть отношения языка и культуры, исходя из сформулированных Ю. М. Лотманом условий диалога.

(1) Лингвисты, семиотики, антропологи находят определенное сходство между языком и культурой. На структурную аналогию языка и культуры указывал К. Леви-Строс [Lévi-Strauss 1958], на связь языка и мифа и возможность использования единого метаязыка для их исследования — Греймас [Greimas 1987], на сходство языка и фольклора, имеющих коллективный межличностный механизм, — Р. О. Якобсон (по работе [Иванов, Топоров 1977]). Таким образом, первому пункту ситуации диалога (сходство и одновременно различие партнеров коммуникации) язык и культура удовлетворяют.

(2) Обмен информацией между культурой и языком во времени может представлять собой цикл, характеризующий этапы смены культурных коннотаций.

В. Г. Костомаров использует слово *вкус*, определяя его как «меняющийся идеал пользования языком соответственно характеру эпохи» [Костомаров 1999, с. 32].

Наиболее отчетливо цикличность смены коннотаций прослеживается на примере слов / словосочетаний, которые в определенный период наделялись дополнительным ценностным смыслом, служили для выражения идеалов общества или отдельной культурно значимой группировки.

Периоды возникновения и смены культурных коннотаций можно охарактеризовать как ценностный, профанный, иронический, исторический.

• Ценностный период предполагает формирование системы строгой регламентации контекстов употребления и запретов на «недолжное» употребление. Слово / сочетание, как правило, имеет ценностную ориентацию на общественный идеал. Это способствует возникновению культурных коннотаций.

• Профанный период характеризуется отходом от жесткой регламентации и нарушением запретов, сформированных ранее. Контексты употребления расширяются, коннотативный фон слова, сформированный в первый период, начинает использоваться в разных целях: эстетических, агитационных, служить фигурой риторики.

• Во время иронического периода происходит обыгрывание ценностных коннотаций (например, стеб, ерничество). В литературе активно используется прием иронии.

• **Исторический** период характеризует нейтрализация культурных коннотаций, которые постепенно утрачивают кореферентную связь с определенным типом дискурса.

Смена периодов: ценностный, профанный, иронический и исторический — может приводить к смене культурных коннотаций у одного и того же слова / фразеологизма[7]. Этот процесс может рассматриваться как удовлетворяющий второму условию ситуации диалога (циклическая смена периодов высокой активности информации и периодов максимального ее снижения).

(3) Культура может самоописываться, саморепрезинтироваться в языке. Наиболее ярко иллюстрируют эту способность единицы фразеологии, которые, как правило, обладают двойным кодом: собственно языковым и культурным [Telia, Bragina, Oparina, Sandomirskaya 1998]. Культурный код маркируется как «чужой голос».

> Т. М. Николаева предлагает в качестве доказательного критерия, отграничивающего *речевые стереотипы* от свободных компонентов высказывания, критерий «оценки по перцептивному и продуктивному высказыванию. А именно — говорящий употребляет этот фрагмент как **чужую речь** и сам это ощущает, и это же ощущает слушающий. Поэтому и *Велика Федора, да дура*, и *Счастливые часов не наблюдают*, и *Командовать парадом буду я*, и *Знаешь что, давай подробности!* равно продуцируются как кусочки чужого текста» [Николаева 2000, с. 149].

Рассматривая фразеологизмы как единицы языка, мы определяем их грамматический статус, их семантику, парадигматику, синтагматику и т. д. Определяя их как «культурные тела» [Телия 1996], мы выявляем их соотношение с разными типами дискурса и т. д. В словарном описании эта информация может размещаться в культурном комментарии (см.: Приложения 1, 2, 3, наст. издания).

Таким образом, фразеологические единицы могут быть определены как компоненты единого текста, который возник в результате взаимодействия языка и культуры. Это позволяет считать, что третье условие диалога (транслируемый текст и полученный на него ответ должны образовывать единый текст) также имеет место. Иными словами, при описании процессов, возникающих между языком и культурой, метафора диалога кажется предпочтительной.

Циклический порядок смены культурных коннотаций: ценностный, профанный, иронический, исторический периоды. Цен-

[7] Подробно см. об этом ниже.

ностный, профанный, иронический и исторический периоды существования культурных коннотаций характеризуются определенным набором условий.

Ценностный период удовлетворяет следующими условиями.

(1) Важным источником ценностных культурных коннотаций является *вера*, поскольку она не предполагает доказательств. У ключевых для религии, идеологии, литературного направления слов / фразеологизмов появляется символьное значение, в основании которого лежит вера.

> В. И. Даль приводит следующее толкование: *Вера* 'уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо, *особенно* предметах высших, невещественных, духовных'; || 'верование; отсутствие всякого сомнения или колебания о бытии и существе Бога; безусловное признание истин, открытых Богом'. Соответственно *верующий человек* — это человек, у которого есть представление, понимание, существования высших духовных предметов, истинность которых не требует доказательств, не нуждается в них. Анализу языковых значений слова *вера* посвящен ряд работ [Селезнев 1988; Шмелев 1993].

(2) Слова / фразеологизмы, имеющие ценностные коннотации, формируют культурно-языковую страту. Круг людей, использующих такой язык, ограничен. Язык разграничивает «своих» и «чужих».

> Из выделенных Т. М. Николаевой и И. А. Седаковой четырех типов функционирования клишированных речений: 1) свое для своих; 2) чужое для своих; 3) свое для чужих; 4) чужое для чужих [Николаева 2000, с. 153] ценностные культурные коннотации характеризуют языковые единицы, относящиеся к первой группе.

(3) Формируется система запретов (табу) на употребление его в неадекватной ситуации — «не по делу».

(4) Формируется система запретов на употребление языковых единиц, содержащих элементы «другой веры».

Профанный период характеризуется сначала нежестким соблюдением перечисленных условий, а затем полным их несоблюдением. «Ценностные», «сакрализованные» слова / фразеологизмы присваиваются и используются «чужими» в неадекватной ситуации. Разные культуры и противоречащие друг другу идеологии смешиваются.

В иронический период «ценностные», «сакрализованные» слова не присваиваются, но, наоборот, отчуждаются. Их цитируют и обыгрывают, их демонстрируют как языковой прием, как элементы новой эстетики.

Исторический период, предполагающий нейтрализацию культурных коннотаций, означает, что слова и фразеологизмы либо перешли в разряд историзмов, либо сохранились в современном языке и употребляются без особой спецификации. Приведу примеры функционирования и смены культурных коннотаций слов/фразеологизмов, относящихся к разным типам дискурса и разным временным периодам.

Архаический период (мифологический дискурс). В архаический период[8] существовало разделение языка на обыденный, который мыслился как «необработанный» (*gnathbeltre*), и сакральный, «обработанный» язык (*beltre tobaide*) или «язык людей» и «язык богов». «Язык богов» включал в себя звукоподражание, архаические слова, метафорические иносказания, метонимии, синонимические дублеты, намеренные словоизменения. Сакральное слово одновременно было и магическим, и мифологическим, поскольку заклинания, ритуальные песни неотделимы от определенных представлений о предках, духах, богах. Слияние сакрального слова, сакральной формулы с мифологемой устанавливало связь с традицией, с прошлым, давая слову дополнительную сакрализацию.

«Языком богов» владели «мудрецы», «жрецы», «шаманы». Владение «языком богов» было ключевым в их вербальном поведении. Язык использовался строго в определенных ситуациях, связанных: 1) с обрядом, религиозно-магическим ритуалом; 2) с предметом речи, относящимся к сфере общинного предания, к традиционной или к пророческой «мудрости». Очевидно, что «язык богов» был культурно коннотирован. Причем культурное узнавание «языка богов» часто осуществлялось на уровне формы, поскольку смысл мог сознательно затемняться.

Со временем слова / фразеологизмы постепенно теряют магическую функцию. На основе сакрального языка появляются тропы, развивается эстетическая функция языка. Ценностный период сменяется профаническим. В отношении «языка богов» тропы выражают профанную сущность текста[9]. Они все более начинают ощущаться как украшения [Гринцер 1994, с. 55]. Смену сакрального, пророческого слова на профанное выразил Н. С. Гумилев в стихотворении «Слово»:

---

[8] Приводимые ниже положения основываются преимущественно на книге «Историческая поэтика» [Гринцер 1994].

[9] Ср. замечание Б. А. Успенского [Успенский 1994, с. 306] о том, что в самом мифологическом тексте метафора как таковая не осознается и, следовательно, невозможна.

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города. (...)

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог
И в Евангельи от Иоанна
Сказано, что слово это Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Прямым наследником «языка богов» становится «язык поэтов». «Сказители» отделились от «шаманов» и «мудрецов» — владельцев «языка богов» в поздний архаический период.

Однако следы этой связи сохраняются и по сей день. Поэт часто воспринимается «больше, чем поэт». Ожидание великого поэта сродни ожиданию пророка, Миссии. Ср.:

(1) На вопрос корреспондентки: «Что внушает надежду?» Л. Васильева ответила: «Думаю, что родился или скоро родится великий поэт (...) Его пора настает, и новый великий поэт так же осознает и выразит свое время, как Пушкин или Есенин» [*АиФ*, № *10*, *1997*].

(2) Каждая ситуация эона (новой эпохи. *Н. Б.*) ознаменована пророчеством. Такие пророчества принимают форму поэтических произведений. Примерно за сорок лет до наступления первого тысячелетия Вергилий писал в своей знаменитой четвертой эклоге: «Круг последний настал» (*В. Микушевич. Ситуация эона. 1996*).

Рассмотренная выше модель смены культурных коннотаций функционировала в архаический период, а именно:

- существовал сакральный язык;
- круг людей, использовавших его, был ограничен;
- сакральный язык употреблялся в строго определенных ситуациях;
- профанный период начался с изменения функции: магическое слово стало выполнять эстетическую функцию.

Религиозный дискурс. Примером культурной коннотированности служит церковнославянский язык.

Б. А. Успенский пишет: «Церковнославянский язык понимался на Руси не просто как одна из возможных систем передачи информации, но прежде всего как система символического представления православного вероисповедания, т. е. как Икона Православия» [Успенский 1994, т. 1, с. 340].

Следование языковому канону оценивалось как правильное поведение, а отход от него — как отход от веры. Разделение на «своих» и «чужих» осуществлялось четко и последовательно: христианин — еретик.

На использование некоторых фразеологизмов были наложены ограничения: словосочетание *солнце праведное* (*sol justiae*) употреблялось только по отношению к Богу и не могло относиться к человеку; Протопоп Аввакум протестовал против использования сакральных эпитетов по отношению к царю, например, считал недопустимым, чтобы царей называли *святыми* (*святой государь царь*).

В древнерусских епитимейниках неоднократно встречается правило, запрещающее говорить *дождь идет*, за это полагалось сто поклонов, так как считалось, что при его произнесении происходит оживление языческих верований.

В данном случае речь идет о запрете на употребление культурно маркированных языковых единиц в неадекватной ситуации, а также о запрете на употребление фразеологизмов, содержащих элементы «другой веры».

Литературный дискурс. В разные периоды отдельные слова, фразеологизмы становились символами определенного литературного направления и, более важно, символами веры, т. е. подвергаются сакрализации. Достаточно показателен в этом отношении пример с литературным течением «символизм», ср. свидетельство Л. Я. Гинзбург:

> «В речи символистической интеллигенции с большой буквы писались и серьезно произносились слова *Бездна*, *Вечность*, *Искупление*. Это были слова с положительным знаком, выражавшие несомненные идеологические ценности. В речи народнической интеллигенции так же ценностно звучали слова: *личность*, *лучшие порывы*, *на страже общественных интересов*, *Высшие женские курсы*... Обе культуры кончились. ⟨...⟩ Но в то же время символистическая речь неудержимо быстро спускалась к обывателю. ⟨...⟩ Слова, пустые, как упраздненные ассигнации, слова, не оправданные больше ни творческими усилиями, ни страданиями, ни социальными потрясениями, в свое время положившими основания их ценности. В обывательском высоком слоге, подобранном по признаку красивых слов, безразлично смешивается терминология разных культур и противоречивых идеологических систем» [Гинзбург 1987, с. 242—243].

Первый этап охарактеризован как выражающий несомненные идеологические ценности. Отмечается ограниченный круг людей, использующих сакрализованный язык — «символистическая интеллигенция» в первом случае, и народническая интеллигенция — во втором. Оба

противопоставлены обывателю (оппозиция «свой» — «чужой»). Затем в языке обывателя происходит смешение стилей, что означает окончание ценностного и наступление профанного периода.

Например, словосочетание *лучшие порывы*, имевшее ценностные коннотации в речи народнической интеллигенции, может употребляться иронически: *...самые лучшие порывы пришлись не к концу речи...* (*А. И. Солженицын. Апрель Семнадцатого*); *Да и сам клиент ищет в себе лучшие порывы и примеряет к ним выражение лица* (*радио Свобода. Циклы: Новые письма русского путешественника*).

Смена культурных коннотаций рассматривается как диалогическая реакция на культурные установки предшествующего периода.

Идеологический дискурс. В России после революции 1917 г. в процессе возникновения новой идеологии произошла сакрализация некоторых слов и фразеологизмов. Например, относительно словосочетания *классовая борьба* один из революционных лидеров (Карл Радек) заметил, что этот фразеологизм еще надо уметь употреблять, имея в виду, что не каждому можно позволить это делать [Жак Деррида 1993, с. 89]. Подобным образом он высказался о статье, посвященной Гёте и написанной В. Беньямином. Был сформулирован запрет на употребление фразеологизма в неадекватной ситуации (статья о Гёте) и «чужим» (западным философом).

Систему запретов на употребление единиц языка, непосредственно содержащих элементы «другой веры», можно проиллюстрировать на примере толковых словарей, написанных в советское время. В них при редактировании частично купировались фразеологизмы, содержащие слова *Бог* и *черт*. Не разрешалось также с прописной буквы писать слово *Бог*.

В иронический период идеологическая модель разрушается и происходит обыгрывание клише.

Ироническое обыгрывание ценностных клише можно проследить в романе В. Набокова «Дар». В нем каноническая личность 60-х гг. XIX века Н. Г. Чернышевский описывается иронически. Вновь созданную идеологию В. Набоков уподобляет «новой вере», которая возникает путем частичной трансформации смысловых компонентов, относящихся к прежней вере, ср.:

> *Проследим* и другую тему **«ангельской ясности»**. Она в дальнейшем развивается так: Христос умер за человечество, ибо любил человечество, которое я тоже люблю, за которое умру тоже. **«Будь вторым Спасителем»**, советует ему лучший друг, и как он вспыхивает, робкий! слабый! (почти гоголевский восклицательный знак мелькает в его «студентском» дневнике). Но **«Святой Дух»** надобно

заменить «Здравым Смыслом». (...) Биографы размечают евангельскими вехами его тернистый путь (известно, что чем левее комментатор, тем питает бóльшую слабость к выражениям вроде «Голгофа революции» (*В. Набоков. Дар*).

Новая вера создается путем введения и подмены ценностных сочетаний: *Святой Дух* замещается на? *Здравый Смысл* (с большой буквы!), *Голгофа* — на *Голгофу революции* (метафора). Н. Г. Чернышевского призывают быть *вторым Спасителем*. Так В. Набоков обозначает тему *ангельской ясности* (ср. также *ленинская простота*).

Демифологизация личности Н. Г. Чернышевского достигается также с помощью столкновения в пределах одной фразы клише (*стержень добродетели, скованный великан*) и живой разговорной речи, ср.:

(1) (он) вообще прославился неумением что-либо делать своими руками (при этом постоянно **лез помогать ближнему: «да не суйтесь вы не в свое дело, стержень добродетели»**, грубовато говаривали ссыльные) (*В. Набоков. Дар*).

(2) И вовсе уж пагубными для него были попытки его освободить, попытки сами по себе смелые, но кажущиеся бессмысленными нам, видящим с изволока времени разность между образом **«скованного великана»** и тем настоящим Чернышевским, которого только **бесили старания спасителей** (*В. Набоков. Дар*).

Таким образом, циклическая смена культурных коннотаций: от ценностного к профанному, от профанного к ироническому, от иронического к историческому — происходит внутри разных типов дискурса. Порядок смены культурных коннотаций может рассматриваться как диалогическая реакция на культурные установки предшествующего периода. Диалог между языком и культурой осуществляется, таким образом, посредством культурных коннотаций, закрепленных за устойчивым контекстным употреблением лексических единиц.

§ 3. Словосочетание *русский язык*: ценностные коннотации

В предыдущем параграфе был рассмотрен порядок смены коннотаций внутри разных типов дискурса. В данном параграфе будет проанализирован коннотативный фон концепта *русский язык*, который внутри разных идеологических систем интерпретировался как: ‘великий и могучий язык’; ‘язык культуры, революционных идей’; ‘язык, на котором говорит значительная часть населения земного шара’. Разные интерпретации *русского языка* находились в определенном согласова-

нии с той языковой политикой, которую проводило Российское государство.

***Русский язык* как ценность. Формирование коннотативного фона.** В оформлении коннотативного фона русского языка я бы хотела выделить четыре периода.

Первый — формирование коннотативного фона церковнославянского языка в XI—XVII веках. На его оформление оказали влияние монахи, составлявшие бóльшую часть грамотных людей на Руси. В этот период было сформировано представление о языке как о высочайшей ценности. В характере и способах интерпретации *русского литературного языка* сохраняется определенная преемственность с теми ценностными представлениями, которые сложились по отношению к *церковно-славянскому языку*.

Второй — создание коннотативного фона русского литературного языка в XVIII—XIX веках: в эпоху классицизма, романтизма и (в меньшей степени) реализма.

Третий — образование коннотативного фона русского литературного языка после Октябрьской революции 1917 г. под влиянием революционной и (позже) тоталитарной идеологии.

Четвертый — конструирование коннотативного фона русского литературного языка в период Второй мировой войны и после ее окончания. После 1945 г. русский язык начинает использоваться как инструмент языковой политики, выражающий идеологию сверхдержавы.

Для всех периодов характерно представление о языке как о ценности. Ценность языка поддерживается авторитетными именами, наделенными этиологической функцией и выступающими в качестве поручителей.

> Рассматривая концепцию, выражаемую в слове «auctor», С. С. Аверинцев отмечает ее близость этиологическому мифу. Он отмечает также, что установка на санкционирующую «авторитетную» инициативу по образцу этиологического мифа существует и по сей день на уровне сложных идеологем, дававших и дающих «этиологическую» функцию «великим людям» национальной политической и культурной истории [Аверинцев 1996, с. 81—82].

Для *первого периода* ключевыми являются имена *Кирилла* и *Мефодия*. Например, старообрядцы считали церковнославянский язык святым, поскольку его создатели, Кирилл и Мефодий, почитались как святые люди. Необычайно значимый в Древней Руси греческий язык, с которого переводились священные книги, признавался языком более грешным, чем церковнославянский: греческий язык исконно принадлежал язычникам, а не был создан, как церковнославянский, святыми людьми [Успенский 1994, т. 1, с. 333—367].

В отношении второго периода можно выделить некоторую совокупность имен, легитимирующих ценность русского языка: *Русский язык — это язык Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского.* Общее клише: *Русский язык — это язык великой русской литературы.*

Третий период характеризуется связью концепта *русский язык* с именем *В. И. Ленина*, ср.:

> Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин (*В. Маяковский. Нашему юношеству*).

Несколько в иной форме эта связь выражается в программных лингвистических статьях, например, в статье *Русский* язык, написанной Ф. П. Филиным для энциклопедии «Русский язык», ср.:

> Огромное влияние на лит.[тературный] язык ⟨...⟩ оказал и оказывает язык сочинений В. И. Ленина, поскольку ленинизм лежит в основе всей нашей общественной жизни... (*Ф. П. Филин. «Русский язык». 1979*).

Четвертому периоду свойственна связь концепта *русский язык* с именами поэтов и писателей *великой русской литературы: А. С. Пушкина*, прежде всего, и *В. И. Ленина*. Как известно, временные границы современного русского литературного языка охватывают период от Пушкина до наших дней. Фраза *Пушкин — это наше всё* — стала крылатой, хотя, как отмечает Ю. М. Лотман, в процессе литературного развития актуальность А. С. Пушкина то возрастала, то падала. Он определил это как вид культурного забывания и припоминания, ср.:

> «Синусоидный характер (например, падение актуальности Пушкина для русского читателя в 1840—1860-е гг., рост ее в 1880—1900-е, падение в 1910—1920-е и рост в 1930-е и последующие годы, смена "сбрасывания с корабля современности" и "возведения на пьедестал") — наиболее простой вид культурного "забывания" и "припоминания"» [Лотман 1992, с. 201].

Таким образом, ценностные коннотации в течение нескольких веков характеризовали словосочетание *русский язык*. Ценностными коннотациями был также отмечен *церковнославянский язык*.

Коннотативный фон церковнославянского языка. Язык письменности на Руси появился одновременно с принятием христианства, и первые книги были книгами Священного Писания. Это в значительной мере повлияло на восприятие церковнославянского языка как сакрального языка[10].

---

[10] Здесь и далее приводятся данные по работе Б. А. Успенского [Успен-

Отношение к языку складывалось аналогично отношению к религии. Ошибки, описки в тексте могли рассматриваться как грех, ср. этимологически слово *погрешность* (ошибка) восходит к *греху*[11]. За слово боролись, как за веру. Особенно ясно это видно в борьбе старообрядцев против реформы патриарха Никона (1653). «Порчу книг» — введение нового написания — старообрядцы понимали как ересь. В XV—XVII веках церковнославянский язык выступает как высшая ценность.

Коннотативный фон концепта *русский литературный язык* (XVIII—XIX вв.). *Русский литературный язык* в основном сохраняет коннотативный фон *церковнославянского языка*: язык мыслится и интерпретируется как высокая ценность. Главными «разработчиками» концепции русского языка в XVIII—XIX веках являются писатели, филологи, поэты. Полемики вокруг русского языка почти сразу приобретают патриотическую окраску: *язык важен для патриота...* [Карамзин 1820, 138][12]. Во многом это было обусловлено развитием русской государственности, литературы и романтического дискурса, который актуализировал идеи национальной идентичности, а следовательно, вопросы национального языка.

Концепция *русского языка* строится как развернутая метафора государства. Его роль отождествляется с ролью символа государства — государственного флага. Язык выступает как символический представитель государства, народа, нации. Общие коннотации русского языка: 'богатство', 'величие', 'красота', 'сила', 'природное изобилие'. Формируются аналогии: 'величие государства — величие языка'; 'величие народа, нации — величие языка', 'слава оружия — слава языка'.

Приведу примеры.

ский 1994, т. 1, с. 333—367]. См. также выше: § 2. *Язык <=> Культура. Порядок смены коннотаций*, подраздел: *Религиозный дискурс*.

[11] Б. А. Успенский пишет: «Не только содержание, но и языковая форма может быть признана еретической, соответственно, не только конкретный текст, имеющий какой-то определенный смысл, но и язык как способ выражения разнообразных смыслов может восприниматься как ересь». И далее: «Замечательно, что подобное отношение к ошибкам устной или письменной речи совершенно не характерно для католического Запада: невольная ошибка там не связывается с искажением содержания и, следовательно, не рассматривается как грех (между тем в России слово *погрешность*, произведенное от *грех*, собственно, и означает ошибку)» [Успенский 1994, т. 1, с. 339].

[12] Связь доктрины Отечества с родным языком подробно разбирается в книге И. И. Сандомирской [Сандомирская 2001].

(1) Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает [Ломоносов 1748, изд. 1952, с. 92].

(2) Победы, завоевания и величие государственное, возвысив дух народа российского, имели счастливое действие и на самый язык (...) Будущая судьба его зависит от государства [Карамзин 1818, с. 105].

(3) Во все времена и почти у всех народов слава языка следовала за славою оружия, гремя и возрастая вместе с нею [Глинка 1816, изд. 1951, с. 322].

(4) Мы сами не признаем силы и влияния языка, а между тем язык... решительно занимает третье место, как знамя, у которого тесно толпятся все народные силы! [Гончаров 1870, изд. 1938, с. 363—364].

(5) Рассматривая народ как существо духовного порядка, мы можем назвать язык, на котором он говорит, его душой, и тогда история этого языка будет значительнее, чем даже история политических изменений этого народа, с которыми, однако же, история его языка тесно связана [Кюхельбекер 1821, изд. 1954, с. 367].

(6) Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу! [Тургенев 1882, изд. 1930—1934, с. 333].

Язык определяется также как 'дающий народу бессмертие': *Язык доставляет бессмертие времени и народу* [Бестужев 1821, с. 217] как 'нравственная основа народа': *Язык хранит народ от развращения* [Кюхельбекер 1821, изд. 1954, с. 366].

Таким образом, если для первого периода характерно понимание церковнославянского языка как символического представителя православия, то во второй период язык стал мыслиться как символический представитель Российского государства. В первый период ошибки или изменения в написании слов могли рассматриваться как отход от веры, во второй — использование заимствованных слов, неправильное употребление слов определялось как отсутствие или недостаток патриотизма. Русский язык продолжает мыслиться как ценностная категория, приобретая коннотации 'национального богатства', 'выразителя нации, национального духа'.

В связи с тем, что русский язык мыслится как 'выразитель нации, национального духа', хотелось бы отметить следующее. Вероятной причиной борьбы сталинского режима с писателями и поэтами, а также с филологами, лингвистами, славистами как с политической оппозицией (я имею в виду судьбы репрессированных О. Э. Ман-

дельштама, И. Э. Бабеля, Б. А. Пильняка, Н. А. Клюева, Д. И. Хармса, Е. Д. Поливанова и многих других) было то, что русский язык символически представлял государство, а следовательно, власть. Борьба с теми, кто владеет словом, изучает слово или же сам по себе *есть средство существования языка*[13] может рассматриваться в контексте борьбы за власть, за полноту обладания ею. В этой связи кажется неслучайным, что власть обратила свое особое внимание именно на науку о языке: см. работу И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», опубликованную 20 июня 1950 г.

Коннотативный фон концепта *русский литературный язык* в Советском Союзе. При построении концепции *русского языка* в Советском Союзе был использован коннотативный фон концепта *русский язык*, выработанный XIX веком. Основными разработчиками официальной концепции были политики, идеологи, а также филологи и лингвисты[14]. Часть коннотаций претерпела изменения, общий подход к языку как к ценности, национальному богатству, объекту патриотических чувств сохранился.

'Богатство и могущество' русского языка выступает как 'богатый культурно-исторический опыт'. Акцент на историчности позволяет рассматривать русский язык как продукт революционной истории, ср.:

(1) Русский язык — это (...) язык, на котором обобщен исторический опыт борьбы человечества за свое счастье и озарена дорога в грядущее, язык, на котором созданы бесценные творения научной и художественной мысли, язык открывателей Вселенной и первопроходцев новой жизни [Рашидов 1976, с. 6].

(2) Путь к овладению знаниями и опытом прогрессивного человечества лежит через освоение русского языка, одного из самых богатых международных языков [Филин 1976, с. 54].

(3) В этот период усиливается роль русского языка как языка межнационального общения народов СССР, который щедро помогает также в обогащении и развитии всех национальных языков. Повышается культура всех языков социалистических наций [Белодед 1972, изд. 1981, с. 126].

Русский язык как выразитель 'души народа, народного духа' трансформируется в выразителя 'духовного единства *советского народа*', ср.:

---

[13] Поэт (...) есть средство существования языка (Бродский И. А. Нобелевская лекция. 1987).

[14] Указывая на профессиональные группы здесь (и выше), я имею в виду некоторый класс людей, который оказывался влиятельным в отношении политической концепции русского языка, а не вообще *всех лингвистов, всех филологов, всех писателей* и т. д.

> ...в возникновении советского народа, укреплении его единства выдающуюся роль сыграл и играет русский язык, являющийся мощным и действенным фактором духовной коммуникации людей, социальных групп и классов, народов и национальностей [Рашидов 1976, с. 14].

К новым коннотациям, возникшим в советское время, относится представление о русском языке как о выразителе 'революционной мысли, идей прогресса'.

В советское время коннотативный фон концепта *русский язык* подвергается дальнейшей политизации. Русский язык сохраняет свою роль символического представителя государства, в данном случае *Советского государства*. Он интерпретируется таким образом, чтобы служить средством для выражения советской идеологии.

В описании роли русского языка в межнациональном общении ключевым становится глагол *приобщить* («малые народы» *к прогрессу, культуре, идеологии* и т. д.), ср.:

> ...его [русского языка. *Н. Б.*] функция, наряду с функциями всех литературных языков народов страны в приобщении [разрядка моя. *Н. Б.*] всех народов СССР к достижениям мировой науки, культуры и искусства, к языковым ценностям языков мира [Белодед 1972, изд. 1981, с. 130—131].

По своему внутреннему образу *при-общение* предполагает включение во что-то общее: *чужое* становится *своим*, *далекое* — *близким*. *При-общают* к тому, что считается *ценным*.

> Толковый словарь под ред. Д. Н. Ушакова выделяет три значения у глагола *приобщить* [Ушаков 1939, т. 3, с. 831]. Третье значение синонимично глаголу *причастить*: 'Дать причастие кому-н., совершить над кем-н. обряд причастия' [Ушаков 1939, т. 3, с. 877].

Вне ценностной ориентации слово *приобщать* функционирует плохо. Например, можно сказать: *Его пристрастили* (а не *приобщили*) *к сигаретам / к наркотикам*; но *Он приобщился к высокому искусству, к духовным ценностям*. Глагол *приобщать* референциально связан с '*высоким*'. '*Высокое*' выступает как абсолют и не подлежит обсуждению. Оно осуществляется в разных формах: *воспитания, блага, прогресса, идеологии*...

Как и в XVIII—XIX веках, *русский язык* тесно соотносится с концепцией государства. *Приобщение к русскому языку* тех, для кого он не являлся родным, предполагает создание единого геополитического пространства на основе формирования единого языкового коллектива. *Строительство социалистического государства*, формирование *об-*

щества зрелого социализма велось путем *при-общения* разных национальностей, включая самих русских (ликвидация безграмотности), к русскому языку «*Новая общность — советский народ*» — это общность людей, владеющих русским языком как родным, как вторым родным, а также приобщенных к русскому языку:

Таким образом, анализ коннотаций показывает, что в разные исторические периоды коннотативное поле конструкта *русский язык* принципиально не менялось. Концепция *русского языка* была тесно связана с концепцией государства. В основании культурных коннотаций лежит представление о ценности языка. В современном словоупотреблении *русский язык* в значительной мере сохраняет ценностные коннотации.

Глава вторая

Социокультурные модели в языке

§ 1. Клише, общее место, китч, стереотип

Понятие масскультуры относится к XX веку Обсуждаемые здесь *стереотип, клише, общее место, китч* также оформили свои вторичные значения в XX веке. К их общим свойствам можно отнести следующие:

- они регулярно повторяются в дискурсе;
- принимаются на веру и не нуждаются в доказательствах (неуместно предъявлять к ним вопросы: *Почему Р? Что значит X — это Р?*);
- не содержат ничего нового;
- являются результатом семантической редукции, при этом социальная функция у них вытесняет семантику;
- кореферентно связаны с воображаемым, а не с реальным;
- реализуются в языковых формах, в частности, во фразеологии;
- необычайно распространены;
- являются социокультурными моделями, обслуживающими масскультуру.

Стереотип, клише обсуждаются социологами, психологами, лингвистами. *Общие места, китч* — литературоведами и искусствоведами.

В противостоянии уникального, индивидуального общедоступному и массовому рассматриваемые единицы занимают вторую позицию. Идея *уникальности* поддерживает представление о культуре как о *ценности* (*власти ценности*). Идея массовости, общедоступности поддерживает представление о культуре как о *функции* (*власти функции*).

> В языке, представляющем собой грандиозное хранилище гуманитарных идей, *уникальный* имеет положительные коннотации: *уникальная личность, возможность... уникальный человек, случай... уникальное событие...* Семантически *уникальный* связан с *непов-*

торимым, единственным в своем роде, которые также имеют положительные коннотации.

Наиболее чувствительными по отношению к *уникальности* оказываются вещи, возникновение которых является результатом *творческого процесса* (ценностного и уникального) и которые имеют эстетическое влияние на человека: произведения искусства, литературы. Относительная уникальность вещи[1] поддерживается такими понятиями как *авторская работа, штучное изготовление*, а также *элитарная культура, элитарная литература, элитарное кино, кино не для всех, интеллектуальное кино* и т. д.

В отличие от масскультуры, элитарная культура не может быть воспринята всеми и предполагает относительную уникальность восприятия. Люди, обладающие этим типом восприятия, относятся к кругу *высоких ценителей*.

Таким образом, культура сохраняет и, я бы сказала, охраняет область ценностного, высокого, хотя процесс массового тиражирования, связанный с научным и техническим развитием, оказывает определенное воздействие на понятия уникального, неповторимого, индивидуального в культуре[2].

Культура, тиражируя себя, начинает «заботиться о самой себе» (если использовать выражение Хайдеггера) и, создавая массового потребителя, расширять поле своего влияния. Масскультура формирует идеи общедоступного, лишенного уникальности, воспроизводимого, узнаваемого и в конечном счете демократичного. Она тиражирует идеи. Растиражированные идеи имеют прямое отношение к рассматриваемым здесь единицам. И *стереотип*, и *клише* имеют отношение к технологическому процессу печатания книг.

Собственно сам печатный станок и его компоненты — *стереотип, клише* — оказались включены в ситуацию, знаковыми моментами которой являлись замена: человека на машину (менее экономичного труда на более экономичный); авторского, индивидуального труда на неиндивидуальный, деперсонализованный труд; единичных, штучных, по-своему уникальных экземпляров на массовый тираж. Книга перестает быть уникальной вещью, «авторской работой» и становится мас-

---

[1] Под относительной уникальностью вещи понимается вещь, которая адресована не всем, не рассчитана на массового потребителя. Это могут быть дизайнерские работы, дома, построенные по индивидуальным проектам и т. д.

[2] Например, успехи науки в области клонирования могут вести к определенной трансформации гуманитарной идеи об уникальности и неповторимости человека.

совым продуктом, имеющим (точнее, создающим) массового потребителя. Экономическая выгода достигается ценой потери авторства и уникальности вещи. Этот процесс необратим, так как в его основе лежит экономия времени, усилий, денег. Механическое тиражирование (воспроизводство) вещи делает ее общедоступной, расширяет сферу ее влияния и воздействия, при этом ее девальвирует, лишая уникальности.

Стереотип. О стереотипах написано много работ, включающих также обзоры проблематики (см., например, [Демьянков 1996; Николаева 2000, с. 147—155; Прохоров 1997; Oakes, Haslam, Turner 1994; Fleischer 1996]). Данный параграф не предполагает детального анализа исследований, посвященных стереотипам. Я бы хотела здесь сфокусировать внимание на основных линиях концептуализации стереотипа. Меня будут интересовать два аспекта: социальные стереотипы и отношение к стереотипам, которое сложилось в русле исследований, посвященных исторической памяти и связывающих стереотип с традицией.

Социальные стереотипы соотносятся с идеологическим конструированием модели «Другого», которое позволяет и оправдывает доминирование «Я» над «Другим». В русле этих идей философы, социологи и лингвисты анализируют стереотипы пола, возраста, национальные и расовые стереотипы. В толковании социального стереотипа и его основных свойств, как правило, содержится негативная оценка, которая возникла еще в первых его употреблениях.

> Французское слово *stéréotype* восходит к греческим словам *stereos* и *typos* — впечатление, латинское *typus* — *образ*. *Стереотип* обозначал 'металлическую печатную форму, копию с типографского набора'. Как у *клише* (см. ниже), первое значение имеет отношение к технологическому процессу печатания книг.
>
> Липпман (Lippman 1922)[1], первый употребивший слово *стереотип* применительно к социуму и социальным отношениям, основными свойствами *стереотипа* называет: 'закрепленный (неподвижный), сверхупрощенный и избирательный' (что неизбежно при упрощении).
>
> Кац и Брейли (Katz, Braly 1933), исследовавшие содержательные компоненты разных *стереотипов*, характеризуют *стереотип* как 'неоправданный, противоречивый вымысел'.
>
> В книге Адорно (Adorno et al. 1950), посвященной авторитарному / неавторитарному типу личности, *стереотип* определяется как 'ложные (неверные) измышления патологической личности'.

[1] Здесь и далее использованы материалы из книги [Oakes, Haslam, Turner 1994].

Аллпорт (Allport 1954) полагает, что возникновение *стереотипа* 'основывается на логическом процессе категоризации; сама логичность находится при этом в зависимости от характера (от типа) личности'.

В исследовании Шерифа (Sherif 1967), анализировавшего последствия изменения социальных отношений, *стереотип* рассматривается как 'следствие отношений, которые складываются между различными группами'.

В работе Тайфел (Taifel 1969), посвященной анализу процесса выделения, *стереотип* интерпретируется как 'результат логической категоризации, общей для всех'. Позже Тайфел (Taifel 1981), исследовавший участие групп и оценок (ценности) в процессе стереотипизации, определяет *стереотип* как 'продукт, который был сформирован участниками групп, а также собственно отношениями между группами и соответственно разделяемый этими группами'.

В исследовании, посвященном идентификации разного рода когнитивных предубеждений *стереотип* рассматривается как 'результат общих и необходимых когнитивных процессов, которые случайно приводят к ошибке' (Hamilton 1981).

Агрессивные формы существования *стереотипов* были подробно проанализированы в работе Бааба [Bhabba 1994] в рамках критического анализа колониального дискурса.

Стереотип рассматривается им как разновидность общего знания, которое, чтобы продолжать существовать (оправдывать факт своего существования), должно постоянно утверждаться (воспроизводиться в дискурсе): «*...стереотип*, главной дискурсивной стратегией которого является такая форма знания и идентификации, которая колеблется между тем, что всегда уместно (на месте), уже известно и чем-то, что должно обязательно быть повторено... двуличность, как бы являющаяся неотъемлемой характеристикой азиатов, или сексуальность африканцев, близкая к звериной, нуждаются в доказательствах, но на самом деле никогда не будут доказаны в дискурсе» [Bhabba 1994, p. 66].

По своей природе *стереотип* — это вымышленное, бездоказательное знание, разновидность фантазма, реализующего отношения между «Я» и «Воображаемым» (Imaginary). Условием его существования являются: регулярная воспроизводимость в дискурсе, которая как бы отменяет необходимость доказывать стереотипные представления; наличие непрерывной и повторяющейся цепочки других *стереотипов*; а также, в целом, сформированная система представлений, аналогичная реализму [Bhabha 1994, p. 71].

О *стереотипе* «Ориентализма» (буквально: «восточности») как о форме радикального реализма пишет Э. Сейд: «С философской точ-

> ки зрения тип языка, мыслей, вЕдения, который я назвал Ориентализмом, в наиболее общем виде является формой радикального реализма. (Нужно постоянно утверждать соотнесенность с реальностью тех идей, предметов, свойств, которые считаются Восточными.) С психологической точки зрения, Ориентализм — это вид паранойи, знание совершенно другого порядка (типа), отличающееся, скажем, от обычного исторического знания». [Said 1978, p. 72].

Согласившись в целом с тем, что *стереотип* по существу создает поле агрессии, я все же отмечу, что колониальный, расистский, националистический типы дискурса представляют собой область, в которой его агрессивность приобретает экстремальное выражение. Рассматривая расистские, националистические *стереотипы*, мы анализируем чистую реализацию властной функции стереотипа. Это отличает их, например, от литературных *стереотипов*, речевых *стереотипов*.

> Рассматривая речевые стереотипы как фрагмент чужой речи, Т. М. Николаева ставит вопрос о том, что заставляет людей вводить их в свою речь. В работе определяется сходство между употреблением речевых стереотипов, с одной стороны, и средств просодического подчеркивания — с другой. Выделяются следующие общие черты: 1) необязательность употребления; 2) возможность их существования только на фоне синтагматически нейтрального «остатка»; 3) они должны быть адекватно восприняты теми, к кому они адресованы; 4) они должны сообщать дополнительный смысл высказыванию; 5) для их функционирования должен существовать некий обязательный для социума-адресата общий фонд знаний. Делается вывод о том, что оба эти явления — в широком смысле суперсегментны и служат увеличению сообщаемой информации в единицу времени [Николаева 2000, с. 149 55].

В работах, посвященных исторической памяти, *стереотип* (*повторение*) рассматривается как инстинкт коллективной памяти [Bartlett 1932; Sheldrake 1988], который действует через поколения как генетическая наследственность. Здесь представление о *стереотипе* сближается с теорией эволюции Ч. Дарвина. Так рассматривал *стереотип* английский эссеист конца XIX столетия Самюэль Батлер.

Впоследствии это было продолжено в работах английского ботаника Руперта Шелдрейка. Эти идеи также близки физиологической теории «мнем», созданной Рихардом Земоном, согласно которой органическая жизнь («живое»), в отличие от неорганической («мертвое»), обладает историей. Она реагирует не только на настоящие, но также зависит от предшествующих воздействий на организм. Каждый стимул оставляет некий физиологический след, «энграмму», отчасти оп-

ределяющую то, как организм станет в будущем реагировать на сходные стимулы [Semon 1904][4].

Идеи генетической наследственности, помещенные в поле исследований социологов, придали *стереотипу* историчность. Социологи Ариес и Хальбвакс рассматривают *стереотип* как характерный признак традиции [Ариес 1992; 1999; Halbwaches 1950][5].

Клише. Слово *клише*, являющееся интернациональным, возникло во французском языке с появлением печатного станка, что само по себе было знаменательным событием: вступление в новую информационную эру.

> Первоначально *клише* обозначало 'печатную форму с рельефным рисунком, с помощью которой иллюстрации могли воспроизводиться относительно легко, быстро и, следовательно, экономично'. Это значение сохранилось, и его отмечают современные толковые словари.
>
> Слово *cliché* образовано от причастия прошедшего времени от глагола *clicher*. Сам глагол *clicher* имитирует звук, возникающий при падении формы на расплавленный металл в процессе изготовления *стереотипа*, т. е. металлическую печатную форму (см. выше) [American Heritage 1992, p. 356].

В одной из наиболее авторитетных монографий, посвященных *клише*, оно определяется следующим образом:

> *Клише* является традиционной формой человеческого выражения, реализуемого в словах, мыслях, эмоциях, жестах, поступках. *Клише* регулярно воспроизводятся в социальной жизни, и в силу этого они утрачивают свою оригинальную остроумную эвристическую силу. Хотя в результате этой утраты они и перестают выражать определенный смысл / иметь определенное значение в социальном взаимодействии и коммуникации, они продолжают быть востребованными в социуме, так как оказывают стимулирующее воздействие на поведение (понимание, эмоции, желания, поступки) человека. Социологическая сущность *клише* заключается в том, что начальное / исходное значение вытесняется социальными функциями. Это вытеснение происходит из-за регулярного воспроизведения *клише* и усиливается тем, что клише как бы избегает отражать значение [Zijderveld 1979, p. 10].

Ключевым утверждением А. Зийдервельда является то, что в клише социальная функция вытесняет семантику. Это также определило на-

---

[4] Об этом см. также: [Кассирер 2002, т. 3].

[5] Об этом см. также: [Хаттон 2003].

звание его книги: «О клише: замещение смысла функцией в современности» (*On Cliches*: *The Supersedure of Meaning by Function in Modernity*).

Клише обладает набором свойств. Оно относительно регулярно повторяется (воспроизводится) в текстах, в структуре ситуации, в моделях поведения, в жизненных практиках. Таким образом, клише объединяет как вербальные, так и невербальные формы деятельности.

Клише является единицей, готовой к употреблению, к встраиванию в различные типы текстов, и, следовательно, обычно используется носителями языка безотчетно и машинально. Полное отсутствие новизны и оригинальности компенсируется экономичностью (интеллектуальные затраты на воспроизводство клише минимальны) и общедоступностью[6]. *Клише* не возбуждает мысль, но рождает быстрое узнавание и понимание, и искусство ведения диалога часто строится на умении правильно отбирать (с учетом ситуации, темы разговора и адресата) и использовать *клише*. Владение языком предполагает свободное владение *клише*. Поэтому при изучении иностранного языка важной задачей является овладение *клише*, умение их понимать в речи / текстах других и правильно использовать в своей речи / своих текстах.

Клише идентифицирует говорящего / пишущего. Если в «Пигмалионе» доктор Хиггинс мог по произношению человека определить район Лондона, в котором тот родился и вырос, то по набору употребляемых клише филолог или человек, внимательно относящийся к слову, может понять языковые и культурные пристрастия говорящего / пишущего, которые часто (если не проводится дополнительной работы с языком) безотчетно для него проявляются в создаваемых им текстах. Используя те или иные клише, говорящий / пишущий как бы проговаривается о самом себе.

Клише используется в лозунгах и в рекламе. Ю. И. Левин, исследуя семиотику лозунгов, определяет его следующим образом:

> «Под *клише* мы понимаем здесь стандартную форму — "высказывательную рамку" с незаполненными позициями (переменными). Заполнение этих позиций конкретными значениями переменных из той или иной диктуемой типом рамки — "области

[6] О связи клише с цитацией, отсылающей к общеизвестному и общезначимому, и о прагматике разрушения клише см. статью М. А. Кронгауза [Кронгауз 1998].

определения" превращает клише в законченное высказывание. Такой подход позволяет описать устройство значительной части лозунгов, особенно здравиц и призывов» [Левин 1988, с. 73].

Лозунги, рекламы, вывески представляют собой кратчайшие, обращенные к максимально широкой аудитории тексты. Краткость и обращенность к широкой аудитории позволяют считать клише оптимальными единицами для подобного рода текстов.

Адресатом клише является массовый читатель, массовый слушатель. Декларативные заявления, предвыборные речи часто строятся и состоят из комбинации *клише*.

Обыгрывание клише стало одним из самых популярных приемов в современной поэзии: «...поэтика узнаваний также способна создавать новые эффекты, как и поэтика инноваций» [Гаспаров 1996, с. 108].

Таким образом, *клише*, первоначально связанное с машиной и с процессом тиражирования печатной продукции, расширяет свою семантику и начинает обозначать явления, регулярно воспроизводимые, содержащие некоторые конвенционально закрепленные смыслы, потерявшие свою новизну и оригинальность, но в силу своей экономичности и общедоступности эффективно функционирующие в языке, культуре, социальной жизни. Термином *клише* пользуются лингвисты, семиотики, философы, социологи. Оно продуцирует новые смыслы: *клишированное сознание*, *клишированные мысли*, *клишированные чувства*.

А. Зийдервельд [Zijderveld 1979] определяет современное общество как «клишегенное общество» (clichegenic society) (см. также: [Boym 1994, p. 14]). Это означает, что клише не просто вошло, адаптировалось в современной жизни, в современном социуме, но и соответствующим образом его структурировало.

Общее место. *Общее место* прошло долгую эволюцию, которую коротко можно определить так: положительная оценка поменялась на отрицательную. С *общим местом* связывались представления об общественной мудрости; оно определялось как риторический троп, знак высокого стиля, хорошего вкуса и хорошего образования. Позже *общее место* стало определяться с помощью прилагательных: *тривиальное*, *расхожее*, *ординарное*, *избитое*, *банальное*. Оно оказалось в одном синонимическом ряду со *стереотипом*, *клише*, *штампом*, *китчем*.

Понятие *общее место* (английское *common place*, латинское locus commknis, греческое *koinos topos*) относилось к известным цитатам, которые украшали античные здания. Прогулка по городу одновременно давала возможность тренировать память, запоминать мудрые изречения. Аристотель относит общие места к риторике, к

типу аргументации, к которому прибегает опытный оратор и политик. Вслед за античностью в период Ренессанса как важный элемент риторики рассматривает обучение высокому стилю. Общие места могли относиться к цитатам античной мудрости. Отчасти подобное отношение к общим местам можно найти в издаваемых в настоящее время книгах изречений типа «Умные слова», «Золотые россыпи» и т. д.

Вместе с тем в период романтизма понятие хорошего вкуса, которое связывалось с понятием «общего места», было заменено идеей гениального творчества. Романтическая эстетика создала оппозицию общественного и оригинального. «Общие места» стали рассматриваться как знак плохого вкуса [Boym 1994, p. 11—14].

Общее место, а также *клише*, *стереотип*, *штамп*, *китч* в ассертивной части понятия содержат 'общий смысл', 'общее знание', или *доксу*, по Ж. Делёзу, ср.:

«*Парадокс* противостоит *доксе*, причем обоим аспектам *доксы*, а именно — здравому смыслу [bon sens] и общезначимому смыслу [sens commun]» [Делёз 1998, с. 108].

Данные единицы имеют двойственный характер: с одной стороны, они интерпретируются с помощью слов, имеющих отрицательные коннотации: *избитый*, *банальный*, *тривиальный*, с другой — являются операциональными понятиями, эффективно функционирующими в языке, культуре, социуме.

Китч. М. Кундера достаточно четко определил характерные черты китча[7]: кич апеллирует к чувству; китч адресован массам; китч референтирует к основным образам, хранимым коллективной памятью сообщества; наконец, китч вызывает расслабленность, умиленность, он трогает сердце. В отношении последнего можно было бы сказать, что это — факультативный признак. Что касается остальных, то они являются структурообразующими элементами.

Там, где говорит сердце, разуму возражать не пристало. **В империи китча властвует диктатура сердца.** Чувство, которое порождает китч, должно быть, без сомнения, таким, чтобы его **могло разделить великое множество**. Китч поэтому не может строиться на необычной ситуации, он держится **на основных образах, запечатленных в людской памяти: неблагодарная дочь, заброшенный отец, дети, бегущие по газону, преданная родина, воспоминание о первой люб-**

[7] Подробно об этимологии слова *китч*, его национальных вариантах, дефинициях, даваемых критиками, а также о видах китча: демократический, коммерческий, тоталитарный см.: [Boym 1994; Бойм 1995].

ви. Китч вызывает две слезы растроганности, набегающие одна за другой. Первая слеза говорит: Как это прекрасно — дети, бегущие по газону! Вторая слеза говорит: как это прекрасно — умилиться вместе со всем человечеством при виде детей, бегущих по газону! Лишь эта вторая слеза делает китч китчем. Братство всех людей на земле можно будет основать только на китче [М. Кундера. Невыносимая легкость бытия].

§ 2. Первичные и вторичные стереотипы дискурса

Я бы хотела рассмотреть стереотип как оперативную модель, с помощью которой общество регулируется и контролируется. Стереотип может также рассматриваться как культурная категория, влияющая на формирование коллективной культурной идентичности[8]. Он может быть описан как: 1) коллективный, так как разделяется всеми членами социума, обеспечивая взаимопонимание между его членами; 2) нормативный, так как члены социума обычно рассматривают его как норму (или правило); 3) воспроизводимый, поскольку он регулярно воспроизводится в неизменяемой форме в вербальных или в невербальных текстах. Как правило, вербальные стереотипы составляют уровень фразеологии [Teliya, Bragina, Oparina, Sandomirskaya 1994; Брагина 1999б; Bragina 2000]. Степень их связанности соответствует фразеологизмам. Они формируются внутри разных типов дискурса и, как правило, связаны с ними отношениями культурной мотивации.

Я не буду рассматривать вопрос о том, каким образом стереотипы включены в невербальные тексты, такие как различные стратегии поведения, способы жизни и думания, влияющие на формирующие определенный тип культурного поведения, создающие стереотип *героя своего времени*. Эта проблема требует отдельного разговора.

Меня в первую очередь интересуют языковые стереотипы (языковые клише).

Языковые стереотипы могут быть представлены предложениями, абзацами, целыми текстами. Наибольший интерес, как кажется, пред-

---

[8] Стереотип можно отнести к категориям культуры, выражающим «дух современности». Это, по-видимому, одна из основных причин заметного интереса к стереотипу, проявляемого лингвистами, социологами, философами, психологами, см.: [Николаева 2000, с. 147 174]. Клишированные высказывания, стереотипы формируют речевое поведение, речевые портреты представителей различных социальных групп [Крысин 2003].

ставляют «малые формы»: устойчивые неметафорические словосочетания, или стереотипы дискурса (Teliya, Bragina, Oparina, Sandomirskaya 1994), такие как *пушкинский гений, братские чувства, материнская ласка.* Стереотипы дискурса культурно специфичны. Следует при этом оговориться, что культурная специфика не является синонимом национальной специфики. Очевидно, что разные культуры могут в разной степени совпадать, что в частности ведет к совпадению культурных коннотаций.

В основании устойчивости и повторяемости стереотипов дискурса лежит культурная связанность. Фактически они являются цитатами разных типов дискурса. Они лишены авторства. Они нормативны и обычны. Словари не описывают их культурную специфику, в отличие, например, от идиом или от «крылатых слов».

С одной стороны, они имеют все свойства стереотипа, хотя менее всего осознаются как таковые.

Они — языковая привычка, вечные замены идей. Они представляют собой ритуализованный язык, в них теряется функция сообщения. Они фиксируют установленный порядок во времени, отсутствие изменений в порядке. В определенном смысле слова можно говорить, что они фиксируют время, замедляя его ход. Соответственно устаревание стереотипов дискурса указывает, что в дискурсе произошли определенные изменения, что, в свою очередь, указывает на движение времени. И в этом смысле можно говорить об их историчности.

В явном виде историчность стереотипов дискурса проявляется, когда они фиксируют взгляд на историческую личность, на историческое событие: *наполеоновские планы, ленинский стиль руководства.* Соответственно их можно рассматривать как культурный код, как фрагменты коллективно воспроизводимой культурной и исторической интерпретации.

Можно различать первичные и вторичные стереотипы дискурса. Первичные стереотипы конструируются внутри культурной модели на основе реальных фактов. Они представляют собой результат культурной обработки реальных фактов, ситуаций и т. д. Первичный стереотип проявляется в мифологизации реальных лиц, например, политических деятелей, участников войны, поэтов, ученых и т. д.

Я буду описывать первичные стереотипы на материале мифологизации реальных лиц[9] и ритуализации способов эмоциональных выражений.

---

[9] Некоторые мифологизированные имена были рассмотрены в работе Д. Б. Гудкова [Гудков 1999]. Вслед за Ю. Н. Карауловым, введшим термин

Вторичные (или рефлексивные) стереотипы формируются внутри разных типов дискурса, а затем включаются в реальность. Если первичные стереотипы демонстрируют способ, которым реальность включается в культуру, вторичные стереотипы показывают, каким образом культура включена в язык, а затем в реальность. Рассмотрим примеры.

Первичные стереотипы. Имена лиц. Историческая фигура Наполеона в культурно-языковой модели конструируется как «Великий Завоеватель», «Победитель» и в этом конкретном значении она описывается языком. Мы говорим: *поза Наполеона*, *наполеоновские планы* (англ. *Napoleonic ambitions*, *Napoleonic syndrome*), и не существует таких устойчивых словосочетаний как *наполеоновские неудачи*, *наполеоновская катастрофа*, поскольку Наполеон как историческое лицо культурно обусловлен. (Ср. также: «*Мы все глядим в Наполеоны...*»). Он является канонической фигурой для романтического дискурса, под влиянием которого, собственно, и произошла мифологизация личности.

В советской идеологической модели Ленин описывается как «Мудрый, Добрый Учитель». Это подтверждается такими фразеологизмами как: *заветы Ленина*; *выполнять заветы Ленина*; *ленинский стиль руководства* (как канонический стиль руководства); *ленинская простота*; *учиться жить по-ленински*. Такие сочетания, как, например, *ленинская беспощадность*, *изворотливость Ленина* в рамках этой модели невозможны, соответственно и во фразеологии советской эпохи.

Стереотип «Гения» ассоциируется в русской культуре с Пушкиным. Мы говорим: *пушкинский гений*, *гений Пушкина*. Такие словосочетания как *талант Пушкина*, *способности Пушкина* окказиональны. Безусловно, Достоевский, Толстой, Гоголь тоже рассматриваются в русской культуре как гении, но наиболее сильный стереотип связан с именем Пушкина.

Стереотип «Завистника Гения» ассоциируется с образом Сальери: *сальерическая зависть*, *сальериева мука*. Возможно, данное словосочетание стало устойчивым не без влияния пушкинской трагедии «Моцарт и Сальери».

Первичные стереотипы. Имена, обозначающие чувства. К первичным стереотипам можно отнести также словосочетания, образованные именами, обозначающими способы выражения / проявления эмоций, чувств. Эмоции импульсивны: они природны, однако их описание в языке культурно детерминировано. Аффективная природа чувств и их

прецедентные тексты [Караулов 1987], Д. Б. Гудков называет такие имена *прецедентными*.

культурная интерпретация объединены. Язык содержит стереотипное описание того, как люди выражают свои эмоции. Я имею в виду телесные способы выражения эмоций.

Каждая эмоция имеет стереотипную форму выражения, описываемую языком с помощью устойчивых словосочетаний. Любые отклонения от нормативного выражения эмоции лежат за пределами языковой устойчивости. Более того, отход от стереотипа может квалифицироваться как шаг к безумию. Язык достаточно жестко регламентирует выражение эмоций. В реальности человек может улыбаться или смеяться, когда он чувствует горе, поднять брови кверху, если чувствует неожиданную радость, или может застыть от неожиданного счастья. Но подобные типы телесных реакций не стереотипны. Мы говорим *улыбаться от радости*, но не *улыбаться от горя*, хотя существует выражение *горькая улыбка*.

Можно сказать: *поднять брови от удивления*, *остолбенеть от страха*, но сочетания *поднять брови от радости*, *остолбенеть от участия*, как минимум, не являются устойчивыми.

В реальности *радость и печаль* могут быть объединены, человек может одновременно испытывать оба чувства (ср. *печальная радость*), но в языке возможно только *сиять / светиться от радости* и *темнеть от печали*. Замены типа *сиять / светиться от печали* и *темнеть от радости* не допускаются, хотя, в принципе, печаль может быть *светлой* (Ср. пушкинское *Печаль моя светла*), но здесь речь уже идет о состоянии души, а не о телесной реакции. (О цветовой симптоматике эмоций см.: [Апресян 1995, с. 366—373; Арутюнова 1997, с. 59—61].)

Так в языке соединяется описательная функция с культурной. С одной стороны, сочетания возникают как результат наблюдения за реакциями человека, с другой — имеет место культурная обусловленность, конкретная эмоция соединяется с конкретным типом реакции.

Стереотип переживания чувства[10] имеет следующие функции:

1) он выполняет роль образца, который способствует узнаванию, а также дифференциации чувств;

2) обусловливает возможность имитировать чувства;

3) ритуализует процесс переживания чувства.

Ж.-П. Сартр [Сартр 1993, с. 137], анализируя телеологичность эмоций / чувств, по сути дела, описывает культурный стереотип, например, состояние пассивной печали: «Предпочитают полумрак полному свету, тишину — звукам, одиночество комнаты — толпе обществен-

[10] Как кажется, подобные функции имеют и стереотипы возраста [Крейдлин 1996].

ных мест и улиц. Как говорят: "Чтобы остаться наедине со своей болью". Это не совсем верно. Действительно, считается хорошим тоном выглядеть пребывающим в глубоком раздумье о своем горе».

То обстоятельство, что эмоциональное поведение стереотипизируется культурой, позволяет имитировать эмоцию. В упомянутой выше работе Ж.-П. Сартра различаются ложные эмоции, или формы поведения — такие, которые направлены на реальный мир, и актерские эмоции, которые обращены к фиктивному миру. И те, и другие являются результатом имитации, а не собственно переживанием. «Впрочем, существуют ложные эмоции, которые являются только формами поведения. Если мне делают подарок, который меня интересует только отчасти, я, возможно, буду внешне выражать сильную радость. Буду хлопать руками, прыгать и танцевать. Однако это только комедия. Отчасти я позволю ей захватить себя, и неточно было бы сказать, что я *не рад*. Однако радость моя неистинна, я ее оставлю, отброшу от себя, как только мой гость уйдет» [с. 140].

Существование подобных стереотипов во многом обусловлено социализованностью чувств. Личность в обществе не может быть бесстрастна. Но формы эмоционального выражения регламентированы.

Сильное влияние на формирование культурного стереотипа оказывают два типа дискурса: литературный и идеологический.

Под влиянием романтической литературы в первой трети XIX века было модно выражение печали, разочарованности. Это был способ жизни, думания, философствования, это была форма поведения в обществе и т. д. Естественному чувству грусти, печали был придан статус социально значимого, модного чувства, способного выразить умонастроение общества. Поэту Байрону — статус образца, «объекта для подражания», что собственно и формирует культурный стереотип. В языке стереотипными были словосочетания *утраченные радости*, *увядшая юность*, *увядшая душа*, *ранние разочарования*, *мрачное уединение* и т. д.

Известно, что во времена правления Сталина эмоции разделялись на социально значимые, такие как радость, счастье, ликование (светлые чувства), и социально вредные, такие как тоска, грусть, печаль (темные чувства), и очевидным образом в дискурсе преобладала эстетика света: *светлое будущее*, *светлая дорога к коммунизму*, *светлый путь*. Радость и свет были доминирующими темами в живописи и скульптуре. Поэзия А. Ахматовой рассматривалась как социально вредная. «Хнычущие интеллигенты» порицались разными способами вплоть до репрессий. Работала модель социального оптимизма. Позже в идеологической модели заняло центральную позицию *чувство глубокого*

удовлетворения, произошел переход от «прорыва к новому» к «осознанию достигнутого», знаменующего собой старение идеи.

Таким образом, первичные стереотипы — это словосочетания, которые воспроизводят фрагменты «реальности», но выбор воспроизводимых фрагментов и способ их языковой интерпретации культурно обусловлен.

Вторичные (рефлексивные) стереотипы. Имена лиц. Они возникают в результате культурной транспозиции в язык мифологем, идеологем, литературных и народно-поэтических образов.

Рассмотрим некоторые примеры.

Стереотип «Женственности», «Красоты», «Благородства» ассоциируется в русской культуре с героинями Тургенева. Эти стереотипы содержатся в сочетаниях *тургеневские девушки*, ср.:

(1) Душевная тонкость, требовательность характера выдавали в ней больше **тургеневскую девушку**, чем современную хиппи (*Девушка, похожая на ангела // Театральная жизнь. 2003.04.28*).

(2) Как у **тургеневских девушек** — страсть к чему-то нездешнему, зыбкому, к чему-то коленно-локтевому (*В. Ерофеев. Из записных книжек*).

Стереотип «Бескорыстия» и «Благородства» связан с Дон Кихотом. В языке присутствуют такие словосочетания, как *воевать с ветряными мельницами, рыцарь печального образа.*

(1) Поэту хотелось, кажется, совокупить в один чрезвычайный образ все огромное понятие **средневековой рыцарской платонической любви какого-нибудь чистого и высокого рыцаря**; разумеется, все **это идеал**. (...). «Рыцарь бедный» **тот же Дон Кихот**, не только серьезный, а не комический. Я сначала не понимала и смеялась, а теперь люблю «рыцаря бедного», а главное, уважаю его подвиги (*Ф. Достоевский. Идиот*).

(2) Здесь я познакомилась с бельгийским «корром» месье Диком. **Он был вообще Дон Кихот**. Ездил по всем лимитрофам и боролся с коммунизмом. В Чехословакии пытался помочь деятелям «пражской весны», устраивал им встречи с западными политиками. И сел в тюрьму! Насилу Бельгия его отбила (*В. Новодворская. По ту сторону отчаяния*).

Он может быть покажется воюющим с мельницами, но в его **донкихотстве замечается зато требование чего-то сильного** (*Московские письма // Российская музыкальная газета. 2003.04.09*).

Стереотип «Страдающего Философа», задающегося вопросом о «смысле жизни», ищущего на него ответ, — в образе Гамлета — *гамлетовский вопрос*, ср.:

(1) Тонкие натуры, наделенные гибельным избытком сердца, неумолимою логикою и чуткими нервами, более или менее носят в себе **частицы гамлетовской страстной, нежной, глубокой и раздражительной натуры** (*И. Гончаров. Опять «Гамлет» на русской сцене*).

(2) Я убежден, напротив, что он вовсе ничего не думает, что он решительно не в силах составить понятие, до дикости неразвит, и если чего захочет, то утробно, а не сознательно; просто полное свинство, и вовсе тут нет ничего либерального. И при этом **ни одного гамлетовского вопроса**: Неужели это **безмыслие** в русской природе? (*Ф. Достоевский. Дневник писателя. 1976 год*).

(3) Впрочем, сама жизнь не устает производить очередного **Гамлета именно на русской почве**, даровавшей им **не житейское, а чисто историческое «бытие»** — вот реабилитированные Ф. (*А. Люсый. Комплекс Гамлета. Ф. Гримберг. Две династии*) // *Октябрь. № 7, 2001*).

Вторичные стереотипы могут иллюстрироваться словосочетаниями, относящимися к религиозному, народно-поэтическому типам дискурса: *ангел* и *ангельское терпение*, *ангельская доброта*, *черт* и *чертовский характер*, *сатана* и *сатанинская гордость*, *русалка* и *русалочьи глаза* и т. д.

Таким образом, вторичные стереотипы являются результатом транспозиции культурных знаний в язык.

Стереотипы могут быть активными — те, которые употребляются говорящим, и пассивными — те, которые не воспроизводятся говорящим, но понимаются им, например, *чувство глубокого удовлетворения* не в иронических контекстах произносилось теми, кто имел отношение к официальной власти или хотел ей льстить, для остальных оно было пассивным).

§ 3. Имена лиц в общественной культурно-языковой памяти: русско-английские соответствия[11]

Понятие эпонима. В ситуации, когда имя лица превращается в стереотип дискурса, расширяя круг референциальных употреблений, оно входит в языковой узус, становясь эпонимом. Модель стереотипизации имени и превращения его в эпоним является продуктивной для

[11] Данный подраздел написан на основе статьи [Bragina, Lubensky 2002], см. также: [Брагина 2001].

разных языков и культур. Источником эпонимов являются, прежде всего, имена «публичных» людей: политиков, знаменитых актеров и актрис, топ-моделей, а также героев популярных фильмов и мультфильмов, ср. *фигура Шварценеггера* ('об атлетически сложенном человеке'), *югославский Жириновский* ('о политике-популисте'), *англ. Mickey Mouse* ('much effort and many complications for a little result' "*I had to go through a lot of Mickey Mouse to get that*" [Espy, W.R. 1978]). Однако такие эпонимы часто являются «однодневками» и не закрепляются в языке, «не выдерживают проверку временем». О закреплении эпонима в языке свидетельствует ряд лингвистических факторов. К их числу относится наличие у эпонима деривационных, синтагматических и парадигматических связей. Рассмотрим их подробно.

Деривационные связи. И для русского, а также для английского языка и его американского варианта характерно появление модификатора, образованного от эпонима. При этом различается синтаксическая и лексическая деривация [Курилович 1962]. Например: синтаксические дериваты, ср.: *русск. Наполеон — наполеоновские войны, наполеоновский лагерь, наполеоновская империя*; *англ. Napoleonic battles, the Napoleonic system*; *Байрон — байроновские образы*; лексические дериваты *Наполеон — наполеоновские планы, наполеоновская поза*; *англ. «...he [Frederic II] never had the material resources needed for a truly Napoleonic strategy and became steadily more cautious and conservative in his later years». Байрон — разочарованные байронические юноши, байронические отщепенцы. «And what is Underworld but an old-fashioned Dickensian novel like Bleak House...?» (J. Wood. The New Republic: July 24, 2000)* [*Bleak House* is indeed Dickens; *Underworld* is by Don DeLillo]. Сопоставление русского и английского американского языка показывает, что в английском/американском языке образование модификатора является более продуктивной моделью, чем в русском языке (ср. *Wordsworthian, Faustian, Freudian*, etc).

Увеличение количества словообразовательных моделей — способность к еще более широкой деривации — также влияет на закрепление эпонима в языке. Например, *«оруэллизм», донкихотствовать, достоевщина...* и англ.: Darwinian, neo-Darwinian, neo-Nietzschean, etc.

Синтагматические связи. Закрепление эпонима в языке происходит, в частности, благодаря его сочетательным возможностям. Эпонимы имеют тенденцию к фразеологизации. Большое число эпонимов и/или их дериватов образуют устойчивые словосочетания: *русск. гамлетовский вопрос, соломоново решение, поцелуй Иуды, менторский тон*; *англ. Augustan Age.*

Эпонимы формируют значительный корпус крылатых слов, например: *Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?*

Особым типом фразеологизации эпонима является использование его как составного компонента в заглавиях книг, названиях фильмов (Andrew Miller. *Casanova in Love*. 1998). Как результат — явление, описываемое как name recognition, часто — без прикрепления отношения или эмоциональной реакции к узнаваемому имени. (Пример из книги Dispatches from the former Evil Empire.) Перенесение имени на родную почву: *русск. «Леди Макбет Мценского уезда», «Гамлет Щигровского уезда».*

Парадигматические связи. Некоторые эпонимы (далеко не все) способны вступать в парадигматические отношения.

Существуют эпонимы-синонимы: *русск. Дон Жуан, Казанова, англ. Don Juan, Casanova* ('герой-любовник'); и квазисинонимы: *русск. Нерон, Гитлер, Сталин, англ. Neurone, Hitler, Stalin,* ('лидер-тиран'); *русск. Наполеон, Александр Македонский, англ. Napoleon, Alexander the Great* ('завоеватели-победители'), ср. также («...he adds the bold assertion that Bach was a musical Newton...» J. Butt. The New Republic, July 10 & 17, 2000).

Эпонимы могут вступать в антонимические и квазиантонимические отношения: *русск. Моцарт — Сальери* ('гений' — 'завистник гения'), *русск. Август — Нерон, англ. Augustus, Neurone* ('лидер-просветитель' — 'лидер-тиран').

Эпонимы могут быть конверсивами: *русск. Цезарь — Брут, англ. Caesar — Brutus* ('жертва убийцы' —'убийца'), *русск. Иисус — Иуда, англ. Iesus Christ — Judas* ('жертва предательства' — 'предатель').

Грамматический фактор. Характерной чертой эпонимов, закрепившихся в языке, является широкое употребление их во множественном числе, проявляющее процесс деиндивидуализации имени, ср.: *русск. может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать (Ломоносов) // ...видно, метит в Бруты, / Но времена для Брутов слишком круты, / И не из Брутов ли Наполеон?* (Самойлов Д. Пестель. Поэт и Анна). *Есть люди, которым льстит, когда их называют гамлетами или лишними, но для меня это — позор* (А. П. Чехов). «*The idea behind the show is to create an unscripted tropical soap opera by turning ordinary Americans into beleaguered Robinson Crusoes*» (Leo J. U.S.News. & World Report, June 19, 2000).

Кросскультурные соответствия. Эпоним функционирует как социокультурный стереотип. В этой связи особый интерес представляет та группа эпонимов, которая обозначает стереотипизированные: а) социальные роли: 'великий поэт', 'великий полководец', 'великий оратор',

например: *русск. Данте, англ. Dante, русск. Александр Македонский, англ. Alexander the Great, русск. Цицерон, англ. Cicero*; б) свойства личности, черты характера: *русск. Иуда, англ. Judas* — '*предатель*', *русск. Дон Жуан, англ. Don Juan* — '*герой-любовник*' (свойства личности, черты характера часто объединяются с социальными ролями: 'гений-композитор' — *русск. Моцарт, англ. Mozart*, '*гений-ученый*' — *русск. Эйнштейн, англ. Einstein*); в) внешность, мимику, черты лица: *русск. Венера, англ. Venus, русск. Клеопатра, англ. Cleopatra, русск. Квазимодо, русск. улыбка Моны Лизы, англ. Mona Lisa* (*a Mona Lisa smile*). Функционируя в языке как социо-культурный стереотип, эпонимы задают персонажность дискурсам разного типа: литературному, политическому, философскому, публицистическому.

Стереотипизация имени собственного есть результат закрепления в языке и культуре одной интерпретации при редукции остальных, потенциально возможных. Например, вероятные «эталонные» характеристики *Иуды* — 'предательство и алчность', *Соломона* — 'мудрость и искушенность в любви' (ср. *Книга Премудрости Соломона*, *Книга Притчей Соломоновых*, а также *Песнь Песней*). В английском, американском, русском языках и культурах *Иуда* референтно соотнесен с 'предателем', *царь Соломон* интерпретируется как 'мудрец' (ср. *русск. соломоново решение* = 'мудрое решение', англ. Be he a Solomon...).

В разных языках и культурах закрепляться могут разные интерпретации одного и того же эпонима. Например, *Icarian, Icarus complex англ.* 'Presumptuous ambition, ending in ruin or failure; among the young, the obsessive disregard of what elders advise; a set of personality trends, identified by Henry Murray (1955), as a personality poorly integrated by its own history' [Trahair 1994]. *Daedalus* «Because he was so clever with his hands, any intricate, cunningly formed object is termed dedal. All pioneers are called daedalists» [Epsy 1978]. *Икар русск.* 'Об отчаянном человеке; о чьих-л. отчаянно смелых (обычно тщетных) дерзаниях' [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000]. Имя *Икар* в русской культуре согласуется с революционно-романтической эстетикой: *Безумству храбрых поем мы славу! Рожденный ползать, летать не может* (*М. Горький*). После революции 1917 г. имя *Икар* стало популярным, так как оно ассоциировалось с революционными именами.

Как видно из примеров, в английской и американской культурах *Icarus*, в отличие от *Daedalus*, имеет скорее отрицательные, чем положительные коннотации. В русском языке и культуре *Дедал* не стал эпонимом, *Икар* имеет положительные коннотации.

В процессе стереотипизации имени собственного происходит культурно обусловленный и конвенционально закрепленный выбор в пользу

определенной интерпретации, который может совпадать или различаться в разных языках и культурах.

Кросскультурное описание предполагает информацию о культурных коннотациях, о том, какой сформировался стереотип в описываемых языках и культурах и в отношении каких ситуаций он используется (в литературном, в политическом типе дискурса, в рекламе и т. д.). Особо могут оговариваться случаи проникновения эпонимов, функционирующих как социокультурный стереотип, в бытовую сферу: название продуктов в каталогах: *англ. Cleopatra lamp and Cleopatra print, русск. сигареты Петр I*, etc.; имена людей, имена животных: *русск. Гораций Иванович, собака Бетховен* и т. д.

Эпонимы могут стать составной частью кросскультурного словаря[12]. Объектом описания в таком словаре могут быть: моно- и поликультурные эпонимы (monocultural and multicultural eponyms). Поликультурные эпонимы могут иметь: а) совпадающие коннотации — частично (совпадений больше, чем различий) *русск. Байрон — англ. Byron, русск. Шекспир — англ. Shakespear*; полностью *русск. Иуда, поцелуй Иуды — англ. Judas, Judas kiss*; б) различающиеся коннотации — частично (различий больше, чем совпадений) *русск. Дон Кихот — англ. Don Quixote*; полностью (*русск. Икар — англ. Icarus*).

К монокультурным эпонимам относятся имена: а) употребляющиеся преимущественно в одном языке и в одной культуре как факт своей культуры и переведенные на другие языки как факт другой культуры (*русск. потемкинские деревни — англ. potemkin village 'An attractive facade that disguises social and economic decay'*); б) употребляющиеся преимущественно в одном языке и в одной культуре как факт своей культуры (*русск. тургеневские девушки, америк. gibson girls, англ. pickwickian person*).

Изучение стереотипов дискурса, как собственно и значительной части фразеологии, находится на пересечении разных направлений. С одной стороны, взгляд на фразеологию как на диалогические высказывания, «третий язык», возникший в результате диалога языка и культуры, ставит вопрос о выявлении и, по возможности, исчислении культурных мотивов, или, точнее, культурных модальностей, присутствующих в языке. Здесь возникает необходимость говорить об элементах мифологического, религиозного мышления, об институализации языка, подвергающегося воздействию политики и идеологии.

---

[12] Модель словарной статьи кросскультурного словаря эпонимов см. в *Приложении 1*.

С другой стороны, нельзя оставить без внимания поразительную способность стереотипов дискурса завоевывать сознание говорящего. В большинстве случаев говорящий использует их в речи безотчетно, т. е. не осознавая те культурные коннотации, которые они содержат. Типичная реакция носителей языка на попытки выявить некоторые мифологические сюжеты или социальные, идеологические установки, содержащиеся в устойчивых словосочетаниях: «Да, но мы ведь так не думаем!». И это справедливо. Личность подвергается обработке собственным языком, точнее, теми культурными модальностями, которые он содержит, и соответственно, определенной трансформации почти незаметно для себя.

Наконец, сопоставление стереотипов на материале разных языков, определение кросскультурных соответствий дает представление об истории, культуре и об истории культур, о совпадающих и различающихся формах коллективной памяти, помогая носителям разных языков и культур понять друг друга.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1
Наполеон: словарная статья русско-английского контрастивного словаря эпонимов

В *Приложении 1* приведена пробная словарная статья *Наполеон*, написанная к проекту «Русско-английского контрастивного словаря эпонимов».

Под эпонимом понимается имя лица, расширившее круг референциальных употреблений и вошедшее в языковой узус. В качестве заголовочных слов выступают признаковые имена, имеющие культурные коннотации, т. е. эпонимы, ставшие стереотипами дискурса, например: *пушкин, дон жуан, макиавелли*: *Это — наш юный пушкин* 'об одаренном молодом поэте'; *Петя — известный дон жуан* 'о большом поклоннике и соблазнителе женщин'; *Вопрос, достойный макиавелли...* 'о сложном вопросе, решение которого предполагает хитрость и коварство'. Такие слова, как *смокинг, ватт, ом, сэндвич*, не рассматриваются. Они относятся к конкретной лексике, не обладают культурными коннотациями и не имеют метафорических употреблений, т. е. они являются эпонимами, но их нельзя отнести к стереотипам дискурса.

В словаре предполагалось рассматривать как поликультурные, так и монокультурные эпонимы. Первые встречаются и имеют культурные коннотации в разных языках. Вторые встречаются и имеют культурные коннотации только в одном языке, либо также в других языках как факты чужой культуры, например, словосочетания *потемкинские деревни, коктейль Молотова*.

В приводимой статье *Наполеон* описывается поликультурный эпоним. Русский *Наполеон* и английский Napoleon имеют частично совпадающие коннотации.

Словарная статья включает в себя следующие разделы: Фонетика, Орфография; Энциклопедическая информация; Толкование; Коннотации; Гипонимы; Синонимы; Грамматика; Дериваты; Словосочетания; Иллюстрации; Комментарий.

В разделах **Фонетика** и **Орфография** дается написание и приводятся произносительные нормы заголовочного слова.

Раздел **Энциклопедическая информация** содержит написанный по-русски краткий биографический очерк. Он составлен так, чтобы максимально полно мотивировать толкование, коннотации, а также устойчивые словосочетания в русском и английском языках. Помимо общих сведений (даты рождения и смерти; сфера и характер деятельности, сделавшие имя известным и т. д.) в нем присутствует информация, объясняющая возникновение тех или иных словосочетаний, закрепление тех или иных коннотаций. Например, указание места рождения (Корсика), чин, полученный по окончании военной академии (младший лейтенант), внешние данные (маленький рост) создают мотивационный фон для синонимов: **Р.** Великий корсиканец **А.** Little Corporal. Устойчивые словосочетания, связанные с именем Наполеона и его деятельностью, выделены в тексте курсивом, например: *Кодекс Наполеона*, *наполеоновская гвардия*, *Сто дней*.

В разделе **Толкование** приводятся русские и английские дефиниции, проявляющие семантические компоненты эпонима в разных языках.

В разделе **Коннотации** перечисляются закрепленные в разных языках культурные коннотации эпонима.

Парадигматические свойства эпонима приведены в разделах **Синонимы** и **Гипонимы**.

Раздел **Грамматика** проявляет грамматические характеристики слова, например, способность образовывать множественное число в русском и английском языках.

Деривативные гнезда (русское и английское) описываются в разделе **Дериваты**.

Русские и английские словосочетания (преимущественно устойчивые) даны в разделе **Словосочетания**.

Раздел **Иллюстрации** содержит примеры из художественной литературы и публицистики, приводимые на двух языках.

В **Комментарии** сопоставляются семантические, коннотативные и сочетаемостные свойства слова, определяется область стереотипизации. При этом выявляются сходства и различия в русском и английском языках. Оговариваются также типы дискурса и дискурсивные практики, наиболее часто использующие данный эпоним. Также определяется номинативный потенциал эпонима в обоих языках, т. е.

его способность участвовать в образовании названий каких-л. предметов.

Словарная статья была написана мною в процессе работы над совместным с С. И. Лубенской докладом, прочитанном на конгрессе EURALEX 2002, и статьей, посвященной эпонимам как ключевым словам культуры [Bragina, Lubensky 2002]. Эпонимы в их отношении к общественной культурно-языковой памяти рассматривались также в докладе, прочитанном на международной конференции в Институте славяноведения и балканистики [Брагина 2001, ч. 1, с. 12—15]. Словарная статья является лексикографической иллюстраций некоторых положений, связанных с описанием стереотипов дискурса [Брагина 1999б, с. 43—57; Bragina 2000, p. 307—322].

Приложение 1 согласуется с теоретическими положениями, высказанными в §§ 2, 3, гл. 2, части III настоящего издания.

НАПОЛЕОН

ФОНЕТИКА, ОРФОГРАФИЯ: ЭНЦИКЛОПЕД. ИНФ.:

Р. Наполеон [nəpəli'Dn] **А.** Napoleon [nə'pəuljən] -

Наполеон Бонапарт (1769—1821) — прославленный французский полководец и император. Родился на Корсике. В 16 лет, закончив военную академию во Франции, стал младшим лейтенантом французской армии. В 1804 г., в возрасте 35 лет, Наполеон провозгласил себя императором Франции. Таким образом, за 11 лет (с 1793 по 1804) он сделал головокружительную карьеру от младшего лейтенанта французской армии до императора Франции. Находясь у власти, реформировал финансовую структуру и юрисдикцию Франции, создал Французский банк и Французский университет, составил французский гражданский кодекс, называемый *Кодексом Наполеона*, который впоследствии лег в основу современного гражданского кодекса Франции, а также был адаптирован и принят во многих других странах. Наполеон одержал ряд замечательных побед, став героем Франции. Его считали величайшим полководцем всех времен и народов. Солдаты и в первую очередь *наполеоновская гвардия* были необыкновенно преданы ему. Наполеон, человек, которого при жизни считали великим, отличался маленьким ростом. После сокрушительного поражения в войне против России был сослан на о. Эльба в Италии. В 1815 г. Наполеон бежал с Эльбы, вернулся во Францию и восстановил свою власть. Его вторичное правление длилось *Сто дней* (20 марта — 22 июня 1815 г.). В битве

при Ватерлоо армия Наполеона была разгромлена коалиционными войсками европейских стран. Наполеон вторично отрекся от престола, был сослан на маленький отдаленный о. Святой Елены, где умер в 1821 г.

ТОЛКОВАНИЕ: **Р.** О человеке, претендующем на величие, завоевание и владение миром. **А.** A masterly strategist and tactician.

КОННОТАЦИИ: **Р.** Великий Завоеватель, Властитель мира. **А.** Conquester.

ГИПОНИМЫ: **Р.** Александр Великий, Юлий Цезарь **А.** Alexander the Great, Jules Caesar.

СИНОНИМЫ: **Р.** Великий корсиканец **А.** Man of Destiny, Little Corporal.

ГРАММАТИКА: **Р.** Наполеоны; Мы все глядим в наполеоны... метить в наполеоны; **А.** Napoleons.

ДЕРИВАТЫ: **Р.** наполеоновский; Наполеончик. **А.** Napoleonic; Napoleonism; Napoleonist; *to Napoleonize* (to govern or rule like Bonaparte).

СЛОВОСОЧЕТ.: **Р.** наполеоновские планы (*большие планы*), наполеоновские замыслы; наполеоновская поза; наполеоновский профиль, по-наполеоновски сложив руки на груди; наполеоновская гордыня, наполеоновский синдром. **А.** napoleonic plans, Napoleonic ambitions, Napoleonic guile and wide strategic design, napoleonic pose, a Napoleon of finance (*masterly in planning and execution*).

ИЛЛЮСТРАЦИИ: «Лужин здоров», сказала она, с улыбкой глядя на его тяжелый профиль (**профиль обрюзгшего Наполеона**), опасливо склоненный над цветком, который, Бог его знает, — мог укусить (*В. Набоков. Защита Лужина*). Генерал, не сердясь, сложил **наполеоновски** свои руки на груди (*Н. С. Лесков. Смех и горе*). Я сказал Явлинскому: «Вам нужны лозунги **наполеоновской силы**» (С. Волков. Разговор с Анатолием Рыбаковым // Дружба народов; № 1, 2000). His face had wasted away till it was a mere mask of yellow wrinkled skin, with a curved **Napoleonic nose** and crooked rat-trap of a mouth (BMU 35).

КОММЕНТАРИЙ: В обоих языках и обеих культурах *Наполеон* является стереотипом великого человека и гениального завоевателя. Стереотипизируется также его внешность (портретные данные): профиль, нос, его поза, рост. **Р.** В русских текстах часто акцентируются такие черты Наполеона, как 'гордость, высокомерие', ср.

выражение особенной, наполеоновской пробы гордости; со смотровой площадки МГУ он глянул на Москву с наполеоновским высокомерием. Психическое заболевание: манию величия иногда называют *синдромом Наполеона*, ср. "***Все дело сварганил шурин. Он достал книжку о нравах и привычках душевнобольных, и после долгих споров из всех навязчивых идей был выбран бред величия. — Тебе ничего не придется делать, — втолковывал шурин, — ты только должен всем и каждому кричать в уши: "Я Наполеон!", или: "Я Эмиль Золя!", или: "Магомет!", если хочешь*** (*И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок*). **А.** В английских текстах в большей степени акцентируется *Наполеон* как 'гениальный стратег и тактик', как 'законодатель' (кодекс Наполеона), как 'финансист' (создал Французский банк). Это делает возможным появление таких словосочетаний, как: *a Napoleon of finance* — 'о крупном, масштабно мыслящем финансисте'; *Napoleonic strategy* (Ср. *The obvious if partial exception here is again Frederick II; but he never had the material resources needed for a truly Napoleonic strategy and become steadly more cautious and conservative in his later years.*)

Наиболее частая сфера употребления в обоих языках: литературный (романтический), политический дискурс, психологический (*синдром наполеона*) и бытовой типы дискурса. Именем Наполеона названы разные предметы. **Р.** *торт Наполеон, коньяк Наполеон.* **А.** *Napoleon pastry, Napoleon brandy, Napoleon blue, Napoleon cherry, Napoleon boots.*

Приложение 2

Скука / Печаль: словарные статьи для словаря «Устойчивые словосочетания: культурные конструкты русского языка»

В *Приложении 2* приведены пробные словарные статьи *скука* и *печаль*, написанные мной к проекту словаря «Устойчивые словосочетания: культурные конструкты русского языка. Мир человека: идеи, чувства, свойства личности, межличностные отношения». Проект в целом основывался на положениях о культурной специфике фразеологии, которые разрабатывались в рамках научного семинара по теории фразеологии (рук. В. Н. Телия, ИЯ РАН) в период с 1992 по 2000 г. Многие из обсуждавшихся на семинаре вопросов впоследствии нашли отражение в публикациях [Телия 1996; Teliya, Bragina, Oparina, Sandomirskaya 1994; 1998; Bragina 1998a; b); Oparina 1998; Sandomirskaya 1998], а также сохранились в рукописном варианте. Среди них монография «Фразеология в рассмотрении коллективной культурной идентичности», написанная совместно с И. И. Сандомирской и Е. О. Опариной.

Разработка словарной статьи основывалась на идеях фреймовой семантики [Fillmore 1994] и лексических функций И. Мельчука [Мельчук И. А., Жолковский 1984]. Макет словарной статьи в его окончательном виде был создан И. И. Сандомирской совместно с Е. О. Опариной [Sandomirskaya, Oparina 1996].

Способы подачи культурной информации в словаре и структура культурного комментария основывались на работах [Брагина 1995; Bragina 1996; Брагина 1996].

Приложение 2 иллюстрирует положения, высказанные в §§ 1, 2, гл. 1, части III настоящего издания.

ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ
(основные параметры)

1. Идентификационные параметры

1.1. **STEREOTYPE**$_{1,2...}$
1.2. $V_{1,2...}$ —оценочные модификаторы
1.3. $Q_{1,2...}$ —количественные модификаторы

2. Предикативные параметры

2.1. Субъектные / Объектные актуализаторы
2.1.1 **P = X Vact N** — Субъект (X) является ИСТОЧНИКОМ действия (P) относительно (N) (обозначено базовым существительным).
$P_{1,2...}$
2.1.2. **P = X Vpass N** — Субъект (X) является ЦЕЛЬЮ действия (P) относительно (N) (обозначено базовым существительным).
$P_{1,2...}$
2.1.3. **P = NV** — Действие (P) является ДЕЯТЕЛЕМ, т. е. направлено на субъект (X) и его источником является N (обозначено базовым существительным).
$P_{1,2...}$
2.2. Каузальность
$C_{1,2...}$

3. Категориальные параметры

3.1. Актуализаторы Существования / Явления
$M_{1,2}$
3.2. Локативы
$L_{1,2}$
3.3. Инструментативы
$I_{1,2}$

4. MISCELLANEOUS

4.1. Модификаторы
$MOD_{1,2}$
4.2. Синонимы (**SYN**)
4.3. Дериваты (**DER**)

Комментарий

В комментарии актуализируются два аспекта, свойственных описываемым словосочетаниям: их тропеический и цитатный характер. Комментарий содержит интерпретацию образов, лежащих в основании устойчивых словосочетаний, в нем также показана связь словосочетаний с различного типа дискурсами (народно-поэтическим и литературным в отношении рассматриваемых слов).

СКУКА

Состояние душевного томления, тоски от безделья или отсутствия интереса к окружающему; уныние, тоска, царящие где-л., вызываемые чем-л.

STEREOTYPE$_1$ '*то, что обычно вызывает скуку*' дорожная скука; скука [какой-л. (провинциальной, курортной, однообразной)] жизни

STEREOTYPE$_2$ '*проявленность / непроявленность*' немая, щемящая скука

V$_1$ '*характер воздействия скуки*' мучительная скука

V$_2$ '*свойства скуки*' мрачная, тяжелая, тупая, холодная скука (*Он рассказывал о своей работе с холодной скукой разочарованного человека*)

Q$_1$ '*сила, острота чувства*' непередаваемая, невыносимая, невозможная, отчаянная (*В этом городке некуда выйти, не с кем поговорить — короче, отчаянная скука*), страшная (*неформ.*), ужасная (*неформ.*), смертельная (*неформ.*), убийственная, жуткая (*неформ.*), зверская (*неформ.*) скука смертная (*неформ.*) скука / скука смертная (*нар. поэт.*) (*Господи! Да жить с таким мрачным человеком — скука смертная!*);

мухи мрут от скуки /со скуки (*неформ.*), мухи дохнут от скуки / со скуки (*неформ.*) (*На его докладе мухи дохнут от скуки!*); (*об устойчивости, неизменности скуки*) непобедимая, непреодолимая, безнадежная, беспросветная скука

'*воздействие скуки на человека и его ответная реакция*'

P = X Vact N

P$_1$ '*длительность*' (*кто*) испытывает скуку, (*кто*) борется (*сов.*) со скукой;

P$_2$ '*конец*' (*кто*) превозмог, победил скуку, излечился от скуки; деваться *куда* от скуки (*обычно в риторических вопросах: Куда деваться от скуки?*), некуда деваться от скуки / никуда не деться (*здесь сов.*) от скуки

P = X Vpass N

P_1 (*кто*) полон скуки (*Антон зол на всех, полон скуки и постоянно брюзжит*)

P = NV

P_1 '*начало*' скука находит *на кого*, нападает *на кого*, подступает к сердцу

P_2 '*длительность*' скука охватывает *кого*, овладевает *кем*, одолевает *кого*, поселилась (*здесь сов.*) *где*, царит (*несов.*) / царствует (*несов.*) *где* (*В доме царит скука*)

C_1 '*начало*' (*кто-что*) вызывает скуку *у кого* (*Этот доклад вызывает у меня скуку*), (*кто-что*) наводит скуку, нагоняет скуку / сон и скуку (*неформ.*), (*кто-что*) вгоняет в скуку / в сон и в скуку (*неформ.*)

C_2 '*конец*' (*кто-что*) разогнал (*здесь сов.*) скуку (*неформ.*)

'*выражение лица, голос, фигура*'

M_1 '*начало: выражение лица, глаз*' скука появилась (на лице, во взгляде), отражается (на лице, во взгляде, в улыбке)

M_2 '*длительность: выражение лица, глаз*' (*что*) выражает скуку (*Всем своим видом он выражает скуку. Его лицо выражает скуку*), *что* (взгляд, глаза) полное скуки, не скрывать скуки; скука написана на лице *у кого*, читается (*несов.*) во взгляде *у кого*, видна в глазах *у кого*, застыла на лице (в глазах) *у кого*

M_3 '*длительность: голос*', скука слышится в голосе *у кого*

L_1 '*место*' скука в лице, во взгляде, в глазах, в голосе, в душе, в сердце;

L_2 '*заполненность*' царство скуки

I_1 лекарство от скуки

MISCELLANEOUS см. **MOD**

MISCELLANEOUS '*выражение лица*' морщиться, зевать, глаза слипаются (*здесь несов.*), засыпать от скуки

MOD_2 '*действие, сопровождаемое скукой*' делать *что*, говорить, смотреть, слушать (*здесь несов.*) со скукой (*Он слушал меня с откровенной скукой*)

MOD_3 '*состояние*' страдать (*здесь несов.*), томиться, киснуть (*здесь несов.*), закисать от скуки; пропадать, одуревать (*неформ.*), обалдевать (*неформ.*) (*В этом забытом Богом месте я совершенно обалдеваю от скуки*), ошалевать (*неформ.*), помирать (*неформ.*), загибаться (*неформ., фам.*), подыхать (*неформ., фам.*) от / со скуки

MOD_4 '*поведение*' натворить (*сов.*) *что*, запить (*здесь сов.*), беситься от / со скуки («*Молодежи делать нечего, вот она и бесится от скуки*», — *сказала старушка*)

MOD_5 *клишированные выражения*: '*сила, острота переживания*', (*обычно со словами «готов», «можно»*) выть (*несов., неформ.*), на

стену / на стенку лезть (*несов.*, *неформ.*), умереть (*неформ.*), повеситься (*неформ.*), удавиться (*неформ.*) от / со скуки (*Я готов выть со скуки! Два часа подряд он говорил одно и то же, можно было умереть со скуки! В городке нет ни клуба, ни кинотеатра, можно на стенку лезть от скуки! Здесь можно повеситься от скуки!*); *делать что* скуки ради (*Сыграем в картишки скуки ради?*)

MOD$_6$ *речевые формулы* Какая скука [*делать что*]! (*Но, Боже мой, какая скука / С больным сидеть и день и ночь, / Не отходя ни шагу прочь! А. Пушкин*; *Дождь все идет и идет... Какая скука!*) Что за скука [*делать что*]! (*Что за скука эти провинциальные города! Что за скука читать его мемуары!*)

MOD$_7$ *народно-поэтические стереотипы* скука скучная (*Ох ты: горе-горькое! Скука скучная, / Смертная! А. Блок*), злая скука

MOD$_8$ *пословицы и поговорки* Праздность скуку любит. Докука скука, а миновать нельзя. Забота не съела, так скука одолела

D$_1$ чувство скуки

SYN тоска, скучища, скукотища, тощища (*неформ.*), тягомотина, хандра

DER скучный, скучно, скучать, наскучить

КОММЕНТАРИЙ

1. Как и другие чувства, скука агрессивна по отношению к человеку. Ее взаимоотношения с ним укладываются в схему: нападение (скука нападает на человека) — борьба (человек борется со скукой) — победа (человека над скукой или скуки над человеком). Основным способом воздействия скуки на человека является сон: скука действует усыпляюще. Ряд словосочетаний (*смертельная с.*, *с. смертная*, *умирать от с. и т. д.*) обнаруживают ее близость *смерти* (см.), что не случайно, так как скука вызывает сон, а сон близок смерти и выступает в языке как эвфемизм смерти (ср. *заснуть вечным сном*). Однако скука — это профанация смерти, так как буквально от скуки не умирают (в отличие, например, от *тоски* или от *горя* см.). Скука обнаруживает себя в выражении лица человека и в его голосе.

2. В народном сознании скука обычно ассоциируется с праздностью, с безделием, с леностью. Считается, что человек, у которого много дел или много проблем, не подвержен скуке (ср. выражение: *Скучать некогда*, означающее, что говорящий очень занят или что у него много проблем; ср. также шутливое выражение: *С ним не соскучишься* о человеке, часто о ребенке, который создает проблемы для окружающих). Скука возникает как результат монотонности чего-л., однообразия, отсутствия новизны (в этом отношении она противоположна *интересу*).

3. *Скука* достаточно подробно разработанна в литературе. Она, в частности, выступает как форма скептицизма. Литературные герои XIX века — Онегин у Пушкина, Печорин у Лермонтова — подвержены приступам скуки (*короче, русская хандра им овладела понемногу*). «Скучающий вид» является одной из основных масок модных светских людей первой половины XIX века. Бессмысленность жизни, тщета человеческих усилий также связана со скукой, поэтому знаменитая фраза Н. В. Гоголя «*Скучно* на *этом свете, господа!*», которой неожиданно заканчивается трагикомическая повесть «О том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», имеет почти библейское звучание (ср. Книга Екклесиаста: *Суета сует, сказал Екклесиаст, / суета сует — все суета! // Что пользы человеку от всех трудов его, / которыми трудится он под солнцем?*). Скука жизни, скука *провинциальной* жизни, скука жизни *провинциального* человека — темы, разрабатывавшиеся в творчестве А. П. Чехова.

4. В речевых формулах используется для выражения негативной оценки (ср. *Мы вчера смотрели новый спектакль. Ужасная скука! Еле до конца досидели. — Тебе понравилась лекция? — А что здесь может понравиться? Скучища!*)[1]

ПЕЧАЛЬ

Чувство грусти и скорби, душевной горечи

STEREOTYPE$_1$ '*проявленность / непроявленность*' тайная (*— Я уверена, что это не простая болезнь! Печаль тайная ее убивает. М. Лермонтов*), затаенная, безмолвная, немая печаль (*Ты спишь, дитя, а я встаю, Чтоб слезы лить в немой печали. А. Апухтин*)

V$_1$ '*приятное чувство*' тихая, светлая (*Мне грустно и легко; печаль моя светла / Печаль моя полна тобою / Тобой, одной тобой ... А. Пушкин*)

V$_2$ '*неприятное чувство*' жестокая, тяжелая печаль

Q$_1$ '*сила чувства*' великая, глубокая (*Оставь меня! Я в глубокой печали! — иногда шутл.*), страшная (*неформ.*), ужасная (*неформ.*), невыносимая, невыразимая печаль; легкая печаль;

Q$_2$ '*устойчивость, неизменность чувства*' беспредельная, бесконечная, безнадежная, безысходная печаль

'*воздействие печали на человека и его ответная реакция*'

P = X Vact N

---

[1] См. также словарную статью *скука1*, *тоска2* [Урысон 2004в, с. 1032 1034].

P_1 '*длительность*' (*кто*) испытывает ~, (*кто*) живет (*сов.*) с печалью в душе / в сердце, (*кто*) в печали / в печалях (*шутл.*), (*кто*) борется (*несов.*) с печалью

P_2 '*конец*' (*кто*) избыл (*здесь сов., устар.*), (*кто*) поборол (*сов.*) [свою], (*кто*) одолел [свою] ~; (*кто*) избавился от печали

P = X Vpass N

P_1 (*кто*) вызывает *у кого* ~ (*Ее рассказ вызвал у слушателей печаль, заставил их задуматься*)

P = NV

P_1 '*начало*' печаль охватывает *кого*, ложится на сердце *кому*, закрадывается в сердце *кому*, стесняет грудь *кому*, поражает *кого* (*Печаль поразила его в самое сердце*), воцарилась [в сердце / в душе], живет (*несов.*) в сердце / в душе

P_2 '*конец*' печаль утихает, отпускает *кого* (*После долгих душевных мук печаль наконец меня отпустила*), улеглась (*здесь сов.*) (*Эта встреча никем не воспета, / И без песен печаль улеглась. А. Ахматова*)

C_1 '*начало*' (*кто-что*) навевает печаль (*на кого*)

C_2 '*конец*' (*кто-что*) разогнал печаль / тоску-печаль (*нар. поэт.*), (*кто-что*) поверг в печаль (*Эта новость повергла его в печаль*) '*выражение лица, голос, фигура*'

M_1 '*начало*: *выражение лица, глаз*' печаль появилась (во взгляде), отражается (в глазах), омрачила лицо / лоб (*высок.*); потемнеть от печали (*Его лицо потемнело от печали, и весь он как-то стал ниже ростом*)

M_2 '*длительность*: *выражение лица, глаз*' печаль застыла в глазах, светится в глазах; (*что*) выражает печаль; *что* (глаза, взгляд) полное печали / тоски и печали

M_3 '*длительность*: *голос*' печаль слышится в голосе

M_4 '*длительность*: *изменения внешнего вида*' постареть, никнуть от печали; следы печали (на лице)

M_5 '*длительность*: *поведенческие реакции*' лить слезы в печали

L_1 '*место*' печаль в душе, в сердце, в груди, в лице, во взгляде, в глазах, в улыбке, в голосе

L_2 '*заполненность*' юдоль (*устар.*) тоски и печали

MOD_1 '*действие, сопровождаемое печалью*' думать *о ком-чем*, вспоминать *кого-что* или *о ком-чем* (*Я с печалью вспоминаю свое прошлое*), говорить *что*, молвить (*высок.*) *что*, смотреть *на кого* (*Она смотрела на него с печалью и с любовью*) с печалью

MOD_2 *пословицы и поговорки* День меркнет ночью, а человек печалью; С печали не мрут, а сохнут; Печаль не уморит — а с ног собьет. Ржа железо ест, а печаль сердце. Печаль не красит, а горе не цветит.

Унеси ты мое горе, раскачай мою печаль! Видна печаль по ясным очам, кручина по белу лицу.

D_1 чувство печали

SYN грусть, уныние, кручина (*нар. поэт.*)

DER печальный, печально, печалиться

КОММЕНТАРИЙ

1. Печаль не очень агрессивна по отношению к человеку. Во взаимоотношениях с человеком наиболее явно выражена борьба (человек борется с печалью) и победа (человека над печалью или печали над человеком). Мотив нападения (печали на человека) выражен менее очевидно.

Она воздействует более «мягко», чем *тоска* или *горе*. Этим объясняется возможность сочетаний *светлая*, *сладкая*, *легкая*, *тихая п.* Вместе с тем ее длительное воздействие может достаточно явно отражаться на человеке, на его внешности. Печаль обнаруживает себя в выражении лица человека, в его голосе и в фигуре. Печаль связана с воздухом (*ср. навеять*, *развеять*, *разогнать п.*).

2. В народном сознании печаль представлена как чувство, способное медленно разрушать человека, но не доводящее его до смерти. *Печаль не уморит, а с ног собьет. С печали не мрут, а сохнут. День меркнет ночью, а человек печалью.* Она также имеет значение 'заботы' (ср. *Не твоя печаль, что я ушла из дома*), которое проявляется также в словах *печалиться о ком-л.* = заботиться, *печальник* = заступник.

3. В литературе *печаль* разработана подробно. Характерны ассоциации с природой (особенно в произведениях периода *сентиментализма* и *романтизма*), с луной, лунным светом (*Сквозь волнистые туманы / Пробирается луна / На печальные поляны, / Льет печально свет она.* А. Пушкин)[2].

---

[2] См. также словарные статьи: 1) *скука1*, *тоска2*; 2) *тоска1*, *уныние*, *печаль1*, *грусть* [Урысон 2004в; г, с. 1032—1034; 1165—1170].

Приложение 3

Душа / Сердце: словарные статьи фразеологического словаря

В *Приложении 3* приведены словарные материалы, готовившиеся для фразеологического словаря. Общая концепция словаря и разработка структуры словарной статьи принадлежит В. Н. Телия за исключением культурного комментария, который дается в авторском исполнении. Ряд статей был предварительно обсужден с В. Н. Телия и М. Л. Ковшовой.

По данным материалам в 2001 г. был сделан доклад на научном семинаре по теории фразеологии (рук. В. Н. Телия, ИЯ РАН). Материалы, с моего согласия, частично используются в словаре русских фразеологизмов (в печати).

Структурно словарная статья включает в себя следующие компоненты[1]:

Заголовочная единица
Толкование
Стилистическая помета
Грамматическая информация
Иллюстрации
Культурный комментарий

Заголовочные единицы

Заголовочными единицами *являются фразеологизмы, обозначающие эмоциональное состояние (чувство-состояние) и имеющие в*

---

[1] Для целей данной работы нет необходимости подробно описывать каждый компонент словарной статьи. Поэтому, указав ее основные элементы и коротко охарактеризовав заголовочные единицы и иллюстрации, я сосредоточусь на культурном комментарии.

качестве опорных слова душа / сердце[2]. *В* Приложении 3 *приводится 24 словарные единицы, а именно*:

БРАТЬ / ВЗЯТЬ ГРЕХ НА ДУШУ ⟨НА СОВЕСТЬ⟩
В [САМОЙ] ГЛУБИНЕ ДУШИ ⟨СЕРДЦА⟩
ВСЕЙ ДУШОЙ ⟨ВСЕЮ ДУШОЮ⟩ ⟨ВСЕМ СЕРДЦЕМ⟩ 1.
[СО] ВСЕЙ ДУШОЙ ⟨ВСЕЮ ДУШОЮ⟩ 2.
ВСЕМИ ФИБРАМИ ⟨СИЛАМИ⟩ ДУШИ
ВЫМАТЫВАТЬ / ВЫМОТАТЬ ⟨ВЫТЯГИВАТЬ / ВЫТЯНУТЬ⟩ [ВСЮ] ДУШУ
[КАК БУДТО, СЛОВНО, ТОЧНО] ГОРА С ПЛЕЧ [СВАЛИЛАСЬ]
ДО ГЛУБИНЫ ДУШИ
ДУША ⟨СЕРДЦЕ⟩ НЕ НА МЕСТЕ
ДУША ⟨СЕРДЦЕ⟩ В ПЯТКИ [УХОДИТ / УШЛА, УШЛО]
ЗАКРАДЫВАТЬСЯ / ЗАКРАСТЬСЯ ⟨ВКРАДЫВАТЬСЯ / ВКРАСТЬСЯ⟩ В ДУШУ ⟨В СЕРДЦЕ⟩
ЗАПАДАТЬ / ЗАПАСТЬ В ДУШУ ⟨В СЕРДЦЕ⟩ 1.
ЗАПАДАТЬ / ЗАПАСТЬ В ДУШУ ⟨В СЕРДЦЕ⟩ 2.
КАМЕНЬ НА ДУШЕ ⟨НА СЕРДЦЕ⟩ [ЛЕЖИТ (ЛЕЖАЛ)]
[КАК, БУДТО, СЛОВНО, ТОЧНО] КАМЕНЬ ⟨ГРУЗ⟩ С ДУШИ ⟨С СЕРДЦА⟩ [СВАЛИЛСЯ / СПАЛ]
КОШКИ СКРЕБУТ ⟨СКРЕБЛИ / ЗАСКРЕБЛИ⟩ НА ДУШЕ ⟨НА СЕРДЦЕ⟩
НА ДУШЕ ⟨НА СЕРДЦЕ⟩
ОБЛЕГЧАТЬ / ОБЛЕГЧИТЬ ⟨РАЗГРУЖАТЬ / РАЗГРУЗИТЬ⟩ ДУШУ / СЕРДЦЕ
ОТЛЕГЛО ⟨ОТОШЛО⟩ ОТ СЕРДЦА ⟨ОТ ДУШИ, НА ДУШЕ⟩
ОТВОДИТЬ / ОТВЕСТИ ДУШУ 1.
ОТВОДИТЬ / ОТВЕСТИ ДУШУ ⟨СЕРДЦЕ⟩ 2.
СЕРДЦЕ ПАДАЕТ / УПАЛО ⟨ОБРЫВАЕТСЯ / ОБОРВАЛОСЬ, ОТРЫВАЕТСЯ / ОТОРВАЛОСЬ⟩
С ЛЕГКИМ СЕРДЦЕМ ⟨С ЛЕГКОЙ ДУШОЙ⟩
С ТЯЖЕЛЫМ СЕРДЦЕМ ⟨С ТЯЖЕЛОЙ ДУШОЙ⟩

Иллюстрации

Употребление фразеологизмов иллюстрируют примеры из произведений художественной литературы и публицистики второй половины

[2] Исключение составляет фразеологизм [КАК БУДТО, СЛОВНО, ТОЧНО] ГОРА С ПЛЕЧ [СВАЛИЛАСЬ], который обозначает чувство-состояние, но не содержит слов *душа / сердце* в качестве опорного компонента.

XX века (преимущественно). Корпус примеров был создан на основе личной картотеки. Для иллюстрации заголовочных единиц используются также материалы фразеологических словарей (см. Словарные источники) и авторские примеры. Последние снабжены пометой *реч.* — речения.

Иллюстрации глагольных фразеологизмов (например, *брать / взять грех на душу* (*на совесть*); *отводить / отвести душу*) приводятся в виде четырех блоков: инфинитивное употребление; ОН-коммуникативный режим; ТЫ-коммуникативный режим; Я-коммуникативный режим.

Инфинитивное употребление. Фразеологизм выступает в инфинитивных конструкциях, например: "Отчего это, если ты вчера выпил, положим, семьсот пятьдесят, а утром не было случая похмелиться — служба и все такое — и только далеко за полдень, промаявшись шесть часов или семь, ты выпил наконец, чтобы **облегчить душу** (ну, сколько выпил? ну, допустим, сто пятьдесят) — отчего твоей душе не легче?" (*В. Ерофеев. Москва — Петушки*).

• О Н - р е ж и м. Фразеологизм употребляется в предложении со сказуемым, выраженным 3 л. ед. или мн. ч., например: «Я был счастлив тем, что через несколько часов увижу море. С детства его веселый, пенистый простор **запал мне в душу**» (*К. Паустовский, Повесть о жизни*).

• Т Ы - р е ж и м. Фразеологизм употребляется в предложении со сказуемым, выраженным 2 л. ед. или мн. ч., например: «Нет, они [жены] двужильные, что могут выносить столько. Тут хоть как-нибудь, да **отведешь душу**: выпьешь когда — все легче маленько, а ведь они с утра до ночи, как заводные» (*В. Шукшин. Сапожки*). Не делай этого, не **бери грех на душу**! (*реч.*).

• Я - р е ж и м. Фразеологизм употребляется в предложении со сказуемым, выраженным 1 л. ед. или мн. ч., например: «Но штраф, во всяком случае, с меня сдерут, этого не миновать. Чтобы полиция, да потеряла случай содрать с человека штраф. А, плевать я хотел, все равно придется уносить отсюда ноги. Все хорошо. По крайней мере, **душу отвел**» (*А. и Б. Стругацкие. Гадкие лебеди*).

Культурный комментарий

Общие теоретические положения. Группа фразеологизмов с опорным компонентом *душа/сердце* снабжена культурным комментарием. Он основывается на *общих теоретических положениях*, связанных с описанием культурной семантики фразеологизмов, образуемых словами-концептами. Перечислю их.

(1) Культурные концепты отличаются семантической неопределенностью. Они содержат в себе нарративное ожидание, которое может формулироваться в виде регулярно возобновляющегося вопроса: *Что есть? Что есть Истина / Красота / Справедливость / Свобода / Душа / Память.*

(2) На формы и способы концептуализации, как и на развитие культурной семантики в целом, оказывают влияние разные типы дискурса, дискурсивные практики. Культурные концепты являются объектами литературного, философского, религиозного, мифологического осмысления. Типы дискурса и дискурсивные практики влияют: на возникновение культурных коннотаций; на характер и способы метафорических употреблений, а также на процессы фразеологизации. Следовательно, разные типы дискурса могут выступать в качестве мотивационной базы фразеологизмов, образуемых словами-концептами.

(3) Можно полагать, что на мотивационную базу образного основания фразеологизмов с опорным именем *душа/сердце* оказали влияние представления, сформированные внутри мифологического и религиозного типов дискурса.

Содержательные элементы культурного комментария. В культурном комментарии сделана попытка частично реконструировать те представления, которые (предположительно) включены в мотивационный фон образного основания фразеологизма, а также показать (насколько это возможно) существование общих корней между народными верованиями и определенным пластом фразеологических единиц. Это, на мой взгляд, позволяет прочертить пунктирные линии, по которым шло формирование образной составляющей фразеологизма. *Содержательными элементами культурного комментария* являются следующие.

(1) Интерпретация главного компонента и его основных параметров в согласии с мифопоэтическим и/или религиозным типом дискурса, например, **Брать / взять грех на душу**: «Компонент фразеол. **на душу** указывает на совокупность представлений о душе человека как о его "другом я" (alter ego), принимающем ответственность за поступки человека, ср. близкие по смыслу фразеологизмы и словосочетания: **взять грех на душу** и *взять грех на себя*, *взять вину на себя*; *грешный человек* и *грешная душа*. В христианстве **душа** понимается как 'бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею'» (*Даль 1955, т. 1, с. 402*).

Основными параметрами *души* (*сердца*) являются: *глубина — поверхность*, *тяжесть — легкость*, *верх — низ*. Существует также оппозиция: *телесное — духовное*, которая выступает в роли тонкой смысловой границы, разделяющей коннотативный фон *души* и *серд-*

ца[3]. *Сердце*, как правило, более телесно. Образы фразеологизмов, однако, проявляют также телесную сторону *души*.

В ряде фразеологизмов (см. приведенный пример) *душа* получает интерпретацию «другого я» (alter ego)[4].

(2) Интерпретация других компонентов фразеологизма, например, **Камень на душе** ⟨**на сердце**⟩: «Образ фразеол. строится на устойчивом представлении о *камне* как о природном объекте (вещи), который характеризуется как тяжелый (холодный, твердый и неподвижный). Тяжесть также является одним из главных свойств отрицательных чувств: переживаний, страданий. Поэтому состояние печали, тоски и т. п. описывается следующим образом: *тяжело / тяжесть на душе / на сердце = камень на душе / на сердце*».

(3) Интерпретация ситуации, заданной фразеологизмом (обычно используется выражение *как бы*), например, **Кошки скребут на душе**: Образ фразеол. ассоциируется с ситуацией, когда душе или сердцу, символизирующим чувство-пространство, как бы наносятся мелкие болезненные раны (ср. *ранить душу/сердце*); **Душа не на месте**: Образ фразеол. строится на представлении о том, что душа как бы потеряла свое место.

(4) Толкование фразеологизма с учетом мотивационной базы его образного основания. В нем осуществляется поэлементное толкование значимых компонентов фразеологизма, связанных отношениями мотивации с мифологическим и религиозным типами дискурса. Оно представляет собой опыт прочтения идиомы сквозь призму представлений, сформированных в указанных типах дискурса. В культурном комментарии толкование вводится фразой: *Культурный смысл фразеол. может прочитываться:...* Например, **Всеми фибрами души**: Культурный смысл фразеол. может прочитываться: 'каждой частью телесной души'; **Камень на душе** ⟨**на сердце**⟩: Культурный смысл фразеол. может прочитываться: 'в том месте, где у человека сосредоточены эмоции, переживания, находится тяжелый, холодный, неподвижный предмет, символизирующий и / или обусловливающий отрицательные чувства'.

В культурном комментарии может быть высказано предположение о происхождении фразеологизма, например, **Отводить / отвести душу**: Возможно, фразеол. *отвести душу* возник с помощью метонимического переноса из фразеол. *отвести тоску с души*.

---

[3] Семантические различия между *душой* и *сердцем* были рассмотрены Е. В. Урысон [Урысон 2003, с. 21 27; 2004, с. 302—306]. В них отмечалась связь *сердца*, в отличие от *души*, с материальным органом. В этих же работах отмечалось наличие у души некоторых телесных свойств, на это также обратил внимание А. Д. Шмелев [Шмелев 2002, с. 301—306].

[4] См. также указанные работы Е. В. Урысон и А. Д. Шмелева.

В нем даны первые упоминания фразеологизма (если они зафиксированы в письменных источниках), например, **До глубины души/сердца**: Метафорическое сочетание **глубина души/сердца** относится к ранним христианским источникам. В текстах служебных миней 1096 г. употребляется фразеол. *из глубины сердца* (*СРЯ XI—XVII, вып. 4*). **Всей душой**: Фразеол. *всею душею, отъ всея душа* употреблялись с XV века (Радзивиловская летопись, Книги Ветхого и Нового Завета, 1499).

Назначение. Культурный комментарий позволяет соотнести мифологический и религиозный типы дискурса с определенным пластом русской лексики, т. е. с устойчивыми единицами языка, структура и форма которых обусловливают хранение и передачу из поколения в поколение некоторого набора ассоциативных признаков, названных культурными коннотациями.

Культурный комментарий тематически примыкает к гл. 2, части 2, настоящего издания.

Жанр. Культурный комментарий принципиально не связан с жесткой лексикографической формой. По своим структурным и содержательным элементам он близок эссе.

Словарные источники (Иллюстрации)

Аристова Т. С., Ковшова М. Л., Рысева Е. А., Телия В. Н., Черкасова И. Н. Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В. Н. Телия. М.: Отечество, 1995.

Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь русского языка: Пособие для учащихся нац. школ. Л.: Просвещение, 1984.

Войнова Л. А., Жуков В. П., Молотков А. И., Федоров А. И. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986.

Гуревич В. В., Дозорец Ж. А. Краткий русско-английский фразеологический словарь. М.: Владос, 1995.

Жуков В. П., Сидоренко М. И., Шкляров В. Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка: около 730 синонимических рядов / Под ред. В. П. Жукова. М., 1987.

Квеселевич Д. И. Русско-английский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1998.

Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII—XX вв. Т. 1—2 / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991.

Lubensky S. *Russian-English Dictionary of Idioms. New-York: Random House, 1995.*

Литература
(Культурный комментарий)

Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. 1—2. М.: Художественная литература, 1984.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.

Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1—2. 2-е изд. М.: Советская Энциклопедия, 1991—1992.

Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1—2. М.: Международные отношения, 1995; 1999.

Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. *А. П. Евгеньева.* М., 1981—1984. (*МАС*).

СРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4; 8; 13. М.: Наука, 19.

Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / Отв. ред. *В. П. Мокиенко.* СПб., 2001.

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.

Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 1—3 / Гл. ред. *С. С. Аверинцев.* М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1993—1995.

ДУША / СЕРДЦЕ

БРАТЬ / ВЗЯТЬ ГРЕХ НА ДУШУ ⟨НА СОВЕСТЬ⟩. Сознательно, во имя каких-л. целей нарушать запрет, поступаться моральными, этическими принципами и тем самым принимать на себя ответственность за такой поступок. *Имеется в виду*, что лицо, группа лиц (*X*) вынужденно совершает неблаговидный поступок, руководствуясь, как пра-

вило, некорыстными целями, повинуясь каким-л. обстоятельствам. ***Неформ.*** **Брать грех на совесть.**

X берет грех на душу
Именная часть неизм.
Возможно как отдельное высказывание.
Порядок слов нефиксир.

Атаман удивленно посмотрел на Ивана. — Иван... — Слушай ее больше! — воскликнул Иван горько. — И правда бы, убить тебя, да **греха на душу брать** неохота — и так уж там... невпроворот всякого (*В. Шукшин. До третьих петухов*). Это вы везете семью в Балашов? — да, я прошу погрузить нас в эшелон. Будьте добры. — Зачем же мне **брать грех на совесть**. Там — война (*К. Федин. Необыкновенное лето*). Не заставляй ты меня **брать грех на** душу. Уходи из города (*В. Попов. Сталь и шлак*).

(*С осуждением*) Он очень боялся ее волновать и скрыл от нее, что уезжает, **взял грех на душу** (*реч.*) «Это правда?», — Жанна ожила. «Честное слово», — сказал Дмитрий Алексеевич, твердо **беря на душу** новый **грех** (*М. Дудинцев. Не хлебом единым*).

(*С осуждением*) Не делай этого, не **бери грех на душу**! (*реч.*).

(*С раскаянием*) Попадешь ты к Мудрецу!.. Ты к нему никогда не попадешь. — Ах ты, харя ты некрещеная! — задохнулся от возмущения Иван. — Да как же это? Да нечто так можно? Где же стыд-то у тебя? Мы же договорились. Я же такой **грех на душу взял** — научил вас, как за ворота пройти (*В. Шукшин. До третьих петухов*). Иван с силой, зло, стукнул кулаком себя по колену. И сказал горько: — Где была моя голова дурная?! Где она была, тыква?! Я виноватый, братцы, я виноватый! Я подкузьмил вам. На мне грех. — Ну, ну, ну, — стали его успокаивать. — Что ты? Эка, как тебя сграбастало. Чего ты? — Эх-х!.. — сокрушался Иван. И даже заплакал. — Сколько же **я на душу взял**... за один-то поход! Как же мне тяжко!.. — Ну, ну... Не казнись, не надо. Что теперь сделаешь? Надо терпеть, милок (*В. Шукшин. До третьих петухов*).

К. Образ фразеол. согласуется с религиозными представлениями о *грехе* и *душе*.

Существует традиционный в христианстве взгляд на человека как на существо грешное: человеку свойственно *впадать в грех*, *грешить*, и это в первую очередь связано с первородным грехом (*Мы все погибли в Адаме* — Амвросий). Из числа грехов, определяемых в богословских трудах, к образу фразеол. **брать грех на душу** имеют отношение: *грех действия* или *нарушения* и *грех вольный*. *Грех действия* или *нарушения* предполагает, что человек делает то, что прямо воспрещается

(*Энц. Христианство, 1993, т. 1, с. 431*). — Элементом значения фразеол. является 'нарушение запрета', 'неблаговидный поступок'. *Грех вольный* означает, что человек с полным сознанием совершает противозаконное, не употребляя даже усилия сопротивляться такому влечению (*Энц. Христианство, 1993, т. 1, с. 431*). — Компонент фразеол. **брать/взять** указывает на то, что поступок совершается осознанно.

Образ *греха* в христианстве связан с *виной*, а также с *искуплением* вины. В ранних письменных источниках слово **грех** употреблялось в значении 'вина, ошибка, погрешность' (*СРЯ XI—XVII, вып. 4, с. 130*); ср. также пословицы: *Чья душа во грехе, та и в ответе*; *Кто в грехе, тот и в ответе* (*Даль 1955, т. 1, с. 402*). В современном употреблении фразеол. **брать грех на душу** может использоваться в ситуациях осуждения и покаяния.

Компонент фразеол. **на душу** указывает на совокупность представлений о душе человека как о его «другом я» (alter ego), принимающем ответственность за поступки человека, ср. близкие по смыслу фразеологизмы и словосочетания: **взять грех на душу** и *взять грех на себя*, *взять вину на себя*; *грешный человек* и *грешная душа*. В христианстве душа понимается как 'бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею' (*Даль 1955, т. 1, с. 402*).

Образ фразеол. также создается метафорой, уподобляющей душу поверхности, на которой как бы располагаются чувства или предметы, символически их представляющие (ср. также фразеол. *на душе* (*спокойно*, *тошно*, *камень на душе*).

В [САМОЙ] ГЛУБИНЕ ДУШИ ⟨СЕРДЦА⟩ знать, сознавать, надеяться, понимать и др. Про себя, внутренне. *Имеется в виду, что* образ мыслей лица (*X*), выражаемые им чувства не совпадают, находятся в противоречии с тем, что лицо (*X*) думает, чувствует на самом деле, не всегда признаваясь в этом самому себе, никак не обнаруживая этого перед окружающими. Часто используется при описании внутреннего несогласия с самим собой. ***Реч. стандарт.***

В глубине души X знает что-л.
Употр. в сочетании с глаг. несов. в.
Неизм.
В роли обстоятельства.
Порядок компонентов фиксир.

Хуже всего в новой России было кошмарное сочетание ничем не оправданного высокомерия с непристойным самобичеванием... А вечное попрошайничество под аккомпонемент угроз, под бряцание ржавым стратегическим оружием! А бесстыдство новой элиты! Нет, Николаев вовсе не жаждал ступить на землю своего духовного отечества,

но в глубине души знал, что рано или поздно этой встречи не избежать. И потихоньку готовился (*Б. Акунин. Алтын-толобас*). В голосе Ивара звучала искренность, но **в самой глубине души** он сознавал, что лжет (*Ю. Нагибин. Чемпион мира*). Виктор снова посмотрел в окно. **В глубине души** он надеялся, что ему привиделось, но все оставалось по-прежнему, и он даже разглядел в правом нижнем углу квадрата крошечную звездочку (*А. и Б. Стругацкие. Гадкие лебеди*). Как, возмущался Марлен Михайлович, даже без всякого классового сознания, ...а только лишь из чистого любопытства гнусный аристократишка отвернул исторический процесс... Да нет же, ерничает, просто снобистское выламывание, а **в глубине-то души**, несомненно, понимал, что победа шахтеров Донбасса и питерских металлургов грозит его эссекским лаунам. Так убеждал себя Марлен Михайлович, но сам-то, глядя на фото лейтенанта, **в глубине души** не сомневался, что вот именно ноль ненависти, ноль классового сознания, а просто «любопытно, что получится» (*В. Аксенов. Остров Крым*). **В глубине души** Андрей жалел его, но твердо стоял на своем (*Д. Гранин. Искатели*). Я остался в совершенном одиночестве на земле, но, признаюсь, **в глубине души** обрадовался (*М. Булгаков. Театральный роман*). А то ведь как было совсем недавно на Олимпиаде в Сиднее? Все шло здорово, **в глубине души** уже видела себя на первой ступени пьедестала почета. А потом — бац! И сама все испортила (*Сегодня, 2000*). Я думаю, что **в глубине души** ты не веришь в этот брак, но боишься себе в этом признаться (*реч.*).

К. Фразеологические компоненты **душа, сердце** относятся к внутреннему миру человека, который не только отличается, но также может быть противопоставлен внешнему. Образ фразеол., согласуется с мифопоэтическим представлением о душе как о центре внутреннего мира (микрокосма) человека, области сокровенного.

В глубине души обозначает область сокровенных мыслей и чувств, не вполне подвластных человеку. *Глубина души* является некоторым пределом, которого может достигать проникающее в человека чувство. Характерно, что в греческой эпической поэзии слово **душа** (ψυχη) обозначает именно глубинную душу, воспринимающую и толкующую повеления богов, а также и ту душу, с которой в самом себе может разговаривать сам человек.

Самостоятельность **души**, наличие у нее разума и воли указывается в толковании, предложенном В. И. Далем 'Бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волей ⟨...⟩' (*Даль 1955, т. 1, с. 504*). В образе фразеол., как кажется, сохранились эти представления.

Метафорическое сочетание **глубина души, сердца** относится к ранним христианским источникам. В текстах служебных миней 1096 г. употребляется фразеол. *из глубины сердца* (*СРЯ XI—XVII, вып. 4, с. 34*). *Глубина*, приблизительно в это же время, имела значение: 'пропасть, бездна, пучина' и употреблялась в первую очередь как 'глубина морская', но также и 'речная, озерная'. Фразеологизм *глубинъ прѣдати* означал 'потопить' (*Там же*). Аналогия между морской (водной) глубиной и глубиной души, сердца как области сокровенного, возможно, носит неслучайный характер. Можно предположить, что в основе образа данного фразеол. лежит древний слой базовой метафоры «моря» (**глубина души** уподобляется морской глубине). Ср.: «Морскому дну подобна и душа, впитывающая в себя все впечатления жизни и хранящая в себе самые дорогие из них» (*В. Н. Топоров. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: Избранное.* М., 1995, с. 591).

ВСЕЙ ДУШОЙ ⟨**ВСЕЮ ДУШОЮ**⟩ ⟨**ВСЕМ СЕРДЦЕМ**⟩ 1. ощущать, любить, ненавидеть, предан и др. Со всей искренностью и полнотой, безраздельно, всем своим существом. *Имеется в виду* эмоционально сильное отношение лица (*X*) к лицу, группе лиц (*Y*), к идее, делу, ситуации (*P*). ***Реч. стандарт***.

X всей душой любит Y (P)
Неизм.
В роли обстоятельства.
Порядок компонентов фиксир.

Он **всей душой** ощущал, что ничего так не согревает человека во вселенском холоде, как добрый костер человеческой дружбы (*Ф. Искандер. Сандро из Чегема: Новые главы*). Политику она [тетя Дуся] любила **всей душой**, слушала все радиопередачи, знала министров иностранных дел всех стран (*А. Васильев. Понедельник — день тяжелый*). Втроем они вдруг крепко и ясно запели: «Возлюби Господа Бога твоего **всем сердцем твоим, и всею душой** твоею, и всем разумением твоим!» (*В. Аксенов. Остров Крым*).

Майка с ранних лет знала, что такое бедность, и **всем сердцем** ее ненавидела (*И. Грекова. Кафедра*). Маршак ... **всей душой**, всем существом своим... был предан искусству (*Л. Пантелеев. О Маршаке*). — А если благородный дон безумно обожает дона Рэбу? Если он **всем сердцем** предан серому слову и серому делу? Или ты считаешь, что это невозможно? (*А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом*). ...Он безошибочно угадывал самолет Титаренко в небе среди многих дру-

гих самолетов — угадывал по изяществу виражей. Для того, чтобы так летать, нужно было действительно любить авиацию, предаться ей **всем сердцем** (*Н. Чуковский. Балтийское небо*). — Что поделать? — развел руками Богаевский. — не от меня это зависит... Я **всей душой**, всем сердцем готов вам помочь (*Д. Петров. Юг в огне*). Поверьте, я полностью разделяю вашу точку зрения и **всей душой** на вашей стороне. (*реч.*). — Вы же знаете, я предан вам **всей душой** и хоть сейчас готов это доказать (*реч.*). — Давай уедем на выходные за город? — Я **всей душою** «за» (*реч.*).

К. Культурный смысл фразеологизма *Всей душой* ⟨*всею душою*⟩ можно рассматривать как результат соединения двух возможных культурных интерпретаций.

В народной антропологии душа — это бессмертная субстанция жизни, заключенная в теле человека и покидающая его в момент смерти. Одной из стадий существования души является душа живого человека, пребывающая в теле («телесная» душа). Она обитает в теле — «внутри», «в середине», «в каждой частице тела» (см. *Славянские древности, т. 2*).

Согласно христианским представлениям, *душа* — это 'дыхание жизни, существо духовное и бессмертное' (см. *Библейская энциклопедия*). Таким образом, и в мифопоэтическом, и в христианском типах дискурса *душа* может толковаться как 'сущность (субстанция), пребывающая в теле живого человека'. В этом случае смысл фразеологизма полностью выражают его эквиваленты: *всем своим существом, всей своею сутью.*

Фразеол. **всей душой** ⟨**всею душою**⟩ ⟨**всем сердцем**⟩ синонимичен фразеол. **всеми фибрами души**, ср. также близкие по смыслу: *предан всем сердцем / всей душой* и *предан всеми своими потрохами.* Это указывает на то, что связь с представлениями о телесности *души* в данном фразеологизме не утрачена.

Фразеол. *всею душею, отъ всея душа* употреблялись с XV века (Радзивиловская летопись, Книги Ветхого и Нового Завета, 1499 г.).

См. **К. ВСЕМИ ФИБРАМИ ДУШИ**

[СО] ВСЕЙ ДУШОЙ ⟨ВСЕЮ ДУШОЮ⟩ 2. *кто к кому* с лучшими чувствами, с лучшими побуждениями, со всей искренностью. *Имеется в виду, что* лицо (*Х*), желая лицу, *реже* группе лиц (*У*) добра, искренне хочет помочь, посочувствовать и т. п. *Обычно* о себе. *Часто* в ситуации, когда тот, кому сочувствовали, не принял сочувствия, помощи, не поверил в искренность намерений, тем самым обидев доброжелателя. ***Неформ.***

Х* всей душой *к У-у

Неизм.
В роли сказуемого.
Порядок компонентов фиксир.

Отношения дороже денег! — сдавленно и в то же время возвышенно сказал Беляевский. — Я к вам **всей душой**, а вы?.. (*Ю. Алексеев. Бега*). [Мечеткин:] Значит, вы меня разыграли? Я к вам **всей душой**, а вы ко мне?.. (*А. Вампилов. Прошлым летом в Чулимске*). — Лихов-то злится, что я хлопотал за вас. Но я рад, что мне удалось как-то помочь вам, — сказал он. — Видите, я к вам **со всей душой** (*Д. Гранин. Иду на грозу*). — Я к ней **со всей душой**, пожалеть ее, дура, хотела. А она мне: «Не суйтесь не в свои дела!» — и убежала (*реч.*). — Больше я с этими людьми общаться не хочу. Я к ним **со всей душой**, помощь предлагаю, а они вели себя со мной так надменно, словно я просила у них о чем-то неприличном (*реч.*).

См. **К. ВСЕЙ ДУШОЙ ⟨ВСЕЮ ДУШОЮ⟩ ⟨ВСЕМ СЕРДЦЕМ⟩ 1.**

ВСЕМИ ФИБРАМИ ⟨СИЛАМИ⟩ ДУШИ чувствовать, страдать, ненавидеть и др. Безмерно, со всей страстью, всем своим существом. *Имеется в виду* эмоционально сильное, обычно отрицательного характера, проявление отношения лица (*Х*) к лицу, группе лиц (*У*) или к ситуации (*Р*). ***Книжн. Реже*** **всеми своими фибрами**. ***Книжн.***

Каждой фиброй своей души: Со всей страстью; любой частью своего существа.

Х ненавидит У (Р) ***всеми фибрами души***
Чаще употр. с несов. глаг.
Неизм.
В роли обстоятельства.
Порядок слов фиксир.

Его освободили для этого от наряда по кухне, и Саша страдает **всеми фибрами души** (*С. Баруздин. Повторение пройденного*). Тон, которым были высказаны эти предположения, не оставлял никакого сомнения: Михаил Егорович не просто недолюбливает Силкина, но и ненавидит его **всеми силами души** (*Т. Якушкин. Ветка яблони*). — Какая это река? — против воли выпалил доктор, хотя **всеми силами души** не хотел ничего спрашивать после недавнего опыта (*Б. Пастернак. Доктор Живаго*). — По-моему, ты просто ненавидишь его **всеми фибрами души**. Что он тебе сделал? (*реч.*). И мне искусство никогда не казалось предметом или стороною формы, но скорее таинственной и скрытой частью содержания. Мне это ясно, как день, я это чувствую **всеми своими фибрами**, но как выразить и сформулировать эту мысль? (*Б. Пастернак. Доктор Живаго*). **Каждой фиброй своей души** она чувствовала страх (*реч.*).

К. Культурный смысл фразеол. образован с помощью концептов: *фибрами*, *силами* и *душа*.

Фибры подчеркивают телесное начало души, указывая на то, что она состоит из волокон, жилок, нервов, т. е. представлена здесь как некий сплошной внутренний орган переживания. Слово *фибра*, заимствованное из латинского *fibra* — волокно, первоначально имело значение, сходное со значением в языке-источнике — 'жила, жилка, волокно растительной или животной ткани'. В современном языке это значение является устаревшим, но производное от него значение — *фибры* обычно *мн. ч.* — употребляется как 'символ душевных сил, составляющих в совокупности все существо человека. Обычно в сочет. *Фибры души*, *сердца*, *фибры существа*' (*МАС 1984*, *т. 4*, *с. 560*).

Образ фразеол. согласуется с мифопоэтическими представлениями о телесной душе, не отделимой от тела, помещающейся в крови, почках, глазах и других органах (*Слав. древности*).

Культурный смысл фразеол. может прочитываться: 'каждой частью телесной души'.

См. **К. ВСЕЙ ДУШОЙ**

ВЫМАТЫВАТЬ / ВЫМОТАТЬ ⟨ВЫТЯГИВАТЬ / ВЫТЯНУТЬ⟩ [ВСЮ] ДУШУ *кто*, *что* [*каму*, *из кого*]. Изводить, терзать; досаждать постоянными жалобами, просьбами, упреками, нудными хлопотами, а также невыполнением обещанного, необязательностью. *Подразумевается* возникновение душевной усталости, душевного утомления. *Имеется в виду*, *что* лицо, группа лиц (*Х*) вызывает сильное раздражение у лица (*У*) либо постоянными просьбами, адресованными лицу (*У*), либо отсутствием адекватной реакции на просьбы, обращения и т. д. лица (*У*), адресованных лицу (*Х*); *имеется в виду также*, *что* ситуация (*Р*) вызывает сильное раздражение у лица (*У*). ***Реч. стандарт.***

Х / Р ***выматывает душу*** [*У-у*, *из У-а*]
Именная часть неизм.
В роли сказуемого.
Порядок компонентов нефиксир.

Который год он мне **душу выматывает**, каждый день с жалобами ходит (*реч.*). Как же он мне надоел! Придет, рассядется и начинает **душу выматывать**: то жизни учит, то на жизнь жалуется. Меня от него тошнит, а выгнать как-то неловко (*реч.*). Вот они где у меня сидят, эти интуристы! — интимно пожаловался Коровьев, тыча пальцем в свою жилистую шею, — верите ли, всю **душу вымотали**! приедет... И или нашпионит, как последний сукин сын, или же капризами все **нервы вымотает**: и то ему не так, и это не так!.. (*М. Булгаков. Мастер и Маргарита*). — Тюремщик, а не учитель! — зарыдал он, опустившись

на парту. — **Всю душу вымотал** (*П. Яковлев. Первый ученик*). Он мне **всю душу вымотал**. Я уж его и так и сяк пытаюсь расшевелить, а он лежит на диване и ни на что не реагирует! (*реч.*) Боже мой! Это лечение **вымотало** мне **всю душу** (*М. Зощенко. Исповедь*). Хватит! Целый год он из матери **душу вытягивал**! (*реч.*). **Всю душу** они мне своими звонками **вытянули**! Каждый день звонят с какими-нибудь просьбами. А я не умею отказывать (*реч.*).

— Все пять лет... пять лет каждая ночь не обойдется без попреков. Хотя убил бы меня сразу, изверг! За что ты меня терзаешь? За что? Ну, хоть бы одну ноченьку ты из меня **души** моей не **выматывал**! (*А. Куприн. Ночлег*). — Ты мне уже **всю душу вымотал**! Каждый раз обещаешь принести диск и никак не принесешь (*реч.*). Что ж ты на нее все время ворчишь, душу только **вытягиваешь** (*реч.*). Переехал — к вечеру, кажется бы, и конец хлопотам: нет, еще провозишься недели две — Кажется, все расставлено... смотришь, что-нибудь да осталось: шторы привесить, картинки приколотить–душу **всю вытянет**, жить не захочется (*И. Гончаров. Обломов*). Ты своими приставаниями и расспросами из меня всю душу **вытянула**! (*реч.*).

— Я все равно все узнаю. Душу из него **всю вытяну**, а узнаю. У меня нет другого выхода (*реч.*).

К. Образ фразеол. согласуется с мифопоэтическим мотивом *прядения*: глагол *выматывать*, *вымотать*, связанный с глаголом *мотать*, рождает ассоциации с *прядением*. В этой связи образ *души* может соответствовать образу *пряжи*, *нити*, ср. также фразеол. *всеми фибрами души*. В мифологии нить метафорически соотносится с жизнью, которая развивается, подобно прядению нити. Пряжа-нить имеет значения 'жизнь', 'пуповина', 'судьба' и др. Она символически представляет образ связи неба с землей, реже земли с нижним миром (*В. Топоров. Пряжа // Мифы народов мира, 1992, т. 2, с. 344*). *Душа* в мифологии имеет сходные функции: во внутреннем мире человека она соединяет небо с землей. Это позволяет считать неслучайной ассоциативную связь фразеол. с мифологическим мотивом *прядения нити*.

Образ фразеол. согласуется с мифопоэтическими представлениями о телесной душе, которая может помещаться в крови, почках, глазах и других органах (*Слав. древн., 1999, т. 1, с. 163*). Косвенным доказательством этому служит синонимичное фразеол. выражение *Я из него все чрева вымотаю*. (*Чрева* имеет значение 'кишки') (*Даль 1955, т. 2, с. 350*); ср. также *мотать / вымотать* [*все*] *нервы*. Характерно, что получение нужных сведений могло описываться в XIX веке следующим образом: *Я из него все вымотаю, что мне знать нужно. Я из него все повымотал = разузнал* (*Даль 1955, т. 2, с. 350*).

[КАК БУДТО, СЛОВНО, ТОЧНО] ГОРА С ПЛЕЧ [СВАЛИЛАСЬ] *у кого.* После внезапного избавления от тяжелых, обременительных обязанностей, от забот и сомнений наступило полное облегчение, появилось ощущение внутренней свободы. *Подразумевается, что* ситуация благополучно разрешилась. *Имеется в виду, что* лицо, группа лиц (*X*) перестало чувствовать беспокойство, тревогу, связанную с каким-л. испытанием, необходимостью принять трудное решение, проявить выдержку и т. п. ***Реч. Стандарт.***

у X-а **гора с плеч свалилась**

X — дополнение.

Обычно сов. в., прош. вр. В наст. и буд. вр. глагол обычно опускается. Именная часть неизм.

Порядок слов нефиксир.

Сергеев заявление подал, и у него **как гора с плеч свалилась,** до такой степени он почувствовал себя выздоровевшим, что ли, освобожденным (*В. Пьецух. Наш человек в футляре*). — У меня **будто гора с плеч свалилась.** — И я тоже рада, Захар, что мы встретились (*А. Грачев. Первая просека*). — Одним словом, я все беру на себя. И насчет отпуска тоже похлопочу. — У Саши **словно гора с плеч свалилась** (*Д. Гранин. Искатели*). — Баглюк! — только и сказал Серпилин и вздохнул так, **словно с плеч** у него свалилась невыносимо тяжелая **гора** (*К. Симонов. Живые и мертвые*). Когда мы узнали, что операция прошла нормально, у нас **словно гора с плеч свалилась** (*реч.*). — Пол-кан уви-дал зай-ку, — медленно прочел Шурка. Наконец-то! **Точно гора с плеч свалилась:** уже второй день он кое-как, по слогам, но правильно прочитывает слова (*Л. Котовщикова. Сто процентов*). И, успокоенная этой мыслью, чувствуя, что **гора свалилась с плеч,** — умыла лицо, помолилась, улыбаясь счастливо и виновато (*В. Панова. Евдокия*). Мама совсем уж перепугалась, да почтальонка успокоила... Ну, **гора с плеч** — ничего нечистого, значит, нету (*Ал. Иванов. Гонорар*). **Гора свалилась с плеч** — с борьбой за первенство мира было покончено (*М. Ботвинник. К достижению цели*). — А штраф на тебя положат — выплатим. Ведь это тебе дороже — ходить да думать! Этакую тягу в себе носить! Шут с ним, со штрафом! Зато сразу **гора с плеч** (*Г. Николаева. Жатва*).

К. Гора связана с представлениями о тяжелом и сверхтяжелом объекте. В компоненте фразеол. **плеч** (*плечи*) проявляется значение 'часть тела человека, наиболее приспособленная для ношения, подъема, удерживания тяжестей'.

В образе фразеол. физическая тяжесть уподоблена психической, т. е. такой, которая связана с неприятными, трудными обязанностями, вы-

зывающими тяжелое эмоциональное состояние (ср. также *что-л. тяжким бременем легло на ее плечи, нести что-л. на своих плечах, сбросить что-л. с плеч*).

Так же как избавление от тяжелой ноши высвобождает силы, изменяет позу (человек перестает быть согнутым, придавленным тяжестью к земле, смотрящим вниз), так избавление от тяжелых обязанностей дает ощущение свободы, легкости и радости. Положение человеческого тела выражает его настроение, эмоциональное состояние. Это, в частности, описывают словосочетания: *кто-л. распрямил плечи*; *кто-л. как бы сделался выше ростом*; *кто-л. высоко держит голову* и т. д.

Культурный смысл фразеол. может прочитываться: 'Сверхтяжелая ноша, сковывавшая силы человека, мгновенно исчезла'.

ДО ГЛУБИНЫ ДУШИ возмущать, потрясать, оскорблять, взволновать и др. В высшей степени, до крайности, чрезвычайно. *Имеется в виду* полная потеря спокойствия, сильное эмоциональное переживание лица, группы лиц (*X*), связанное с каким-л. (часто негативным) действием, состоянием (*P*). ***Реч. стандарт.***

P потрясло X-а до глубины души
Неизм.
В роли обстоятельства.
Порядок слов фиксир.

Некий Плаписсон, усердный посетитель парижских салонов, возмущенный **до глубины души** содержанием пьесы, сидя на сцене, при каждой остроте или трюке обращал багровое от злобы лицо к партеру и кричал: «Смейся же, партер! Смейся!» (*М. Булгаков. Жизнь господина де Мольера*). Военком посочувствовал: «Попробую тебя в интендантское». Меня это «попробую» возмутило **до глубины души**: «Портянки считать? Ни за что! Пойду рядовым» (*В. Тендряков. День, вытеснивший жизнь*). — Нет, — сказал Виктор. — Сначала я проникаюсь национальным самосознанием **до глубины души**: читаю речи господина президента, зубрю наизусть богатырские саги, посещаю патриотические собрания (*А. и Б. Стругацкие. Гадкие лебеди*). Справедливости ради должен сказать, что и меня дразнили, хотя, правда, и очень редко, но зато оскорбляли **до глубины души** (*А. В. Кузнецов. Бабий Яр: роман-документ*). Его смерть потрясла всех **до глубины души** (*реч.*). Не стоит казаться равнодушной, по-моему, тебя **до глубины души** взволновало это предложение (*реч.*).

К. Образ фразеол. согласуется с мифопоэтическим представлением о *душе* как о центре внутреннего мира (микрокосма) человека, области сокровенного. *Глубина души* (см. также *в глубине души, запа-*

дать в душу) есть область самого сокровенного во внутреннем мире человека. Она является некоторым пределом, которого может достигать проникающее в человека чувство.

Использование метафоры **глубины** в отношении **души, сердца** восходит к ранним христианским письменным источникам. В текстах служебных миней 1096 г. употребляется фразеол. *из глубины сердца* (*СРЯ XI—XVII*, т. 4, с. 34). *Глубина*, приблизительно в это же время, имела значение: 'пропасть, бездна, пучина' и употреблялась в первую очередь как 'глубина морская', но также и 'речная, озерная'. Фразеологизм *глубинъ пръдати* означал 'потопить' (*там же*). Аналогия между морской (водной) глубиной и глубиной души, сердца как области сокровенного, возможно, носит неслучайный характер, сохраняя связь с архаичными структурами сознания, ср., также: «Морскому дну подобна и душа, впитывающая в себя все впечатления жизни и хранящая в себе самые дорогие из них» (*В. Н. Топоров. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: Избранное.* М., 1995, с. 591). В основе образа данного фразеол., возможно, лежит древний слой метафоры «моря».

Слова-сопроводители *поражать, трогать, возмущать, волновать, потрясать*, дополняют его образ. Описываемое с их помощью сильное воздействие чувств на душу человека рождает ассоциацию с метафорой завоевания чувствами души человека, ср. также *поражен до глубины души* ⟨*сердца*⟩ — *поражен в самую душу* ⟨*сердце*⟩ (см. также *закрадываться в душу*).

Образ фразеол. указывает на совокупность представлений о душе как о пространстве, имеющем глубину, которая как бы является конечной / предельной точкой проникновения чувств.

ДУША ⟨СЕРДЦЕ⟩ НЕ НА МЕСТЕ *у кого*. Возникает чувство сильного беспокойства, тревоги, волнения. *Имеется в виду, что* лицо (*X*) предчувствует возможность неприятных событий (*P*), обычно связанных с судьбой близких людей или дорогого предмета. ***Неформ.***

У X-а **душа не на месте**
Неизм.
В безличном употреблении.
Возможно как отдельное высказывание.
Порядок слов фиксир.

— Звал? — спросила она и закурила. «Тоже нервы не железные, — с удовлетворением подумал Аникей. — Как **душа не на месте**, сразу начинает дымить!» (*Е. Мальцев. Войди в каждый дом*). Честное слово, больше люблю, когда на меня жмут. Так уж если жмут, так знаешь,

что у тебя есть, чего нет, а когда у меня тихо, у соседей давят — хуже всего, **душа не на месте** (*К. Симонов. Дни и ночи*). — На, пришивай, а то у тебя, я вижу, не только пуговица, но и **душа не на месте** (*Л. Кассиль. Ход белой королевы*). — Знаешь. У меня что-то **душа не на месте**. Уже час ночи, а брата все нет. Не случилось ли чего? (*реч.*). **Душа не на месте!** Боюсь я за дочку. Не обидел бы кто! (*реч.*). В это время в столовую вошел Доронин, и она с первого взгляда поняла, что у него **сердце не на месте** (*А. Чаковский. У нас уже утро*). — Я хочу спросить: что будет с садом, когда я помру?.. Когда поедешь в гости на часок, сидишь, а у самого **сердце не на месте**: ...боишься, как бы в саду чего не случилось. (*А. Чехов. Черный монах*). Умом я понимаю, что мы должны были расстаться, что у сына теперь своя семья, свои заботы, а все равно, **сердце не на месте**. Плохо ему там! (*реч.*).

К. Образ фразеол. согласуется с мифопоэтическими представлениями о душе, обитающей в теле человека, чаще в определенном месте (свое место): в *сердце* или около него, — а также способной к перемещению в теле человека (*Слав. древн., 1999, т. 2, с. 163*). Перемещение души вниз (см. фразеол. *душа уходит в пятки*) является следствием воздействия отрицательных чувств.

Образ фразеол. согласуется с представлениями о том, что душа как бы потеряла свое место. Утрата душой, в которой сосредоточены чувства человека, «своего» места может вести к деструкции внутреннего мира, к возникновению хаоса в эмоциональном состоянии, чувствах человека, рождать ощущение неопределенности и тревоги. Вероятно, здесь имеет место антропоморфная метафора (душа уподобляется человеку), ср. *места себе не могу найти, хожу как потерянная — душа (сердце) не на месте.*

ДУША ⟨СЕРДЦЕ⟩ В ПЯТКИ [УХОДИТ/УШЛА, УШЛО] *у кого.* Возникает ощущение сильного испуга, страха, волнения, робости. *Имеется в виду, что* в результате каких-л. пугающих или волнующих событий, сообщений (*Р*), а также при мысли о чем-л. лицо (*Х*) испытывает эмоциональное потрясение: часто кажется, что останавливается сердце, ощущается неожиданная слабость. ***Неформ.***

У Х-а **душа в пятки уходит**
Именная часть неизм.
Нет повел. накл.
В составе безличного предложения.
Возможно как отдельное высказывание.
Порядок компонентов нефиксир.

— Да я прям не знаю... Он мне все мозги запудрил с этим морем. Я уж и не знаю, как теперь... Вроде, так-то, охота, а у самой **душа в**

пятки уходит — боюсь (*В. Шукшин. Печки-лавочки*). «Странный крик», — сказал Максим. «Странный — не знаю, — возразил Зеф, — но страшноватый. Ночью как начнут орать по всему лесу, **душа в пятки уходит**», (*А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров*). Идем мы, значит, из штаба дивизии в полк. Перед этим дожди прошли большие, дорога вся размытая, ноги не идут, а на душе тревога: почти все молодые, необстрелянные, на западе зарево и стрельба такая, что **душа уходит в пятки**, на дороге — побитые кони... и ямы от бомб (*Э. Казакевич. При свете дня*). При одной мысли об этой страшной комнате у меня **душа в пятки уходит** (*реч.*) — Сиди уж! ...Герой! У самого, небось, **душа в пятки ушла**. — У кого? У меня? Мне только на станции сидеть неохота, а то бы ему... сказал несколько слов (*В. Шукшин. Печки-лавочки*). Однажды, убирая мастерскую, [я] решился и стянул кольцо колбасы. Тут у меня **душа ушла в пятки**: выгонит Дегтярев (*А. Кузнецов. Бабий Яр*). — А вот и Жердяйчик наш перепугался, — продолжал Генка. — прямо **душа в пятки ушла**... (*А. Рыбаков. Бронзовая птица*). Липман вынул из чемодана пакет, развернул, там лежал пластинчатый [зубной] протез... Сталин в изумлении поднял брови. Ведь он ему ясно сказал, что предпочитает золотой, даже ударил кулаком по креслу, и у врача **душа ушла в пятки** (*А. Рыбаков. Дети Арбата*). Ночью, когда все спали, вдруг явственно щелкнул замок входной двери — у меня **душа ушла в пятки** (*реч.*). Я позвонила, попросила Якова Добрынина. А мне мужской голос сказал, что его нет, и я спросила, когда он будет, а мужской голос на это ответил, что на этот вопрос ответа нет. Я поперхнулась, **сердце ушло в пятки** (*Л. Петрушевская. Время ночь*). Стою я с подружками в уголку и вижу, подходит к нам новенький, весь с иголочки офицерик. И как я его завидела, так **сердце** у меня **в пятки ушло**: уж так-то он мне с самого первого взгляда показался, полюбился (*С. Шуртаков. «Мама, это я...»*). — Единственное, что испортило поездку, была встреча с серым бараном, который словно нарочно ее подстерег: он выпучил глаза, разбежался — и бац под колено — даже **сердце в пятки ушло** (*С. Макаров. Как искали Раду*).

Вариант: **ДУША В ПЯТКАХ** *у кого*. Ощущение сильного испуга, страха или робости (говорится с неодобрением). *Имеется в виду, что* возникшая у лица (*Х*) сильная эмоциональная реакция является следствием каких-л. пугающих или волнующих событий, сообщений (*Р*). ***Неформ.***

У Х-а душа в пятках
Неизм.

В составе безличного предложения.
Возможно как отдельное высказывание.
Порядок компонентов фиксир.

Слышишь, что творится? Не изображай, пожалуйста, героя — не поверю. У тебя **душа теперь в пятках**, и это естественно. Каждую минуту может измениться положение. Сюда будут залетать снаряды (*Б. Пастернак. Доктор Живаго*). Настороженный Бараболя с пистолетом в руке тут же вылетает обратно, и они сталкиваются в дверях... — Фу! Как вы меня перепугали!.. Душа до сих пор **в пятках** (*М. Стельмах. Кровь людская не водица*). — Ой, — раздалось сзади слабое восклицание. Родька и Венька, толкнув друг друга, повернулись к Ваське Орехову. — Ты что? — Ногу подвернул. Дальше не пойду. — Так мы тебе и поверили... Скажи прямо: **душа в пятках**. — Васька перестал стонать. — А неужели не страшно? (*В. Тендряков. Чудотворная*). А он как посмотрит на меня из-под черных очков, поджилки затряслись, и **душа в пятках** (*С. Елеонский. Неизреченный свет*). — Мочи моей нету, товарищ лейтенант, — тоненько взвизгнул Молочков... — Каждый раз, как с вами в разведку уходить, со страху умирал, **душа в пятках**... Да проносило смертушку (*Ю. Бондарев. Берег*).

Вариант: **Душа в пятки** *у кого.*

Прыгнет из-под ног лягушонок — тоже страшно зайчонку. Гугухнет ночью сова — у беляка **душа в пятки** (*И. Соколов-Микитов. Год в лесу*). — У меня **душа в пятки**. Сами посудите: тут — военный комендант, по бокам два барбоса при шашках, а за спиной — фельдшерица (*С. Антонов. Царский двугривенный*).

К. См. также **Душа не на месте.** Образ фразеологизма согласуется с мифопоэтическими представлениями о перемещении души, обитающей в теле. В ситуации, когда человек испытывает страх, душа как бы готова выскочить из тела. Ср. также *душа выскочить хотела* — о вздрагивании при испуге (*Слав. древн.*).

Стремительное движение души или сердца, заключенных в теле, вниз символизирует испуг и страх, ср. также **сердце падает, оборвалось.**

Перемещение души в пятки представляется неслучайным. *Пятки* — это нижняя точка эталонной вертикали человеческого тела, ср. **с головы до пят.** Возможно, к данному фразеол. имеет отношение то, что глагол *попятиться* также выражает испуг.

С другой стороны, фразеол. *Ахиллесова пята* импликативно соотносится с представлениями о *пятке* как уязвимом месте. Выражение связывается с сюжетом «Илиады» Гомера: «Дрогнули все [греки при встрече с троянским героем Гектором], и у каждого в ночи отважность упала (ушла)...» Ср. в лат.: Omnis in pedes decidit. (*В. Мокиенко. Сло-*

варь русск. фразеол. Историко-этимологический справочник, 2001, с. 175). Эти представления также могут влиять на культурный облик фразеол. Душа, переместившись в пятки, оказывается как бы в самой нижней, уязвимой точке человеческого тела.

ЗАКРАДЫВАТЬСЯ / ЗАКРАСТЬСЯ ⟨ВКРАДЫВАТЬСЯ / ВКРАСТЬСЯ⟩ В ДУШУ ⟨В СЕРДЦЕ⟩ что *кого*, (*к*) *кому*, *чью*, *чье*. Возникать неосознанно, незаметно, невольно. *Подразумеваются* печаль, тоска, сомнения, подозрения. *Имеется в виду*, *что* чувства, сомнения (*Р*) неожиданно, исподволь появляются у лица (*Х*), оказывая влияние на его эмоциональное состояние. ***Реч. стандарт.***

*Р **закрадывается в душу*** Х-а ⟨Х-у⟩
Именная часть неизм.
Нет буд. вр.
Порядок компонентов нефиксир.

Что с ней творилось? Какие тайные страхи могли **закрасться в ее душу**? Что заставляло ее вздрагивать от любого шума, от легкого порыва ветра? (*реч.*).

Лукашин осматривается, не зная, что делать дальше, как вдруг сомнение **закрадывается в его душу** (*Э. Брагинский, Э. Рязанов. Ирония судьбы, или С легким паром*). Она взглянула в его глаза, и страшное подозрение **закралось в душу**: он пришел, чтобы сообщить ей о смерти мужа, но не решается это сделать (*реч.*). Печаль **закралась в сердце**: хочется сидеть на диване и плакать, а надо мыть полы, стирать белье и готовиться к лекциям (*реч.*). Вот именно, как это все доходчиво — мы все люди и все хочем чего послаще. И этот крупнейший работник, таинственный генконсультант, с которого приказано глаз не спускать, тоже явный «все мы люди» и тоже хотит в индустриальной зоне гужеваться без помех. Конечно, немедленно **в душу** многоопытного Лопатова **вкралось** сомнение: обнаружат товарищи в Малом Беме и Копейке — конец карьере, отстранят от руля, придется влачить остаток жизни на родине. И в то же время... (*В. Аксенов. Остров Крым*).

К. Образ фразеол. согласуется с мифопоэтическим представлением о *душе* как о центре внутреннего мира (микрокосма) человека, области сокровенного, которая подвергается нападению антропоморфных существ — чувств (часто отрицательных). Чувства приходят извне и стремятся завладеть душой человека (ср. также *тоска овладела душой / сердцем*). Стратегия проникновения чувства в душу человека может быть разной. Во фразеол. **Закрадываться / закрасться в душу** актуализируется «обманное, скрытое» проникновение в душу, что ука-

зывает на вредоносный, приводящий к деструкции характер чувства, которому, однако, не оказывается сопротивления.

Образ фразеол. указывает на совокупность представлений о душе, сердце как об «арене борьбы» чувств, обладающих антропоморфными чертами.

ЗАПАДАТЬ / ЗАПАСТЬ В ДУШУ ⟨*реже* **В СЕРДЦЕ**⟩ 1. кто, что [*чем*] *кому.* Производя сильное впечатление, надолго запоминаться. *Имеется в виду, что* лицо (*X*), поступок, слова, образ (*P*) оказали сильное эмоциональное воздействие на лицо, группу лиц (*У*), оставив след в памяти. ***Реч. стандарт.***

X ⟨*P*⟩ ***западает в душу*** *У-у* [*Z-м*]
Именная часть неизм.
Глагол чаще в прош. или наст. вр. 3 л.
Порядок слов нефиксир.

Глубоко **в душу западают** слова, сказанные писателем так просто и искренне и, вместе с тем, так пронзительно и точно (*реч*). «Он не мог не видеть, какое глубочайшее впечатление произвели на людей проникновенные, **западающие в душу** слова нашего любимого вождя» (*В. Войнович. Претендент на престол: Новые приключения солдата Ивана Чонкина*). Глубоко **в душу запал** нам, военным летчикам, подвиг Ивана Иванова. И не символично ли это: наш боевой побратим совершил героический поступок недалеко от места, где в 1914 году впервые в истории авиации применил таран знаменитый летчик Петр Нестеров (*Н. Саутин. Красные соколы сорок первого*). Человек заговорил о войне, потом закручинился и запел какую-то свою песню о недавних боях. И песня тогда же **запала в душу** своим больным смыслом крушения чьей-то судьбы (*А. Знаменский. Мосты*). Я был счастлив тем, что через несколько часов увижу море. С детства его веселый, пенистый простор **запал** мне **в душу** (*К. Паустовский. Повесть о жизни*). — Я никогда не любил маленьких детей. А этот ребенок **запал в душу**, и все тут! (*реч.*). Отважный полковник Кутепов, маленькая женщина-врач Тимофеева, в присутствии которой мужчина не смеет не быть храбрым, глубоко **запали в сердце** Симонова. Пройдут годы и они станут прототипами главных действующих лиц эпопеи «Живые и мертвые» — генерала Серпилина, «маленькой докторши» Тани Овсянниковой (*В. Вострухов. Маленький доктор*).

Ты, со своей улыбкой ласковой и хищным взглядом, **в душу** мне **запала**, и не думать о тебе, не помнить тебя я уже не в силах (*реч.*).

— Я тебе **в душу запала**, а это значит, что связь между нами ни время, ни расстояние, ни чужие люди не смогут оборвать. Это и весело, и страшно (*реч.*).

К. Образ фразеол. согласуется с мифопоэтическим представлением о *душе* как о центре внутреннего мира (микрокосма) человека, области сокровенных мыслей, чувств, а также эмоциональной памяти человека. Компонент фразеол. **западать** описывает ненамеренное, неагрессивное действие, которое совершается как бы само по себе без волевого усилия со стороны человека. При этом актуализируется такой параметр души, как *глубина* (см. также *в глубине души*, *до глубины души*).

Образ фразеол. указывает на совокупность представлений о душе, сердце как о самом сокровенном «месте хранения» «вещей» (образов, воспоминаний и др.), с которыми связано сильное эмоциональное переживание и которые формируют сокровенную память человека. Сокровенная память существует независимо от воли человека, на нее не влияет рациональная оценка.

См. **К. ЗАКРАДЫВАТЬСЯ / ЗАКРАСТЬСЯ ⟨ВКРАДЫВАТЬСЯ / ВКРАСТЬСЯ⟩ В ДУШУ ⟨В СЕРДЦЕ⟩**

ЗАПАДАТЬ/ЗАПАСТЬ В ДУШУ ⟨В СЕРДЦЕ⟩ 2. [*к*] *кому.* Волновать, тревожить, пугать, смущать. *Подразумевается* состояние страха, сомнения, тревоги, вызванное чем-то неприятным, беспокоящим. *Имеется в виду, что* какое-л. неприятное чувство, ощущение (*Р*) начинает оказывать постоянное воздействие на эмоциональное состояние лица (*Х*). ***Реч. стандарт.***

*Р **западает в душу*** [к]*Х-у*
Именная часть неизм.
Глагол чаще в прош. или наст. вр. 3 л.
В роли сказуемого.
Порядок компонентов нефиксир.

Катя — девушка впечатлительная. Весь этот кошмар человеческой трагедии, в который ей пришлось погрузиться, не мог не запасть ей в душу (*реч.*).

После этого неприятного, странного разговора все как бы остается по-прежнему, но **в душу западает** смутное подозрение. И крутится мысль: что с нами дальше-то будет? (*реч.*). Петрок подумал, что ему показалось — кто теперь, кроме Степаниды, мог быть на усадьбе? Тем не менее слабая тревога уже **запала в душу** (*В. Быков. Знак беды*). Ей объяснили, что преступник пойман, что больше ее никто не будет шантажировать, но **в душу** уже **запал** страх, по ночам мучили бессонницы (*реч.*). Дни стояли осенние, дождливые, они проживались как бы нехотя, и тоска **западала в сердце** от этого серого безвременья (*реч.*).

Вариант: **Проникать / проникнуть в душу**

— Да, да, представьте себе, я в общем не склонен сходиться с людьми, обладаю чертовой странностью: схожусь с людьми туго, недоверчив, подозрителен. И — представьте себе, при этом обязательно ко мне **проникает в душу** кто-нибудь непредвиденный, неожиданный и внешне-то черт знает на что похожий, и он-то мне больше всех и понравится (*М. Булгаков. Мастер и Маргарита*). Раз в неделю толстая, тяжело переводившая дух, пахнувшая кислым потом швейцариха приходила с пылесосом, и тогда начинался ад, мир рвался на части, адский скрежет **проникал в самую душу**, разрушая ее, и гнал Федора Константиновича из постели, из комнаты, из дома (*В. Набоков. Дар*). Шапка ее волос, в беспорядке разметанная по подушке дымом своей красоты ела Комаровскому глаза и **проникала в душу** (*Б. Пастернак. Доктор Живаго*).

См. **К. ЗАПАДАТЬ / ЗАПАСТЬ В ДУШУ** ⟨*реже* **В СЕРДЦЕ**⟩

КАМЕНЬ НА ДУШЕ ⟨НА СЕРДЦЕ⟩ [ЛЕЖИТ (ЛЕЖАЛ)] *у кого* (*реже — для кого*). Очень тяжелое, гнетущее чувство; тоска. *Имеется в виду, что* лицо (*X*) испытывает тягостное неприятное состояние угнетенности, беспокойства, обычно связанного со страхами, из-за осознания безнадежности положения в целом. ***Реч. стандарт.***

у *X-а* ***камень на душе***
Неизм.
В роли именного сказуемого, реже — подлежащего
Порядок слов нефиксир.

— Мы так и не смогли ей помочь. Такой **камень на душе**, ты не представляешь... (*реч.*). — ...Надеюсь, вы не такой наивный человек, чтобы полагать, будто то, что не взял я его в институт, — повлияло на судьбу Антона. — ...Это сейчас такой отказ ничего не значит. А для нашего брата — **камень на душе** (*И. Герасимов. Пробел в календаре*). Не спрашивай его ни о чем. У него **камень на душе** после вчерашнего неприятного разговора. Ходит сам не свой. Смотреть страшно (*реч.*). У нас вся жизнь от сводки до сводки, — писала мать. — Вот не было от тебя писем, и прямо **камень на сердце**. Днем как-то услыхала твой голос, ясно услышала, как ты позвал меня. Я ходила сама не своя (*Г. Бакланов. Навек девятнадцатилетние*). И опять — **камень на сердце** и жить неохота (*В. Карпов. Вилась веревочка...*) — До свидания, — милый скажет. // А **на сердце камень ляжет**. // — До свидания, до свидания. // Не забудь моего, ты, страдания. (*песн.*). — Цыганка мне как-то на вокзале гадала. — У тебя, — говорит, — **камень на сердце**. Ты, — говорит, — любишь одного человека, а он на тебя внимания не обращает (*реч.*).

Вариант: **КАМНЕМ НА СЕРДЦЕ ЛЕЖИТ (ЛЕГ, ЛЕГЛА, ЛЕГЛО)** *что у кого*. Воздействовать угнетающе. *Имеется в виду, что* событие (*Р*) вызвало у лица (*Х*) тягостное неприятное состояние угнетенности, беспокойства, страха.

Р лежит камнем на сердце [у *Х-а*]
Р — подлежащее или самост. предложение
Неизм.
В роли именной части сказуемого.
Порядок компонентов нефиксир.

Известие о том, что отец попал в больницу, камнем легло на сердце (*реч.*).

Вариант: **С КАМНЕМ НА СЕРДЦЕ ⟨НА ДУШЕ⟩ ЖИТЬ** *кто*. Находиться в очень тяжелом, гнетущем состоянии; испытывать тоску. *Имеется в виду, что* лицо (*Х*) испытывает тягостное неприятное состояние угнетенности, беспокойства, обычно связанного со страхами, из-за осознания безнадежности положения в целом.

Х живет с камнем на сердце
Неизм.
В роли обстоятельства.
Порядок компонентов фиксир.

Она поняла, что из-за ее ошибки погиб человек. Так и живет **с камнем на сердце**, страдает очень (*реч.*).

К. Образ фразеологизма строится на устойчивом представлении о *камне* как о природном объекте (вещи), который характеризуется как тяжелый (холодный, твердый и неподвижный). Тяжесть также является одним из главных свойств отрицательных чувств: переживаний, страданий. Поэтому состояние печали, тоски и т. п. описывается следующим образом: *тяжело / тяжесть на душе / на сердце = камень на душе / на сердце*.

Культурный смысл фразеол. может прочитываться: ‘в том месте, где у человека сосредоточены эмоции, переживания, находится тяжелый, холодный, неподвижный предмет, символизирующий и/или обусловливающий отрицательные чувства’.

См. **К. [КАК, БУДТО, СЛОВНО, ТОЧНО] КАМЕНЬ ⟨*реже* — ГРУЗ⟩ С ДУШИ ⟨С СЕРДЦА⟩ [СВАЛИЛСЯ, *реже* — СПАЛ]; НА ДУШЕ ⟨НА СЕРДЦЕ⟩.**

[КАК, БУДТО, СЛОВНО, ТОЧНО] КАМЕНЬ ⟨ *реже* **— ГРУЗ⟩ С ДУШИ ⟨С СЕРДЦА⟩ [СВАЛИЛСЯ,** *реже* **— СПАЛ]** *у кого*. Наступило душевное облегчение после внезапного избавления от тяжелого, гнетущего чувства. *Имеется в виду, что* у лица (*Х*) исчезло состояние

угнетенности, беспокойства, так как страх оказался необоснованным, ситуация благополучно разрешилась, был найден выход из положения, казавшегося безнадежным. ***Реч. стандарт.*** Если при слове *камень* употребляются абстрактные сущ. *недоверие, сомнение* и т. п., фразеологизм приобретает ***Книжн.*** окраску.

у Х-а **камень с сердца свалился**
Именная часть неизм.
Чаще сов.в., прош. вр., в наст. и буд. вр. глагол обычно опускается.
Порядок слов нефиксир.

Одна из официанток рассказала, что ее соседи-старички недавно нашли в лесу голубоглазого мальчишку. Это был Вовка. **Камень свалился с души** (*К. Алексеев. Советник юстиции*). — Но я рада была, что этот разговор у нас состоялся, просто **камень** у меня **с сердца свалился**. Хорошо, когда муж с женой друг друга понимают (*Г. Юшков. Женщина из села Вилядь*). Не каждый месяц удавалось собрать положенную сумму. Стала варьировать — пропустит месяц, а потом возвратит долг... И **как камень с души**. «Там трое маленьких детей». О себе думала не в первую очередь (*А. Плутник. Есть ли предел доброты?*) — Я представляю себе, что ты пережила. У тебя, наверное, **как камень с души свалился**, когда ты узнала, что ребенку не нужна операция (*реч.*). — Счастье-то какое! Не надо сдавать экзамен по математике. **Как камень с сердца** (*реч.*). Приняв не без внутренней борьбы такое решение, Юра явственно повеселел, у него **будто камень с души свалился** (*Эм. Казакевич. При свете дня*). Шумной толпой все вывалились на улицу, снова курили, у всех **словно камень свалился с души** — смеялись, шутили (*Д. Гусаров. Партизанская музыка*). У меня **словно камень с сердца свалился**. Я быстро схватил фуражку и направился к двери... (*Н. Думбадзе. Коррида*). Да ведь дитя-то не чужое, свое. За него и болеешь... Теперь вот **словно камень с сердца свалился**: слава богу, поступила. Теперь в институт нелегко попасть (*И. Леденев. Радость раздела пополам*). — Да иди скорей, отец! Что ж ты там застрял? Нина-то ведь с Николаем приехала! Хорошо-то как, ну, у меня **словно камень с сердца**... (*Б. Шалаев. Милые не бранятся*). Уф-ф! Медленно, во всю грудь, вздохнула Раиса. С нее **точно камень спал** (*Ю. Гончаров. В сорок первом*). Однако **с души** уже **свалился** тяжелый **груз** (*В. Тендряков. Тугой узел*).

К. Образ фразеологизма строится на устойчивом представлении о *камне* как о природном объекте (вещи), который характеризуется как тяжелый (холодный, твердый и неподвижный). Тяжесть также является одним из главных свойств отрицательных чувств: переживаний, страданий. В образе фразеол. избавление человека от печали, тоски и т. п.

уподоблено избавлению души, сердца от камня, позволяющему обрести легкость: *камень с души свалился / груз свалился с души = отлегло от сердца, полегчало.* Ср. *«Когда... ведя огонь на ходу, появились танки бригады, Петров почувствовал величайшее облегчение, огромная тяжесть спала с души»* (*Б. Галкин. Звезда танкиста*).

Культурный смысл фразеол. может прочитываться: 'тяжелый, холодный, неподвижный предмет, символизирующий и/или обусловливающий отрицательные чувства и ранее находившийся там, где у человека сосредоточены эмоции, внезапно исчез'.

См. **К. КАМЕНЬ НА ДУШЕ ⟨НА СЕРДЦЕ⟩ [ЛЕЖИТ (ЛЕЖАЛ)]**

КОШКИ СКРЕБУТ ⟨СКРЕБЛИ / ЗАСКРЕБЛИ⟩ НА ДУШЕ ⟨*реже* НА СЕРДЦЕ⟩ *у кого.* Состояние щемящей тоски, тревоги, беспокойства. *Часто* подразумевается попытка скрыть это состояние. *Обычно имеется в виду, что* лицо (*X*), чувствуя свою неправоту, испытывает угрызения совести, или ждет каких-л. неприятностей, или просто хандрит. ***Неформ.***

У *X-а кошки скребут на душе*
Именная часть неизм.
В безличном употреблении.
Возможно как отдельное высказывание.
Порядок слов нефиксир.

Зачем вы меня притащили сюда? — Потому что вам некуда было сегодня деваться. Потому что у вас **на душе кошки скребут**. Верно? Ну, вот поэтому и притащила (*Е. Воеводин. Заявление на две недели*). Это я с виду только беспечный, а на самом деле у меня **на душе, может быть, кошки скребут** (*А. Вампилов. Девичья память*). Когда что-то не выходит, обидел кто или просто **на душе кошки скребут**, все к нему идут (*Н. Сизов. Наследники*). Старость — это жизненный закон так же, как детство, юность, зрелость. И принимаешь это как неизбежное, как восход солнца или закат. Но когда вспоминаешь прошлое, то **кошки скребут**. Мог бы так не поступать. Невольно и зло делал, что причиняло людям боль (*А. Лебедев. И жизнь, и слезы, и любовь*). — Что-то я не заметил, чтоб ты так мучился, — говорю я. — Да что ты! Конечно, мучился! Это я только так, делал вид, будто мне все нипочем, а у самого **на душе кошки скребут**! (*В. Носов. Витя Малеев в школе и дома*). Она сказала, что не хитрит, что мы могли бы не ссориться, ведь не виделись три дня, она понимает, что **на душе** у меня **кошки скребут**, она все понимает... (*В. Аксенов. Маленький Кит, лакировщик действительности*). Теперь я жалею, что говорил с ним так на прощание. У мальчишки **кошки на душе скребли**, а я не смог сдер-

жать свою злость (*В. Аксенов. Звездный билет*). Борис шел домой, по привычке насвистывая песенку, но **на душе у него скребли кошки** (*Г. Медынский. Повесть о юности*). За годы супружеской жизни Вера Платоновна выучилась улыбаться, какие бы **кошки ни скребли на душе**, быть всегда свежей, подтянутой, оживленной (*И. Грекова. Хозяйка гостиницы*). Формула вертушки была несложной, задание для судового плана не из лучших, поэтому и ругался Эртель, поэтому и **скребли на душе кошки** (*В. Летов. Такое время штормовое*). Когда летом [актеры] приехали из Саратова и [Гриша] Ребров встречал ее [Лялю] на вокзале, Корнилович нарочно громким шутовским голосом говорил Ляле: "Ну что, Лялечка, признаемся Грише во всем? А? Давай признаемся?". Актеры хохотали, Гриша силился улыбаться, а **на душе кошки скребли**: черт их знает, а вдруг? (*Ю. Трифонов. Долгое прощание*). Желаю успеха в труде и в личной жизни. — Володя чесал языком, а сам отвлеченно глядел в сторону, и **на душе у него кошки скребли** (*В. Аксенов. Затоваренная бочкотара*). Она продолжала весело болтать, а у самой **заскребли кошки на сердце** при мысли, что он уезжает, и больше не будет этих случайных встреч. (*реч.*). — Согласился я с тобой, Алеша, а **на сердце кошки скребут**. ⟨...⟩ Может, отложим все это? (*И. Акулов. В вечном долгу*). Отправлял меня в путь, а у самого **кошки на сердце скребли** (*Г. Марков. Отец и сын*).

Вариант: **СКРЕБЕТ НА ДУШЕ** ⟨*реже* — **НА СЕРДЦЕ**⟩ *у кого.*

У *Х-а* ***скребет на душе***
В безличном употреблении.
Возможно как отдельное высказывание.
Порядок слов нефиксир.

И командир здесь — образец, пример для подражания... Если даже **скребет на душе**, не подавай виду (*О. Смирнов. Прощание*). Мне было больно взглянуть на своего сконфуженного друга по гимназии. Мне хотелось его утешить. — Пустяки, — сказал я спокойно по внешности, хотя **на душе у меня скребло** (*Н. Морозов. Повести моей жизни*). — Вижу, **скребет у тебя на сердце**, Павел Александрович, — участливо сказал Адриан Микитич. — А ты от меня таишься, не говоришь (*В. Саянов. Лена*).

К. В образе фразеол. состояние тоски, тревоги уподоблено такому состоянию, когда душе или сердцу, символизирующим чувство-пространство, как бы наносятся мелкие болезненные раны (ср. *ранить душу / сердце*). Этот образ согласуется с мифопоэтическими представлениями о телесной душе, неотделимой от тела (*Слав. древности*).

По народным представлениям в *кошке* сидит вселившийся в нее дьявол. Это может создавать дополнительные ассоциации: воздействие

темных сил, воплощением которых являются отрицательные чувства, на душу человека. Эту ассоциацию подкрепляет также присутствующий в данном фразеологизме, но словесно не выраженный образ *кошачьих когтей*. Метафора когтей закреплена за инфернальными силами (ср. *в когтях смерти, в когтях дьявола*) и имеет отрицательные коннотации.

Культурный смысл фразеол. может прочитываться: 'когтистое существо, связанное с темными силами, наносит мелкие, болезненные раны «внутреннему органу», «телесной области», в которой сосредоточены чувства человека'.

НА ДУШЕ ⟨**НА СЕРДЦЕ**⟩ легко, спокойно, муторно, мрак и др. Психологически; внутри. *Имеется в виду* состояние духа, а также чувства, настроения, переживаемые лицом (*Х*). ***Реч. стандарт.***

У Х-а радостно **на душе**
Неизм.
В роли обстоятельства.
Порядок компонентов фиксир.

Опять весна, и у меня очень легко **на душе**. Я люблю весну (*Ю. Казаков. Голубое и зеленое*). Мы все живем на пустом свете, — разве у тебя спокойно **на душе**? (*А. Платонов. Котлован*). Помню, что пьяный был тогда, целую неделю пил. **На душе** было гадостно... (*А. и Б. Стругацкие. Пикник на обочине*). Хотя был еще день и совсем светло, у доктора было такое чувство, точно он поздним вечером стоит в темном дремучем лесу своей жизни. Такой мрак был у него **на душе**, так ему было печально (*Б. Пастернак. Доктор Живаго*). В целом стало у меня легче **на сердце**, когда про Матвейку открыла. Все-таки родная мать, а ему родная бабушка (*И. Грекова. Кафедра*). Легко **на сердце** от песни веселой, // Она скучать не дает никогда... (*В. Лебедев-Кумач. Марш веселых ребят*). — **На душе** что-то муторно. Пойду пройдусь, подышу свежим воздухом (*реч*).

К. *Душа* и *сердце* как области локализации чувств имеют определенные пространственные характеристики: глубину (см. **К.К.** *В [самой] глубине души ⟨сердца⟩; До глубины души ⟨сердца⟩*) и поверхность.

Во фразеол. **на душе** ⟨**на сердце**⟩ реализуется метафора поверхности, т. е. области, достаточно близко связанной с внешним выражением чувств. Чувства как бы не запрятаны вглубь, поэтому они легче распознаются. По сравнению с чувствами, проникшими глубоко *в душу* (ср.: **в** душе *поселилась грусть*), они более переменчивы. Образ фразеол. также согласуется с представлениями о *душе* и *сердце* как о внутреннем двойнике человека, его alter ego (другое

«я»). Ср.: *на душе / на сердце тяжело, грустно...* = *мне тяжело, грустно...*

Культурный смысл фразеол. может прочитываться: 'на том месте, где сосредоточены чувства человека'; *о состоянии* 'внутреннего двойника (другого «я»)'.

ОБЛЕГЧАТЬ / ОБЛЕГЧИТЬ ⟨*реже* **РАЗГРУЖАТЬ / РАЗГРУЗИТЬ**⟩ **ДУШУ / СЕРДЦЕ** *кто.* Находить успокоение, утешение. *Подразумевается* желанное освобождение от тяжелого, гнетущего чувства, от накопившегося возмущения. *Имеется в виду, что* лицо (*X*) в результате каких-л. действий (*P*): плача, откровенных высказываний, признаний, — перестает испытывать гнетущее эмоциональное состояние, разряжает накопившиеся в нем отрицательные чувства. ***Неформ.***

X **облегчил душу**

Именная часть неизм.

Глагол чаще в сов. в. прош. вр. или в инфинитивной конструкции со словами **хочется, можно** и т. п.

Возможно как отдельное высказывание.

В роли сказуемого.

Порядок компонентов нефиксир.

Он так охотно начинает высказываться, что всем видно — на душе у Шведова накипело и он рад возможности **облегчить душу** (*В. Липатов. Чужой*). Ей [Наташе] не терпелось **облегчить душу** и рассказать... все то, что мне и без ее признаний было отлично известно... (*А. Терц. Гололедица*). Отчего это, если ты вчера выпил, положим, семьсот пятьдесят, а утром не было случая похмелиться — служба и все такое — и только далеко за полдень, промаявшись шесть часов или семь, ты выпил, наконец, чтобы **облегчить душу** (ну, сколько выпил? ну, допустим, сто пятьдесят) — отчего твоей душе не легче? (*В. Ерофеев. Москва — Петушки*). У ног гроба — семья покойного ⟨...⟩. Мать, повязанная по-деревенски белым платочком... Чувствовалось: хочется ей завыть в голос, истошно, по-деревенски, по-бабьи выкричать горе, **облегчить сердце** (*В. Тендряков. Тугой узел*).

Брат высказал мне все, что накипело. **Душу, что называется облегчил.** А я после нашего разговора всю ночь заснуть не могла (*реч.*). И опять меня оставили. Я вслед этой женщине посмотрел с отвращением. В особенности на белые чулки безо всякого шва: шов бы меня смирил, может быть, **разгрузил бы душу** и совесть... (*В. Ерофеев. Москва — Петушки*).

Известный в Грузии психолог, доктор наук, считает, что рисование в наибольшей степени освобождает детскую психику от гнета пережи-

ваний, по принципу: сказал и душу облегчил (*из газет*). Покайся, облегчи душу! (*реч.*).

Я плакала целый час. Конечно, слезами горю не поможешь, но хоть душу облегчила (*реч.*).

К. Образ фразеол. строится на устойчивом противопоставлении: *'тяжелый — легкий'*, которое символически обозначает эмоциональное состояние человека. *Легкий* связан с положительными чувствами, гармоническим состоянием души (ср. также *с легким сердцем* ⟨*с легкой душой*⟩), *тяжелый* — отрицательными (ср. *камень, тяжесть на душе* ⟨*на сердце*⟩; *с тяжелым сердцем* ⟨*с тяжелой душой*⟩). Фразеол. фиксирует переход от тяжелого состояния — к легкому (ср. также *как камень с души* ⟨*с сердца*⟩ *свалился*; ⟨*как будто, словно, точно*⟩ *гора с плеч* ⟨*свалилась*⟩).

Компонент фразеол. душу указывает на совокупность представлений о душе человека как о другом «я» (alter ego). *Душа* способна проявлять свою волю, как бы действуя самостоятельно и бесконтрольно (ср. *душа ушла в пятки, душа не на месте*), но также способна «претерпевать» (ср. *душа болит*) и быть зависимой от воли человека и/или обстоятельств. Это проявляет символическую взаимосвязь и взаимозависимость между человеком и другим «я», душой.

Чувства страха, тревоги описываются во фразеологизмах как динамическое состояние *души*, которая *уходит в пятки*, которая *не на месте*. Состояние глубокой печали, тоски, подавленности и описывается как статическое состояние души, находящейся под давлением, тяжестью чего-л., под спудом. Избавление от этого чувства может описываться как динамический процесс, происходящий с самим грузом, бременем, тяжестью (*как камень с души* ⟨*с сердца*⟩ *свалился*; ⟨*как будто, словно, точно*⟩ *гора с плеч* ⟨*свалилась*⟩), либо как мгновенное обретение легкости: *облегчать / облегчить душу*. При этом освобождение от тяжести происходит под воздействием сил извне.

В образе фразеол. *душа* выступает как объект, испытывающий некое воздействие извне, в результате которого с *души* снимается тяжесть: *Я покаялся и облегчил душу*; ср. также *Ты снял камень с моей души*.

См. К. [КАК, БУДТО, СЛОВНО, ТОЧНО] КАМЕНЬ ⟨РЕЖЕ — ГРУЗ⟩ С ДУШИ ⟨С СЕРДЦА⟩ [СВАЛИЛСЯ, РЕЖЕ — СПАЛ], также С ЛЕГКИМ СЕРДЦЕМ ⟨С ЛЕГКОЙ ДУШОЙ⟩

ОТЛЕГЛО ⟨ОТОШЛО⟩ ОТ СЕРДЦА ⟨ОТ ДУШИ, НА ДУШЕ⟩ [*у кого*]. Возникло чувство успокоения, облегчения. *Подразумевается, что* опасения, беспокойство не оправдались, печаль, тревога, связанная с предчувствием плохого, утихла. *Имеется в виду, что* сильное эмоциональное напряжение у лица, группы лиц (*X*) исчезло после того,

как была получена дополнительная информация или произошло событие (*Р*). *Неформ.*

У Х-а отлегло от сердца
Именная часть неизм.
Только сов.в., прош. вр.
В роли сказ. и безличного предл.
Порядок слов нефиксир.

— Что? — Петров улыбнулся, у него сразу **отлегло от сердца**, когда глаза Анатолия Семеновича заиграли, как и раньше (*В. Белов. Тезки*). У Коробина сразу **отлегло от сердца**, он слушал секретаря обкома с радостной готовностью, еле сдерживая просившуюся на губы улыбку (*Е. Мальцев. Войди в каждый дом*). Григорий опасался, что, узнав об этом, сестра разволнуется... Но Зоя приняла весть спокойно... У Григория **отлегло от сердца** (*А. Лебеденко. Зоя*). «Ребята, — сказал я... — сейчас капитан Курасов проговорился, кто нас предает. Это последний человек и фамилия его стоит последней в нашем списке»... все молчали. Я посмотрел на Яхонтова... Наконец, Генка Денисов спросил, явно волнуясь: «Яшка, это правда?» Все замерли... «Правда», — тихо ответил Яшка, и у меня **отлегло от сердца** (*В. Войнович. Путем взаимной переписки*). «Владимир Николаевич, как вы думаете о себе, вы советский человек?» У меня немного **отлегло от сердца**. Если они не решили, советский я или не советский, значит, может, и расстреляют не сразу (*В. Войнович. Антисоветский Советский Союз*). — И я увидела, что глаза у него вовсе не сердитые, а только очень черные. **От сердца отлегло** (*В. Чудакова. Чижик — птичка с характером*). Мне хотелось взять с собой что-нибудь на память о маме. Пошарив в коробочке, стоящей на комоде, я нащупал крошечные золотые часы. Мама давно их не носила. Цепь была продана, а механизм испорчен. Сунув часы в карман, я бесшумно распахнул окно и выпрыгнул на улицу. И — сразу **отлегло от сердца** (*В. Тевекелян. Гранит не плавится*). У Гладышева **отлегло от души**: лейтенант тут, Гринюк тут, не заплутали, целые и невредимые (*О. Смирнов. Гладышев из разведроты*). — Наконец у меня **от души отлегло**. Никак не мог понять, почему мне не симпатичен такой-то (он назвал известного форварда). И ловок, и техничен, и забивает много, а веры ему нет (*Л. Филатов. Футбол Константина Есенина*). Катя заулыбалась, глядя на Танаку, и у меня почему-то немного **отлегло от души** с его приходом (*В. Аксенов. Апельсины из Марокко*). Егор немного успокоился, на душе отлегло. Худого его делать не заставляют, а ежели кто козни против царя строит, так об этом и упредить не грех (*М. Юдалевич. Пятый год*). И тогда он напился вдоволь [воды] и почувствовал справедливость слов,

которые взрослые говаривали в таких случаях: ох, мол, на душе отлегло! (*Ч. Айтматов. Пегий пес, бегущий краем моря*). — Ну вот, поговорила с тобой, и на душе отлегло (*реч.*). — Ну что, отошло от сердца? Больше не будешь плакать в уголке? — ласково спросила мать (*реч.*).

К. Культурный смысл фразеол. образован с помощью значимых компонентов: *сердце / душа*, и *отлегло, отошло.*

Отлечь по характеру воздействия на *душу / сердце* противопоставлено глаголу *лечь.* Значение слов *ложиться, лечь* связано, в частности, с представлениями о весе, точнее, о тяжести. Они описывают действия отрицательных чувств (ср. *печаль, грусть, тоска...* [*камнем*] *легла на сердце*). *Отлечь* (употребляется преимущественно со словами *сердце и душа*) и означает снятие тяжести, символизирующей отрицательные чувства (ср. отлегло от души ⟨от сердца⟩ и *полегчало на душе* ⟨*на сердце*⟩).

С помощью глагола *отойти* описывается следующая ситуация: человек перестает сердиться, гневаться, раздражаться [ср. *отошло от сердца — отходчивое сердце*, 'вспыльчивый, но добрый нрав' (*В. И. Даль*)].

В образе фразеол. возникшее чувство успокоения, облегчения уподоблено снятию тяжести с души, с сердца.

Культурный смысл фразеол. может прочитываться: 'на том месте, где сосредоточены в человеке чувства, перестала ощущаться тяжесть, которая символически связана с отрицательными эмоциями'.

См. **К. ОТВОДИТЬ / ОТВЕСТИ ДУШУ**, также **КАМЕНЬ НА ДУШЕ ⟨НА СЕРДЦЕ⟩ [ЛЕЖИТ (ЛЕЖАЛ)]**

ОТВОДИТЬ/ОТВЕСТИ ДУШУ 1. *кто* [*с кем / в чем*]. Находить облегчение, утешение, успокоение, радость. *Подразумевается* желание освободиться от беспокойства, тревожного, гнетущего чувства. *Имеется в виду, что* лицо (*X*) в результате каких-л. действий (*P*) — откровенного разговора с лицом (Y) или группой лиц, воспоминаний и др. обрел желанное избавление от гнетущего эмоционального состояния. ***Неформ.***

X отвел душу [с *Y-м* в *P*]

Именная часть неизм.

Глагол чаще в сов. в. прош. вр. или в инфинитивной конструкции со словами **хочется, можно** и т. п.

Порядок слов нефиксир.

Женщина в отсутствие мужа оказалась разговорчивой, охотно отвечала на мои вопросы и, видимо, была рада, что нашелся в вокзальной сутолоке человек, с которым можно было душу отвести (*В. Овечкин. Без роду, без племени*). Не мудрено, что он запутался, сбился, он же привык говорить без плана, а тут у него не было подготовлено,

было лишь счастье выговориться, **душу отвести** (*Д. Гранин. Картина*). Эх, ребята, знали бы вы, какое это чудо море. Вот где можно **душу отвести** (*И. Тюленев. Через три войны*). Нападешь на гряду — вернешься с ведром пятисотграммовых окуней. — ...Вот где **душу** бы **отвести**! (*А. Яшин. Сладкий остров*). Мне захотелось **отвести** с ним **душу**, и я, взяв его под руку, отделил от компании (*Ф. Искандер. Сандро из Чегема*).

Старухи эти горы работы переделали, а пенсия у них до последнего времени была двенадцать рублей. И вот эти бывшие «двенадцатирублевки» (придумал же кто-то такое названьице!) **отводили душу** в разговорах (*Ф. Абрамов. Алька*). Бабушка **отводит душу** в воспоминаниях и французском языке (*Б. Васильев. Летят мои кони...*). Вот так он **душу отведет**, рассмешит окружающих, увидит их благодарные глаза — на талантливого человека смотрят по-особенному — и пойдет в павильон настоящим хозяином (*М. Козаков. Записки на песке*). — Пусть он хоть разок возьмет увольнительную в город, познакомится там с девушками и вообще **отведет душу** (*Н. Рыленков. Недопетая песня*). Впервые за их недолгую, но богатую событиями совместную жизнь Петр Васильевич постеснялся перебить жену за этим ее занятием [молитвой]: «каждому свое, пускай **отведет душу**» (*В. Максимов. Семь дней творения*).

— Поговори со мной — ведь я тебе не чужая, **отведи душу**, а то все молчишь да сохнешь. Может, полегчает (*реч.*). Нет, они [жены] двужильные, что могут выносить столько. Тут хоть как-нибудь, да **отведешь душу**: выпьешь когда — все легче маленько, а ведь они с утра до ночи, как заводные (*В. Шукшин. Сапожки*).

В откровенных беседах с ней я рассказывал о своих тревогах — **душу отводил** (*реч.*). — Отдыхайте, отдыхайте, Евгений Александрович! Мы еще поговорим, **отведем душу** (*Г. Березко. Вечер воспоминаний*).

К. Культурный смысл фразеол. образован с помощью компонентов: *душа* и *отводить / отвести*.

Душа может интерпретироваться как ‘телесная душа’, т. е. душа живого человека, пребывающая в теле — «внутри», «в середине», «в каждой частице тела» (см. *Слав. древности, т. 2*). Находясь внутри человека, *душа* обладает определенной автономностью. Она может радоваться, болеть (ср. *душа болит, душа радуется*). В этом случае она выступает как другое «я» (alter ego) человека.

Фразеол. компоненты *отводить/отвести* могут употребляться в значении ‘удалять, устранять’. Они связаны со сферой магических, ритуальных действий, характерных для заговоров, устраняющих от-

рицательные эмоции, агрессивные чувства (см. **отводить душу** 2), ср. *отвести от человека тоску* (*Та ж трава тоску от человека отводит. СРЯ XI—XVII, вып. 13*); *Он рукой отводит зубную боль* (ср. также фразеол. *отводить глаза* — 'окудесить, зачаровывать' (*В. Даль, ТСЖВЯ, 1955, т. 2, с. 715*) и совр. фразеол. *для отвода глаз*. Возможно, фразеол. *отвести душу* возник с помощью метонимического переноса из фразеол. *отвести тоску с души*.

В образе фразеол. чувство облегчения, успокоения, возникшее у человека, уподоблено состоянию человека, который благодаря магическим, ритуальным действиям избавился от отрицательных чувств.

ОТВОДИТЬ / ОТВЕСТИ ДУШУ ⟨СЕРДЦЕ⟩ 2 *кто* [*на ком, на чем*]. Вымещать накопившуюся злость, обиду, унижение, срывать зло. *Подразумевается* освобождение от ярости, гнева, чувства унижения и т. п. *Имеется в виду, что* лицо (*X*) с помощью агрессивных, часто слабо контролируемых словесных или физических действий (*P*): несдержанного поведения, брани, — активно разряжает накопившуюся в нем озлобленность на группе лиц или лице (*X*), либо на каких-л. объектах (*Z*). ***Неформ.***

***X* отвел душу** [на *Y-е* ⟨*Z-е*⟩]
X — подлежащее.
Именная часть неизм.
Порядок слов нефиксир.

— Он очень неприятный человек: любит хамить, **отводить душу** на тех, кто послабей (*реч.*).

Всё пройдет и забудется, — и опять через двести лет, самолюбивый неудачник **отведет душу** на мечтающих о довольстве простаках (если только не будет моего мира, где каждый сам по себе, и нет равенства, и нет властей, — впрочем, если не хотите, не надо, мне решительно всё равно) (*В. Набоков. Дар*). ...Полицейские **отводили душу** на женах забастовщиков, которые пытались пробраться к воротам... (*И. Эренбург. Падение Парижа*). Снова в директоре взыграла желчь. Старший сын Роман год тому назад ушел из семьи. Отец **отводил душу** на младших (*Ю. Олеша. Зависть*). ...Его бесила эта математическая страсть не только как проявление неполезного: измываясь над всякой новизной, отставший от жизни Чернышевский **отводил душу** на всех новаторах, чудаках и неудачниках мира (*В. Набоков. Дар*). — Разговор с начальством его страшно разозлил, а ты попался под горячую руку. Вот он и **отвел** на тебе **душу** (*реч.*). В ярости он не помнил себя. Он избил своего приятеля — **душу отвел**. Потом, когда опомнился, страшно переживал (*реч.*).

— Ты специально говоришь гадости. **Душу** на мне **отводишь**. А по какому, собственно говоря, праву? (*реч.*).

После этой семейной сцены я всю посуду переколотила. Конечно, не надо было этого делать, но хоть **душу отвела** (*реч.*). Но штраф, во всяком случае, с меня сдерут, этого не миновать. Чтобы полиция, да потеряла случай содрать с человека штраф. А, плевать я хотел, все равно придется уносить отсюда ноги. Все хорошо. По крайней мере, **душу отвел** (*А. и Б. Стругацкие. Гадкие лебеди*).

К. Ср. пословицу: *Поругаться, душу отвести; подраться — сердце* (*ТЖВК, т. 2, с. 714—715*).

См. К. **ОТВОДИТЬ / ОТВЕСТИ ДУШУ** 1.

СЕРДЦЕ ПАДАЕТ/УПАЛО ⟨ОБРЫВАЕТСЯ/ ОБОРВАЛОСЬ, *реже* ОТРЫВАЕТСЯ/ОТОРВАЛОСЬ⟩ *у кого*. Неожиданно возникает чувство испуга, тревоги, отчаяния. *Имеется в виду, что* событие (*Р*), непредвиденная ситуация, страшная догадка, неожиданные и странные звуки вызвали у лица (*Х*) внезапную эмоциональную реакцию, которая может сопровождаться неприятным ощущением пустоты в груди. ***Неформ.***

У *Х-а* ***сердце падает***
Х — дополнение.
Глагол чаще сов. в. прош. вр.; несов. в. обычно в многократном знач.
Часто употр. в сложн. предл.
Порядок слов нефиксир., глагол обычно стоит в конце фразеол.

Я как посмотрю на эту степь, на эту сухость ужасную, так у меня каждый раз **падает сердце**. Как же, думаю, люди здесь до сих пор жили! (*К. Паустовский. Рождение моря*) Его подозрительные догадки чередовались с Ларины признаниями. Он спрашивал, и за каждым Лариным ответом у него **падало сердце**, словно он летел в пропасть. Его израненное воображение не поспевало за новыми открытиями (*Б. Пастернак. Доктор Живаго*). Директор... не вмешивался в обсуждение, но Ольга Денисовна чувствовала на себе его осуждающий и выпытывающий взгляд, и у нее **падало сердце**, страшно **падало сердце**. Как в яму (*М. Прилежаева. Осень*). Ольга попросила взять кое-какие ее вещи. Нужно... — Пусть сама придет. — Она не придет никогда. У Ивлева **упало сердце**. — Тогда ничего не получите. — Сказал и сам не понял: зачем? (*В. Шукшин. Там, вдали*). — О Николае Васильевиче слышала? — Нет. А что? — Избран членом Украинской академии наук. — Фу! У меня уж **сердце упало**! (*В. Каверин. Открытая книга*). И здесь ему показалось, что из-под двери кабинета потянуло гниловатой сыростью. Дрожь прошла по спине финдиректора. А тут еще ударили часы и стали бить полночь. И даже бой вызвал дрожь в финдиректоре. Но окончательно его **сердце упало**, когда он услышал, что в замке двери тихонько проворачивается английский ключ

(*М. Булгаков. Мастер и Маргарита*). Школьные окна почему-то были темны, а обыкновенно зажигали лампу... Уехала, что ли? **Сердце** у него **оборвалось** (*В. Панова. Спутники*). — Посторонитесь, господа! Посторонитесь!.. У Кати словно **сердце оборвалось**. «Значит, Ваня на пароходе. За ним пришли», — подумала она... (*Г. Марков. Сибирь*). — А вечером, только спать собрались, — звонок. **Сердце оборвалось** (*М. Чертенок. Ставка на проигрыш*). — **Сердце у меня оборвалось**, когда я узнал о твоей беде, начал Илико. — Видит бог, правду говорю... Мы же с тобой — одно, Илларион... Твое несчастье — это и мое несчастье (*Н. Думбадзе. Я, бабушка, Илико и Илларион*). Степа в тревоге поглубже заглянул в переднюю, и вторично его качнуло, ибо в зеркале прошел здоровеннейший черный кот и также пропал. У Степы **оборвалось сердце**, он пошатнулся (*М. Булгаков. Мастер и Маргарита*). — Без рецепта нельзя, не могу. Увидит, встретит на улице Борьку — так и **оборвется сердце**... потому что не Вася ее, а он, Борька, всеми выходками, всеми повадками вышел в Егоршу (*Ф. Абрамов. Дом*).

Вариант: **СЕРДЦЕ ПРОВАЛИЛОСЬ.**

Дрожащий палец лег на собачку, и в это мгновение грохот оглушил меня, **сердце** куда-то **провалилось**, мне показалось, что пламя вылетело из керосинки в потолок, я уронил револьвер (*М. Булгаков. Театральный роман*).

К. Образ фразеол. согласуется с представлениями об анатомии человеческого тела, согласно которым сердце как бы может оборваться, упасть, т.е. переместиться вниз и прекратить работу.

Прекращение работы сердца — центрального органа кровообращения — обозначает физическую смерть; прекращение работы сердца — органа чувств человека — означает состояние эмоционального оцепенения (ср. также *сердце замерло, остановилось, перестало биться*). Выстраивается параллель между физическим действием, сохраняющим следы наивной анатомии, и значением фразеологизма. В образе фразеол. внезапное чувство испуга, тревоги, охватившее человека, уподоблено ощущению, которое возникает, когда сердце как бы падает вниз.

Образ *сердца, перемещающегося в теле*, содержится также во фразеологизмах **Душа ⟨сердце⟩ в пятки [уходит /ушла, ушло]**; **Душа ⟨сердце⟩ не на месте** (см.). В славянской мифологии перемещение души в теле связано с «движением как формой и символом жизни» (*Слав. др.*).

Культурный смысл фразеол. может прочитываться: ‘орган чувств человека, прекратив функционирование, резко переместился вниз’.

См. К. ДУША ⟨СЕРДЦЕ⟩ В ПЯТКИ [УХОДИТ / УШЛА, УШЛО]; ДУША ⟨СЕРДЦЕ⟩ НЕ НА МЕСТЕ.

С ЛЕГКИМ СЕРДЦЕМ ⟨С ЛЕГКОЙ ДУШОЙ⟩ *делать что-л.* Без тревог и опасений, спокойно и радостно. *Имеется в виду, что* лицо (*X*) делает (*P*) с уверенностью, находясь в состоянии эмоционального подъема (часто в предвкушении перемен к лучшему). ***Неформ.***

X ***с легким сердцем*** делает *P*
X — подлежащее.
Неизм.
В роли обстоятельства.
Порядок слов фиксир.

Сданы экзамены, получена трехмесячная стипендия, теперь можно **с легким сердцем** отправляться домой (*Н. Думбадзе. Я, бабушка, Илико и Илларион*). Хотелось бы ей привести в дом хорошую невестку... Такую невестку, на которую она могла бы **с легким сердцем** оставить дом (*В. Панова. Спутники*). Они отшвыривали одну профессию за другой, словно галькой играли. Все камешки круглые, все блестящие и все недороги — **с легким сердцем** можно любой запустить в реку, забавляясь кругами на воде (*Б. Горбатов. Донбасс*). Из шестого письма Короленко Луначарскому. «...Вы **с легким сердцем** приступили к своему схематическому эксперименту в надежде, что это будет только сигналом для всемирной максималистской революции» (*В. Солоухин. При свете дня*). Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся на себе непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается **с легким сердцем** в руки смерти, зная, что только она одна успокоит его (*М. Булгаков. Мастер и Маргарита*). ...Он понял, что голос был его собственный, а также ясно понял, что еще секунда человеческого воя, и он **с легким** и радостным **сердцем**... раздерет его [горло] в кровь (*М. Булгаков. В ночь на третье число*). Арестант номер девятый гулять не любил; однако, вначале, выходил ежедневно, соображая (крючок мысли, крайне для него характерный), что в это время камера обыскивается, — следовательно, отказ от прогулки внушил бы администрации подозрение, что он у себя что-то прячет; когда же убедился, что это не так (путем оставляемых там и сям пометных ниточек), то **с легким сердцем** засел за писание: окончил к зиме перевод Шлоссера, принялся за Гервинуса, за Маколея (*В. Набоков. Дар*). — Неужели ты покинешь родной дом **с легким сердцем** — ведь больше нигде и никогда тебе не будет так хорошо! (*реч.*). — Поверь мне, не **с легким сердцем** решилась я на этот шаг! (*реч.*). Ванька весело со всеми попрощался, пожелал всем

здоровья и с легкой душой поскакал вниз (*В. Шукшин. Ванька Тепляшин*). **И так мне захотелось поскорей до осени дожить да походить с легкой душой за грибами, что хоть волком вой** (*Ал. Иванов. Как меня с бригадиров сняли*).

К. Образ фразеол. строится на противопоставлении *легкого тяжелому*. Если *тяжелый* связан с представлениями о психическом (внутреннем) **бремени, ноше, тяжести**, символически представляющими отрицательные чувства, то *легкий* означает их отсутствие. В образе фразеол. состояние радости и спокойствия при совершении какого-л. действия уподоблено состоянию, при котором возникает физическое и психическое ощущение легкого сердца, души.

В первых письменных источниках *легкий сердцемъ* (*льгькъмь срдцьмь*) употребляется как 'незлобивый' (СРЯ XI—XVII, вып. 8).

Культурный смысл фразеол. может прочитываться: *с чувством, возникающим в ситуации, когда* 'телесная душа практически не имеет веса, символизирующего отрицательные чувства, бремя, ношу'.

См. К. С ТЯЖЕЛЫМ СЕРДЦЕМ ⟨С ТЯЖЕЛОЙ ДУШОЙ⟩; ОТЛЕГЛО ⟨ОТОШЛО⟩ ОТ СЕРДЦА ⟨ОТ ДУШИ, НА ДУШЕ⟩.

С ТЯЖЕЛЫМ СЕРДЦЕМ ⟨С ТЯЖЕЛОЙ ДУШОЙ⟩ делать, соглашаться, уезжать, расставаться. В подавленном настроении, с беспокойством, с предчувствием недоброго. *Имеется в виду, что* лицо (*X*) делает (*P*) без уверенности, находясь в угнетенном состоянии. ***Неформ.***

X **с тяжелым сердцем** *делает P*
Неизм.
В роли обстоятельства.
Порядок слов фиксир.

Вскоре его вызвали в Москву, он ехал с тяжелым сердцем, — и больше его не видели... (*С. Аллилуева. Двадцать писем к другу*). Знала бы жена, Мария Андреевна, с каким **тяжелым сердцем** уезжает он нынче, — конечно, пожалела бы (*В. Саянов. Лена*). Но ухожу с президентского поста **с тяжелым сердцем** — не стану скрывать (*Вечерняя Москва. 1991*). Оформляю, плачу в кассу, что положено, и возвращаюсь домой **с тяжелым сердцем**: дело попало в плохие руки, и виноват я, никто другой (*А. Рыбаков. Тяжелый песок*). **С тяжелым сердцем** я должен признаться, что все мои усилия пропали даром и даже, к моему ужасу, дали обратный результат. С каждым днем буквально я нравился Ивану Васильевичу все меньше и меньше (*М. Булгаков. Театральный роман*). **С тяжелым сердцем** приходилось мне встречать **каждый новый день — отцу становилось все хуже и хуже** (*реч.*). **С**

тяжелой душой я прощалась с бабушкой. Что-то мне подсказывало, что больше мы не увидимся (*реч.*). С тяжелым сердцем уезжали мы из родного дома (*реч.*). С тяжелым сердцем, не ожидая ничего хорошего, он шел на эти переговоры (*реч.*).

К. Образ фразеол. строится на устойчивом понимании *тяжести, тяжелого* как символического представления отрицательных чувств, см. также К. Камень на душе (на сердце). В отличие от 'тяжести на душе', 'тяжесть на сердце' (*тяжело / тяжко на сердце, что-л. давит сердце*) сохраняет смысловую связь с образом физического страдания — ощущения, возникающие у сердечного больного, — и с образом психического, нравственного страдания. Фразеол. *с тяжелым сердцем* актуализирует второе, однако, связь с физическим страданием утрачивается не полностью.

***Душа* и *сердце* помимо глубины и поверхности (см. КК.: в глубине души; до глубины души; на душе) также имеют вес. Во фразеол. актуализируется образ психического (внутреннего) бремени, ноши (ср. также *на душе (на сердце) тяжело*). Конкретное чувство при этом остается непроявленным: тяжесть символизирует не сами отрицательные чувства, а скорее, воспринимается как предчувствие плохого. В образе фразеол. состояние подавленности и беспокойства при совершении какого-л. действия уподоблено состоянию, при котором возникает физическое и психическое ощущение тяжелого сердца, души.**

Следует также отметить, что *тяжелый, тяжкий* восходит к древнейшим мифологическим представлениям славян. Он может характеризовать демона: *тяжкой дух, тяжкая сила* 'злой, нечистый'; *тяжкун* — 'нелегкий, недобрый, сатана, бес', ср. также *нелегкая* (нелегкая) [*сила*]: 'неладная, недобрая, вражеская, бесовская' (*ТЖВК, т. 4, с. 455*) *Куда унесла нелегкая?* Это также могло повлиять на отрицательную оценку фразеол. компонента *тяжелый*.

***Душа* может здесь интерпретироваться как 'телесная душа', т. е. душа живого человека, пребывающая в теле — «внутри», «в середине», «в каждой частице тела» (см. *Слав. древности, т. 2*). *Сердце* — телесный орган, в котором сосредоточены чувства человека.**

Культурный смысл фразеол. может прочитываться: *с чувством, возникающим в ситуации, когда* 'телесная душа (или орган чувств) имеет как бы большой вес, символизирующий отрицательные чувства; бремя, ношу'.

См. К. С ЛЕГКИМ СЕРДЦЕМ (С ЛЕГКОЙ ДУШОЙ).

Литературные источники[1]

Аксенов В.	*Апельсины из Марокко*; *Затоваренная бочкотара*; *Остров Крым*
Андреев Д.	*Роза мира*
Андреев Л.	*Жизнь Василия Фивейского*; *Рассказ о семи повешенных*
Бабель И.	*Костел в Новограде*; *Рабби*
Блок А.	*Двенадцать*; *Бушует снежная весна..*; *Сердитый взор бесцветных глаз...*
Бродский И.	*Дмитрию Бобышеву*; *Глаголы*; *Гость*; *Вагателле*; *Литовский ноктюрн*; *В Англии*; *Сан-Пьетро*; *Лагуна*
Булгаков М.	*Белая гвардия*; *Мастер и Маргарита*; *Собачье сердце*; *Театральный роман*
Бунин И.	*Антоновские яблоки*; *Деревня*; *Муза*; *У истока дней*; *Холодная осень*; *Хорошая жизнь*; *Последнее свидание*
Высоцкий В.	*Роман о девочках*
Гоголь Н.	*Шинель*; *Тарас Бульба*; *Мертвые души*; *Ревизор*
Гончаров И.	*Мильон терзаний*; *Обломов*
Горький М.	*Старуха Изергиль*; *Фома Гордеев*; *Враги*; *Челкаш*; *Дело Артамоновых*; *На дне*
Грибоедов А.	*Горе от ума*
Державин Г.	*Водопад*
Довлатов С.	*Зона*; *Иностранка*
Достоевский Ф.	*Бедные люди*; *Братья Карамазовы*; *Идиот*; *Преступление и наказание*
Думбадзе Н.	*Я, Бабушка, Илико и Илларион*
Ерофеев В.	*Москва- Петушки*
Ефремов И.	*Таис Афинская*; *Туманность Андромеды*
Жуковский В.	*Эолова арфа*; *Сельское кладбище*
Замятин Е.	*Мы*

[1] Ряд источников, используемых в Приложениях 2, 3, здесь не указан.

Кабаков А.	*Последний герой*
Каверин В.	*Пятый странник*
Козловский Е.	*Мы встретились в Раю...*
Куприн А.	*Гамбринус*; *Олеся*; *Поединок*
Лермонтов М.	*Демон*; *Герой нашего времени*; *Как часто, пестрою толпою окружен...*; *Мцыри*
Лесков Н.	*Левша*; *Очарованный странник*
Маринина А.	*Реквием*
Маяковский В.	*Сергею Есенину*
Набоков В.	*Приглашение на казнь*; *Другие берега*; *Камера обскура*; *Машенька*; *Защита Лужина*; *Дар*
Некрасов Н.	*Кому на Руси жить хорошо*; *Родина*
Носов Н.	*Приключения Незнайки и его друзей*
Олеша Ю.	*Три толстяка*; *Зависть*
Островский А.	*Лес*; *Гроза*
Пастернак Б.	*Доктор Живаго*
Пелевин В.	*Омон Ра*; *Желтая стрела*; *Жизнь насекомых*; *Чапаев и пустота*
Платонов А.	*Котлован*; *Сокровенный человек*
Пушкин А.	*Арап Петра Великого*; *Дубровский*; *Евгений Онегин*; *Капитанская дочка*; *Барышня-крестьянка*; *Руслан и Людмила*; *Каменный гость*; *Пир во время чумы*; *Метель*; *Станционный смотритель*
Радищев А.	*Путешествие из Петербурга в Москву*
Салтыков-Щедрин М.	*Господа Головлевы*; *История одного города*; *Пошехонская старина*
Солоухин В.	*При свете дня*
Стругацкие А. и Б.	*Гадкие лебеди*; *Пикник на обочине*; *Трудно быть богом*; *Улитка на склоне*
Суворов В.	*Ледокол*; *Кто начал Вторую мировую войну?*; *Аквариум*
Толстой А.	*Гиперболоид инженера Гарина*; *Для чего снег идет.*
Толстой Л.	*Казаки*; *Война и мир*; *Севастополь в декабре месяце*; *Севастополь в августе, 1855 год*
Тургенев И.	*Ася*; *Вешние воды*; *Дворянское гнездо*; *Накануне*; *Отцы и дети*; *Рудин*; *Порог*; *Первая любовь*
Фонвизин Д.	*Недоросль*
Хлебников В.	*Иранская песня*
Цветаева М.	*Из цикла "Стихи к дочери"*
Чернышевский Н.	*Что делать?*
Чехов А.	*Дама с собачкой*; *По делам службы*; *Чайка*; *Ионыч*; *О любви*; *Три сестры*; *Случай из практики*
Шварц Е.	*Обыкновенное чудо*

Памятники древнерусской литературы XI — начала XVIII веков:

Повесть о московском взятии.
Повесть о Фроле Скобееве
Гистория о матросе Василии Кориотском
Сказание о Борисе и Глебе
Хождение богородицы по мукам
Повесть о битве на реке Калке
Переписка кн. А. Курбского с Иваном Грозным
Физиолог

Библиография

Абрамов 1994 — *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1994.

Аверинцев 1996 — *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Александрова 1968 — *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1968.

Алюшин, Князева 2004 — *Алюшин А. Л., Князева Е. Н.* Скорость восприятия // Вопросы философии. 2004. № 9. С. 135—148.

Апресян, Апресян 1993 — *Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д.* Метафора в лексикографическом толковании эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27—35.

Апресян 1995 — *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.

Апресян 2000 — *Апресян В. Ю. Ожить 1, Воскреснуть 1* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. *Ю. Д. Апресяна.* М., 2000. Вып. 2. С. 243—246.

Апресян 2004а — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. *Ю. Д. Апресяна.* 2-е изд., испр. и доп. Москва; Вена, 2004.

Апресян 2004б — *Апресян Ю. Д. Видеть 1.1., Замечать 1.1., Видать, Лицезреть, Зреть* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. *Ю. Д. Апресяна.* Москва; Вена, 2004. С. 92—97.

Апресян 2004в — *Апресян Ю. Д. Воображать 1, Представлять 3, Видеть 3.1.* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. *Ю. Д. Апресяна.* Москва; Вена, 2004. С. 135—139.

Апресян, Жолковский, Мельчук 1984 — *Апресян Ю. Д., Жолковский А. К., Мельчук И. А.* Память // *И. А. Мельчук, А. К. Жолковский.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: Опыт семантико-син-

таксического описания русской лексики // Weiner Slawisticher Almanach. Son. 2. 1984. С. 552—571.

Ариес 1992 — *Ариес Ф.* Человек перед лицом истории. М., 1992.

Ариес 1999 — *Ариес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Свердловск, 1999

Аристотель 2004 — *Аристотель.* О памяти и припоминании // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 161—168.

Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл (Логико-семантические проблемы). М.: Наука, 1976.

Арутюнова 1989 — *Арутюнова Н. Д.* «Полагать» и «Видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов / Отв. ред. *Н. Д. Арутюнова.* М.: Наука, 1989. С. 7—30.

Арутюнова 1990а — *Арутюнова Н. Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5—32.

Арутюнова 1990б — *Арутюнова Н. Д.* Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь.Советская энциклопедия. М., 1990. С. 296—297.

Арутюнова 1994 — Понятие судьбы в контексте разных культур Отв. ред. *Н. Д. Арутюнова.* М.: Наука, 1994.

Арутюнова 1997а — *Арутюнова Н. Д.* Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. *Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко.* М., 1997. С. 51—61.

Арутюнова 1997б — *Арутюнова Н. Д.* О стыде и стуже // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 59—70.

Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.

Арутюнова 2002 — *Арутюнова Н. Д.* Мужчины и женщины: конкурс красоты // Weiner Slawistischer Almanach. Sonderband 55. 2002. С. 483—489.

Ассман 2004 — *Ассман Ян.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Бабкин, Шендецов 1981 — *Бабкин А. М., Шендецов В. В.* Словарь иноязычных выражений и слов. М., 1981.

Баранов и др. 1996 — *Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Михайлов М. Н., Паршин П. Б., Романова О. И.* Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М.: Помовский и партнеры, 1996.

Барт 1994 — *Барт Р.* Разделение языков // Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. *Г. К. Косикова.* М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994.

Барт 1996 — *Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.

Барт 1997 — *Барт Р.* Camera lucida. М.: Ad Marginem, 1997.

Барт 1999 — *Барт Р.* Фрагменты речи влюбленного. М., 1999.

Бахтин 1972 — *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.

Белодед 1981 — *Белодед И. К.* (1972) Развитие языков социалистических наций СССР // История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. Хрестоматия. Составил *Ф. М. Березин.* М.: Высшая школа, 1981. С. 125—133.

Беньямин 2005 — *Беньямин В.* Берлинские хроники. // *Павлов Е.* Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 165—208.

Бергсон 1992 — *Бергсон А.* Материя и память // Собрание сочинений. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. С. 160—325.

Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000 — *Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2000.

Бестужев1821 — *Бестужев (Марлинский) А. А.* Ответ на письмо к издателям «Соревнователя просвещения» // Соревнователь просвещения и благотворения. Ч. 14. Кн. 2. 1821. С. 217—218.

Бодрийяр 2000 — *Бодрийяр Ж.* Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000.

Бодрийяр 2001 — *Бодрийяр Ж.* Система вещей / Пер. *С. Н. Зенкина.* М.: Рудомино, 2001.

Бойм 1995 — *Бойм С.* Китч и социалистический реализм // Новое литературное обозрение. 1995. № 15. С. 54—65.

Бонецкая 1993 — *Бонецкая Н.* П. А. Флоренский: имя — образ — произведение // Weiner Slawistischer Almanach. 31. 1993. С. 99—126.

Борухов 1991 — *Борухов Б. Л.* «Зеркальная» метафора в истории культуры // Логический анализ языка. Культурные концепты / Отв. ред. *Н. Д. Арутюнова.* М.: Наука, 1991. С. 109—117.

Брагина 1995 — *Брагина Н. Г.* Устойчивые словосочетания и интертекст // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии / Отв. ред. *Т. М. Николаева.* М., 1995.

Брагина 1996 — *Брагина Н. Г.* Культурный комментарий в словаре // *Proceedings of the International Conference «Language and the World of Language Speaker».* Moscow, 1996.

Брагина 1999а — *Брагина Н. Г.* «Во власти чувств»: мифологические мотивы в языке // Славянские этюды. Сб. к юбилею С. М. Толстой / Отв. ред. *Е. Е. Левкиевская.* М.: Индрик, 1999. С. 86—102.

Брагина 1999б — *Брагина Н. Г.* Имплицитная информация и стереотипы дискурса // Имплицитность в языке и речи. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 43—57.

Брагина 1999в — *Брагина Н. Г.* Фрагмент лингвокультурологического лексикона (Базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. *В. Н. Телия*. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 131—138.

Брагина 2001 — *Брагина Н. Г.* Имена лиц в общественной культурно-языковой памяти // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Тезисы международной научной конференции. Ч. 1 / Отв. ред. *Т. М. Николаева*. М., 2001. С. 12—15.

Брагина 2003а — *Брагина Н. Г.* «Мифологический» Хаос (Культурный след в языке) // Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. *Н. Д. Арутюнова*. М.: Индрик, 2003. С. 18—31.

Брагина 2003б — *Брагина Н. Г.* Память и прошлое: языковые образы, культурные практики // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2003. Т. 62. № 5. С. 3—13.

Брагина 2003в — *Брагина Н. Г.* Языковые образы памяти // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8—10 июня 2002 г.) / Сост. *Н. К. Онипенко*. М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 155—157.

Брагина 2004а — *Брагина Н. Г.* Красота: энергия влечения и образ власти // Языки эстетики. Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. *Н. Д. Арутюнова*. М.: Индрик, 2004. С. 487—503.

Брагина 2004б — *Брагина Н. Г.* Фразеологические тексты. Память как фразеологический текст // Культурные слои во фразеологических и дискурсивных практиках / Отв. ред. *В. Н. Телия*. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 189—201.

Брагина 2005 — *Брагина Н. Г.* Социокультурные конструкты в языке. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2005.

Брагина, Ефимова, Опарина, Сандомирская — *Брагина Н., Ефимова А., Опарина Е., Сандомирская И.* Фразеология в перспективе коллективной культурной идентичности (исследование русских устойчивых словосочетаний). Рукопись.

Булыгина, Шмелев 1989 — *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов / Отв. ред. *Н. Д. Арутюнова*. М.: Наука, 1989. С. 31—54.

Вейсман 1991 — *Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. Репринт 5-го изд. 1899 г. М., 1991.

Верещагин 2004 — *Верещагин Е. М.* «Помни» и «наблюдай»: деятельностный и избирательный характер памяти // Память и беспамятство в церкви и обществе: итоги XX века: Материалы Международной научно-богословской конференции (Москва 18—20 сентября 2000 г.). М.: Свято-Филаретовский церковно-христианский институт, 2004. С. 53—60.

Верещагин, Костомаров 2000 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Дом бытия языка. В поисках новых путей лингвострановедения: концепция логоэпистемы. М., 2000.

Верещагин, Костомаров 1980 — *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980.

Вернан 1998 — *Вернан Ж.-П.* Происхождение древнегреческой мысли. М., 1988.

Вико 1994 — *Вико Дж.* Основания Новой науки об общей природе наций. Москва; Киев, 1994.

Витгенштейн 1994 — *Витгенштейн Л.* Культура и ценность // Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 407—492.

Войно-Ясенецкий 1993 — *Войно-Ясенецкий В. Ф.* (архиепископ Лука). Дух, душа, тело. М., 1993.

Воронин 1994 — *Воронин А. А.* Музей как креативное пространство культуры / Философские исследования. М., 1994. № 1. С. 69—84.

Выготский 1982 — *Выготский Л. С.* Собрание сочинений. Т. 1. М.: Педагогика, 1982.

Гак 1997 — *Гак В. Г.* Пространство времени / Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. *Н. Д. Арутюнова.* М., 1997. С. 124—130.

Гак 1999 — *Гак В. Г.* Национально-культурная специфика мероним-ческих фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. *В. Н. Телия.* М.: Языки русской культуры, 1999. С. 260—265.

Гак 2000 — *Гак В. Г.* Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. *Н. Д. Арутюнова.* М., 2000. С. 127—134.

Гаспаров 1996 — *Гаспаров Б. М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

Гегель 1968—1973 — *Гегель Г. В. Ф.* Эстетика: В 4 т. М., 1968—1973.

Геллер 1994 — *Геллер Л.* Возвышенное в системе эстетических категорий ждановского социалистического реализма / Weimer Slawistischer Almanach. 34. 1994. S. 81—114.

Гинзбург 1987 — *Гинзбург Л. Я.* Литература в поисках реальности: Статьи. Эссе. Заметки. Л.: Сов. писатель, 1987.

Глинка 1951 — *Глинка Ф. Н.* (1816) Письмо к генералу Н. Н. о переводе воинских выражений на русский язык. Письма к другу / «Декабристы». Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика / Сост. Вл. Орлов. М.; Л.: Гослитиздат, 1951. С. 322—325.

Гончаров 1938 — *Гончаров И. А.* (1870) Письмо к С. А. Толстой, 11 ноября // Литературно-критические статьи и письма / Под ред. *А. П. Рыбасова.* Л.: Гослитиздат, 1938. С. 363—364.

Горбачевич 1979 — *Горбачевич К. С., Хабло Е. П.* Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Наука, 1979.

Грайс 1958 — *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985. С. 217—238.

Гринцер 1994 — Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / Отв. ред. *П. А. Гринцер.* М., 1994.

Гудков 1999 — *Гудков Д. Б.* Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во Московского ун-та, 1999.

Гура 1997 — *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997.

Даль 1955 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.

Даль 1984 — *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 1—2. М.: Художественная литература, 1984.

Делёз 1998 — *Делёз Ж.* Логика смысла. М.: Раритет, 1998.

Делёз 2000 — *Делёз Ж.* Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. М.: Per Se, 2000.

Демьянков 1996 — *Демьянков В. З.* Стереотип // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Под общ. ред. *Е. С. Кубряковой.* М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 177—179.

Демьянков 1999 — *Демьянков В. З.* Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Вопросы филологии. 1999. № 2. С. 5—13.

Демьянков, Воронин, Сергеева, Сергеев 2002 — *Демьянков В. З., Воронин Л. В., Сергеева Д. В., Сергеев А. И.* Лингвопсихология как раздел когнитивной лингвистики, или: Где эмоция — там и когниция // С любовью к языку: Сб. научн. тр. Посвящается Елене Самойловне Кубряковой / Отв. ред. *В. А. Виноградов.* М.: Институт языкознания РАН; Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. С. 29—36.

Денисов, Морковкин 1978 — Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Отв. ред. *П. Н. Денисов, В. В. Морковкин.* М., 1978.

Деррида 1998 — *Деррида Ж.* Эссе об имени. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.

Дильтей 1996 — *Дильтей В.* Описательная психология. М.: Алетейя, 1996.

Дмитровская 1991 — *Дмитровская М. А.* Философия памяти // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 78—85.

Добровольский 1996 — *Добровольский Д. О.* Образная составляющая в семантике идиом // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 71—93.

Друскин 1997 — *Друскин Я. С.* Чинари // Weiner Slawisher Almanach. 15. 1997. С. 381—413.

Душенко 1997 — *Душенко К. В.* Словарь современных цитат. М.: Аграф, 1997.

Евгеньева — Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Гл. ред *А. П. Евгеньева*. М.: наука, 1970—1971.

Евзлин 1993 — *Евзлин М.* Космогония и ритуал. М.: Радикс, 1993.

Ермолович 1999 — *Ермолович Д. И.* Англо-русский словарь персоналий. М.: Русский язык, 1999.

Жак Деррида 1993 — Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. М.: РИК «Культура»; изд-во «Al Marginem», 1993.

Зализняк 2006 — *Зализняк Анна А.* Память и забвение в русской языковой картине мира // Вторая международная конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов: В 2 т. Т 1 (Санкт-Петербург 9—13 июня 2006 г.). С. 275—276.

Занусси 2004 — *Занусси К.* «Искусство, в котором нет духовного измерения, — бесполезно». Интервью Маргариты Шилкиной с польским кинорежиссером Кшиштофом Занусси // Память и беспамятство в церкви и обществе: итоги XX века: Материалы Международной научно-богословской конференции (Москва 18—20 сентября 2000 г.). М.: Свято-Филаретовский церковно-христианский институт, 2004. С. 92—95.

Земская 1996 — Русский язык конца XX столетия: Коллективная монография / Под ред. *Е. А. Земской*. (1985—1995). М.: Языки русской культуры, 1996.

Зубов 2000 — *Зубов А.* Припоминание и изменение ума — два важнейших основания возрождения российского общества // Память и беспамятство в церкви и обществе: итоги XX века: Материалы Международной научно-богословской конференции (Москва 18—20 сентября 2000 г.). М.: Свято-Филатовский церковно-христианский институт, 2004. С. 41—50.

Иванов 1980 — *Иванов Вяч. Вс.* Структура Гомеровских текстов, описывающих психические состояния // Структура текста. М., 1980.

Иванов 1999 — *Иванов Вяч. Вс.* Очерки по предыстории и истории семиотики // Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 1.

Иванов, Топоров 1977 — *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Вклад Р. О. Якобсона в славянские и индоевропейские фольклорные и мифологические исследования // Roman Jakobson Echoes of His Scholarship. 1977. P. 163—184.

Ивинская 1992 — *Ивинская О.* Годы с Борисом Пастернаком. В плену времени. М.: Либрис, 1992.

Иомдин 2004 — *Иомдин Б. Л. Осенить 2.1, Озарить 2.1* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. *Ю. Д. Апресяна*. Москва; Вена, 2004. С. 722—726.

Йейтс 1997 — *Йейтс Ф.* Искусство памяти. СПб., 1997.

Кабакова 1999 — *Кабакова Г. И.* Девушка // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 36—39.

Кант 1966 — *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // *Кант Иммануил*. Собр. соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 6.

Карамзин 1818 — *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. 2-е изд., испр. СПб., 1818. Т. 1.

Карамзин 1820 — *Карамзин Н. М.* О любви к отечеству и народной гордости // Сочинения. 3-е изд., испр. и умнож. СПб., 1820. Т. 7. С. 137—138.

Караулов 1987 — *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Кассирер 2002 — *Кассирер* Э. Философия символических форм. Язык. М.; СПб., 2002. Т. 1—3.

Кибрик, Нариньяни 1987 — Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред *А. Е. Кибрика, А. С. Нариньяни.* М.: Наука, 1987.

Кнабе 2004 — *Кнабе Г.* Вторая память Мнемозины // Вопросы литературы. Январь — февраль 2004. С. 3—24.

Князева, Туробов 2002 — *Князева Е., Туробов А.* Познающее тело // Новый мир. № 11. 2002. С. 136—154.

Костомаров 1999 — *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой массмедиа. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999.

Костомаров 2001 — *Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д.* Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. СПб.: Златоуст, 2001.

Кочетков 2004 — *Кочетков Г.* Память в церкви как дар Божий и беспамятство как грех // Память и беспамятство в церкви и обществе: итоги XX века: Материалы Международной научно-богословской конференции (Москва 18—20 сентября 2000 г.). М.: Свято-Филаретовский церковно-христианский институт, 2004. С. 15—24.

Красухин 1997 — *Красухин К. Г.* Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. *Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко.* М., 1997. С. 62—77.

Крейдлин 1996 — *Крейдлин Г.* Стереотипы возраста // Wiener Slawistischer Almanach. 37. 1996. С. 207—218.

Кронгауз 1998 — *Кронгауз М. А.* Речевые клише: энергия разрыва // Лики языка. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской / Отв. ред. *М. Я. Гловинская.* М.: Наследие, 1998. С. 185—195.

Крысин 2003 — Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. *Л. П. Крысин.* М.: Языки славянской культуры, 2003.

Кубрякова 1991 — *Кубрякова Е. С.* Об одном фрагменте концептуального анализа слова Память // Логический анализ языка. Культурные концепты / Отв. ред. *Н. Д. Арутюнова.* М.: Наука, 1991. С. 85—91.

Кубрякова 2000 — *Кубрякова Е. С.* О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. *Н. Д. Арутюнова*. М., 2000. С. 84—92.

Кубрякова, Шахнарович, Сахарный 1991— *Кубрякова Е. С., Шахнарович А. М., Сахарный Л. В.* Человеческий фактор в языке. Язык и порождение в речи. М.: Наука, 1991.

Кузнецов 2001 — Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. *С. А. Кузнецов*. М., 2001.

Купина 1995 — *Купина Н. А.* Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.

Курилович 1962 — *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая: К теории частей речи // Очерки по лингвистике: Сборник статей. М.: ИЛ, 1962. С. 57—70.

Кюхельбекер 1954 — *Кюхельбекер В. К.* (1821) Лекция о русской литературе и русском языке, прочитанная а Париже в июне 1821 г. (пер. с франц.) // Литературное наследство. Т. 59. Декабристы-литераторы. I. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 366—380.

Лакан 1995 — *Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995.

Лахманн 1992 — *Лахманн Р.* Семиотическое несчастье мнемониста // Сб. статей к 70-летию Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 10—19.

Лебедев 1989 — *Лебедев А. В.* Эон // Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989.

Левин 1988 — *Левин Ю.* Заметки о семиотике лозунгов // Weiner Slawistischer Almanach. 22. 1988. S. 69—85.

ЛингЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В. Н. Ярцева*. М.: Сов. энциклопедия, 1990.

Лиотар 1999 — *Лиотар Ж.-Ф.* Эмма // Логос (1999). № 5. 15. С. 93—120.

Лиотар 2001 — *Лиотар Ж.-Ф.* Хайдеггер и «евреи». СПб.: Аксиома, 2001.

ЛитЭС 1987 — Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987.

Ломоносов 1952 — *Ломоносов М. В.* (1748) Краткое руководство к красноречию // *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. VII. С. 92.

Лосев 1990 — *Лосев А. Ф.* Кронос // Мифологический словарь / Гл. ред. *Е. М. Мелетинский*. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Лосев 1991 — *Лосев А. В.* Хаос // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М., 1991.

Лотман 1992 — *Лотман Ю. М.* Память в культурологическом освещении // *Лотман Ю. М.* Избр. статьи. Т. 1—3. Таллин: Александра, 1992.

Лотман 1994 — *Лотман Ю. М.* Смерть как проблема сюжета // Лотман Ю. М. и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994.

Лоуэнталь 2004 — *Лоуэнталь Д.* Прошлое — чужая страна. СПб.: Владимир Даль, 2004.

Лурия 1994 — *Лурия А. Р.* Маленькая книжка о большой памяти (Ум мнемониста). М.: Эйдос, 1994.

Лурия 1996 — *Лурия А. Р.* Потерянный и возвращенный мир // Романтические эссе. М.: Педагогика-Пресс, 1996.

Львов 1984 — *Львов М. Р.* Словарь антонимов русского языка. М., 1984.

Мамардашвили, Пятигорский 1997 — *Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / Под ред. *Ю. П. Сенокосова.* М.: Языки русской культуры, 1997.

Мандельштам 1966 — *Мандельштам О. Э.* Слово и культура // Собрание сочинений: В 2 т. / Под ред. проф. *Г. П. Струве* и *Б. А. Филиппова.* Т. 2. Стихотворения. Проза. Inter-Language Literary Associates., 1966.

МАС 1981—1984 — Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. *А. П. Евгеньева.* М., 1981—1984.

Маслова 1989 — *Маслова В. А.* К построению психолингвистической модели коннотации // Вопросы языкознания. 1989. № 1.

Мельчук, Жолковский 1984 — *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики // Weiner Slawisticher Almanach. Son. 2. 1984. (ТКС)

Месяц 2004 — *Месяц С. В.* Трактат Аристотеля «О памяти и припоминании» // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 158—161.

Мечковская 2002 — *Мечковская Н. Б.* Концепты «начало» и «конец»: тождество, антонимия, асимметричность // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв. ред. *Н. Д. Арутюнова.* М.: Индрик, 2002. С. 109—120.

Мечковская 2003 — *Мечковская Н. В.* О недоверии к красоте и влечении к хаосу (по лингвосемиотическим данным) // Логический анализ языка: Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. М., 2003. С. 41—53.

Михеев 2004 — *Михеев М. Ю.* Мысль на пути от головы к устному рассказу, уловленная дневником. *Пред*-текст, особенности памяти «дневницисста», парадоксы дневниковой прозы // Человек. 2004. № 2. № 6. 2005.

Мокиенко, Никитина 1998 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Молотков 1986 — *Войнова Л. А., Жуков В. П., Молотков А. И., Федоров А. И.* Фразеологический словарь русского языка / Под ред. *А. И. Молоткова.* 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1986.

Морковкин 1984 — *Морковкин В. В., Бёме Н. О., Дорогонова И. А., Иванова Т. Ф., Успенская И. Д.* Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / Под ред. *В. В. Морковкина*. М.: Русский язык, 1984.

Мэйси 1999 — *Мэйси Д.* О субъекте у Лакана // Логос (1999). № 5. 15. С. 66—80.

Нанси 1999 — *Нанси Ж. Л.* Corpus. М.: Ad Marginem, 1999.

Николаева 2000 — *Николаева Т. М.* От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000.

Николаева 2002 — *Николаева Т. М.* «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 25—41.

Ницше 1990 — *Ницше Ф.* Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1990.

Ожегов, Шведова 1995 — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка, М., 1995.

Опарина 2004 — *Опарина Е. О.* Установка культуры и диапазон метафоризации: К вопросу о мотивах образной концептуализации // Культурные слои во фразеологических и дискурсивных практиках / Отв. ред. *В. Н. Телия*. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 53—59.

Павлов 2005 — *Павлов Е.* Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Беньямина и Осипа Мандельштама. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Падучева 2000 — *Падучева Е. В.* Пространство в обличии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. *Н. Д. Арутюнова*. М., 2000. С. 239—254.

Платон 1993 — *Платон.* Федон / Пер. С. П. Маркиша // Собр. соч.: В 4 т. М., Мысль, 1993. Т. 2. С. 7—80.

Плотин 2004 — *Плотин.* Об ощущении и памяти // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 170—173.

Плунгян 1997 — *Плунгян В. А.* Время и времена: к вопросу о категории числа // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. *Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко*. М., 1997. С. 158—169.

Потебня 1905 — *Потебня А.* Изъ записокъ по теоріи словесности. Харьков: Паровая типография и литография М. Зильберг и С-вья, 1905.

Потебня 1989 — *Потебня А. А.* О некоторых символах в славянской народной поэзии. Слово и миф. М., 1989. С. 306—313.

Прохоров 1997 — *Прохоров Ю. Е.* Национальные социокультурные стереотипы и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: ИКАР, 1997.

Рассел 1997 — *Рассел Б.* Человеческое познание. Его сферы и границы. Киев, 1997.

Рашидов 1976 — *Рашидов Ш. Р.* Русский язык — язык взаимного общения и сотрудничества всех наций и народностей Советского Союза // Рус-

ский язык — язык межнационального общения народов СССР / Отв. ред. *М. И. Кондаков.* М.: Просвещение, 1976. С. 5—28.

Рейхенбах 1962 — *Рейхенбах Г.* Направление времени. М.: Изд. ин. литры, 1962.

Рум, Колесников, Пасечник и др. 1978 — *Рум Р. У., Колесников Л. В., Пасечник Г. А.* и др. Великобритания. Лингвострановедческий словарь / Под ред. Е. Ф. Рогова. М.: Русский язык, 1978.

Сандомирская 2001 — *Сандомирская И. И.* Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик // Weiner Slawisticher Almanach. Son. 50. 2001.

Сартр 1993 — *Сартр Ж.-П.* Очерк теории эмоций // Психология эмоций. Тексты. М., 1993. С. 126—144.

Селезнев 1988 — *Селезнев М. Г.* Вера сквозь призму языка // Прагматика и проблемы интенсиональности / Отв. ред. *Н. Д. Арутюнова.* М., 1988. С. 244—254.

Сёрль 1986 — *Сёрль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 170—194.

СРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4; 8; 13. М.: Наука, 1977; 1981; 1987.

Соловьев 1890—1907 — *Соловьев Вл.* Пространство // Брокгауз и Ефрон: Энциклопедический словарь в 86 томах. 1890—1907 гг.

Соловьев 1989 — *Соловьев Вл.* Судьба Пушкина // Юность. 1989.

Спиридонова 2002 — *Спиридонова Н. Ф.* От начала к концу: семантика прилагательного *последний* // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв. ред. *Н. Д. Арутюнова.* М.: Индрик, 2002. С. 169—180.

Степанов 1997 — *Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997.

Телия 1986 — *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Телия 1990 — *Телия В. Н.* Фразеология / Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Телия 1993 — *Телия В. Н.* Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) / Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М., 1993. С. 302—314.

Телия 1995 — *Телия В. Н.* О методологических основаниях лингвокультурологии / XI Международная конференция «Логика, методология, философия науки». V. Секция философии языка. Москва; Обнинск, 1995. С. 102—106.

Телия 1996 — *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

Телия 1999 — *Телия В. Н.* Первоочередные задачи и метологические проблемы исследованият фразеологического состава языка в контексте куль-

туры // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. *В. Н. Телия*. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13—24.

Тихонов 1985 — *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985.

Токарчик 1992 — *Токарчик А.* Мифы о бессмертии. М., 1992.

Толстая 1994 — *Толстая С. М.* «Глаголы судьбы» и их корреляты в языке культуры // Понятие судьбы в контексте разных культур / Отв. ред. *Н. Д. Арутюнова*. М.: Наука, 1994. С. 143—145.

Толстая 1998 — *Толстая С. М.* «Человек из теста» (фольклорные мотивы и семантические модели) // Русский язык в его функционировании. Тезисы докладов международной конференции. Третьи Шмелевские чтения 22—24 февраля 1998 г. М., 1998. С. 99—100.

Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Белый цвет // Славянские древности: этнолингвистический словарь. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. С. 151—154.

Толстой 1997 — *Толстой Н. И.* Избранные труды. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. М.: Языки русской культуры, 1997.

Томпсон 2000 — *Томпсон Д. Э.* «Братья Карамазовы» и поэтика памяти. СПб., 2000.

Топоров 1983 — *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983.

Топоров 1991 — *Топоров В. Н.* Древо мировое // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1991. Т. 2.

Топоров 1992 — *Топоров В. Н.* Космос // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1992. Т. 2. С. 9—10.

Топоров 1995а — *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995.

Топоров 1995б — *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1: Первый век христианства на Руси. М.: Гнозис; Языки русской культуры, 1995.

Тургенев 1930 — *Тургенев И. С.* (1882). Русский язык // *Тургенев И. С.* Сочинения. М.; Л.: ГИХЛ, 1930—1934. Т. X.

Тынянов 1924 — *Тынянов Ю. Н.* Словарь Ленина-полемиста // ЛЕФ. 1924. № 1. С. 81—110.

Тынянов 1977 — *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977.

Уитроу 1964 — *Уитроу Дж.* Естественная философия времени. М., 1964.

Урысон 1997а — *Урысон Е. В.* Архаические представления в русской языковой картине мира: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1997.

Урысон 1997б — *Урысон Е. В. Душа 1.1., Сердце 2.1* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. *Ю. Д. Апресяна*. Москва; Вена, 2004. С. 302—306.

Урысон 1997б — *Урысон Е. В. Дыра* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. *Ю. Д. Апресяна*. М., 1997. Вып. 1. С. 92—96

Урысон 1997в — *Урысон Е. В. Зрение* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. *Ю. Д. Апресяна*. М., 1997. Вып. 1. С. 137—139.

Урысон 2000 — *Урысон Е. В. Место 3* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. *Ю. Д. Апресяна*. М., 2000. Вып. 2. С. 189—191.

Урысон 2003 — *Урысон Е. В.* Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Урысон 2004а — *Урысон Е. В.* Воображение, Фантазия // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Москва; Вена, 2004. С. 139—142.

Урысон 2004в— *Урысон Е. В. Скука 1, Тоска 2* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Москва; Вена, 2004. С. 1032—1034.

Урысон 2004г — *Урысон Е. В. Тоска 1, Уныние, Печаль 1, Грусть* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. *Ю. Д. Апресяна*. Москва; Вена, 2004. С. 1165—1170.

Успенский 1979 — *Успенский В. А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. 1979. № 11.

Успенский 1994 — *Успенский Б. А.* Избранные труды. Т. 1—2. М., 1994.

Успенский 1995 — *Успенский Б. А.* Семиотика искусства. М.: Языки русской культуры, 1995.

Ушаков — Толковый словарь русского языка. Т. 1—4 / Гл. ред. *Д. Н. Ушаков*. М., 1935—1940.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1986—1987.

Фатеева 2003 — *Фатеева Н. А.* Поэт и проза. Книга о Пастернаке. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Филин 1976 — *Филин Ф. П.* Актуальные проблемы изучения русского языка и его преподавания в национальной школе / Русский язык — язык межнационального общения народов СССР Отв. ред. М. И. Кондаков. М.: Просвещение, 1976. С. 54—63.

Флоренский 1922 — *Флоренский П. А.* Мнимости и геометрия. Расширение области двумерных образов геометрии. (Опыт нового истолкования мнимостей.) М.: Поморье, 1922.

Флоренский 1985 — *Флоренский П. А* Собрание сочинений. Т. 1: Статьи по искусству. Paris, 1985.

Флоренский 1990 — *Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины. Т. 1. М., 1990.

Флоренский 1993 — *Флоренский П. А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Изд. группа «Прогресс», 1993.1990.

Федоров 1991 — Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII—XX вв.: Т. 1—2 / Под ред. *А. И. Федорова*. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991.

Фрейд 1990 — *Фрейд З.* Психопатология обыденной жизни // Психология бессознательного. М., 1990.

Фрейд 1992 — *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992.

Фрейденберг 1997 — *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997.

Фуко 1994 — *Фуко М.* Слова и вещи. СПб., 1994.

Фуко 1996 — *Фуко М.* Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996.

ФЭС 1989 — Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989.

Хайдеггер 1993 — *Хайдеггер М.* Время и Бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.

Хаттон 2003 — *Хаттон П. Х.* История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2003.

Чейф 1983 — *Чейф У.* Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М.: Радуга, 1983. С. 35—73.

Человеческий фактор 1991 — Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / *Телия В. Н., Графова Т. А. Шахнарович А. М.* и др. М.: Наука, 1991.

Человеческий фактор 1992 — Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, деиксис / *Арутюнова Н. Д., Булыгина Т. В., Кибрик А. А.* и др. М.: Наука, 1992.

Черных 1994 — *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1—2. М.: Русский язык, 1994.

Шаронов 2002 — *Шаронов И. А.* «Удивительная» эмоция // Московский лингвистический журнал. 2002. Т. 6. № 1. С. 81—104.

Шмелев 1993 — *Шмелев А. Д.* «Хоть знаю, да не верю» // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 164—169.

Шмелев 2002 — *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Шмелева, Шмелев 2002 — *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Эко 2003 — *Эко У.* Искусство и красота в средневековой эстетике. СПб., 2003.

Элиаде 1994 — *Элиаде М.* Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. *Н. К. Гарбовского*. М.: Изд-во МГУ, 1994.

Элиаде 1996 — *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. М.: Рефл-бук; Ваклер, 1996.

Юм 1965 — *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // *Юм Д.* Соч.: В 2 т. М., 1965. Т. 1.

Юнг 1991 — *Юнг К. Г.* Архетип и символ. М., 1991.

Юнг 1994 — *Юнг К. Г.* Психология бессознательного. М., 1994.

Яковлева 1994 — *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

Яковлева 1998 — *Яковлева Е. С.* О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 43—73.

Ямпольский 1998 — *Ямпольский М.* Беспамятство как исток (Читая Хармса). М.: Новое литературное обозрение, 1998.

Ярхо 1963 — *Ярхо В. Н.* Проблема ответственности и внутренний мир гомеровского человека // Вестник древней истории. 1963. № 2. С. 46—64.

Agulhon, M. Marianne au combate l'imagerie et la symbolique r'publicaines de 1789 à 1880. Paris, 1979.

American Heritage Dictionary of the English Language. Third edition. Houghton Mifflin Company. Boston; New York, 1992.

Anderson 1991 — *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread Nationalism. Revised Edition. Verso. London; New York, 1991

Antze1996 — *Antze P.* Telling stories, Making Selves: Memory and Identity in Multiple Personality Disorder // Tense past: cultural essays in trauma and memory / P. Antze, M. Lambek (eds.). New York; London: Routledge, 1996. P. 3—24.

Assmann 1988 — *Assmann J., Hölscher T.* Kultur und Gedächtnis. Frankfurt a/M: Suhrkamp, 1988.

Balandier 1988 — *Balandier G.* Le d'sordre. Éloge du mouventment. Paris, 1988.

Bartlett 1932 — *Bartlett F.* Remembering. Cambridge (England), 1932.

Bauman 1989 — *Bauman Z.* Modernity and the Holocaust. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1989.

Beeching 1979 — *Beeching C. L.* A dictionary of eponyms. L.: C. Bingley, 1979.

Bhabha, Homi 1994 — *Bhabha, Homi K.* The Location of Culture. London; New York: Routledge, 1994.

Bloch 1993 — *Bloch M.* Time, Narratives and the Multiplicity of Representations of the Past // Bulletin of the Institute of Ethnology. Academica Sinica. № 75. 1993.

Boym 1994 — *Boym S.* Common Places. Mythologies of Everyday Life in Russia. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts London, England 1994. P. 356.

Bragina 1996 — *Bragina N.* Restricted Collocations: Cultural Boundness // Gellerstam Martin; Jaeborg Jerker; Malmgren, Sven-Goeran; Noren, Kerstin; Rogstroem, Lena; Papmehl, Roejder Catarina (eds.). EURALEX 1996 Proceedings. Part I. Goteborg, 1996. P. 199—207.

Bragina 1998a — *Bragina N.* Restricted collocations from a cultural veiw-point // 3rd International Symposium on Phraseology ISP-3, Proceedings. Stuttgart, April 1st—4th, 1998 / Ulrich Heid, 1998. P. 21—31.

Bragina 1998в — *Bragina N.* Lexical collocations: a dialogue between language and culture // EUROPHRAS 95. Europaeishe Phraseologie im Vergleih: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt. W. Eismann (Hersg.), Bohum, 1998. P. 55—66.

Bragina, Lubensky 2002 — *Bragina N., Lubensky S.* Eponyms as cultural key words and their lexicographic description // EURALEX, 2002 Proceedings, Vol. 1. Copenhagen, 2002. P. 419—427.

Bragina 2000 — *Bragina N.* Stereotypes in language and culture // Jeff Bernard ... (eds.). Modellierungen von Geschichte und Kultur: Universitaet Graz, 22—24. November 1996 = Modelling History and Culture Band I / Vol. I. Wien, 2000. P. 307—322.

Broca 1861 — *Broca P.* Perte de la parole, ramollisement chronique et destruction partielle du lobe antérieur gauche du cerveau // Bulletin de la Societé d'Anthropologie. 2. 1861. P. 235—237.

Burke 1989 — *Burke P.* History as social memory // Memory. History, Culture and Mind / Th. Bulter (ed.). Basil; Blackwell, 1989. P. 97—113.

Cassirer 1925 — *Cassirer E.* Sprache und Mythe. Leipzig; Berlin, 1925.

Douglas 1990 — *Douglas A.* Webster's new dictionary of eponyms. New York: Simon & Shuster / Webster's New World, 1990.

Ebbinghause 1964 — *Ebbinghause H.* Memory. A Contribution to Experimental Psychology / Trans. H. A. Ruger, C. E. Bussenius. New York: Dover, 1885 / 1964.

Eismann 1997 — *Eismann W.* Phraseologie und Psychoanalyse. Bemerkung zur Bedeutung von «Phraseologie» im Werk und in der Konzeption S. Freuds und ihrer Relevanz für die heutige Phraseologie // Vortrag EUROPHRAS'97. Bratislava, 1997.

Espy 1978 — *Espy W. R.* O thou improper, thou uncommon noun: a bobtailed, generally chronological listing of proper names that have become improper and uncommonly common, together with a smattering of proper names commonly used, and certain other diversions. New York: C. N. Potter, 1978.

Fillmore 1994 — *Fillmore Ch. J.* Lexicography and Ethnographic Semantics // Proceedings EURALEX-1994. P. 15—48.

Fine 1988 — *Fine E. S.* The Absent Memory // Writing and the Holocaust / B. Lang (ed.). New York: Holmes & Meier, 1988.

Fleischer 1996 — *Fleischer M.* Stereotype und Normative aus der Perspective der Systemtheorie // Weiner Slawisticher Almanach. Son. 37. 1996. S. 149—188.

Fussell 1975 — *Fussell P.* The Great War and Modern Memory. Oxford, 1975.

Giowiński 1991 — *Giowiński M.* Nowomowa po polsku. Warshawa, 1991.

Glynis 1996 — *Glynis G.* Contested meanings and Controversial Memories: Narrative of Sexual Abuse in Western Newfoundland // Tense past: cultural essays in trauma and memory / P. Antze, M. Lambek (eds.). New York; London: Routledge, 1996. P. 45—66.

Greimas 1987 — *Greimas Ju.* On meaning. Selected Writings in Semiotic Theory Foreword by Frederic Jameson // Theory and History of Literature. V. 38. 1987.

Haaken — *Haaken J.* Sexual Abuse, Recovered memory, and Therapeutic Practice: A Feminist-Psychoanalitic Perspective // Social text 40. P. 115—145.

Hacking — *Hacking.* The Making and Molding of Child Abuse // Critical Inquiry 17. P. 253—288.

Hacking 1996 — *Hacking I.* Memory Science, Memory Politics // Tense past: cultural essays in trauma and memory / P. Antze, M. Lambek (eds.). New York; London: Routledge, 1996. P. 67—88.

Halbwaches 1950 — *Halbwaches M.* The Collective Memory. New York, 1950.

Hartman 1996 — *Hartman G H.* The Longest Shadow: in the Aftermath of the Holocaust. Indiana Univ. Press, 1996.

Hartman 1999 — *Hartman G. H.* A Critic's Journey: literary reflections, 1958—1998. Yale University Press. New Haven; London, 1999.

Iv — *Iv M.* Have You Seen Me? Recovering the Inner Child in Late Twentieth-Century America // Social Text 37 (Winter). P. 227—252.

Kirmayer 1996 — *Kirmayer L. J.* Landscapes of Memory: Trauma, Narrative, and Dissociation. P. 173—198 // Tense past: cultural essays in trauma and memory / P. Antze, M. Lambek (eds.). New York; London: Routledge, 1996.

Kovecses 1995 — *Kovecses Z.* From a Metaphorical Point of View. A Multidisciplinary Approach to the Cognitive Content of Metaphor. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1995.

Lakoff 1987 — *Lakoff G.* Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago, 1987.

Lakoff 1980 — *Lakoff G., Johnson M.*, Metaphors We Live By. Chicago; M., 1980.

Lambek 1996 — *Lambek M., Antze P.* Introduction: Forecasting Memory // Tense past: cultural essays in trauma and memory / P. Antze, M. Lambek (eds.). New York; London: Routledge, 1996. P. xi—xxxviii.

Larsen 1982 — *Larsen S. S.* The Glorious 12th' // Belonging / A. P. Cohen (ed.). London, 1982.

Le Goff 1993 — *Le Goff, J.* History and Memory. Trans. S. Rendall, E. Claman. New York: Columbia University Press, 1993.

Lévi-Strauss 1958 — *Lévi-Strauss C.* Anthropologie Structurale, 1958.

Lubensky 1995 — *Lubensky S.* Russian-English Dictionary of Idioms. New-York; Random House, 1995.

Nipperdey 1981 — *Nipperdey T.* Der Kölner Dom als Nationaldenkmal' // Historische Zeitschrift, 1981.

Nora 1984—1992 — *Nora P.* Les Lieux de mémoire. Paris, 1984—1992.

Oakes, Haslam, Turner 1994 — *Oakes P. J, Haslam S. A., Turner J. C.* Stereotyping and Social Reality. Blackwell Publishers, Oxford UK and Cambridge USA, 1994.

Ong 1982 — *Ong W. J.* Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. London, 1982.

Oparina 1998 — *Oparina E.* Associative-Paradigmatic relations in restricted collocations // 3rd International Symposium on Phraseology ISP-3. Proceedings. Stuttgart, April 1st — 4th, 1998. Ulrich Heid (ed.), 1998. P. 195—199.

Owen 1986 — *Owen S.* Remembrances. Cambridge (Mass.), 1986.

Rees Nigel 1991 — *Rees Nigel.* Bloomsbury Dictionary of Phrase & Allusion. L.: Bloomsbury, 1991.

Russel 1921 — *Russel B.* The Analysis of Mind. London: George Allen and Unwin, 1921.

Said 1958 — *Said E. W.* Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978. P. 368.

Sandomirskaya 1998 — *Sandomirskaya I.* Phraseology and ideology: Collocations as lexicalised ideologies // 3rd International Symposium on Phraseology ISP-3. Proceedings. Stuttgart, April 1st — 4th / Ulrich Heid 1998. P. 200—211.

Sandomirskaya, Oparina 1996 — *Sandomirskaya I., Oparina E.* Russian Restricted Collocations: An Attempt of Frame Approach // EURALEX'96 Proceedings. Part I. Goteborg, 1996. P. 273—282.

Sapir 1921 — *Sapir L.* Language. An Introduction of the Study of Speech. New-York; Harcourt, Brace and Ko, 1921.

Semon 1904 — *Semon R.* Die Mneme. Lpz., 1904.

Sheldrake 1988 — *Sheldrake R.* The Presence of the Past: Morphic Resonance and the Habits of Nature. New York, 1988.

Shils 1981 — *Shils E.* Tradition. Cicago: Chicago university Press, 1981.

Teliya, Bragina, Oparina, Sandomirskaya 1994 — *Teliya V., Bragina N., Oparina E., Sandomirskaya I.* Lexical Collocations: Denominative and Cognitive Aspects // EURALEX 1994 Proceedings. Amsterdam, 1994. P. 368—377.

Teliya, Bragina, Oparina, Sandomirskaya 2001 — *Teliya V., Bragina N., Oparina E., Sandomirskaya I.* Phraseology as a Language of Culture: Its Role in the Representation of a Collective Mentality // Phraseology. Theory, Analysis,

and Applications / A. P. Cowie (ed.). Oxford: Clarendon Press, 1998; 2001. P. 55—75.

Antze & Lambek 1996 — Tense past: cultural essays in trauma and memory / P. Antze, M. Lambek (eds.). New York; London: Routledge, 1996.

Tonkin 1992 — *Tonkin E.* Narrativing our Pasts: The Social construction of Oral history. Cambridge: Cambridge univ. Press, 1992.

Trahair 1994 — *Trahair R. C. S.* From Aristotelian to Reaganomics: a dictionary of eponyms with bibliographies in the social sciences. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1994.

Urdang Laurence, Ruffner 1982 — *Urdang Laurence, F. G. Ruffner, Jr.* (eds.) Allusions: cultural, literary, Biblical, and historical: a thematic dictionary. Detroit, Mich: Gale Research Co., 1982.

Vansina 1985 — *Vansina J.* Oral Tradition as History. Madison, Wisc., 1985.

Vidal-Naquet 1992 — *Vidal-Naquet P.* Assassins of Memory: Essays on the Denial of the Holocaust. New York: Colombia Univ. Press, 1992.

Wamer 1959 — *Wamer W. L.* The Living and the Dead. New Haven, Conn., 1959.

Webber, Feinsilber 1999 — *Webber E., Feinsilber M.* Merriam-Webster's Dictionary of Allusions. Springfield (Mass.): Merriam-Webster, 1999.

Wierzbicka 1992 — *Wierzbicka A.* Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. New-York; Oxford: Oxford University Press, 1992.

Young 1996 — *Young D. J.* Remembering Trouble: Three Lifes, Three Stories // Tense past: cultural essays in trauma and memory / P. Antze, M. Lambek (eds.). New York; London: Routledge, 1996. P. 25—44.

Young 2001 — *Young A.* The Harmony of Illusions: Inventing Post-Traumatic Stress Disorder. Princeton: Princeton Univ. Press, 2001.

Zalizniak — *Zalizniak Anna A.* Conceptualization of remembering and forgetting in Russian // Cognitive Linguistics (in print).

Zijderveld 1979 — *Zijderveld A.* On Cliches: The Supersedure of Meaning by Function in Modernity. London: Routledge and Kegan Paul, 1979.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамов Н. 28, 97, 268, 284, 433
Абрамов Ф. 423, 426
Аввакум 343
Августин Блаженный 15, 48, 49, 50, 52, 161
Аверинцев С. С. 346, 395, 433
Агюльон М. (Agulhon M.) 230, 448
Адорно (Adorno T.W.) 355
Айсманн В. (Eismann W.) 23, 293, 449
Айтматов Ч. 422
Аксаков С. Т. 172
Аксенов В. 179, 205, 206, 213, 219, 239, 244, 269, 273, 314, 320, 322, 398, 399, 410, 416, 417, 421, 430
Акулов И. 417
Акунин Б. 398
Александр Великий 244, 370, 371
Александрова З. Е. 28, 96, 433
Алексеев К. 415
Алексеев Ю. 401
Алешковский П. 190
Аллилуева С. 142, 428
Аллпорт (Allport G.W.) 356
Альберт Великий (Albertus Magnus De bono) 15, 48,329
Алюшин А. Л. 127, 169, 433
Алямов О. 254
Амусин М. 71
Ангаладян Р. 185
Андерсон Б. (Anderson B.) 234, 235, 448
Андреев Д. 130, 430
Андреев Л. 74, 167, 430
Анненков П. В. 224
Антонов Д. И. 23
Антонов С. 409
Аобенот Дж. 230
Апресян В. Ю. 204, 433
Апресян Ю. Д. 23, 28, 30, 74, 81, 97, 122, 184, 190, 294, 295, 331, 334, 365, 433, 439, 445, 446
Апухтин А. 185, 386
Арафат Ясир 44
Ариес Ф. 229, 240, 358, 434
Аристова Т. С. 394
Аристотель 13, 14, 29, 125, 137, 149, 193, 196, 281, 360, 434
Арминий 231
Арутюнова Н. Д. 23, 42, 44, 100, 101, 110, 122, 127, 172, 180, 203, 207, 216, 288, 294, 302, 303, 304, 312, 317, 332, 365, 434, 436, 440—445, 447
Ассман Я. 13, 16, 18, 194, 197, 232—235, 242, 250, 264, 434
Ататюк М. К. 231
Ахиллес 329
Ахматова А. А. 86, 253, 308, 366, 387

Бааба (Bhabba) 356, 448
Бабаян С. 145
Бабель И. 219, 240, 262, 350, 430
Бабкин А. М. 224, 434

Байрон Дж. Г. 366, 369, 372
Бакланов Г. 413
Бакунин М. 290
Бальзак О. де 43
Баравтарло Г. 249
Баранов А. Н. 327, 434
Барт Р. 43, 54, 174, 177, 202, 207, 208, 247, 336, 434, 435
Баруздин С. 401
Батай Ж. 43
Батлер С. 357
Батюшков К. Н. 202
Бахтин М. М. 336, 435
Белов В. 421
Белодед И. К. 350, 351, 435
Белый А. 207
Бёме Н. О. 443
Бенджамин Б. С. 107
Беньямин В. 132, 144, 145, 193, 202, 236, 344, 435
Бергсон А. 22, 54, 55, 65, 73, 85, 104, 108, 150, 193, 194, 196, 197, 252, 435
Березко Г. 423
Бёрк П. (Burke P.) 227, 230—232, 235, 261, 449
Берков В. П. 29, 79, 241, 371, 435
Бестужев-Марлинский А. А. 185, 349, 435
Битов А. 167, 172, 184, 185
Блок А. А. 181, 192, 241, 308, 385, 430
Бодлер Ш. 43
Бодрийар Ж. 119, 194, 209, 313, 316, 435
Бойм С. (Boym S.) 360, 361, 435, 449
Боливар С. 231
Бондарев Ю. 186, 409
Бонецкая Н. 435
Бонкомпаньо 48
Борухов Б. Л. 337, 435
Борхес Х. Л. 29, 92, 105, 120, 121, 131, 153, 156, 157, 161, 221, 222, 267
Ботвинник М. 404
Брагин В. И. 23
Брагина З. В. 23
Брагина Н. Г. 52, 87, 98, 188, 288, 294, 298, 302, 325, 332, 337, 339, 362, 363, 368, 377, 381, 435, 436, 449, 451
Брагинский Э. 410
Брейли (Braly K.) 355
Бродский И. 65, 73, 197, 198, 201, 350, 430
Брокгауз Ф. А. 96
Бруно Дж. 15, 48
Буйда Ю. 191
Булгаков М. А. 81, 85, 86, 88, 90, 129, 138—141, 160, 161, 164, 176, 179, 209, 220, 245, 251, 287, 321, 322, 398, 402, 405, 413, 426—428, 430
Булгарин Ф. 184
Булыгина Т. В. 118, 436, 447
Бунин И. А. 63, 147, 148, 171, 239, 430
Бурвикова Н. Д. 23, 335, 440
Быков В. 412
Быстрова Е. А. 394

Вальтер В. Г. 105
Вампилов А. 401, 416
Варел Ф. 70
Васильев А. 399
Васильев Б. 423
Васильева Л. 342
Васильевы С. и Г. 244
Вашингтон Дж. 231
Вежбицкая А. (Wierzbicka A.) 294, 326, 452
Вейсман А. Д. 211, 436
Верещагин Е. М. 268, 273, 330, 335, 436, 437
Вернан Ж.-П. 290, 437

Вигель Ф. 184
Викман К. 231
Вико Дж. 49, 170, 437
Вильгельм I 231
Вильгельм III 231, 232
Вильгельм Завоеватель 232
Виноградов В. А. 438
Витгенштейн Л. 20, 21, 101, 102, 325, 437
Витте С. Ю. 232
Воеводин Е. 415
Войнова Л. А. 394, 442
Войнович В. 411, 421
Войно-Ясенецкий В. Ф. 143, 169, 437
Волков О. 173
Волков С. 378
Володарский Э. 72
Вольф К. 113
Вордсворт У. 56, 166, 197
Воронель Н. 174
Воронин А. А. 334, 437
Воронин Л. В. 299, 438
Вострухов В. 411
Вулкан 329
Вульф В. 113
Выготский Л. С. 360, 437
Высоцкий В. 171, 430
Вяземский П. А. 238

Гагарин Ю. 243
Гадамер Х. Г. 70
Гайдай Л. 87, 320
Гак В. Г. 96, 168, 326, 437
Галич А. 267
Галкин Б. 416
Ганди И. 231
Гарибальди Дж. 231
Гаспаров Б. М. 153, 199, 200, 360, 437
Гегель Г. В. Ф. 43, 215, 437
Геллер Л. 243, 437
Генрих IV 231
Гераклит 209
Герасимов И. 413
Геродот 227
Герцен А. И. 186
Герштейн Э. 145
Гесиод 14, 199, 281
Гете И. В. 222, 344
Гея 14
Гиганты 303
Гильен Н. 213
Гинзбург Л. Я. 343, 437
Гитлер А. 275
Глинка Ф. Н. 349, 437
Гловинская М. Я. 440
Гловиньски М. (Glowicski M.) 333, 450
Гоббс Ф. 17
Гоголь Н. В. 122, 124, 130, 179, 212, 217, 272, 289, 311, 347, 364, 386, 430
Гомер 244, 295, 409
Гончаров И. А. 66, 89, 91, 126, 142, 144, 154, 155, 177, 181, 184, 185, 191, 237, 238, 318, 349, 368, 403, 430, 437
Гончаров Ю. 415
Горбатов Б. 427
Горбачевич К. С. 28, 120, 437
Горгий 281
Горький М. 61, 90, 91, 142, 143, 147, 155, 191, 201, 203, 206, 262, 270—272, 289, 317, 318, 371, 430
Горяев Н. В. 31
Грайс Г. П. 333, 438
Гранин Д. 398, 401, 404, 423
Графова Т. А. 447
Грачев А. 404
Гребенщиков Б. 287
Греймас Ю. (Greimas Ju.) 293, 338, 450
Грекова И. 399, 417, 418

Грибоедов А. С. 137, 149, 245, 430
Григорович Д. 186
Гримберг Ф. 368
Гринцер П. А. 14, 341, 438
Гроссман В. 173
Гудков Д. Б. 363, 364, 438
Гуль Р. 263
Гумилев Н. С. 330, 341
Гура А. В. 80, 438
Гуревич В. В. 394
Гусаров Д. 415

Даль В. И. 47, 56, 58, 67, 68, 71, 72, 76—80, 87—89, 98, 165, 196, 208, 210, 222, 224, 239, 241, 268, 340, 392, 395, 397, 398, 403, 422, 437
Данте А. 371
Дарвин Ч. 234, 357
Дашкова Е. 186
Де Голль Ш. 149
Декарт Р. 53
Делёз Ж. 20, 41, 43, 108, 307, 361, 438
Демокрит 281
Демьянков В. З. 23, 42, 299, 355, 438
Денисов П. Н. 28, 32, 438
Державин Г. Р. 142, 430
Деррида Ж. 101, 173, 174, 307, 308, 344, 438, 439
Джефферсон Т. 231
Джойс Дж. 19, 113, 115
Дильтей В. 438
Дмитриев А. 186
Дмитровская М. А. 34—37, 213, 214, 438
Добровольский Д. О. 326, 434, 438
Добролюбов 105
Довлатов С. 77, 86, 271, 285, 430
Дозорец Ж. А. 394
Домбровский Ю. 165
Домициан 262
Дорогонова И. А. 443
Достоевский Ф. М. 19, 62, 63, 66, 68, 121, 138, 145, 174, 220, 245, 251, 269, 308, 315, 317, 319, 347, 364, 367, 368, 430
Друскин Я. С. 438
Дудинцев М. 396
Думбадзе Н. 415, 426, 427, 430
Душенко К. В. 29, 290, 438
Дюрер А. 326
Дюркгейм Э. 16, 194

Евзлин М. 298, 299, 303, 305, 439
Елеонский С. 409
Ермолович Д. И. 439
Ерофеев Вен. 52, 64, 68, 164, 367, 419, 430
Есенин С. А. 342
Ефимов И. 185
Ефимова А. 188, 436
Ефремов И. 69, 74—76, 83, 144, 259, 430
Ефрон И. А. 96

Жигулин А. 248
Жолковский А. К. 27, 28, 32, 55, 69, 74, 81, 381, 433, 442
Жуков В. П. 394, 442
Жуковский В. А. 430

Заболоцкий Н. А. 307
Зализняк Анна А. 76, 169, 239, 249, 439, 452
Замятин Е. 75, 76, 252, 430
Зануров В. 287
Занусси К. 269, 270, 439
Зейгранник Б. 248
Земон Р. (Semon R.) 357, 451
Земская Е. А. 333
Зийдервельд А. (Zijderveld A.) 358, 360, 452

Знаменский А. 411
Зощенко М. М. 403
Зубов А. 269, 439

Иван Грозный 248, 265
Иванов А. 271, 287
Иванов Ал. 404, 428
Иванов Вяч. Вс. 110, 166, 302, 303, 338, 439
Иванова А. 267
Иванова Т. Ф. 443
Ивинская О. 335, 336, 439
Ильф И. 87, 379
Иомдин Б. Л. 144, 439
Искандер Ф. 184, 399, 423
Йейтс Ф. 14, 48, 329, 439

Кабаков А. 163, 164, 431
Кабакова Г. И. 78, 439
Каверин В. 81, 92, 425, 431
Казакевич Эм. 415
Казаков В. 158
Казаков Ю. 418
Камилло Дж. 15, 48
Кансик Г. 264
Кант И. 53, 65, 73, 439
Карамзин Н. М. 349, 440
Караулов Ю. Н. 363, 364, 440
Карпов В. 413
Каррузерс М. 199
Кассиль Л. 407
Кассирер Э. (Cassirer E.) 18, 97, 99, 100, 104, 105, 125, 127, 194, 197, 279, 293, 358, 440, 449
Катаев В. 239
Кац (Katz D.) 355
Кашурко С. 274
Квеселевич Д. И. 394
Кибрик А. А. 447
Кибрик А. Е. 97, 440
Кирилл 346
Кирмаер Л. (Kirmayer L. J.) 17, 18, 166, 195, 270, 450
Кичин В. 254
Кларендон Л. 227
Клио 14
Клюев Н. А. 350
Кнабе Г. 13, 71, 214, 215, 236, 262, 440
Князева Е. Н. 70, 127, 169, 433, 440
Ковшова М. Л. 23, 389, 394
Козаков М. 423
Козловский Е. 51, 157, 158, 207, 268, 431
Колесников Л. В. 230, 444
Короленко В. 186
Король Билли (King Billy) 231
Космодемьянская З. 243
Костомаров В. Г. 23, 330, 334, 338, 437, 440
Котовщикова Л. 404
Кочетков Г. 66, 263, 440
Красухин К. Г. 214, 440
Крейдлин Г. Е. 23, 365, 440
Кромвель О. 232
Кронгауз М. А. 359, 440
Кронос 14
Крупская Н. К. 260
Крылов И. А. 79
Крысин Л. П. 362, 440
Кубрякова Е. С. 23, 29, 32, 34—36, 55, 67, 99, 111, 136, 438, 440, 441
Кузнецов А. В. 405, 408
Кузнецов С. А. 28, 214, 274, 441
Кундера М. 120, 208, 222, 224, 361, 362
Купина Н. А. 333, 441
Куприн А. И. 83, 90, 144, 146, 155, 158, 201, 251, 312, 314, 315, 403, 431
Курилович Е. 369, 441
Куртиус Г. 31

Кушнер Б. 255
Кьеркегор С. 81, 82
Кэрролл Л. 43
Кюхельбекер В. К. 349, 441

Лакан Ж. 53, 109, 293, 441
Ларошфуко Ф. 69
Лахманн Р. 441
Лебедев А. В. 211, 416, 441
Лебедев-Кумач В. 418
Лебеденко А. 421
Левин Ю. И. 260, 359, 360, 441
Леви-Строс К. 338, 451
Левкиевская Е. Е. 435
Леденев И. 415
Лейбниц Г. В. 99
Лейков Г. 23
Ленин В. И. 148, 149, 245, 259—61, 266, 347, 364
Леннон Дж. 250
Леонов Л. М. 222
Лермонтов М. Ю. 62, 133, 167, 180, 233, 245, 268, 313, 319, 386, 431
Лесков Н. С. 63, 66, 90, 378, 431
Лесков С. 255
Летов В. 417
Линкольн А. 149, 231
Лиотар Ж.-Ф. 53, 70, 265, 266, 441
Липатов В. 419
Липпман (Lippman W.) 355
Локк Дж. 101
Ломоносов М. В. 349, 441
Лосев А. Ф. 14, 281, 284, 441
Лосский В. Н. 211
Лотман Ю. М. 162, 194, 211, 283, 331, 337, 338, 347, 441
Лоуэнталь Д. 65, 89, 91, 107, 150, 151, 153, 173, 175, 176, 195, 202, 214, 217, 229, 236, 442
Лубенская С. И. 23, 29, 368, 377, 449, 451
Лурия А. Р. 53, 61, 62, 67, 84, 108, 128, 129, 136, 137, 149, 150, 442
Львов М. Р. 271, 442
Лэмбек М. (Lambek M.) 17, 104, 113, 114, 195, 247, 450, 452
Люсый А. 368

Мазох Захер 43
Маканин В. 171
Макаров С. 408
Максимов В. 423
Мальцев Е. 406, 421
Мамардашвили М. К. 279, 442
Мамлеев Ю. 248
Мандельштам Н. Я. 86
Мандельштам О. Э. 19, 280, 289, 349, 442
Маринина А. 83, 90, 181, 209, 212, 220, 221, 431
Маркес Г. Г. 64
Маркиш Д. 240
Марков Г. 417, 426
Маркс К. 279
Марс 329
Маршак С. Я. 82
Маслова В. А. 331, 442
Матвеева Н. 182, 253
Матросов А. 243
Маяковский В. В. 258, 347, 431
Медынский Г. 417
Мельчук И. А. 27, 28, 32, 55, 69, 74, 81, 381, 433, 442
Менделеев Д. И. 259
Месяц С. В. 442
Мефодий 346
Мечковская Н. Б. 170, 317, 442
Микушевич В. 342
Михайлов М. Н. 434

Михеев М. Ю. 166, 207, 442
Мишле Ж. 227, 228
Модереттер У. 23
Мокиенко В. М. 29, 79, 241, 333, 371, 395, 409, 435, 442
Молотков А. И. 29, 394, 442
Молчановский В. В. 23
Морковкин В. В. 23, 28, 32, 438, 443
Морозов Н. 417
Москвина М. 185, 192
Моцарт А. В. 41, 371
Музаев М. 237
Музиль Р. 217
Муссолини Б. 275
Мэйси Д. 53, 54, 443
Набоков В. 19, 51, 57, 74, 85, 93, 111, 115, 117, 125, 131, 137—141, 143, 147, 148, 152, 156, 160, 161, 163, 171, 172, 175, 178, 184, 191, 192, 200, 201, 205—207, 218, 219, 221, 240, 241, 289, 316, 344, 345, 378, 413, 424, 427, 431
Нагибин Ю. 398
Нанси Ж.-Л. 60, 103, 443
Нариньяни А. С. 97, 440
Наполеон Б. 41, 244, 364, 375—379
Некрасов Н. А. 57, 77, 319, 431
Немирович-Данченко В. 145
Никитина Т. Г. 333, 442
Николаева Г. 404
Николаева Т. М. 23, 30, 339, 340, 355, 357, 362, 435, 443
Николай II 39, 232
Никон 348
Ницше Ф. 53, 54, 175, 443
Новикова О. 244
Новодворская В. 367
Нора П. (Nora P.) 13, 114, 228—230, 232, 450
Носов В. 416
Носов Н. 85, 431
Овечкин В. 422
Ожегов С. И. 27, 96, 106, 188, 210, 249, 250, 262, 274, 280, 286, 443
Окунева А. П. 394
Олеша Ю. 84, 142, 204, 254, 255, 272, 424, 431
Оляр А. 228
Онг В. (Ong W. L.) 15, 16, 451
Опарина Е. О. 23, 87, 188, 294, 298, 302, 325, 332, 339, 362, 363, 381, 436, 443, 451
Островский А. Н. 165, 171, 222, 319, 431
Оуэн С. (Owen S.) 195, 451
Павлов Е. 170, 193, 443
Павсаний 160
Падучева Е. В. 55, 443
Палей М. 184
Панова В. 404, 426, 427
Пантелеев Л. 399
Паршин П. Б. 434
Пасечник Г. А. 230, 444
Паскаль Б. 174
Пастернак Б. Л. 210, 218, 221, 251, 267, 268, 285, 286, 308, 310, 316, 330, 335, 336, 401, 409, 413, 418, 425, 431
Паустовский К. 184, 186, 391, 411, 425
Пелевин В. 63, 92, 124, 137, 141, 146—149, 161, 164, 171, 201, 207, 239, 242, 244, 284, 308, 318, 321, 431
Петр I 41, 168, 266
Петров Д. 400
Петров Е. 87, 379
Петрушевская Л. 408
Пильняк Б. А. 350
Пифагор 23
Платон 14, 20, 71, 211, 281, 330, 443
Платонов А. П. 19, 56, 68, 86, 180, 251, 418, 431

Плотин 84, 443
Плунгян В. А. 210, 443
Плутник А. 415
Подольский Н. 188
Поливанов Е. Д. 350
Полтавский М. 248
Попов В. 396
Потебня А. А. 279, 311, 443
Прелвитц В. 31
Прилежаева М. 425
Прохоров Ю. Е. 23, 335, 355, 443
Прудон П. Ж. 290
Пруст М. 19, 54, 109, 113, 115, 177
Путин В. В. 291
Пушкин А. С. 41, 62, 66, 67, 108, 133, 162, 168, 178, 180, 224, 238, 241, 245, 254, 259, 312, 314, 319, 330, 342, 347, 364, 385, 386, 388, 431
Пфандль Х. 23
Пьецух В. 404
Пятигорский А. М. 279, 442

Радек К. 344
Радищев А. Н. 66, 68, 224, 248, 309, 431
Раскольников Ф. 187
Рассел Б. (Russel B.) 91, 92, 196, 197, 443, 451
Рашидов Ш. 350, 351, 443
Рейхенбах Г. 282, 444
Робин Гуд 231
Розанов В. В. 308
Розов В. 145
Романова О. И. 434
Рубан Н. 244
Рум Р. У. 444
Рыбаков А. 408, 428
Рыленков Н. 423
Рысева Е. А. 394
Рязанов Э. 410

Саббах К. 91
Салтыков-Щедрин М. Е. 19, 58, 63, 88, 130, 133, 146, 155, 167, 175, 220, 238—241, 271, 431
Сальери А. 41, 329, 330
Самойлов Д. 173, 370
Сандомирская И. И. 23, 87, 188, 243, 294, 299, 302, 325, 339, 348, 362, 363, 381, 436, 444, 451
Сартр Ж.-П. 296, 365, 366, 444
Сатурн 14
Саутин Н. 411
Сахарный Л. В. 441
Сахарова Н. 240, 275
Саянов В. 417, 428
Светов Ф. 165
Светоний 262
Седакова И. А. 340
Сейд Э. (Seid E. W.) 234, 356, 357, 451
Селезнев М. Г. 340, 444
Сергеев А. И. 299, 438
Сергеева Д. В. 299, 438
Сёрль Дж. Р. 258, 444
Сидоенко М. И. 394
Сидур М. 186
Сизов Н. 416
Симонид Кеосский 14
Симонов К. 404, 407
Смирнов О. 417, 421
Соколов-Микитов И. 409
Сокольская М. М. 228
Сократ 71, 244
Солженицын А. И. 344
Соллогуб В. 254
Соловьев Вл. 43, 96, 444
Солоухин В. 147, 212, 274, 427, 431
Сомов О. 71
Спиридонова Н. Ф. 444

Срезневский 320
Стайп М. 289
Сталин И. В. 168, 273, 290, 291, 350, 366
Стегнер У. 175
Стельмах М. 409
Степанов Ю. С. 36, 205, 210, 211, 326, 444
Столыпин П. А. 232
Стругацкие А. И Б. 64, 67, 81, 87, 92, 121, 140, 156, 212, 284, 285, 287, 290, 391, 398, 399, 405, 408, 418, 425, 431
Суворов В. 57, 73, 76, 83, 84, 431
Сусанин И. 243
Сухих И. 72, 157
Сэпир Л. (Sapir L.) 40, 451

Тайфел (Taifel H.) 356
Тарковский А. 111
Тацит 264
Тевекелян В. 421
Телия В. Н. 23, 78, 87, 281, 294, 298, 302, 325, 326, 331, 337, 339, 362, 363, 381, 389, 394, 443, 444, 447, 451
Тендряков В. 405, 409, 415, 419
Терц А. 419
Тит Лукреций 43
Тихонов А. Н. 29, 214, 271, 445
Токарчик А. 218, 445
Толстая С. М. 295, 445
Толстой А. К. 72
Толстой А. Н. 61, 64, 186, 242, 287, 431
Толстой Л. Н. 75, 83, 85, 178, 186, 220, 241, 260, 347, 364, 431
Толстой Н. И. 294, 295, 312, 445
Томпсон Д. Э. 161, 162, 189, 200, 211, 445
Топоров В. Н. 98, 279, 285, 309, 335, 338, 395, 399, 403, 406, 439, 445
Трифонов Ю. 417
Тургенев И. С. 67, 75, 83, 90, 130, 138, 167, 177, 178, 180, 209, 222, 224, 310, 314, 316, 349, 367, 431, 445
Туробов А. 70, 127, 440
Туровский В. В. 249
Тынянов Ю. Н. 151, 152, 445
Тынянова И. 213
Тюленев И. 423
Тютчев Ф. И. 19, 282—284

Уитроу Дж. 445
Улицкая Л. 185, 190
Уран 14
Урысон Е. В. 34, 35, 55, 67, 77, 97, 122, 137, 187, 294, 386, 388, 393, 445, 446
Успенская И. Д. 443
Успенский Б. А. 100, 134, 135, 139, 203, 205, 302, 336, 341, 342, 346—348, 446
Успенский В. А. 294, 446
Утесов Л. 71
Ушаков Д. Н. 27, 55, 56, 59, 69, 72, 75, 96, 183, 188, 210, 222, 258, 262, 351, 446
Уэллс Г. 217

Фасмер М. 30, 214, 282, 317
Фатеева Н. А. 23, 221, 446
Федин К. 396
Федоров А. И. 29, 394, 395, 442, 447
Фентресс Дж. 231
Филатов Л. 421
Филин Ф. П. 347, 350, 446
Фиш Ст. 235
Флоренский П. А. 30—32, 65, 150, 151, 199, 203, 217, 218, 282, 446, 447
Фома Аквинский 15, 48
Фонвизин Д. 431
Франс А. 197
Фрейд З. 52, 101, 103, 114, 173, 229, 234, 265, 279, 283, 293, 447

Фрейденберг О. М. 302, 303, 309, 447
Фридрих Великий (Frederick the Great); Фридрих II 231
Фуко М. 15, 43, 223, 228, 280, 447
Фурманов Д. 244

Хабло Е. П. 28, 120, 437
Хайдеггер М. 42, 52, 54, 281, 283, 354, 447
Хальбвакс М. (Halbwaches M.) 16, 194, 228, 229, 233, 242, 358, 450
Хармс Д. И. 350
Хартман Дж. (Hartman G. H.) 200, 229, 230, 235, 236, 271, 450
Хаттон П. Х. 15, 17, 49, 56, 82, 166, 170, 193, 195, 197, 227, 229, 240, 358, 447
Хлебников В. В. 431
Холер Х. 23
Хэкинг Я. (Hacking I.) 15, 270, 450

Цветаева М. И. 253, 431
Цезарь 29
Цицерон 14, 371

Чаковский А. 407
Чейф У. 447
Черкасова И. Н. 394
Черных П. Я. 214, 290, 320, 447
Чернышевский Н. Г. 63, 178, 344, 345, 431
Чехов А. П. 51, 105, 124, 125, 140, 176, 177, 181, 190, 205, 370, 386, 407, 431
Чудакова В. 421
Чуковский Н. 400
Шалаев Б. 415

Шанский Н. М. 394
Шаронов И. А. 23, 123, 447
Шахнаович А. М. 441, 447
Шварц Е. Л. 165, 176, 217, 431
Шведова Н. Ю. 27, 96, 106, 188, 210, 249, 250, 262, 274, 280, 286, 443
Шекспир У. 37, 168, 222, 372
Шелдрейк Р. (Sheldrake R.) 357, 451
Шендецов В. В. 224, 434
Шериф (Sherif M.) 356
Шилс Э. (Shils E.) 229, 451
Шкляров В. Т. 394
Шмелев А. Д. 23, 44, 98, 118, 244, 334, 340, 393, 436, 447
Шмелева Е. Я. 244, 447
Шоу Б. 29
Шпенглер О. 234
Шукшин В. 391, 396, 408, 423, 425, 428
Шулежкова С. Г. 29, 79, 241, 371, 435
Шульгина Н. 120
Шульгина Н. М. 222
Шуртаков С. 408

Эббингхаус Х. (Ebbinghause H.) 16, 449
Эдип 41
Эйдельман Н. 267
Эйзенштейн С. 110
Эко У. 193, 199, 447
Элиаде М. 279, 301, 305, 448
Энтце П. (Antze P.) 104, 113, 114, 195, 247, 452
Эпей 329
Эренбург И. 424
Эриннии 303

Юдалевич М. 421
Юзефович Л. 173
Юм Д 125, 448
Юнг К. Г. 293, 448
Юшков Г. 415

Якобсон Р. О. 338
Яковлев А. 165

Яковлев П. 403
Яковлева Е. С. 23, 30, 42, 99, 205, 448
Якушкин Т. 401
Ямпольский М. 448
Янко Т. Е. 440, 443
Ярхо В. Н. 295, 448
Ярцева В. Н. 441
Яшин А. 423

Balandier G. 289, 448
Bartlett F. 357, 448
Bauman Z. 271, 448
Beeching C. L. 448
Bloch M. 247, 448
Broca P. 16, 449
Duglas A. 449

Epsy W. R. 371, 449

Feinsilber M. 452
Fillmore Ch. J. 449
Fine E. S. 271, 450
Fleischer M. 355, 450
Fussell P. 271, 450

Glynis G. 270, 450

Haaken J. 270, 450
Hamilton D. L. 356
Haslam S. A. 355, 451
Hölscher T. 233, 448
Homi K. 448

Iv M. 450
Ivy M. 270

Johnson M. 294, 326, 450

Kovecses Z. 294, 450

Lakoff G. 294, 326, 450
Larsen S. S. 450
Le Goff J. 232, 451

Nipperdey T. 230, 451

Oakes P. J. 355, 451

Tonkin E. 247, 452
Trahair R. C. 371, 452
Turner J. C. 355, 451

Vansina J. 231, 452
Vidal-Naquet P. 270, 452

Warner W. L. 452
Webber E. 52
Wood J. 369

Yong C. K. 274
Young A. 452
Young D. L. 452

УКАЗАТЕЛЬ ЛЕКСЕМНЫХ ЕДИНИЦ

Август 370
Августа 183
Ад 283
Адонис 244, 312
адресат творчества 183
Аид 214, 284
Александр Великий 244
Александр Македонский 370, 371
Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? 370
Александр Матросов 243
амнезия 28, 162, 188
Анабел Лее 183
анамнесис 13—14, 71
анархизм 290
анархист 290
анархия 289, 290
Анархия — мать порядка 290
ангел 316, 368
ангельский
доброта 329, 368
терпение 329, 368
Анна Керн 183, 247
античная реликвия 250
Антоний 318
Аполлон 244
архив 237
аукцион 250
Ахилл 244
баба 78
Баба Яга 244
Байрон 369, 372
байронические отщепенцы 369
байроновские образы 369
башка 28
Беатриче 183, 247
без памяти 27, 37, 63
бездна 105
безобразное 310
безобрАзный, безОбразный 311
безрассудно влюбиться 67
бестолков, да памятлив 68
Безумству храбрых поем мы славу! 371
Белла 183
белый 311, 312
траур 312
беспамятлив, что кукушка 80
беспамятство 22, 164, 241, 262—263, 273, 274
беспорядок 283, 309
беспринципность 273
бессмертие 21, 30, 142, 215, 220, 261
бесценная реликвия 250
бешенство 304
библиотека 22, 111
блеск ума 330
блестеть 142

блестящий 315, 316
Бог 344
богатство 320
боги 312
богиня 312, 313, 316
бодрствование 14
болезнь
~ горла 61
~ дыхательных путей 61
~ общества 274
~ сердца 61
Бородинское поле 245
бороться
~ [со своими] чувствами 295
~ с печалью 387
~ с тоской 288
~ со скукой 288, 299, 383
брат 327
братский 327
страны 327
чувства 332, 363
братство 327
~ народов 327
брать чувства под контроль 295
брать / взять грех на душу ⟨на совесть⟩ 390, 391
братья во Христе 327
бред 123, 190
бросать прощальный взгляд 180
бросаться в глаза 145
броский цвет 145
Брут 370
будет
~ о чем рассказать 203
~ что вспомнить [на старости лет] 203
будущее 47, 196, 197, 210
булгаковская Москва 245
буриданов осел 41
бывать 37
был у меня один памятный случай... 168
была, сказывают, и правда на свете, да не нашу память 239
были и небылицы 238
было и прошло и быльём поросло 239
былое 242
быль — трава; небыль — вода 210
быль как смола; небыль, как вода 210
быстротечное время 209
быстрый взгляд 330
бытие 215
быть 37, 215
~ без памяти [от] 34, 36, 62
~ без сознания 36, 62
~ в [здравом] уме и в твердой памяти 39
~ в памяти 36
~ в расцвете 314
~ в сознании 36
~ в цвету 314
в памяти одержим(ым)ой страстью 296

в глубине
~ души 42, 105, 288, 405, 412, 418
~ памяти 42
~ сердца 42
в голове (на памяти) захлестнуло 67
в голове возникла интересная мысль 109
в голову пришла интересная идея 100
в двух шагах отсюда 99
в душе
~ поселилась грусть 100, 418
~ царит грусть 298
в его памяти воскрес образ любимой 205
в ее памяти воскрес образ любимого 104

в памяти
~ бережно хранят что-л. 112
~ вернуться к чему-л. 203
~ видеть кого-что-л. 184
~ возникать возникнуть 103
~ возникают воспоминания 187
~ возникли образы 21
~ воскресить образ любимой 205
~ воскресло 203—205
~ воскреснуть 103
~ воспроизводить что-л. 215
~ всплыли образы 21
~ всплыть 103
~ вспыхивает 72
~ вызывать кого-что-л. 184
~ держать чей-л. образ 50
~ засесть 103
~ затухать 72
~ ищут что-л. 112
~ копаться 50, 112, 266
~ надолго сохранить чей-либо образ 123
~ находить что-л. 49
~ оживить [свое прошлое] 209
~ ожили образы 21
~ ожить 95, 103
~ освежать что-л. 118
~ остается что-л. 118
~ откладывается что-л. 51
~ отсутствовать 29
~ отыскивать что-л. 49, 95
~ перебирать что-л. 50, 112, 266
~ появилось что-л. 184
~ появиться 103
~ присутствовать 29
~ пропадать 104
~ рисовать что-л. 146
~ рыться 50, 112, 266
~ сверкает молнией 72
~ сохранить навеки чей-л. образ 22
~ угасать 72
~ удержать что-л. 50
~ удерживать чей-л. образ 50
~ удерживать что-л. 29
~ уцелело / сохранилось немногое 129
~ хранить что-л. 29, 35, 50, 103
~ что-л. оставляет след 103
~ что-л. [вновь] возникло появилось 184, 204
~ что-л. возникает 51, 113, 118
~ что-л. воскресает 51, 113, 202
~ что-л. воспроизводится 113, 118, 202
~ что-л. (воспоминания) всплывает 51, 56, 113, 118, 187
~ что-л. встает 51, 103, 113, 118, 202, 209
~ что-л. въелось 112, 118
~ что-л. вырисовывается 146
~ что-л. гаснет 72, 141
~ что-л. живет 51, 113, 118
~ что-л. запечатлевается 51, 112, 118, 188
~ что-л. засело 103, 112, 118
~ что-л. застревает 112, 118
~ что-л. затеривается 100, 161
~ что-л. мелькает 51
~ что-л. оживает 51, 113, 202, 204, 205, 209
~ что-л. освещается [ярким светом] 72, 119
~ что-л. оставляет отпечаток 51, 112, 118
~ что-л. оставляет след 51, 112, 118
~ что-л. остается 51, 118, 188
~ что-л. откладывается 112, 118, 188
~ что-л. покрывается туманом 119, 128, 161
~ что-л. потухает 141
~ что-л. приобретает яркий свет 72
~ что-л. пропадает 119, 161
~ что-л. сидит 112, 118
~ что-л. сияет 72, 119
~ что-л. смазывается 119, 161
~ что-л. смешивается 112, 119, 161

~ что-л. смягчается 112, 119, 161
~ что-л. стирается 104, 119, 161
~ что-л. тает 104, 112, 119, 161
~ что-л. теряется 119
~ что-л. уступает кому-чему-л. место 119, 161
~ что-л. фиксируется 51, 112, 118, 188
~ что-л. хранится 51, 112, 118
картины ~ 146
навсегда остаться ~ 112
по следам ~ вспоминать 215
пробелы ~ 112, 159, 162, 163, 189
проблеск ~ 142
провал ~ 61, 68, 112, 162—164, 189
темнота ~ 72
черная дыра ~ 61
чернота ~ 72
в память
~ о встрече 179
~ о ком-л. выпить 39
~ о ком-л. сделать что-л. 39
~ о ком-л. сказать тост 39
~ о романтическом свидании 179
~ что-л. врезалось 118
~ что-л. (чей-л. образ) запало 104, 118
~ что-л. заронилось 118
вслушиваться ~ 56, 154
всматриваться ~ 56, 154
и старикам не ~ 239
название называние чего-л. ~ о ком-л. 259
привести ~ 34
приходить / прийти ~ 36, 62, 63
в подвалах памяти 50
в расцвете сил 318
в [самой] глубине души (сердца) 390
в сердце закралась грусть 103
в тайниках памяти 50, 330
в чьем-л. воображении
~ возникло что-л. 184
~ появилось что-л. 184
ватт 375
Вавилонская башня 288
вгонять в скуку / в сон и в скуку 384
вдохновение 188
вдохновительница 183
век 30, 214
~ Августа 168
~ не забуду, как... 132
великий
идеалы 258
полководец 243
цели 258
человек 224, 258
великий корсиканец 376, 378
величие 316
Венера 371
вера 39
~ в здравый смысл 273
~ в человеческий разум 273
верить 31
~ / доверять самому себе 60
верность любви 178
ветер любви 293, 328
вечно помнить человека 169
вечность 30, 210, 211, 213, 214, 261
вещество памяти 56
вещь 105, 179, 180, 249, 252, 254, 264—266
видеоданные 122
видеть 122, 123
~ / увидеть своими собственными глазами 122
~ кого-л. насквозь 106
~ кого-л. перед собой как живого/живую 125
~ кого-что-л. в воображении 184
~ не дальше собственного носа 99
видец 32
видна печаль по ясным очам, кручина по белу лицу 388

власть 289, 290, 315, 316
влюбленность 67
вместилище 111
внимание 31
внутренний мир человека 101—103
во времена Сталина 168
во имя их (красавиц) идут на подвиги 319
во цвете лет 318
воевать с ветряными мельницами 367
военная присяга 246
вожделение 14
вождь 21, 243, 317
воздух любви 293, 328
возлюбленная гения 183
воинские реликвии 250
война 245, 273
Волга всем рекам мать 219
волна чувств 288
волны нежности 329
воля 28 31
~ к власти 320
к красоте 320
воображать 183, 190, 194
воображение 21, 28, 32, 58, 123, 127, 134, 183 190, 192—196, 199, 201, 234—236
воспроизводит что-л. 183
~ восстанавливает что-л. 183, 185
~ выхватывает что-л. 185
изменяет кому-л. 59
работает 183
~ разыгралось 188
безудержное 188
буйное 188
бурное ~ 188
вдохновенное ~ 187
горячее ~ 187
держать свое ~ в узде 188
дерзкое ~ 187
живое ~ 187
напрягать ~ 184
научное ~ 188
неиссякаемое ~ 187
неистощимое ~ 187
необузданное ~ 188
нетерпеливое ~ 187
обуздать ~ 188
пламенное ~ 187
поэтическое ~ 187, 188
пылкое ~ 187
развивать ~ 184
разгоряченное ~ 187
распаленное ~ 187
резвое ~ 188
романтическое ~ 187
страстное ~ 187
творческое ~ 187, 188
тревожить ~ 184
художественное ~ 187
экзальтированное ~ 187
вообразить 127
воскреснуть
~ в душе 204
~ в сердце 204
воспевание 317
воспоминание 17—18, 28, 31, 32, 34, 51, 61, 62, 102—104, 106—109, 118, 120, 127, 134, 145, 161, 184—186, 190, 193, 194, 196—198, 212, 235, 248, 249, 252
бледное ~ 128, 129
восторженное ~ 120
горькое ~ 120
грустное ~ 120
доброе ~ 120
жуткое ~ 120
мрачное ~ 120

мучительное ~ 120
нежное ~ [детства] 120, 174
нехорошее ~ 120
неясное ~ 128, 129
позорное ~ 120
поэтическое ~ детства 174
прекрасное ~ 120
прекрасное ~ детства 174
приятное ~ [детства] 120, 174
светлое ~ 120
сладкое ~ [детства] 120, 174
сладостное ~ 120
смутное ~ 129, 141
страшное ~ 120
счастливое ~ детства 174
теплое ~ 120
трогательное ~ детства 174
туманное ~ 128
тусклое ~ 128, 141
тягостное ~ 120
тяжелое ~ 120
ужасное ~ 120
чистое ~ 120
чудесное ~ 120
яркое ~ [детства] 128, 174
воспоминания
~ детства / о детстве 132, 171—176
~ заговорили 91
~ о давно ушедшем детстве 175
~ о далеком детстве 175
дорогие ~ детства 174
живые ~ 235, 236
жить ~ми 202
иллюзорные ~ 91
незабываемые ~ детства 174
обрывочные ~ 129
общие ~ 107
отрывочные ~ 129
первые детские ~ 169
поделиться своими ~ми 107
воспомянуться 51
воспроизводить
~ по фильму 207
~ по фотографии 207
воссоздавать
~ по фильму 207
~ по фотографии 207
восстанавливать
~ зрение / слух 64
~ по фильму 207
~ по фотографии 207
вот был на памяти, да выскочил! 87
впредь это будет мне наука! 272
время 14, 21, 30, 96, 97, 134, 210—214
~ истекло 209
~ не властно над прошлым 211
~ течет 209
все жалуются на свою память, но никто не жалуется на свой разум 69
все люди братья 327
все так живо... 132
все течет, все изменяется 209
все ясно 123
все, до последней черточки сохранилось в моей памяти 128
все, забыли! 22
всегда носить с собой
~ медальон с портретом кого-л. 252
~ фотографию кого-л. 252
всей душой ⟨всею душою⟩ ⟨всем сердцем⟩ 390, 400
Вселенная 312
всеми фибрами ⟨силами⟩ души 390
всплеск чувств 288
вспоминать(ся) 31, 36, 51, 73, 95, 117, 194
вспоминать кого-что или о ком-чем с печалью 387
вспомнить(ся) 32, 95, 117, 127, 249
вспыхнуть 144

вспышка 144
выбросить что-л.
~ из головы 261
~ из сердца 176, 261
выдающаяся личность 258
выдумка 28
выжить из ума 81
вызубривать 72
вызывать кого-что-л. в воображении
вызывать скуку у кого 384
выйти
~ из повиновения 59
~ из себя
выкинуть что-л.
~ из головы 261
~ из сердца 261
выматывать / вымотать ⟨вытягивать / вытянуть⟩ [всю] душу 390
выменялъ кукушку на ястреба 80
вымышленный 31, 32
выплыть из глубины памяти 105
выполнять заветы Ленина 264
выражать скуку 384
вырасти 124
высокий 106
дух 105
интеллект 76
ум 105
вычеркнуть
~ из (своей) жизни кого-л. 262
~ кого-л. из каких-л. списков 263
~ кого-л. из каких-л. рядов 263

галлюцинация 123
Гамлет 37, 243
~ Щигровского уезда 370
гамлетовский вопрос 41, 367, 369
гармония 309, 316
Гектор 244
ген памяти 16
гениальный
личность 258
человек 258
гений 21, 243, 258, 314, 317, 330
~ Пушкина 364
гений-ученый 371
геноцид 273
Геркулес 244
героиня 312
героическая личность 258
герой 21, 243, 258, 314, 317
герой-любовник 243, 371
Герострат 253
гимн
Гитлер 370
главный труд жизни 335
глазам своим не верю! 123
глубина 42, 288, 399, 406, 412
глубина
~ души 163, 405
~ памяти 163
~ сердца 163
глубинъ пръдати 288, 399, 406
глубокий 106
озеро 113
ум 42, 105
гнев 31, 32, 297, 303, 304
~ бушует в сердце / в душе 300
~ душит кого 300
~ нападает на кого 300
~ обуял кого 300
~ овладевает кем 300
~ охватывает кого 300
говорить что-л. 90
~ с печалью 387
~ со скукой 384
год стал переломным 335
голова 28, 36, 66, 77, 204
~ выручила / помогла 58
~ что решето 77
голос
~ памяти 56, 90, 154

~а из прошлого 90
Гомер 244
Гораций Иванович 372
гордость 329
горе 297, 385, 388
~ горькое 331, 332
~ давит кого 300
~ оглушило кого-л. 301
~ сгибает кого 300
~ старит кого 300
~ сушит кого 300
горькая улыбка 365
государственные праздники 245
гражданская позиция 273
грандиозный
идеалы 258
цели 258
грех 274, 348
грибоедовская Москва 245
грусть 202, 297, 388
грусть / тоска / печаль
~ наваливается на кого 299
~ нападает на кого 299
~ охватывает кого 299, 326, 387
грусть
~ ложится на сердце кому 300
~ накатывает на кого 300
~ нападает на кого 300
~ находит на кого 300
~ овладевает кем 300
~ одолевает кого 300
~ охватывает кого 300

да, совсем
~ вылетело из головы 69
~ забыла 69
~ запамятовала 69
давай все забудем! 258
дай Бог память(и)! 39, 80
дай ручку погадаю, красавица! 322
дай тебе Бог здоровья, красавица! 322
дальше не помню... 161
Данте 371
дважды не
~ наступают на грабли 273
~ спотыкаются об один и тот же камень 273
двигаться 212
~ вверх 212
~ вниз 212
девичий
думы изменчивы 78
мечты 78
разговоры 78
секреты 78
слезы 78
девичья память да девичий стыд — до порога: а переступила, так и забыла 78
девичья память коротка 78
девушка 78
Дедал 371
делать со скукой 384
дело Ленина будет жить в веках и побеждать 261
Демон 318
день меркнет ночью, а человек печалью 387, 388
деструкция 309
детская гордость 332
детство 21, 30, 39, 119, 168, 171—172, 174, 175
~ — это счастливая пора 174
беззаботное ~ 174
безмятежное ~ 174
безоблачное ~ 174
счастливое ~ 174
Джон Буль 230
Джульетта 37
дисгармония 309
дистанция 97

дней минувших анекдоты 238
дня не проходит, чтобы я не вспомнила тебя... 177
до глубины души 390, 412, 418
до дна души 288
до свадьбы заживет 199
добиваться красавиц 319
добро 20
~ помни, а зло забывай! 208
доброе старое время / старые добрые времена 238
доброта 329
доверять
~ своей памяти 59
~ своему воображению 59
~ своему зрению 59
~ своему слуху 59
~ своим силам 59
дождь идет 343
дойти до полного озверения 304
докука скука, а миновать нельзя 385
документальный фильм 252
долбить 72
домогаться красавиц 319
Дон Жуан 370, 371, 375
Дон Кихот 243, 372
донкихотствовать 369
дорогая [сердцу] реликвия 250
дорожить реликвиями 250
достоевщина 369
достоинство 39
достопамятный 22
драгоценная реликвия 250
друг 183
дружбу помни, а злобу забывай! 208
думал(а) ли я тогда, что 206
думать 31, 36, 67
~ о ком-л., глядя на портрет / на фотографию 252
~ о ком-чем-л. с печалью 387
дух 31, 110
духовный мир человека 102, 103
душа 14, 28, 30, 36, 42, 51, 58, 68, 95, 103—106, 204, 297, 390—393, 400, 403, 405, 412, 418, 420, 423, 429
душа ⟨сердце⟩ в пятки [уходит / ушла, ушло] 390, 420
душа ⟨сердце⟩ не на месте 390, 420
душевнобольной 303
дырка 62
дырявый
башка 33
голова 33, 77
дьявольская гордость 329
Дюймовочка 244

единственная такая во всем мире 313, 321
если мне не изменяет память 39, 80
еще ничего не сделано для вечности 223

Жаклин Кеннеди 318
желание 31, 120, 234, 319
~ стать красавицей 320
женская гордость 332
жертвы
~ блокады 243
~ войны 243
~ сталинских репрессий 243
~ фашизма 243
~ Холокоста 243
живой
история 198
классик 224
символ эпохи 198
жизненный
сила 31
уроки 272
жизнь 21, 30—32, 213, 214, 310, 312
житейская мудрость 76

жить
~ будущим 203
~ в веках 214
~ в мире грез 203
~ в нереальном (воображаемом, своем) мире 203
~ в / на пространстве памяти 102—103
~ идеалами будущего 203
~ по заповедям отцов 219
~ прошлым 202
~с печалью в душе / в сердце 387

забвение 22, 30, 178, 215—217, 241, 261—263, 273
забота не съела, так скука одолела 385
забудем об этом! 269
забудь! 263, 269
забывание 127, 134, 162, 273
забывать(ся) 22, 95, 117
забывчивый 87
профессор 82, 87
забыл, что женился, да и пошел спать в сенник 77
забыть кого-что-л. / чье-л. имя 263
забыть(ся) 22, 93, 117, 169, 176, 269
забытье 269
заветы Ленина 364
зависть 329
загляденье 321
заглядеться, засмотреться на красавицу 319
заглядывать в темные уголки своей памяти 111
заглянуть
~ в свое сердце 106
~ в свою душу 106
~ куда-л. по старой памяти / по старинке 89
задавать вопрос 330
задушить в себе зверя 305
зазубривать 72
зайти к кому-л. по старой памяти / по старинке 89
заключение мира 245
закрадываться / закрасться ⟨вкрадываться/вкрасться⟩ в душу ⟨в сердце⟩ 390
закрыть зеркало 330
замечать 122
заново родиться 204
западать / запасть в душу ⟨в сердце⟩ 1 390
западать / запасть в душу ⟨в сердце⟩ 2 390
запамятовать 117
запах
~ духов 154, 253
~ родного дома 155
запоминать(ся) 51, 73, 95, 117
запоминающее устройство 28
запомнить крепко-накрепко! 275
запомнить(ся) 22, 95, 117
заразиться унынием от кого-л. 298
заруби себе на носу! 275
засеки (заруби) на бирку (на нос) 58
заснуть вечным сном 385
застыть 303
затмевать 316
звериный
злость 304
страсть 304
озлобление 304
зверский
злость 304
озлобление 304
здесь все напоминает мне о тебе 177
земля 282
зла не помнить 269

зло 267
злодей 317
злопамятливый 271
злопамятность 271
злопамятный 22, 271
злопамятство 271
злопамятствовать 271
знания 189, 199
знать 76
~, что у кого-л. на уме 103
знающий человек 75
золото 312
золотой 311, 312
Зоя Космодемьянская 243
зрение 58, 60, 121—123, 125, 126
~ изменяет кому-л. 59
зреть 122
зубрежка 73
зубрить 72

и не грамотен, да памятен 76
и отца-мать забудешь, а есть не позабудешь 241
и то забыли, что вчерась говорили 77
и у курицы сердце есть 79
Иван, не помнящий родства 80, 241
игра
~ воображения 156, 188
~ мысли 188
~ ума 188
из глубин памяти
~ что-л. всплывает 95, 113, 118—119
~ что-л. появляется 113, 118—119
из глубины памяти что-л. возникло 163
из памяти
~ [совершенно] выскочило, вылетело 87
~ выбрасывать что-л. 50, 112
~ выбросить что-л. 22, 216, 261, 263
~ выжить 81
~ выкидывать что-л. 112
~ выкинуть что-л. 216, 261
~ вылетело 104
~ вымарывать что-л. 112
~ выпасть 104
~ выскочить 104
~ вычеркивать что-л. 50
~ вычеркнуть что-л. (чье-л. имя) 22, 50, 112, 216, 262, 263
~ извлекать 29
~ изгладилось что-л. 129
~ ускользать 104
~ что-л. вылетает 51, 119, 161
~ что-л. выпадает 51, 119, 161
~ что-л. выскакивает 51, 119, 161
~ что-л. изглаживается 51, 119, 161
~ что-л. стирается 51, 95, 119, 161
~ что-л. ускользает 104, 119, 161
~ что-л. уходит 119, 161
вычеркивание ~ 162, 261, 262
вычеркни / выброси его (ее) ~! 263
мы вычеркнем ~ это имя! 258
из полумрака прошлого 141
из темноты прошлого 141
избавление страны от хаоса 291
избыть тоску 288, 299
извлекать уроки из истории 273
из-за (красавиц) ведут войну 319
измена 178
изменить прическу 124
измениться в лучшую / худшую сторону 124
изменять самому себе 60
изображение 127
Иисус 370
Икар 371, 372
Илья Муромец 244
имена 51, 103
иностранное слово 72
инстинкт 28

инструкция 72
интервал 96, 97
интерес 385
интересная беседа 330
интуиция 28
искусство 199
испытывать
~ безотчетный страх 109
~ скуку 383
исступление 32
истина 20
историческая реликвия 250
история 227, 228, 237, 238
история народа 237
Иуда 244, 370—372

[как, будто, словно, точно] гора с плеч [свалилась] 390, 420
[как, будто, словно, точно] камень ⟨груз⟩ с души ⟨с сердца⟩ [свалился /спал] 390, 420
к кому-л. вернулось зрение / слух 64
кавардак 284
кадр 207
Казанова 370
как бешеное животное 304
как бешеный зверь 304
как если бы это было вчера 132
как кура лапой 79
как куры бродят 79
как скажешь курице, а она всей улице 79
как сквозь землю провалился 164
какая скука [делать что]! 385
какое-л. (плавное, медленное, быстрое) течение времени 209
какъ кукушка по чужимъ гнездамъ витаетъ 80
камень на душе ⟨на сердце⟩ [лежит (лежал)] 390
капризы памяти 188
картина (картины прошлого) 62, 103, 104, 118, 126, 159, 161, 187, 212
картинка 321
картотека 112, 113
Квазимодо 371
кинофильм 252
кладовая 33, 111, 112
классовая борьба 344
Клеопатра 316, 318, 371
клочки 130, 253
клятва Гиппократа 24
когда это было, при царе Горохе 239
когда я вспоминаю свое прошлое, мне кажется
~, что это был(а) не я... 206
~, что это было не со мной 206
когда-нибудь отпомянет он тебе это 268
кого-л. отличает памятливость 74
кого-л. пристрастили к сигаретам / к наркотикам 351
кодак 22
кодекс Наполеона 376, 377
коктейль Молотова 375
коллекционер 250
коллекционирование 250
коллекция мемориального музея 250
комиссия по увековечиванию памяти кого-л. 259
комната 112
компетентный человек 75
комплимент 314
конец 170
конструкция 72
контейнер 113
коньяк Наполеон 379
копия 252
королева 313, 316

король Лир 37
космос 280, 283, 284, 289, 290, 309, 311, 315
котелок 28
кошки скребут ⟨скребли / заскребли⟩ на душе ⟨на сердце⟩ 390
край 97
краля 321
красавец 243, 312
красавица 21, 243, 312—322
~ архитектор 321
~ вожатая 321
~ домработница 321
~ Елена 319
~ как из модного журнала 320
~ как с картинки 320
~ любовница 321
~ секретарь 321
абсолютная ~ 313
бессердечная ~ 318
блестящая ~ 315
бывшая ~ 314
величавая ~ 316, 318
виртуальная ~ 315
гордая ~ 318
жестокий ~ 318
жестокосердная ~ 318
заносчивая ~ 318
капризная ~ 318
лучезарная ~ 315
непобедимая ~ 318
она — знаменитая ~ 313
она — известная ~ 313
она —светская ~ 313
ослепительная ~ 315
первая ~ 313
равнодушная ~ 318
роковая ~ 317
спящая ~ 319
стареющая ~ 314
холодная ~ 318
юная ~ 314
красавица-колдунья 317
красавица-колдунья / волшебница / чаровница
~ вводит в грех 318
~ вводит в соблазн 318
~ завлекает 318
~ заставляет забыться 318
~ околдовывает 318
~ очаровывает 318
~ привлекает 318
красавица-королева 317, 318
красавица-царица 317
красавица-царица / королева
~ берет в плен 318
~ влюбляет в себя 318
~ диктует свою волю 318
~ пленяет 318
~ подчиняет 318
~ покоряет 318
красавице-царице / королеве поклоняются 318
красавицу-царицу / королеву воспевают 318
красивый 318
красить яйца 330
красный 311, 312
~ день календаря 245
красота 20, 23, 308—312, 314—317, 320, 322
~ вянет 314
~ небесная 309
~ увядает 314
~ блекнет 314
~ выцветает 314
~ земная 309
~ и совершенство Вселенной 309
~ и совершенство мира 309
~ и совершенство природы 309
~ ненаглядная 316
~ притягивает взоры 316

ангельская ~ 317
божественная ~ 317
демоническая ~ 317
дьявольская ~ 317
невиданная ~ 314
неземная ~ 317
неописуемая ~ 314
несказанная ~ 314
неслыханная ~ 314
красотка 321
красть красавиц 319
кровь 43, 44
Крокодил Гена 244
круг чтения 86
крупная личность 258
кручина 388
кто ест и читает, память зачитает 58
кто кому надобен, тот тому и памятен 164—165
кто старое помянет, тому глаз вон 268
кто-л. — живая история 213
кто-л. — живая память (о войне, о революции...) 213
кто-л. от него без ума, / без памяти 67
кто-л. будет вечно жить
~ в нашей памяти 169
~ в памяти людей 22
кто-л. будет жить
~ в веках в памяти народа 237
~ в веках в памяти благодарных потомков 237
~ в нашей памяти 218
кто-л. в печали / в печалях 387
кто-л. навсегда останется в нашей памяти! 258
кто-л. полон скуки 384
куколка 321
кукушка 80
кумир 317
купи вазочку, красавица! 322
купюра 114, 265
курам на смех 79
куриные мозги 78
курица 79, 80
~ в сережках, кочеток в сапожках 79
~ гогочет, а петух молчит 79
~ не птица, а баба не человек 79
~ не птица, а рак не рыба (а прапорщик не офицер) 79
~ не птица, Болгария не заграница 79
~ не птица, прапор (констапель, комисар) не офицер 79
мокрая ~ 79
слепая ~ 79
курицын
дети 79
дочь 79
сын 79

лабиринт 22, 111
ландшафт 22
Лаура 183, 247
легко / трудно
~ вообразить 183
~ вспомнить / припомнить / запомнить 184
Леди Макбет Мценского уезда 370
Ленин 347
~ — учитель и вождь мирового пролетариата 230
~ и теперь живее всех живых 261
Ленинiана 259
ленинский
места 245
простота 345, 364
стиль руководства 363, 364
лермонтовские места 245
Лесбия 183
Лета 214

лететь на крыльях любви 330
летопись 240
лечить
~ горло / ангину 61
~ легкие / воспаление легких 61
~ сердце / инфаркт 61
лечиться от склероза / маразма 61
литературный
произведение 253
судьба 335
лить слезы в печали 387
лицезреть 122
лицо 103
личные вещи 253, 259
лишиться памяти 162
локоть 99
ломать голову. Надрывать память 67
лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать 123
лучшие порывы 344
любовный плен 176
любовь 21, 30—32, 39, 67, 168, 176, 182, 183, 202, 220, 247, 249, 250, 253, 265, 317
братская ~ 327
в сердце закралась ~ 109
вторая ~ 332
первая ~ 119, 326, 331, 332
платоническая ~ 182, 330
хранить к кому-л. ~ 178
Любовь Менделеева 247
любознательный человек 75

мадонна 316
мадригал 314
Макиавелли 375
мальчики и девочки 97
мальчик-с-пальчик 99
мама говорила, что 240
маразм 162
Марианна 230
Мария Стюарт 318
массовые жертвы 275
масштабная личность 258
математик 83
материнский
забота 326, 328, 332
ласка 363
материя памяти 56
мать сыра земля 219
медальон
~ с портретом любимого / любимой 179
~ с прядью волос 179
Медуза Горгона 280
Мелихово 245
мелкий 106
ммуары 198
Менелай 319
менторский тон 369
мертвые сраму не имут 220
места
~ боевой славы 245
~ паломничества 245
местность 97
место 97
месть 270
мечта 114
мечтательность 28
милка 321
мир 287
~ ковров 287
~ кожи 287
~ обуви 287
~ хрусталя 287
мираж 123
миф 238
Михайловское 245
младенчество 172
Мнемозина 13, 14, 160, 199

мнемосюне 13
мнить 30, 31
мнэме 13
мог(ла) ли я тогда знать, что 206
моей матери / моему отцу / учителю / другу 246
мозг 28, 36
молва о ее красоте разнеслась 313
молвить что-л. с печалью 387
молитва 246
молния 144
молодой стареет — умнеет 81
море 113
морщины 198
Москва — всем городам мать 219
Моцарт 370, 371
мраморная краса 316
мрачное уединение 366
мудрость 28, 48
мудрый учитель 259
мужичок-с-ноготок, борода-с-локоток 99
мужчина и женщина 97
мужчины любят глазами, а женщины — ушами 86
муза 14, 183
музей 114
музыкант 243
муки совести 269
мускулы 57
Мы все глядим в Наполеоны... 364
мы навсегда сохраним его имя в своих сердцах! 261
мы никогда не забудем этого человека! 261
мы никогда этого не забудем! 272
мы поименно вспомним тех, кто поднял руку
мы сохраним его образ навеки в нашей памяти 218
мысль 30—32, 66, 102, 103, 106, 108, 109, 145, 201
~ пришла в голову 331
~ пришла на ум 104
мышцы 57

на [добрую] память 180
на душе (на сердце) 390
на душу легла тревога 103
на красавиц
~ глядеть во все глаза 316
~ заглядываться 316
~ засматриваться 316
на кукушкиныхъ яйцахъ не высидишь цыплятъ 80
на моей памяти 239
на ошибках учатся 273
на память 27, 86, 183
[украдкой] взять что-л. ~ о ком-л. 251
~ / по памяти говорить 84
~ / по памяти цитировать что-л. 84, 188
~ / по памяти читать что-л. 84, 188
~ заучивать что-л. 84
~ написать что-л. кому-л. 251
~ оставить что-л. кому-л. 251
~ остаться кому-л. [о ком-чем-л.] 251
~ подарить что-л. кому-л. 251
завяжи [себе] узелок ~ 58
записки ~ 88, 89
подарок ~ 39, 104, 180, 225, 253
узелок ~ 89
фотографии, подаренные ~ 179
это тебе ~ 180
на расстоянии вытянутой руки 99
на своей улочке и курочка храбра 79
на себе платье зашивать, пуговку пришивать — пришьешь память 58
набекрень 99

наведение порядка в стране 291
наводить скуку на кого 384
наглядный пример 123
нагнать / навеять на кого-л. тоску 298
нагонять скуку / сон и скуку 384
надежда на успех 330
надеяться на свои руки / ноги 58
надо помнить! 272
название / называние чего-л.
~ в честь кого-л. 259
~ именем кого-л. 259
называться красавицей 313
наизусть 84
намерение 31, 257
намотай на ус кольцом! 58
намотай себе на ус! 58, 274
напиться до беспамятства 68
Наполеон(ы) 23, 244, 369, 370, 375, 378, 379
наполеоновский
войны 369
гвардия 376, 377
империя 369
катастрофа 364
лагерь 369
неудачи 364
планы 328, 363, 364, 369
поза 369
синдром 379
напоминать 31, 32, 249
напьется, так с царями дерется, а проспится, так и курицы боится 79
Нарцисс 244
наряжать елку 330
наскучить 385
настольный календарь 245
настоящее 196, 210
Наталия Гончарова 183, 247, 318
Наташа Ростова 316
наука 272
научный
открытия 245
труд 253
находясь в уме и твердой памяти 64
национальное / народное достояние 250
национальная реликвия 250
начало 170
начать
~ все с нуля 204
~ новую жизнь [с нуля] 114, 204
~ с чистого листа 204
не будите во мне зверя 304
не будь грамотен, будь памятен! 76
не забуду тебе этого! 268
не игра ли это воображения? 92
не петь курице петухом, не владеть (не быть) бабе мужиком 79
не погнушаться никакими средствами 335
не поминай лихом, а добром — как хочешь! 208
не продается вдохновенье, но можно рукопись продать 108
не произошло 167
не родись красивой, а родись счастливой 320
не скрывать скуки 384
не случилось 167
не сметь поднять глаза 315
не совладать со своими чувствами 296
не судьба! 167
не тем будь помянут! 208
небесные светила 311
небо 282
небытие 30, 169
невежество 48
неверность 178

невидимое 102
невозможно
~ глаз отвести (отвесть) / оторвать 319
~ уйти от своей памяти 269
негодование 31, 32
незабвенные черты 176
незапамятные времена 238
незлопамятность 271
незлопамятный 271
Неизвестный Солдат 243
нельзя дважды войти в одну и ту же реку 209
нельзя забывать! 272
непризнанный гений 314
нереализованные возможности 167
Нерон 370
несбывшийся
желания 167
мечты 167
надежды 167
несмываемый позор 267
Нет, весь я не умру... 217
неумолимое время 14
низкий 106
никогда не забуду, как... 132
никто не забыт, ничто не забыто 17
ничто 281, 283
новая общность — советский народ 352
новое время 238
ноги 57, 60

о мертвых или хорошо или ничего 220
о прошлой жизни память не сохранила почти ничего 129
о томъ кукушка кукуетъ, что своего гнезда нетъ 80
обворожительный 318
обида 270
обитаемая местность 114
облегчать / облегчить ⟨разгружать / разгрузить⟩ душу / сердце 390
обломки старины 253
обмениваться
~ идеями 106
~ мыслями
~ кольцами 330
образ 61, 62, 103, 104, 118, 127, 159, 161, 179, 180, 187, 207, 212, 252, 254
~ незабвенный 176, 179, 183, 220, 247, 249, 250, 253, 265
~ы памяти 183
образованный человек 75
обращаться к памяти 49
обрывки 51, 61, 103, 118, 130, 159, 253
общество зрелого социализма 352
огонь любви 293, 328
одолеть грусть / тоску / скуку 288, 299
озарить 144
озвереть 304
оказать помощь кому-л. 330
океан 113
ом 375
она слывет красавицей 313
она тебе этого никогда не забудет! 268
Онегин 244
опыт 189
орган 55, 56
организм 55
Орлам случается и ниже кур спускаться, / Но курам никогда до облак не подняться 79
Оруэллизм 369
Орфей 244
освещать 142
осенить 144

оскорбление 270
ослепительный 316
ослеплять 315
оставаться верным / верной памяти кого-л. 178
оставить по себе / после себя след 216
остаться 104
острота зрения / слуха 84
от бабушки я узнала, что... 240
от горя
~ / от гнева от ярости от бешенства быть вне себя 304
~ / от гнева / от ярости от бешенства/ от страха не помнить себя 296, 304
~ / от тоски умереть 303
~ / с горя повеситься 301, 303
~ / с горя утопиться 301
~ /с горя впасть в меланхолию 301
~ / с горя впасть в безумие 301, 303
~ / с горя заболеть 301
~ / с горя запить 301
~ / с горя застрелиться 301
~ / с горя наложить на себя руки 301
~ / с горя обезуметь 301, 303
~ / с горя отравиться 301
~ / с горя сойти с ума 301, 303
~ онеметь 301
~ осунуться 301
~ окаменеть 301, 303
~ поседеть 301
~ постареть 301
~ почернеть 301
~ сгорбиться 301
~ съежиться 301
от печали
~ избавиться 387
~ никнуть 301, 387
~ постареть 301, 387
~ потемнеть 301, 387
~ темнеть 365
от радости
~глаза сияют 109
~прыгать 109
~сиять / светиться 365
~улыбаться 365
~хлопать в ладоши 109
от скуки
~ / от тоски / от грусти томиться 301, 384
~ / со скуки беситься 384
~ / со скуки выть 384
~ / со скуки загибаться 384
~ / со скуки запить 384
~ / со скуки мухи мрут / дохнут 302, 383
~ со скуки на стену / на стенку лезть 385
~ / со скуки натворить что-л. 384
~ / со скуки обалдевать 384
~ / со скуки одуревать 384
~ / со скуки ошалевать 384
~ со скуки повеситься 385
~ со скуки подыхать 384
~ / со скуки помирать 384
~ / со скуки пропадать 384
~ / со скуки удавиться 385
~ со скуки умереть 303, 385
~ [можно] повеситься 303, 385
~ глаза слипаются 384
~ закисать 384
~ засыпать 384
~ зевать 384
~ излечиться 383
~ киснуть 384
~ куда деваться 383
~ лекарство 384
~ морщиться 384
~ некуда деваться 383
~ никуда не деться 383
~ страдать 384
от страха
~ / от ужаса / от любви умирать 302
~ / от ужаса окаменеть 303, 330

~ заледенеть 302
~ остолбенеть 303, 365
~ похолодеть 302
от тоски
~ / с тоски выть 301
~ / с тоски потемнеть 109, 301
~ грудь болит 301
~ дыхание перехватывает 301
~ никнуть 301
~ повеситься 303
~ сердце ноет 301
~ страдать, томиться 301
от ужаса кровь стынет в жилах 302
от ярости
~ быть вне себя 296, 331
~ задыхаться 301
~ побелеть 301
~ потемнеть 301
~ трястись 301
отвага 31, 32
ответить кому-л. любовью на любовь, ненавистью на ненависть 106
отвечать на вопрос 90
отводить / отвести душу ⟨сердце⟩ 2 390
отводить/отвести душу 1 390, 391
отдать дань памяти 219
Отелло 37
отец и сын 97
отечество 219
отказать 59
отказывался верить
~ собственной памяти 92
~ своим глазам / своим ушам 92
отлегло ⟨отошло⟩ от сердца ⟨от души, на душе⟩ 390, 422
отложиться 104
отпечаток 47, 103, 159, 187
отрывки 159
отрывной календарь 245
отсутствие памяти 165
отцов много, а мать одна 219
отцовская забота 328, 332
отцы наши не делали этого и нам не велели 219
отчий дом 219
отыскивать
~ в своей памяти следы прошлого 111
~ что-л. в [темноте] памяти 141
оцепенеть 303
очаровательный 318
очаровывать 317
очевидец событий 122
ошибки
~ истории 273
~ молодости 272
ощущение 14

памяти лишаться 162
памятка 88, 272
памятливость 22
памятливый 22, 33
памятник 22
памятный
вещь 104, 181, 249, 259, 263—266
даты 245
записка 88, 89
подарок 251
памятозлобивый 271
памятозлобный 271
памятозлобствовать 271
память 13—15, 17—20, 23, 27—32, 34—37, 42, 50—52, 55—58, 60—64, 66—77, 84, 90, 91, 93, 95, 103—106, 111—115, 121—128, 134, 151, 156, 163, 164, 166, 176, 183—197, 199—201, 204, 205, 211—214, 218, 220, 227, 228, 234, 236—238, 247, 249, 253, 257, 261, 265, 269, 272, 273
~ в темени, мысль во лбу, а хотение в сердце 67
~ вбирает в себя что-л. 119

~ возвращает кого-л. в прошлое 207
~ возвращает кого-л. куда-л. 51, 202
~ возвращает кого-что-л. к чему-л. 205
~ возвращает прошлое 202, 207
~ воскрешает что-л. 202, 209
~ воспроизводит что-л. 183, 202, 209
~ восстанавливает что-л. 183
~ выручает 51, 58
~ говорит что-л.
~ детства 168, 171, 176
~ животного
~ заговорила 90, 91
~ и время 37
~ и прошлое 30
~ и рассудок 66
~ и социум 37, 120, 148
~ изменяет кому-л. 51, 58, 59, 80, 188
~ к языкам 76
~ местности 76
~ на даты 76
~ на имена 76
~ на лица 76
~ на цифры 76
~ намозолил, все перезабыл, 56
~ о [первой] любви 167, 168
~ о варварском уничтожении чего-л. 273
~ о войне 167
~ о далекой жизни 166
~ о далеком 166
~ о детстве 167, 172
~ о жене/ муже 220
~ о ком-л. [никогда] никогда не умрет (не заглохнет) 22, 218, 261
~ о любимой / любимом 220
~ о минувшем 166
~ о молодости 167
~ о нем будет вечно жива в сердцах простых людей! 261
~ о нем будет вечно храниться (жить) в сердцах людей 218
~ о прошлом 166
~ о своих корнях 241
~ о смерти 218
~ о товариществе 167
~ о юности 167
~ о юношестве 167
~ об ужасах блокады 273
~ об ужасах войны 22, 273
~ об ужасах геноцида 273
~ об ужасах голода 273
~ об ужасах истреблении чего-л. 273
~ об ужасах массового уничтожения 273
~ об ужасах нацизма 273
~ об ужасах репрессий 273
~ об умерших 218
~ об ушедшем 166
~ оживляет что-л. 202
~ отбивает у кого-л. 162
~ отвечает на вопрос 90
~ отказывает 34
~ относительно прошлого, то же, что заключенье, догадка и воображенье относительно будущего 196
~ отшибает у кого-л. 162
~ подводит 34, 58, 80, 123, 188
~ помогает 51, 58
~ притупляется, но ум работает 68
~ профессионального разведчика 83
~ работает 35, 183
~ рассудка 202
~ рисует какой-л. эпизод прошлого 126
~ свидетельствует 93
~ сдает 80
~ сердца 29, 202
~ слабеет 80
~ совсем ни к черту стала! 69
~ сохранила все до мельчайших подробностей деталей черточек 132

~ сохранит его образ 237
~ сохраняет что-л. 119
~ спасает 58
~ теряют 162
~ убеждает 90
~ уверяет 90
~ утрачивают 162
~ хранит что-л. 119, 187
~ художника 83
~ чувств 29
~ шахматиста 83
~потомков о человеке 169
благодарная ~ 164
благодарная ~ потомков 219
блестящая ~ 74
божественная ~ 217
большая память 73
вглядываться в [свою] ~ 106, 154
великолепная ~ 74
вечная ~ 27
восстанавливать ~ 64
генетическая ~ 16
громадная ~ 73
девичья ~ 33, 77, 78, 80, 81
добрая ~ 267, 271
дурацкая ~ 77
дурная ~ 267
дырявая ~ 22, 62, 76, 77
живая ~ 39, 198
жить ~ю о ком-чем-л. 178
здравый ум и твердая ~ 64
злая ~ 270, 271
знатная ~ 73
зрительная ~ 83
капризная ~ 77
клясться ~ю матери 22
клятвы ~ю отца 219
клятвы ~ю матери 219
колоссальная ~ 74
короткая ~ 33, 77, 165
крепкая ~ 74
куриная ~ 33, 77, 78, 80, 81
математическая ~ 83
музыкальная ~ 83
награда ~ ю 222
надежная ~ 33, 74
напрягать [свою] ~ 35, 50, 57, 184
народная ~ 237, 241, 242
национальная ~ 230, 232
невероятная ~ 74
незавидная ~ 77
неимоверная ~ 73
некудышная ~ 33
необыкновенная ~ 33, 74
неплохая ~ 33
непрочная ~ 77
огромная ~ 73
оставить по себе хорошую (дурную, недобрую...) ~ 22, 267, 272
оставлять по себе добрую ~ 208
острая ~ 74
отвратительная ~ 77
отличная ~ 33, 73, 74
отменная ~ 73
плохая ~ 22, 33, 62, 66, 76, 77, 80, 165, 189
потерять ~ 36
потрясающая ~ 33, 74
профессиональная ~ 83
развивать ~ 50, 57, 184
разрабатывать ~ 57
редкая ~ 73
сильная хорошо тренированная ~ 83
скверная ~ 77
слабая ~ 33, 77
слабеющая ~ 77, 188
слушать ~ 91
совершенствовать [свою] ~ 22, 50
сохраниться как ~ [о ком-л.] 251

стареющая ~ 77, 81
стереть ~ о ком-чем-л. 263
такой и сохранила ее ~ 180
твердая ~ 64, 74
тревожить ~ 184
тренировать [свою] ~ 22, 50, 56, 57
у кого-л. хорошая / прекрасная от природы ~ 74
укреплять ~ 56, 57
феноменальная ~ 33, 73, 74
фотографическая ~ 33, 83, 207
хваткая ~ 74
хорошая ~ 22, 33, 62, 66, 74, 75, 77, 81, 82, 86, 165, 189
цепкая ~ 22, 33, 74, 77
что-л. — ~ о ком-л. 251
это ~ о войне 271
это ~ о драке 271
это ~ о нем / о ней 249
это ~ об аварии 271
память — здание 105
память — кладовая 95, 105
память — комната 105
память — лабиринт 95
память — тайник 95
память — хранилище 95
Париж 319
парус
~ надежды 330
~ ненастья 330
Пенелопа 182
первый 172
перевернуть новую страницу 204
перед красавицей-царицей / королевой преклоняться 318
Переделкино 245
[пережить] второе рождение 204
пересилить тоску 288, 299
перестать слушаться 59
перстень поликрата 41
Петербург
~ Достоевского 245
~ Пушкина 245
петь песню 330
печалиться 388
печаль 297, 331, 365, 381
~ охватывает кого-л. 300
~ в глазах 387
~ в голосе 387
~ в груди 387
~ в душе 387
~ в лице 387
~ в сердце 387
~ в улыбке 387
~ во взгляде 387
~ воцарилась [в сердце / в душе] 387
~ живет в сердце / в душе 387
~ закрадывается в сердце кому-л. 387
~ застыла в глазах 387
~ ложится на сердце кому-л. 300, 387
~ моя светла 365
~ напала на кого-л. 288
~ не красит, а горе не цветит 387
~ не уморит — а с ног собьет 387, 388
~ омрачила лицо лоб 387
~ отпускает кого 387
~ отражается (в глазах) 387
~ поражает кого-л. 300, 387
~ появилась (во взгляде) 387
~ светится в глазах 387
~ слышится в голосе 387
~ стесняет грудь кому-л. 300, 387
~ улеглась 387
~ утихает 387
безмолвная ~ 386
безнадежная ~ 386
безысходная ~ 386
бесконечная ~ 386
беспредельная ~ 386

в душе царит ~ 298
великая ~ 386
вызывать ~ у кого-л. 387
выражать ~ 387
глубокая ~ 386
жестокая ~ 386
затаенная ~ 386
избыть ~ 387
испытывать ~ 387
легкая ~ 386, 388
навевать на кого ~ 387
нагнать / навеять на кого-л. ~ 298, 388
невыносимая ~ 386
невыразимая ~ 386
немая ~ 386
одолеть [свою] ~ 387
побороть [свою] ~ 387
светлая ~ 330, 365, 386, 388
сладкая ~ 388
страшная ~ 386
тайная ~ 386
тихая ~ 386, 388
тяжелая ~ 386
ужасная ~ 386
печальник 388
печально 388
печальный 388
~ радость 365
Печорин 244
пиррова победа 41
писать «нетленку» 223
пламя
~ любви 328
~ страсти 329
платонические чувства 330
пленить
~ вселенского злодея 318
~ гения 318
~ героя 318
~ мудреца 318
пленка / пластинка с записанным на ней голосом 252
площадь 96, 97
повергнуть в печаль кого 387
по памяти
~ / по следам в памяти восстанавливать 188, 202, 207, 215
~ воспроизводить 207
~ воссоздавать 188, 202, 207
~ объяснять что-л. 84
~ переписывать что-л. 84
~ рассказывать, что-л. 84
~ рисовать что-л. 84, 188
~ учить что-л. 84
по правую / левую руку от меня 99
по следам
~ догадываться 215
~ обнаруживать что-л. 215
~ открывать что-л. 215
~ раскрывать что-л. 215
~ узнавать 215
по старинке 89
по старой памяти 89
~, что по грамоте 89
по старой привычке 89
победить скуку 383
повергать в трепет, в робость 315
погрешность 348
подвести 59
~ самого себя 60
поддаться чувству 296
поднять брови от удивления 365
поднять руку на кого в ярости / в гневе 301
подорвать веру 293
подражание 252
поза Наполеона 364
позади 99
познание 69
позор 30, 267, 270
пока жив(а), буду помнить, как 132

пока мы его помним, пока он остается в нашей памяти, он жив 218
пока мы помним ее, она живет 169
пока не увижу — не поверю 122
поклонение 317
поклонник 317
покорять величием 317
покрыть себя несмываемым позором 267
поле 97
~ Куликово 245
полет воображения 188
полоса 97
поляна 97
помещение 97
помин 22
поминальный 22
дни 218
записки 218
поминание 22
поминать 22, 218
поминки 22
поминовение 22
помни о смерти! 218
Помни! 272
помнить еще царя Гороха (царя Мамая и всю кротость его) 239
помнить неотчетливо
помнить(ся) 31, 32, 51, 67, 71, 73, 76, 94, 117, 213, 218, 268
Помню, как однажды / в детстве .. 168
помощница 183
помянуть 22
понимание 69—72
понимать 71
понимаю, но не помню / не запоминаю 73
попомнить 22
поприще 97
популярность 320
портрет 252
порядок 280, 282—286, 289—291, 309, 316
~ жизни 310
посвящение 314
поселиться в / на пространстве памяти 102
посещаемый памятник 114
последний
постарайся это забыть!
постареть 124
потемкинские деревни 372, 375
потеря памяти 162, 169
потерять
~ руку / часть руки 61
~ ногу / часть ноги 61
~ сознание 36
потомки 223
похожа
~ на кинозвезду 321
~ на Мерлин Монро 321
~ на топ-модель 321
похорошеть 124
поцелуй Иуды 369, 372
почитаемые православные реликвии 250
пошаливать 59
поэт 243
правда 310
праздность скуку любит 385
превозмогать скуку 288, 299, 383
предание забвению 262
предания 240
преданья старины 238, 242
предатель 243, 371
предательство 274
предать кого-что-л. / чье-л. имя забвению 22, 176, 216, 262, 263
предать

~ кого-что-л. анафеме 262
~ кого-что-л. казни 262
~ кого-что-л. осмеянию 262
~ кого-что-л. поруганию 262
~ кого-что-л. смерти 262
~ кого-что-л. суду 262
~ кого-что-л. забвению 22, 176, 216, 262, 263
~ чье-л. имя забвению 22, 176, 216, 262, 263
~ тело земле 262
~ самого себя 60
предвидение 196, 197
предупредить 275
предупреждение 275
предчувствие 197
прекрасна / красива как сама жизнь 310
прелестный 318
пресветлый(-ая) 315
престижность 320
при Петре I 168
при Сталине был порядок 291
привлекательный 318
прийти в сознание / в себя 36, 62, 63
принимать ванну 330
приносить в жертву красавиц 319
принцесса 312, 313, 316
~ Диана 318
принятие общественно важного закона 245
приобщение к русскому языку 351
приобщить 351
приобщиться
~ к высокому искусству 351
~ к духовным ценностям 351
припоминание 127, 134, 185, 248
припоминать(ся) 22, 95, 117
припомнить(ся) 22, 51, 95, 117
прислушиваться к памяти 91
причуды памяти 188
пробел 62, 96, 114, 128, 162, 163
провал 62, 72, 145, 159, 162, 164
провалиться 164
прозорливость 32
произведение искусства 253
прокрустово ложе 41
пролет 96
промежуток 96, 97
Прометей 280
пропади все пропадом! 216
пропуск 62
просвет 96
простое женское счастье 331
простор 97, 98
~ для воображения 188
~ между предметами 96
пространство 21, 30, 96—99, 102, 105
~ возле двери 98
~ вокруг дома 98
~ души 102
~ между небом и землей 98
~ между окнами 98
~ от земли до неба 98
~ памяти 102
~ ума 102
нащупать ~ 98
необозримое ~ 98
необъятное ~ 98
неоглядное ~ 98
обледенелое ~ 98
осваивать ~ души 103
освещенное ~ 98
очищенное ~ 98
пустое ~ 98
ровное ~ 98
свободное ~ 98, 103
тесное ~ 103
протекать 209
профессор 82
прошедшее 210, 211

прошлого не вернешь 210
прошлое 14, 22, 30, 104, 189—191, 196, 197, 210, 211, 213, 238
~ заговорило 90, 91
~ не подвластно времени 211
безвозвратное ~ 210
вычеркнуть ~ 204
давнее ~ 242
забыть ~ 204
недавнее ~ 242
очень давнее ~ 242
перечеркнуть ~ 204
прядь волос 253
птица высокого полета 79
пустота 62, 145, 307
путем-дорогою 332
Пушкин 318, 347, 375
Пушкин — это наше все 347
пушкинский
гений 330, 363, 364
места 245
пытаться
~ вообразить 183
~ вспомнить / припомнить/запомнить 184
~ заглянуть в чью-л. душу 106
Пьеро 244

работать
~ на будущее 223
~ на вечность 223
раб страстей 331
радость 202, 365
~ бурлит 109
~ передалась кому-л. 298
разбудить 319
развеять
~ грусть / тоску / печаль 299, 388
~ пепел по ветру 215—216
разговаривать с фотографией / с портретом 252
разгром 283
разделять с кем-л. какие-л. мысли / чувства 106
разлука 30
разогнать
~ грусть / тоску / печаль 299, 388
~ печаль / тоску-печаль 387
~ скуку 384
разом осветиться 144
разочарованные байронические юноши 369
разрушить веру 293—294
разум 14, 21, 65, 66, 68, 69, 189
район 97
ранние разочарования 366
раскаяние в грехах / в дурных поступках 269
рассеянный 87
~ профессор 82
рассеять грусть / тоску / печаль 299
рассмешить 319
расстановка 97
расстояние 96, 97
рассудок 14, 21, 28, 30, 36, 64—69, 189
рассуждать 67
рваться душою к чему-нибудь 31
реальность 123
ребенок 81
ревновать кого-л. к памяти кого-л. 178
революционный вождь 259
революция 245
река жизни 209
реликвия / реликвии 28, 249—250
~ времен войны 250
~ диккенсовских времен 250
~ и святыни 250
~ и сокровища 250
~ прошлого 250
~ Пушкина 250
репрессия 273

репродукция 252
ржа железо ест, а печаль сердце 387
рисовать 126
ритор 83
родина 222, 243, 253, 410
родина-мать 219
рожденный ползать, летать не может 371
роковые ошибки 273
роль личности в истории 224, 261
Ромео 37
рубцы 198
руины 253
рука 57, 60
рукой подать 99
русалка 368
русалочьи глаза 368
русский язык 345, 347, 348, 350—352
русский язык — это
~ язык великой русской литературы 347
~ язык Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского 347
рыба всплывает / погружается 212
рыцарь печального образа 367
рябина 253

с глаз долой — из сердца — вон 264
с горя загулять 302
с легким сердцем ⟨с легкой душой⟩ 390, 420
с ним не соскучишься 385
с печали не мрут, а сохнут 387, 388
с толков сбился 67
с тоски
~ загулять 109, 301
~ запить 109, 301
~ постареть 301
~ умирать 302
с тяжелым сердцем ⟨с тяжелой душой⟩ 390, 420
Сальери 370
сальериева мука 364
сальерическая зависть 330, 364
самое дорогое 219
самолет взлетает / садится 212
самый человечный человек 230
Саския 183
сатана 368
сатанинская гордость 329, 368
сбежать от своей памяти 269
сбоку 99
сверкнуть 144
сверх-память 22
свет 282, 311, 312, 315, 316
свет не видывал такой красавицы 313
светлейший(-ая) 315
[светлой] памяти кого-л. 39, 246
светлый 315
будущее 366
дорога к коммунизму 366
путь 366
светопредставление 284
свобода 20
Свобода, Равенство, Братство 327
свободный раб 331
своими глазами 122
святой 219, 343
государь царь 343
реликвия 250
священный 219
места 245
реликвия 250
сгинь, нечистая сила! 216
сделать что-л.
~ в ослеплении 296, 301
~, чтобы *добром поминали* 208
семейный
истории / предания / легенды 107
история 237

корни 239
рассказ 240
реликвия 250
узы 241
сердце 28, 36, 42, 57, 60, 67, 68, 95, 204, 297, 303, 390—393, 418, 429
~ затвердело 303
~ [не] справилось / [не] подвело 58
~ одеревенело 303
~ окаменело 303
~ окостенело 303
~ стало жестким 303
сердце падает / упало ⟨обрывается / оборвалось, отрывается / оторвалось⟩ 390
сестринские чувства 332
сзади 99
сигареты Петр I 372
сила 31, 58, 84, 315
~ воли / духа 84
~ жизни 310
~ мышц 84
~ ног 84
~ рук 84
силы изменяют кому-л. 59
сильно
~ желать 31
~ стремиться 31
сильное душевное движение 31
сиятельный(-ая) 315
сиять 142
склад 111
склероз 33, 162
скованный великан 345
скука 297, 331, 381, 385
~ [какой-л. (провинциальной, курортной, однообразной)] жизни 383
~ в глазах 384
~ в голосе 384
~ в душе 384
~ в лице 384
~ в сердце 384
~ во взгляде 384
~ застыла на лице (в глазах) у кого-то 384
~ нападает на кого-л. 300, 384
~ написана на лице у кого-л. 384
~ находит на кого-л. 300, 384
~ овладевает кем-л. 300, 384
~ одолевает кого-л. 300, 384
~ одолела кого-л. 288, 299
~ отражается (на лице, во взгляде, в улыбке) 384
~ охватывает кого-л. 300, 384
~ поселилась где-л. 384
~ появилась (на лице, во взгляде) 384
~ скучная 331, 332, 385
~ слышится в голосе у кого-л. 384
~ смертная 302, 383, 385
~ царит где-л. 384
~ царствует где-л. 384
~подступает к сердцу 298, 300, 384
безнадежная ~ 383
беспросветная ~ 383
в сердце поселилась ~ 298
дорожная ~ 383
жуткая ~ 383
злая ~ 385
мрачная ~ 383
мучительная ~ 383
невозможная ~ 383
невыносимая ~ 383
немая ~ 383
непередаваемая ~ 383
непобедимая ~ 383
непреодолимая ~ 383
отчаянная ~ 383
смертельная ~ 302, 383, 385
страшная ~ 383
тупая ~ 383
тяжелая ~ 383

убийственная ~ 302, 383
ужасная ~ 383
холодная ~ 383
щемящая ~ 383
скукотища 385
скучать 385
~ некогда 385
скучища 385
скучно 385
скучный 385
слаб памятью: что у кого возьмет – забудет; а что кому даст, помнит 165
слава 14, 21, 30, 261, 267, 317
~ и история 14
~ о ее красоте разнеслась 313
добрая ~ 267
дурная ~ 267
неувядаемая ~ 224
посмертная ~ 142, 224, 225
прижизненная ~ 224
след 30, 47, 103, 159, 187, 215
~ы жизни 215
~ы от болезни 198
~ы от ран 198
~ы печали (на лице) 387
слепые пятна 62
слух 58, 60
~ изменяет кому-л. 59
слухи о ее красоте разнеслись 313
слушать со скукой 384
смелый как лев 333
смерть 21, 30, 169, 214, 215, 217, 218, 251, 310, 312, 385
безобразная ~ 310
живая ~ 331
страшна как ~ 310
смокинг 375
смотреть
~ в пространство 98
~ на кого-л. с печалью 387
~ со скукой 384
смысл 66
со следами былой красоты на лице 314
собака Бетховен 372
совесть 30—32, 110, 121, 269, 304
советский
женщина 320
человек 243, 333
[со] всей душой ⟨всею душою⟩ ⟨всем сердцем⟩ 390
[со] всей душой ⟨всею душою⟩ ⟨всем сердцем⟩ 2
совсем вылетело из головы! 67
содом 283
создание могилы 217
создать себе памятник при жизни 224
сознание 28, 30, 64
Сократ 244
солнечный свет 312
солнце 311, 312
~ праведное 343
Соломон 244, 318, 371
соломоново решение 369, 371
Сольвейг 182
сомнение 31
сон 14, 56, 123, 190
соображение 66
сообразительность 28
сопереживание 107
сохранить
~ свой образ 223
~ свой след 223
сохраниться 104
сохранять верность памяти кого-л. 178
социалистический порядок 333
сочувствие 107
способности Пушкина 364

справедливость 20
среда обитания 114
Сталин 370
стар да мал — дважды глуп 80
старина 238, 239
старого учить, что мертвого лечить 81
старость 21, 30
старческий
маразм 80
склероз 80
старший брат 327
старый
времена 238, 239
дураки глупее молодых 81
человек 81
старый — что стареет, то дуреет 81
старый стареет — глупеет (дуреет) 81
старый, что малый, а малый, что глупый 81
стереть с лица земли 215
стержень добродетели 345
Стикс 214
стихия чувств 288
Сто дней 376, 377
столпотворение (вавилонское) 283—284
страдание 14
страна 97
страх 234, 299
стремление 31
строительство социалистического государства 351
студентка, комсомолка, спортсменка и, наконец, просто красавица! 320
стыд 269
сувенир 28, 104, 180
суворовские планы 328
судьба 20, 43, 44
~ художника 331
Суламифь 318
Сусанин 243
счастье 320
считать на умах 67
считаться красавицей 313
сшибся с памяти 67
сэндвич 375

таблица умножения 72
так вот на уме и вертится 67
так и стоит [у меня] перед глазами 128
так хочется удержать все это в памяти! 180
таким он и
~ запомнился 180
~ остался в [моей] памяти / в памяти дочери / в памяти родных и близких / сослуживцев / тех, кто его знал 180, 237
такого
~ на моей памяти не было 213
~ на моем веку не было 213
Тамара 318
Тартар 280
Татьяна 316
творчество 30, 187, 189, 199, 201
театр
~ Господа Бога 330
~ жизни 330
текст 22, 111, 246
~ Священного Писания 246
текущий момент 315
телесность 55
телесный 55
тело 55—57, 103, 110
темнота памяти 141, 145
терпение 329
территория 97
течение жизни 209

тиран 21, 243
толк 67
торт Наполеон 379
тоска 39, 297, 385, 388
~ гложет 109, 302, 304
~ гнетет 300
~ давит 300
~ душит 300, 326
~ заела 302
~ извела 288, 299, 300
~ ложится на сердце 298
~ мучит 300
~ наваливается / навалилась 288, 300
~ нападает 300, 326
~ преследует 300
~ смертная 302
~ сосет [сердце] 300
~ стесняет грудь 300
~ стесняет сердце 300
~ хватает за душу 300
~ест поедом 302
~ жмет / сжимает сердце 300
звериная ~ / скука 304
зверская ~ / скука 304, 383
тощища 385
травма 30, 120, 164
тренировка
~ памяти 66
~ ума 66
тургеневские девушки 367, 372
ты меня
~ еще [не раз] вспомнишь! 268
~ надолго / навсегда запомнишь! 258, 268
тьма 282
тягомотина 385

у него нет будущего 204
у тебя все еще [вся жизнь] впереди 199
убеждать 31, 90
убежденность
~, что [в обществе] существуют здоровые силы, которые не допустят повторения 273
убить
~ в себе зверя 305
~ время 331
~ кого-л. в ярости/в гневе 301
увековечивание имени 217
увековечить 214, 274
уверять 90
увещевать 31
увидеть 123
увядший
душа 366
юность 366
ударить в ярости / в гневе 301
удовольствие 14, 234
уйти
~ в прошлое 202
~ от своей памяти 269
улыбка Моны Лизы / Джоконды 330, 371
ум 21, 28, 30—32, 36, 42, 51, 64, 66—69, 95, 103—106, 189, 204
ум работает плохо, а память — хорошо 68
умозрение 102
унеси ты мое горе, раскачай мою печаль! 388
унижение 270
уничтожить в ярости / в гневе что-л. 301
уныние 297, 388
~ нападает на кого-л. 300
~ находит на кого-л. 300
~ одолевает кого-л. 300
~ охватывает кого-л. 300
~ придавливает кого-л. 300
упоминание 31, 32, 265
уроки жизни 272
услышать 123

успех 320
устав 72
установка памятника 217
устремить взор в пространство 98
утрата
~ памяти 66
~ разума 66
~ рассудка 66
утраченные радости 366
участок 96
ученый 82, 243
учиться жить по-ленински 364

фамильная реликвия 250
фантазия 190
фигура 103
~ умолчания 265
~ Шваценеггера 369
фильм 207
~ возвращает кого-л. в прошлое 207
~ возвращает прошлое 207
формула 72
формуляр 72
фотограф 83
фотография 207, 252
~ возвращает кого-л. в прошлое 207
~ возвращает прошлое 207
фраза 118

хандра 385
хаос 23, 280—291, 309
~ [чудных] звуков 280, 309
~ в голове 280
~ в делах 280
~ вещей 280
~ красок 280
~камней 280
~льдов 280
в голове ~ и сумбур 280
в доме ~ и бардак 280
красивый ~ красок 309
первозданный ~ 280
хорошенько запомни! 275
хорошо, давай все забудем! 269
хоть лоб взрежь, ничего не помню 67
храбрый как лев 333
храм 22, 113
хранение
~ воспоминаний 178
~ памяти 182
~ фотографий и личных вещей 217
хранилище 111, 113
хранить верность кому-л. 178
христианские реликвии 250
хроники 240
хронос 212, 213
художник 83

царевна 312, 313, 316
царевна-Несмеяна 319
царица 312, 313, 315, 316
царица королева-красавица 317, 318
царица Тамара 318
царица-волшебница 317
царство скуки 384
царь 315
царь Соломон 371
Цезарь 370
ценить 31
цитирование 265
Цицерон 371

Чапаев 243
частичная полная потеря
~ памяти 61
~ зрения / слуха 64
частные коллекции 250
человек 31, 103, 106, 212
~ без будущего 204
черт 344, 368

чертовский характер 368
читаться во взгляде у кого 384
что было, то было, то быльем поросло 210
что за скука [делать что-л.]! 385
чтобы не забывали 225
чтобы ничего не напоминало 181, 264
чтобы помнили 225
что-л. (взгляд, глаза) полное
~ печали 387
~ скуки 384
~ тоски и печали 387
что-л. видно в глазах у кого-л. 384
что-л. вновь возникло / появилось
~ в голове 204
~ в душе 204
~ в сердце 204
~ в уме 204
что-то с памятью моей стало 69
чувства
~ нападают 295
~ нахлынули 288, 331
~ поселяются в душе 295
~ приходят 295
чувство 23, 28, 102, 103, 106, 108, 109, 145, 326, 329
~ глубокого удовлетворения 366—367, 368
~ закралось в душу 104
~ печали 388
~ пришло 104, 298
~ скуки 385
~ ушло [куда-то] 104, 298
животное ~ 304
звериное ~ 304
зверское ~ 304
какое-л ~ влияет на человека 295
какое-л ~ воздействует на человека 295
какое-л ~ вошло в душу (в сердце) 297
какое-л ~ закралось в кого-л. 298
какое-л ~ затаилось в душе 298
какое-л ~ овладело человеком 295
какое-л ~ победило 295
какое-л ~ подкралось к сердцу 298
какое-л ~ поселилось в душе (в сердце) 297
какое-л ~ пришло 104, 297
какое-л ~ проникло в душу 298
какое-л. ~ (тоска, горе) поразило кого-л. 298
какое-л. ~ (тоска, горе) преследует кого-л. 298
ответить каким-л. ~м на чьё-л. ~ 106
ответить кому-л. каким-л. ~м 106
ответное ~ вспыхнуло в ком-л. 106
чудак 87
чудовище 31
чужая душа – потемки 106

шабаш 284
шалить 59
шахматист 83
Шахматово 245
Шварценеггер 148, 369
Шекспир 372
шельмование и травля со стороны «собратьев по перу» 335
широкий 106
ширь 97

эдипов комплекс 41
Эйнштейн 371
Элен Безухова 316
эон 211—213
эпизод 159
эпилепсия 162
эпоха
~ Пушкина 168
~ Шекспира 168

эрудит 76
это было во времена моей дружбы с Федором 168
это было
~ еще при жизни отца 168
~ на моей памяти 213
~ на моем веку 213
~ незадолго до смерти бабушки 168
это (мелодия, голос, смех) до сих пор звучит в моей памяти 154
это мне памятка вперед 272
это не должно повториться! 272
это не должно повториться, и мы этого никогда не забудем! 258
это очевидно 123
это случилось
~ в раннем детстве 168
~ до / после рождения ребенка 168
~ до войны 168
~ накануне перестройки 168
~ перед XX съездом партии 168
~ после окончания университета 168
~ после революции 168
~, когда мне было 10 лет 168
это событие врезалось в мою память 128
это я (мы) о своем, о девичьем 78
этот день
~ мы запомним навсегда! 204
~ надолго останется в моей памяти! 204
~ я запомню навсегда! 204
этот человек умер для меня 262
эту историю
~ рассказывал моему отцу мой прадед 240
~ я слышал от своего деда 240

югославский Жириновский 369
юдоль тоски и печали 387
Юрий Гагарин 243

я не должна этого забыть! 272
я понимаю
~, потому что я помню 71
~, это значит, я помню, 71
я слушаю что-л. и вспоминаю кого-л. 252
я смотрю на что-л. и вспоминаю кого-л. / думаю о ком-л. 252
я смутно помню этого человека 135
я сразу понял(а) / почувствовал(а) [неладное] 191
я так и
~ думал(а)! 191
~ знал(а)! 191
я тебе это попомню! 268
я часто думаю о тебе 177
я это запомню! 268
я это предчувствовал(а) / предвидел(а) 191
я этого тебе [никогда] не забуду! 22, 268
язык важен для патриота 348
яркий
образ 128
цвет 145
ярость 31, 32, 297, 303, 304
~ душит кого-л. 300
~ нападает на кого-л. 300
Ясная Поляна 245
я тебе этого никогда не забуду! 258

Alexander the Great (англ.) 370, 371
animal passion (англ.) 304
As brave as a lion (англ.) 333
Augustus (англ.) 370
aus Kummer ins Wasser gehen (нем.) 301
außer sich vor Zorn sein (нем.) 304
to be beside oneself with (англ.) 304
Be he a Solomon (англ.) 371

besinnungslos vor Wut sein (нем.) 301,303
blind vor Wut sein (нем.) 301
das Blut stockte in den Adern (нем.) 302
die Brust schmerzt mich vor Sehnsucht (нем.) 301
Brutus (англ.) 370
Byron 372
Caesar (англ.) 370
Casanova (англ.) 370
Casanova in Love (англ.) 370
Cicero (англ.) 371
Cleopatra (англ.) 371
Cleopatra
~lamp (англ.) 372
~ print (англ.) 372
to control
~ one's animal instincts (англ.) 305
~ the beast in oneself (англ.) 305
Daedalus (англ.) 371
Dante (англ.) 371
Darwinian (англ.) 369
Don Juan (англ.) 370, 371
Don Quixote (англ.) 372
Einstein (англ.) 371
er hat mich mit seiner Trauer angesteckt (нем.) 298
Faustian (англ.) 369
Freudian (англ.) 369
ein Gefühl
~ beschleicht mich (нем.) 298
~ dringt ein (нем.) 297
~ erfaßen mich (нем.) 299
~ ist verflogen (нем.) 298
~ kommt an (нем.) 297
~ löst sich auf (нем.) 298
~ regt sich in mir (нем.) 298
~ schlägt in j-n. wie ein Blitz ein (нем.) 298
~ senkt sich ins Herz (нем.) 297
~ verfolgt mich (нем.) 298
~ vergeht (нем.) 298
~ verraucht (нем.) 298
gegen die Langeweile ankämpfen (нем.) 299
gibson girls (англ.) 372
Gram
~ bricht mir das Herz (нем.) 300
~ drückt mir das Herz ab (нем.) 300
~ frißt an mir (нем.) 304
~ nagt an meinem Herzen (нем.) 304
~ nagt an mir (нем.) 304
grimmige Wut (нем.) 304
die Hand gegen jdn.
~ erheben (нем.) 301
~umbringen (нем.) 301
hatred gnaws away at someone's spirit (англ.) 304
das Herz
~ ist mir schwer vor Sehnsucht (нем.) 301
~ tut mir weh vor Sehnsucht (нем.) 301
Hitler (англ.) 370
Icarian complex (англ.) 371
Icarus 371, 372
Icarus complex (англ.) 371
Iesus Christ (англ.) 370
in Melancholie
~ verfallen (нем.) 301
~ versinken (нем.) 301
jdn. aus Zorn schlagen (нем.) 301
jdn. im Zorn erschlagen (нем.) 301
Judas (англ.) 370—372
Judas kiss (англ.) 372
Jules Caesar (англ.) 378
krank werden vor lauter Kummer (нем.) 301
Kummer
~ bedrückt mich (нем.) 300
~ drückt mich (нем.) 300

~ frißt mich (auf) (нем.) 304
~ lastet auf mir (нем.) 300
~ nagt an mir (нем.) 304
~ überwältigt mich (нем.) 300
den Kummer ersäufen (нем.) 301
Langeweile
~ beschleicht mich (нем.) 300
~ erfaßt mich (нем.) 300
~ ergreift mich (нем.) 300
~ lähmt mich (нем.) 300
~ überkommt mich (нем.) 300
Liberte, Egalite, Fraternite (франц.) 327
Little Corporal (англ.) 376
to make a beast of oneself (англ.) 304
Man of Destiny (англ.) 378
Mickey Mouse (англ.) 369
Mona Lisa (a Mona Lisa smile) (англ.) 371
mörderische Langeweile (нем.) 302
Mozart (англ.) 371
Mutlosigkeit
~ bedrückt mich (нем.) 300
~ befällt mich (нем.) 300
~ beschleicht mich (нем.) 300
~ erfaßt mich (нем.) 300
nagender Kummer (нем.) 304
Napoleon
~ blue (англ.) 379
~ boots (англ.) 379
~ brandy (англ.) 379
~ cherry (англ.) 379
~ pastry (англ.) 379
Napoleon of finance (англ.) 379
Napoleonic 378
Napoleon(s) (англ.) 370
~ ambitions (англ.) 364
~ battles (англ.) 369
~ guile and wide strategic design (англ.) 378
~ plans (англ.) 378
~ pose (англ.) 378
~ syndrome (англ.) 364
~ system (англ.) 369
Napoleonism (англ.) 378
Napoleonist (англ.) 378
to Napoleonize (англ.) 378
neo-Darwinian (англ.) 369
neo-Nietzschean (англ.) 369
Neurone (англ.) 370
pickwickian person (англ.) 372
potemkin village (англ.) 372
Sauwut (нем.) 304
die Sehnsucht zehrt an mir (нем.) 300
seine Freude hat sich auf mich übertragen (нем.) 298
seine Trauer überwinden (нем.) 299
Shakespear (англ.) 372
sich die Langeweile vertreiben (нем.) 299
sich fühlen wie ein Tier (нем.) 304
sich gehen lassen (нем.) 301
sich vor Kummer
~ aufhängen (нем.) 301
~ erschießen (нем.) 301
~ vergiften (нем.) 301
sol justiae (лат.) 343
Stalin (англ.) 370
sterben vor Angst (нем.) 302
sterbenslangweilig (нем.) 302
das Tier (den inneren Schweinehund) in sich selbst töten (нем.) 305
das Tier im Menschen wecken (нем.) 304
Trauer
~ hockt auf der Brust (нем.) 300
~ legt sich auf mein Herz (нем.) 298
~ legt sich über meine Seele (нем.) 300
~ überkommt mein Herz (нем.) 298
~ überkommt mich (нем.) 300
Traurigkeit

~ befällt mich (нем.) 300
~ beschleicht mich (нем.) 300
~ erfaßt mich (нем.) 300
~ ergreift mich (нем.) 300
~ hockt auf der Brust (нем.) 300
~ überfällt mich (нем.) 300
umkommen vor Angst (нем.) 302
Venus (англ.) 371
von Sehnsucht
~ ergriffen sein (нем.) 300
~ gepackt werden (нем.) 300
~ gequält sein (нем.) 300
vor Kummer
~ erstarrt sein (нем.) 301
~ gealtert sein (нем.) 300
~ gebeugt sein (нем.) 300, 301
~ Hand an sich nehmen (нем.) 301
~ vergehen (нем.) 301
~ verrückt werden (нем.) 301
vor Liebe vergehen (нем.) 302
vor Sehnsucht
~ sterben (нем.) 300
~ vergehen (нем.) 300
vor Wut
~ auf jdn. einschlagen (нем.) 301
~ beben (нем.) 301
~ blaß sein (нем.) 301
~ bleich sein (нем.)301
~ blind sein (нем.) 301
~ ersticken (нем.) 301
~ heulen (нем.) 301
~ keuchen (нем.) 301
~ rot anlaufen (нем.) 301
~ schäumen (нем.) 301
~ schnauben (нем.) 301
~ toll sein (нем.) 301
~ weiß sein (нем.) 301
~ wie von Sinnen sein (нем.) 301, 303
~ zittern (нем.) 301
wild rage (англ.) 304
wilde Wut (нем.) 304
Wordsworthian (нем.) 369
Wut
~ erfaßt mich (нем.) 300
~ packt mich (нем.) 299, 300
~ überkommt mich (нем.) 300
~ übermannt mich (нем.) 300
wutentbrannt (нем.) 301
wutschnaubend (нем.) 301
wutverzerrt (нем.) 301
Zorn
~ ergreift mich (нем.) 300
~ schnürte j-m die Kehle zu (нем.) 300
~ überkommt mich (нем.) 300
~ übermannt mich (нем.) 300
~ überwältigt mich (нем.) 299, 300
~ wütete in seiner Brust (нем.) 300
den Zorn wecken (нем.) 304

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Условные обозначения:

X (*см. ткж. У*) – страницы указаны на оба опорных слова (X и У)

X (*см. У*) – страницы указаны на одно опорное слово (У)

аксиология 75

актуализатор
  объектные ~ы 382
  субъектные ~ы 382

амбивалентность
  смысловая ~ 288

амбивалентный 257; 267; 308

амнезия 28; 162
  социальная ~ 274
  ~ источника 18; 195

аналог 28; 97; 134; 202: 302

антоним 28; 29 36; 286

антонимические отношения 280; 290; 370

архаический 14; 162; 279; 341; 342

слово 341

сознание 303

ассоциативный
  поле 246
  признаки 394
  ряд 254
  связь 139; 153; 266; 403
  характер 144

ассоциативно-коннотативный ряд 27; 29; 30; 32

ассоциация 155; 177; 200; 252; 253; 254; 284; 332; 388; 403; 406; 417

беспамятство 241; 262; 263; 273; 274
  историческое ~ 273; 274
  социальное ~ 274

бессознательное (-ый) *сущ.* и *прил.* 21; 51—55; 109; 305; 328

валентность; валентности 32; 307
  активные ~ 34
  левые ~ 34
  пассивная ~ 34
  правые ~ 34
  синтаксическая ~ 34

внутренний
  зрение 56; 95; 102; 106; 108; 109; 121; 128; 207; 329
  пространство 42; 95; 96; 99; 102—105; 109; 110; 118; 119; 126; 131; 133; 255; 297; 303; 304

внутренняя форма 14; 42; 237; 326

воображаемый; воображаемое (*сущ.*) 192; 195; 235; 246; 353; 356
  образы 235
  представления 234
  пространство 232
  сообщества 234; 235
  «Я» 119

воображение 81; 82; 237
  политическое ~ 227; 234; 235

воспоминание; воспоминания; воспоминаний (*род., мн.*) 13
  биографическое ~ 233
  живое ~ 235; 236

заученные ~ 54; 73
коллективное ~ 13
контрапрезентные ~ 233
личные ~ 148; 149; 335
неконтролируемое ~ 72; 144
обосновывающее ~ 233
спонтанные ~ 53; 73
травматические ~ 16; 270
~ на основе ассоциации 253
~ на основе замещения 252
~ на основе метафоры 254
~ на основе метонимии 252
~ на основе опосредованной интерпретации 254
~ на основе синекдохи 253
~ на основе сравнения 255
механизмы ~ 104; 248; 252; 254
процесс ~ 136; 137; 154; 212
фигуры 233; 242; 246
воспоминание-
осознание 144
текст 108
воспроизводимость 21; 326; 327; 356
воспроизводимый 23; 42; 190; 205; 237; 264; 354; 360; 362; 363; 367
высказывание 20; 22; 30; 35; 37; 41; 78; 89; 92; 110; 132; 174; 196; 198; 257; 258; 268; 269; 272; 283; 290; 308; 309; 328; 333; 339; 357; 360; 372; 396; 406; 407; 409; 416; 417; 419
вытеснение 265; 266; 358

генезис 290; 309
гипероним 28
гипоним 28
глагол 22; 31; 36; 37; 51; 59; 71—73; 89; 103; 104; 117; 123; 164; 198; 204; 205; 209; 214; 249; 262; 263; 269; 304; 351; 358; 403; 404; 409; 411; 412; 415; 419; 422
грамматический
ограничения на сочетаемость 332
статус 339
фактор 370
характеристика слова 376

демифологизация 345
дериват 22; 27; 29; 271; 369; 376; 378; 382
деривативное гнездо 376
деривационные связи 369
деривация 369
дефиниция 62; 189; 249; 280; 376
диалог 20; 65; 90; 93; 173; 206; 294; 336—339; 344; 345; 359; 372
диалогический 372
обмен 255
отношения 336; 337
реакция 336; 345
диахрония 326
дискурс 22; 29; 30; 40; 177; 196; 237; 244; 259; 283; 308; 309; 327; 328; 331; 332; 339; 341; 345; 353; 356; 362—364; 366; 371; 376; 392; 393
бытовой ~ / тип ~а 379
идеологический ~ / тип ~а 332; 335; 344; 366
исторический ~ / тип ~а 287
колониальный ~ / тип ~а 356; 357
литературный ~ / тип ~а 21; 93; 183; 197; 287; 327; 328; 331; 335; 343; 366; 371; 372; 379; 383
мифологический ~ / тип ~а 287; 328; 330; 331; 341; 392—394
мифопоэтический ~ / тип ~а 392; 400
народно-поэтический ~ / тип ~а 320; 331; 332; 368; 383 *см. также.* фольклорный ~
научный ~ / тип ~а 195
националистический ~ / тип ~а 357
политический ~ / тип ~а 290; 327; 328; 331; 335; 371; 372; 379
психологический ~ / тип ~а 379
публицистический ~ / тип ~а 371

расистский ~ / тип ~а 357
религиозный ~ / тип ~а 21; 65; 204; 216; 327; 331; 342; 368; 392—394 *см. ткж.* христианский тип ~а
романтический ~ / тип ~а 179; 253; 289; 348; 364; 379
семиотический ~ / тип ~а 192
социально-идеологический ~ / тип ~а 328; 331
социальный ~ / тип ~а 229
философский ~ / тип ~а 21; 91; 93; 192; 287; 328; 331; 371
фольклорный ~ 311 *см. ткж.* народно-поэтический тип ~а
христианский ~ / тип ~а 335; 400 *см. ткж.* религиозный тип ~а
художественный ~ / тип ~а 91
установка на ~ 331; 336

ерничество 338

забвение 22; 86; 160; 162; 165; 175—177; 181; 183; 208;213; 215—217; 227; 241; 258; 261—264; 267—269; 273
общественное ~ 214; 215
политика ~я 266
забывание 16; 61; 104; 127; 134; 136; 162; 164; 177; 181; 183; 241; 273
забытье 162; 177; 179; 215
заголовочный
единица 23; 389; 291
слово 375; 376
заклинание 299; 341
замещение 60; 121; 139; 192; 252; 254; 359
заполнитель 28; 34
запоминание; запоминания (*род., ед.*) 14; 22; 52; 71—76; 83; 85; 123; 126; 145; 146; 164; 179; 180; 203; 232; 245; 257; 267; 272
правила коллективного ~ 327
механизмы ~ 330
механизмы коллективного ~ 327
звукоподражание 341
знак 21; 34; 43; 103; 104; 106—109; 152; 189; 215 232; 260; 271; 287; 329; 332; 343; 360; 361
памятный ~ 48
смысловой ~ 151; 152
эстетические ~и 321
~ памяти 215
~и эпохи 242
система ~ов 227
знаковый 179; 203; 247; 332; 354
вещь 264
имя 241
код 109
лицо 168; 252
личность 245; 250; 258; 261
места 245; 252
образы 242
ситуация 253
событие 131; 166; 168; 213; 238; 241; 242; 245; 247; 260
тексты 242; 245
фигуры 242; 244; 252; 265
функция 179
значение 14; 27; 28 30; 35; 36; 40; 54; 55 71; 75; 80; 88; 95—98: 100; 102 105; 118; 128; 132; 150; 163; 164; 170; 185; 204; 207; 208; 214; 229; 236; 237; 241; 248; 263; 273; 274; 280; 281; 286; 288; 296; 303; 305; 306; 311; 312; 315; 334; 340; 351; 353; 355; 358; 359; 364; 388; 397; 399; 402—404; 406; 422; 423; 426

идентичность 15; 64; 70; 87; 124; 173; 230; 234; 235; 246; 247; 261; 325; 328; 333; 334; 335; 348; 362; 381
идеологема 346; 367
идиома 23; 247; 328; 363; 393
иллюстрация 23; 34; 44; 55; 59; 146; 156; 190; 289; 358; 376—378; 389—391; 394

имя; имена 14; 41; 71; 78; 85; 103; 168; 217; 218; 221; 234; 236; 241; 242; 246; 258; 259; 260; 262; 266; 267; 274; 282; 284; 288; 329; 332; 346; 347; 364; 368; 370; 371; 372; 376; 379
опорное ~ 392
признаковые ~ 375
~ абстрактной семантики 331
~ лиц 364; 367; 368
~ собственные 371
~ чувств 288; 293; 294; 295; 297; 302; 304
импликативная цепочка 312
импликатура
конвенциональная ~ 333
импликация 198; 275; 285; 286; 310
импликативно связан (относится, соотносится) 84; 86; 145; 160; 178; 198; 216; 409
имплицитно связан (относится, содержит) 262; 263; 296; 333
имплицитный 17
~ые конвенциональные знания 333
интенсификатор 302; 304
интерпретативные сообщества
интерпретация 307; 327; 331; 345; 367; 371; 372; 383; 392; 393; 400
историческая ~ 363
культурная ~ 363; 364
интертекст 40;
интертекстуальный 200
инфинитивный
конструкции 391; 419; 422
употребление 391
информация 14
грамматическая ~ 389
лексикографическая ~ 27
культурная ~ 330; 381
энциклопедическая ~ 376
ирреалис 188—190
историзм 341
историко-этимологический анализ 30
исторический
беспамятство 273; 274
личность 258
места 245
памятник 114; 115
история жизни 168; 237; 247

категория 55; 69; 97
вневременная ~ 211
ценностная ~ 86; 274; 349
~ возвышенного 258
~ времени 104
~ истинности / истинностная ~ 188; 189; 274
~ культуры / культурная ~ 18; 362
~ магического 296
~ эвиденциальности 189
~ этики / этическая ~ 15; 257
~ языка 327
каузальная связь 123; 246
квазиантонимические / квазиантонимичные отношения 120; 370
кинодискурс 244
китч 320; 353; 360; 361
клише 132; 167; 190; 223; 246; 310; 314; 334; 344; 345; 347; 353—355; 358—362
идеологическое ~ 149; 333
коллективное ~ 148
политическое ~ 327
речевое ~ 268
советские ~ 335
ценностные ~ 344
~ общественной памяти 237
клишегенное общество 321; 360
клишированный 360
выражение 384
высказывание / конструкция / фраза 22; 169; 174; 198; 258; 261; 290
мысли 360

представление 41
речение 340
сознание 360
чувства 360
когнитивный
анализ 32
аспект 294
карта слова 34
описание 69
подходы 34
предубеждения 356
процессы 70; 356
психология 113
свойство 110
схемы 153
коллективный 17; 18; 23; 40; 41; 54; 138; 150; 166; 238; 245; 265; 313; 362
бессознательное 328
воспроизведение / припоминание 327
коммеморация 249; 258
культурная воспроизводимость 327
культурная идентичность 87; 325; 333; 334; 362; 381
образ 229
представления 39; 41—44
прошлое 166; 168; 238
рефлексия 17
коммеморативный 229
знаки 228
места 23; 232
практики 22; 107; 229; 231; 237
коммеморация; коммеморации (*род., ед.*) 107; 236; 245
личная ~ 246; 249
общественная ~ 249
объект 245; 249; 259; 263—266
политика ~ 229
риторика ~ 228; 230; 242
комментарий 40; 43; 62, 188; 298; 302; 304; 376; 378; 383; 385; 388
культурный ~ 23; 246; 291; 327; 339; 381; 389; 391—395
коммуникативно-прагматический 85
коммуникативный 86; 90; 391
конвенционально закрепленный
выбор 371
смыслы 360
конвенциональный
импликатура 333
имплицитное 333
имплицитные знания 333
конверсивы 370
коннотативно связан 225
коннотативный
ассоциативно-коннотативные ряды 27; 29; 30; 32
поле 352
ряд 86
свойства слова 376
фон 23; 176; 338; 345—348; 350; 351; 392
коннотация; коннотации 16; 23; 70; 78; 88; 200; 243; 244; 260; 291; 337; 348—352; 372; 375; 376; 378
культурная ~ 23; 183; 294; 325; 326; 331—333; 336; 338; 340; 345; 352; 363; 372; 373; 375; 376; 392; 394
нейтрализация культурных коннотаций 338; 341;
отрицательные ~ 73; 80; 241; 274; 289; 297; 361; 418
положительные ~ 75; 172; 174; 353; 354; 371;
смена [культурных] коннотаций 244; 336; 338; 339; 341; 342; 344; 345
социокультурные ~ 148; 149; 174; 273;
ценностная ~ 88; 172; 249; 338; 340; 344; 345 347; 352
конструкт 13; 19; 20; 22; 49; 234; 283
культурный ~ 270; 291; 325; 331; 352; 381
культурно-языковой ~ 283
социокультурный ~ 241; 257

концептуализация 19; 50; 102; 113—115; 150; 153; 159; 294; 355
концептуализироваться 21; 189
концептуально
~ близок 127
~ связан 315; 316
~ согласовываться 22; 27; 32; 68; 76; 82; 122; 187—189; 213; 234; 269; 309
концептуальный 21; 290
анализ 36
близость 196; 315; 316
поле 20; 27; 36; 218; 318
словарь 36
согласование 14; 17; 21; 29; 30; 32; 34; 36; 122; 201
кореферентная связь; кореферентно связан 41; 80; 159; 242; 290; 339; 353
корпус 328; 370; 391
космогонические представления 309
кросскультурный
описание 372
соответствия 370; 373
словарь 372
крылатые слова 29; 41; 87; 210; 224; 260; 363; 370
культура; культуры (*род., и ед.*) 13; 15; 19; 36; 56; 67; 68; 71; 79; 81; 89; 99; 100; 102; 114; 159; 162; 170; 171; 176; 180; 193; 198; 199; 214; 219; 235; 241; 243; 272; 279; 283; 288; 289; 294; 307; 308; 311; 315; 325; 330; 331; 333; 336—340; 343; 345; 351; 353; 360; 361; 363; 364; 366; 367; 369; 371—373; 375; 377; 378
материальная и духовная ~ 294
помнящая ~ 17; 232; 233
традиционная ~ 232; 312—313; 320
элитарная ~ 354
~ как память (*см. память*) 18
археология ~ 47
установки ~ 331
культурный 17; 18; 21; 23; 30; 87; 162; 166; 183; 194; 216; 228; 232—236; 246; 250; 270; 271; 293; 297; 322; 326; 330; 331—334; 338—345; 347; 352; 359; 362; 363; 365; 367; 368; 372; 373; 376; 381; 400; 402; 405; 414; 416; 418; 419; 422; 424; 426; 428; 429
глухота 288; 333
код 86; 335; 339; 363
код настоящего 332
код прошлого 332
комментарий 23; 246; 291; 327; 381; 391—395
компонент в языке 325—328; 330
конвенции 323
концепт 37; 291; 294; 308; 392
лексикон 331
модальность 372; 373
мотивация 362
переводимость 333
преемственность 235
связанность 332; 363
след 173; 291
специфика в языке 325; 326
трансляция 326
культурно
~ маркированный 330; 343
~ обусловленный 326
культурно-
бессознательное 288
языковая энантиосемия 286
языковой конструкт 283
языковые сюжеты 281
языковые универсалии 326

латентное состояние 330
лексема 27; 29
лексика 334; 394
конкретная ~ 375
лексикографический 23; 32; 36; 37; 55; 70; 246; 377; 394
интерпретация 40
описание 27; 29; 36; 44; 69

представление 281
лексический 27; 28; 334; 345; 369
ограничения на сочетаемость 332
функции 32; 34; 381
лингвострановедение 330
личный 14; 15; 85; 89; 109; 142; 265; 334; 335; 391
локатив 382

масскультура 320; 321; 353; 354
местоимение 37
метанарратив 101; 111; 113
метапамять 17
метафора; метафоры 16; 17; 19; 21; 22; 29; 47; 56; 77; 79; 80; 90; 93; 95; 101; 103; 104; 110; 118; 121; 125—127; 145; 160—164; 187; 188; 210; 216; 227; 254; 293—295; 297; 316; 345; 397
базовая ~ 30; 36; 37; 54; 55; 114; 270; 271; 326; 328; 337; 399; 406; 407; 418
базовая ~ чувств 288
живая ~ 300; 326
мертвая ~ 300; 326
пространственные ~ 100—102; 109; 111; 115
развернутая ~ 35; 49; 113; 114; 128; 137; 156; 221
развернутая ~ государства 348
световые ~ 72; 141; 142; 144
стершиеся ~ 182; 326
~ диалога 336; 339
~ зверя 304
~ зеркала 336; 337
~ смерти 302; 303
метафорический 16; 17; 20; 29; 30; 34; 36; 37; 40; 95; 101; 104; 105; 110; 113; 136; 166; 210; 236; 266; 288; 293; 295; 297; 300; 303; 328; 331; 394; 399
иносказание 341
представление 309
употребление 375; 392
метаязык 32; 34; 37; 237; 337
метонимия 177; 252; 341
механизм 19; 21; 104; 123; 125; 126; 134; 139; 179; 181; 208; 227; 229; 231; 242; 246; 248; 252; 254; 257; 259; 267; 270; 327; 330
коллективный межличностный ~ 338
культурные ~ы 328
~ы метафоризации 328
миф 21; 65; 174; 233; 236; 279; 280; 283; 289; 290; 293; 295; 297; 299; 304; 309; 318; 329; 338
древнегреческие ~ы 303
~ и история 238
мифичный 318
мифологема 341; 367
мифологизация 231; 237; 242; 261; 318; 363; 364
мифологический
аллюзии 23; 280
мышление 295; 372
представления 47; 295; 300—301
составляющая 258
сюжеты 295; 297; 373
мифопоэтический
мышление 280
представления 284; 398; 402; 403; 405; 407; 409; 410; 412
мнемонический 15; 200
(знаковые) места 166; 232; 236; 242; 245; 246
(знаковые) образы (*см. тжж. образ*) 242; 246
(знаковые) события 242; 245; 246
(знаковые) тексты (*см. тжж. текст*) 242; 245; 246
множественное число 370; 376
модель
лексикографическая ~ 37
лингвистическая ~ 37
культурная ~ 17; 326; 333; 363

оперативная ~ 362
продуктивная ~ 369
~ «Смысл <=> Текст» 32
мотив
культурный ~ 372
устойчивый традиционный ~ 316
~ жертвенной красоты 319
~ смерти 302; 303
мотивационная база 328; 392; 393

нарративное ожидание 37; 44; 141; 145; 180; 313; 319; 332; 392
нарратив 18; 247; 307
нормативный 111; 294; 328; 362; 365

образ
архетипический ~ 295; 297
литературный ~ 367
мнемонические ~ы (*см. ткж. мнемонические*) 242; 246
народно-поэтические ~ы 367
персонифицированный ~ 182; 198; 312
устойчивые ~ы 21; 328
~ы трансцендентного 23; 209
образный
основание 42; 45
семантика (*см. семантика*) 36; 40
общее место 40; 41; 44; 166—168; 353; 360; 361
однородные члены 56; 66; 310
олицетворение 312
омоним 280
опорный компонент 297; 390; 391
оппозиция 68; 87; 214; 282; 283; 289; 326; 344; 349; 392
орфография 376; 377
отношение; отношения
~ аналогии 328
~ заимствования 328
~ обусловленности 54; 75; 328
отождествление по смежности 252
оценка
негативная ~ 355
эстетическая ~ 307; 309; 312; 315

памятная вещь 104; 179; 181; 183; 248; 249; 250; 251; 259; 263—266
память; памяти (*род., ед.*)
актуальная ~ слова 42
ассоциативная ~ 83
бытовая ~ 82; 87—89
внешняя ~ 71; 72
внутренняя ~ 71
долговременная ~ 88
естественная ~ 48; 51; 54; 55; 329
имплицитная ~ 18
индивидуальная ~ 16
интровертивная ~ 104
искусная ~ 14; 15; 47; 48; 50; 51; 54; 232; 329
историческая ~ 13; 17; 114; 142; 203; 227; 273—275; 355; 357
коллективная ~ 13; 15—17; 21; 142; 150; 169; 194; 197; 203; 216; 218; 221; 223; 224; 228—230; 232; 235; 237; 241; 242; 246; 249; 250; 257; 259; 264; 265; 267; 272; 273; 357; 361; 373
коллективная социокультурная ~ 317
коммуникативная ~ 17; 233; 250
компьютерная ~ 16
культурная ~ 13; 17; 18; 23; 30; 232; 233; 235; 250
личная ~ 109; 142; 166; 235—237; 240; 246; 249; 250; 257; 259; 264; 267; 272
логическая ~ 35; 38; 83; 127
ложная ~ 93; 195
метаязыковая ~ 22
механическая ~ 83
миметическая ~ 250
надличностная ~ 169
народная ~ 237; 341

национальная ~ 230
недекларативная ~ 18
неофициальная ~ 230
неспонтанная ~ 22; 23; 54
образная ~ 35; 38; 83; 126; 127; 207
общественная ~ 166; 169; 214; 215; 235—237; 240; 246; 250; 257; 259; 264, 265; 267; 272
общественная культурно-языковая ~ 327; 328; 368; 377
общественная социокультурная ~ 149
официальная ~ 230
предметная ~ 250
процедурная ~ 18
публичная ~ 229; 230; 232
репетиционная ~ 197
ритуальная ~ 22
семантическая ~ 18
семейная ~ 80; 240; 241; 265
скрытая ~ 30
~ слова 23
слуховая ~ 83
социальная ~ 22
социокультурная ~ 227; 315; 317
спонтанная ~ 21; 197
телесная ~ 198
фиктивная ~ 91
экстравертивная ~ 104; 249
эмоциональная ~ 33; 38; 83; 126; 127
эпизодическая ~ 18
этимологическая слова ~ 23, 30
аксиология ~ 73
дискурс ~ 254; 259; 261; 272
институт ~ 23
овеществление ~ 179; 249; 259
институциональная функция ~ 17
интерпретативная функция ~ 159; 183; 189; 190
~ как социальный институт 17
нарративная функция ~ 166
реверсивная функция ~ 159; 202
риторика (фразеология) ~ 258
~ социума 17
стратегия сохранения ~ о себе 272
селективная функция ~ 159
общественная культурная ~ 328
~ языка 17
языковая функция ~ 23; 332
культура как ~ 18
память-
воображение 35; 54; 55
время 134
желание 121
любовь 181
привычка 54; 73; 85; 87
творчество 115, 200
травма 120, 121, 271
хранилище 50; 54
панхронический подход 326
парадигматика 339
парадигматический
отношения 370
связи 153; 369; 370
параллельные конструкции 310
параметры
категориальные ~ 382
идентификационные ~ 382
предикативные ~ 382
период
архаический ~ 341; 342
иронический ~ 338; 339; 345
исторический ~ 338; 339; 341; 345; 352
профанный ~ 338—340; 342; 344; 345
ценностный ~ 338—340; 345
персонификация 315; 326
поговорки 58; 67; 68; 80; 81; 85; 87; 89; 123; 208; 210; 387
помета 27; 28; 75; 105; 241; 391
помнящая культура 17, 232, 233
понятие 13; 16; 18; 50; 65; 70; 157; 164; 170; 184; 194; 195; 230; 232; 233; 283; 353; 354; 361; 368
ключевое ~ 280

пословицы 67; 80; 81; 85; 87; 241; 387
практика; практики
дискурсивные ~ 179; 218; 287; 320; 325; 376; 392
жизненные ~ 359
коммеморативные ~ 22; 107; 229; 231; 237
культурные ~ 30; 166; 216; 218
мемориальная ~а 17
повседневные ~ 42; 245; 264; 268; 275
религиозные ~ 217
речевые ~ 268; 275
светские ~ 220
социокультурные ~ 217
~ забвения 262—264
~ заговоров 333
~ увековечивания 22; 258; 259; 261; 267
предложение 37; 102; 362; 391
предсознательное 265
прилагательное 31; 76; 103; 172; 174; 314; 360
произносительные нормы 376
психоанализ 47; 114; 115; 293

реальное 104
редукция 42; 208; 353; 371
реинтерпретация 232; 244; 331
референциальная связь; референциально связан 44; 163; 280; 310; 312; 321; 351
референциальное употребление 368
ритуал 21; 30; 42; 44; 180; 183; 217; 225; 258; 262; 279; 299; 313; 315; 330; 341

сакрализация 259; 341; 343; 344
сакральный
слово 341
эпитеты (*см эпитет*) 343
язык (*см. язык*) 341; 342; 347
семантика 19; 34; 37; 40; 170; 294; 331; 336; 339; 353; 358; 360
культурная ~ 322; 326; 335
семантико-синтаксическая роль 34
семантический
анализ 326
ограничения на сочетаемость 332
описание 294; 326
отношения 315
связь 34
структура 315
семиотика 162; 359
семиотические системы 337
семы 78; 331
символ
социальные ~ы 148; 149
~ эпохи 198; 242
символико-мифологическая перспектива 295
символизация
цветовая ~ 311
символизм
политический ~ 230—232; 237
символическая роль 250
символьное значение 340
синекдоха 253; 254
синоним 28; 36
синонимический
дублеты 341
ряды 27—29; 96; 321; 360
синтагматика 339
синтагматические связи 153; 369
синтаксическая деривация; синтаксические дериваты 369
синхрония 326
синхронное описание; синхронный анализ 326
сказуемое 391; 402; 412; 414; 419
словарный
описание 40; 97; 281
статья 23; 34; 36; 71; 77

слово-конструкт 20; 23; 95; 280
слово-концепт 29; 30; 32; 34; 36; 37; 40; 42; 44; 47; 59; 96; 166; 207; 209; 215; 237; 280; 287; 317; 325; 391
словообразовательный
гнездо 29
модели 369
словосочетание; словосочетания
метафорическое ~ 20; 37; 95; 104; 266; 293; 295; 297; 300; 328; 331
оксюморонное ~ 331
плеонастические ~ 331
свободные культурно маркированные ~ 330
свободные культурно немаркированные ~ 330
стереотипное ~ 166; 331
устойчивые культурно маркированные ~ 330
устойчивые культурно немаркированные ~ 330
устойчивые метафорические ~ 37; 95; 279; 328
устойчивые неметафорические ~ 363
устойчивые ~ 37; 95; 279; 328; 330; 363
словоупотребление 39; 40; 44; 115; 154; 321; 352
смысловой
компоненты 29; 37; 77; 79; 243; 250; 286; 309; 344
отношения 30; 289; 311
социум 13; 16; 17; 37; 64; 74; 78; 114; 174; 208; 215; 216; 222; 228; 230; 234; 242; 246; 258; 274; 296; 309; 313; 360—362
сочетаемость
идиоматическая ~ 34
метафорическая ~ 30; 40
несвободная метафорическая ~ 288
устойчивая метафорическая ~ 36
сочинительные конструкции 66; 97
сравнение; сравнения 17; 113; 124; 144; 254; 255; 316
световые ~ 72
стеб 338
стереотип
активный ~ 368
вторичные ~ы дискурса 362; 363; 364
культурный ~ 365; 366
литературный ~ 357
националистические ~ы 357
национальные и расовые ~ы 230; 355
пассивные ~ы 368
первичные ~ы дискурса 362; 363; 364
расистские ~ы 357
рефлексивный ~ 364
речевой ~ 357
социокультурный ~ 371; 372
~ дискурса 300; 328; 331; 335; 363; 368; 372; 373; 375; 377
~ы возраста 355
~ы пола 355
стереотипизация имени собственного 371
стереотипный
высказывание 30; 37; 41
представление 18; 30; 76; 77; 79; 86; 172; 315; 333
стратегия; стратегии
деструктивные ~ 272; 356
дискурсивные ~ 356
коммуникативные ~ 85
поведенческие ~ 270
речевые ~ 263
социальные ~ 21; 22; 85; 107; 164; 166; 223; 257; 258
~ бытового поведения 272
~ поведения 279; 362
~ увековечивания 22; 23; 107
стилистический

игра 67; 161
помета 389
субъект
~ речи / письма 326; 330

текст
литературный ~ 23; 41
мифопоэтические ~ы 319
мнемонические ~ы (*см. ткж. мнемонические*) 242; 245; 246
невербальные ~ы 255
свернутый ~ 40
фразеологический ~ 37; 40—45
художественные ~ы 23; 40—45
толкование 27; 35—37; 42; 55; 56; 59; 72; 74; 80; 97; 110; 183; 210; 214; 216; 355; 376
толковый словарь 28; 55; 69; 74; 96; 102; 222; 250; 273; 280; 291; 341; 351; 358
традиция 13; 15; 36; 65; 70; 89; 193; 199; 227—230; 235; 237—239; 326; 341; 355; 358
трансформация 104; 119; 139; 151; 195; 249; 305; 327; 344; 373
троп 49; 255; 341; 360
тропеический 383

узус 106; 204; 294; 297; 328; 368; 375
употребление 29; 37; 44; 47; 55; 101; 125; 160; 190; 192; 196; 237; 243; 250; 274; 280; 281; 285; 291; 321; 338; 340; 343—345; 347; 355; 357; 359; 368; 370
устойчивость; устойчивости (*род., ед*.) 327
механизмы ~ 328
устойчивый 23; 42; 190; 237

фигуры
~ умолчания 265; 274
фиктивное прошлое 91
фон 23; 136; 137; 139; 175
фонетика 376; 377
фразеологизация 370; 392
фразеологизм 20—23; 27; 28; 36; 40; 44; 47; 99; 225; 237; 275; 288; 295; 328; 392
глагольные ~ы 391
фразеологический
единица 21; 47; 53; 294; 339
значение 36
текст 37; 40—45
фразеология 20
фреймовый
семантика 381
структура 382
функция
магическая ~ 15; 48; 180; 341
социальная ~ 16; 64; 321; 353; 358
характеризующая ~ 321
эстетическая ~ 341; 342
~ хранения 332

хтонический 299; 300; 303; 304

ценностный
смысл 287; 338
~ характеристика 320
ценность 44; 74; 82; 171; 172; 203; 204; 228; 250; 253; 272—274; 310; 320; 343; 346—348; 350; 352; 353
цикличность смены коннотаций 338
цитата 75; 85; 87; 111; 246; 260; 327; 363
анонимная ~ 40; 45
цитатный 383

Чего нам нельзя забыть? 233
человек чувствующий 295
Что есть ...? 20; 37; 44; 322; 331; 392
Что есть красота? 20; 37; 307; 308; 331; 392
Что есть память? 20; 37; 39; 392

чувства 13; 19; 23; 28; 51; 59; 60; 64; 67; 70; 103; 104; 106; 108; 109; 125; 145; 154; 157; 158; 173; 176; 177; 192; 202; 229; 280; 285; 288; 289; 293—304; 326; 329; 331; 332; 350; 360; 361; 363—366; 368; 382; 383; 386; 388; 389; 397; 400; 405; 406; 410—412; 414; 419; 420; 424—426
отрицательные ~ 288; 297; 300; 301; 303; 393; 407; 414; 418; 419; 422; 428; 429
базовая метафора чувств (*см. метафора*) 288
власть чувств 295; 296
имена чувств (*см. имена*) 288; 293—295; 297; 302; 304

эмоции 294—296; 364—366
энантиосемия 286
эпитет 28; 106; 120; 187; 219; 343
постоянный ~ 312; 315
световые ~ы 200; 315
эпоним 23; 237; 368—372; 375—377
контрастивный словарь ~ов 375; 376
монокультурные ~ы 372
поликультурные ~ы 372
~ы-синонимы 370
этимологический анализ 30; 326
этимология 14; 30; 99; 170; 214; 215; 219; 237; 327
этические прескрипции 22; 208; 257; 269

язык
идеалистический ~ 307; 322
русский литературный ~ 346—348; 350
церковнославянский ~ 336; 343; 346—349
близкородственные ~и 326
~ <=> дискурс 327
~ <=> культура 336
~ и культура 39; 68; 79; 99; 102; 114; 159; 171; 176; 180; 214; 219; 241; 242; 288; 294; 308; 325; 337—340; 345; 371—373
порядок ~а 282
структура ~а 294
языковой
единица 237; 294; 327; 340; 343
канон 343
клише 310; 362
код 339
концептуализация 50; 150; 153; 159; 294; 328
политика 346
прием 340

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ

В. М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика. 432 с. 2005.

В. М. Алпатов. История лингвистических учений, 4-е изд. 368 с. 2005.

А. Ю. Андреев. Русские студенты в немецких университетах XVIII — первой половины XIX века. 432 с. 2005.

А. К. Байбурин. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. 224 с. 2005.

П. М. Бицилли. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. 808 с. 2006.

А. В. Бондарко. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. 624 с. 2005.

А. П. Бужилова. Homo sapiens: История болезни. 320 с. 2005.

А. А. Булычев. Между святыми и демонами: Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. 304 с. 2005.

Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков / Сост. Б. А. Успенский. 856 с. 2004.

Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. 624 с. 2006.

Гендер и язык. 624 с. 2005.

Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 12. 888 с. 2005.

Л. А. Гоготишвили. Непрямое говорение. 720 с. 2006.

В. П. Григорьев. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка: Избранные работы. 1958—2000-е годы. 816 с. 2006.

В. М. Живов. Восточнославянское правописание XI—XIII века . 312 с. 2006.

В. М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. 656 с. 2004.

А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект – 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995—2003 гг. 872 с. 2004.

А. А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. 2002. – I–VIII, 752 с. 2002.

А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. 352 с. 2004.

Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. 544 с. 2005.

Вяч. Вс. Иванов. Избранные труды по семиотике и истории культуры.

Т. I. 912 с. 1998.

Т. II. 880 с. 2000.

Т. III. 880 с. 2004.

Вяч. Вс. Иванов. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. 208 с. 2004.

С. А. Иванов. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» миссионера? 376 с. 2003.

С. А. Иванов. Блаженные похабы: Культурная история юродства. 448 с. 2005.

О. Б. Йокояма. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. 424 с. 2005.

А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Части 1–2, 880 с. 2003.

М. И. Каган. О ходе истории. 704 с. 2004.

Г. Е. Крейдлин. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. 224 с. 2005.

Т. Леннгрен. Соборник Нила Сорского.

Ч. 1. 472 с. 2000.

Ч. 2. 512 с. 2002.

Ч. 3. 584 с. 2003.

Ч. 4. 568 с. 2005.

Ч. 5. 488 с. 2005.

Н. А. Любимов. Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний. В 3 т.

Т. I. 416 с. 2000.

Т. II. 416 с. 2004.

Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. 480 с. 2005.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / Под ред. акад. Ю. Д. Апресяна. 1488 с. 2004

Н. С. Павлова. Природа реальности в австрийской литературе. 312 с. 2005.

Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. 608 с. 2004.

Н. М. Первухина-Камышникова. В. С. Печерин: Эмигрант на все времена. 360 с. 2006.

Л. И. Сазонова. Литературная культура России. Раннее Новое время. 896 с. 2006.

В. В. Седов. Избранные труды: Славяне. Древнерусская народность. 944 с. 2005.

Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А. А. Реформатского. 768 с. 2004.

О. А. Смирницкая. Древнегерманская поэзия: Каноны и толкования. 176 с. 2005.

А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка.

Т. 1. 712 с. 2004.

Т. 2. 688 с. 2006.

Л. А. Софронова. Культура сквозь призму поэтики. 832 с. 2006.

Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI — начала XII века.

Т. 1. Фототипическое издание. 256 с. 2006.

Т. 2. Наборное воспроизведение и словоуказатель. 456 с. 2006.

Т. 3. Исследования. 256 с. 2006.

В. Н. Топоров. Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие.

Кн. I. 912 с. 2001.

Кн. II. 928 с. 2003.

В. Н. Топоров. Исследования по этимологии и семантике.

Т. I: Теория и некоторые частные ее приложения. 816 с. 2004.

Т. II: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 1. 544 с. 2006.

Т. II: Индоевропейские языки и индоевропеистика. Кн. 2. 728 с. 2006.

Бранко Тошович. Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. 560 с. 2006.

О. Н. Трубачев. Труды по этимологии: Слово. История. Культура.

Т. 1. 800 с. 2004.

Т. 2. 664 с. 2005.

Н. М. Тупиков. Словарь древнерусских личных собственных имен: С прил. 1032 с. 2005.

Б. А. Успенский. Крест и круг: Из истории христианской символики. 488 с. 2006.

Б. А. Успенский. Крестное знамение и сакральное пространство. 160 с. 2004.

Б. А. Успенский. Часть и целое в русской грамматике. 128 с. 2004.

Б. А. Успенский. Историко-филологические очерки. 176 с. 2004.

Д. В. Фролов. Арабская филология: Грамматика, стихосложение, корановедение: Статьи разных лет. 440 с. 2004.

С. В. Чирков. Археография в творчестве русских ученых конца XIX — начала XX века. 320 с. 2005.

Т. Б. Юмсунова. Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. 288 с. 2005.

Е. М. Юхименко. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. 240 с. 2005.

Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. 976 с. 2005.

Б. И. Ярхо. Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы. 927 с. 2006

Наталья Георгиевна Брагина

ПАМЯТЬ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

Издатель А. Кошелев

Корректор М. Суворова

Оригинал-макет изготовлен Л. Гоготовой
Художественное оформление переплета А. Григорьева

Художник-консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 07.12 2006 Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Baskerville.
Усл. печ. л. 26,5 Тираж 800. Заказ № 1768

Издательство «Языки славянских культур».
№ госрегистрации 1037789030641.
Phone: 207-86-93 E-mail: Lrc@comtv.ru
Site: http://www.lrc-press.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (095) 247-17-57, тел.: 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 2, стр 1
(Метро «Парк Культуры»)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru